Городецкий Г.

Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз

(автор книги полемизирует со взглядами В.Суворова, высказанными в его книге "Ледокол". Обратившись к анализу сталинской политики накануне вторжения германских войск, он сосредотачивается на исследовании событий последнего предвоенного года.)

Аннотация издательства: Опираясь на обширную источниковую базу, автор книги полемизирует со взглядами В.Суворова, высказанными в его книге "Ледокол". Обратившись к анализу сталинской политики накануне вторжения германских войск, он сосредотачивается на исследовании событий последнего предвоенного года.

Предисловие

Немногие события XX века можно сравнить по значимости с операцией "Барбаросса". Она оказала огромное влияние на ход Второй мировой войны и ее последствия. В связи с пактом Молотова — Риббентропа и нападением Германии на Советский Союз вспоминаются анекдотичные эпизоды: Вячеслав Молотов, советский нарком иностранных дел, пьющий за успех вермахта после оккупации Польши в 1939 г.; генерал Гудериан, вместе с советским коллегой наблюдающий совместный парад Красной Армии и своих танковых соединений в Брест-Литовске в честь раздела Польши; последний состав с советскими промышленными товарами, отправленный на занятые Германией территории и встреченный в ночь на 22 июня 1941 г. гулом германских орудий{1}. Эти эпизоды акцентируют внимание на так называемой теории "ножа в спину", поскольку пакт до сих пор воспринимается как наиболее очевидная и непосредственная причина Второй мировой войны. То, что всего два года спустя Германия и Советский Союз были вовлечены в войну беспрецедентных масштабов, исход которой обеспечил Союзникам победу над нацистской Германией, видимо, одна из иронических гримас истории.

Ступить на эту хорошо вспаханную почву меня побудила публикация в 1985 г. В.Резуном (более известным как Суворов), советским военным разведчиком-перебежчиком, серии статей, впоследствии переработанных в книги. Суворов изобразил Советский Союз в июне 1941 г. не жертвой, а злодеем. Он сделал абсурдное и безосновательное заявление: на протяжении 1939 — 1941 гг. Сталин тщательно готовился к революционной войне с Германией. Операция "Гроза" была назначена на 6 июля 1941 г., но сорвана нападением самого Гитлера на Советский

Союз. Захватывающее открытие: проводя свою внешнюю политику, Сталин, как и Гитлер, следовал генеральному плану достижения мирового господства путем превращения Второй мировой войны в войну революционную{2}.

Я скрестил шпаги с Суворовым сразу, как только он выдвинул свои идеи{3}. Однако восторженный прием "Ледокола" в России и нежелание российских военных историков и специалистов по истории дипломатии ответить ему заставили меня опубликовать в Москве развернутое опровержение под названием "Миф "Ледокола""{4}. Как бывший мастер дезинформации в ГРУ, Суворов использовал тот факт, что рассматриваемый период окружен мифами и ложными слухами, большая часть которых распространялась в свое время намеренно. Впоследствии они были некритически восприняты некоторыми историками, не только из-за недостатка достоверной информации, но и по причине политической поляризации в эпоху холодной войны, поощрявшей подобный подход. Популярность, завоеванная поверхностным и лживым творением Суворова в России и многих странах Запада, показала, что самая старая и навязшая в зубах ложь — всегда самая живучая. Его книги возрождают старые мифы, последовательно и намеренно нагромождают препятствия на пути к истине, вульгаризируя сложную ситуацию.

Процесс формирования нации, особенно с использованием революционных средств, всегда обрастает мифами. Официальный культ Великой Отечественной войны в Советском Союзе породил и всячески прокламировал общепринятую версию истории войны{5}. Пять десятков лет официально санкционированные воспоминания о войне являлись главной связующей силой в коллективной социальной памяти советского народа. Они скрывали преступления Сталина, прославляя его вклад в победу, и позднее использовались Хрущевым и коммунистическим руководством, чтобы завоевать общественную поддержку. В результате история войны превратилась в причудливую смесь фактов, лжи и "белых пятен", заслоняющих от народа истину. По очевидным причинам эпоха пакта Молотова — Риббентропа и катастрофического начала войны больше всего претерпела от советских историков. Святыня была столь неприкосновенна, что пала последней после развала СССР. Пала, однако, от рук иконоборцев, которые, в пылу развенчания мифов, создали столь же искаженную и политизированную картину войны. В итоге "белые пятна" заполнились ложными теориями (суворовская — яркий тому пример), принятыми как новое евангелие.

Суворовские взгляды не заслуживали бы серьезных академических комментариев, если бы их обнародование не совпало по времени с началом Historikerstreit{*1}, яростных дебатов о смысле и ходе германской истории{6}. В общем и целом суворовские аргументы подкрепляли аргументы Нольте в пользу рациональности и закономерности политики нацистской Германии. Если Сталин в самом деле замышлял "освободить" Центральную Европу, то решение Гитлера воевать с Советским Союзом не может больше рассматриваться как осуществление идеологических клише "Майн Кампф", или стратегическая глупость, или слишком поспешный акт агрессии. В Германии "Ледокол" помог профессорам Нольте, Хоффману, Мазеру и Посту "простить" Гитлеру поход на Восток как упреждающий удар. Война оправдывается германскими геополитическими интересами и угрозой, которую ненавистный сталинский режим представлял для Германии и цивилизованного западного мира{7}. Австрийский историк Эрнст Топич пошел еще дальше, заявляя в своей книге "Сталинская война", что Вторая мировая война "была по сути советской атакой на западные демократии, в которой Германия... послужила лишь военным суррогатом"{8}. И для новой историографии, и для сути дебатов в целом общей является неспособность привести хоть какое-то новое доказательство в подкрепление подобных утверждений. Разговор сводится, по существу, к теоретическому анализу советской внешней политики накануне войны и обнаруживает жесткую идеологическую заданность.{9}

Когда я писал опровержение на суворовский опус, меня все меньше и меньше удовлетворяла обширная литература о пакте Молотова — Риббентропа и операции "Барбаросса" в целом. Стало ясно, что, развернув дебаты вокруг второстепенного вопроса об упреждающем ударе, Суворов отвлек историков от вопросов фундаментальных. Из них главный, до сих пор ускользающий от их внимания, — какое-либо убедительное объяснение решения Гитлера напасть на Советский Союз. Различный политический климат, по-видимому, порождает разные истолкования. Данный вопрос никоим образом не является центральным в моей книге, и я не претендую на то, чтобы вынести окончательное суждение по этому поводу. Однако, сопоставляя недавно открытые советские архивные источники с германскими, можно было бы восстановить документально подтвержденную последовательность событий, раскрыв обстоятельства, приведшие Гитлера к принятию Директивы 21 в декабре 1940 г.

Главная задача этой книги — освещение политики Сталина накануне войны. После более полувека исследований сталинская политика все еще остается, по словам Черчилля, "тайной, покрытой мраком". "Тоталитарная модель", построенная в эпоху холодной войны, чтобы спроецировать на нового противника вражду, испытываемую к прежнему, ничего не объясняет. Все, на что способны ее приверженцы, это до упора настаивать на родстве марксизма с нацизмом{10}. Почти полное отсутствие сведений о сталинских замыслах и стратегии накануне войны заставляет историков или подозревать его во всех смертных грехах, или соглашаться с Черчиллем в том, что Сталина и его генералов следовало бы гнать как "плохих работников Второй мировой войны, которых обвели вокруг пальца по всем пунктам: в стратегии, политике, способности предвидеть будущее"{11}. Скупые свидетельства, появившиеся вскоре после смерти Сталина, исходили от военных. Маршалы воспользовались своим могущественным положением после прихода к власти Хрущева, чтобы снять с себя ответственность за катастрофу 22 июня и свалить всю вину на Сталина. Но обильные военные мемуары — книги и статьи — рассматривали события сугубо с военной точки зрения{12}. В дальнейшем акцент на теоретический фундамент и ментальные корни конфликта увел дебаты в сторону от реальных предвоенных событий. Не делалось серьезных попыток проследить изощренную политическую игру, затеянную Сталиным и связанную с его военной стратегией и политическим видением ситуации. Отсутствие четких сведений о сталинской политике в итоге завело историков в тупик{13}.

Главное достоинство данной книги — последовательный анализ сталинской политики накануне германского вторжения, не только бросающий вызов общепринятым интерпретациям, но и рождающий совершенно новое освещение событий. За исключением вводной статьи, в книге не идет речь о переговорах, приведших к заключению пакта Молотова — Риббентропа, и немедленных откликах на него; беспринципное использование секретных протоколов с достаточной полнотой рассмотрено за последние несколько лет. В центре внимания — год, предшествовавший войне. Серьезный недостаток большинства работ по военной истории и истории дипломатии этого периода — изучение его вне связи с общим контекстом событий. Редко вспоминают, что всего лишь за год Европа подверглась величайшим политическим изменениям в своей истории. Каждое из этих изменений, начиная с Норвегии и Дании на севере, затем

вторжения в Нидерланды и Францию и до проникновения на Балканы, непосредственно сказывалось на советской политике. Когда, в конце концов, разразилась
война титанов, она стала отправной точкой для историографии, заслонив предшествовавшую ей политическую драму.

Основным недостатком, который призвана устранить эта книга, всегда была тенденция исследовать данный эпизод на основе германо-советского сотрудничества в 1939 — 1941 гг. Анализируя политику Сталина лишь в контексте германо-советских отношений, историки упускали из виду столь же сложные и важные отношения с Британией, а также с Турцией и Балканскими странами{14}. Этот недостаток усугубляется неспособностью свести в единый фокус различные географические и тематические аспекты. Мало кто станет отрицать, что вся деятельность Генерального штаба, Коминтерна, Центрального Комитета и Наркоминдела направлялась из Кремля. Хотя какая-то степень разномыслия дозволялась в верхах, где постоянно выдвигались альтернативные варианты, окончательное решение всегда оставалось за Сталиным. А с середины мая 1941 г. Сталин и формально получил право на это, став Председателем Совета Народных Комиссаров; в качестве такового он имел полный доступ и к военным, и к дипломатическим делам. Ярким примером сложности процесса принятия решений служит ход рассмотрения предложения генерала Жукова о контрнаступлении с целью предупредить усиление немецких войск в мае 1941 г. Сталин оценивал его на фоне слухов о неминуемой германо-советской войне, таинственного перелета Рудольфа Гесса в Англию несколькими днями раньше, потерь, понесенных Югославией и британской армией на Балканах и в Северной Африке, и недавно подписанного пакта о нейтралитете с японцами, не говоря уже о невразумительных предложениях, сделанных графом Вернером фон Шуленбургом (германским послом в Москве) в попытке избежать войны. Увеличив поле обзора и анализируя нападение Германии на Советский Союз в более широких географических, военных, стратегических и политических рамках, я смог найти некоторые недостающие ключи к поведению Сталина накануне войны.

Отличительная черта данного повествования в том, что оно основывается на множестве преимущественно неопубликованных или опубликованных недавно материалов из различных государственных архивов. В последнее десятилетие, с объявлением гласности, хлынул неиссякающий поток информации, проливающей

новый свет на события, приведшие к войне{15}. Кажется непостижимым, что вплоть до 1990 г. Горбачев в Москве официально отрицал даже существование секретных протоколов к пакту Молотова — Риббентропа{16}. До сих пор большинство работ по операции "Барбаросса" основывалось исключительно на германских источниках. Лишь в нескольких недавно появившихся трудах использованы опубликованные в Москве подборки документов{17}, но пока никто не обратился к обширным архивным собраниям. Не пользовались ими достаточно широко и российские ученые, так как в новых работах по данному предмету есть тенденция сужать поле исследований, фокусируя внимание на отдельных темах.

Ценой неимоверных усилий я добился доступа к огромному количеству архивных источников в российском Министерстве иностранных дел и Генеральном штабе и получил обширные подборки документов НКВД и ГРУ. Материалы МИДа включают бумаги В.Молотова, его заместителя А.Вышинского, И.Майского, советского посла в Лондоне, и В.Деканозова, советского посла в Берлине. Я пользовался также материалами посольств Балканских стран за этот период, их в министерстве оказалось больше всего.

Прискорбно для историка, что сталинский террор отбил у представителей советской политической элиты охоту не только вести дневники, но и вообще выражать свои мысли на бумаге. Те, кто не мог противиться искушению или нашел убежище за границей, прекрасно сознавали свою уязвимость. Бесспорно, унизительно было, например, для Майского по своей собственной инициативе пересылать перед отъездом вместе с Иденом в Москву в конце 1941 г. свой дневник на просмотр Сталину с таким сопроводительным письмом:

Лондон, 12 декабря 1941

Товарищу Сталину

Дорогой Иосиф Виссарионович:

Завтра я отправляюсь в СССР вместе с Иденом. Так как путешествия по морю в наши дни вещь опасная, я обращаюсь к вам с этим письмом. В прилагаемом портфеле вы найдете дневник, который я вел, хоть и нерегулярно, последние семь лет... с исторической точки зрения этот дневник представляет несомненный интерес. В любом случае последние семь лет я был в идеальном положении для наблюдения за мировой политикой и имел возможность завязать отношения с ведущими политическими деятелями в Англии и других странах.

Посылаю мой дневник вам. Делайте с ним что хотите.

...С товарищеским приветом, И. Майский{18}.

В результате весьма трудно выделить человеческий фактор, столь существенный для политической культуры России, в отличие, например, от наполненной личностями яркой картины политической жизни Лондона, предстающей перед читателем. В подробном и обстоятельном дневнике Майского, впервые широко цитируемом в данной книге, в подборке личных бумаг я смог уловить лишь некоторые отблески, как, например, стычка между Жуковым, Тимошенко и Сталиным на заседании Политбюро в середине июня 1941 г. Я также использовал наиболее интересные мемуары военных деятелей и дипломатов, указанные в библиографии; мало шансов, что существует или появится в будущем еще материал такого рода. Все это дополнялось исчерпывающим анализом широкого спектра публикаций документальных материалов. К несчастью, многие собрания документов, с которыми я мог работать вскоре после 1991 г., потом снова были закрыты для исследований. Архивные поиски в России все еще зависят от прихоти начальства и бюрократических игр, отодвигающих на второй план собственно исследовательский процесс. Я из принципа отказывался платить за архивные материалы сверх установленных расходов на фотокопирование. Я добывал наиболее интересные сведения в ходе бесконечных поездок в Москву, упорно торгуясь и упрашивая. Одна из типичных препон — решение ГРУ засекретить все шифротелеграммы за 1941 — 1950 гг., что, например, сильно обеднило второй том официального российского издания документов по советской внешней политике (Документы внешней политики. 1940 — 22 июня 1941).

Меня это решение лишало материала, охватывающего последние шесть месяцев перед войной. К счастью, я успел увидеть большинство шифротелеграмм до того, как оно вступило в силу, к тому же я располагал более пространными протоколами встреч из архивов различных посольств.

Что касается военной стороны вопроса, собранный материал включает весь спектр документов военной разведки, попадавших на стол Сталина накануне войны: подробные сводные рапорты, поступавшие раз в две недели с осени 1940 г., резюмирующие рапорты начальника Управления военной разведки и рапорты военных атташе. Я сверялся также со стенографическими отчетами чрезвычайного военного совета Верховного командования в декабре 1940 г., отчетами о военных учениях в январе 1941 г. и полным собранием приказов Генерального штаба. Мной была изучена широкая подборка документов, касающихся подготовки

Красной Армии к войне. Кроме того, мне удалось добыть некоторые важные сведения в Архиве Президента РФ, который, к несчастью, практически закрыт для регулярных исследований. В высшей степени информативными оказались протоколы Коминтерна, и особенно дневник его председателя Димитрова, с болгарским вариантом которого я ознакомился. Димитров был тесно связан со Сталиным и оставил беспристрастное описание некоторых заседаний Политбюро. Помимо этого мне посчастливилось увидеть многие бумаги из архива российской Службы безопасности, дающие великолепную возможность заглянуть за кулисы. Среди них, inter alia{*2}, несколько перехваченных телеграмм из Москвы, копии телеграмм Криппса, добытые в Лондоне с помощью членов "Кембриджской пятерки", депеши от различных групп в Берлине, а также материалы по делу Гесса, из которых Дж.Костелло смог использовать лишь несколько документов в своей работе (Ten Days to Destiny. The Secret Story of the Hess Peace Initiative and British Efforts to Strike a Deal with Hitler. New York, 1991).

В книге широко представлены материалы британских архивов: Форин Оффис, Архива Премьер-министра, Генерального штаба, военной разведки и многих других учреждений, а также личных архивов. Но истинной жемчужиной моей коллекции стали болгарский и югославский архивы, до сих пор не использовавшиеся западными учеными, дающие, в сопоставлении с германскими и советскими документами, полную картину схватки за Балканы и проливающие новый свет на цели и амбиции Сталина. Сверх того, я работал с материалами, относящимися к Советскому Союзу, на Кэ д'Орсэ. Шведский посол в Москве В. Ассарассон был одним из немногих людей, пользовавшихся доверием германского и итальянского послов, и его отчеты и другие бумаги, хранящиеся в Шведском государственном архиве, — золотое дно для историка.

В России мне помогали многие коллеги. Выражаю особую благодарность и признательность покойному генералу Дмитрию Волкогонову, неизменно оказывавшему мне поддержку в поисках новых сведений и материалов. Неоценимым источником информации, критиком и помощником был профессор Лев Безыменский, известный российский [10] историк, переводчик Жукова во время войны и бывший главный редактор "Нового времени". Особая благодарность господину Петру Стегнию, начальнику Историко-документального управления российского Министерства иностранных дел, за предоставленные мне фотографии и постоянную помощь при работе в архиве. Генерал-майор

В.А.Золотарев, директор Института военной истории, и подполковник В.Н.Вартанов любезно позволили мне ознакомиться с фрагментами своего богатого собрания документов.

Постоянно помогал мне проф. Джон Эриксон, старый друг и непревзойденный специалист по советскому военному планированию накануне войны. Я много выиграл от наших поучительных бесед и товарищеских отношений. Благодарю за большую помощь, оказанную мне, подполковника Дэвида М. Гланца из Форт Ливенуорт, Канзас. Генерал д-р Шимон Наве, специалист по советской военной доктрине, вдохновенный, оригинальный мыслитель и мой близкий друг, с большим терпением и энтузиазмом знакомил меня с самыми изощренными новшествами генералов Триандафилова и Тухачевского в этой области в 30-е гг.; он также помог мне разобраться с различными военными вопросами, требующими профессиональной экспертизы.

Первый вариант этой книги был написан в Колледже Св. Антония (Оксфорд). Выражаю особую благодарность моим друзьям: Тимоти Гартону Эшу, Энн Дейтон и Гарри Шукмену за их советы и поддержку, а также м-ру Иверaку Макдональду, бывшему политическому редактору "Тайме", делившемуся со мной своими яркими и проницательными наблюдениями по поводу рассматриваемого периода. Я благодарю директора и членов колледжа за интерес, проявленный к моей работе, и восхитительную атмосферу, способствовавшую рождению книги. Покойный Ф.Х.Хинсли и д-р Зара Стейнер из Кембриджского университета читали первый вариант рукописи и посоветовали внести ряд существенных поправок. Сэр Морис Шок, бывший ректор Линкольн Колледжа (Оксфорд) любезно предоставил мне доступ к личным бумагам и дневнику сэра Стаффорда Криппса (британского посла в Москве накануне войны) и поделился многим из своих обширных знаний в области британской политики.

Выражаю особенно горячую личную признательность д-ру Борису Морозову, моему коллеге по Центру Каммингса в Тель-Авивском университете, постоянно помогавшему мне в мучительном процессе поисков необходимых, но часто неуловимых материалов в Москве. Я очень благодарен Асе Лев, сделавшей очень много в процессе редактирования русского варианта книги. Многим обязан я д-ру Петре Маркванд-Бигман, прилежной сотруднице в исследовании германских аспектов темы. Я также очень признателен Марине Низник, участвовавшей в редактировании русского текста. Проф. Михаэль Конфино, зажегший во мне

интерес к изучению России 30 лет назад и первым посвятивший меня в суть "восточного вопроса", любезно согласился помочь с переводом некоторых болгарских документов. Д-р Рафаэль Ваго из Центра Каммингса помогал переводить румынские источники, особенно недавно изданное собрание телеграмм Г.Гафенку, румынского посла в Москве. Он также помог мне найти путь в запутанном балканском лабиринте. Выражаю благодарность д-ру Рональду Цвейгу и проф. Дану Динеру, моим коллегам и друзьям из Тель-Авивского [11] университета, внимательно прочитавшим окончательный вариант рукописи и сделавшим ряд проницательных замечаний.

В заключение хочу сказать, что особенно обязан моей жене Сью, читавшей рукопись и дававшей мне ценные советы, основательно повлиявшие на окончательный вариант книги. Она, равно как и мои сыновья Джонатан и Дэниел, часто страдали от недостатка у меня времени, потраченного на исследования и написание книги, и я надеюсь, что книга эта хоть немного вознаградит их.

Введение: принципы сталинской внешней политики

Нет особых оснований считать, будто Сталин в своей внешней политике следовал догме и существует прямая связь между воинственной программой ленинской работы "Империализм, как высшая стадия капитализма", задуманной в 1915 г. в Швейцарии во время Первой мировой войны, и предполагаемым сталинским планом революционной войны 1941 г., якобы определявшим эту политику. Для первого послереволюционного десятилетия была характерна динамичная переориентация внешней политики. Большевики столкнулись с огромными трудностями в своих попытках примирить два взаимоисключающих фактора: программную задачу распространения революции за пределы России и повседневную задачу выживания в установленных границах. С самого начала советскую внешнюю политику характеризовал постепенный, но неуклонный переход от непримиримой вражды к государствам с капиталистическим строем к мирному сосуществованию, основанному на принципе взаимной целесообразности. Сначала это трактовалось как тактический, причем временный ход. Однако объявленная временная новая экономическая политика (НЭП) стала лишь первой в длинном ряду "мирных передышек" под различными

идеологическими вывесками: "социализм в одной стране", "единый фронт", "народный фронт", "оттепель", "разрядка" и, совсем недавно, "гласность". Все большее растягивание этих "переходных" периодов вызывало постоянное и неуклонное размывание идеологической составляющей советской внешней политики.

К 1926 г. чиновники Форин Оффис признали "сильного, сурового, молчаливого" Сталина бесспорным лидером коммунистической партии. "Неудивительно, — замечали они, — что поражение фанатичной большевистской оппозиции означает внешнюю политику, использующую "внутренние ресурсы""{19}. Контраст между заявлением Троцкого при его назначении первым народным комиссаром иностранных дел, что его задачей будет "выпустить несколько революционных прокламаций, а затем прикрыть лавочку"{20}, и впечатлениями британского Форин Оффис отражает перемены, произошедшие в советской внешней политике за первое послереволюционное десятилетие. Первоначальная уверенность, что международные отношения и официальное признание несущественны в мире, сотрясаемом революцией, сменилась, начиная с конца 1921 г. и особенно после 1924 г., трезвым осознанием необходимости достичь modus vivendi{*3} в отношениях с внешним миром. Коминтерн также пытался совместить свою идеологическую линию с национальными интересами. В начале 1924 г. его V Конгресс неохотно признал наступление "эры стабилизации капитализма" и заявил о переориентации действий коммунистических партий и народных [15] фронтов на защиту России{21}. Опыт этих лет показал, что вряд ли можно сохранять двойственность, не нарушая национальные интересы России. Желание Сталина скорее вести умеренную дипломатию, чем поощрять идеологическое рвение, выразилось в замене Г.Чичерина на посту наркома иностранных дел М.Литвиновым, представителем западной ориентации в Наркоминделе, официально — в 1928 г., фактически — двумя годами раньше. Несмотря на разницу в складе характера, темпераменте и социальном происхождении, и Литвинов, и Сталин исповедовали благоразумный и прагматичный подход к иностранным делам{22}.

Ряд дипломатических и идеологических просчетов в конце первого десятилетия существования Советского государства потребовал срочной смены приоритетов. Надежды на безусловную поддержку мирового пролетариата рухнули. С виду Коминтерн был настроен по-боевому, объявляя конец периода стабилизации

капитализма и возрождение революционной ситуации на Западе. Тактика единого фронта была оставлена и заменена воинственным лозунгом "класс против класса". Однако после полной советизации ненадежного коммунистического движения в Европе Коминтерн 30-х гг. уже не походил на Коминтерн в первые десять лет своего существования. К 1941 г. он окончательно "потерял хватку" и был отстранен от каких-либо практических дел, хотя формальный роспуск последовал только в 1943 г.

Тем не менее, наследие имперского соперничества, обогащенное коммунистическим опытом, порождало взаимные подозрения, перечеркивающие любые признаки сближения в начале 20-х гг. Эти подозрения — главный фактор, определявший постепенную, но неуклонную дестабилизацию в 30-е гг. и события, приведшие к войне. Форсированная индустриализация и коллективизация были направлены на выжимание с помощью грубой силы экономических ресурсов, которые не могли быть получены в результате нормальных торговых отношений с Западом. Учитывая реалии капиталистического окружения и боязнь новой интервенции, защита от внешней угрозы становилась необходимой предпосылкой для построения "социализма в одной стране". Еще до прихода Гитлера к власти Советский Союз старался заключить соглашения о взаимопомощи со своими ближайшими соседями, а после 1931 г. эти усилия получили новый импульс.

Историческая память коротка. В свете неожиданного превращения Советского Союза в сверхдержаву после Второй мировой войны, возможно, почти забыто, что вплоть до начала войны страх перед новой капиталистической интервенцией доминировал в мыслях Сталина и его армии. Новая советская военная доктрина, разрабатывавшаяся с 1928 г., скорее отмечала наличие множества врагов, угрожающих Советскому Союзу, чем выражала экспансионистские устремления. Не ожидая войны империалистических государств между собой, боялись крестового похода против русской революции. До 1927 г., из-за слабости Красной Армии и в надежде достичь modus vivendi с Западом, считалось, что с помощью европейских рабочих удастся удерживать западные правительства от войны с Советским Союзом. Однако к 1927 г. революционные перспективы уменьшились, и задача предотвращения угрозы была поставлена перед Красной Армией{23}. Вся политика "коллективной безопасности" последовательно, лишь с незначительными тактическими отклонениями, строилась на признании потенциальной [16] опасности, исходящей от капиталистического лагеря в целом, будь то фашистская

Германия или западные демократии. Взяв на вооружение политику баланса сил, столь чуждую марксистской теории, запрещавшей объединяться с одним капиталистом против другого, Сталин сосредоточил усилия на защите революции путем сотрудничества со странами Запада.

Заключение пакта Молотова — Риббентропа о ненападении 23 августа 1939 г. означало изменение расстановки сил, но не общих целей сталинской внешней политики. То же относится и к секретным протоколам, подписанным месяц спустя, которые разграничивали сферы влияния Советского Союза и Германии. Мотивы подписания пакта становятся ясны, как только мы точно определим временной отрезок, на котором произошло обращение Сталина в сторону Германии. Полемика вокруг толкования смысла пакта охватывает два противоположных полюса и широкий спектр мнений между ними. На одном полюсе интерпретация, согласно которой Советский Союз проводил неоспоримо благородную политику создания всеевропейского щита коллективной безопасности от нацистской агрессии. Неудачу объясняют не недостатком искренних усилий Советов, а "примиренчеством", неспособностью западных демократий дать отпор гитлеровской агрессии. По мнению ученых этой школы, русские не рассматривали всерьез выбор в пользу Германии до конца августа 1939 г., когда они поняли, что Запад не откажется от примиренческих настроений, а Гитлер уже приступил к оккупации Польши.

На противоположном полюсе — заявления, что коллективная безопасность от агрессии никогда не была истинной целью Кремля, а лишь фасадом, за которым Сталин в течение всего десятилетия домогался агрессивного альянса с не желавшим этого Гитлером. Данная интерпретация подчеркивает идеологические предпосылки советской внешней политики. Такие историки, как Роберт Таккер и, совсем недавно, Суворов, утверждают, что еще в 1927 г. Сталин решил вбить клин между капиталистическими государствами и втравить их в разрушительную империалистическую войну между собой, из которой Советский Союз вышел бы невредимым и достаточно сильным, чтобы расширить свою территорию на всех рубежах. Для того чтобы спровоцировать эту войну, Сталин облегчил Гитлеру приход к власти, старательно направляя политику Коминтерна и германской коммунистической партии по самоубийственному курсу и препятствуя их возможному союзу с социал-демократами. Нацистско-советский пакт, согласно этой точке зрения, всегда подразумевался в планах Сталина, тогда как

"коллективная безопасность" лишь маскировала его истинные замыслы от Запада. Суворов старается приписать Сталину постоянную агрессивную политику в сговоре с Германией начиная с Рапалльского договора 1922 г{24}.

Весьма соблазнительно отнести сдвиг в советской политике на счет разочарования в Западе после Мюнхенской конференции в сентябре 1938 г. Исключение Советов из конференции и карт-бланш, данный Гитлеру в Чехословакии, как будто подтвердили глубоко укоренившиеся подозрения, что британский и французский премьер-министры, Чемберлен и Даладье, решили отвести от себя германскую опасность, поощряя гитлеровскую экспансию на восток. Однако такая интерпретация не учитывает тот факт, что, несмотря на тяжелый удар, [17] нанесенный коллективной безопасности, Сталин не считал последствия Мюнхена необратимыми. Более того, у него не было альтернативного плана действий, пока Гитлер ставил на дальнейшее покорение Запада.

Для большинства историков излюбленный водораздел — сталинский обзор советской внешней политики на XVIII съезде партии 10 марта 1939 г. Часто цитируют знаменитое предупреждение Сталина западным демократиям, что он не собирается "таскать для других каштаны из огня". Под влиянием событий, случившихся впоследствии, историки обнаруживают здесь решение Сталина сотрудничать с нацистской Германией. Однако даже беглый анализ всего текста выступления достаточно ясно показывает, что Сталин на самом деле отказывался от ленинской идеи революционной войны и предостерегал об опасности, которую мировая война представляет для Советского Союза. Кроме того, в течение недели Гитлер нарушил Мюнхенское соглашение и вынудил Чемберлена занять более воинственную позицию{25}.

Односторонние британские гарантии Польше от 31 марта 1939 г. стали решающей вехой на пути к пакту Молотова — Риббентропа и первым залпом Второй мировой войны. Они меняют декорации одним махом. Делая свое заявление, Чемберлен вряд ли консультировался с Форин Оффис или своими личными советниками; гарантии были его спонтанной эмоциональной реакцией на личное унижение, пережитое им, когда Гитлер захватил Прагу 15 марта 1939 г. Парадоксально, но, давая гарантии Польше, Британия на деле бросала вызов Германии, тем самым явно отказываясь от позиции поддержания европейского баланса сил. Гарантии порождали два возможных последствия. Фактор сдерживания был призван вернуть Гитлера за стол переговоров. Однако, если бы Гитлер продолжал

настаивать на своих территориальных претензиях к Польше, военная аксиома о необходимости избегать войны на два фронта, выведенная из опыта прежних войн, заставила бы Гитлера нейтрализовать Советский Союз. Следовательно, для Советского Союза открывалась возможность выбора в пользу Германии, до тех пор недоступная. С другой стороны, когда до Чемберлена дошло бы, что дорога к "второму Мюнхену" не будет гладкой и война вполне может начаться, ему пришлось бы, хоть для виду, попытаться получить военные обязательства от Советского Союза, жизненно необходимые для исполнения гарантий. Таким образом, Советский Союз непреднамеренно становился стержнем европейского баланса сил{26}.

Пакт Молотова — Риббентропа исторически вспоминается как "шок" и "сюрприз", отражающий вероломство русской натуры. Суворов пользуется этим ярким образом, чтобы дискредитировать искренность русских на переговорах о трехстороннем соглашении с Англией и Францией в 1939 г. Он утверждает, что "Сталин не искал подобных союзов... Сталин мог бы остаться нейтральным, но предпочел вонзить нож в спину странам, сражающимся с фашизмом"{27}. Он представляет это естественным следствием идеологических догм, затверженных Сталиным в 20-е гг. Оба мифа, "ножа в спину" и "догмы", расцвели пышным цветом в эпоху холодной войны и подкреплялись упрощенным прочтением событий, приведших к заключению пакта. В действительности англичане быстро осознали логические последствия [18] своих гарантий для курса советской внешней политики. Как только были даны гарантии Польше, сэр Уильям Сидс, британский посол в Москве, предупреждал Уайтхолл о последствиях: "С России достаточно, и впредь она будет держаться в стороне, свободная от всяких обязательств". В середине апреля он снова предостерегал, что, если автоматические гарантии Польше останутся в силе, "для России большим соблазном будет остаться в стороне и в случае войны превратить свою хваленую помощь жертвам агрессии в выгодный бизнес по продаже последним необходимых припасов". Он считал, что, как только Гитлер установит общую границу с Советским Союзом, он постарается достичь соглашения со Сталиным о будущем Прибалтийских государств, Польши и Бессарабии. Точно так же и британский заместитель министра иностранных дел неохотно признавал: "Теперь, когда правительство Его Величества дало свои гарантии, Советское правительство будет сидеть спокойно и умоет руки во всем этом деле"{28}. В день подписания пакта

сэр Невил Хендерсон, британский посол в Берлине, признал, что "британская политика vis-a-vis{*4} к Польше в конце концов все равно сделала бы это неизбежным"{29}.

В новых обстоятельствах Сталин теоретически мог бы договориться с немцами. Однако судьба Чехословакии была свежа у него в памяти, и он, видимо, очень беспокоился, как бы Чемберлен не сделал примирительных шагов при наступлении Германии на Польшу и не стал поощрять ее продолжить марш на восток. Не стоит забывать, что характерной чертой советской внешней политики в межвоенный период, берущей свое начало во времена гражданской войны и военной интервенции Антанты в 1920 — 1921 гг., было сильнейшее подозрение, будто Германия и Англия могут сомкнуть ряды и подняться в поход на Коммунистическую Россию. События, имевшие мало непосредственного отношения к Советскому Союзу, такие как Локарнский договор 1925 г., вступление Германии в Лигу Наций в следующем году и, конечно, Мюнхенская конференция, истолковывались в этом духе. Советские историки приписывали провал переговоров в 1939 г. злокозненным попыткам западных держав после Первой мировой войны возродить германский милитаризм, вступив в заговор с германским фашизмом и направив агрессора на восток. Пока нет четких свидетельств, что подобный план когда-либо разрабатывался британским кабинетом, а с недавнего времени все большее число историков утверждает, будто стратегическая политика Чемберлена всегда была сдерживающей по сути и не оставляла — даже активно поощряла — все новые усилия ослабить международное напряжение дипломатическими средствами. Поэтому Чемберлен всегда был против завязывания военных союзов, которые могли быть по сути провокационными, и оказания давления на Польшу, чтобы та приняла советскую помощь{30}. В конце концов, ввиду того что немцы постоянно нарушали подписанные ими договоры, русские вряд ли могли полностью доверять соглашению на бумаге.

После 31 марта Сталин столкнулся с тяжкой дилеммой, имеющей мало общего с идеологическими пристрастиями. Будучи осторожным прагматиком в международных отношениях, Сталин терзался подозрениями, [19] что Англия, несмотря на гарантии, отступится от Польши, как раньше отдала Чехословакию, стимулируя германскую агрессию на восточном фронте. Эти опасения диктовали ориентацию на Германию. С другой стороны, при неудачной попытке Англии ответить на вторжение Германии в Польшу немцы могут разорвать соглашение и

продолжить натиск на восток. Этот прогноз повел к отчаянным усилиям Сталина заменить односторонние гарантии полноценным военным союзом{31}.

Однако с самого начала подобный союз оказался труднодостижим из-за отказа Польши пропустить через свою территорию советские войска в случае войны и нежелания Англии признать Советский Союз своим главным союзником в Восточной Европе. Коллективная безопасность рассматривалась как более реальная и желательная альтернатива. Переговоры по созданию системы коллективной безопасности, хотя и тянулись много месяцев, с самого начала зашли в тупик из-за разногласий, в конечном счете толкнувших русских в объятия немцев. И советские, и западные историки часто не могут понять, что Англия и Советский Союз на деле стремились к разным соглашениям. Русские последовательно настаивали, в соответствии со своей политикой коллективной безопасности, на договоре о взаимопомощи. Его основным пунктом должно было быть четкое определение военных мер, предпринимаемых каждой воюющей стороной, в случае начала войны, которую они считали неизбежной{32}.

Англичане, приверженцы сдерживающих мер, не могли соответствовать фундаментальным требованиям советской безопасности. Пространства для маневра было мало, и британский министр иностранных дел лорд Галифакс с самого начала не ждал многого от Советского Союза. Ему не требовались обязательства, он желал, чтобы СССР присоединился к нему в его беспрестанных усилиях охладить амбиции Гитлера, поскольку все еще питал надежду вынудить последнего вернуться за стол переговоров. Поэтому он настоятельно советовал русским ограничиться заявлением "по своей инициативе" с тщательно подобранными формулировками, что "в случае любого акта агрессии против любого европейского соседа Советского Союза, который встретит отпор соответствующей страны, советское правительство может оказать помощь, если это будет желательно и в такой форме, которая будет сочтена наиболее приемлемой (курсив мой. — Г.Г.)". Галифакс верил, что "позитивная декларация" Советского правительства, как он это называл, "произведет стабилизирующий эффект на международную ситуацию"{33}. "Стабилизирующий эффект" — это то же "сдерживание". Он вряд ли хоть сколько-нибудь отклонялся от своей позиции на протяжении трудных летних месяцев 1939 г.

Негибкость позиции англичан заставила Сталина, из голого расчета, искать альтернативу в диалоге с немцами. Но окончательное решение было практически

навязано ему 19 августа 1939 г., когда он получил примечательную информацию о долгосрочных и ближайших целях Гитлера. В докладе сообщалось, что фюрер намерен решить польскую проблему любой ценой, невзирая на риск войны на два фронта. Далее, Гитлер рассчитывал, что Москва "будет вести переговоры с нами, так как нисколько не заинтересована в конфликте с Германией и не захочет терпеть поражение из-за Англии и Франции". Для приверженцев модели "общности судеб" стоит отметить, что хотя [20] документ провозглашал "этап нового Рапалло... сближения и экономического сотрудничества с Москвой", но там же подчеркивался временный характер "второго Рапалло", рассчитанного на ограниченный период, приблизительно в два года{34}.

Ясно, что движущей силой всех событий, начиная фактически с Мюнхенского соглашения, была Германия.. Сталину, как и англичанам, чтобы не спровоцировать агрессию, приходилось уступать требованиям немцев, граничащим с ультиматумом. Просматривая донесение от 19 августа, он тщательно подчеркнул толстым синим карандашом "совет" Гитлера принять проект соглашения, так как поведение Польши по отношению к Германии "может вызвать кризис в любой момент". Гитлер далее замечал, что со стороны Сталина будет мудро "не терять времени"{35}. Решение также оправдывалось осознанием того факта, что англо-французская военная делегация, прибывшая в Москву морем во вторую неделю августа, не имела ни инструкций, ни полномочий и должна была постоянно консультироваться с Лондоном и Парижем{36}.

Все эти расчеты дали толчок к заключению соглашения. Советская политика по существу всегда была взвешенной Realpolitik{*5}{37}. Сталин долго колебался, как обычно при формулировании внешней политики. В таких условиях могли возникнуть различные оппозиционные фракции. Главными оппонентами Литвинова, а следовательно, и системы коллективной безопасности были Молотов и Жданов. Их изоляционистские взгляды, однако, были направлены на ограждение Советского Союза от войны, неминуемо грозившей вспыхнуть в Европе, а не на поиски выхода революционной энергии{38}. Сталин всегда использовал те возможности, какие появлялись в данный момент. Почти все 30-е гг. он был привержен идее коллективной безопасности, стараясь спасти Советский Союз от военной катастрофы, пока не разочаровался в этой идее в конце десятилетия. Учитывая его вполне понятные и постоянные подозрения о возможности примирения Англии с Германией, сомнительно, чтобы Сталин видел в

пакте как таковом железную гарантию для западных границ Советского Союза. Он не вел ни к "скрепленному железом и кровью" братству с Германией, ни к возрождению давно забытой мечты о неудержимой экспансии.

Нейтралитет вряд ли можно истолковать как прелюдию к мировой революции, как требовала доктринерская интерпретация ленинской "пораженческой" позиции в империалистической войне. Он служил более земным интересам Советского Союза: не дать втянуть СССР в войну и обеспечить благоприятные условия для послевоенных переговоров о будущем Европы. Различным коммунистическим партиям было поручено всячески препятствовать распространению войны на Турцию и Юго-Восточную Европу{39}. Предпосылка, лежавшая в основе советской внешней политики, была та, что Советский Союз "имеет достаточно "лебенсраум" у себя"{40}. Объяснения, данные Сталиным не кому иному, как Председателю Коминтерна Димитрову, о причинах, заставивших его подписать пакт с немцами, лишены всяких идеологических соображений. Суть их — решительное нежелание становиться [21] "наемником" Англии и Франции. Хотя можно усмотреть идеологическую перспективу в том, как он оправдывал раздел Польши, спрашивая со свойственным ему цинизмом: "Что плохого, если в результате расчленения Польши мы сможем распространить социалистическую систему на новые территории и народы?" Однако этот тонкий флер прикрывал чисто стратегические советские интересы, а также стремление побыстрее закончить войну, прежде чем Советский Союз окажется вовлеченным в конфликт{41}.

Поскольку Димитров упорно держался ортодоксальной идеологической парадигмы, Сталин вмешался лично, чтобы подчинить деятельность Коминтерна требованиям советской внешней политики. Сталин и Жданов не оставили Димитрову иллюзий по поводу революционного потенциала войны. Ему дали понять, что "в первую империалистическую войну большевики переоценили ситуацию. Все мы ринулись в атаку очертя голову и ошиблись! В тогдашних условиях это можно понять, но не простить. Сегодня мы не можем снова стоять на позициях, которые большевики занимали тогда"{42}. Благодушие первых дней войны мгновенно уступило место озабоченности после того, как Красная Армия столкнулась с препятствиями в начале войны с Финляндией осенью 1939 г. Пламенные революционные лозунги сменились странными выкладками типа: "Действия Красной Армии тоже вносят вклад в мировую революцию". Вместо роли

ледокола, прокладывающего дорогу мировой революции, перед Красной Армией ставилась задача "примирить Финляндию с Правительством Советского Союза"{43}.

Суворов поднялся на волне возмущения, характеризующего ныне отношение российских историков к событиям 1939 г. Но их негодование порождено соображениями морального порядка и направлено на секретные протоколы, вызвавшие раздел и захват Польши и оккупацию Прибалтийских стран{44}. Сталин воспользовался предоставленной войной возможностью расширить, как он считал, долгосрочные национальные интересы Советского Союза. По существу они были направлены на отведение Советскому Союзу роли великой европейской державы после пересмотра Версальского договора и возмещение обид, накопленных российской дипломатией со времен Крымской войны. Моральное осуждение не принимает во внимание трезвое наблюдение, сделанное Тедди Улдриксом, ведущим специалистом по советской внешней политике, что "Кремль проводил дипломатический курс, не согласующийся ни с моралью, ни с идеологией. Политика Москвы, как и политика демократических государств, не отличалась ни чистотой и благородством, ни дьявольским коварством"{45}.

Глава 1. Потенциальные враги: Лондон в ссоре с Москвой

"Мировая с медведем"

С началом войны в Лондоне с тайным удовлетворением смотрели на Советский Союз и Германию как на партнеров по другую сторону баррикады. Англичане, заметил Р.А.Батлер, заместитель парламентского секретаря в Форин Оффис, "гордый народ и словно радуются, когда весь мир идет на них войной"{46}. Сбывающееся пророчество, что Германия и Советский Союз объединятся в войне против Англии, основывалось на существовании двух скорее потенциальных, чем реальных, опасностей. Первая — вред, наносимый советским военным экспортом в Германию английской тактике ведения войны, заключавшейся в установлении эффективной экономической блокады. Однако, невзирая на действительный объем подобной торговли (историки все еще ведут дебаты по этому поводу), стоит отметить, что Уайтхолл не склонен был преувеличивать ее значение{47}. Министерство военной экономики также прекрасно отдавало себе отчет в том, что, объявив экономический бойкот Советскому Союзу, Англия лишит его свободы

маневра и повысит его зависимость от торговли с Германией. В конечном итоге Форин Оффис соглашался, что, даже если русские захотят пожертвовать партнерством с Германией, Англия не в состоянии предоставить им адекватную экономическую компенсацию{48}.

Другая опасность грозила далеко идущими последствиями в будущем. В обстоятельствах "странной войны", когда непосредственная угроза, казалось, была далека от Британских островов, на первый план выдвигалось влияние советских отношений с Германией на британские имперские и стратегические позиции на Ближнем и Среднем Востоке. Традиционные империалистические интересы подкреплялись сильными идеологическими предубеждениями Чемберлена и его кабинета. В день подписания пакта Молотова — Риббентропа Невил Хендерсон, британский посол в Берлине, откровенно высказал это в частном письме:

"Теперь Правительство Его Величества на распутье. Мы должны помочь Польше и не допустить ее гибели, потому что мы ненавидим и боимся наци. Кроме того, мы должны подумать и о Британской Империи... это важнее наци и зыбучих песков Восточной Европы. Бандиты в конце концов сами передерутся между собой"{49}.

Точно так же и Генеральный штаб продолжал настаивать на защите тех областей, "которые могут быть заражены вирусом большевистской доктрины"{50}. В какой-то степени взгляды англичан объясняются и жесткой позицией французского правительства. В разгар острого внутреннего кризиса французы страстно желали какой-нибудь эффектной победы, предпочтительно за пределами их собственных границ. [25]

Их поведение по отношению к Советскому Союзу стало к началу 1940 г. откровенно агрессивным, и советский посол даже был объявлен персона нон грата. Это французы заставили британскую делегацию неохотно согласиться с исключением Советского Союза из Лиги Наций 14 декабря 1939 г. и приступить к планированию воздушного налета на кавказские нефтепромыслы{51}.

Неверная оценка намерений Советов явилась результатом не только нехватки информации, но и усиления глубоко укоренившихся предубеждений{52}. Пакт был воспринят как воскрешение "общности судеб", в русле традиций Брест-Литовска и Рапалльского договора. Интересно отметить, что граф Вернер фон Шуленбург, германский посол в Москве, сделал совершенно другой вывод, сообщив на Вильгельмштрассе в начале 1940 г., что Советский Союз на самом

деле решил "соблюдать нейтралитет... и, насколько возможно, избегать всего, что может втянуть его в конфликт с западными державами"{53}.

Предубеждение вызывалось традиционной русофобией и отвращением к коммунизму как в Форин Оффис, так и в армии. С середины XIX в., когда соперничество в Средней Азии и Афганистане стало доминантой англо-российских отношений, образ России как свирепого медведя глубоко запечатлелся в сознании англичан. Неудивительно поэтому, что, когда Форин Оффис рассматривал возможность начала переговоров с русскими во время битвы за Францию, генерал Айзмэй, начальник секретариата Военного кабинета, впоследствии военный советник Черчилля, напомнил своему близкому другу сэру Орму Сарджент, помощнику заместителя министра и "идеологу" Форин Оффис, стихотворение Киплинга "Мировая с медведем", в котором рассказ ведется от лица старого слепого нищего, покалеченного медведем:

Беззубый, безгубый, безносый, с разбитой речью, без глаз,
Прося у ворот подаянье, бормочет он свой рассказ —
Снова и снова все то же с утра до глубокой тьмы:
"Не заключайте мировой с Медведем, что ходит, как мы".
"Лапы сложив на молитву, чудовищен, страшен, косматый,
Как будто меня умоляя, стоял медведь Адам-зад.
Я взглянул на тяжелое брюхо, и мне показался теперь
Каким-то ужасно жалким громадный, молящий зверь.
Чудесной жалостью тронут, не выстрелил я... С тех пор
Я не смотрел на женщин, с друзьями не вел разговор.
Подходил он все ближе и ближе, умоляющ, жалок и стар,
От лба и до подбородка распорол мне лицо удар...
(Заплатите — надену повязку.) Наступает страшный миг,
Когда на дыбы он встанет, шатаясь, словно старик,
Когда на дыбы он встанет, человек и зверь зараз,
Когда он прикроет ярость и злобу свинячьих глаз, [26]
Когда он сложит лапы, с поникшей головой.
Вот это минута смерти, минута Мировой".
Снова и снова все то же твердит он до поздней тьмы:
"Не заключайте мировой с Медведем, что ходит, как мы"{*6}{54}.

Находясь в плену предвзятых идей, британское правительство не обращало внимания на хитросплетения советской политики. Чемберлен смотрел на события фаталистически, не исключая возможности вражды с Советским Союзом. Политика колебалась между традиционной "сдерживающей" политикой — "прочно сидеть на своем месте и избегать трений, насколько возможно", — и нетерпеливым желанием схлестнуться с Советским Союзом на Балканах или на севере{55}. Предубеждение еще больше укрепила настоятельная необходимость для правительства Чемберлена, жертв "мюнхенского комплекса", искупить прежние ошибки. Действуя на основании неподтвержденных предположений, что Советский Союз полностью на стороне Германии, кабинет ухватился за возможность компенсировать примирительные уступки Германии оказанием стойкого сопротивления Советскому Союзу в Финляндии. Поэтому, когда премьер-министр благосклонно отреагировал на советскую просьбу о посредничестве в конфликте, Форин Оффис упрекал его за "новые примиренческие попытки". Неудивительно, что он осудил русских за их "подлые и коварные, как обычно", методы, "повторяющие действия Гитлера в Польше и Чехословакии"{56}. Сталину, который сам в глубине души питал подозрения в отношении Англии, не оставалось ничего другого, как предостеречь ее политиков, чтобы "не считали русских... дураками. В Западной Европе считали русских медведями, у которых плохо работает голова"{57}.

"Кто садится ужинать с дьяволом..."

Пакт Молотова — Риббентропа за одну ночь превратил Англию из потенциального союзника во врага. Открытая неприязнь Сталина к Англии, вызванная английской интервенцией в гражданскую войну, а также наследием исторического антагонизма, возросла из-за неприятия англичанами переговоров 1939 г. В 1941 г. он объяснит эту неприязнь яркими воспоминаниями "о казни англичанами 26 комиссаров в Баку, недалеко от его родины — Грузии" во времена интервенции{58}. Но мотивы поведения Сталина обусловливались в первую очередь чистой Realpolitik. Чувствуя свою уязвимость для британского флота, господствовавшего в Средиземном море, и основываясь на прошлом историческом опыте, он ожидал удара со стороны турецких Проливов. В день, когда Британия объявила войну Германии, Сталин призвал Турцию рассмотреть возможность советской помощи "в случае нападения на нее извне в районе проливов или Балкан"{59}.

Однако обеспечение строгого нейтралитета турок было жизненно важно и для немцев, с тех пор как румынская нефть, предназначенная для Германии, перевозилась кораблями в итальянские порты через [27] Проливы{60}. Немцы не щадили усилий, чтобы укрепить подозрения Сталина, что "врагом Советского Союза в Проливах была и всегда будет Англия", и предотвратить любое соглашение между Россией и Турцией, которое могло привести к советскому участию в контроле над Проливами. Саракоглу, турецкий министр иностранных дел, известный своими англофильскими настроениями, прибыл в Москву 25 сентября; но переговоры, тянувшиеся до середины октября, были сорваны вторым визитом германского министра иностранных дел Иоахима фон Риббентропа в советскую столицу, во время которого русские в течение десяти дней практически игнорировали турецкую делегацию.

Когда Саракоглу наконец встретился со Сталиным, в ходе "горячей дискуссии" выяснилось: тогда как турки стремились к соглашению, которое помогло бы им справиться с германской угрозой, Сталин видел опасность со стороны Великобритании. Тут ярко проявился расчетливый характер политики Сталина. Он яростно оспаривал претензии Турции на острова Додеканес, так как понимал, что осуществить их можно лишь в сотрудничестве с Англией и Францией. Но тщетно он старался убедить Саракоглу, будто Советский Союз станет для Турции опорой на Балканах, где "Турция в состоянии помочь англичанам и французам, а не наоборот". "События, — объяснял он, обнаруживая прагматичность своих взглядов, — следуют собственной логике: мы говорим одно, а события развиваются по-другому. Мы разделили Польщу с Германией, и Англия и Франция не начали войну против нас, хотя это еще может случиться. У нас нет соглашения о взаимной помощи с немцами, но если англичане и французы начнут с нами войну, то нам придется сражаться с ними... Кто виноват, что обстоятельства сложились неблагоприятно для заключения пакта с Турцией? Случайное развитие событий. Этому способствовала акция в Польше. Французы, и особенно англичане, не хотели заключать соглашение с нами, считая, что могут воевать без нас. Если нас можно в чем-то обвинить, то лишь в неспособности предвидеть все".

Сталина явно одолевал страх перед Англией, а не перед Германией. Стремясь отговорить турок от заключения соглашения о взаимной помощи с Британией, он заклинал Саракоглу "помнить, что это люди, выполняющие свои обязательства только тогда, когда им это выгодно, и не выполняющие обязательства, когда им

это не выгодно". Мюнхен и гарантии Польше должны были послужить предостережением. Сталин требовал от турок четкого подтверждения, что "обязательства Турции перед Англией и Францией немедленно теряют свою силу в случае выступления Англии и Франции против СССР", и допуска Советского Союза к непосредственному контролю за проходом военных кораблей и перевозкой военных грузов через Проливы. Саракоглу, однако, придерживался нейтралитета. В конечном итоге он с помпой был отправлен домой на борту советского военного корабля — попытка демонстрации советского господства на Черном море{61}. Отношения с Турцией ухудшились еще больше, когда по возвращении в Анкару Саракоглу в конце концов подписал договор о взаимной помощи с Англией и Францией{62}.

Вопрос о Проливах стал для Советов наваждением, от которого не так легко было избавиться. Вслед за унизительным Парижским соглашением 1856 г. соглашение в Монтре 1923 г. разрешало свободный [28] проход торговых и военных судов и возлагало контроль над Проливами на международную комиссию. Такая система давала явное преимущество Англии и потому оспаривалась как Турцией, потерявшей суверенитет над Проливами, так и Россией, чувствовавшей прямую угрозу для себя. Нацистская угроза привела к модификации соглашения в 1936 г. Хотя проход для торговых и военных кораблей в мирное время оставался свободным, для военных кораблей воюющих стран Проливы закрывались, пока Турция сохраняла нейтралитет. Как только Турция вступала в войну, контроль над Проливами полностью переходил к ней. С точки зрения русских, новые обязательства Турции перед Англией делали турецкий нейтралитет явной стратегической угрозой. В новых обстоятельствах планы Союзников, развернутые адмиралом Дрэксом и другими членами англо-французской миссии в Кремле в августе, получали зловещую окраску. Планы эти были направлены на то, чтобы упредить немцев, закрыв турецкие Проливы и захватив контроль над устьем Дуная и румынским побережьем Черного моря. Теперь в Кремле боялись, как бы англо-французские военно-морские силы в самом деле не привели их в исполнение, но с существенным дополнением вражды к Советскому Союзу{63}.

Советские опасения были небеспочвенны. Патовая ситуация на Западном фронте во время "странной войны" заставила генерала Эдмунда Айронсайда, начальника британского Генерального штаба, настаивать на вторжении в Румынию, с тем чтобы захватить нефтепромыслы, повернуть Германию на Балканы и сорвать

поставку товаров из Советского Союза в Германию. Необходимым условием успеха этого плана было открытие турецких Проливов для британского флота, делающее Турцию воюющей стороной. С точки зрения турок, однако, главной угрозой являлась возможность распространения германо-советского сговора на Балканы. Поэтому президент Исмет Иноню продолжал соблюдать доброжелательный нейтралитет по отношению к Англии, которую он считал "надежнейшей страховой компанией в мире"{64}.

Сталина соответственно информировали о предположениях турок, что "превосходство французского и английского флотов" — самый надежный щит для них. Советский посол в Анкаре предупреждал Москву как о fait accompli{*7}, что "англичане могут не спросить турок, пускаясь в ту или иную авантюру, распространяя пожар войны на Балканы и в районе Черного моря". Он яркими красками описывал поспешное укрепление и милитаризацию Проливов{65}. Поток донесений из разных балканских столиц приносил Москве мало радости. Были подозрения, будто Британия "предполагала в Солуне [Салоники] высадить десант, якобы для противодействия итальянской агрессии"{66}. Иван Майский, с давних пор советский посол в Лондоне, подлил масла в огонь, открыв, что англичане заплатили огромные суммы за пакт с Турцией, который был их "козырем против СССР". Он предупреждал: это "открывает перед Англией различные политические и военные возможности на Балканах и в районе Черного моря, возможности, которые при известных условиях она может использовать против нас"{67}. [29]

Неспособность Чемберлена четко сформулировать план ведения войны вкупе с меняющимися политическими реалиями внесли свой вклад в ухудшение отношений во время советской войны с Финляндией зимой 1939 г. Политические предубеждения, помешавшие соглашению с Россией летом 1938 г., продолжали управлять внешней политикой. Александр Кэдоган, постоянный заместитель министра в Форин Оффис, признавался в своем дневнике, что в последнее время он "все чаще и чаще спрашивал себя, неужели мы должны воздерживаться от любых действий, могущих принести нам выгоду, лишь из страха оказаться в состоянии войны с Россией"{68}. Разработчики Генерального штаба не желали вступать в открытый вооруженный конфликт, который, "с чисто военной точки зрения, затруднил бы достижение нашей главной цели, победы над Германией"{69}. Им, однако, резко возражал Северный департамент Форин Оффис, ведавший русскими делами, там серьезно сомневались, что Красная Армия

"даст какой-либо отпор военным действиям Германии", и считали это прекрасной возможностью "полностью уничтожить советскую военную мощь"{70}.

Косвенная поддержка, оказанная Британией Финляндии во время Зимней войны, не на шутку встревожила Кремль. Как предупреждал Сталина Майский, и бывшие примиренцы, и Черчилль "глубоко убеждены, что уже сейчас между СССР и Германией имеется тайный военный союз... вылитое из железа соглашение, которое фактически превращает оба государства в единый неразрывный блок". Примирительные шаги Черчилля показывали, по его мнению, что тот "маневрирует и выжидает. Таким образом, тенденция развития в настоящий момент, видимо, идет к окончательной победе линии на расширение войны, на вовлечение в войну СССР"{71}. Существовало опасение, как бы уверенность в неминуемом союзе между Советским Союзом и Германией не побудила англичан либо воевать с Советским Союзом, либо втянуть его в войну с Германией. Майский уже открыл Галифаксу, что "стремительность" германских завоеваний явилась "большим сюрпризом" для русских, которым "вовсе не улыбалось в будущем иметь своим ближайшим соседом мощную и победоносную Германию"{72}. Теперь Молотов требовал объявить "смешным и оскорбительным" предположение, будто Советский Союз добивается военного союза с Германией; "даже простачки в политике, — подчеркивал он, — не вступают так просто в военный союз с воюющей державой, понимая всю сложность и риск подобного союза". Далее Майский получил проект условий мира с Финляндией, разрабатывавшийся советскими военными как "единственная реальная минимальная гарантия безопасности Ленинграда". Майский должен был подтвердить намерение Советского Союза оставаться нейтральным до тех пор, пока Англия и Франция "не нападут на СССР и не заставят взяться за оружие"{73}. Просьба о посредничестве в диалоге с Финляндией сэра Стаффорда Криппса, воинствующего левого члена парламента, специально прилетевшего из Китая, который он посетил в ходе кругосветного турне, лишний раз свидетельствовала о затруднительном положении русских{74}. Коминтерн также был мобилизован на службу советской дипломатии, выступая с обвинениями Англии и Франции в том, что они "развязали войну с Германией и стараются расширить военный фронт [30] с тем, чтобы превратить начатую ими войну в антисоветскую войну"{75}.

Страх перед войной с Англией заставлял русских стремиться к быстрому завершению войны с Финляндией и подписанию мира, желательно при английском

посредничестве. Едва высохли чернила на соглашении, как внимание было привлечено к Турции и Балканам. "Странная война", по-видимому, давала Лондону возможность усилить тайный контроль и "нажим в той части света, которая в настоящее время закрыта для нас"{76}. Британский главнокомандующий уверял турок, что из-за германской угрозы Румынии и советской — Турции "жизненно важно, чтобы флот Его Величества мог беспрепятственно пройти в Черное море". Стамбул, напомнили им, всего в 300 милях от советской военно-морской базы в Севастополе, тогда как ближайшая британская база почти на 850 миль дальше. В тот момент турецкое правительство воспротивилось нажиму англичан, хорошо понимая, что заблаговременные обязательства могут стать нарушением конвенции в Монтре и сделать их воюющей стороной{77}.

Тем временем Кремль получал из разных балканских столиц донесения, описывающие возросшие усилия англичан направить Малую Антанту против Советского Союза, а не Центральных держав, как задумывалось первоначально. Постоянным мотивом стала роль Турции в облегчении переброски войск из Сирии и Египта "через Дарданеллы" при подготовке "новой Крымской войны"{78}. Подозрения настолько усилились, что Молотов запросил Актая, давнего и авторитетного турецкого посла в Москве, как интерпретировать "многочисленные поездки Вейгана в Турцию и путешествия членов турецкого правительства к советской границе, где они рассматривают стратегические районы". Как он может объяснить загадочное замечание своего премьер-министра, отрицавшего ухудшение отношений с Советским Союзом, что "мы живем в эпоху, когда все скрывают свои намерения"? Прежде чем Актай смог ответить, его вызвали для консультаций в Анкару, как раз когда были отозваны из Москвы английский и французский послы в знак протеста против финской войны{79}. Вскоре после этого просьба англичан о проходе флота через Дарданеллы попала в печать и этот вопрос был поднят в парламенте{80}. Би-Би-Си, весьма преувеличивая, сообщало о переговорах по созданию в Анкаре объединенного штаба для выработки пакта о взаимопомощи{81}. В Берлине немцы также продолжали играть на советских опасениях, рисуя мрачными красками воинственные замыслы англичан в отношении данного региона{82}.

Эти опасения усиливались с ростом слухов о намерениях Союзников разбомбить нефтяные промыслы Баку, которые давали 80% авиационной нефти, 90%

керосина и 96% бензина, производимых в СССР{83}. Еще раньше Шуленбург открыл Молотову, что французские войска в Сирии на деле предназначены для операций в Баку и были попытки договориться с шахом о перелете самолетов Союзников через иранское воздушное пространство{84}. В Лондоне на самом деле были приведены в готовность самолеты для совместного англо-французского рейда на бакинские нефтепромыслы{85}. Ожидалось, что их разрушение "окажет решающее воздействие на боеспособность советской армии и жизнь населения". [31]

Возможный ответ Советского Союза на подобную операцию и тот факт, что она "неизбежно приведет к союзу между Германией и СССР", в расчет не брались. Фактически даже с явным сожалением отмечалось: "Чтобы предпринять прямую атаку на Кавказ, нам необходима причина для ссоры с Советским правительством, если только они не будут настолько глупы, чтобы дать нам реальный повод для военных действий против них"{86}. Главная сложность заключалась в отношениях с Турцией. Тогда как французы хотели заставить турецкое правительство пропустить бомбардировщики Союзников к Баку через свое воздушное пространство, англичане считали, что Турция "словно "чека в колесе" этой части света и было бы рискованно "грубить" ей, как другим нейтралам". Рено, французского премьер-министра, подобные соображения мало трогали. Он настаивал на своем требовании "перейти к действиям на Черном море" и даже полагал, что существенным фактором сдерживания против турецкого сговора с Советским Союзом была бы оккупация Бессарабии{87}.

Чтобы преодолеть сопротивление турок, Черчилль, как Первый Лорд Адмиралтейства, всячески поощрял Галифакса посетить этот регион. Он надеялся также, что Галифакс убедит турок разрешить британским субмаринам действовать в Черном море против германских и советских подлодок; он настаивал на необходимости таких действий с октября{88}. Перед отъездом Галифакс вызвал в Лондон для консультаций глав дипломатических миссий в Юго-Восточной Европе, прекрасно понимая, что подобное сборище невозможно скрыть и оно "даст конкретное доказательство нашего активного интереса к Балканам"{89}. Во время подготовки к консультациям германское вторжение в Данию и Норвегию привело к перестановкам в кабинете, усилив позиции Черчилля, который был движущей силой балканских планов{90}. На первый взгляд, Союзники стремились к консолидации "благожелательного нейтрального блока, чтобы предотвратить

распространение войны на Балканы". Однако они понимали, что их преобладание па Балканах поведет к вражде с Советским Союзом, и выражали надежду, что Турция "поможет возможной интервенции Союзников, ради своего же блага", предоставив контроль над Проливами и разрешив свободный проход войск{91}. Забывая об опасности, надвигавшейся на Европу, Генеральный штаб отмечал "не слишком впечатляющие" \спехи вермахта. Турции предназначалась роль важнейшего стратегического плацдарма Англии, без ее "активного сотрудничества будет трудно в случае необходимости предпринять активные враждебные действия против России, атаковать жизненно важные нефтяные месторождения на Кавказе"{92}.

Никто из послов не проявил энтузиазма по поводу бакинского проекта. Они не рассчитывали, что турки одобрят подобные планы, если только русские не двинутся за Дунай. Новые советские мирные предложения совершенно правильно объяснялись боязнью английских акций на Черном море. Поэтому, по инструкции Галифакса, переговоры о торговле, предложенные русскими, должны были вестись "сквозь зубы", таким образом, чтобы "не помешать нам позднее провести акцию на Кавказе, если турки согласятся сотрудничать с нами в этом". Значение лондонской встречи заключается не в ее практических результатах, мгновенно устаревших вследствие действий вермахта на западе. Тем не менее, один лишь получивший широкую [32] известность факт созыва данного собрания укрепил подозрения Сталина и ускорил его собственную интервенцию на Балканы{93}. Черчилль еще больше утвердился в своем неприятии любых примирительных мер; "кто садится ужинать с дьяволом, — предостерегал он Высший союзный совет, — должен запастись длинной ложкой". Рено продолжал настаивать на бомбардировке кавказских нефтепромыслов, которая "может вызвать хаос в России", вплоть до германского вторжения во Францию. Однако зависимость от отношений с Турцией, чье воздушное пространство пришлось бы нарушить, защищала Советский Союз{94}.

Миссия Криппса в Москве

Глубоко укоренившиеся предрассудки не давали Черчиллю сколько-нибудь существенно изменить политику в отношении Советского Союза, после того как он занял пост премьера в мае 1940 г.{95}. Единственным явным исключением было назначение сэра Стаффорда Криппса послом в Москву. Задним числом Черчилль сумел записать себе в кредит и это назначение. Однако идея исходила от

Галифакса, бывшего движущей силой прежних инициатив Криппса, и всячески поощрялась русскими. Это становится ясно из различных записей в неопубликованном дневнике Галифакса. 17 мая он писал: "После заседания кабинета я говорил [с Черчиллем] несколько минут в саду, частью о моей идее послать Криппса с исследовательской миссией в Москву, а частью о перспективах войны", — и три дня спустя добавил: "У меня были разные дела в офисе, в конце я повидался с Майским и попросил его выяснить, согласятся ли Советы с моей идеей послать Стаффорда Криппса с исследовательской миссией по вопросам торговли в Москву. Я был бы удивлен, если бы не согласились, и вполне может быть, при сложившемся положении вещей, что русские захотят поставить вопрос немного шире". Наконец, 26-го: "В 6 часов виделся с Майским. Советское правительство согласно на Криппса, но они хотят, чтобы он был послом. Я сказал Майскому, что мы собирались назначить посла, но не предполагали, что Советское правительство выберет его за нас". Но, как оказалось, так оно и сделало{96}. В свете своего последующего соперничества с Криппсом Черчилль оправдывал это назначение тем, что "не представлял достаточно ясно, что советские коммунисты особенно ненавидят левых политиков, больше даже, чем тори и либералов". Он цинично пояснял: "Московское посольство у нас самое дорогое. Криппс единственный подходящий левый, который купается в деньгах"{97}.

Если миссия Криппса и имела какой-нибудь шанс на успех, он зависел от кардинального пересмотра и определения политики кабинета. Майский с самого начала говорил ему, что положение у посла как у купца: "если он продает хороший товар, успех ему обеспечен даже и при скромных личных качествах; если же он продает плохой товар, провал его неизбежен даже при самых лучших личных качествах". Впоследствии он сочувствовал провалу Криппса, относя его на счет того, что у последнего не было "хорошего товара", а его покупатель не захотел брать "гнилья". Майский не знал о схожей метафоре, употребленной Ормом Сарджентом, помощником заместителя министра: тот не ждал, что Сталин ответит Криппсу, который "стоял просителем [33] у его дверей с жестяной бляхой своих патетических мирных предложеньиц в одной руке и тряпочкой, чтобы начищать ее, в другой"{98}.

К моменту назначения Криппс, изгнанный из своего лейбористского правительства за отстаивание антифашистского фронта с коммунистами в 1939 г., был полностью поглощен "формированием послевоенного мира". Он предвидел, что Советский

Союз и Соединенные Штаты станут великими державами, оттеснив Британию на позицию "форпоста" в Европе{99}. По этому поводу он встречался с глазу на глаз со Сталиным, никогда не упускавшим случая изложить свое видение послевоенного устройства. Как предполагал Криппс, питавший мало иллюзий относительно идейных убеждений Сталина, единственная возможность оторвать Советский Союз от Германии основана "на предложении длительной дружбы и сотрудничества в послевоенной реконструкции"{100}. Черчилль, однако, избегал всякого обсуждения кабинетом целей войны. Он все еще, как жаловался Криппс, "пребывал в эпохе до 1914 года и отчаянно старался задержаться там". У него не было свежего, провидческого взгляда на послевоенную Европу. Не стоит отвлекаться на упрощенное представление в его мемуарах целей войны как уничтожения нацизма и возвращения к status quo ante bellum{*8}. Оно маскирует присущие ему империалистические воззрения и надежду на предоставленную войной возможность укрепить пошатнувшееся международное положение Британии.

В отличие от Черчилля, Криппс рассматривал войну как катализатор социальных и политических перемен у себя дома. Он упрекал Черчилля за отсутствие предвидения и подчинение всех разногласий задаче выиграть войну. По Криппсу, Черчилль "пребывал в эпохе до 1914 года и отчаянно старался задержаться там, ошибочно полагая, будто можно все время смотреть назад и постоянно находиться в положении предохранительного клапана!"{101} Принципиальный политический спор между Криппсом и Черчиллем, затушевываемый последним в своих мемуарах, имеет важнейшее значение для понимания событий, сопровождавших германское вторжение и возникновение Большого Альянса.

Криппс был не одинок в пропаганде своих идей. Его политический вес вырос после возвращения в Англию в 1942 г. не только из-за его солидарности с героическим сопротивлением Красной Армии, как уверяет нас Черчилль{102}, но и в результате опыта и репутации, приобретенных во время его миссии в Москве. Отстаивание Криппсом своего взгляда на послевоенную реконструкцию создало базу для объединения усилий не только лейбористских политиков, но и появившейся сильной группы "прогрессивных консерваторов". Сэр Уолтер Монктон, Генеральный директор Министерства информации, впоследствии министр обороны, явно поощрял конфронтацию Криппса с Черчиллем, давая ему советы с политической точки зрения:

"Я боюсь, что слишком долгое пребывание в столь неудовлетворительном положении вредно отразится на ваших перспективах возглавить всех нас чуть позже. Дело в том, что нет удовлетворительного преемника или альтернативы Уинстону. Мне совершенно ясно теперь, что Эрни Бевин не годится. Энтони [Иден] слишком известен как [34] мыслитель, чтобы стать великим лидером, и бесполезно искать среди оставшихся нужные качества ума и характера... Я говорил о вас как о лидере с самыми разными людьми, начиная с Нэнси Астор. Я обнаружил, что все они склоняются к этой возможности"{103}.

В самом деле, когда Криппс был вызван в Англию для консультаций в начале июня 1941 г., передовица "Тайме" настаивала на использовании его "выдающихся способностей ближе к дому... для улучшения качества представительства Лейбористской партии в высших органах страны". Черчилль был вынужден пообещать ему место в Военном кабинете по завершении его миссии в Москве.

Необычная создалась ситуация, когда Криппс, член фракции левого меньшинства в парламенте, оказался в исключительно важной роли британского посла в единственной великой державе на Континенте, еще не сокрушенной Германией, но при этом остающейся в открытой оппозиции к его собственному правительству. Назначение мотивировалось также внутренними соображениями. Батлер, заместитель парламентского секретаря, предупреждал Галифакса о "настоятельных требованиях сближения в этом новом правительстве, и справа, и слева, на вас просто будут давить, если Криппс не поедет"{104}. Назначение Криппса, хотя и санкционированное изначально русскими, рассматривалось обанкротившимся правительством как последняя попытка вбить клин между Советским Союзом и Германией после сокрушительного поражения Франции. Решительные попытки втянуть Советский Союз в войну были краеугольным камнем британской политики.

По существу, Криппс послушно следовал черчиллевской политике отдаления Советского Союза от Германии. Однако, в отличие от Черчилля и Форин Оффис, он предполагал, что Сталин сознает непрочность пакта и отчаянно старается отсрочить неизбежное столкновение с Германией. С самого начала своей миссии Криппс не питал иллюзий в отношении Сталина: для него "Ленин был великим мировым реформатором, чьи благородные помыслы извратил Сталин". Как он признавался шведскому послу в Москве, Сталин — "хитрый грузин, для которого власть — это все и который мало заботится о миллионах людей, правя ими

железной рукой, без всякого намека на сколько-нибудь заметное улушение условий жизни масс до сих пор. Власть для него — все, и, чтобы остаться у власти, он заключил бы соглашение с самим папой римским, если бы это служило его интересам". Следовательно, Криппс не исключал возможности, что в определенных обстоятельствах Сталин может поддаться Гитлеру и пойти на большие уступки, чтобы отсрочить войну, которую он рассматривал как угрозу своему режиму{105}.

В конечном итоге падение Франции и назначение Криппса скорее поддерживали господствующее в Англии отношение к Советскому Союзу, чем изменяли его. Правда, потеря союзников на континенте на какой-то момент побудила англичан сблизиться с русскими. Но принятые меры были явно недостаточны и слишком запоздали. Форин Оффис особенно отрицательно относился к назначению Криппса, все еще члена парламента, представляющего воинственное левое крыло, утверждая, что "большой кулак" встретил бы в Москве лучший прием. [35]

В середине июля Орм Сарджент представил на рассмотрение в Форин Оффис важный меморандум, опровергавший распространенное мнение, будто Германия и Советский Союз непременно поссорятся. Советский Союз сможет решительно повлиять на ход событий, только если непосредственно вмешается в войну на стороне Британии: "Что касается каких-либо решительных шагов к превентивной войне против Германии, на данном этапе Сталина, возможно, удерживают от них страх перед германской военной мощью, желание избежать войны с великой державой, которое, в значительной степени по внутренним причинам, долго было ведущим принципом советской внешней политики, а также то соображение, что Германия вряд ли выйдет из схватки с Великобританией совершенно невредимой и, возможно, не решится напасть на Советский Союз в этом году, особенно если Советское правительство окажется достаточно покладистым". Чтобы задержать триумфальное шествие Гитлера, лучшим курсом для Сталина было "продолжать сотрудничать с ним и поддерживать хорошие отношения, насколько возможно".

Этот реалистичный и точный анализ далее в меморандуме был испорчен детерминистским и идеологическим взглядом Форин Оффис на Советский Союз. Все попытки подорвать пакт Молотова — Риббентропа были признаны пустой тратой времени, так как "ни один диктатор не осмелится отвернуться от другого, боясь получить нож в спину". Поскольку и Сталин, и Гитлер рассматривались как "главные враги" Британской империи, можно было с уверенностью предположить,

что "аппетит придет к ним во время еды". Следовательно, нет смысла пытаться отделить Советский Союз от Германии. Два диктатора, говорилось в заключение в этом документе, "в конечном счете поссорятся из-за добычи, но этого не случится, пока идет война, и нам не стоит учитывать такую ссору при оценке трудностей и опасностей, которые могут встретиться Германии в ближайшем будущем". В отсутствие цельной политики этот меморандум, высоко оцененный Галифаксом, был представлен Черчиллю и различным разведывательным службам. Его выводы постепенно стали руководящей концепцией в отношениях с Москвой до нападения Германии на Советский Союз{106}.

Глава 2. Схватка за Балканы

Советско-итальянский сговор

Рассматривая тяжелые потери, понесенные Красной Армией на первом этапе операции "Барбаросса", часто утверждают, что упорное сопротивление финнов в Зимнюю войну обнажило слабость Красной Армии и вдохновило Гитлера на рискованную войну с Советским Союзом. Однако современники в Германии и сопредельных с Советским Союзом странах считали, что финская война скорее продемонстрировала решимость Сталина применять силу везде, где он усматривал угрозу жизненным интересам Советов{107}. С приходом весны Сталин, покоясь на лаврах после заключения пакта Молотова — Риббентропа и конечной победы над Финляндией, временно расслабился. Шуленбург поддерживал в нем это настроение. Признавая свою малую осведомленность о сокровенных замыслах Гитлера, он, тем не менее, был уверен, что англичане "удивятся тому, что им готовит Германия". Он заверял Молотова, что война в Финляндии не затронула германских интересов, и даже поздравлял Красную Армию с победой{108}. И Риббентроп, и Вайцзеккер, глава германского Министерства иностранных дел, следовали его примеру{109}. На переговорах с Герингом, которого в Кремле считали главным вдохновителем похода на СССР, маршал авиации не только обещал начать военные поставки, но и "усиленно подчеркивал исключительную дружбу Германии к Советскому Союзу". Он даже объявил о передаче Советскому Военно-Морскому Флоту нового крейсера "Лютцов", с которым расставался "с болью в сердце". Он цитировал слова Гитлера, что решение о союзе Германии с Советским Союзом "твердо и бесповоротно"{110}. Позже Сталин узнал, что Гитлер подтвердил существование долгосрочного соглашения о разделе сфер интересов

между Германией и Советским Союзом в беседе с заместителем госсекретаря США Самнером Уэллсом в Берлине{111}.

Сталин был настолько уверен в себе, что приостановил поставки сырья в Германию в отместку за неудовлетворительное снабжение России углем и военным снаряжением. Из миллиона тонн зерна, обещанного Германии, только 150 000 тонн были отправлены, поставки продуктов переработки нефти и угля шли не лучше{112}. Возможно, в последний раз Микоян, министр внешней торговли, мог осмелиться открыто подвергать сомнению "честность" Германии, заявляя, что "не может позволить себе дальше оставаться в дураках, ибо фактически происходит не двухсторонний товарооборот, а односторонние поставки товаров Наркомвнешторгом Германии"{113}. Сталин пошел еще дальше, предъявив Германии ультиматум. Он требовал заключения краткосрочного торгового соглашения об экспорте советского сырья на сумму 420 — 430 млн марок, которую "германская сторона будет компенсировать промышленными и военными поставками на эту же сумму"{114}. Эта преувеличенная уверенность, однако, немедленно [40] испарилась после молниеносной германской кампании против Дании и Норвегии в начале мая. Советский ультиматум сменился объявлением о возобновлении поставок, сопровождавшимся выражением "надежды", что Германия будет "соблюдать свои обязательства"{115}. Тем не менее вывод о зависимости поставок сырья от доброй воли Сталина сыграл большую роль, когда Гитлер обдумывал операцию "Барбаросса"{116}.

В настоящий момент Сталин все еще был уверен, что страх перед Германией и Италией все больше и больше будет склонять Балканские государства "видеть в России своего естественного защитника"{117}. Сознавая угрозу столкновения из-за Балкан, Шуленбург отбыл в Берлин готовить почву для визита Молотова{118}. Однако Сталин, не желая "плестись у Германии в хвосте", вежливо отклонил эту идею{119}. Он все еще благодушно не замечал опасности со стороны Германии его продолжала преследовать мысль об угрозе с юга, где, по его расчетам, Турция могла послужить плацдармом для нападения Союзников на Советский Союз. В послании, направленном им к дню рождения Гитлера, видны первые признаки его озабоченности ростом числа сообщений о том, что "Германия при усилении английского саботажа на Балканах зажжет там огонь войны"{120}. Риббентроп, играя на известных страхах Сталина, представлял германские инициативы в этом регионе как контрмеры против попыток англичан заставить турок открыть

Проливы для британского и французского флотов{121}. Теперь, когда карта Северной и Центральной Европы была перекроена, будущее Юго-Восточной Европы, до того игнорировавшейся, рисовалось в мрачном свете. Крушение Франции расстроило Балканскую Антанту и создало опасный вакуум. Неспособность Британии подкрепить свои гарантии поставила Румынию и Турцию в трудное положение{122}.

Молотовские поздравления Шуленбургу "с блестящим успехом Германских Вооруженных Сил" во Франции контрастируют с паникой, охватившей Москву в результате "быстрого прогресса" этой кампании{123}. Они — лишь прелюдия к вялым извинениям Молотова по поводу поспешной оккупации Прибалтийских государств в то же утро с целью уничтожить "в прибалтийских странах почву для французских и английских интриг". Немцев смущала и поспешная передислокация Красной Армии "для защиты границ" Литвы от неназываемого противника. Объяснения были столь неубедительны, что Шуленбург предпочел отослать в Берлин сильно отредактированную версию своих бесед по этому поводу{124}.

Закрепиться на Балканах стало для русских настоятельной необходимостью, как только просочилась зловещая информация, что бои на западе закончатся в течение двух месяцев; было ясно, что немцы "в недалеком будущем... повернулись бы на Восток"{125}. Сокрушительное поражение Франции сблизило Россию с Италией, отношения с которой были напряженными с начала войны в сентябре 1939. Муссолини боялся, как бы пакт Молотова — Риббентропа, будучи распространен на Юго-Восточную Европу, не ударил по итальянским амбициям в этой области. Для Сталина не было секретом, что Муссолини "перебрасывая мост к Англии и Франции, сохраняет эмбриональную возможность разных перспективных антисоветских комбинаций". Гитлер, по слухам, одобрял подобные инициативы, надеясь изолировать [41] русских и заставить их "удовлетворять стремления Берлина, а затем и выполнять экономические обязательства". Граф Чиано, итальянский министр иностранных дел, даже уговаривал румынское правительство "проводить твердую линию относительно Бессарабии", обещая щедрую помощь в случае нападения{126}. Все еще убаюканный своим пактом с Гитлером, Сталин надеялся преподать итальянскому правительству урок, что "для него невыгодно дальнейшее обострение отношений с Советским Союзом". В начале января 1940 по очереди были отозваны послы из Рима и Москвы. Отношения еще более ухудшились, когда министры иностранных дел Италии и

Венгрии встретились в Венеции, чтобы обсудить будущее Балкан. Хотя эта конференция не была открыто направлена против Советского Союза, исключение его из переговоров, касающихся различных претензий к Румынии, явно ущемляло советские интересы{127}.

Как мы убедились{128}, англичане страстно желали разжечь войну на Балканах. Гитлер, со своей стороны, стремился к миру, пока не были реализованы планы кампании на западе. Кроме того, попытки Муссолини оживить Балканскую Антанту сводили на нет усилия Риббентропа примирить страны Оси с Московским пактом. Во время визита в Рим в середине марта Риббентроп нажал на Муссолини, чтобы тот сохранял status quo в отношениях с Советским Союзом. Закладывая основы своего амбициозного Континентального блока{129}, Риббентроп оказал такое же давление и на русских{130}. Однако Чиано сделал нерешительные шаги к примирению с русскими только в конце апреля, когда обнаружилось, что его пытались использовать как проводника румынских жалоб на Советский Союз в Берлин, и Италия отдалилась от Румынии{131}. Муссолини неохотно смягчился, туманно высказываясь о своей готовности вернуть послов{132}. Но в Москве на тот момент считали, что Чиано препятствует сближению, и дело зашло в тупик. Молотов предпочитал следовать ходу событий; Советский Союз, как он говорил Шуленбургу, "неподходящее место для раздражения нервов"{133}. "Не парадоксальная ли ситуация? — заметил Машиа, итальянский поверенный в делах в Москве, на дипломатическом приеме. — Мы враги Советского Союза и друзья Германии, а Германия в то же самое время связана с Москвой". Он также выразил сомнение в том, что Муссолини позволит русским "внедриться в этот "жизненный центр Италии""{134}. Однако поразительный успех вермахта во Франции смешал все карты и помог Муссолини и Сталину преодолеть взаимные подозрения. Новая общность интересов взросла на руинах прежнего британского присутствия в регионе. Как только вспыхнула война во Франции, Ханс Георг фон Маккенсен, германский посол в Риме, стремясь сохранить мир на Балканах, обещал Гельфанду, советскому поверенному в делах, что "балканская проблема будет разрешена совместно Германией, Италией и СССР без войны". Но успехи на поле боя произвели перемену в настроениях. Хотя русские продолжали рассматривать упомянутое утверждение как обязательство со стороны Германии, Маккенсен теперь называл это "плодом воображения Гельфанда". Относительно развязав себе руки, Гитлер обеспокоился ростом итало-советского взаимопонимания,

которое могло выйти за рамки его первоначального плана и бросить вызов естественному господству Германии в регионе. Опьяненный своими военными успехами, он полагал, что разрешение всех спорных вопросов на Балканах [42] может быть достигнуто "лишь демонстрацией силы победителей, не доводя дело до рукопашной". Сталин оказался перед мрачной перспективой: остаться в стороне или быть раздавленным Германией, если он не проявит инициативу, чтобы защитить интересы Советского Союза{135}.

Страх перед итальянским наступлением на Балканы из Салоник после вступления Италии в войну вызвал новую ориентацию советской политики{136}. Молотов теперь приветствовал возвращение Россо, итальянского посла, в Москву, хотя тот прибыл с пустыми руками, не сумев встретиться с Чиано перед отъездом. Молотов рассматривал вступление Италии в войну как снимающее английскую угрозу Советскому Союзу на Черном море и выражал надежду, что "голоса Германии и Италии, а также и Советского Союза будут более слышны, чем хотя бы год тому назад"{137}. Муссолини также отказался от своих надежд на Союзников и стремился добиться каких-то гарантий от русских по балканской проблеме{138}. Гарантии Союзников на Балканах, шутил Чиано, можно сравнить "с бутылкой вина, которую много лет сохраняют в надежде получить крепкое и хорошее вино, но когда открывают эту бутылку, то находят в ней вместо вина уксус"{139}. В Мюнхене, как узнал Сталин, Муссолини уведомил Гитлера, что "стремится к максимальному улучшению и углублению политических и экономических отношений с СССР"{140}.

Как и Сталин, итальянцы ожидали, что Гитлер нанесет несколько ударов по Англии, сломит ее сопротивление и усадит наиболее разумных лидеров, таких как Ллойд Джордж, за стол переговоров, где будет установлен новый европейский порядок. Эти прогнозы подтверждали агенты НКВД в ставке Геринга. Перспектива близящейся мирной конференции побуждала и Советский Союз, и Италию объединить свои интересы на Балканах, в Проливах и Средиземном море. Как только мирная конференция будет созвана, считал Сталин, Россия окажется достаточно сильна, чтобы удовлетворить свои прошлые и настоящие претензии{141}. Новый союз определенно должен был служить противовесом германскому влиянию в Центральной и Западной Европе. В Риме советский посол усердно льстил Муссолини, восхищаясь вековым историческим наследием Италии, но тут же переходил к делу, давая понять, что конец англо-французского

владычества в Европе привел к тому, что "усиливаются на международной арене голоса СССР, Италии и Германии". Сам Муссолини, затушевывая идеологические разногласия и педалируя тему общности интересов, создавал у Сталина ложное впечатление, будто место Советскому Союзу на мирной конференции обеспечено{142}.

Новое партнерство было закреплено в день советского вторжения в Бессарабию{143} подтверждением пакта о ненападении между Италией и Советским Союзом 1933 года, — "чтобы не только хранить его в душе, но и дать ему острые зубы". В довершение Сталин установил отношения с Югославией 24 июня; Югославия была единственной страной в Юго-Восточной Европе, которая отказывалась признать Советский Союз. Эта мера явно была направлена на уменьшение германского влияния в Югославии при распространении сферы советских интересов на этот регион{144}. Она дала, предупреждал германский посол в Белграде, "мощный импульс не только коммунистическим, но прежде всего русофильским тенденциям в стране. Общее настроение [43] таково, что равнение на Россию даст какую-то защиту от итало-германской опасности"{145}.

Теперь Италия и Советский Союз приступили к разделению сфер влияния на Средиземном море, Черном море и на Балканах. Россо предложил объявить Средиземное море "свободным морем в интересах Италии и всех народов, которые нуждаются в этой свободе". Было дано молчаливое согласие советским претензиям на Бессарабию и обещано место за столом переговоров, где будут решаться мирными средствами спорные вопросы между Румынией, Болгарией и Венгрией. Тревога русских из-за Проливов уменьшилась, когда Россо отказался от всяких претензий к Турции. Молотов поспешил сформулировать принципы нового партнерства: "Вы хотите утвердить ваши законные права на Средиземноморье, так же как Советский Союз имеет законное право на полный контроль над Черным морем, которое должно быть исключительно русским. Существующая система управления Проливами не должна сохраняться дольше, ее следует изменить". Забрезжили перспективы нового порядка на Балканах под эгидой двух держав, непосредственно присутствующих в регионе.

Тем временем спешно разрабатывались принципы советской политики на Балканах. Италия получала признание претензий Венгрии к Румынии. Что касается Болгарии, Молотов рассчитывал на ее традиционно тесную связь с Россией, которую он надеялся еще больше укрепить удовлетворением ее

территориальных претензий на румынскую Добруджу и греческую Фракию. Россия не забывала о германских интересах в Румынии, особенно касающихся нефтяных месторождений, и была готова поделить сферы влияния там с Италией и Германией. Наконец, Молотов признавал главенствующую роль Италии в Средиземноморье, но взамен ожидал, что итальянцы согласятся признать советские интересы на Черном море{146}. Советско-итальянское взаимопонимание несомненно открыло дорогу русской оккупации Бессарабии. Но как только немцы обратили свой взгляд на Балканы, они бросили все свои силы на то, чтобы оборвать мертворожденное сотрудничество Италии с русскими. Муссолини предупредили, что "любое дальнейшее участие России может побудить Балканские страны натравить одну великую державу на другую". Германия была заинтересована в том, чтобы сохранять, "насколько возможно, неопределенное положение" Проливов и противостоять Турции, которая имела "лишь ничего не значащие гарантии от Англии и, с другой стороны, находилась в жесткой оппозиции к России"{147}.

Захват Советами Бессарабии

Оккупация Бессарабии и Северной Буковины в конце июня 1940 г. была скорее результатом желания обезопасить себя на Балканах и побережье Черного моря, чем следствием ненасытного аппетита русских, как это часто представляют в литературе. Экспансия per se{*9} была лишена всякого идеологического мотива{148}. Как мы видели, Сталин не сразу осознал угрозу, которую германское вторжение в Нидерланды представляло для СССР при хрупком равновесии, установившемся [44] между двумя государствами в результате заключения пакта{149}. Как ни странно, он считал, что это вторжение отведет все возраставшую угрозу от Черного моря и Балкан. Молотов поэтому даже не обратил внимания на тот факт, что немцы не проконсультировались заранее с ним, как того требовали условия пакта Молотова — Риббентропа. Он безмятежно принял туманные объяснения немцев, что к войне на западе Германию вынудила угроза англо-французского прорыва в Рурский район через Бельгию и Голландию, выразив надежду, что эти события окажут "влияние на 1000-летний период дальнейшей германской истории"{150}. Еще больше успокоил его Риббентроп, который незадолго до окончания войны в Норвегии принял советского посла в своих личных апартаментах в Рейхсканцелярии "весьма дружелюбно". Риббентроп ловко направил советские подозрения по поводу войны на западе в сторону

англичан, ссылаясь на захваченные в Нарвике документы, которые описывали давление, оказанное на Швецию и Норвегию, чтобы те пропустили британские войска в Финляндию{151}. Любая попытка Союзников открыть Сталину глаза на германскую опасность немедленно интерпретировалась как попытка втянуть Советский Союз в войну{152}.

Слухи о советских видах на Бессарабию ходили с начала войны{153}. Хотя Молотов отметал подозрения по поводу советских "гнусных замыслов" разжечь пожар на Балканах, он никогда не отказывался от претензий на Бессарабию{154}. С самого начала он дал понять, что аннексия вызывается необходимостью для Советов контролировать устье Дуная. По этой причине еще в октябре 1939 г. у турок настойчиво пытались добиться согласия на вторжение в Бессарабию, что не дало бы англичанам и французам оказать помощь Румынии, послав флот через Босфор{155}. Однако турки сотрудничать отказались, боясь германо-советского сговора на Черном море. Саракоглу всячески старался отговорить русских, не исключая возможности прохода в Черное море торговых судов, груженных военным снаряжением, если в регионе вспыхнет война. Таким образом, договор о взаимопомощи, подписанный между Турцией и Британией накануне войны, в сочетании с британскими гарантиями Румынии делал интервенцию Союзников на Черном море весьма вероятной{156}.

Главной заботой англичан было не допустить выхода немцев в Черное море и создания угрозы румынским нефтяным промыслам. Какое-то время они даже носились с мыслью одобрить советскую оккупацию Бессарабии постольку, поскольку она не приведет к вспышке войны на Балканах{157}. Однако румыны рассматривали советскую угрозу как наиболее реальную. Они в полной мере использовали общее негодование против Советского Союза из-за войны в Финляндии, добиваясь английской военной помощи, чтобы предотвратить "неминуемую" оккупацию Бессарабии, могущую привести "к большевизации Центральной и Юго-Восточной Европы"{158}. После Зимней войны Молотов обнаружил, что Союзники в самом деле заговорили по-другому, призывая Румынию не уступать Бессарабию и действуя против СССР "путем распространения клеветнических и провокационных сведений, стремясь вызвать среди населения вражду к нам и расстроить нормальные отношения между СССР и Румынией"{159}. Страх перед Британией, с одной стороны, и желание предотвратить возможность советско-британского заговора, с другой, помешали

Сталину выполнить [45] соглашение с Риббентропом о будущем Бессарабии. Неожиданные трудности в Финляндии удержали его от новых военных авантюр.

Призрак английской угрозы на Черном море заставил Сталина искать решения бессарабского вопроса дипломатическими средствами. В середине февраля 1940 г. он обратился к румынскому правительству с предложением пакта о ненападении. Взамен он просил о контроле над устьем Дуная, особенно над портами Сулина и Констанца, в обмен на территории в Советской Молдавии{160}. Король Румынии Кароль, однако, в ответ сделал поразительное предложение британскому послу; он намекнул, что Британия могла бы преодолеть ограничения соглашения в Монтре, послав свой флот в Черное море под видом турецкого. За обильным обедом с улитками и устрицами, специально выписанными по этому случаю из Парижа, и превосходным портвейном король настойчиво убеждал посла использовать "великие возможности на Кавказе"{161}.

Распространив систему безопасности СССР на Балтийское море посредством мира, навязанного Финляндии, Сталин приступил к выполнению последнего пункта соглашения Молотова — Риббентропа. Бессарабия была отобрана у турок в 1812 году. Часть ее перешла к Румынии после Крымской войны, но была возвращена после войн 1877 — 1878 гг. По Договору в Нейи в 1919 г. весь регион отошел к Румынии. Хотя Сталин ссылался на этнические и исторические причины для оправдания претензий русских на Бессарабию, они были продиктованы прежде всего ощущением надвигающейся английской угрозы на Черном море. Распространение советской системы безопасности на устье Дуная создавало необходимую глубину обороны для Севастополя и Одессы, находившихся всего лишь в 40 км от румынской границы. Даже британский посол в Бухаресте неохотно признавал, что больше, чем территориальные приобретения или участие в контроле над нефтепромыслами, русских привлекало "право разместить гарнизоны в некоторых местностях на севере и иметь представителей и, по мере возможности, войска в румынских портах". Он и впоследствии придерживался этого мнения, убедительно утверждая: "С точки зрения русских, Бессарабия важна не только в силу этнографических соображений. Она могла бы стать великолепным плацдармом для германского удара в сердце Украины с развитием движения на Киев и Припять, подобные марши германское командование с таким успехом осуществило в своих кампаниях в Польше и Западной Европе. Лучшим средством защиты от такого маневра для России было бы создание линии обороны

по Карпатам и дельте Дуная"{162}. Преимущественное внимание Советов к контролю над Дунаем подтверждает тот факт, что они заставили румын участвовать в специальной смешанной комиссии, созданной в Одессе в дни оккупации для проведения границы в устье Дуная{163}.

Оккупация Северной Буковины также мотивировалась стратегическими соображениями. Она принесла Сталину контроль над главными железными дорогами между Украиной и Бессарабией через Черновцы и Львов. Шуленбург прилагал титанические усилия, чтобы скрыть от Гитлера стратегические замыслы Сталина, представляя раздел Буковины как шаг, навязанный Кремлю украинским окружением Сталина. Он напирал на тот факт, что Молотов с готовностью согласился "отказаться от претензий России на Карпатскую Украину". Он [46] предпочел навести глянец на реальные мотивы Советов, таившие в себе потенциальную угрозу столкновения советских интересов с германскими{164}. Для короля. Кароля стало невозможным отвести от себя удар посредством внезапного улучшения отношений. Напротив, Молотов начал готовить почву для аннексии, собирая сведения о вооруженных конфликтах на границе{165}.

Заручившись одобрением Муссолини, Сталин тщательно приурочил аннексию к моменту, пока "внимание воюющих стран приковано к западному фронту"{166}. Существенной стороной акции должна была быть быстрота, учитывая находившиеся в его распоряжении многочисленные свидетельства германских намерений захватить Румынию в тиски, возможно, вместе с итальянцами, как только будет окончена битва с Англией. Отставка прозападного министра иностранных дел Гафенку 30 мая укрепила в Кремле впечатление, что Румыния качнулась в сторону Германии{167}. Благоприятным временем представлялся конец июня, когда, согласно некоторым разведывательным донесениям, легшим на стол Сталина, Гитлер планировал атаковать Англию{168}. Готовясь к следующему шагу, Сталин согласовал с немцами вопрос о возобновлении поставок, которые фактически прекратились{169}.

21 июня генерал-лейтенант Эрнст Кестринг, с давних пор бывший германским военным атташе в Москве, сообщил советскому наркому обороны о жестких условиях, навязанных Франции, и унижении, испытанном ею при подписании капитуляции в "историческом вагоне" в Компьене{170}. В течение дня Шуленбурга спешно вызвали в Кремль и проинформировали, что Советский Союз долго и терпеливо ждал решения бессарабского вопроса, но "дальше ждать

нельзя"; Молотов даже не дал Шуленбургу времени проконсультироваться со своим руководством{171}. Новость о том, что Сталин собирается войти в Бессарабию, явилась для Шуленбурга неприятным сюрпризом. В дни триумфа Германии во Франции подобный воинственный шаг был весьма неожиданным, учитывая, что Гитлер мог собрать достаточно войск "для кампании против Советского Союза и с легкостью дошел бы до Урала"{172}. Однако, поскольку шла Битва за Англию, Гитлеру оставалось лишь придерживаться обязательств, данных Риббентропом в ходе его визита в Москву. В то же время он в полной мере использовал советские действия для укрепления своего влияния в Юго-Восточной Европе. Чтобы предвосхитить выдвижение венграми и болгарами их собственных претензий, что могло бы угрожать жизненным экономическим интересам Германии в Румынии, Гитлер перехватил инициативу, предложив себя как посредника и спасителя этих стран от большевизма. Королю Каролю было настоятельно рекомендовано уступить Бессарабию без сопротивления{173}.

В ночь на 26 июня Молотов предъявил румынам ультиматум с требованием немедленной эвакуации из Бессарабии{174}. В качестве последнего средства румыны попытались втянуть в конфликт Германию. Как предупреждал германский посол в Бухаресте, румыны готовы разжечь пожар на Балканах, что с военной точки зрения "глупо". Они, по-видимому, намеренно затягивали переговоры с русскими, надеясь, что после победы на западе Германия "в конце концов все-таки захочет убрать русских с Балкан"{175}. Сталин, однако, подготовился на все случаи. Просьба румынского правительства о продлении переговоров, поданная через час после истечения срока ультиматума, была отклонена. [47] Молотов проинформировал румынского посла о приказе "очистить румынским войскам территорию Бессарабии и северной части Буковины", завершив эвакуацию "полностью" в три дня{176}. Затем Шуленбургу сообщили, что Красной Армии уже дан приказ перейти Днестр и он не может быть отменен{177}.

Получив ультиматум, король Кароль, буквально в бешенстве, вызвал германского посла во дворец. Однако бесконечные интриги короля лишили его всякого уважения в глазах всех великих держав. Риббентроп прямо обвинил его в натравливании одной воюющей стороны на другую, когда он сначала получил английские гарантии, а потом искал поддержки у Германии, после того как ее превосходство стало очевидным{178}. К своему ужасу, король обнаружил, что итальянцы тоже сочувствовали претензиям русских{179}. В конце концов он

попытался заручиться поддержкой англичан, мрачными красками рисуя советскую угрозу Проливам. Он призывал Черчилля действовать, "как лорд Солсбери и мистер Дизраэли, когда Бессарабия перешла в другие руки в 1878 г.". Но в Лондоне к подобным намекам отнеслись как к "желанию румын в настоящий момент напугать нас до дрожи замыслами русских"{180}.

В конечном итоге румыны получили лишнюю пару часов для завершения вывода войск и на них возложили ответственность за сохранность железных дорог, мостов, аэродромов и промышленных комплексов{181}. Потенциальные претензии со стороны Болгарии и Венгрии не оставили королю Каролю другого выбора, как вверить свою судьбу Германии. Сталин, ослепленный своим маленьким успехом и уверенный в сотрудничестве Гитлера на Балканах, не увидел, как его хорошо срежиссированная акция на деле толкнула Румынию в германские объятия{182}.

Английские интриги вокруг Балкан

Новая российская историография приняла сторону историков времен холодной войны, возлагая лично на Сталина вину за неспособность Советов организовать эффективное сопротивление Германии. Теперь заявляют, что, отклонив предложения англичан и французов объединиться в борьбе за Балканы, Сталин упустил золотой шанс предотвратить войну с Германией{183}, не обращая, однако, внимания на контекст, в котором они были сделаны. Постановка балканского вопроса на повестку дня вскоре после падения Франции была несвоевременной, так как раскрывала истинные замыслы Союзников. Наследие долгой вражды и взаимных подозрений обусловило неудачу предложений, поступивших в таких обстоятельствах.

К лету 1941 г. Балканы стали не только единственным форпостом Британии в Европе, но и ключом к ее имперским владениям в Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Осенью 1939 г. Черчилль, Первый Лорд Адмиралтейства, запоздало попытался привлечь на свою сторону Советский Союз в борьбе против Германии; попытки втянуть СССР в войну стали как бы его фирменным знаком. Значение, которое он придавал Балканам, было доведено до общего сведения в его знаменитой речи по радио вскоре после заключения пакта Молотова — Риббентропа: "Я не могу предсказать действий России. Это тайна, покрытая мраком. Но, возможно, ключ к ней есть. Этот ключ — национальные [48] интересы России. И не в интересах безопасности России будет, если Германия утвердится на

берегах Черного моря или захватит Балканские государства и покорит славянские народы Юго-Восточной Европы. Это противоречило бы историческим жизненным интересам России"{184}. Он не скрывал от Майского своих планов обеспечения выхода в Черное море и недопущения германского контроля над устьем Дуная, откуда, по его мнению, Германия протянет свои руки к Малой Азии, Ирану и Индии{185}.

Черчилль забывал о том, какую угрозу его балканская политика представляет для Советского Союза. Майский привел высказывание Сталина в 1939 г., что Советский Союз не собирается "таскать для кого-то другого каштаны из огня"; было ясно, что в нынешних обстоятельствах он не горит желанием "сражаться с Германией от имени [Англии]"{186}. Тем не менее, возобновление германского экспансионизма побудило русских искать способы отвести угрозу действий англичан в Проливах или Баку и закрепить их нейтралитет. Средством для этого было выбрано заключение бартерного соглашения. Однако настояния англичан ограничить советский военный экспорт в Германию были названы "попыткой заставить нас [СССР] отойти от политики нейтралитета". Впрочем, Галифакс был доволен уже тем, что "кадриль с Майским началась", и не ожидал немедленных результатов{187}.

Прорыв обороны французов воскресил страхи Сталина, что Черчилль пойдет по стопам Петэна и будет пытаться заключить мир с Германией. Обращаясь к опыту Крымской войны и интервенции Антанты в гражданскую войну, он не исключал возможности, что Англия воспользуется превосходством своего флота в Средиземном море и, прорвавшись в Черное море, вынудит Россию к войне на два фронта{188}. В качестве альтернативы Союзники могли бы ослабить натиск на западе, открыв второй фронт на Балканах. Донесения из Софии утверждали, что "англо-французские агенты" в окружении царя Бориса и среди военных развили бурную деятельность в этом направлении{189}. Агенты НКВД в Стамбуле сообщали о выгрузке вооружений и боеприпасов с французских, английских и американских судов при укреплении Дарданелл. По их отчетам, британские танкеры стояли на якоре в Босфоре, а в Пирее ходили упорные слухи, что британская эскадра взяла курс на Черное море, пока турки развертывают войска на болгарской границе{190}. Намеки турок, что присутствие британского флота вблизи Проливов направлено против Италии, встречали явное недоверие{191}.

На таком фоне произошло назначение Криппса послом в Москву. Криппс прибыл, с одобрения Советов, якобы для переговоров о торговом соглашении. Однако Сталин, еще до приезда Криппса в Москву, прекрасно сознавал, что переговоры "могут плавно перейти в политические" и имеют целью "побудить русских надуть немцев"{192}. Если точнее, англичане желали, чтобы германские, русские и итальянские амбиции в Юго-Восточной Европе "взаимно сократились и стало бы возможным поддерживать там своего рода вакуум"{193}. Кэмпбелл, посол в Белграде с давних времен, поспешил предупредить, что ввиду "неразберихи в балканской политике для правительства Его Величества невыгодно, если не сказать бесполезно, активно вмешиваться в отношения между государствами Полуострова... Активная и, более того, открытая интервенция опасна и всякая попытка явного давления пагубна"{194}. [49] Конечно, присутствие Криппса в Москве и выражаемые им взгляды очень скоро породили слухи о растущей трещине в отношениях между Германией и Советским Союзом{195}. Искушение было непреодолимое.

Забывая о возникшем итало-советском согласии, Криппс предложил в первую же встречу с Молотовым в середине июня "объединить Балканские страны... против германской и итальянской агрессии"{196}. Новый французский посол Лабонн, под сильным влиянием Криппса, сделал похожие предложения, но решительно отказался обсуждать бессарабский вопрос. Его собственное признание, что "французские силы весьма сильно подорваны", возбудило у Молотова подозрение, что единственной его целью было спровоцировать спор между Германией и Советским Союзом; это подозрение никак не уменьшали свежие воспоминания о выдворении советского посла из Парижа и о том, как французское правительство уличили в вынашивании различных планов нападения на Советский Союз{197}.

Только после падения Франции Черчилль прямо обратился к Сталину. Он выражал надежду, что Криппсу будет "позволено узнать взгляды и намерения Советского правительства перед лицом внезапного расстройства всякого военного и политического равновесия в Европе". Однако те же обстоятельства, которые вынудили Черчилля обратиться к Сталину, сделали для Криппса невозможным следовать инструкциям Черчилля "быть осторожным и не создавать [у Сталина] впечатления, что мы пытаемся заставить его таскать для нас каштаны из огня или диктовать ему, где в нынешнем кризисе настоящие интересы России". Эти слова, звучащие уже как отчаянный призыв, подкреплялись внезапной готовностью

Черчилля признать, что аннексия Прибалтийских государств "продиктована близостью и размерами германской опасности, угрожающей теперь России, в каковом случае могут быть оправданы такие меры, предпринимаемые Советским правительством для самообороны, которые в других обстоятельствах подверглись бы критике"{198}.

1 июля Криппс был приглашен на беспрецедентную встречу со Сталиным, продолжавшуюся около трех часов. Он не знал, что в тот же день, когда он просил аудиенцию в Кремле, Сталин добавлял, как он считал, последние штрихи к соглашению с итальянцами по Балканам{199}. Как можно было ожидать, на Сталина не произвело впечатления личное послание Черчилля. Позднее Криппс, весьма критически относившийся к политике Черчилля, признавался, что подоплекой сделанных предложений было "стремление заставить их помочь нам выбраться из затруднительного положения, после чего мы могли бы бросить их и даже присоединиться к врагам, которые теперь их окружают"{200}. Действительно, британский Генеральный штаб интерпретировал предложения Криппса как способ "столкнуть Россию с Германией", но не пожелал платить за это ценой отказа от права на выход . в Черное море. По его мнению, советская стратегия была направлена на "подрыв британского влияния в Азии... Оппортунизм советской политики и ничтожность любой советской гарантии вызывают сомнения в том, что какое бы то ни было соглашение с Советами будет прочным и значимым". Попытки внушить русским "страх перед Великобританией, больший, чем их страх перед Германией", также не достигли успеха{201}. Поэтому легко понять, что Сталин, встревоженный [50] этими предложениями, отверг "гегемонию на Балканах, которую [он] считал претенциозной и опасной". Казалось, большее значение он придавал ревизии системы управления Проливами, чтобы преградить доступ туда иностранному флоту{202}. Молотов ясно дал понять болгарскому министру, что Москва "не стремится к преобладающему влиянию, но и не собирается отказываться от своих интересов". Он выражал надежду, что сможет провести переговоры относительно Турции, но только как неотъемлемую часть общего соглашения по Балканам в тесном сотрудничестве с Германией и Италией{203}.

Значение присутствия Криппса в Москве и его уступок Сталину по балканскому вопросу нельзя недооценивать. Незадолго до прибытия Криппса в Москву Проскуров, начальник ГРУ, объяснял задержки германских военных поставок

Советскому Союзу тревогой Германии, что Криппс привезет "некоторые подарки"{204}. Однако спустя несколько дней на стол Сталина легло первое донесение советской военной разведки о намерениях Германии напасть на Советский Союз, раньше даже, чем Гитлер официально представил этот план Верховному командованию вермахта{205}. Пока еще разрозненная информация состояла из ссылок на секретные переговоры с Эдуардом, графом Виндзорским в изгнании, в Мадриде, сведений о передислокации войск в Польшу, росте производства на военных предприятиях "Шкода" в Чехословакии и вербовке русскоговорящих офицеров и белых эмигрантов в Праге. Военные атташе в Берлине единодушно подтверждали этот вывод{206}. Это придавало вес информации, скептически встреченной в июне, что Нейрат, бывший германский министр иностранных дел, доверительно сообщил группе белых эмигрантов, будто Гитлер намеревается создать две новых республики, Украину и Казань, и установить новый порядок в самой России. Было еще более конкретное донесение, что брат Геринга замечен в торговле оружием в Софии и в Румынии{207}.

Неделю спустя Проскуров был смещен за то, что не предупредил Сталина о германских планах на западе{208}. Генерал Голиков, сменивший его, предоставил Сталину более точную информацию о переброске войск на восток, гласившую: "Переброска германских войск в В. Пруссию и на территорию б. Польши подтверждается рядом агентурных источников, данными иностранной прессы и заявлением германского военного атташе в Москве"{209}. В начале июля Берия передал Сталину отчет о выполнении особого задания надежным агентом в Польше, подтверждавший, что передислокация войск свидетельствует о начале подготовки к войне с Советским Союзом. Сведения, собранные в различных приграничных районах пограничниками НКВД, сообщали, что германские офицеры высокого ранга осматривали эти районы в течение летних месяцев. Затем последовало устройство новых аэродромов и расширение существующих, причем тщательно осматривались самолеты, перегоняемые с западного фронта. В конце концов, было отмечено прибытие в приграничную область пилотов германских военно-воздушных сил. Это заставило военную разведку забить тревогу, так как информация подтверждала данные, находящиеся в ее распоряжении, а в некоторых случаях буквально повторяла их. К концу

августа из разных источников стало известно, что немцы намечают перебросить на восток 120 дивизий{210}. [51]

Эти сведения, возможно, лучше всего объясняют осторожное отношение Сталина к миссии Криппса. "Назначение того или иного лица послом в Москве, — предупреждал Молотов, — является делом Английского правительства"; но, считал он, было бы неверно полагать, что личность "какого-то "левого" деятеля" встретит предпочтительное отношение. Гораздо более важно, чтобы новым послом стало "лицо, представляющее действительное мнение Английского правительства"{211}. Желая избежать ложного истолкования факта переговоров, Сталин постарался, чтобы до Берлина дошло точное содержание его бесед с Криппсом. Но на Гитлера не произвели впечатления уверения Шуленбурга, что Сталин понимает "тщетность попыток посеять раздор между Германией и Советским Союзом" и что "нет причин сомневаться в лояльности Советского Союза"{212}. Гитлера преследовала мысль, что сопротивление Англии поддерживалось расчетами на "третьи страны, главным образом на Соединенные Штаты, но, возможно, и тайной надеждой на Советский Союз". Этот аргумент не был лишь только предлогом для начала наступления на Советский Союз, запланированного на конец июля, но отражал осознание потенциальной угрозы германским источникам сырья и гегемонии в Европе{213}.

Венское решение: посягательства немцев на Балканы

В течение лета и осени 1940 г. Гитлер колебался в выборе дальнейшего направления военных действий. Растущая американская помощь Англии, неуступчивость Черчилля и серьезные, логически обоснованные доводы против вторжения в Англию грозили спутать всю германскую стратегию. Он столкнулся с трудностью, не предусмотренной его планами: война на западе могла перерасти в долгую изнурительную борьбу, чего Германия не могла себе позволить из-за нехватки сырья и ресурсов. Изоляция Англии посредством создания Континентального блока — альтернатива, отстаиваемая Риббентропом и "восточниками" в Министерстве иностранных дел, — требовала продолжения сотрудничества с Советским Союзом. Когда лето наконец закончилось, Битва за Англию не достигла поставленных целей и появились признаки того, что Англия выстоит. Вторжение в Советский Союз из предварительных наметок превратилось в реальную альтернативу. Кроме того, поскольку силы Англии были скованы,

мысль об успешном блицкриге против Советского Союза казалась еще привлекательнее.

Недостаточно внимания уделялось роли и влиянию германской элиты, которую Гитлер старался привлечь на свою сторону. В нее входили приверженцы "восточной" традиции, не слишком удачно представляемой Риббентропом, чья англофобия толкнула его на провозглашение идеи Континентального блока, и, в меньшей степени, часть военных. Предварительное планирование "Барбароссы" только начиналось, когда Верховное командование Вооруженных сил (ОКВ) и Риббентроп побуждали Гитлера попытаться изолировать Англию, установив германский контроль над континентом. Жесткий контроль над Юго-Восточной Европой, по их мнению, мог обеспечить Германии удобный тыл. Превосходства можно было достичь, создав прочную коалицию от Гибралтара до Японии{214}. [52]

Шуленбург был самым рьяным сторонником Континентального блока. По его мнению, "Майн Кампф" шестнадцатью годами раньше была задумана Гитлером главным образом как пропагандистское оружие против московски ориентированного коммунизма. Он полагал, что теперь, после разгрома коммунизма у себя дома, планы Гитлера направлены "совсем в другую сторону, нежели на свержение советского строя или расширение территории за их счет". Точно так же он отвергал предположение, что Германия нуждается в украинском зерне, как "бессмысленный вздор". Его контакты в Министерстве иностранных дел укрепляли его уверенность, будто Гитлер с момента заключения пакта убедился, что Советский Союз "не является помехой для гигантской конструкции Европейского континента, на которой ныне сосредоточено его внимание"{215}.

С учетом всего этого, условия, создавшиеся после окончания войны на западе, казались благоприятными для установления нового мирового порядка и распространения пакта Молотова — Риббентропа на Юго-Восточную Европу. В Японии новый премьер-министр Коноэ Фумимаро, рьяный сторонник союза с Германией, санкционировал японскую экспансию на юг против англичан и американцев и попытался урегулировать отношения с Советским Союзом при посредничестве немцев{216}. И вот советское вступление в Бессарабию, ускоренное динамизмом политики Гитлера, обратило внимание Германии на Балканы. Шуленбург продолжал опровергать предположения, будто советская аннексия Бессарабии вызвана стремлением захватить румынские нефтепромыслы.

Он приписывал ее, скорее, желанию Сталина участвовать в построении нового мирового порядка теперь, когда, казалось, близился конец войны. Следовательно, возникала важная задача — расширить компетенцию пакта Молотова — Риббентропа, чтобы предотвратить опасное столкновение интересов на Балканах{217}. По его мнению, это можно было осуществить, так как Сталин не стремился к "исключительной роли" в регионе{218}.

Хотя, на всякий случай, планы войны с Советским Союзом уже разрабатывались, и Гальдер, и Браухич признавали, что Советский Союз и Германия могли бы поделить добычу и "держаться подальше друг от друга". Вероятность достижения соглашения была высока, так как Гитлер недооценивал меру заинтересованности Сталина этим регионом: "Даже если Москва и не приветствует великие успехи Германии, она не начнет войну с Германией по собственному почину"{219}.

Оккупация Бессарабии мгновенно улучшила стратегическую позицию Советского Союза в Черноморском регионе. Обеспечение контроля над устьем Дуная отодвигало угрозу от Одессы, защищая морские и сухопутные пути к Болгарии и Босфору. Эти условия во многом соответствовали тем, которые были достигнуты в результате Зимней войны с Финляндией для защиты морских подступов к Ленинграду. Но подобный шаг ставил под угрозу то, что Берлин рассматривал как необходимый ему экономический тыл. Поэтому Гитлер, может быть и нехотя, обратил свой взгляд на Балканы, так как не мог позволить Советскому Союзу устанавливать с помощью Италии новый порядок в этом регионе{220}.

Пожар на Балканах грозил подорвать операцию "Море — Лион", запланированную на середину августа. Вследствие этого Гитлер в середине июля заставил короля Кароля просить "беспристрастного" третейского [53] разбирательства различных национальных претензий{221}. Едва лишь смолкли пушки во Франции, как Сталину сообщили, что Болгария обратилась к Германии за помощью, чтобы получить Добруджу и выход в Эгейское море, обещая взамен соблюдать строгий нейтралитет. Однако взгляд Сталина все еще был обращен скорее на приближающуюся мирную конференцию, чем на возможность военного столкновения с Германией{222}. В начале июля Шкварцева предупредили из Берлина, что аннексия Бессарабии укрепила решимость Гитлера установить германскую гегемонию на Балканах и что германское Верховное командование вызвано в Берлин для разработки военных мер по претворению этого плана в жизнь{223}. Хорошо осведомленные источники в Москве не могли не отметить,

что русские "озабочены развертыванием германских войск на своих границах... и в то же время раздражены и напуганы проникновением Германии на Балканы". Советским военным разведчикам было поручено выяснить, не проявляется ли румынский синдром и в Болгарии{224}. К середине августа стало невозможно скрывать рост конфронтации с Советским Союзом. Сталин получал различные агентурные сведения о намерении Гитлера действовать в качестве посредника. Еще большую тревогу вселяло его заявление, что любое территориальное урегулирование на Балканах является временным и что, как только Англия падет, он бросится в атаку на Украину{225}. Резидент НКВД в Болгарии сообщал, что германские баржи перевозят по Дунаю тяжелое вооружение для укрепления побережья Черного моря{226}.

Болгария была стержнем советской системы безопасности, так как представляла собой сухопутный мост к турецким Проливам. Коллонтай, возможно, единственный советский посол, высказавшийся откровенно, признавалась, что русские были серьезно обеспокоены развертыванием вермахта на их границах и не могли допустить, чтобы германские войска продвигались на Балканы и создавали прямую угрозу Проливам{227}. "Схватка за Балканы", как поспешил сообщить в Софию болгарский посол, началась, вновь открыв "восточный вопрос". Подобное развитие событий было неизбежным с тех пор, как Гитлер наблюдал за Европой не только из Берлина, но и из Вены, где он сам себя возвел на престол как наследника возрожденной Австро-Венгерской империи{228}.

Болгария встретила начало войны в состоянии нейтралитета. Молчаливая поддержка болгарского нейтралитета Британией скрывала желание использовать Болгарию в будущем как трамплин, чтобы перехватить румынские нефтепромыслы у Германии. Однако царь Борис, так же как и Сталин, видел открытые войной возможности удовлетворить территориальные претензии его страны. Не теряя времени, он постарался заручиться поддержкой Гитлера в претензиях Болгарии на Южную Добруджу, раз уж русские оккупировали Бессарабию. Русские передали северную часть Добруджи Румынии после войны 1878 года в качестве компенсации за Бессарабию, но Румыния аннексировала и южную часть после второй балканской войны 1913 года{229}. Предупреждая британскую инициативу, русские предложили в сентябре 1939 г. соглашение о взаимной помощи, равносильное союзу{230}.

Антонов, болгарский посол в Москве, который "дал заманить себя в советские сети", тщетно летал в Софию в последнюю неделю сентября 1939 г., чтобы представить эти предложения лично царю. "Если [54] бы [Антонов] представил хотя бы половину тех идей, которые он развивал передо мной незадолго до своего отъезда, — замечал турецкий посол, — у царя Бориса ему немедленно указали бы на дверь". Царь особенно боялся коммунистической угрозы, если русские получат точку опоры в Болгарии. Однако он не был невосприимчив к исторической и этнической близости населения в целом с Россией, которую русские "не упускали случая подчеркнуть"{231}. Например, ежедневно десять тысяч экземпляров "Известий" продавались на улицах Софии и около двадцати шести советских фильмов демонстрировались по всей Болгарии{232}.

Замена Антонова на Христова, опытного дипломата, и назначение профессора Богдана Филова, бывшего ректора Софийского университета, премьер-министром в феврале 1940 г. были для русских плохим предзнаменованием. Германофильские настроения Филова стали еще заметнее после падения Франции{233}. Расчеты Германии на румынскую нефть и союз с Италией обратили ее взгляд на Балканы. Риббентроп нажал на своего посла в Софии, чтобы тот перехватил у русских инициативу по удовлетворению болгарских претензий{234}. Молотов, тем временем, советовал болгарскому послу извлечь "урок из того, что случилось так далеко к северу и западу от Германии", и придерживаться нейтралитета{235}. Как часть соглашения, заключенного с итальянцами, он ожидал, что Болгария выдвинет свои претензии на Добруджу через Москву. Однако у Драганова, болгарского посла в Берлине, тесно связанного с царем Борисом, не было сомнений по поводу нового баланса сил. Играя на явном соперничестве между Советским Союзом и Германией, он передал на Вильгельмштрассе заявление о претензиях на Добруджу в то же утро, когда советские войска переправились через Днестр в Бессарабию. Венгры последовали его примеру{236}. Гитлер обошел Сталина; Филова спешно вызвали в Зальцбург и обещали урегулирование болгарских претензий "в соглашении с Советским Союзом и Италией или только с Италией". Когда Филов выразил опасение, что Болгария может быть "раздавлена великим русским соседом", Гитлер заверил его: "Если кто-то затронет интересы Германии, удар будет сокрушителен". Тем не менее он все еще рассчитывал на "давнее влечение Сталина к Дарданеллам",

которое намеревался удовлетворить постольку, поскольку это не приведет к разделу сфер влияния на Балканах{237}.

Сталин шел по туго натянутому канату. Молотовский обзор советской внешней политики, сделанный в Верховном Совете в начале августа, представлял собой "старательную, корректную и осторожную... демонстрацию полной независимости". Он явно был направлен на то, чтобы оправдать соглашение с Германией и опровергнуть слухи о возможной бреши в отношениях, идущие из Англии и имевшие целью втянуть Советский Союз в войну. Щекотливые вопросы по Проливам и недовольство германскими инициативами на Балканах отсутствовали. Это, однако, щедро компенсировалось серией коммюнике, отражавших неудовольствие Кремля{238}. В частном общении инициатива арбитража вызвала острую реакцию, которую Шуленбург предпочел затушевать в своих отчетах в Берлин. Он тщетно пытался убедить Молотова, что, действуя в качестве арбитра, Гитлер лишь отвечает на просьбу короля Румынии Кароля; это вряд ли согласовалось с тревожной информацией, что Гитлер фактически принуждает румын уступить [55] Южную Добруджу Болгарии{239}. Принятый сессией Верховного Совета закон об аннексии Советским Союзом Прибалтийских государств и, самое главное, Бессарабии звучал очень похоже{240}.

Не имея реальных рычагов воздействия на Болгарию, Сталин продолжал завоевывать там народную поддержку. Царь Борис не в состоянии был помешать восторженному приему советской футбольной сборной{241}. Советский павильон на книжной выставке в Пловдиве был наиболее посещаемым. Было открыто регулярное морское сообщение между Одессой и Варной, где учреждено консульство. Британский консул в Варне констатировал, что показ на открытом воздухе советских фильмов на рыночной площади каждый вечер бывал гвоздем программы.

Риббентроп запретил Шуленбургу дальнейшие консультации с русскими по Румынии, так как Германия заявила о своих исключительных экономических интересах там{242}. Затем русским напомнили, что они не смогли бы добиться своих ревизионистских целей в Бессарабии, не "воспользовавшись плодами" германских побед на западе{243}. Гитлер использовал неудачный путч Железной Гвардии в Румынии, чтобы ужесточить контроль над страной. Генерал Антонеску, наделенный диктаторскими полномочиями, должен был сформировать правительство, "приемлемое" для Германии, которое было бы верно Венскому

решению и выполняло экономические обязательства Румынии перед Третьим рейхом. В течение дня король Кароль вынужден был отречься от престола и отправиться в изгнание. Соглашение с Болгарией было незамедлительно подписано в Крайове 7 сентября{244}. Запоздалое предложение Советов об уступке всей Добруджи было отклонено. Болгары считали свое требование выхода к Эгейскому морю "имеющим жизненное значение и полностью оправданным, гораздо более важным [для Болгарии], чем одна только Добруджа"{245}.

Столкновение из-за Дуная

Больше всего русских удручало намеренное исключение их из обсуждения окончательных границ Румынии и контроля над Дунаем. Международная Дунайская комиссия, созданная в Версале, занималась верховьями реки и была в основном технического характера. Европейская комиссия, начавшая работу как раз после поражения России в Крымской войне в рамках Парижского договора 1856 года, решала именно политические вопросы. Изменения, произведенные на Берлинском конгрессе 1878 года, повысили интерес к Дунаю Германии и Австро-Венгерской империи. После 1918 г. река фактически управлялась румынами, но они потеряли всякий контроль над ней на Синайской конференции в сентябре 1938 г., когда, в "миротворческих" целях, Германия единодушно была кооптирована в ее члены. Вместе с системой управления Проливами, выработанной в Монтре, Европейская комиссия подорвала статус России как великой европейской державы и создала слабое место в ее оборонительной системе. С точки зрения русских, устье реки давало мощным морским державам выход в Черное море, которое они привыкли считать своим внутренним морем. Перемена режима управления Проливами требовала соответствующего контроля над устьем Дуная. Ключом к советской обороне являлась способность снять блокирование выхода европейских [56] флотов в Черное море не только в Стамбуле, но и на Сулинском гирле{246}.

Явное стремление Сталина к контролю над рекой следовало в русле традиционной политики имперской России. Требование места в комиссии, как открыто признавал Молотов, мотивировалось желанием не только компенсировать версальские обиды России, но и выйти из "подчиненного положения... навязанного России неудачной для нее войной... Крымской!"{247} После присоединения к Лиге Наций в 1934 г. русские не переставали настаивать на принятии их в комиссию, но получали отказ на том основании, что не являлись державой с равноправными и

непосредственными морскими коммерческими интересами в регионе. Аннексировав Бессарабию, они уже имели законное право на место в комиссии и были в состоянии подкрепить свои требования военной силой.

Европейская комиссия с германскими и британскими представителями собиралась в последний раз на поистине сюрреалистическую сессию в Галаце в конце мая; словно забыв о превратностях войны, она подробно рассматривала планы развития устья реки{248}. Всего лишь через две недели после оккупации Бессарабии до Кремля дошла от германских источников в Бухаресте зловещая информация о том, что "теперь, когда Австрия стала частью Германии, Дунай превратился в германскую реку и немцы не намерены позволить СССР стать дунайской державой". По слухам, немцы уверяли короля Румынии Кароля, что Бессарабия оккупирована "лишь временно и будет освобождена"{249}.

Арбитраж, как просветил Гитлер Шуленбурга, был на самом деле задуман, чтобы вытеснить русских из дунайского региона{250}. Однако в Берлине советский посол решительно протестовал против попыток немцев преуменьшить значение планируемой Дунайской конференции, которая, по их словам, созывалась для обсуждения вопросов по западному берегу Дуная и потому очень мало касалась Советского Союза или не касалась вовсе. Советский Союз, заявлял он, "стал теперь придунайской страной и, следовательно, жизненно заинтересован во всех вопросах по Дунаю". Он предложил создать отдельную объединенную комиссию, из которой будут исключены "не имеющие непосредственного отношения к реке стороны, в том числе Италия", и юрисдикция которой будет распространяться от устья Дуная до Братиславы{251}. Сталин, не ожидая ответа, незамедлительно предпринял шаги к укреплению позиции Советского Союза как новой Дунайской державы. Он попытался приобрести у англичан, практически изгнанных из комиссии, десять буксиров, два танкера и тридцать 31,5-тонных барж, простаивающих в Галаце{252}. Ситуация обострилась, когда русские выпустили коммюнике, обвиняющее румын в инспирировании вооруженных конфликтов на границе с Россией{253}.

В Москве Шуленбург наблюдал за развитием коллизии с растущей тревогой. Он считал, что единственный способ избежать колоссального конфликта — это раздел сфер интересов в дунайском регионе, даже если это "принесет больше выгоды русским, чем немцам"{254}. Гитлер, занятый Битвой за Англию и бурной дипломатической деятельностью по созданию Континентального блока, временно

ослабил хватку и пригласил русских участвовать в Дунайской конференции. В глубине души он, как всегда, подозревал возможность советско-британского [57] сговора. Являясь членами комиссии лишь номинально, англичане на самом деле поддержали заявление Советов о приеме, предвидя, что последние "бросят там яблоко раздора"{255}.

Дунайская конференция — событие, подробно прокомментированное историками. Чтобы избежать преждевременной конфронтации, немцы уступили желанию русских создать новую Дунайскую комиссию для области к югу от Братиславы вплоть до устья реки. Но они предполагали уменьшить ее значение, отложив созыв и сведя ее деятельность к техническим вопросам в рамках временных соглашений{256}. У Молотова были другие идеи. С самого начала он делал оговорки по поводу включения Италии, дававшего ей вместе с немцами свободный доступ к Черному морю{257}. Чтобы ограничить свободу германо-итальянского маневра, Средневосточный отдел советского Наркомата иностранных дел под непосредственным руководством Кремля в деталях разработал план, обеспечивавший русским исключительный контроль над устьем реки. Перед своим отъездом в Бухарест Молотов лично оповестил участников плана, какой тактики следует придерживаться. В делегацию на высшем уровне, возглавляемую Аркадием Соболевым, заместителем Молотова, включили генерал-майора В.Д.Иванова, что показывало значение, придаваемое Дунаю с военной точки зрения. Вместо того чтобы лететь непосредственно в Бухарест, делегация остановилась в Софии, где Соболев убеждал царя Бориса сопротивляться требованию Германии о присоединении Болгарии к Тройственному союзу. Показательно, что потом делегация предпочла следовать в Бухарест по железной дороге, сначала тщательно проинспектировав болгарскую пограничную область Русе на Дунае.

Сильное землетрясение было плохим предзнаменованием для конференции, когда она открылась 28 октября. Объявление Италией войны Греции в тот же день предопределило дальнейшее проникновение немцев на Балканский полуостров. Позиция русских на конференции предвещала конфронтацию Гитлера с Молотовым в Берлине; она показывала, вне всякого сомнения, что, несмотря на давление, оказываемое Германией, русские не согласны примириться с доминированием Германии в Румынии. Первоначальная умеренность Соболева скоро сменилась настоятельным требованием немедленного роспуска

четырехсторонней комиссии из представителей Румынии, Германии, Италии и Советского Союза и создания смешанной советско-румынской администрации водных путей по всей дельте Дуная. Такая система позволила бы советским военным кораблям свободно проходить по Сулинскому гирлу, принадлежащему Румынии, и контролировать доступ немцев к Черному морю. Он требовал также права для советского флота становиться на якорь в Галаце и Браиле, осуществляя тем самым de facto суверенитет над выходом к Черному морю. Подобное решение было с ходу отвергнуто остальными тремя сторонами. Поскольку дело зашло в тупик, постановили, что советская и германская делегации вернутся по домам для дальнейших консультаций. Пока Соболев ездил в Москву, генерал Иванов и Новиков, начальник Ближневосточного отдела Наркомата иностранных дел, воспользовавшись периодом междуцарствия, инспектировали северо-восточную часть Румынии через Плоешти, Бузэу, Фокшани и Панчу. Они неминуемо попали под наблюдение румынской службы безопасности, ситуация досадная, но для советских визитеров отнюдь не непривычная. [58]

Избавившись от слежки, они предприняли продолжительную экскурсию вдоль Дуная к Оршове, по железнодорожному мосту через реку, закончив ее, что показательно, длительной остановкой в черноморских портах{258}.

После провала конференции русские перешли к односторонним действиям. Во время визита Молотова в Берлин они захватили дюжину маленьких островков в Килийском гирле устья Дуная и полный контроль над главным руслом Старо-Стамбул, по которому килийские воды впадают в море. Затем советские военные корабли попытались захватить румынскую часть дельты Дуная, но были обстреляны румынами и отступили. Русские старались не оттолкнуть от себя румын окончательно, оставив им контроль над гирлами Сулинским и Святого Георгия. Они явно стремились установить исключительный контроль над навигацией по Килийскому гирлу — единственному проходу для морских судов. Совместное с румынами владение Мусурским рукавом главного русла мало что значило, так как он был слишком мелководен для крупнотоннажной морской навигации{259}.

Неудивительно, что германский посол в Бухаресте предупреждал Берлин: настойчивость Советов подтверждает, что они "собираются вести не политику разумного взаимопонимания с Германией на Дунае и в Черном море, а, скорее, политику шантажа". В преддверии визита Молотова в Берлин стало ясно, что

русские создали в конечном итоге "скорее политические, чем экономические трудности" для Германии на Балканах{260}. Как сообщал германский военный атташе, германская делегация на Дунайской конференции была "недовольна советскими предложениями", отвергающими позицию Германии.

Глава 3. Курс на конфронтацию
"Drang nach Osten"{*10}: первоначальные планы

Гитлеровское решение о нападении на Советский Союз представляет собой загадку. Трудно обнаружить прямую линию, ведущую от его зарока в "Майн Кампф" "положить конец беспрестанному стремлению немцев на юг и запад Европы и обратить пристальный взгляд на страны востока" к действительному решению приступить к операции "Барбаросса"{261}. Общепринятая точка зрения обходит эту трудность при помощи заявления, что Гитлер последовательно ставил себе целью разгромить Москву, "как штаб-квартиру "еврейско-большевистского мирового заговора""{262}. Другие полагают, что логика и идея "хранителя Континента" не должны затмевать факта существования в гитлеровской военной политике симбиоза расчета и догмы, стратегии и идеологии, внешней и расовой политики{263}. Подобные утверждения, однако, мало помогают нам понять действительный процесс формирования политики в контексте данного периода и ведут к детерминистскому объяснению хода Второй мировой войны. Неверно было бы считать, что во внешней политике Гитлера отсутствовала идеологическая составляющая, но она подчинялась неизменным геополитическим соображениям и меняющимся политическим обстоятельствам. Задача историков — установить иерархию.

Большинство историков избирают удобный половинчатый подход и снимают спорные моменты, настаивая на том, что, "неотступно преследуя свои цели, Гитлер был вынужден адаптировать свои методы к новым обстоятельствам"{264}. Другие, как Эберхард Еккель{265}, заявляют, будто в рамках своей идеологической конструкции Гитлер серьезно рассматривал как альтернативу получение контроля над континентом. Тем не менее, не говоря о попытках психоанализа, подпорченных предвзятыми идеями, историкам не удалось убедительно доказать, что Гитлер начиная с сентября 1939 г. систематически

направлял ход войны к исполнению своей идеологической мечты — созданию благоприятных условий для завоевания России.

Слишком очевиден факт, что война с Англией на западе и последующий поворот к Юго-Восточной Европе и Средиземному морю противоречили идейным устремлениям Гитлера. Он не мог игнорировать новые нужды Германии, определяемые ходом событий, даже если это сильно уводило в сторону от генерального плана, набросанного в "Майн Кампф". То обстоятельство, что крестовый поход на большевизм и уничтожение евреев придали революционный смысл войне в 1941 г., само по себе недостаточно для доказательства стойкой приверженности догме. Идейные убеждения вышли на первый план после [68] того, как было принято решение по "Барбароссе", и в значительной степени отвратили Гитлера от более рациональной стратегической политики, которая до тех пор характеризовала его военное руководство.

Трудность заключается в том, что как в случае со Сталиным, так и в случае с Гитлером отсутствуют реальные свидетельства связи между идеологическим кредо режима и его военными действиями. В исследованиях по международной политике постоянные сравнения этих двоих и доминирование тоталитарной модели еще больше запутывают картину{266}. Гитлер был авантюристом, склонным к крайнему экспансионизму и совершенно пренебрегавшим вопросами международного права. Сталин, напротив, как мы видели, скинув идеологическую мантию, старался проводить в высшей степени расчетливую и осторожную политику, ориентированную главным образом на безопасность. Он также разделял общепринятое уважение к средствам внешней политики и, по-видимому, даже переоценивал возможности дипломатии{267}. Объединяло Сталина и Гитлера желание возместить, как они это называли, "версальские обиды"; у обоих были исторические цели, в случае с Гитлером — вернуться к Фридриху Барбароссе и Бисмарку, в случае со Сталиным — к наследию эпохи царизма. Явной точкой расхождения может послужить следующее: тогда как Сталина война застигла в разгар длительного процесса подчинения идейных устремлений трезвой, прагматичной политике, для Гитлера она была вершиной его идеологических свершений. Поэтому взаимоотношения идеологии и Realpolitik в Германии оказались более резко выраженными и напряженными.

В самом деле сомнительно, чтобы решение Гитлера естественно вытекало из его триумфальной победы над Францией, будучи предопределено идеологическими

установками "Майн Кампф". Показательно отсутствие всякой идейной мотивировки оперативного планирования вторжения. Лишь в одной-единственной директиве по политической подготовке вермахта, изданной генералом Браухичем по его собственной инициативе в середине октября, сделана попытка совместить оперативные аспекты и идеологию{268}. Не то чтобы Гитлер был поколеблен в своих идейных убеждениях, однако в первую очередь он реагировал на конкретное изменение обстоятельств. Таковое, главным образом, заключалось в возникновении перед ним двух непредвиденных препятствий, которые он мысленно связывал друг с другом и относил на счет советской политики: наглый отказ Черчилля в ответ на его мирные предложения и посягательства Сталина на Балканы. Непризнание Черчиллем нового баланса сил казалось ему непостижимым, если только тот не "возлагал свои надежды на Россию и Америку". Поэтому существовал очевидный соблазн выйти из тупика, силой "сокрушив" Советский Союз и сделав таким образом Германию "хозяйкой Европы и Балкан"{269}.

Конкретные истоки операции "Барбаросса" неясны, но тот факт, что идея зародилась в двух или трех местах независимо друг от друга. по-видимому, показывает отсутствие общей установки сверху. Тем не менее известно, что, как только маршал Петэн поставил свою подпись на акте о капитуляции в Компьене, Гальдер приказал начать оперативную разработку войны на востоке{270}. Сам Гитлер представил подобный план своему Генеральному штабу на чрезвычайном совещании в Берхтесгадене 31 июля 1940 г. Выбор времени для операции представляется [69] проблематичным, так как совпадает с разработкой проектов вторжения в Англию. Но и то и другое переплеталось в сознании Гитлера, подозревавшего, что непреклонность англичан проистекает от их надежд на открытие нового фронта на Балканах в сговоре с русскими. Поначалу Гитлер рассчитывал вбить клин между Англией и Советским Союзом, обнародовав документы Высшего союзного совета, захваченные немцами, в которых раскрывались планы Союзников по бомбардировке Батуми и Баку{271}. Как только ему сообщили о предложении Криппса Сталину захватить гегемонию на Балканах{272}, Гитлер тотчас встревожился, как бы русские не "договорились с Болгарией" и не двинулись "по своему старому историческому пути на Византию, Дарданеллы, Константинополь"{273}. Этот навязчивый страх возрос, когда Черчилль отклонил мирные предложения, сделанные публично в рейхстаге 19

июля{274}. Несмотря на усилия Сталина преуменьшить значение предложений Криппса, во множестве донесений из различных балканских столиц высказывались предположения, будто на деле Сталин и Криппс достигли взаимопонимания в отношении общей цели — нажать на Турцию, чтобы та изменила режим Проливов{275}.

Любопытно, что Наполеон, когда в 1811 г. начали распространяться слухи о войне, уверял своего посла в Москве: "Вы совсем как русские: не видите ничего кроме угроз, ничего кроме войны, тогда как это всего лишь передислокация войск, необходимая, чтобы заставить Англию просить мира прежде, чем пройдут шесть месяцев"{276}. Дневники Геббельса свидетельствуют, что Гитлер использовал те же аргументы в случаях с Францией и Грецией. Несомненно, идейно вдохновляемая война с Советским Союзом всегда манила Гитлера, и вполне возможно, что в начале лета 1940 г. само время повелело ему приступить к разработке такой кампании, однако устная директива в конце июля содержала не более чем наметки, сводящиеся к общему определение целей, а вовсе не конкретный план операции{277}.

Сложные и в большей степени теоретические, нежели практические, соображения, приведшие к этому решению, явились причиной путаницы в отношении как целей войны, так и направления главного удара. Первоначально не ставилась задача войны в России сама по себе. Это объясняет один из главных просчетов: отсутствие сколько-нибудь ясного политического видения итогов кампании в России и определения статуса Украины, Эстонии, Латвии, Литвы и Белоруссии, когда Советский Союз падет{278}. По первым наброскам Гитлер планировал лишь быструю ограниченную войну осенью. Нет нужды оспаривать позднейшие воспоминания фельдмаршала Вильгельма Кейтеля, главнокомандующего вермахта, и его заместителя генерала Альфреда Йодля, что его замысел был вызван ростом интереса Советского Союза к Балканам. Гитлер открыто выражал озабоченность проникновением Советов в Румынию, которое могло привести к захвату нефтяных промыслов. Смещение центра тяжести на юг, где находились также важные советские экономические регионы, добавляло новый фактор и еще больше запутывало план кампании{279}.

До встречи в Берхтесгадене большинство в Верховном командовании было против войны, следуя традиционному постулату о необходимости избегать войны на два фронта. Перед лицом Гитлера они не стали спорить, убежденные, что, так или

иначе, Советский Союз все равно в конце концов будет представлять опасность для германских [70] претензий на гегемонию в Европе. Поэтому решение было вынесено определенно, в широком контексте "нового европейского порядка". На практике оно ни в коем случае не считалось необратимым. Тем не менее, однажды принятое, оно немедленно возымело последствия, политические и военные, приведя вермахт в движение{280}. Сразу после принятия решения Гитлер приказал к весне 1941 г. увеличить армию до 180 дивизий, невзирая на тяжкие жертвы, которые придется принести экономике{281}. Йодль и Кейтель, хоть и опьяненные успехами во Франции, не рассчитывали, что 80 — 100 дивизий смогут разгромить русских за 4 — 6 недель, и они уверили Гитлера в невозможности проведения операции раньше весны 1941 г.{282}. Эта отсрочка серьезно помешала реализации его первоначальных замыслов.

Тем не менее разработке планов был дан ход, хотя в течение лета и осени 1940 г. велись поиски других политических альтернатив{283}. Разработчики прилежно трудились. Через несколько дней генерал-майор Маркс представил "Проект операции "Восток"", по которому предполагалось за 11 недель дойти до линии Архангельск — Горький — Ростов{284}. К концу августа первоначальное планирование операции было возложено на генерала фон Паулюса; ему поручили проработать такие моменты, как привязку к местности, потребность в войсках и боеприпасах и цели ударов. 130 — 140 немецких дивизий, выделяемые для операции, должны были, по Гальдеру, рассеять советские войска в, Западной России и установить линию, из-за которой советская авиация не сможет угрожать территориям, находящимся под контролем Германии. Линия Волга — Архангельск оставалась отдаленной и неясной перспективой{285}.

Разработчики продолжали трудиться, связывая войну в России с конфликтом германских и советских интересов на Балканах. Гитлер знал, что в отношениях с Советским Союзом повеет холодком после вынесения третейского решения в Вене. Поэтому накануне венской встречи он приказал перебросить две бронетанковые дивизии в Южную Польшу и держать их в готовности к "быстрой интервенции для защиты румынских нефтяных районов"{286}. Защищать нефтепромыслы было приказано и военной миссии генерала Хансена. Новая дислокация, по-видимому, уже подгонялась к планам войны с Советским Союзом, так как миссия получила довольно загадочную инструкцию "подготовиться к возможному использованию впоследствии более крупных германских сил из Румынии"{287}. То, что Балканы

и экономические ресурсы Украины оставались в центре внимания разработчиков, подтверждается результатами двух военных учений, проведенных Паулюсом в ноябре, итогом которых стало принятие более скромного плана, ограничивающегося ударом по линии Днепр — Смоленск — Ленинград. Разработчики все больше убеждались, что с течением времени и на фоне развития событий на Балканах операция, вначале задумывавшаяся на всякий случай, становится реальной задачей{288}.

Неверно было бы предполагать, как обычно делают, будто судьба переговоров Молотова была предрешена с появлением "Директивы 18" в день его прибытия в Берлин. Часто забывают, что Советский Союз фигурировал на заднем плане в этой директиве, представлявшей обзор курса германской стратегии в целом и уделявшей первостепенное внимание нанесению решающего удара Англии в Средиземном [71] море. Фактически директива главным образом рассматривала разногласия по поводу определения стратегии Континентального блока. Для нас более существенны частые упоминания о Балканах, вновь обнаруживающие тот факт, что Болгария стала настоящим полем сражения между Советским Союзом и Германией. В самом начале переговоров Гитлер уже высказал свое мнение относительно контроля Германии над Болгарией. Вермахту был дан приказ приготовиться, "в случае необходимости", оккупировать греческие территории к северу от Эгейского моря "на подступах к Болгарии". Оправдывалась подобная мера необходимостью предупредить атаку англичан на румынские нефтепромыслы с этой территории. Директива предписывала осуществить операцию "Феликс" (по оккупации Гибралтара), чтобы положить конец английскому присутствию в Средиземном море. Это совпадало с целью берлинской встречи — добиваться совместных действий с Италией в Северной Африке и на Балканах. Краткое упоминание о Советском Союзе было сделано в контексте Континентального блока с целью прояснить советскую позицию в предстоящий период. Как мы видели, накануне встречи в этой позиции появились плохие признаки, поэтому разработчиков инструктировали: "Невзирая на исход переговоров, все приготовления по Востоку, о которых уже даны устные распоряжения, должны продолжаться"{289}.

Таким образом, директива еще отражала колебания со стороны Гитлера. Они были тесно связаны с его расчетами по поводу Балкан, как мы увидим ниже. Дверь для политического урегулирования, которое могло бы ускорить падение Британской

империи, пока оставалась широко открытой, хотя армии напомнили, что не стоит прекращать планирование военной кампании{290}. Фактически Гитлер даже несколько раз уверял Гальдера, будто русские проявляют дружелюбие и, может быть, еще присоединятся к Тройственному союзу после переговоров{291}. Историки, стремящиеся доказать полностью идеологический характер решения Гитлера об операции "Барбаросса", упускают из виду тот факт, что оно ни в коем случае не было произвольным и односторонним. Окончательно оно созрело только после того, как русские отклонили германские условия, являвшиеся предпосылкой для создания Континентального блока.

Советская разведка и германская угроза

Сталину, имевшему дело с нацистской Германией в 1940 — 1941 гг., любопытно было узнать планы Гитлера не меньше, чем нынешним историкам. Но для историков этот вопрос представляет лишь теоретический интерес, а для Сталина он имел решающее значение, особенно после падения Франции. Если идеология для Гитлера — idee fixe{*11}, тогда война неизбежна. Если же его кажущаяся практичность непритворна, а Сталин, естественно, склонен был проецировать на Гитлера собственные взгляды, тогда войны еще можно избежать или оттянуть ее начало, если правильно разыграть дипломатические карты. Достижение прочного урегулирования отношений с Германией или получение достаточной мирной передышки зависели от безупречной [72] работы разведки. Стоит, следовательно, уделить некоторое внимание состоянию спецслужб на тот момент. Большинству сетей военной разведки нанесли серьезный ущерб чистки, в результате которых не только руководители, но и полевые агенты были казнены либо изгнаны со службы. Все начальники военного Разведывательного управления и подчиненных ему организаций оказались смещены, и на смену им пришли менее опытные и способные офицеры{292}. Однако организация в целом продолжала функционировать и даже добилась некоторых эффектных успехов, как, например, вербовка "Кембриджской пятерки" в Англии, позволившая проникнуть и в вооруженные силы, и в Форин Оффис. Тем не менее, чистки произвели разрушительный психологический эффект, задушив всякую инициативу и свободу мысли, жизненно необходимые для успешной работы разведки.

Берлинское направление в ГРУ курировал опытный генерал Тупиков, в НКВД — Амаяк Кобулов ("Захар"); являясь новичком в этом деле, Кобулов, тем не менее,

завоевал полное доверие Берии. Они культивировали связи с антифашистскими группами, но вербовали в их ряды и профессионалов. Среди последних можно назвать Вилли Лемана, под псевдонимом "Брайтенбах", снабжавшего разведку информацией прямо из гестапо. Когда Деканозова, бывшего старшего офицера НКВД, назначили послом в Берлин в декабре 1940 г., ему поручили координировать работу резидентуры ГРУ и НКВД. Со временем боязнь провокации побудила Сталина в значительной степени свернуть разведывательную деятельность в Берлине{293}. Невозможность создать новую сеть придавала еще больше значимости таким агентам, как Харро Шульце-Бойзен ("Старшина") и Арвид Харнак ("Корсиканец"), завербованным Кобуловым{294}. Оба они являлись активными коммунистами и входили в группу "Красная капелла" с 1935 г. К 1941 г. "Старшина" внедрился в штаб-квартиру военно-воздушных сил и имел прямой доступ к весьма ценной информации. "Корсиканец", блестящий экономист, занимал высокий пост в германском Министерстве экономики с допуском к совершенно секретным документам, касавшимся inter alia и отношений с Советским Союзом. Оба были раскрыты и арестованы гестапо в ноябре 1942 г., преданы военному суду и казнены.

По крайней мере один член этой группы, "Лицеист" (псевдоним О.Берлингса), являлся двойным агентом и принес значительный вред. Кобулов считал его информацию "в высшей степени достоверной", и она часто шла прямо к Сталину и Молотову. После окончания войны Кобулов обнаружил, что гестапо снабжало его изощренной дезинформацией, смесью истинных и ложных фактов, предназначенной для укрепления ошибочных концепций Сталина. Говорили, будто Риббентроп заявлял: "Мы можем накачать этого агента любой информацией, какой нам будет угодно"{295}.

Значение разведки возросло, когда осенью 1940 г. модифицировались военные планы в соответствии с убеждением Сталина, что Германия устремится в Юго-Восточную Европу, угрожая либо Советскому Союзу, либо британским интересам на Ближнем Востоке. И все же не следует забывать о сталинском недоверии и презрении к разведке и армии в целом в период 1939 — 1941 гг. Отношение Сталина описано позднее Молотовым: [73]

"Я считаю, что на разведчиков положиться нельзя. Надо их слушать, но надо их и проверять. Разведчики могут толкнуть на такую опасную позицию, что потом не разберешься. Провокаторов там и тут не счесть. Поэтому без самой тщательной,

постоянной проверки, перепроверки нельзя на разведчиков положиться. Люди такие наивные, обыватели, пускаются в воспоминания: вот разведчики-то говорили, через границу проходили перебежчики..."{296}

Генерал Голиков, оказавшийся впоследствии способным работником, в начале своей карьеры обнаруживал недостаток профессионализма, что было прекрасно известно Сталину. Голиков попал наверх после того, как проявил себя стойким большевиком, сражаясь вместе с "Красными орлами" в гражданскую войну{297}. Затем он занимал ряд ключевых политических постов в армии, включая руководство политическим управлением Наркомата обороны. В определенный период своей жизни, намеренно оставляемый им в тени, Голиков играл решающую роль в подавлении "ленинградской оппозиции" и, весьма вероятно, в чистках Красной Армии в 1937 г. Его назначение начальником ГРУ показывало опустошение, царившее в вооруженных силах в результате массовых чисток, и являлось наградой за его лояльность{298}. Тем не менее Сталин держал его на расстоянии, так же как будущего начальника Генерального штаба Жукова. На партийной конференции в феврале 1941 г. слышали, как он ворчал, что не может доверять Голикову, который "для шпиона слишком неопытен, наивен. Шпион должен быть подобен дьяволу. Никто не может верить ему, даже он сам"{299}. Меркулову, главе внешней разведки НКВД, приходилось не лучше. Правда, Сталин считал его "храбрым и ловким", но жаловался на его "бесхарактерность и слабость"; он хотел всем угодить, вместо того чтобы "строго держаться своей линии, не боясь кого-то обидеть"{300}.

Неудивительно, что подобная обстановка вынуждала разведку проявлять осторожность. Вследствие этого постоянный поток разведывательной информации характеризовался двумя противоположными чертами. Необработанные данные, как кажется, особенно при ретроспективном анализе, неизменно содержат точные и подробные сообщения о наращивании сил Германией. Однако попытки подогнать эту информацию к преобладающим политическим концепциям приводят к совершенно другому результату. Было бы неверно соглашаться с теориями заговора, обвиняющими Голикова в намеренном манипулировании сведениями. Конечно, говорить, будто Сталин не знал об опасности, потому что Голиков скрывал от него правду, — значит сильно преувеличивать. Списки рассылки показывают, что обширная информация доходила до Сталина, и он ни в коем

случае не был слеп, как не был и Жуков, впоследствии заявлявший, будто его намеренно оставляли в неведении{301}.

В общем, до месяца, предшествовавшего вторжению, у ГРУ не было обыкновения собирать материал из разных источников и намеренно искажать его в угоду господствующим политическим предубеждениям. К началу 1941 г. из-за границы ежедневно приходили пять или более донесений. Каждые 10 — 15 дней ГРУ готовило по ним специальную сводку. Донесения давали ясную картину угрожающих стране опасностей, но в архивах ГРУ не всегда есть указания на то, какие именно оценки на деле были представлены в Кремль. Правда, руководство [74] ГРУ предпочитало не высказывать открыто мнение о неизбежности войны, сложившееся на основе твердых фактов, находящихся в его распоряжении. Вскоре после подписания пакта Молотова — Риббентропа разведке не велели собирать информацию относительно подготовки Германии к нападению на Советский Союз. Но, когда угроза возросла, ГРУ тщательно резюмировало уже собранные первичные материалы о германских замыслах{302}.

Подобные сведения обычно рассылались в количестве до 14 копий Сталину, Молотову, Ворошилову, Тимошенко, Берии, Кузнецову, Мехлису, Кулику, Шапошникову и другим заинтересованным лицам. Донесения поступали из трех основных источников: ГРУ, НКГБ (который как раз отделился от бериевского НКВД, занимался вопросами внешней безопасности и возглавлялся Меркуловым) и Наркомата иностранных дел. Разрозненные данные сводились воедино в Политбюро и, особенно, в секретариате Сталина. Все нити, следовательно, сходились к Сталину. ГРУ функционировало не в вакууме, как утверждает в своих мемуарах Жуков. Значительная часть сведений, полученных НКГБ, непосредственно передавалась военным. В ряде случаев НКВД сопоставлял свои материалы с добытыми ГРУ и давал заключение: "Ваши данные о переброске за последнее время германских войск и воинских грузов к границам СССР правдоподобны. Они подтверждаются рядом наших источников"{303}.

Советская разведка пристально следила за передислокацией германских войск во Франции после капитуляции последней. За один лишь сентябрь была выявлена массовая переброска около 30 дивизий к советской границе. В последнюю неделю месяца около 70 составов с войсками, оружием и снаряжением были отправлены на восток. Затем было замечено, что германское посольство вербует белоэмигрантов, интеллигенцию и специалистов с ярко выраженными

антисоветскими убеждениями, закладывая фундамент для "восстановления национальной России". Цель передислокации преимущественно связывалась с будущими операциями на Балканах, в частности в Салониках и турецких Проливах{304}.

Осенью 1940 г. Кремль поручил НКВД завести особое оперативное досье под названием "Затея" для сбора информации о замыслах немцев и представления ее лично Сталину{305}. Во второй половине сентября на спецслужбы посыпались донесения с самого высокого уровня, детально расписывающие перегруппировку немцев в бывшей Польше в течение лета. Донесения содержали точную идентификацию дивизий и данные о расположении их штаб-квартир. Столь же большое значение имела достоверная информация о строительстве немцами казарм и создании инфраструктуры для облегчения переброски и размещения войск с запада. Были проведены малые учения по теме "наступление на обороняющегося противника", который, лаконично отмечалось в донесении, оказался на советской границе. Следовал ясный вывод, что немцы продолжают концентрацию войск в Восточной Пруссии и "подготовку театра на всех оперативных направлениях"{306}. Обнаружились "военные приготовления" и в восточных районах Словакии. Там мостились дороги, прокладывались новые железнодорожные пути; около 30 000 рабочих были заняты на этих работах. Также строились аэродромы, и значительное число пилотов было переведено с Западного фронта на восток{307}. [75]

Информация, собранная за октябрь, как стало известно Сталину, описывала до мельчайших деталей усиленную переброску как пехотных, так и моторизованных дивизий на восток. По осторожным оценкам накануне ноябрьской встречи Молотова с Гитлером в Берлине, "против СССР сосредоточено в общем итоге свыше 85 дивизий, то есть более одной трети сухопутных сил германской армии". На определение целей немцев, однако, повлияло развитие событий на Балканах. Недавнее замедление сосредоточения войск на советской границе относилось на счет германского плана "по оккупации Румынии и дальнейшему продвижению в глубь Балканского полуострова"{308}. Тем не менее не скрывался зловещий факт, что до оккупации Франции в Польше стояли лишь 27 пехотных дивизий с приданными им 6 кавалерийскими формированиями, а теперь были точно идентифицированы 70 пехотных дивизий в дополнение к 5 моторизованным и 7 — 8 танковым дивизиям{309}.

В самый канун встречи Сталин получил из посольства в Берлине и от резидентуры НКГБ противоречивые донесения о курсе германской политики. Посольство, рассматривая годовщину пакта Молотова — Риббентропа, сурово критиковало "Новую Европу", задуманную Гитлером. "Упоенное победой, — резюмировало оно, — немецкое правительство совместно с итальянским без ведома правительства СССР, нарушая соглашение от 23.8.1939 года, решают судьбу балканских народов". В заключение делалось многозначительное предостережение, что немцы смотрят на Балканы как на "новый плацдарм для будущей схватки с СССР"{310}. За два дня до отъезда Молотова Голиков проинформировал Кремль, что немцы завершили развертывание 15 — 17 дивизий на территории, прилегающей к Дунаю, готовясь захватить Салоники. В Болгарии тайно объявлена частичная мобилизация, военные академии закрыты, чтобы дать возможность кадетам присоединиться к своим частям. Кроме того, генерал фон Ингельбарт прикомандирован к болгарскому Генеральному штабу, в то время как 14 "Мессершмидтов" переброшены в Софию и размещены на скрытых позициях. Категоричный вывод Голикова не оставлял сомнений в том, что Германия продолжает стягивать войска к Балканам. Он не исключал возможности нападения на Грецию в ближайшем будущем с целью сокрушить ее сопротивление вместе с Италией, захватить Балканский полуостров и использовать его как плацдарм для дальнейших действий против Турции и английских колоний. Однако, предупреждал он, в то же время Германия принимает меры, направленные против Советского Союза (развертывание войск в районе Кракова и Лодзи и вербовка украинских резервистов){311}. Агент "Метеор" в Берлине подтвердил эту информацию, процитировав мнение Шнурре, будто Гитлер намерен "разрешить вопросы на востоке военными действиями"{312}.

Сталину было ясно, что берлинская встреча является четким водоразделом в отношениях с Германией. На основе информации, скопившейся на его столе, он составил два сценария. Первый предполагал неизбежную войну. Второй, который он находил предпочтительным, предусматривал предварительные переговоры, предшествующие мирной конференции. В обоих случаях главное значение он придавал контролю над Проливами и присутствию в Болгарии. Неопределенность позиции Сталина отражала колебания Гитлера. Многочисленные [76] свидетельства подготовки Германии к войне, находившиеся в распоряжении русских, опровергались действиями Шуленбурга и сведениями об усилиях

Риббентропа по созданию Континентального блока. Наиболее важную и достоверную информацию по этому поводу Сталину передал Берия за две недели до берлинской встречи. Полковник Клейст из ведомства Риббентропа сообщал о встрече Гитлера и Риббентропа в Берхтесгадене и обсуждении "политического наступления". Гитлер и Риббентроп рассчитывали, что результатом конференции будет изоляция Англии и "уничтожение иллюзий насчет возможной помощи Англии со стороны третьих держав", ведущее к компромиссному миру. Франция и Испания присоединятся к Оси, и "будет оказано сильное давление на Советский Союз, чтобы вынудить его пойти на политическое соглашение с Германией, которое покажет всему миру, что СССР ни в коем случае не останется нейтральным, а будет активно бороться против Англии за новый порядок в Европе". Позднее Германия намеревалась способствовать заключению пакта между Советским Союзом и Японией, "чтобы показать миру полный контакт и единение между четырьмя державами и тем самым удержать США от оказания эффективной помощи Англии"{313}.

Болгарский коридор к турецким Проливам

Таким образом, советская позиция на берлинской конференции была продиктована не чрезмерными аппетитами, а, скорее, осознанием германской угрозы на Балканах и в Проливах. Россо, итальянский посол в Москве и доверенное лицо Шуленбурга, кратко выразил это так:

"Немцы поставили заслон: движение на юг остановлено, нефть в руках немцев, через Констанцу немцы вышли к Черному морю, Дунай стал немецкой рекой. Это первое дипломатическое поражение товарища Сталина, который привык получать большую прибыль с малым риском, и поражение тем более унизительное, что оно хоронит мечту, наиболее близкую русской душе на протяжении веков: мечту о южном меридиане"{314}.

С запозданием дошло и до британского Генерального штаба, что, оккупировав Румынию, Германия сможет не только заполучить нефть, но и "воспрепятствовать любому дальнейшему продвижению русских к Проливам. Теперь она близка к тому, чтобы полностью отрезать Советский Союз от мировых океанов на Севере, на Балтике и на Черном море". Советский Союз поэтому "способен предпринять любые шаги, вплоть до войны, с целью помешать проникновению немцев в

Турцию и на Средний Восток, так как оно представляет прогрессирующую угрозу его интересам на Черном море и кавказским нефтепромыслам"{315}.

Считая себя великим тактиком{316}, Сталин избрал необыкновенно реалистичный подход, защищая российские национальные интересы, которые следует в значительной степени рассматривать в историческом контексте борьбы за господство в Европе и на Балканах в XIX в. Балканы считались передовой линией, где следовало остановить Гитлера, а турецкие Проливы становились ключом к безопасности Советского Союза. Сталин даже отождествлял себя не с кем иным, как с историком Милюковым, министром иностранных дел либералов в I Думе [77] и заклятым врагом Ленина, даже после Февральской революции настаивавшим на необходимости добиваться контроля над Босфором{317}.

Этими соображениями в гораздо большей степени, чем ненасытным аппетитом или желанием принести коммунизм в Европу на остриях штыков, диктовалась позиция Сталина на берлинской конференции. По счастью, директива по ведению переговоров, продиктованная Молотову на сталинской даче и записанная его рукой, дает редкую возможность бросить взгляд на то, как творилась советская дипломатия в то время. В первую очередь ставилась главная цель поездки — не добиваться соглашения, а раскрыть "истинную подоплеку предложений Германии по новому порядку в Европе", роли в нем Советского Союза и германской идеи о разделе "сфер интереса в Европе, а также на Ближнем и Среднем Востоке". Заключение соглашения откладывалось до будущего визита Риббентропа в Москву. Лейтмотивом директивы, помимо Финляндии (где, как предполагалось, сферы интересов уже были установлены), стали существенные интересы советской безопасности на Балканах. На первом месте стояли повторные требования установления советского контроля над устьем Дуная, сопровождавшиеся выражением "недовольства германскими гарантиями Румынии". Кульминационным пунктом директивы являлось ультимативное требование участия Советского Союза в решении "судьбы Турции". Молотов также должен был выдвинуть условие консультаций по разногласиям относительно будущего Венгрии, Румынии и Югославии. Хотя и в сжатой форме, однако инструкции не оставляли сомнений по поводу главного интереса Сталина: "Болгария — основной вопрос переговоров — должна по соглашению с Германией] и И[талией] войти в сферу интересов СССР на таком же основании, какое выдвигалось Германией и Италией в случае с Румынией, с правом ввода советских

войск в Болгарию". Объявление Болгарии советской сферой влияния, как мы вскоре увидим{318}, служило необходимой предпосылкой для контроля над Проливами.

Ввиду позднейших предположений, будто Германия и Советский Союз сговаривались в Берлине о разделе Британской империи, следует подчеркнуть, что в директиве не упоминалось о каких-либо советских интересах за пределами Балкан и Европы, а фактически даже провозглашалось сохранение Британской империи. Для Сталина оказались очень убедительны весьма небольшие успехи немцев в Битве за Англию и итальянцев на Балканах и в Северной Африке, а также тот факт, что "британский флот все еще господствует на Среднем Востоке"{319}. Утверждение Майского накануне отъезда Молотова, что Англию не стоит сбрасывать со счетов, кардинально повлияло на определение задач встречи. Черчилль говорил советскому послу, когда люфтваффе начала массированную бомбежку Лондона: "Надо выжить ближайшие три месяца, а дальше видно будет". Четыре месяца пролетели, и Майский готов был голову прозакладывать:

"Англия не только выжила, но и усилилась по сравнению с тем, что было сразу после разгрома Франции. Германские планы вторжения в Великобританию сорвались, по крайней мере, на этот год... Таким образом, в "битве за Англию" Гитлер, подобно Наполеону 135 лет назад, потерпел неудачу, первую серьезную неудачу в этой войне, [78] все последствия которой сейчас еще трудно определить... судя по имеющейся здесь информации".

Майский заходил еще дальше, предполагая, что в результате трудного и длительного процесса Англия может даже выйти победительницей{320}. В поезде на пути в Берлин Молотова догнала телеграмма Сталина, подтверждавшая инструкцию не затрагивать никаких вопросов относительно Британской империи{321}. Позднее в Берлине Молотов намеренно распространял мнение Майского о том, что Черчилль, в отличие от французского правительства, пользуется поддержкой в стране и империи и поэтому его позиция "довольно крепка". Сталин не ожидал драматического изменения ситуации даже в случае, если греческие острова попадут в руки немцев{322}. Кроме того, Майский, по-видимому, имевший некоторое представление о решении Галифакса пойти на обострение отношений, если конференция приведет к "соглашению... о совместном давлении на Турцию", обратился к Молотову во время его пребывания в Берлине с предостережением о последствиях военного решения{323}.

Советские военные эксперты в Англии, однако, предупреждали Сталина, что Англия несет существенные потери от германских бомбежек и "промышленность и крупные финансисты стоят за компромиссный мир". Тем не менее они не ожидали окончательного кризиса весной — еще одна причина для русских подождать развития событий, прежде чем начинать переговоры{324}.

Усиление сопротивления Англии, уменьшавшее возможность компромиссного мира, присутствовало как постоянный фактор в изощренной дипломатии Сталина{325}. Фактически Сталин, как заметил Криппс, старался вести "две игры... одну с помощью Молотова, другую с помощью Вышинского [заместителя наркома иностранных дел]!"{326} В августе 1940 г. Молотов даже предлагал пакт о ненападении с Англией по образцу пакта Молотова — Риббентропа. Контрпредложения Криппса месяц спустя были отклонены не столько из-за ожиданий Сталина, что переговоры Молотова в Берлине "укрепят связи между СССР и нацистской Германией", сколько из-за угрозы, неминуемо возникавшей для Советского Союза при посягательствах немцев на Балканы{327}.

Таким образом, контроль над Проливами оставался краеугольным камнем советской стратегии. Следовало как воспрепятствовать вторжению немцев в бассейн Черного моря, так и помешать Турции стать английской пешкой, когда дело дойдет до конфликта. Чем ближе война подступала к Балканам, тем нерешительнее становилась турецкая внешняя политика. Стремясь избежать судьбы Польши и Румынии, турки строго придерживались нейтралитета, поддерживая баланс страха между главными силами. Германия, Советский Союз, Италия и Англия тщетно пытались заставить их определиться. Дымовая завеса сохранялась, пока ни одна из действующих сторон не получила превосходства на суше и на море в данном регионе. Обеспечение хрупкого равновесия требовало большого дипломатического искусства: улучшение позиций одной из сторон приводило к заигрыванию турок с другой.

С начала войны Турция стояла перед реальной опасностью возможного распространения пакта Молотова — Риббентропа на юг. После Венского решения, и особенно после объявления Италией войны Греции и ползучего проникновения немцев в Болгарию, турецкое [79] правительство пыталось вбить клин между немцами и русскими, играя на угрозе, которую каждая из сторон представляла для Проливов. В то же время пакт с Англией откладывался, пока не созреет необходимость фактора сдерживания для упреждающего удара русских.

Ни турки, ни русские не могли спокойно смотреть, как Германия становится "черноморской державой". И те, и другие боялись, что Германия захватит Проливы и получит власть над Венгрией, Румынией и Болгарией, а Италия создаст Великую Албанию, которая поглотит Югославию и Грецию. В итоге советский флот оказался бы заперт в Черном море{328}. Немцы, однако, умело подогревали взаимные турецко-советские подозрения. Публикация в "Известиях" попавших к немцам документов о планах Союзников бомбить Баку ввергла Анкару в панику, так как в документах подразумевалось молчаливое одобрение этих планов Турцией. Саракоглу тщетно старался внушить Молотову, что его правительство было против подобной операции{329}. Актая видели в Москве "подавленным и нервным"; несмотря на попытки "сохранять хладнокровие, глаза его выдавали тревогу" {330}. Молотов, с которым тот встретился перед отъездом в Анкару для консультаций, остался убежден в осведомленности турок относительно англофранцузских замыслов. Он допрашивал Актая по поводу того, что тот, по слухам, наводил справки о слабых местах советской системы пожарной безопасности в Баку у Стейнхардта, американского посла{331}.

Успех Королевских военно-воздушных сил в Битве за Англию временно ослабил напряженность в Анкаре; еще больше — германское третейское решение по Добрудже, блокировавшее на тот момент продвижение советских войск к Проливам{332}. Но возможность изменения режима Проливов русскими в одностороннем порядке в ответ на это решение нельзя было исключить{333}. Накануне берлинской конференции русские предпочли оставить вопрос о Проливах открытым, пока не узнают намерения Гитлера. В качестве фактора сдерживания они, несомненно, хотели произвести впечатление, будто применят силу в том случае, если немцы попытаются завладеть Проливами. Однако с равным успехом, внушал Шуленбург Сталину, в Берлине могло быть достигнуто соглашение по Проливам, выгодное для Советского Союза. Шуленбург считал, что революционное мировоззрение сменилось у Сталина "национальным советизмом... велящим хватать все, что можно, пока не поздно". В этом контексте он находил законным требование пересмотра режима Проливов. Шуленбург выражал надежду, что Советский Союз сможет удовлетворить свои стремления в сотрудничестве с Германией, а не с Англией. Россия не может "всегда оставаться запертой, как в мышеловке". Он отвергал предположения своих критиков, будто Сталин желает "захватить Константинополь и таким образом осуществить давнюю

мечту русских царей о завоевании Византии и водружении православного креста на Айя-Софии". Все, чего хочет Сталин, — это "получить для Советского Союза свободный проход через Проливы и сделать Черное море русским морем". "Фюрер, — заявлял он, — вряд ли является Фридрихом Барбароссой", и поход к Константинополю ничего ему не даст. Он рассчитывал, что Гитлер будет стремиться сохранить мир на Балканах. Турок ждало "весьма неприятное пробуждение", когда они услышали, как Гитлер грозил: "Эти грязные свиньи еще дорого заплатят"{334}. Папен, германский посол в Анкаре и бывший канцлер, в самом деле ожидал, что к [80] концу октября советское и германское правительства "совместно приступят к демилитаризации Проливов и интернационализируют Стамбул"{335}. С приближением дня конференции турки потеряли покой, особенно после вторжения Италии в Грецию. Страх перед войной вызвал различные меры, в том числе затемнение в Измире квартир с видом на Эгейское море{336}. В то же время Актай в Москве продолжал раздувать германскую угрозу Проливам, предупреждая, что "Болгария готова стать орудием какой-нибудь иностранной державы"{337}.

Сталин не считал Турцию способной противостоять нажиму, даже если она этого захочет. С постановкой "восточного вопроса" на повестку дня берлинской встречи отношения с Турцией отошли на второй план. Провокационные турецкие предложения были отклонены на том основании, что влияние войны на Болгарию — "дело самого болгарского правительства"{338}. Между прочим, обращение к русским не помешало туркам убеждать немцев в необходимости "коренных изменений" в отношениях между двумя странами. Но, как и следовало ожидать, Турция не собиралась связывать себя какими-то обязательствами в отношении "нового европейского порядка", пока не узнает истинные намерения Оси{339}.

В течение всего октября органы безопасности информировали Сталина о германских и итальянских планах оккупации Салоник, создающей прямую угрозу турецким Проливам. Саракоглу также зачитывал Виноградову, советскому послу в Анкаре, телеграммы, получаемые им отовсюду с Балкан, о совместных германо-итальянских планах нападения на Турцию. Начало войны между Италией и Грецией накануне берлинской конференции лишь укрепило советские опасения, как бы Турцию не втянули в войну даже против ее воли. Поэтому неудивительно, что накануне визита Молотова в Берлин турки изо всех сил убеждали русских, что их "отношения с Советским Союзом были всегда дружественными". Они ручались,

что не допустят никаких действий, могущих повредить советским интересам, "особенно в том, что касается некоторых деликатных пунктов", явный намек на потворство Турции планам бомбардировки Баку шестью месяцами ранее{340}.

Любопытно, что на формулирование Сталиным отношения к Турции перед визитом Молотова в Берлин сильно повлияло донесение заслуживающего всяческого доверия агента НКВД в Стамбуле. Берия как раз информировал Сталина об отчете, сделанном "Омери" во время недавнего тайного посещения Москвы. Отчет фокусировал внимание на опасности, которую Турция представляла для Советского Союза на Кавказе. Сведения, поступившие из среды турецких военных, подтверждали намерения Союзников совершить воздушный налет на Баку и Батуми в случае конфронтации с Советским Союзом. Возможно, гораздо большую неприязнь Сталина вызвало открытие, что турецкое правительство, как говорили, стакнулось с троцкистами. Цитируя "Омери", Берия передал Сталину мнение турецкого правительства, будто "Троцкий и они [его сподвижники] единственные сделали для Турции все, что они получили от Советов (имеется в виду дружеский договор 1921 года. — Г.Г.), как в смысле вооружения, так и политической поддержки". Сталин был против уступок, сделанных Троцким туркам в 1920-е гг., и поэтому турецкое правительство "всегда поддерживало Троцкого и других оппозиционеров и в будущем [81] будет их поддерживать, так как ничего хорошего они от Сталина и его приверженцев не ожидают, кроме зла". Окончательный вывод гласил: "В случае предполагаемого возникновения военных действий между Германией и СССР турки намерены выступить против Советского Союза с целью отторжения Кавказа и образования на его территории "Кавказской конфедерации""{341}.

Немцы надеялись опередить русских, включив и Венгрию, и Болгарию в Тройственный союз до прибытия Молотова в Берлин. Это удалось только с Венгрией, имевшей для русских второстепенное значение{342}.

Еще до подписания Венского решения Стаменов, болгарский посол в Москве, держал свое правительство в курсе советских опасений по поводу вмешательства немцев в вопрос о Добрудже{343}. Царь Борис, взявший под контроль иностранные дела, решил воспользоваться обстоятельствами, чтобы заявить претензии на Добруджу. Искушение было непреодолимым, но, натравливая одну великую державу на другую, он нарушил нейтральный статус Болгарии и помог немцам взять за горло и свою страну, и Румынию. В начале августа царь уже

подталкивал немцев к действиям, передавая им "мнение народа", будто "Болгария могла бы получить всю Добруджу от России"{344}. После колонизации Добруджи Драганов в Берлине представил новый пакет претензий на выход к Эгейскому морю. И снова это заявление сопровождалось манипулированием предполагаемой напряженностью в германо-советских отношениях. Оккупация Фракии изображалась не только как антианглийский шаг, но и как средство для Германии преодолеть зависимость от Проливов, "где у Советского Союза свои интересы"{345}.

Ключ к советской безопасности теперь находился в Болгарии, и за изменением там баланса сил следили с трепетом. Постоянный дрейф в сторону Германии поддерживался слухами, исходившими из правительственных кругов, о намерениях русских занять Бургас и Варну, ключевые порты на Черном море{346}. Немцы, твердо решив предупредить советский ход, не позволили Антонеску отложить выполнение Венского решения. Он должен был проинструктировать румынскую делегацию в Софии немедленно удовлетворить болгарские требования относительно Добруджи{347}.

Царь Борис сделал изящный реверанс, вслед за обращением к Германии дав инструкции Стаменову поблагодарить Молотова за советскую позицию по Добрудже. Молотов не дал себя одурачить, напомнив о речи Филова днем раньше, в которой тот благодарил Германию и Италию. Последовали вялые оправдания Стаменова, что это было признанием германской инициативы, в его обращении, опубликованном в "Известиях" на следующее утро. Молотов не упустил случая поднять ставки и предложил болгарам Северную Добруджу. Он, конечно, прекрасно сознавал, что болгарская экспансия обеспечит коридор между Советским Союзом и Болгарией и, в конечном итоге, турецкими Проливами. Поэтому Стаменов отверг эту идею под тем предлогом, что румынские поиски выхода к Черному морю так же оправданы, как болгарские поиски выхода к Эгейскому, еще больше обнаружив сильный уклон Болгарии в сторону Германии. Болгария несомненно стремилась укрыться под зонтиком Венского решения и гарантий Румынии. В результате серьезно уменьшалась возможность для [82] Советского Союза перебросить войска через Болгарию, если возникнет угроза его позициям в Проливах{348}.

Судьба Болгарии теперь висела на волоске; надежда добиться удовлетворения территориальных претензий, сохраняя нейтралитет, таяла. Немцы, как мы видели,

намеревались опередить русских и поставить Молотова перед fait accompli. На царя Бориса давили, чтобы тот присоединился к Тройственному союзу до приезда Молотова в Берлин. Судя по составленным им аннотациям шифротелеграмм, царь Борис склонен был согласиться с точкой зрения своего посла в Москве, что русские в смятении, чувствуя опасность со стороны Германии и в то же время сознавая свою военную слабость. Тем не менее, хотя турецкий посол придерживался мнения, будто русские не станут сражаться с немцами, даже если те подойдут к Стамбулу, советский военный атташе в Софии настойчиво предупреждал, что Советский Союз вполне способен на это{349}. Перед лицом, как он считал, смертельной угрозы со стороны Турции, Англии и Советского Союза царь старался придерживаться своего "квази-нейтралитета". Его коварное письмо Гитлеру 20 октября превозносило выгодность "осторожной политики" Болгарии для Германии: она срывает попытки англичан создать антигерманский блок в самом сердце Балкан, тогда как окончательный переход на сторону Германии мог бы подтолкнуть Турцию прямо в руки Советского Союза. Однако, отправляя письмо, он наказывал Драганову помнить "об истинных соображениях, побудивших Германию предложить нам акт, который она считает чисто демонстративным и сомнительного характера, но который для нас мог бы стать фатальным". Страх перед Советским Союзом был так велик, что Драганова специально проинструктировали постараться "не создавать впечатления", будто его правительство "склонно принять предложение"{350}.

Поведение царя Бориса до, во время и после конференции дало Гитлеру понять, насколько советское влияние и интересы на Балканах пересекаются с его собственными. Это стало главным доводом в пользу окончательного решения осуществить операцию "Барбаросса"{351}. Начался диалог альтернатив "мир или война", хотя, возможно, и незаметный со стороны. Присоединение Болгарии к Оси, сообщили Драганову, жизненно важно для попыток Германии изолировать Англию. Гитлер не считал, что Советский Союз окажется втянут в войну на Балканах или что у него есть достаточно веские причины сблизиться с Англией, "потому что Германия может дать ему больше, чем Англия". Он намекал на Индию. Гитлер ожидал, что расширение Тройственного союза лишь скорее заставит Сталина сдаться. Но если случится худшее, у Германии много "незадействованных войск", способных добиться военного успеха на юго-восточном фланге Европы в любой момент{352}.

Царя Бориса это мало убедило. Через Коллонтай он узнал, что Сталин, озабоченный событиями на Балканах, намерен в Берлине подвергнуть испытанию свои отношения с Гитлером. Кроме того, советский военный атташе в Бухаресте "открыто выражал недовольство оккупацией Румынии", не уставая повторять, что Советский Союз "поднимется против любого, кто попытается захватить Проливы", и определенно давая понять, что "Болгария должна войти в сферу советских интересов"{353}. Драганов продолжал настаивать, чтобы царь присоединился к Оси. Однако его попыткам успокоить свою совесть, [83] цитируя слова Вайцзеккера, будто отношения с Советским Союзом "очень хорошие", серьезно противоречила информация из Москвы: Шуленбург, Россо и Того, японский посол в Москве, дали понять болгарскому послу, что не ожидают включения Советского Союза в Тройственный союз в Берлине{354}. Сверх того, Тимошенко, советский нарком обороны, был явно встревожен развертыванием сил вермахта на границах Румынии и Северной Греции, так как это могло означать прямую интервенцию в Болгарию и в конечном счете в Турцию{355}. Не сумев обеспечить присоединение Болгарии к Оси до прибытия Молотова в Берлин, немцы перешли к обычным для них грубым методам. Около 200 офицеров вермахта и людей в штатском просочились в Болгарию якобы для создания необходимой системы противовоздушной обороны, тем самым подготавливая площадку для германского военного присутствия в этой стране{356}.

Нападение на Грецию, которое Италия совершила, не поставив немцев в известность, всего лишь за две недели до берлинской конференции, спутало все карты. Ждали, что Англия высадит в Греции десант, создавая прямую угрозу Германии и Советскому Союзу. Русские боялись, что Гитлер не устоит перед соблазном совершить бросок на Турцию через Болгарию. На первом плане вновь оказались турецкие Проливы. Однако вскоре внимание было направлено и на Болгарию, которой до сих пор удавалось сохранять нейтралитет и первые же шаги которой должны были решить судьбу Балкан{357}. Непредвиденная угроза со стороны Италии заставила турок заручиться советской поддержкой на случай, если война достигнет их берегов. Они охотно воспользовались болгарской картой, предупреждая русских, будто есть признаки, что "Болгария готова стать орудием какой-нибудь иностранной державы"{358} (прозрачный намек на Германию). Однако советская сторона на берлинской конференции руководствовалась не столько опасениями по поводу посягательств немцев, сколько собственными

претензиями к Турции. Сталин, не доверявший Турции{359}, не исключал возможность, что Турция с готовностью позволит Англии втянуть себя в войну, особенно если получит такую же помощь, как в свое время Франция и Норвегия. Позиция Турции во время финской войны, а также предполагаемое молчаливое согласие пропустить британские бомбардировщики к Баку через свое воздушное пространство омрачали отношения между двумя странами. Сталин не мог доверить безопасность Советского Союза соглашению на бумаге, зависящему от доброй воли турок. Фактически его уклончивый ответ на турецкие предложения почти не скрывал его истинного замысла обеспечить безопасность Советского Союза путем прямой интервенции, используя право транзита через Болгарию{360}.

Москва развила бурную деятельность. За два дня до отъезда Молотов попытался предупредить германские гарантии Болгарии, обставив советское присутствие там так же, как ранее немцы свое — в Румынии. Это предложение сразу было отвергнуто Поповым, болгарским министром иностранных дел, но советский посол отказался принять ответ "нет". Он отмел одну за другой отговорки болгар и модифицировал некоторые из предложений, чтобы сделать их более привлекательными. Он даже прибег к угрозам, предостерегая, что, если Болгария присоединится к Оси, это будет равносильно отказу от нейтралитета и может представлять опасность для ее существования. Наконец, [84] чтобы смягчить напряженность, ослабить страх болгар перед реакцией немцев и предотвратить повторение румынского синдрома, он сделал новые предложения, жирно подчеркнутые толстым карандашом царя Бориса в протоколе беседы. Присоединение к Оси, утверждал он, вовсе "не сделает лишним советское предложение военной помощи, а лишь повысит значение Болгарии". Русские так стремились достичь соглашения, что Молотов даже был готов освободить болгар от всяких конкретных военных обязательств. Советское предложение пакта о взаимопомощи Болгарии вкупе с требованием для Советского Союза места в Дунайской комиссии неизбежно вели Гитлера и Сталина к конфронтации{361}.

Глава 4. Путь к операции "Барбаросса"

Визит Молотова в Берлин

Историки все еще спорят по поводу искренности Гитлера на переговорах с Молотовым в Берлине в ноябре, часто проводя параллель со своими взглядами на

идеологическую обусловленность гитлеровской политики. Вооруженные знанием событий, произошедших впоследствии, они склонны предполагать, будто Гитлер в лучшем случае использовал переговоры как тактический маневр, чтобы продемонстрировать Турции, Испании, Италии, вишистской Франции и Балканским государствам, что Советский Союз полностью поддерживает его планы господства в Европе, и уменьшить их опасения. Утверждают также, будто Гитлер воспользовался переговорами, чтобы показать своим подчиненным, что русские понимают только язык силы{362}.

Идея Берлинской встречи, так же как пакта Молотова — Риббентропа и неудачных попыток свести Гитлера и Сталина в мае 1941 г., исходила от Шуленбурга во время его краткого визита в Берлин в конце сентября. Шуленбург занимался разработкой четырехстороннего пакта с момента падения Франции. К этому его побуждало осознание того факта, что Советский Союз не уйдет в одностороннем порядке с Балкан. Однако выступить с инициативой его подвигло знакомство в общих чертах с планами "на случай столкновения с Советским Союзом". Узнал он о них от Ханса Херварта, бывшего работника посольства, ставшего впоследствии германским послом в Лондоне. Шуленбург, человек одинокий и бездетный, как бы "усыновил" Херварта и его жену, особенно после того, как Херварт пошел в армию перед французской кампанией. Когда Херварт проводил в Берлине отпуск после падения Франции, его кузен, полковник Генерального штаба, по секрету рассказал ему о гитлеровских планах нападения на Советский Союз. Под предлогом поездки к жене, все еще работавшей в московском посольстве, Херварт получил отпуск из армии, правда, не прежде, чем пообещал своему командиру привезти икры. Шуленбург и Кестринг, военный атташе со стажем, были "ошеломлены" новостью, но не знали, как отнестись к ней: принять за чистую монету или считать план условным, рассчитанным на то, чтобы заставить русских повысить производительность промышленности и увеличить поставки. Тем не менее, некоторые подтверждения были получены в ходе встречи Кестринга с Гальдером и от визитеров из министерства. Однако Шуленбург утверждал, будто Гитлера и его окружение еще можно склонить к расширению соглашения с Советским Союзом, пока претензии русских ограничиваются Турцией и Ираном{363}.

Острая реакция Советов на Венское решение в течение сентября нарушила его планы. Не зная, куда подуют ветры войны из Берлина, Шуленбург продолжал

посылать на Вильгельмштрассе весьма неопределенные сообщения о советской реакции, скрывая сомнения Молотова [90] относительно того, что Гитлер действовал без "злого умысла". Молотов фактически вернулся к предложениям, сделанным Маккенсеном, о трехстороннем урегулировании на Балканах. На оправдания Шуленбурга, что без предварительных консультаций в Берлине не смогут как следует уяснить интересы Советского Союза, Молотов язвительно возражал: эти интересы раскрыты на первых страницах всей международной прессы. Невзирая на инструкции из Берлина, Шуленбург предпринял примирительные шаги, которые приведут к берлинской конференции два месяца спустя. Неспособный дольше скрывать свои сомнения по поводу германской позиции, он решил поскорее съездить в Берлин и сгладить противоречия{364}.

Шуленбургу мало помог меморандум, врученный ему Молотовым накануне отъезда и обвинявший немцев в нарушении условий пакта Молотова — Риббентропа. Молотов пытался оказать давление на Берлин, требуя изменения статей пакта, связанных с предварительными консультациями, намекая тем самым на желание Советского Союза развязать себе руки в его делах с турками касательно Проливов. На проведенную в одностороннем порядке германскую акцию он возлагал вину за широкое распространение слухов, будто третейское решение является антисоветским шагом и показывает возрастание напряженности в германо-советских отношениях. Как видно из отчета Шуленбурга об этой встрече, тот усердно защищал германскую позицию, хотя и говорил, что на самом деле "очень сожалеет, что между Советским и Германским правительством возникли эти разногласия", и как раз поэтому едет в Берлин "ликвидировать все эти недоразумения"{365}.

Однако Шуленбургу не удавалось обсудить этот вопрос с Риббентропом до 25 сентября. Риббентроп был в Риме на переговорах с Муссолини по созданию Оси, представлявшему потенциально щекотливый момент в германо-советских отношениях. Шуленбурга, конечно, не слишком обнадеживали его коллеги из Министерства иностранных дел. Вайцзеккер, сам ставший сторонником Континентального блока, признавался в дневнике:

"В обществе не ждут скорого мира, а, скорее, предчувствуют конфликт с Россией. Официально это отрицается. Однако я лично верю, что народ прав, хотя и не вижу ни смысла, ни необходимости этой новой войны, если только весной 1941 г.

обстоятельства не вынудят нас к такому шагу. Бить Англию в России — не слишком удачная программа"{366}.

Тем не менее Министерство иностранных дел использовало вопросы торговли как повод для созыва политической встречи. Прекращение поставок русскими могло гибельно отразиться на германских военных успехах. Было отмечено, что русские отказываются от долгосрочных проектов, предпочитая краткосрочные поставки в обмен на вооружения и боеприпасы, приносящие им немедленную выгоду{367}.

Гитлер оказался перед дилеммой: то ли попытаться модернизировать пакт Молотова — Риббентропа урегулированием в Юго-Восточной Европе, то ли начать энергично готовиться к войне. В течение лета 1940 г. он, казалось, колебался. Ограничился бы он соглашением, устраняющим Советский Союз из Европы и с Балкан и поворачивающим его на Ближний Восток, — вопрос явно гипотетический, однако нет признаков того, что дипломатические меры принимались не всерьез. Первым шагом в попытке добиться политического решения проблемы [91] было подписание 27 сентября Тройственного пакта. По расчетам, Япония должна была связать Соединенные Штаты на Тихом океане. Италия и, возможно, франкистская Испания, как предполагалось, подорвут господство британского военного флота в Средиземном море, тогда как Советский Союз можно повернуть против британских имперских интересов на Ближнем Востоке. Румынии и Финляндии было предназначено снабжать Германию основными видами сырья и нефтью. То, что планы относительно Советского Союза не отвлекали Гитлера от войны с Англией, ясно видно из его инструкций бросить на Англию люфтваффе как прелюдию к вторжению, данных через день после того, как он сообщил своим генералам о намерении воевать с Советским Союзом. Кроме того, планы увеличения армии до 180 дивизий готовились в контексте второстепенной стратегии и как попытка поддержать боевой дух. Хотя уже разрабатывались предварительные общие планы вторжения в Советский Союз, ОКВ усердно занялось подготовкой операций против Гибралтара и Египта. Гитлер надеялся осуществить новый порядок путем нового передела сфер интересов{368}.

В отличие от русских, Гитлер не составлял конкретную повестку дня встречи. Ожидалось, что переговоры пойдут по хорошо известному образцу. Представление общей идеи "новой Европы" постепенно перейдет в жесткое требование передела сфер интересов, который устранит Советский Союз из Европы и с Балкан и

отразит германское военное превосходство. Риббентропу поручались лишь второстепенные вопросы, могущие возникнуть в результате обсуждения "высшей политики" касательно отношения Советского Союза к войне, итало-греческого конфликта, отношения Советского Союза к Оси и Проливам. Проект соглашения о переделе, подготовленный московским посольством, был единственным руководством для германской делегации, но так и не пригодился{369}. Он более или менее совпадал со взглядами русских: Турция должна быть исключена из нового европейского порядка, тогда как Советский Союз получает базы на азиатской стороне Босфора, а Германия — на европейской. Альтернативно предлагался контроль Советского Союза над Босфором, причем дружественное государство, такое как Болгария, будет следить за соблюдением германских интересов в Стамбуле{370}. Вскоре после возвращения из Берлина Шуленбург вместе с Кестрингом и Вальтером, советником посольства, составил меморандум, подробно освещающий опасность нападения на .Советский Союз. Он утверждал, что Советский Союз не способен начать войну, но, если война ему будет навязана, все его население будет стоять насмерть. Возможно, Советский Союз потеряет Украину, Белоруссию и Прибалтийские государства, но для Германии они будут только обузой. Этот документ был передан 2 ноября Гальдеру, сделавшему пометку "Получено", однако неизвестно, ознакомился ли Гитлер с его содержанием{371}. Мнение московского посольства, тем не менее, свободно ходило в высших эшелонах Министерства иностранных дел, лучше всего его выразил Вайцзеккер:

"Утверждают, что без уничтожения России не будет порядка в Европе. Но что плохого, если большевизм будет рядом с нами вариться в собственном соку? Пока ею управляют бюрократы вроде нынешних, этой страны следует бояться не больше, чем в царские времена. Я считаю невыгодным воевать в странах, где большие расстояния будут [92] распылять наши силы. Оккупация России даже не даст нам зерна"{372}.

Последовавшее в конце концов исключение Шуленбурга, архитектора встречи, из переговоров явилось для этой группы плохим знаком{373}.

Общие наметки, сделанные Гитлером к переговорам, сильно отличались от планов русских. Правда, он все еще придерживался идеи Риббентропа о создании "Западного вала", чтобы отделить Англию от ее потенциальных союзников. Но лакмусовой бумажкой, по-видимому, послужила позиция русских по Балканам. С

точки зрения немцев, как объяснил Риббентроп Муссолини, "Венское решение ясно показало русским, где проходит граница их экспансии". Континентальный блок, следовательно, являлся мирной и даже предпочтительной альтернативой плану "Барбаросса". Однако необходимым условием для него было признание Советским Союзом германского диктата как результата военного превосходства, достигнутого немцами после их побед в Северной и Западной Европе. Не являлось секретом, что Босфор и Балканы представляли собой точки "опасного пересечения интересов", которого следовало избегать{374}.

Гитлер, по его собственному признанию Муссолини накануне конференции, не собирался оказывать русским услуги, разве что заставить Турцию дать "некоторые" гарантии по Проливам и способствовать урегулированию по безопасности Баку и Батуми. Переговоры явно были обречены на провал, так как Гитлер ожидал, что они закрепят господство Германии в Европе, повернув русских от их "давней цели, Босфора", в сторону Индийского океана. Он твердо решил остановить продвижение Сталина "за некие определенные пределы", и особенно преградить ему "путь к Босфору через Румынию". "Лучше румынская синица в руке, — резюмировал он, — чем русский журавль в небе". Одержимость Сталина Дунаем и Болгарией настроила Гитлера довольно скептически относительно исхода конференции. Однако он все еще верил, что у Сталина "хватит ума" склониться перед превосходством Германии и наступить на горло своим амбициям. Сталин неверно рассчитал, полагал он, ожидая, что затянувшаяся война "обескровит" Европу. Перед лицом сотни свежих дивизий, развернутых на его границе, говорил Гитлер начальнику своего Генерального штаба, Сталину придется смириться с германским присутствием в Финляндии и Румынии, и он "не будет представлять для Германии никаких проблем, даже если произойдет худшее"{375}. В дипломатической колонии в Берлине существовало мнение, будто после того, как не удалось достичь соглашения с Англией, Гитлер на самом деле пошел по стопам Бисмарка в поисках взаимопонимания с Россией, невзирая на идеологические разногласия. Считалось возможным даже, что "политическое сотрудничество может повлиять на большевизм в национал-социалистическом духе..."{376}

Парадоксально, но основание Оси во время пребывания Шуленбурга в Берлине лишь укрепило его мнение. Тройственный союз, очевидно, служил проводником идеи Континентального блока, и первоначально предполагалось включить в него

Советский Союз, дав ему "в подходящий момент и самым дружеским образом... карт-бланш на осуществление каких угодно желаний на юге, в направлении Персидского залива или Индии"{377}. На Вильгельмштрассе царило настроение, лучше всего выраженное Вайцзеккером: [93]

"Мы раздосадовали Россию своими гарантиями Румынии... а вчера снова — трехсторонним пактом Германии, Италии и Японии. Необходимо компенсировать России эти неприятные сюрпризы, если мы не хотим изменить ее отношение к нам. Нападения со стороны России бояться не следует, так как ни армия, ни строй ее недостаточно сильны. Но Россия может предоставить свою территорию для английских интриг и, что важнее, прекратить свои поставки нам".

Русских не только заранее поставили в известность об основании Оси, но Вайцзеккер еще и внушал советскому послу, что будут сделаны особые усилия, чтобы примирить Советский Союз и Японию{378}. Подобное сообщение было передано и непосредственно Молотову. Его внимание обращали на статью, гласившую, что соглашение сохраняет в силе особые отношения с Советским Союзом. Чтобы подсластить пилюлю, Риббентроп обещал обратиться лично к Сталину и пригласить его вместо Молотова в Берлин для обсуждения "вопросов, связанных с установлением общих политических целей на будущее"{379}. Риббентроп преуменьшал значение деятельности немцев в Финляндии и повторял, что все подписавшие Тройственный пакт стороны "с самого начала договорились о том, что их согласие ни в коем случае не повредит Советскому Союзу"{380}. Он обещал развить эти идеи в своем письме Сталину. Единственным недостатком было объявление безоговорочного решения Германии выполнить гарантии Румынии и закрепить германское присутствие в этой стране, в чем явно подразумевался фактор сдерживания для Советского Союза. Впрочем, необходимость германского присутствия на Балканах относилась на счет английской угрозы румынским нефтепромыслам. Германским миссиям на Балканах были даны инструкции тщательно избегать любых действий, могущих произвести впечатление антисоветских{381}.

Письмо Риббентропа, желавшего, чтобы Шуленбург передал его Сталину лично, ожидало возвращения посла в Москву. Тот старательно работал над переводом текста, который, как он опасался, мог "вызвать серьезное раздражение у Молотова". В конце концов он был вынужден послать его Молотову 17 октября, к тому времени его содержание уже просочилось в прессу. Письмо, хоть и

одобренное лично Гитлером, не раскрывало никаких "свежих идей", обещанных Риббентропом. На первый взгляд, основное место в нем занимало предложение модернизировать пакт Молотова — Риббентропа путем передела "обоюдных сфер интересов", однако, если читать внимательно, можно было увидеть предостережение русским не вступать в сговор с англичанами на Балканах. "Дружеский совет" подкреплялся намеком на превосходство вермахта, чьи войска "громили англичан везде, где последние вступали с нами в бой". Риббентроп задел больное место Кремля, напомнив о недавних планах англичан совершить воздушный налет на Баку и Батуми. Германские посягательства на Балканы оправдывались как необходимая мера, чтобы предупредить "английские, попытки покушений извне или саботажа изнутри", и защита жизненных экономических интересов. Сомнительно, чтобы Сталина успокоила данная Риббентропом оценка третейского разбирательства в Вене как "совершенно импровизированного", организованного "в течение 24 часов" из-за махинаций англичан, не оставивших времени "для каких-либо переговоров или консультаций". Шуленбургу, как сообщалось в советском донесении, пришлось дополнить текст, чтобы [94] тот отвечал советским ожиданиям. Он подчеркнул, что конференция будет лишь предварительной встречей в преддверии собрания четырех сторон. Отсутствие более ясных упоминаний о конференции он объяснял тем, что пока не проконсультировались о ней с Японией и Италией{382}.

Сталин, тем не менее, по-видимому, воспринял приглашение с облегчением. Он готовился поехать в Берлин вместо Молотова в первую неделю ноября и даже сделал несколько жестов доброй воли. Так, он отозвал возражения против участия Италии в Дунайской конференции, подготавливая почву для ее созыва в Бухаресте в конце октября, и одобрил соглашение о компенсациях немцам — гражданам бывших Прибалтийских стран. В своем донесении в Берлин Шуленбург намеренно опустил всякие упоминания явных подозрений Молотова по поводу присутствия германских военных в Румынии, транзита германских войск через Норвегию в Финляндию и якобы имевших место германо-турецких переговоров{383}. От внимания Гитлера не ускользнуло, что ответ Сталина на пламенное письмо Риббентропа был весьма краток, выражая надежду на "дальнейшее улучшение отношений между нашими государствами, опирающиеся на прочную базу разграничения своих интересов на длительный срок". Однако визит Молотова воспринимался лишь как прелюдия к переговорам, которые

Риббентроп должен был провести в Москве и результатом которых, предположительно, стал бы второй пакт Молотова — Риббентропа{384}.

48-часовое пребывание Молотова в Берлине прослежено историками буквально по минутам, и нет нужды повторять все это здесь. Однако господствует взгляд на этот визит как на заговор с целью развалить Британскую империю и поделить весь мир. Эта точка зрения не отражает ожесточенного соперничества из-за Балкан, развернувшегося в Берлине. В своем капитальном труде "A World at Arms"{385}, задающем тон исследованиям по Второй мировой войне, Герд Вайнберг остается верен своим прежним тезисам, опровергнутым материалами недавно открывшихся российских архивов{386}, что советская внешняя политика была идеологически ориентированной, экспансионистской и агрессивной по отношению к Британии. Его утверждение, что русские "всегда рады были помочь немцам доставить неприятности англичанам в Азии", естественно ведет его к заключению, будто визит Молотова отражал "продолжительное плодотворное сотрудничество между ними, направленное против Великобритании". Далее он заявляет, что Молотов настаивал на "реальном и немедленном продвижении Советов к Проливам и в итоге к Средиземному морю", хотя, как мы видели, стремление к Проливам ограничивалось Босфором, отражая заботу о контроле над Черным морем, а не интерес к Дарданеллам, который подразумевал бы какие-то амбиции в отношении юга.

Ход переговоров Молотова в Берлине представляет яркий контраст помпезности его отъезда с Белорусского вокзала 11 ноября в сопровождении большой советской делегации. Пасмурное небо и надоедливый мелкий дождь, встретившие Молотова на следующее утро, когда его специальный поезд прибыл на Ангальтский вокзал Берлина, словно знаменовали дальнейшие события. Впрочем, Молотова ждал самый сердечный и вдохновляющий прием. Встречали его Риббентроп и фельдмаршал Кейтель. Вокзал украшали советские и нацистские флаги над широкой цветочной гирляндой, задрапированной розовым. [95]

Снаружи оркестр играл "Deutschland, Deutschland ьber Alles"{*12}, и впервые после 1933 г. был исполнен "Интернационал". Затем черный лимузин "мерседес" отвез Молотова в претенциозный отель "Бельвю". Времени даром не теряли и вскоре после завтрака отправились на предварительную беседу в Рейхсканцелярию{387}.

В самом начале предварительной встречи с Риббентропом Молотов ясно дал понять, что русские не удовлетворены гитлеровской идеей определения сфер влияния "в широких чертах". Учитывая условия, изложенные в директиве Молотову, вряд ли стоит удивляться, что его нисколько не соблазнило предложение Советскому Союзу искать выход в Персидский залив. Последовала долгая дискуссия по Турции и Проливам (весьма показательно пропущенная в германских протоколах), в ходе которой русским предложили пересмотр конвенции в Монтре, но без всяких дальнейших гарантий{388}. По первому впечатлению, довольно иронически сообщал Молотов в телеграмме Сталину, германские "ответы в разговоре не всегда ясны и требуют дальнейшего выяснения". Риббентроп намеренно избегал четкого определения сфер влияния, предпочитая соглашение в принципе, могущее послужить сиюминутным германским интересам vis-a-vis Англии{389}.

Гитлер встретил Молотова нацистским салютом, "неестественно вывернув ладонь". Он пригласил его в комнату для отдыха, где к ним присоединился Риббентроп. Гитлер был "на удивление приветлив и дружелюбен... стремился завоевать личное расположение Молотова и хотел, чтобы тот разделил его взгляды". Так как Молотов ожидал враждебности, неудивительно, что он вернулся в отель, испытывая, по наблюдениям, "явное облегчение от любезности Гитлера"{390}. И все же негибкая позиция Молотова подтвердила гитлеровские опасения по поводу курса советской внешней политики и поставила под сомнение возможность мирного урегулирования. Между двумя их главными встречами Сталин в телеграмме инструктировал Молотова не отклоняться от директивы, напоминая: "Мирное разрешение не будет реальным без нашей гарантии Болгарии и пропуска наших войск в Болгарию, как средства давления на Турцию"{391}.

В их следующую встречу Гитлер, как телеграфировал Молотов Сталину, был "заметно раздражен", когда Молотов повторил требование, чтобы немцы отозвали свои гарантии Румынии, которые "направлены против интересов Советского Союза". Он практически дословно передал претензии Сталина на гарантии Болгарии "на таких же основаниях, как их дала Германия и Италия Румынии". Обещая невмешательство в ее внутренние дела, он фактически предлагал дать Болгарии в качестве компенсации выход к Эгейскому морю. Подобное решение нарушало планы Гитлера по оккупации Салоник.

Молотов еще больше привел Гитлера в бешенство, когда, упорно стоя на своем, намекнул на пересмотр конвенции в Монтре как гарантии на бумаге, который Советский Союз считал "весьма актуальным". Во второй телеграмме от Сталина, внимательно следившего в Москве за ходом переговоров, он получил инструкцию объяснить Гитлеру, что Советский Союз не заинтересован в доступе к Средиземному [96] морю, он лишь чувствует свою уязвимость для возможного нападения англичан, если их флот сможет беспрепятственно проходить в Черное море. Это положение вновь имело историческую подоплеку. Гитлеру следовало напомнить, что "все события от Крымской войны прошлого века и до высадки иностранных войск в Крым и Одессу в 1918 и 1919 году говорят о том, что безопасность причерноморских районов СССР нельзя считать обеспеченной без урегулирования вопросов о Проливах". Как все еще надеялся Сталин, проект соглашения в этом духе можно было бы подготовить в Берлине, а завершающие штрихи нанести позже в Москве{392}.

Гитлер, которому сообщили о неудачном советском обращении к царю Борису, отнесся к этому предмету снисходительно, не удержавшись от язвительного замечания, что, поскольку это Румыния просила гарантий у Германии и Италии, ему непривычны ответы, подобные тому, какой дали болгары русским. Его не убедили серьезные доводы Молотова против предложения о вступлении СССР в Тройственный союз. Главным условием Молотова была полная перестройка союза, он "не возражал против участия в различных действиях четырех держав, но не в составе Тройственного союза, для которого СССР не более чем объект действия".

Гитлер все больше склонялся к мысли о нападении на Советский Союз, явно вследствие непреклонности русских в определении, как они считали, принципиальных требований их безопасности на Балканах. Однако (как можно видеть из советских, но не из германских материалов) он еще давал Сталину шанс изменить политику. Сталинский подход к решению болгарского вопроса во время конференции, как мы увидим, решил судьбу Советского Союза. В самом деле, Риббентроп и Геринг убедительно засвидетельствовали это на их допросах в Нюрнберге{393}. Гитлер, казалось, потерял всякий интерес к переговорам по этому пункту, указывая, что "не слишком уверен... в осуществимости" совместных планов по расчленению Британской империи{394}. Риббентропу оставалось попытаться связать оборванные концы. Происходило это в сюрреалистической обстановке берлинского бомбоубежища: жестокие бомбежки англичан приблизили

реалии войны к Берлину и поставили под вопрос непобедимость немцев. Риббентроп направил свои усилия на примирение Тройственного союза с германо-советским пактом путем определения сфер влияния, о чем, по его признанию, у него пока были лишь "сырые мысли". Он вынул из кармана сложенный листок бумаги и зачитал вслух предполагаемое соглашение. Этот документ носил общий характер, констатировал желание четырех держав определить соответствующие сферы интересов и призывал к постоянным взаимным консультациям. Несколько секретных протоколов устанавливали территориальные устремления каждой из сторон. Как и ожидалось, русских старались повернуть к Индийскому океану, и к их истинным целям имело отношение единственно обещание добиться пересмотра режима Проливов под германским покровительством. Молотов возразил, что соглашение на бумаге "не годится... надо обсудить конкретные формы гарантий... и обеспечения безопасности для черноморских держав и СССР". Гарантии Болгарии фигурировали на первом месте в отчете Молотова и лишь бегло упоминались в отчете немцев, скорее всего, чтобы не разозлить Гитлера еще больше{395}. [97]

Гитлер выбирает войну

Несмотря на первое впечатление успешности переговоров, возникшее у болгар и других пристрастных наблюдателей{396}, Молотов в последней телеграмме Сталину без обиняков заявил, что переговоры "не дали желательных результатов". Затем он объяснил, что Гитлер "уклонился от ответа" по Болгарии, сославшись на разногласия с Италией. Столь же неудовлетворительно обстояло дело с турецкой проблемой, а о планировавшейся поездке Риббентропа в Москву больше не упоминалось. "Таковы основные итоги. Похвастаться нечем, но, по крайней мере, выяснил теперешние настроения Гитлера, с которыми придется считаться", — заканчивал отчет Молотов{397}. Стало ясно, как объяснял он по возвращении в Москву, что немцы надеялись "наложить лапу на Турцию под предлогом гарантий ее безопасности, так же как в случае с Румынией, подсластив нам пилюлю обещанием пересмотра конвенции в Монтре в нашу пользу и предлагая нам помочь им в этом деле". Впредь Советский Союз намеревался улучшить режим Проливов путем прямых переговоров с Турцией, а "не за ее спиной". В коридорах Кремля даже обсуждалась вероятность "германской экспедиции против Египта через Проливы и Турцию"{398}. По поводу германского предложения Советскому Союзу посягнуть на интересы Британии на Ближнем

Востоке Молотов колко замечал: "Немцы и японцы, как видно, очень хотели бы толкнуть нас в сторону Персидского залива и Индии. Мы отклонили обсуждение этого вопроса, так как считаем такие советы со стороны Германии неуместными"{399}. И все же, прежде чем события приняли характер окончательного кризиса, новые предложения, переданные Риббентропом в последний момент{400}, привели к кратковременному смягчению ситуации. Казалось, переговоры можно будет не спеша продолжить по "дипломатическим каналам". Молотова видели "раздувшимся от гордости" на приеме, устроенном Россо для представителей "дружественных стран"{401}.

Защитники Континентального блока в окружении Риббентропа, так же как и Шуленбург, все еще ожидали, что Сталин в конце концов уступит, учитывая слабость Красной Армии. "По моему мнению, — замечал Вайцзеккер, — мы можем продолжать переговоры с ними сколь угодно долго. Война с Россией невозможна, пока мы заняты Англией, а после того она перестанет быть необходимой". Даже Гальдер не отказывался от надежды на политическое решение проблемы{402}.

Однако Гитлер после Берлинской конференции более чем когда-либо был убежден, что неподатливость англичан — результат несговорчивости русских. Он также разочаровался в идее Континентального блока. Необходимым условием соответствующей стратегии, кроме соглашения с Советским Союзом, являлось привлечение Испании к Тройственному союзу. 18 ноября Чиано сообщил Гитлеру, что Италия считает вступление Испании в войну и захват Гибралтара жизненно важными для нанесения решающего удара по присутствию английское го военно-морского флота в Средиземном море. Встретившись с испанским министром иностранных дел на следующий день, Гитлер бессовестно лгал, похваляясь успешным завершением приготовлений к операции "Море — Лион". Приготовления эти на самом деле за лето сошли на нет, в значительной степени после того, как люфтваффе не удалось достичь превосходства в воздухе во время Битвы за Англию. [98]

Хотя задержку объясняли исключительно плохими погодными условиями, вторжение 17 сентября было отложено "на неопределенный срок". Германия, заявил Гитлер, "начнет атаку даже зимой, если будет хороший прогноз погоды на 3 — 4 недели". Однако Серрано Суньер, министр иностранных дел Испании, остался непоколебим, объявив окончательное решение Франко не вступать в войну{403}.

Вскоре после встречи с Суньером Гитлер набросал телеграмму Муссолини, настойчиво просившему помощи после неудачного вторжения в Грецию 28 октября. Теперь Гитлер неохотно соглашался, обещая помощь позже зимой и делая примечательную оговорку: "Весной, самое позднее к началу мая, я хотел бы получить мои немецкие войска назад..."{404}. Но карт он все еще не открывал.

Он впервые заговорил о том, что Советский Союз "висит, как грозовая туча, на горизонте и... принимает облик империалиста, русского националиста или рядится в коммунистическую интернационалистскую маску, в зависимости от страны, с которой имеет дело". И все же он не отказывался от своей идеи создать "великую мировую коалицию, простирающуюся от Иокогамы до Испании", но при этом твердо решил держаться за Балканы, так как "Россия войдет туда, так же как в Прибалтику. Любой возникающий вакуум немедленно заполнит Россия". Он теперь больше полагался не на соглашение с Советским Союзом, а на "инструменты реальной силы". К весне у Германии будет эффективный фактор сдерживания в виде 186 первоклассных штурмовых дивизий, включая 20 бронетанковых дивизий. В дальнейшем он намеревался заняться пересмотром конвенции в Монтре и сделать Черное море "своего рода гигантской гаванью для прилегающих стран, дав этим странам право свободного и беспрепятственного входа и выхода из нее"{405}.

Болгария, как гласил урок, извлеченный Гитлером из конференции, стала ключом к контролю над Балканами. Чтобы свернуть русских с их твердой линии, им сообщили вскоре после окончания конференции, будто Венгрия, Румыния и Словакия в ближайшем будущем присоединятся к Тройственному союзу{406}. Как раз когда Молотов садился в поезд в Берлине, Риббентроп получил от Драганова заверения, что соглашение о взаимопомощи с Москвой не заключено. Тем не менее он узнал от него, что, хотя болгары боятся большевизации, они не могут игнорировать "традиционную российскую политику на Балканах — стремление к Проливам. Границы по Сан-Стефано{407} доказывают, что русские рассматривают Адрианополь и всю Восточную Фракию как заднюю линию обороны Проливов, которая однажды окажется в их руках". Возражение Риббентропа, что Германия "хочет мира на Балканах и, обладая военной мощью, в состоянии установить его", оказалось пророческим{408}.

Гитлер не дал русским времени осмыслить последствия берлинской конференции. Всего лишь три дня спустя после отъезда Молотова царя Бориса и Попова, его

министра иностранных дел, спешно и тайно вызвали в Берхтесгаден, чтобы предупредить возможную реакцию Советов. Гитлер воспользовался плохим положением итальянцев в войне с Грецией для оправдания своих планов интервенции в Грецию. Он не может допустить, чтобы аэродромы во Фракии и Салониках попали в руки англичан и представляли серьезную угрозу румынским нефтепромыслам. К явной досаде Гитлера, царь Борис, не [99] скрывая своей боязни ответных действий русских, "менее чем когда-либо был склонен" присоединиться к Тройственному союзу. Он не собирался связывать себя ничем, кроме слов, что "в нашем лице вы имеете маленького верного друга, который никогда вас не разочарует". Тем не менее встреча имела важное значение, показав все возрастающее притяжение Болгарии к Берлину{409}.

Легко представить шок, испытанный в Кремле, когда до него дошли новости об этом визите. Молотов и Деканозов, заместитель наркома иностранных дел по Ближнему Востоку, немедленно вызвали Стаменова, болгарского посла, на весьма нервную встречу, в ходе которой у него не осталось сомнений в решимости Советского Союза поскорее заключить соглашение, прежде чем Болгария свяжет себя обязательствами с Осью. Советы не собирались допустить повторения румынского синдрома, в результате чего Болгария стала бы "государством-легионером". Молотов "дружески, но настойчиво" заявлял, что судьба Болгарии "представляет интерес для Советского Союза и что, верный своим историческим обязательствам, Советский Союз желает видеть сильную Болгарию". Сначала он показал приманку, обещая удовлетворить все претензии Болгарии к Турции, Югославии и Греции и, сверх того, предоставить материальную помощь. Затем предостерег от тех сил в Болгарском парламенте, которые пытаются превратить царя Бориса "в марионетку", невзирая на то, что он "человек умный, честный и воистину пекущийся об интересах болгарского народа". Молотов не преминул напомнить Стаменову, что "на протяжении всей истории Россия всегда стояла за независимость и суверенитет Болгарии". В этом отношении "Россия, в форме Советского Союза, продолжает ту же политику, полностью поддерживая территориальные претензии Болгарии к ее соседям". В своем отчете Стаменов счел нужным предупредить Попова, чтобы тот не "оставил Россию по другую сторону баррикады как fait accompli"{410}. Однако царь Борис понимал, что чудом выкрутился в Берхтесгадене; по возвращении в Софию, в ту же ночь, он отверг советские предложения, передав прежде их содержание в Берлин{411}.

Гитлер, тем не менее, все еще предпочитал верить, что Сталин "слишком умен, чтобы сделать русских английским пушечным мясом". Пытаясь свернуть русских со взятого ими в Берлине курса, он поспешил формализовать германское присутствие на Балканах. Теперь уже генерал Антонеску совершил паломничество в Германию, где его практически заставили присоединиться к Оси. К несчастью, в переговорах с Антонеску Гитлеру открылось, что русские до сих пор отказываются четко установить свою границу с Румынией, требуя свободного прохода военных кораблей по Дунаю до Браилы, позади румынской линии обороны перед Молдавией. Это лишь подтверждало их стремление получить болгарский коридор. Кроме того, после бесед с генералом Кейтелем стало ясно, что близость английской угрозы Балканам может побудить Турцию и Советский Союз создать собственную систему безопасности, возможно, в Болгарии{412}.

Поэтому немцы продолжали нажимать. На пути из Берлина в Анкару Папен остановился в болгарской столице. Он привез предупреждение Риббентропа об "опасностях, которые может навлечь на себя Болгария" в результате гарантий, навязанных ей Советским Союзом, если она немедленно не объявит русским, что выбрала вступление в [100]

Тройственный союз. Словно забыв о германских и советских мотивах, царь Борис по-прежнему выражал уверенность, что опасности можно избежать, если ему будет позволено "вести игру таким образом, чтобы Болгария не послужила яблоком раздора для Германии и Советского Союза". Доказывая свою преданность Германии, он раскрыл молотовское предложение о восстановлении Болгарии в границах по Сан-Стефано, добавив, что не претендует на такую корону, так как она "слишком велика для одной головы". Он планировал вежливо отклонить предложение Советов, напомнив им, что у Болгарии нет врагов. Затем он выдвинул турецкую угрозу как предлог для отсрочки присоединения к Оси, уверяя Папена при этом, будто отрицательный ответ русским "не оставляет сомнений в конечной ориентации Болгарии"{413}.

Болгары, несмотря на то что раболепно передавали в Берлин все содержание их переписки с Москвой, включая отклонение советских предложений, продолжали настаивать на советской угрозе как главной причине их отказа присоединиться к Тройственному союзу{414}. В Берлине Гитлер начал проявлять нетерпение. Стратегическое значение Болгарии стало очевидным, после того как греки разгромили итальянцев в Албании 24 ноября. Гитлер еще надеялся отговорить

Сталина от гарантий Болгарии, если вопрос о Проливах будет решен. Но, как он говорил Драганову в Берлине, "он предпочитает ставить перед свершившимся фактом, особенно в случае с Советским Союзом, и, по его твердому убеждению, Советский Союз тогда займется чем-нибудь другим". Когда Драганов вновь обратился к турецкой угрозе, объясняя, что болгары "не желают, чтобы их заставили в английском стиле отступать с честью перед греками или турками", Гитлер заговорил безжалостным языком, обычным для него в подобных случаях. Константинополь, сказал он, плохо защищен, и "его можно уничтожить одним махом, как Ковентри и Бирмингем". Его собственный план был сама простота. Если Сталин объявит, что не имеет интереса в Болгарии, кроме права прохода войск, проблему можно решить, пересмотрев конвенцию в Монтре. В настоящий момент Гитлеру достаточно было запугать болгар угрозой советской оккупации, которая "наводнит страну пропагандой и террором"{415}.

Русские не сидели сложа руки и прибегли к германскому методу fait accompli. Из своих скрытых источников они узнали о сопротивлении царя Бориса германскому давлению. Как сообщалось, он был уверен, что, учитывая опыт Польши, связь с одной из великих держав может окончиться "катастрофой малой страны" и что он может собрать трофеи, присоединившись к распространению "нового порядка", как только тот будет установлен, даже оставаясь нейтральным{416}. Поскольку царь отказывался вести переговоры открыто, Молотов негласно послал в Софию своего заместителя Аркадия Соболева{417}. В некоторой степени эта миссия была подсказана Коллонтай, советским послом в Стокгольме, которая была непримиримым противником пакта Молотова — Риббентропа и сохраняла близкие отношения с Антоновым, бывшим болгарским послом в Москве, русофилом. Как она сказала ему по телефону, когда стала известна новость о пребывании Соболева в Болгарии, именно она настаивала на неотложности такого шага, чтобы "предупредить и избежать желаемого [болгарским] правительством урегулирования в пользу немцев"{418}. [101]

Болгарам сообщили о прибытии Соболева в Софию на самолете, летящем транзитом в Бухарест, всего за несколько часов{419}. "Очевидно, — телеграфировал домой Стаменов, болгарский посол в Москве, — они хотели сделать Софии сюрприз и боялись, как бы их не опередили немцы, потому [Молотов] и ввел меня в заблуждение, сказав, будто Соболев летит в Бухарест. Мое впечатление — они готовы на все, лишь бы подписать пакт с нами"{420}.

Соболев был принят Филовым утром 25 ноября, а встреча с царем Борисом была назначена днем. Соболев, знавший, что болгары держат Берлин в курсе своих сношений с русскими и не желают провоцировать Гитлера, не представил Филову предложений в письменной форме, а зачитал их ему{421}. В двенадцати пунктах подробно расписывалось предложение тесного сотрудничества, сопровождавшееся обещанием удовлетворить территориальные претензии Болгарии и помочь в случае войны с Турцией. Самая важная статья, однако, говорила о "насущных интересах русских в Проливах, связанных с нуждами безопасности на их южных границах". Царь Борис может не сомневаться, что Москва не допустит вновь возникновения "опасности, которая всегда грозила России с юга". Затем Соболев вернулся к сделанному Болгарии в сентябре 1939 г. предложению пакта о взаимопомощи, который "поможет реализовать ее национальные стремления не только в Западной, но и в Восточной Фракии". Болгарию просили сотрудничать с Советским Союзом, если возникнет реальная угроза "для СССР в Черном море или в Проливах". Хотя царь Борис позднее воспользовался этим пунктом для оправдания отказа от соглашения, заявляя, что Болгария не в состоянии предоставить военную помощь, было совершенно ясно, что русские имеют в виду разрешение на переброску их войск через Болгарию. Все это сопровождалось торжественным обещанием не вмешиваться во внутренние дела и суверенитет Болгарии. Чтобы не провоцировать немцев, Соболев даже был готов снять возражения против вступления Болгарии в Тройственный союз. А самой настоящей приманкой послужило заявление, будто заключение пакта с Советским Союзом "вполне возможно, почти наверняка" приведет в конце концов к присоединению самого Советского Союза к Оси{422}.

Заметно ошарашенный, болгарский премьер-министр Филов пожелал удостовериться, правильно ли он понял: Советский Союз действительно не возражает против присоединения Болгарии к Оси? Еще больше он заинтересовался возобновленными советскими предложениями по поводу пакта о взаимопомощи, притворяясь, что даже не помнит тех, что были сделаны в сентябре 1939 г. Когда ему напомнили, он заявил, что данное предложение "очень важно и потребует некоторое время для изучения". Впрочем, общее положение дел Соболеву было ясно. Филов постоянно ссылался на "сложность положения Болгарии", намекая на враждебность Турции и при этом всячески избегая называть Германию или Италию в ходе беседы. Он воспользовался случаем, чтобы

отклонить все еще стоящие на повестке дня советские предложения о гарантиях{423}. Болгарское правительство, телеграфировал домой Соболев, "окончательно связало себя с Германией, потому-то оно и не просит у меня никаких разъяснений по поводу советских предложений". Затем он предупреждал, что царь Борис — человек коварный, крепко держит в руках своих министров и непосредственно контролирует болгарскую политику{424}. [102]

Когда Сталин разрабатывал предложения болгарам, мысли его текли в традиционном историческом русле. Он очень старался подчеркнуть, что, в отличие от случая с Прибалтикой, Советский Союз не заинтересован ни в покорении, ни в большевизации страны. Димитрову он объяснял свои действия опасностью, грозящей Советскому Союзу со стороны Черного моря. "Исторически угроза всегда исходила оттуда, — указывал Сталин, — Крымская война — захват Севастополя — интервенция Врангеля в 1919 г. и т.д.". Главные усилия поэтому он сосредоточил на Турции, где решил добиться размещения военно-морских баз, чтобы Проливы "нельзя было использовать против Советского Союза". Он верил, что в конце концов у немцев не останется другого выбора, как только признать доминирование советских интересов в регионе, пусть даже они предпочли бы видеть там итальянцев. Как и у Гитлера, у него не было сомнений по поводу судьбы Турции, если она вмешается. "Что такое Турция? — спрашивал он. — Там два миллиона грузин, полтора миллиона армян, миллион курдов и т.д. Турки составляют не больше 6 — 7 миллионов". В случае необходимости их можно изгнать из Европы. Но Сталин ясно видел, что Болгария стоит между ним и осуществлением его замыслов. Заключение пакта послужило бы фактором сдерживания для Турции, изменив всю ситуацию на Балканах. Коминтерн снова продемонстрировал свое подчинение дипломатическим нуждам Советского Союза, когда Димитров получил от Сталина инструкции развернуть самую энергичную кампанию в болгарском парламенте и политических кругах с требованием "безусловного... принятия" советских предложений.

Димитров допустил серьезную ошибку. Сталин намеревался инспирировать якобы спонтанную народную кампанию. Инструкции же Димитрова Центральному Комитету Болгарской коммунистической партии раскрывали почти дословно Соболевские предложения, они были напечатаны, и листовки широко разлетелись по стране. Большинство болгарских министров фактически узнали об этих предложениях из листовок. И, что гораздо важнее, последние дошли до Берлина,

внеся свой вклад в растущее негодование Гитлера против Советского Союза{425}. Молотов был в бешенстве. "Наши люди в Софии, — ругал он Димитрова по телефону, — распространяют слухи о советских предложениях Болгарии. Идиоты"{426}.

Пока Соболев делал свой ход в Софии, Шуленбург, решив устранить препятствия, возникшие в ходе берлинской встречи, привез в Москву Шнурре, начальника Экономического отдела на Вильгельмштрассе, в надежде, что экономическое соглашение создаст благоприятные условия для продолжения политических переговоров. Но его планы рухнули, когда Молотов в нетерпении сразу перешел к политике, письменно перечислив условия участия Советского Союза в проекте соглашения по Четырехстороннему пакту. В сочетании с предложениями, сделанными Соболевым в Софии в тот же момент, они показывали неготовность Сталина играть роль, отведенную ему гитлеровскими планами Континентального блока. Советский Союз продолжал настаивать на том, что "германские войска будут теперь же выведены из Финляндии" и режим Проливов будет изменен "в ближайшие месяцы" путем заключения пакта о взаимопомощи с Болгарией и размещения морских и сухопутных баз "в районе Босфора и [103] Дарданелл". Что касается сфер влияния, они простираются на Балканы, Черное море и к югу от Батуми и Баку, а вовсе не в неопределенном направлении к Индийскому океану, как предусматривал Гитлер. Кроме того, ожидалось, что Советский Союз, Германия и Италия добьются военными или дипломатическими средствами согласия турок на такое урегулирование проблемы. Пять секретных протоколов подробно излагали механизм обеспечения безопасности и установления сфер влияния. Русские, таким образом, ясно и окончательно определяли свои интересы в Юго-Восточной Европе и демонстрировали полное пренебрежение интересами Германии. Гитлер, победоносный, поддерживаемый целым и невредимым вермахтом и индустриальным потенциалом Европы, не мог уступить. А если бы Советы сделали уступку в Болгарии и Проливах, это привело бы к уязвимости их западного фронта и к исключению их из европейских дел впервые со времен царствования Петра Великого{427}.

Степень прогерманской ориентации Болгарии выявилась, когда Рихтхофену передали предложения Соболева в тот же вечер и сказали, что они "конечно" будут отвергнуты{428}. Тем не менее Соболевский визит поставил болгарское правительство в трудное положение. Острый приступ печени у Попова и

внезапная "болезнь" Филова могли оттянуть решение лишь на несколько дней. Когда Филов наконец поправился, он не отказался от обещаний, данных Борисом Гитлеру, но предложил отсрочить их выполнение, так как в новых обстоятельствах это могло бы "рассматриваться Москвой как провокация". Весь эпизод в целом укрепил сомнения Гитлера в готовности русских принять его условия{429}.

Письменный ответ русским, переданный Поповым советскому послу, не оставлял сомнений в приоритетах Болгарии. Поскольку руководящие установки были намечены в беседе с Гитлером еще до получения советских предложений, гласил он, "участие Болгарии в переговорах по поводу другого пакта может бросить тень на лояльность болгарской внешней политики и не только оттолкнуть страну, дружественную нам и Советскому Союзу, но и заронить вполне оправданное подозрение". Опасений Москвы, разумеется, не уменьшили заверения, будто существование "сильной и независимой Болгарии" само по себе "достаточная гарантия для России", или шаткие доводы в пользу того, что присоединение к Тройственному пакту вместе с союзником Советского Союза остановит распространение войны. Наконец, воспользовавшись приманкой, содержавшейся в предложении Соболева, но не так, как ожидалось, болгарское правительство отмечало "с удовлетворением, что правительство Советского Союза также ставит вопрос о присоединении в конечном итоге к Тройственному союзу, а это, как нам кажется, показывает прежде всего, что в таковом случае поведение Болгарии не может быть истолковано как противоречащее интересам Советского Союза". Нужно сказать, что Рихтхофена немедленно снабдили письменным ответом русским, а также почти дословно передали ему содержание бесед Попова с советским послом{430}.

Драганова, бывшего в Софии во время визита Соболева, срочно отправили обратно в Берлин. Он надеялся подтвердить преданность Болгарии, раскрыв содержание советских предложений. Гитлер, однако, "отреагировал жестко": он был на пути к своему судьбоносному [104] решению. Он не интересуется Дарданеллами, заверил он Драганова, так как не собирается плавать по Черному морю. Тем не менее, "если в один прекрасный день будет война с Россией, он атакует русских не на Черном море, а в любом удобном месте на протяжении 2000 километров их общей границы". Интервенцию Германии он представлял теперь как шаг, направленный не против Англии, а против Советского Союза, поскольку он не может допустить большевизации Балканского полуострова. "Он хочет

торговать с Балканами, и для этого предпочтительнее некая Румыния, некая Болгария и т.д., а не большевистская пустыня, какую ныне представляют собой Прибалтийские государства". Даже теперь он еще питал надежду, что если Болгария подпишет Тройственный пакт, то русские поймут: у них ничего не выйдет, — и "отступят, хоть и сердясь и протестуя"{431}.

На следующее же утро Гитлер созвал свой Генеральный штаб впервые после знаменитого заседания 31 июля, чтобы обсудить в деталях планы нападения на Советский Союз. Между прочим, именно на этом заседании он изменил кодовое название операции с "Фрица" на "Барбароссу". Тогда как осенью "периферийная стратегия" задумывалась как часть большого наступления на британское владычество в Средиземноморье, новые планы в этом направлении сводились к серии некоординированных операций вместо прежнего натиска. Перемена разительная: диверсионные акции приобретали оборонительный характер, а уничтожение Советского Союза становилось центральным пунктом новой агрессивной стратегии. Вторжение в Грецию, как отмечал Гитлер, "изымается из прежнего контекста и тесно увязывается с планами относительно России. Его задача — обезопасить южный фланг Германии и снять близкую угрозу, прежде чем начнется наступление на Россию". В тот же день он сообщил Муссолини, что соглашение с Советским Союзом можно возобновить лишь после того, как разрешится кризис из-за Болгарии{432}. Цели операции оставались довольно неопределенными, главным образом из-за того, что штаб разрабатывал планы тотальной войны на уничтожение, а Гитлер намеревался "решить вопрос гегемонии в Европе". В рассматриваемом до сих пор контексте концепция "гегемонии в Европе" имела прямое отношение к устойчивому влиянию русских в Болгарии и на Дунае и, в меньшей степени, к их претензиям на Прибалтику. С такой географической точки зрения, центрами притяжения становились южный и северный фланги{433}. Расхождение между профессиональным взглядом разработчиков и политическим видением Гитлера привело к несогласованности их генеральных задач и колебаниям между линией Волга — Архангельск и Москвой. Эти разногласия нельзя сбрасывать со счетов, так как именно ими объясняется серьезная неразбериха, сопровождавшая воплощение планов в жизнь в самом начале кампании в августе 1941 г.{434}.

Нужно сказать, что непреклонность русских укрепляла решимость Гитлера обратиться к силовым методам, и постепенно расовые предубеждения вкрались в

обоснование этого решения. Но в настоящий момент, когда оно еще не приняло четких очертаний, все ограничивалось замечаниями о "неполноценности" советских солдат и коммунистического строя. Они, по-видимому, скорее служили для армии стимулом продолжать планирование операции и не содержали идеологического мотива. В самом деле, признание Гальдером неделю спустя [105] того факта, что Советский Союз использовал любую возможность, чтобы ослабить Германию, все же сопровождалось надеждой залатать разрыв{435}.

Шансы на примирение быстро таяли. Русские не только отвергали один за другим приводимые болгарами доводы против заключения пакта, но и предостерегали их, хотя и в иносказательной форме, от присоединения к Оси. Подобный шаг будет воспринят как доказательство того, что Болгария "отказалась от своей позиции нейтралитета и проявляет активную вовлеченность в орбиту войны против другой группы стран", а это, вполне очевидно, создаст "военную угрозу Болгарии со стороны другой группы". Попов, хотя и обещал рассмотреть советские контраргументы, тем не менее ясно дал понять, что жребий брошен. "Мы в Болгарии, — сказал он послу, — находимся ближе к пожару войны и яснее можем чувствовать, откуда исходит опасность как для нас, так и для СССР". Далее Молотову советовали отказаться от идеи гарантий{436}.

Однако советские угрозы были достаточно весомы, чтобы заставить царя Бориса еще раз подумать. Стало известно, как сообщал Попов Драганову в Берлин, что русские "не считают вопрос закрытым" и настаивают на своих прежних требованиях, хотя и не просят ответа открыто{437}. Царь Борис теперь отчаянно цеплялся за свой нейтралитет, надеясь умиротворить и Советский Союз, и Германию. Гитлера, однако, привели в ярость колебания болгар, конечно же проистекавшие от давления, оказываемого на них русскими. Его поразило несоответствие драгановского отзыва о переговорах информации, собранной через Рихтхофена. В Софии сложилось впечатление, что болгары действительно решились отвергнуть советские предложения и присоединиться к Оси, хотя и в неопределенный момент в будущем. В Берлине же Драганов, хоть и не пересматривая принятых в отношении Оси обязательств, интересовался, не будет ли в конечном счете вступление в Тройственный союз "несовместимым с заключением пакта с Советским Союзом". Затем он повторял все те же доводы против немедленного вступления Болгарии в Тройственный союз{438}.

Два фактора определяли теперь курс военной стратегии. Первый — неудача итальянцев на Балканах, приблизившая опасность того, что англичанам удастся разместить свои базы в районе Салоник. Операции против англичан в Средиземноморье, к которым, вынуждал Гитлера провал итальянцев, ныне связывались с кампанией против Советского Союза. Издавая "Директиву Марита" о войне с Грецией, Гитлер сознавал политическую подоплеку военных приготовлений. Потому эти приготовления нуждались в "тщательном руководстве", требовавшем его личного внимания.

Тем не менее самым важным фактором оставалось нежелание русских признать германское владычество в Румынии, как показывала твердость их позиции по дельте Дуная. В разгар свары из-за Болгарии Дунайская конференция возобновила свои заседания{439}. Русские стояли на своем, и рано утром 17 декабря Берлин получил сообщение о создавшемся тупике. Русские представили письменное заявление, в котором резко отвергали совместное германо-итальянское посредничество, затем декларировали свои намерения установить совместно с румынами эксклюзивный контроль над устьем Дуная, чтобы можно было эффективно контролировать выход в Черное море. В Берлине [106] это известие восприняли "с изумлением". Позиции были "непримиримы", и переговоры "на данный момент исчерпали себя". Гитлер немедленно добился объявления перерыва в работе конференции{440}. Внимательные наблюдатели точно подметили, что срыв переговоров обозначал "первое столкновение жизненных интересов СССР и Германии и потому приобретал первостепенную важность"{441}. Сходная тенденция обнаружилась в Финляндии, где вмешательство Советов в финские выборы показало их решимость сохранять прямой и строгий контроль над этой страной{442}.

Неслучайно поэтому решение о проведении в жизнь Директивы № 21 "Операция "Барбаросса"" стало известно на следующее утро после срыва переговоров. Директива предписывала вермахту "быть готовым разгромить Советскую Россию в ходе быстрой кампании даже до завершения войны с Англией". Особый политический, дипломатический и военный контекст, в котором принималось это решение, порождает серьезные сомнения в его идеологической обусловленности. Хотя экономические выгоды принимались в расчет, операция явно не преследовала целей завоевания Lebensraum{*13}, так как тыл уже был создан на Балканах и остальных оккупированных территориях Европы. Ставилась задача

"установить заслон против Азиатской России по генеральной линии Волга — Архангельск" и тем самым снять потенциальную русскую угрозу, но в особенности — позволить завершить кампанию в Европе, иными словами, обеспечить исключительное господство Германии в Европе{443}.

Немедленно началось развертывание "Мариты" и затем "Барбароссы". Основной костяк сил в Румынии тотчас же получил подкрепление, а для Южной Румынии была создана большая тактическая группа под командованием фельдмаршала Листа. Ей поставили задачу "продвинуться через дружественную Болгарию, при необходимости не затрагивая югославскую или турецкую территорию, к побережью Эгейского моря... уничтожая англичан в этом районе". К концу января в данной местности должны были быть размещены около 7 — 8 дивизий и созданы предмостные плацдармы на Дунае. Чтобы успокоить подозрения Советов, им в конце концов сообщили бы, что Германия "не может позволить Англии закрепиться на Балканах"{444}.

Превентивная война?

Иногда высказывают предположение, будто советская мобилизация в марте 1941 г. вызвала к жизни операцию "Барбаросса". Мы рассмотрели сложную ситуацию, в которой принимались решения. Следует помнить, что разработка "Барбароссы" с самого начала являлась наступательной инициативой вермахта, совершенно не учитывавшего размеры поставленной задачи и самонадеянно недооценивавшего способности противника. В сравнении с прежними кампаниями, успокаивал Гитлер Кейтеля, война с Советским Союзом будет "детской игрой в песочнице"{445}. В результате Гитлер и германские военные a priori исключали возможность упреждающего удара со стороны Советского Союза. Генерал-майор Эрих Маркс, которому поручили составить [107] первоначальную версию плана, даже жаловался, что Красная Армия "вряд ли будет столь любезна, чтобы атаковать" немцев{446}. Впервые Гитлер представил эту войну как превентивную меру в своем заявлении Сталину в момент начала войны, а также в обращении к армии в тот же день. Он повторил подобную оценку в октябре 1941 г., бросая призыв собирать зимние вещи для солдат на Русском фронте и оправдываясь, будто в мае "ситуация сложилась столь угрожающая, что нельзя было больше сомневаться в намерении России напасть на нас при первой возможности"{447}. Этот аргумент конечно возымел значительное действие на тех в ближайшем политическом

окружении Гитлера, кто не был знаком с планами военных. Так, например, Рудольф Гесс писал матери из плена осенью 1941 г.: "Немногие избранные призваны принимать решения на века, но, возможно, лишь один-единственный действительно сделал это. Я имею в виду фюрера, решившего предупредить нападение большевиков. Все значение его решения полностью раскроется лишь в будущие времена"{448}. Отчаянно пытаясь скрыть трудности, встретившиеся при проведении блицкрига в России, Гитлер вновь повторил в мае 1942 г., что, если бы он "слушал плохо информированных генералов и ждал, пока русские, в соответствии со своими планами, опередят нас, вряд ли был бы шанс остановить их танки на благоустроенных дорогах Центральной Европы"{449}.

Представление данной войны как превентивной было, естественно, взято на вооружение некоторыми германскими генералами на Нюрнбергском процессе. В благоприятной атмосфере разворачивающейся холодной войны они старались оправдать свой энтузиазм при подготовке операции "Барбаросса", заявляя, что поддерживали решение Гитлера развязать упреждающую войну с целью остановить советскую экспансию{450}. Однако архивные материалы ясно удостоверяют тот факт, что германская разведка никогда не работала в этом направлении. Даже Паулюс, который рад был бы привести такого рода свидетельства в Нюрнберге, неохотно признал: "Мы не замечали никаких приготовлений Советского Союза к нападению". В мемуарах Гудериана выносится такой же вердикт. И фельдмаршал Манштейн подтверждал, что диспозиция советских войск не показывала намерения нанести удар{451}. Даже в сентябре 1940 г., когда разработка планов наступления шла полным ходом, генерал-лейтенант Кестринг сообщал генералу Гальдеру, что Красная Армия разрушена чистками и потребуется по меньшей мере три года, чтобы она достигла довоенного уровня{452}. От германской разведки не укрылась тайная мобилизация, за которой она пристально следила. По расчетам разведчиков, русские должны были "сосредоточить силы в укрепрайонах", откуда в лучшем случае могли производить отдельные ограниченные контратаки{453}. Эту оценку намеренно исказили пропагандисты вермахта, "чтобы создать впечатление... будто русские сосредоточивают силы и "готовы к прыжку" и атака со стороны Германии становится военным императивом"{454}.

Идея превентивной войны как позитивный элемент военной доктрины глубоко укоренилась именно в германской, а не советской военной традиции. Фридрих

Великий затронул этот предмет в своем "Анти-Макиавелли"{455}. Старец Мольтке развивал идею превентивной войны в 1886 г., защищая план быстрой кампании, чтобы опередить [108] русских в Польше. Граф фон Шлиффен опирался на опыт своих предшественников в деле оправдания превентивной войны и придания ей законного статуса, когда утверждал: "Мы находимся в том же положении, как и Фридрих Великий во время Семилетней войны. Во всей Западной России войска ликвидированы. Россия потеряла способность действовать на годы. Теперь мы могли бы свести счеты с самым злобным и опасным нашим врагом — Францией, и мы завоевали себе полную свободу действий для этого". Как только до германского Генерального штаба дошло, что война на два фронта неизбежна, там поняли, что только такими методами можно добиться быстрого поражения одного из противников и уничтожить потенциальную угрозу на этом фронте. Подобное наследие сыграло важную роль при планировании "Барбароссы". Для советской военной доктрины "превентивная война" — совершенно чуждый элемент. Понятие "упреждающий удар", имевшее совсем другой смысл, содержалось как один из маневров в теории "глубинных операций", но было лишено каких-либо экспансионистских черт per se{456}.

Необходимость помешать наступлению русских служила лишь предлогом, притом в последние шесть месяцев перед войной ей не придавалось большого значения. На сцену вновь выступила программная установка Гитлера "жизненное пространство на Востоке" и явилась убедительным оправданием войны с Советским Союзом{457}. Как только решение по "Барбароссе" было принято и война приближалась, идеологическое кредо точно совпало со стратегическими целями и всегда оставалось на поверхности. Как японский министр иностранных дел Мацуока узнал в Берлине в марте 1941 г., всякое сотрудничество с Советским Союзом исключалось, "поскольку идеология армии и всей остальной нации совершенно неприемлема... союз с ними возможен так же, как между огнем и водой"{458}. В марте 1941 г. Гитлер объяснял, что эту войну не следует рассматривать с чисто военной точки зрения, она — последний удар по "еврейскому большевизму"{459}. Обращаясь к Муссолини за день до вторжения, он смог вздохнуть с облегчением:

"В заключение позвольте сказать еще одно, дуче. С тех пор, как я пришел к этому решению, я снова чувствую себя духовно свободным. Партнерство с Советским Союзом, несмотря на совершенно искренние усилия добиться окончательного

примирения (курсив мой. — Г.Г.), все же часто угнетало меня, так как тем или иным образом заставляло меня поступаться всеми моими принципами, убеждениями, прежними обязательствами. Я счастлив теперь освободиться от этих душевных мук"{460}. [109]

Глава 5. На Балканах падает занавес

Английская перспектива: сотрудничество или конфликт

Попытки англичан оживить торговые переговоры после прибытия Криппса в Москву, явно нацеленные на подрыв германской военной экономики, были, кроме того, связаны с балканскими делами. Криппс, не теряя времени, предупредил Молотова об опасности, надвигающейся на Балканы. "...Пожар распространится на весь полуостров", — говорил он ему летом, — как только Югославия и Турция окажутся втянуты в войну. С самого начала в Москве воспринимали подобные предостережения как намеренную провокацию. У Молотова поэтому вошло в привычку, вплоть до начала Великой Отечественной войны, отмахиваться от германской угрозы, считая ее "блефом". Он поспешил предупредить Майского, чтобы тот не попадался на удочку англичан, уверяя, что, если ситуация круто изменится, ответные действия Советского Союза не заставят себя ждать{461}.

Тем не менее, Сталин старался держать линию на Лондон открытой, постепенно признав, что Гитлеру не удалось добиться своего с Англией ни мирными средствами, ни силой. Подобно всем иностранным наблюдателям, пережившим массированную бомбардировку, Майский, наблюдатель очень сдержанный, все же был покорен стойкостью лондонцев и часто доносил до Кремля черчиллевский дух Битвы за Англию. Он подробно описывал бесплодные попытки люфтваффе разрушить транспортную и промышленную инфраструктуру, подготовляя вторжение. "Все лондонские мосты целы. Все железнодорожные линии тоже функционируют, хотя и с известными перебоями... Каждую ночь немцы стараются бомбить важнейшие лондонские вокзалы, но пока безрезультатно. Омнибусы, трамваи, такси, подземная дорога работают в дневные часы в общем нормально. Лондонские аэродромы тоже в порядке. Несколько больше пострадала промышленность... Однако и здесь пока нет ничего особенно крупного (в особенности связанного с военной индустрией)"{462}.

Такое впечатление, очевидно, создалось в результате встречи Майского с Галифаксом в его холодной и сырой комнате в середине октября, спустя несколько часов после того, как мощная бомба взорвалась в Сент Джеймс Парке и в Форин Оффис и Бэкингемском дворце вылетели все стекла. Однако дискуссия, которую они вели, сидя у огня в пальто, убедила Майского, что Галифакс до сих пор в первую очередь заинтересован в том, чтобы привлечь Гитлера к Балканам, где, по его расчетам, всю тяжесть войны возьмет на себя Советский Союз. Ситуация не слишком отличалась от той, с которой столкнулись русские на переговорах 1939 г.{463}.

Англия выжила, и это означало, что она будет играть главную роль на мирной конференции. Поэтому последовали попытки Советов выработать [115] общую повестку дня относительно советских территориальных приобретений в Прибалтике{464}. Держать линию на Англию открытой необходимо было еще и для того, чтобы помешать Гитлеру возобновить усилия по заключению сепаратного мира. Майский узнал от лорда Бивербрука, газетного магната и министра авиационной промышленности, что по меньшей мере один раз к нему обращался посланец от Гитлера с мирными предложениями. Впрочем, Бивербрук был уверен: подобные предложения будут отвергнуты, пока Германия претендует на исключительную гегемонию в Европе{465}. Не менее велико было желание держать немцев в напряжении, как убедился, к своей досаде, их поверенный в делах, когда его встречу с Молотовым отложили на час "по причине загруженности делами"; однако, идя коридорами Кремля, германский дипломат встретил британского посла, явно выходившего от Молотова{466}.

Конечно, не случайно обращение Советов в сторону Англии совпало с обострением конфликта на Балканах, последовавшим за соглашением об арбитраже. Поэтому Криппс был совершенно прав, сообщая в отчете домой, что "сопротивление Великобритании начинает оказывать свое действие на позицию Советского правительства" и является причиной "дружелюбного и приветливого" отношения Вышинского. Вновь советской политикой управлял откровенный политический оппортунизм, лишенный сентиментов. "Мы теперь живем "в джунглях", — любил повторять Майский, — язык гостиных тут не годится". Вышинский пояснял более светским тоном: "Международные отношения по сути своей изменчивы и способны развиваться"{467}.

Тем не менее, Британское и Советское правительства, в своей традиционно враждебной ментальное™, продолжали вставлять друг другу палки в колеса. Русские желали сохранить свой нейтралитет и позаботиться о положении, которое займут в послевоенном мире, ближайшей же целью англичан по-прежнему было втравить Советский Союз в войну. Сюда относятся, например, попытки Рендела, британского посла в Софии, подстрекать к действиям своего советского коллегу Лаврищева, описанного им с чувством превосходства: "Довольно неотесанный субъект, ужасно боится себя скомпрометировать, но, как мне кажется, обладает кучей сведений о местных делах". "Дружеская" беседа "проходила в атмосфере кавказского коньяка с горы Арарат (довольно хорошего) и советских сигарет в картонных пачках (очень плохих)". Однако сомнительно, чтобы успехи Рендела в создании у Лаврищева "ощущения как можно большего дискомфорта" и поощрении его "следить за деятельностью немцев с растущим подозрением" послужили британским интересам. Скорее всего, все это было воспринято лишь как еще одно доказательство стараний англичан разжечь конфликт между Советским Союзом и Германией{468}.

Когда Шуленбург вернулся из Берлина с идеями, превратившимися впоследствии в предложения для берлинской встречи, расстроенный Криппс слал Галифаксу "ужасные" телеграммы. Ему стало ясно, что единственный шанс завязать диалог с русскими основывается на договоренностях о послевоенном устройстве и признании того факта, что война действительно явилась водоразделом в международных отношениях. Он предупреждал:

"...Невозможно вычеркнуть из истории последние двадцать лет, которые приучили Советское правительство смотреть на правительство, [116] возглавляемое теми, кто входит в нынешний кабинет, как на принципиально враждебное Советскому Союзу. Поэтому они рассматривают теперешнюю ситуацию на общем фоне продолжающейся до сих пор вражды... Они составили себе мнение — и тому достаточно подтверждений в прошлом, — что Правительство Его Величества не готово признать значение и влияние Советского Союза в той мере, в какой он того заслуживает. Их удаление из Мюнхена, их последующее исключение из всех консультаций и обмена мнениями по Дальнему Востоку — лишь два примера тому".

Поскольку война не слишком убедила русских в существенном изменении британской позиции, Криппс видел мало возможностей для перелома, если только

британское правительство не готово признать присоединение Прибалтийских государств Советским Союзом{469}. Тем не менее переговоры были обречены на провал, так как Галифакс в лучшем случае способен был поднять прибалтийский вопрос как "хороший способ привлечь Молотова". Кроме того, теперь, когда лендлиз был в полном разгаре и мог еще увеличиться после переизбрания Рузвельта, Кремль понял, что "внешняя политика Лондона все больше зависит от Вашингтона" и поэтому Лондон не способен принять какое-либо решение относительно Прибалтийских государств{470}.

Тем временем британская политика по-прежнему состояла из яростных усилий пробить брешь в отношениях между Германией и Советским Союзом. Такие попытки были сделаны на "нервном заседании" Дунайской комиссии накануне отъезда Молотова в Берлин{471}. Британским миссиям на Балканах послали инструкции "действовать в расчете на разжигание ссоры между Советским и Германским правительствами из-за нового режима Дуная". Криппс слишком явно подстрекал русских захватить в одностороннем порядке контроль над устьем Дуная. Он даже надеялся, что кабинет убедит Турцию разрешить проход Королевского флота через Проливы на помощь русским. Однако известие о визите Молотова в Берлин резко положило конец различным усилиям такого рода{472}.

Визит Молотова застал Криппса и большинство иностранных наблюдателей в Москве "врасплох". Первой реакцией Уайтхолла была санкция на бомбардировку бакинских нефтепромыслов. Криппс, гораздо менее вспыльчивый, хотя и сам разочарованный, объяснял стремление Молотова к переделу сфер интересов на Балканах и контролю над Проливами "соображениями временной целесообразности" и надеялся, что со временем, возможно, в следующем году, "исконная вражда" заявит о себе. Галифакс убеждал кабинет проводить умеренную линию, особенно после того, как разведывательные источники донесли, что "дискуссии между Гитлером и Молотовым в Берлине дали не слишком много". Тем не менее сделанное Советскому Союзу предложение о торговом соглашении собирались выбросить на свалку, полагая, что русские воспользовались им как козырем на переговорах в Берлине{473}.

Перестановки в кабинете Черчилля в сочельник и возвращение Энтони Идена в Форин Оффис породили новые ожидания, особенно на фоне ухудшения германо-советских отношений следом за берлинской конференцией. Вскоре после праздников Майский нанес визит в Форин Оффис и нашел Идена горящим

энтузиазмом. Тень уныния, висевшая над оффисом Галифакса, сменилась бодрой деловой атмосферой. [117] Иден поддерживал образ триумфального возвращения. Он желал убедить Майского, будто большого конфликта интересов во внешней политике двух стран не существует. Майский не стал ходить вокруг да около и объяснил Идену, что признание Англией присоединения Прибалтийских государств Советским Союзом — необходимое условие существенного улучшения отношений. Как скоро выяснилось, перемена декораций не повлекла за собой перемены политики. Как и у его предшественника, интересы Идена оставались тактическими, направленными на отделение Советского Союза от Германии. Тем не менее Майский, стремясь воспользоваться шансом, отклонился от канона, признавшись Идену, что Советский Союз конечно не хочет видеть рядом с собой победоносную Германию. Он кратко очертил три принципа советской внешней политики: "СССР вел и ведет свою собственную, самостоятельную, ни от кого не зависящую политику, которая остается по-прежнему политикой мира. СССР не хочет быть втянутым в войну и постарается принять необходимые меры для сохранения и в дальнейшем своего нейтралитета. СССР не сочувствует расширению поля войны, в особенности на районы, находящиеся поблизости от его границ". "В целом советская политика не экспансионистская: у Советов достаточно территории. Их действия носят чисто предупредительный характер, чтобы закрепить в своем владении важные стратегические оборонительные позиции". Все же Майский отразил мнение Кремля, что Гитлер, "как правило, осторожный", не нанесет ущерба интересам русских на Балканах. Когда речь зашла о необходимости для Советов сохранять хорошие отношения с Балканскими государствами и Турцией, у него создалось впечатление, будто Иден, все время кивавший в знак согласия, порывался вмешаться и сказать: "Я думаю точно так же". Разумеется, Майский сделал все возможное, чтобы убедить своих хозяев, что произошли существенные перемены{474}.

Чиновники Северного департамента Форин Оффис проявляли меньше энтузиазма по поводу примирения с Советским Союзом, соглашаясь с Криппсом, что следует отозвать предложение о торговом соглашении. Идену, однако, казалось, что, если будет сделано подобное сообщение "сразу после [его] появления в Форин Оффис, русские могут прийти к выводу, будто это проявление новой политики в отношении Советского Союза, провозглашенной лично [им], как только он стал министром иностранных дел". Поэтому он настаивал, чтобы Криппс еще раз

обдумал это решение{475}. Для Идена характерна наивная вера, будто одно лишь объявление о его назначении на пост министра иностранных дел способно привести к улучшению отношений. Он игнорировал предупреждение Криппса, что отсутствие "конкретных предложений" будет истолковано как — признак слабости русскими, чья политика "строится на реалиях их собственного положения, а не на сентиментах"{476}.

Как и следовало ожидать, новое, расширенное германо-советское торговое соглашение в январе и назначение Деканозова послом в Берлин{477} укрепили Форин Оффис во мнении, что визит Молотова дал больше, чем показалось вначале. Криппс продолжал оспаривать предположение, будто "исконная вражда к Германии или желание приготовиться встретить германскую угрозу ослабли". Поэтому он отстаивал необходимость "гибкой" политики, даже если советской политике [118] придется идти на поводу у Германии "еще долгое время". Его трезвую оценку положения, однако, совершенно исказил Сарджент, старавшийся убедить Идена прекратить его первоначальные попытки сближения. Опасение, что Сталин "откупится и задобрит германского людоеда", укрепляло фаталистическое предположение, будто заключение германо-советского соглашения уже не за горами. Британия могла бы переломить ход событий, только если бы "британский флот мог патрулировать Черное море, а британские бомбардировщики — летать над Кавказом". Он почти не скрывал своего удовлетворения от того, что, пока не достигнуты такие условия, Криппсу придется "трудиться в Москве впустую"{478}. Далее Идена предостерегали против "расчетливой неосторожности" Майского и его "пресловутых... друзей в прессе и парламенте"{479}. В общем и целом назначение Идена вызвало перемены в каких-то нюансах и стиле, а политическая концепция, лежащая в основе отношений с Советским Союзом, осталась прежней. Кэдоган с облегчением отметил в своем дневнике: "Рад, что Э[нтони Иден] оказался не "идеологом" и достаточно ясно понимает, насколько бесполезно ждать чего-либо от этих циничных кровавых убийц". Хорошо он относился к русским или нет, но в следующие несколько месяцев Иден полностью погрузился в бесплодные попытки воздвигнуть балканский бастион против Германии, не проявляя практически никакого интереса к советским делам{480}.

Как мы видели, Сталин, якобы соблюдая нейтралитет, тем не менее ожидал, что война возместит, как он считал, исторические обиды, нанесенные России. Для него критерием сближения с Англией служила ее позиция в отношении

Прибалтийских государств и Турции. Поэтому, когда, проведя месяцы в уединении, Криппс наконец получил доступ к Молотову, но прибыл с пустыми руками, его встретили отповедью. Англия, с горечью заявил Молотов, "не считается с советскими интересами", как показал опыт, накопленный начиная с 1939 года. В таких обстоятельствах он "выказывал явную скуку и нетерпение и в конце концов объявил, что ему больше нечего сказать и что он лично не заинтересован в англо-советских отношениях", пока не устранены существующие препятствия.

Игнорируя совершенно ясный намек Москвы, Форин Оффис отказывался рассмотреть даже вопрос признания de facto советского контроля в Прибалтике, хотя, по заключению Министерства военной экономики, полученному Далтоном, такой шаг "не лишил бы нас права в конечном итоге оспорить советскую позицию в отношении Балтийских государств". Имея недостаточно средств для воплощения в жизнь своих планов, Криппс, как отмечали наблюдатели в Москве, даже перестал "искать контакты с джентльменами в Кремле; "теперь пусть они зовут меня, если им будет что-нибудь нужно"". Все еще не отдавая себе полного отчета в степени напряженности между Москвой и Берлином из-за Балкан, Криппс продолжал отстаивать "политику сдержанности", пока "ход событий на различных театрах войны или экономическое давление, которое мы можем оказать совместно с Америкой, не заставят их искать более тесных отношений с нами"{481}.

Тем временем, в начале февраля 1941 г., накануне отъезда Идена на Средний Восток, Криппс наконец получил инструкцию отозвать предложение о торговле "без промедления"{482}. За этим последовали обострение отношений с Румынией и осознание Комитетом обороны [119] кабинета того факта, что Турция не станет воюющей стороной и, следовательно, главное ее достоинство — ее нейтралитет. Но, что еще важнее, Черчилль и Иден теперь стояли за выработку общей стратегической платформы на Балканах для защиты Греции. Это повлекло за собой приостановку операций в Бенгази и переброску крупных сил из Египта в Грецию, чтобы воспрепятствовать ожидавшейся атаке немцев с территорий Болгарии{483}. Потеряв инициативу и способность дать отпор германским посягательствам на Балканы, русские внимательнее отнеслись к таким же попыткам англичан. Различные донесения увеличивали страх, испытываемый Сталиным перед горячим желанием Черчилля заставить русских действовать, что, в свою очередь, вызвало бы "столкновение интересов между Германией и

Советским Союзом"{484}. Навязчивая боязнь оказаться втянутыми в войну на Балканах постоянно присутствовала в расчетах Советов, отвлекая их от настоящей опасности, которая теперь грозила им со стороны Германии.

Болгария поворачивается к Оси

Шуленбург был потрясен тем, как отразилась бесплодная берлинская встреча на балканских событиях. Понимая, куда дует ветер, он буквально землю рыл, добиваясь успешного завершения торговых переговоров. Он вернулся из Берлина вместе с Шнурре, надеясь умаслить Гитлера, положив "большой договор с Россией на 1941/1942 г. под рождественскую елку в Берлине". Личное воззвание к Риббентропу и "ключевым фигурам среди военных" расписывало значительные концессии, предложенные русскими, подчеркивая "потрясающую прибыль, которую Германия может извлечь из такого договора, обещающего по сути 2,5 млн тонн зерна"{485}.

Провал миссии Соболева{486} еще больше омрачил небо над Кремлем. Сталин по-прежнему был полон решимости "помешать проникновению немцев на Балканы, так как это может угрожать Проливам". Молотов хватался за любую возможность внушить Шуленбургу, что аннексия Бессарабии "превратила Советский Союз в Дунайскую страну и, следовательно, его суверенные права и государственные интересы нужно принимать в расчет". На одну из их встреч в начале января 1941 г. он пришел вооруженный подробной картой трех рукавов Дуная и "упорно и неотступно" требовал, чтобы Германия и Италия убедили Румынию согласиться с эксклюзивным советским контролем над навигацией в устье реки{487}. Столь же настойчиво повторялись требования концессии на финские никелевые залежи в Петсамо{488}.

Но, к досаде Сталина, не добившись ожидаемых переговоров, он стремительно проигрывал битву в Болгарии без единого выстрела. В результате в Берлин на смену Шкварцеву был спешно отправлен Деканозов, не только как блестящий дипломат, но и в особом качестве, сохраняя свою должность заместителя министра иностранных дел. Деканозов, бывший на самом деле армянином, всегда выдавал себя за грузина, чтобы подольститься к Сталину и Берии{489}. Как доверенное лицо Сталина, он присутствовал при встречах Молотова с Гитлером, тогда как Шкварцева демонстративно выставляли. По слухам, изгнание Шкварцева стало результатом того, что ему не удалось своевременно осведомить Кремль о Венском

арбитраже{490}. Тем не менее, хотя [120] немцам сообщили о назначении Деканозова, он не встретил радушного приема, и его заставили ждать не только вручения верительных грамот, но даже короткого интервью с Риббентропом{491}. Лишь спустя неделю пребывания в Берлине он стал с тревогой настаивать, чтобы Молотов передал немцам, что он занимает особый пост, и добился для него приема{492}. Тревога Деканозова была не напрасной. Ирония судьбы заключалась в том, что как раз в то время, когда 12 декабря его, наконец, допустили к Риббентропу, которому он преподнес обещанную во время визита в Москву фотографию Сталина с автографом, добавлялись последние штрихи к директиве "Барбаросса". Хотя Риббентроп восхищался портретом, обещал поставить его на свой стол в память о знаменательном визите и в надежде, что это "принесет такие же успехи и в будущем", он явно избегал скользких тем. С учетом обращения Сталина к дипломатическим мерам как последнему средству предотвратить войну следует обратить внимание на заверения Риббентропа, будто Германия надеется завершить войну "в течение будущего года... с возможно малыми жертвами". Затем Риббентроп объявил о намерении Гитлера заняться внутренней реконструкцией. Несмотря на обещание переговоров в будущем, Деканозов чувствовал, что Риббентроп стремится побыстрее свернуть беседу{493}.

Через день после подписания директивы "Барбаросса" Гитлер наконец позволил Деканозову вручить верительные грамоты в Рейхсканцелярии. По завершении формальностей он увлек посла на софу и небрежно извинился за проволочки, объяснив их тем, что "теперь время чрезвычайно напряженное". Усилия Деканозова развернуть политическую дискуссию Гитлер просто проигнорировал, он "это выслушал молча и только кивнул головой", в конце концов предложив обсудить все вопросы "в служебном порядке". Уверения Деканозова, что его присутствие на берлинской встрече и знакомство со взглядами Молотова могут ускорить темп переговоров, не встретили отклика. Гитлера, казалось, заинтересовали лишь общее этническое происхождение Сталина и Деканозова да чрезвычайная молодость последнего: в 41 год, отметил Гитлер, Деканозов был самым молодым послом в Берлине, где такой пост занимали лишь лет в 65. Риббентропу оставалось только предложить Деканозову, когда тот прощался, продолжить переговоры с ним{494}.

В качестве последнего средства Молотов попытался увязать заключение торгового соглашения с прогрессом в политической сфере{495}. Отсутствие Гитлера в Берлине во время рождественских праздников не позволяло принять какое-либо решение немедленно. Шнурре велели оставаться в Москве и сгладить последние препятствия, однако не советовали вступать ни в какой политический диалог. Сторонники Континентального блока в Министерстве иностранных дел все еще не теряли надежды заключить одновременно два соглашения{496}. Они рассчитывали, что выгодное торговое соглашение смажет колеса переговоров. Потому и Вайцзеккер препятствовал новому созыву Дунайской конференции, стремясь избежать "зрелища серьезного спора между немцами и русскими перед международной аудиторией"{497}. Однако отсрочка даже сделала Сталина более податливым по отношению к требованиям немцев, и торговое соглашение было в конце концов подписано 10 января{498}. [121]

Косвенным образом это соглашение внесло свой вклад в кампанию дезинформации, как раз начатую немцами. Оно подробно расписывало механизм поставок вплоть до августа 1942 г., создавая у Кремля ложное ощущение мирной передышки. Вдобавок, чтобы утихомирить стремление Советов приступить к политическим переговорам, соглашение сопровождалось секретным протоколом, регулирующим советские претензии на пограничную территорию от реки Игорка до Балтийского моря, включая спор из-за Литовской косы{499}.

Вернувшись домой, Шнурре выполнил свое обещание Шуленбургу и представил Гитлеру доводы в пользу будущего сотрудничества с Советским Союзом. Гитлер внимательно выслушал его, но, как оказалось, Балканы не могли больше служить предметом переговоров, хотя он предпочел создать ложное впечатление, будто многое "еще не решено". Он готов был принять Шуленбурга в Берлине для консультаций, но дата намеренно оставлялась открытой и постоянно откладывалась. В начале марта Шуленбург жаловался, что Риббентроп снова отложил в долгий ящик его просьбу об отпуске{500}. Постепенно до него дошло, что отсутствие инструкций по будущим переговорам означает одно: Гитлер сосредоточился на войне{501}.

Между тем столкновение из-за Балкан принимало неприятный оборот. Болгарскому правительству казались невыносимыми тиски двух великих держав. Отклоняя советские предложения, оно в середине декабря умоляло Кремль понять "не только логически, но и душевно", как такое соглашение о взаимной помощи

могло бы нарушить хрупкий баланс сил, установившийся на Балканах{502}. Сталин эмоциям не поддавался. Несколько раз Лунин, резидент ГРУ в Бухаресте, предостерегал своего болгарского коллегу, что Советский Союз не может игнорировать присутствие 13 германских дивизий на южной границе Румынии, "нацеленных за пределы границы, в направлении Болгарии и Балкан и, возможно, даже против Советского Союза". Он и не старался скрывать, как было заведено у советских дипломатов, что "отношения между Советским Союзом и Германией далеки от нормальных", но по понятным причинам хотел создать впечатление, будто они "складываются печально для Германии". Советский Союз, уверял он, не может больше оставаться равнодушным к германскому проникновению на Балканы. Оно представляет угрозу для Черного моря, а это "русское море, имеющее лишь один естественный выход — Босфор и Дарданеллы, — который должен оставаться под контролем русских". Царь Борис, внимательно прочитав донесение, подчеркнул последние слова Лунина о том, что Болгария — "страна, в которой Советский Союз наиболее заинтересован. Мы не хотим контроля над ней, как заявляют наши враги, ссылаясь на Прибалтийские страны. Там ситуация иная, так как те территории принадлежали Российскому государству, а нынче служат нам жизненным пространством, дающим выход в Балтийское море". Интересы русских, таким образом, ограничивались болгарским черноморским побережьем вдоль линии Варна — Бургас — Мраморное море. Перевод самого Лунина из Бухареста в Варну зловеще напомнил царю о том, какую ставку делала Москва на черноморские порты{503}.

Неудивительно поэтому, что постоянный страх перед Советским Союзом заставил Филова, болгарского премьер-министра, стоять на своем, когда он оправился от своих дипломатических болезней и совершил [122] паломничество в Берхтесгаден в начале января 1941 г. Повторяя принципиальное согласие Болгарии присоединиться к Оси, он все же хотел оттянуть решение, чтобы не провоцировать русских. Тщетно он пытался внушить Гитлеру, что никакой спешки нет, так как болгарское правительство приняло меры предосторожности, предупреждая советскую аннексию болгарского черноморского побережья. Как обычно, Гитлер запугивал Филова, играя на идеологической опасности коммунизма для Болгарии. "Русский медведь, — зловеще вставил Риббентроп, — старается, так сказать, запустить свои когти во весь остальной мир через Дарданеллы". Поэтому необходимо остановить русских, четко разграничив сферы интересов. Но Гитлер

пошел еще дальше: если Сталин не перестанет добиваться своей цели, он "сокрушит его" с помощью своих войск. И слова о турецкой угрозе не выдерживают критики. Пусть только попробуют поднять голос, сказал Гитлер, он "пошлет своего министра иностранных дел в Москву или вызовет Молотова в Берлин, и тогда Турции настанет конец"{504}.

Нажим на болгарское правительство, отчаянно цеплявшееся за принцип невмешательства, вызвал противоречивые заявления. Филова послали в Русе на Дунае, где он произнес "поразительно сильную речь", отметая предположения, будто Болгария становится "страной-легионером": прямой ответ на обвинения Соболева. В то же самое время Габровски, министр внутренних дел, сделал заявление, также ставшее достоянием широкой гласности, в котором утверждал, что "Болгария не желает разделить судьбу Прибалтийских стран"{505}. Но жребий в самом деле был брошен после визита Филова к Гитлеру. Вернувшись в Софию, Филов посоветовал царю Борису уступить. Борис, по сообщению самого Филова, "был очень раздражен и удручен и проявил необычную твердость. Сначала он сказал, что скорее отречется от престола или нам придется броситься в объятия русских, пусть даже нас большевизируют". Однако после долгой эмоциональной речи "царь постепенно успокоился и начал признавать верность соображений [Филова]"{506}.

В последней попытке оттянуть неизбежное Драганов, повинуясь специальной инструкции царя Бориса, тщетно старался отыграть назад, утверждая, что по всем своим установкам Болгария "уже член Оси и даже вела себя как молчаливый союзник во всем, что касалось германских военных нужд". Но на деле он уже капитулировал и теперь пытался выторговать плату за этот шаг: выход к Эгейскому морю в турецком Адрианополе (не вступая в бой с Турцией) и в конечном счете Салоники и греческую Македонию{507}.

Решающий натиск немцев на Болгарию совпал с заключением торгового соглашения, что объясняет слабую реакцию на него Москвы. Через два дня после его заключения, не имея больше карт на руках, Сталин выпустил коммюнике, вновь подтверждавшее его твердую решимость оберегать советские интересы в Болгарии, не допуская распространения войны дальше на Балканы. Оно опровергало инспирированные Берлином слухи, будто вступление германских войск в Болгарию совершалось "при полном признании и одобрении СССР". Фактически это коммюнике являлось призывом к народу через голову болгарского

правительства "разоблачать" политику своих лидеров, "старательно избегая видимости провокации" или впечатления, будто коммунистическая партия действует "по указке Советского Союза, а [123] не по собственной инициативе"{508}. Болгарского посла даже вызвали к Вышинскому в два часа ночи с требованием опубликовать коммюнике в болгарских газетах; если его не опубликуют, сказали ему, болгарам придется "плохо". "Я спросил его, что значит "плохо"? Он ответил, что мы скоро это узнаем"{509}. Коммюнике, как заверил Берлин Шуленбург, отчаянно пытаясь предотвратить дальнейшее ухудшение отношений, не было направлено против Германии и не имело формы ультиматума, так как не определяло точно меры, которые может принять Советское правительство, если германские войска двинутся в Болгарию{510}.

Спровоцировав русских, Гитлер продолжал разработку военных планов. Приказав навести мост через Дунай, он хотел, чтобы войска были готовы переправиться через реку в конце января. Два дня спустя после протеста русских болгарам пообещали выход к Эгейскому морю, а в Софии были начаты военные переговоры{511}. Их версия урегулирования имела столь вопиющие недостатки, что, как признался Шуленбург Молотову, "может быть, удовлетворит их представительства в Бразилии и в Мексике, но для германского же посольства в Москве, как выразился Шуленбург, несколько худосочна". Он посоветовал Молотову дать инструкцию Деканозову еще раз нажать на Риббентропа{512}. Следуя совету Шуленбурга, Деканозов в самом деле предупредил Вайцзеккера, что Советское правительство "сочтет появление любых иностранных вооруженных сил на территории Болгарии и Проливов нарушением интересов безопасности СССР"{513}. Но русских не стоило отталкивать. Продвижение в Болгарию, как и ожидалось, было представлено как неизбежный шаг, чтобы помешать англичанам. Сталина еще раз попытались убаюкать обещанием добиться пересмотра конвенции по Проливам "в надлежащий момент" и возобновить политические дискуссии "в ближайшем будущем"{514}. 23 января Филов наконец дал официальный положительный ответ Гитлеру. Из своих источников при болгарском дворе русские получили подтверждение, что, как только германские войска переправятся в Болгарию, они не встретят никакого вооруженного отпора{515}.

К концу месяца были синхронизированы военные и дипломатические меры и приняты предосторожности против возможной реакции Советов. Гитлер распорядился об интенсивном укреплении Констанцы, чтобы защитить нефтяные

резервуары "от бомбардировки неназываемого противника с моря". Позднее он приказал германским войскам в Северной Добрудже первыми войти в Болгарию для защиты болгарского побережья. Болгары приняли такие же меры в Варне и Бургасе. Дополнительными дипломатическими шагами, сделанными под германским руководством, являлись болгаро-турецкая декларация о ненападении{516} и гарантирование невмешательства Югославии{517}. Сопротивление этим действиям оказывалось лишь спорадически. Молчилов, болгарский посол в Лондоне, умолял Сталина вмешаться. В конце концов он оставил свой пост в знак протеста против "превращения Болгарии из потенциальной жертвы английского или германского насилия в сообщника"{518}. Царь Борис недолго еще правил своим царством. До последней минуты он надеялся избежать ситуации, в которой Болгария "станет яблоком раздора между Германией и СССР". Тем не менее, ему даже не дали "хоть немного подсластить горькую пилюлю", заранее сообщив русским точную дату присоединения Болгарии [124] к Оси{519}. Англичане были так же беспомощны, как и русские. Черчилль мог только пригрозить, что, "попустительствуя германскому произволу, Болгария обречена разделить кару, которая в конце концов постигнет Германию"{520}.

По всем признакам, события в Болгарии достигли своего пика, когда Драганов стал избегать встреч с Деканозовым. Когда же они, наконец, встретились, русских, казалось, больше всего заботила реакция Турции на присоединение Болгарии к Тройственному союзу. Однако они не могли не видеть опасности, которая теперь грозила им со стороны Германии. В ответ на предположение Драганова, будто Россия пользовалась народными симпатиями болгар, чтобы распространить свой контроль на их страну, Деканозов указал, что Советский Союз "не преследует империалистических целей, а во главу угла ставит вопрос о своей безопасности": "...мы в Советском Союзе часто обращаемся к истории, особенно для того, чтобы проследить, где Россия в прошлом подвергалась нападению и откуда появилась угроза ее самостоятельности. Однако следует иногда обращаться и к более близким примерам. Если мы обратимся к тому, о чем в настоящее время много говорят и о чем упомянул посланник, а именно к "новому порядку" в Европе, то мы увидим на примере некоторых стран, что он из себя представляет. По высказываниям, которые встречаются в прессе, можно сделать заключение, что малые страны будут в экономическом отношении являться как бы придатком этой одной господствующей страны в Европе. Мало того, "новый

порядок", судя по той же прессе, предусматривает также и в политическом отношении полное подчинение малых стран — этой державе, а в военном отношении тем более, вплоть до гарнизонов этой державы в малых странах".

Между прочим, историческое наследие заставляло русских смотреть на английскую интервенцию в Грецию и на Балканы с такими же подозрениями{521}.

Как только был установлен график переброски германских войск в Болгарию, ее премьер-министру и министру иностранных дел предписали прибыть в Вену на церемонию в честь вступления Болгарии в число стран Оси. Попов "чувствовал себя как на кресте и категорически отказался ехать в Вену", отметил в своем дневнике Филов, правда, привел кучу оправданий, чтобы остаться дома. Царь Борис так никогда и не смирился с собственным решением. Он обвинял в нем Драганова и хотел отозвать его, после того как тот подпишет соглашение, "не предлагая никакого другого назначения"{522}. В отчаянии русские не жалели усилий, пугая болгар, но тщетно. Вышинский сыпал "резкими и аргументированными обвинениями, не давая [болгарскому послу] вставить слова". Цитируя болгарские газеты, лежавшие на его столе, он находил перемену их тона шокирующей. Жуков даже делал слабые попытки расшевелить болгарскую армию через голову правительства{523}.

Наконец, 26 февраля Молотов получил полную и точную информацию о вступлении немцев в Болгарию{524}. Два дня спустя, как и следовало ожидать, Шуленбургу были даны инструкции представить его в Москве как временную меру с целью остановить англичан в Греции. И снова краткий отчет домой об "озабоченности Молотова" действиями Германии не отражал желчного характера обмена мнениями. Молотов [125] отказался принять за чистую монету доводы, приводимые Шуленбургом, тщетно старавшимся внушить Молотову, что противодействие англичанам в Греции совпадает с целями Советского Союза. Тот факт, что Советский Союз не проинформировали заранее, явно был еще одним дурным знаком{525}. Смущал также поток абсурдных оправданий соглашения болгарами, называвшими его "инструментом мира", который "не помешает... поддерживать и развивать хорошие отношения с СССР"{526}.

Чтобы затушевать значение своего хода, немцы спешно созвали Международный консультативный комитет по Дунаю, ведавший рекой к северу от Браилы. Они старательно развлекали русских роскошными обедами, экскурсиями и "блестящим

оперным представлением" вагнеровского "Тангейзера". Всякое обсуждение спорных вопросов, однако, откладывалось до 30 июня, когда, как было прекрасно известно германской стороне, советские претензии уже устареют{527}. После того как 1 марта Шуленбург официально известил русских о присоединении Болгарии к Тройственному союзу, в арсенале Молотова мало что осталось кроме бесплодных предупреждений, что Советский Союз "не может воспринимать нейтрально" германские действия, подрывающие советские "интересы безопасности"{528}.

Гитлер вновь выиграл партию. Поздно вечером 1 марта Стаменова вызвали к Вышинскому, обвинившему Болгарию в распространении войны на Балканы. Недавний ультиматум свелся к вялому предупреждению, что Советский Союз, "верный своей политике мира, не может оказывать какую-либо поддержку Болгарскому правительству в проведении его нынешней политики". У Молотова даже не было никаких рычагов для борьбы с кампанией в болгарской прессе, на которую он возлагал ответственность за распространение ложных слухов о якобы преследуемых Советским Союзом целях{529}. В известной степени тяжелые и далеко идущие последствия падения Болгарии и Румынии осознавались медленно. В конце концов, как выразился Майский, ни Румыния, ни Югославия "не представляют "жизненного интереса"" для Советского Союза. Они были лишь инструментом для сбережения истинной стратегической цели русских — турецких Проливов. Проливы, признавался в своем дневнике Майский, — "совсем иное дело. Вы их не можете уступить!.. Впрочем, немцы это прекрасно понимают. Я думаю, они из-за этого не рискнут посягнуть на проливы. Германия не может себе позволить ссоры с СССР"{530}.

Жизненная необходимость Проливов

Неудача, постигшая Молотова в Берлине, тот факт, что Болгария стремительно шла в сети немцев, и все большее вмешательство англичан в события в Греции, естественно, перенесли внимание на Турцию. Подобно болгарам и румынам, турецкое правительство искало пути, чтобы помешать какой-либо великой державе укрепиться на Балканах и при этом остаться в стороне от войны. Вначале провал берлинской встречи принес туркам явное облегчение, так как любое соглашение там было бы достигнуто за их счет. Особенно не нравилась им идея разделить контроль над Проливами с русскими. "Дайте русским палец, — сетовал

турецкий посол в Москве, — и они скоро откусят всю руку и захватят над Проливами полный контроль"{531}. [126]

Через месяц после своего визита в Берлин Молотов узнал, что Гитлер действительно твердо решил не дать Советскому Союзу получить точку опоры в Турции. Папен, по-видимому, разъяснил Саракоглу, какое значение Гитлер придает сохранению Турцией независимости как ключу к поддержанию баланса сил. Гитлер рассчитывал, что советские интересы будут подчинены интересам Германии и обеспечены под ее патронажем{532}. Успокаивающее сообщение Актая, будто Папен действовал как посредник ради невмешательства Турции, Молотов встретил "кривой усмешкой". Он хотел, чтобы турки объявили немцам, что не предпримут никаких действий в Черноморском регионе, не проконсультировавшись с Советским правительством{533}. Еще больше Молотова беспокоило, как бы заявленные им в Берлине требования относительно Проливов не стали известны туркам, и поэтому он предпочел примириться. Проблема была в том, что проявленная слабость могла побудить турок перейти в германский или английский лагерь.

Немцы, болгары и англичане, однако, постарались, чтобы советская повестка дня в Берлине стала достоянием гласности{534}. Столь же безуспешны оказались попытки Молотова представить в другом свете миссию Соболева, объясняя ее опасениями, порожденными итальянской кампанией в Греции. Англичане снабдили Саракоглу достаточными доказательствами того, что Молотов намеревался "использовать Болгарию как кулак против Турции", а Советский Союз "отнюдь не отказался от своих амбиций в отношении Проливов"{535}. Саракоглу поспешил заявить протест по поводу предлагаемого русско-болгарского соглашения о взаимопомощи, утверждая, будто оно грубо нарушает соглашение 1929 года о предварительных консультациях между Турцией и Болгарией. Тем не менее, первейшая необходимость оставаться в стороне от конфликта заставила его, проводя осторожную политику, ограничиться официальным заявлением с отрицанием каких-либо воинственных намерений и обещанием консультироваться с русскими по спорным вопросам, касающимся Болгарии или Черного моря. Однако подозрения укоренились слишком глубоко, чтобы позволить какие-либо меры по укреплению доверия. "Мир, — саркастически заметил Молотов, — всего лишь предмет слухов и переговоров, а вот что касается войны, то она, к несчастью, является реальностью"{536}.

В тот самый момент, когда переговоры немцев с русскими зашли в тупик, новую инициативу относительно Проливов выдвинули итальянцы. Однако это, скорее, показное поигрывание мускулами Муссолини, в то время как его кампания в Греции захлебывалась, лишь продемонстрировало русским непрочность их собственного положения. Муссолини с растущей тревогой наблюдал за назревающим кризисом в отношениях Советского Союза и Германии, улучшавшим позиции последней на Черном и Средиземном морях{537}. Для Москвы в самом деле явилось сюрпризом, когда Муссолини выразил желание не только вновь начать переговоры, но и быстро перевести их в политическую сферу; он готов был признать новые границы Советов, их "права на Черном море, в Азии, [их] интересы на Балканах". Взамен итальянцы добивались признания их прав в Средиземноморье. Они даже настаивали на немедленном начале переговоров или в Москве, или в Риме, на уровне посольств или министерств иностранных дел{538}. [127]

Молотов сразу дал добро, однако настаивал, чтобы переговоры происходили в Москве, подальше от недреманного ока немцев{539}. Через несколько дней Россо подтвердил готовность своего правительства принять предложения, сделанные в июне 1940 г.{540}. Итальянцы даже были готовы дать Болгарии выход к Эгейскому морю, хотя и выговорив для Италии и Германии румынскую нефть и экономические ресурсы. Молотов, в свою очередь, выдвинул претензию на контроль над устьем Дуная. Но главным призом для Советов конечно были турецкие Проливы. Как ни странно, диалог с итальянцами, так же как впоследствии обращение к туркам, мотивировались боязнью возобновления действий англичан в регионе, если Германия окажет Италии помощь в войне. Проливы, уверял Молотов по своему обыкновению, связаны "с вопросом о безопасности черноморских границ Союза. Россия не раз подвергалась нападению со стороны Проливов. Во время Крымской войны 1854 — 1855 гг. война пришла в Россию через Проливы. В 1918 г. Англия через Проливы осуществила свою интервенцию против России. В 1919 г. через Проливы пришли в Россию французы". Легко можно предвидеть, что распространение войны на Болгарию заставит англичан, ранее державшихся в стороне, вмешаться. Молотов объяснял Россо за обедом:

"Положение тогда обострится и вопрос о безопасности СССР станет более серьезным. Турция вряд ли останется в стороне от конфликта, т.к. она имеет пакт

с Англией. Кроме того, Англия уже имеет базу для самолетов и подводных лодок на острове у входа в Проливы. Война будет перенесена на Черное море, а это, естественно, отразится на позиции Турции в вопросе о Проливах. Такое развитие событий не исключено ввиду связей между Турцией и Англией". Но он не оставил у Россо сомнений в намерении Советского Союза реализовать свои интересы относительно Проливов "не мытьем, так катаньем"{541}.

Поскольку Гитлер скрывал от Муссолини свое решение напасть на Советский Союз, последний чувствовал себя вправе сделать Москве примирительное предложение. Гитлер действительно заверил его в конце декабря, что отношения с Советами "очень хорошие" и они вряд ли предпримут "какие-либо шаги во вред нам, пока жив Сталин". Муссолини предпочел проигнорировать предупреждение Гитлера, что не в интересах Германии "уступить большевизму Болгарию и сами Проливы". Однако Россо, вначале не одобрявший политику Чиано, постарался, чтобы содержание предложений было досконально передано Шуленбургу{542}.

Риббентроп с изумлением обнаружил, как далеко зашли переговоры. С обычной своей грубостью он высмеял итальянскую сторону, размахивающую своим правом выхода в Черное море и поощряющую русские военные корабли плавать в Средиземном. "Балканскую политику, — поучал он Альфиери, итальянского посла в Берлине, — не следует сковывать чересчур поспешным соглашением с русскими",. Как пришлось признать Альфиери, он "прекрасно понял, что Германия не хочет, так сказать, пускать Советский Союз на Балканы через окно, окольным путем соглашения с Италией, после того как его выкинули за дверь". Риббентроп, на случай, если он выразился недостаточно ясно, воспользовался моментом, чтобы раскрыть попытки Советов исключить итальянцев из Дунайской комиссии{543}. [128]

Гитлер в конце концов пригласил Муссолини в Берхтесгаден в конце января, где окончательно разбил его робкие надежды на независимость. Русские, предупредил он, весьма гибко подходят к своим договорам; "подобно еврейским законникам, они предпочитают туманные формулировки и... двусмысленные определения", позволяющие им потом выдвигать новые претензии. Продолжая скрывать от союзника свой план нападения на Советский Союз, он оправдывал германское присутствие в Румынии необходимостью дать отпор возможной советской атаке на нефтепромыслы или румынские порты. Еще больше унизили Муссолини письменные инструкции от германского Министерства иностранных

дел, ожидавшие его в Риме и запрещавшие ему "окончательно формулировать политику и связывать себя какими-либо обязательствами" с русскими без предварительных консультаций{544}. Даже с изрядно ощипанными перьями Муссолини продолжал жалкие потуги отвоевать свободу маневра, предлагая Молотову пересмотр конвенции в Монтре. Однако это предложение, в котором Молотов находил "нечто неясное", совпало с попытками Криппса в конце февраля выступить посредником между русскими и турками и было пропущено мимо ушей{545}. Итальянцы сохранили мяч в игре, но ограничили переговоры торговыми вопросами{546}.

Осознание того факта, что они могут стать следующей жертвой немцев, заставило турок в течение января месяца пересмотреть свое отношение к Москве. Их зарубежные посольства предоставили Москве подробную информацию о наращивании Германией сил в Румынии, казалось, свидетельствовавшем о планах немцев переправиться через Дунай в Болгарию и совместно с ней атаковать Турцию. Резкий поворот на 180 градусов, как и следовало ожидать, в Москве встретили с недоверием, особенно поскольку захват Проливов изображался как часть общего плана нападения на Советский Союз. Немцы, по словам турок, "намерены помешать англичанам прийти на помощь Советскому Союзу". Сталин теперь разрывался между страхом перед продвижением немцев на юг и застарелым предубеждением относительно закулисных стараний Британии втянуть Советский Союз в войну с Германией{547}. Поэтому советский посол в Бухаресте, подлаживаясь к своему хозяину, просеивал подробную информацию сквозь фильтры предположения, будто оккупация Проливов скорее возможна как прелюдия к штурму Египта и Сирии. Сходные интерпретации сопровождали донесения Деканозова из Берлина о том, что Турцию используют как плацдарм для взятия Баку{548}.

Тем не менее Кремль, несомненно, панически боялся, как бы немцы не поддались искушению продолжить свой марш к Проливам, как в зеркале отражая намерения самих русских. Майский в Лондоне заявил, что "его правительство, разумеется, не хочет видеть какую-либо из великих держав утвердившейся на Балканах", но, как показалось Идену, он был "вовсе не так уверен, как раньше, что это нежелательное событие не произойдет"{549}. Шуленбург напрасно старался убедить Молотова, будто этого не случится, если только турки не вступят в войну. Последнего гораздо больше беспокоило, что советские контрпредложения по

урегулированию, переданные после берлинской конференции, остаются без ответа свыше двух месяцев{550}.

Не имея возможности прибегнуть к военной силе, в чем Сталин убедился во время учений, проведенных советской армией в январе [129] 1941 г.{551}, он обратился к своим излюбленным дипломатическим играм. Тут по крайней мере ему не мешали, как он считал, некомпетентные и не заслуживающие доверия генералы, и он держал все нити в своих руках. Майского уже в начале января срочно проинструктировали, чтобы он в Лондоне, вдали от света рампы, пустил пробный шар через Араса, турецкого посла. Приманкой служило заключение пакта о взаимопомощи. Угроза казалась столь близкой, что Майский уговаривал Араса связаться с Анкарой по телефону, но посол вел себя уклончиво и предложил послать курьера. Майский справедливо заключил, что эта попытка "несерьезна" и напоминает неудачную военную миссию адмирала Дрэкса, прибывшую морем в Москву в августе 1939 г. Месяц спустя пришел давно ожидавшийся отрицательный ответ Саракоглу, оправдывавшийся боязнью сделать непродуманный шаг{552}.

Вторжение немцев в Болгарию грозило тем, что они, а не русские займут Адрианополь, совсем рядом с Проливами. Турки отчаянно цеплялись за принцип невмешательства. Их совместная с Болгарией декларация о ненападении явно была вызвана конкретной германской угрозой и должна была не дать Болгарии сделаться германской пешкой{553}. Она также служила "удобным оружием" против попыток англичан вовлечь Турцию в войну и таким образом открыть Проливы для британского флота{554}. Турки, однако, предпочитали представлять ее как гарантию против Советского Союза. По словам Актая, Болгария хотела избежать каких-либо конфликтов с Турцией, "а главное... окончательно поняла, к чему ведет дружба с Советским Союзом"{555}. Но русские на этот счет не обманывались. Они прекрасно знали, как объяснял Деканозов Драганову в Берлине, что декларация вызвана "германской угрозой Проливам, ставящей под удар и советские интересы". Однако в то же самое время продолжали, по крайней мере внешне, "категорически исключать возможность конфликта между Германией и Советской Россией". По всем признакам смирившись с судьбой Болгарии, они "поставили себе новую цель — вовлечь Турцию в войну". Согласно пересмотренной в 1936 г. конвенции в Монтре, турки, вступив в войну, могли открыть Проливы военному флоту той страны, какой сочтут нужным{556}.

Перспектива присоединения Болгарии к Оси в конце января ускорила достижение взаимопонимания между Англией, Советским Союзом и Турцией относительно необходимости остановить продвижение немцев к Проливам. Несмотря на неизбежные перепады в настроении, отражающие суровые условия дипломатической жизни в Москве, Криппс сохранял непоколебимое убеждение, что благожелательный нейтралитет Советского Союза по отношению к Германии вызван необходимостью повысить боевую готовность до столкновения, которое он считал неизбежным{557}. Он не ждал, что русские помешают немцам выйти к Дарданеллам силой, но, по его мнению, их можно побудить сделать это с помощью дипломатических средств{558}. Он легко склонил "клуб", основанный им вместе с Актаем и греческим, югославским и афганским послами для ежедневного обсуждения текущих дел, к своей точке зрения. По совету Криппса Актай действительно сделал такое предложение Молотову, который согласился, что ситуация "тяжелая и запутанная", и проворчал: "Аппетит приходит во [130] время еды — германские войска уже на болгарской границе". В первый раз он открыто поощрял турок сопротивляться давлению.

Закинули удочку и к англичанам, с заявлением, что "не в интересах Советского Союза, чтобы германское влияние распространилось на Балканы", и что политика не есть "нечто вечное и неизменное"{559}. Однако Форин Оффис отнесся к этому с прежними скепсисом и подозрительностью. Там, как и в разведке{560}, отмахивались от предположений, будто взаимная неприязнь и различные интересы могут привести к лобовому столкновению между Советским Союзом и Германией. В выражениях, ясно показывающих идеологическую предубежденность и привычку принимать желаемое за действительное, там повторяли известную доктрину о том, что Советский Союз и Германию связывает общий взгляд на Англию как на своего главного врага. Фактически не исключалась даже возможность "некой сделки между Сталиным и Гитлером, по которой Сталин отказывался в пользу Германии от советских интересов на Балканах и в Болгарии, а Гитлер взамен полностью поддерживал старания Сталина вырвать Проливы у Турции"{561}.

Легко представить, какая тревога охватила Сталина и Молотова, когда в конце февраля состоялось вступление Болгарии в Тройственный союз. Ревностно наблюдавший за настроениями в Кремле Криппс счел обстоятельства весьма благоприятными для новых шагов по привлечению русских в стан Союзников.

Присутствие Идена в Турции, где он делал последние попытки собрать осколки рассыпавшегося Балканского блока, могло облегчить тайную встречу с Молотовым в Крыму. Криппс внушал Идену, как важен подобный визит. Если русских "не слишком испугает просьба о встрече", они будут "польщены", и это может "подбодрить наших друзей в Юго-Восточной Европе". Форин Оффис, однако, упорствовал в своем мнении, будто Сталин фактически на пороге заключения нового соглашения с Германией. Там не только возмущались инициативой Криппса, но даже собирались немедленно вызвать его в Лондон для консультаций{562}. Черчилль и слышать не хотел о таком визите, так как не мог доверить русским "личную безопасность и свободу" Идена{563}.

Иден, впоследствии даже бывший заодно с Криппсом в попытке перехватить лидерство у Черчилля{564}, внимательнее отнесся к предложениям последнего, так как они прекрасно подходили для его собственных планов. Подобно Сталину, Иден, вступив на свой пост, убедился, что "Drang nach Osten" вполне может в конце концов осуществиться через Балканы и Анатолию, угрожая Египту. Поэтому казалось, немцы добивались контроля над Румынией "не только для защиты нефтепромыслов от возможной воздушной атаки с нашей стороны, но и чтобы обеспечить плацдарм для нападения на Проливы". Какое-то время кабинет молчанием отвечал на предложения, чтобы Иден посетил Анкару и создал Балканский блок с участием Турции и Советского Союза. Но вскоре после своего вступления в должность Иден сообщил Натчболл-Хьюджсену, британскому послу в Турции, что, по его расчетам, позиция турок будет зависеть "от их оценки вероятной позиции Советского правительства". "Прошедшая история, — заключал он, — ясно показала: они сделают все возможное, чтобы избежать конфликта с Россией, и ключ к разрешению ситуации, вероятно, [131] в том, в какой степени русские соглашаются или активно поддерживают германские планы"{565}.

По своему обыкновению Криппс начал действовать на свой страх и риск, но его первые неформальные попытки натолкнулись на негативный "официальный" ответ Кремля, воспользовавшегося предлогом, что "сейчас еще не настало время для решения больших вопросов путем встречи... тем более, что такая встреча политически не подготовлена". Когда он осведомился, не означают ли слова "сейчас еще не настало время", что "такое время может в будущем наступить", ему дали понять: "наступление такого времени когда-либо в будущем не исключено, но в будущее заглядывать трудно". Криппс, тем не менее, пошел дальше,

попросив русских устроить ему полет в Стамбул, чтобы встретиться с Иденом и добиться турецко-советского взаимопонимания. Русские с энтузиазмом взялись помочь его миссии. Они явно надеялись скрепить новый Балканский блок, возможно, не дать болгарам поставить последнюю подпись под соглашением с Германией и в конечном итоге предотвратить более тесное англо-турецкое сотрудничество без их участия. На тот момент в Лондоне очень немногие сторонники Советского Союза в Форин Оффис восприняли этот жест как прорыв в англо-советских отношениях, так что Майский назвал их "наивными". "Неужели они рассчитывают на то, — писал он в своем дневнике, — что мы станем проявлять особый интерес к разговорам Криппса с Иденом в Ангоре при нынешнем состоянии англо-советских отношений?" Тем не менее вряд ли можно отрицать, что горячий интерес, проявленный к этой поездке, убедительнее, чем когда-либо прежде, доказывал осознание опасности со стороны Германии{566}.

Рано утром следующего дня{567} Криппса доставили к большому двухмоторному "Дугласу", специально выделенному для его миссии, в международный аэропорт Москвы. Это ни в коем случае не был рутинный рейс, поскольку воздушное сообщение ограничивалось строгими правилами военного времени, фактически это был первый полет в Стамбул через Черное море. Не случайно в первый раз самолет сел на заправку на огромной военно-воздушной базе, где, по-видимому, демонстративно красовались около 80 бомбардировщиков, а то и больше. Страх перед возможной бомбардировкой Баку англичанами не проходил. Остаток полета на хорошей высоте, поверх облаков, идущих на Херсон и Бургас, прошел без происшествий. Перед посадкой Криппс смог различить узкий вход в Босфор, этот жизненно важный водный коридор. Пролетев низко над холмами, окружающими Стамбул, самолет наконец скользнул над Мраморным морем к Ешилькою, всего на десять минут разминувшись с жестоким штормом и грозой. Встречала его большая группа военных, представителей флота и авиации, и штатских. Промчавшись по узким улочкам старого города и переправившись в восточную часть Стамбула на борту яхты британского посла, Криппс как раз успел на ночной поезд в Анкару.

Криппс приехал в Анкару рано утром и сразу пошел совещаться с Натчболл-Хьюджсеном. Иден, развлекавшийся в кабаре до 5 часов утра, появился позже, одержимый своей излюбленной идеей создания Балканского блока с Югославией. Как показалось Криппсу, Иден, под влиянием оказанного ему щедрого гостеприимства, уверовал, будто соглашение с турками уже у него в кармане. Тем

не менее переговоры [132] продвинулись не слишком далеко, так как ленч в посольстве проходил в большой компании. Вечер был занят фольклорным представлением, устроенным специально для Идена. Криппса, однако, нелегко было обескуражить. Он сел на специальный ночной поезд, на котором Иден ехал в Стамбул, в надежде поднять русский вопрос по пути.

Поездку закамуфлировали под возвращение в Египет. После "великолепных проводов с военным оркестром и приветственными кликами толпы" поезд отправился на восток по Аданской линии. Через три четверти часа он вернулся, с зашторенными окнами на полной скорости миновал анкарский вокзал и перешел на линию, идущую на запад, в Стамбул. "Чрезвычайно роскошный" поезд был "битком набит яствами, напитками и курительными принадлежностями", что помогало Криппсу убеждать Идена еще раз обдумать решение по вопросу Прибалтийских государств. Любезный и внимательный, Иден, тем не менее, не стал связывать себя никакими обязательствами, хотя обещал принять решение в течение нескольких дней по возвращении в Лондон.

Добрую часть дня в Стамбуле Криппс потратил, "встречаясь с самыми разными людьми, от эмигрантов и агентов спецслужб до наших сотрудников и журналистов"{568}, и даже посетил султанский дворец, открытый специально для него. Затем сел на ночной поезд в Анкару, где должен был встретиться с Виноградовым, советским послом. На Виноградова не слишком большое впечатление произвело краткое и формальное свидание с Иденом на балу, устроенном турками в его честь. По его мнению, Иден "сотрясал воздух", ведя беседу "в общих чертах" и полностью игнорируя балканские сложности. Кроме того, он лелеял чрезмерную "веру в лояльность Турции". Он, очевидно, не рвался обсуждать русские дела, оставляя это Криппсу{569}. Тому молодой Виноградов показался "живым и очень приятным — я бы даже сказал, интеллигентным"; их беседы вылились в совместный меморандум, представленный на рассмотрение Саракоглу. Сотрудничество Виноградова позволяло безошибочно заключить, что русские теперь стремятся восстановить более тесные контакты с Турцией и фактически хотят обсудить материальную и военную помощь ей. Криппс покинул Анкару вечером — "четвертая ночь подряд в поезде!" — убежденный, будто проделана "полезная работа", которая "по крайней мере вновь открывает шансы на улучшение турецко-русской ситуации".

Инициатива Криппса вряд ли могла быть оценена по достоинству в то время. Нежелание Идена брать на себя какие-либо реальные обязательства вкупе с его очевидным бессилием укрепили растущие подозрения Москвы, что он вместе с Черчиллем пытается спасти английскую шкуру, втянув Советский Союз в войну{570}. По крайней мере именно такое впечатление произвели на Виноградова значительные усилия, приложенные англичанами, чтобы заставить русских сделать публичное заявление о помощи Турции, которое оказалось бы неизбежно направлено против Германии и могло основываться лишь на весьма сомнительном выводе, будто визит Идена укрепил "твердость Турецкого правительства и его решимость лояльно выполнять свои обязательства". Криппс и Натчболл-Хьюджсен ждали от турок немедленного развертывания их войск во Фракии. Русские предпочитали [133] получить от них конкретные предложения и даже намекали, что Советское правительство "благосклонно отнесется" к просьбе Турции о военных поставках{571}.

Материалы российских архивов не оставляют сомнений в том, что русских, так же как англичан и Балканские страны, серьезно заботили будущие шаги Германии. Оставался и страх перед Англией, так как она теперь оказалась непосредственно замешана в балканские события, а отказ от операции "Море — Лион" возрождал перспективы сепаратного мира. Надежды турок на предотвращение германской угрозы основывались на англо-советском сотрудничестве, которое могло укрепить Югославию в ее решении сопротивляться Германии и остановить дальнейшую экспансию последней.

Добиваться сближения с Турцией при посредничестве англичан казалось Сталину сомнительным средством. С одной стороны, он хотел, чтобы англо-турецкое сотрудничество оказалось в силах остановить продвижение Гитлера за Адрианополь. С другой стороны, Англия оставалась потенциальным противником в этом регионе, и следовало помешать ей самой оккупировать Проливы. Поэтому заключение, что "Идену не удалось добиться в Ангоре прямого обещания Турции выступить на стороне Англии в случае движения Германии против Греции", было воспринято с большим облегчением. Все попытки друзей Советского Союза, таких как Батлер, внушить Сталину, что приход Германии на Средний Восток "представляет громадную опасность не только для Англии, но и для СССР", казались просто намеренной провокацией{572}.

Турки совершали сложные маневры не впрямую, а через посольство в Лондоне, туманно намекая на возможный "советско-турецкий альянс". Подобный ход на деле должен был удержать русских от односторонних военных действий и послужить фактором сдерживания для Гитлера. Перед лицом уже не теоретической угрозы Майский не попался на удочку, настаивая, что такой альянс должен вылиться в военное соглашение{573}. Вероятность заключения такого соглашения под покровительством Британии в любом случае была невелика, так как Черчилль никогда не был горячим сторонником Балканского блока{574}.

Он остудил пыл Идена, все еще мотавшегося на Среднем Востоке из одной столицы в другую, передав весьма пессимистическую оценку Комитетом обороны возможности "для Греции избежать ее судьбы, если только в дело не вступят Турция и/или Югославия, что представляется крайне невероятным". Англичане фактически смирились с "позорным изгнанием" их из Греции и с Балкан{575}.

Но ничто не могло остановить Криппса. Немедленно по возвращении в Москву, 6 марта, он был в высшей степени сердечно принят Вышинским для необычной двухчасовой беседы. Вышинский желал знать, "как долго Турция будет в состоянии противостоять этому [германскому] нажиму, как долго она сумеет защищаться, если она подвергнется нападению"; его не оставляла мысль, будто Турция тоже может присоединиться к Оси, которую Криппс горячо опроверг. Вышинский не только боялся провокации, но и был, видимо, встревожен тем фактом, что Криппс вернулся со своей встречи с Иденом практически с пустыми руками. И турки не выдвинули конкретных предложений, а Криппс в сущности пытался возродить старое предложение [134] по созданию Балканского блока, сделанное Сталину в июле 1940 г. Импульсивный по натуре, Криппс сам себе вредил, выражая уверенность, что балканский эпизод лишь прелюдия к более важному плану "нападения ^Германии на СССР". Сообщение относительно Турции следовало читать именно в этом контексте; Криппс предупреждал Вышинского: выживание Турции полностью зависит "от материальной и духовной... помощи со стороны Англии и СССР". Вряд ли ему поверили, поскольку он признался, что сделал такой вывод на основании слухов. Криппс применил обоюдоострое оружие и сделал попытку поднять в Москве еще большую тревогу, в форме предупреждения, что нападение на Советский Союз "даст Германии возможность пойти на мир с Англией на основе отказа от Бельгии, Франции и пр., за счет СССР". Не только в Кремле поставили под сомнение мотивы Криппса, но и дома на

него обрушилась резкая критика. Форин Оффис предвидел, скорее всего верно, что "частью цены, которую Советское правительство запросит с Турции за любую помощь, будет концессия на Проливы"{576}. С другой стороны, Кремль получил подтверждение из собственных источников на Балканах, что хотя турки не намерены воевать за пределами своих границ, но и "не собираются уступать без боя ни пяди своей территории". В советском Наркомате обороны спросили турецкого военного атташе о возможной реакции Турции на продвижение немцев во Фракию и затем к Проливам. Его ответ был недвусмысленным: "Конечно будем защищаться!" Но снова всплыл вопрос о провокации, когда он предупредил, что если немцы дойдут до Босфора, то советские интересы "тоже окажутся под ударом... это несомненно будет лишь первый шаг в осуществлении главного плана нападения на Советский Союз, и тогда англичане не смогут вам помочь"{577}.

Сталин разрывался между желанием не пустить немцев к Проливам и боязнью, как бы англичане не спровоцировали его необдуманно вступить в войну. Ошибочный прогноз, будто немцы должны оккупировать Проливы, прежде чем приступить к атаке на Советский Союз, лишь еще больше заставлял Сталина подозревать англичан в провокации. Подпевая своему хозяину, советский посол в Софии выражал сомнение в том, чтобы Германия была способна пуститься на такую "авантюру" перед лицом могучей Красной Армии и неисчерпаемого потенциала Советского Союза{578}.

Насущная необходимость Проливов, тем не менее, перевесила все колебания. Несмотря на боязнь афронта, русские наконец сделали первый шаг. 9 марта Актаю была вручена декларация, заявлявшая, что "если Турция действительно подвергнется нападению со стороны какой-либо иностранной державы и будет вынуждена с оружием в руках защищать неприкосновенность своей территории, то Турция, опираясь на существующий между ней и СССР пакт о ненападении, может рассчитывать на полное понимание и нейтралитет Советского Союза". Эти заверения отражали желание Сталина усидеть на двух стульях. Еще недалеки были те дни, когда он надеялся добиться пересмотра режима Проливов в сотрудничестве с Германией. Тщательно придерживаясь нейтралитета, он все-таки высказал глухое предостережение Берлину. Актай встретил это с явным облегчением, так как "молчание Советского Союза давало повод для разных догадок и опасений"{579}. [135]

Криппсу сообщили о декларации спустя несколько минут после вручения ее Актаю во время "неожиданно сердечной и долгой" встречи с Вышинским. Для него это явилось "свидетельством принятого в последние несколько дней решения... усилить [советское] сопротивление германскому проникновению на Балканы, вместо соглашательской позиции Советского правительства или решения добиться нового урегулирования с Германией по данному вопросу". Не придавая декларации чрезмерного значения, он все же считал ее появление важным в стране, "где все говорится не прямо, а в виде намеков и предположений". Однако, пока баланс в отношениях склоняется не в пользу Советского Союза, он не ожидал крутых перемен: "Прекрасные дни на исходе зимы, — телеграфировал он домой, — часто словно возвещают начало весны, хотя на самом деле весна еще далеко". Но, как человек, способный предвидеть будущее, он настаивал: "Ситуация так нестабильна... что мы должны быть готовы немедленно использовать любую перемену в здешней политической атмосфере". Британскому правительству, заключал Криппс длинную и аргументированную телеграмму Идену, "придется смотреть на вещи реалистически и признать fait accompli в отношении Прибалтийских государств". В отсутствие Идена Форин Оффис воспринял декларацию лишь как знак благожелательного нейтралитета, обязательство "не воткнуть, пользуясь возможностью, [Турции] нож в спину". Истинная ее цель "вовлечь Турцию в балканскую войну"{580}.

Черчилль и слышать не хотел о том, чтобы оказать давление на Турцию. Перед обсуждением кабинетом предложений Криппса он говорил Кэдогану, что "ему это не нравится. По его мнению, эта декларация русских удобна туркам, но он сомневается, что последних следует поощрять толкать Советы дальше — в результате лишь сильнее будет отдача"{581}.

Гитлер быстро задавил новые тенденции в зародыше. Саракоглу сообщили, что присутствие германских войск в Болгарии — мера предосторожности, чтобы "уничтожить английское влияние на Европейском континенте". Как его заверили, эта мера никоим образом "не направлена против территориальной или политической целостности Турции"; Гитлер специально приказал войскам развернуться в некотором отдалении от турецкой границы и надеется, что турецкие войска сделают так же. Обмен письмами о неприменении силы между Гитлером и Иноню, президентом Турецкой республики, полностью парализовал

русских, особенно когда Иноню пошел дальше, обязавшись не уступать территорий никакой иностранной державе{582}.

Подозрения Сталина привели его, когда письмо Гитлера стало достоянием общественности, к выводу, будто все это дело задумали англичане, чтобы втянуть его в войну. Кроме того, уж очень ему хотелось избежать открытого конфликта с немцами. Поэтому Виноградов, быстренько сменив тон, стал опровергать распространившиеся слухи, будто немцы планируют захватить Проливы "в расчете на конфликт с ' Советским Союзом в будущем". Словно позабыв о причинах, вызвавших советскую инициативу всего две недели назад, он высказывал убеждение, что "Германия всегда подтверждала свои добрые намерения в отношении Советского Союза", однако не преминул заметить, что Советский Союз "как известно, держит глаза открытыми"; несмотря на твердое решение сохранять нейтралитет, он "всегда сумеет [136] принять меры, если наши интересы кем-либо и в какой-либо степени будут затронуты". Вновь воскресла идея английского заговора с целью втянуть Советский Союз в войну — как альтернативы попыткам заключить мир с Германией{583}. И все же, имея в кармане обязательства Гитлера, турки несколько смягчили напряженную ситуацию, признав наконец советскую декларацию от 17 марта и .ответив таким же обязательством воздерживаться от враждебных действий, буде Советский Союз окажется вовлечен в военные действия{584}.

Новое взаимопонимание немедленно нарушил Гитлер, воспользовавшийся случаем открыть турецкому послу в Берлине во всех подробностях выдвинутые Молотовым в ноябре требования относительно баз в Дарданеллах и размещения войск в Болгарии. Конечно, в Анкаре "самое большое впечатление произвело заявление фюрера, будто Советский Союз ставил право интервенции в Проливы условием своего вступления в Тройственный союз". Победоносному Гитлеру легко удалось представить себя защитником турецких интересов, не дающим "Советскому Союзу уничтожить Балканы и Турцию"{585}.

Ситуацию еще больше усложнило осознание того факта, что в известных обстоятельствах соглашение о взаимопомощи между Турцией и Англией может быть обращено против Советского Союза в Черноморском регионе и на Кавказе. Как раз такую возможность должна была исключить декларация. Действительно, в ходе секретных переговоров с Иденом в Никозии была достигнута договоренность, согласно которой в случае вторжения немцев в Турцию Королевские военно-

воздушные силы немедленно получали право пользоваться аэродромами во Фракии и Ешилькоем, главным аэропортом Стамбула, не говоря уже об Анталии{586}. Меркулов, глава НКГБ, засыпал Кремль донесениями о деятельности явно антисоветского характера, развернутой турецкой разведкой в Северной Турции и на Кавказе. В Эрзеруме организовали специальное бюро для координирования работы агентов, занимавшихся шпионажем. Бюро действительно разрабатывало планы превращения Кавказа в автономию под протекторатом Турции. Самая конкретная информация касалась инструкций турецкого Генерального штаба своему разведывательному управлению собирать материал о дислокации Красной Армии в районе Кавказа, а также о состоянии железных и автомобильных дорог и мостов, ведущих с Кавказа в Турцию. Кроме того, требовалась информация о размещении артиллерии и военно-морских сил в регионе и был проявлен особый интерес к системе пожарной безопасности на нефтепромыслах{587}.

Русские могли только заявить протест. Обмен обязательствами соблюдать пакт о ненападении между двумя странами широко освещался в советских газетах 25 марта{588}. В своих бесконечных усилиях спасти пошатнувшиеся отношения между Германией и Советским Союзом Шуленбург вовсю старался отмахнуться от декларации как от "незначительного эпизода", однако Россо, как всегда, более откровенный, не мог не увидеть в ней выражения недовольства Советского Союза позицией Германии по балканскому вопросу. Это было предупреждение Германии, касавшееся идущих переговоров с Югославией{589} и "платонической помощи Турции". Гитлер явно не разделял точки зрения Шуленбурга. Он расценил декларацию как "недружественный акт", но его ответ заключался в развертывании дивизий на границе, а не в бумажных соглашениях{590}.

Глава 6. Красная Армия начеку

Советские оборонительные планы

Эйфория и чувство облегчения, появившиеся после подписания пакта Молотова — Риббентропа, быстро испарились, когда в ходе в сущности мелкомасштабных боев в Польше и Финляндии выявились упадок сил и плохая обученность Красной Армии. Постепенно становилось ясно, что времени и пространства, выигранных с помощью пакта, вряд ли будет достаточно. Внезапно вскрылось пагубное влияние

репрессий на боеготовность армии. Сталин вряд ли мог не замечать, насколько поредел офицерский корпус. Между маем 1937 г. и сентябрем 1938 г. были репрессированы 36 761 чел. в армии и 3 000 на флоте: 90% начальников штабов округов и их заместителей, 80% корпусных и дивизионных командиров и 90% штабных офицеров и начальников штабов. Стало заметно и снижение образовательного и интеллектуального уровня выживших. К моменту нападения Германии 75% офицеров и 70% политруков пробыли на действительной службе менее года{591}. Обычно бригадный командир должен был обучаться и набираться опыта до десяти лет, прежде чем ему доверяли командовать дивизией, но под давлением обстоятельств его продвигали уже через два — три года. Однако даже в крайних условиях перестройка армии являлась процессом постепенным, что исключало осуществление авантюристических стратегий, если таковые и задумывались.

Столь же пагубно сказалось на боеготовности разрушение во время репрессий единой советской военной доктрины. Здесь следует сделать короткое отступление. Вырабатывая новый подход в стимулирующей к творчеству революционной атмосфере 1920 — начала 1930-х гг., строители Красной Армии создали совершенно оригинальную доктрину, отвечающую как универсальным требованиям, так и специфическим потребностям Советского государства. Эти радикальные инновации были разработаны удивительным трио генералов — Тухачевского, Триандафилова и Иесерсона. Отличительными чертами доктрины являлись отказ от превалировавшего до тех пор распределения военных действий по Клаузевицу — на два уровня, стратегический и тактический, и введение промежуточного, так называемого "оперативного уровня"{592}.

Доктрину характеризует не только изобретение нового "оперативного уровня", удобно разместившегося между "стратегией" и "тактикой", но и теоретическое предположение об исконно существующем напряжении между двумя уровнями, между "целью" и "средствами" ее осуществления, между сковыванием противника и ударом. Оперативный уровень охватывал и оборонительные, и наступательные элементы военных действий. "Оперативным искусством" являлась способность осознать существование таких напряжений и примирить их в [145] данной ситуации, чтобы достичь цели. С начала двадцатых было полностью признано, что основной принцип использования неотъемлемо существующего напряжения

заключается в изучении и осуществлении обороны как необходимой предпосылки успешного наступления.

В 1936 г. Тухачевский опубликовал свои "Проблемы обороны СССР", где анализировал эти вопросы. Ничего зловещего, агрессивного или идеологического не было во всестороннем объединении обороны и наступления. Даже если стратегическая цель была оборонительного характера, допускалась наступательная ориентация оперативных маневров "глубинной операции", используемых для ее достижения{593}. Так, советская стратегия на случай вторжения заключалась, довольно амбициозно, в быстром перенесении военных действий на территорию противника. Целью обороны было перехватить инициативу у противника и создать условия для контрнаступления{594}.

С введением Устава 1929 г. передовым частям была поставлена комбинированная задача, включающая действия от проведения рекогносцировки, чтобы обеспечить перегруппировку сил главного удара, до реальных боевых действий с целью помешать противнику захватить ключевые позиции и расстроить наступательные порядки. Таким образом, им отводилась в бою роль, сильно отличавшаяся от роли "авангарда" в прошлом. Границы деятельности передовых частей зависели от степени механизации, так как они должны были сохранять тесный контакт с авангардом огневой поддержки{595}.

В 1930-е гг. эта концепция была развита введением понятия "глубинных операций", использующих присущее оперативному уровню напряжение. Они предусматривали развертывание сил прикрытия, составленных из бронетанковых эшелонов, взаимодействующих с пехотой и артиллерией для прорыва боевых порядков противника и затем развития первоначального успеха и перенесения оперативных действий в глубину. Выбираясь из тупика, теория предполагала создание подходящих условий для сил прикрытия на границе, чтобы начать быстрое контрнаступление с целью разрушения основного ядра сил противника на его собственной территории. Ключом к эффективному превращению тактических успехов в победу являлось проведение успешных оперативных маневров{596}. По существу, ожидалось, что первый эшелон, или "силы прикрытия", как их часто называют, расстроит порядки противника, пока мобилизуется, транспортируется и разворачивается второй эшелон{597}.

Уставом 1936 г. вводилась новая концепция, предусматривавшая "одновременное использование танковых, моторизованных, воздушных и воздушно-десантных

войск для нанесения удара и проникновения на всю глубину обороны противника, через тактические линии обороны на ее оперативную глубину". Условием осуществления такой задачи являлось создание эффективных мобильных сил, что, в свою очередь, делало необходимыми быструю индустриализацию и коренную реформу вооруженных сил. Последняя требовала преимущественного распространения бронетанковых корпусов и создания воздушно-мобильных дивизий, взаимодействующих с наземными силами{598}.

Следует помнить, что индустриализация не была направлена на укрепление армии. Технологическая революция в производстве вооружений явилась побочным эффектом индустриализации, а не главной причиной ее. К 1933 г. перемены ознаменовались развертыванием составных [146] групп моторизованных и танковых войск, которые должны были вести и оперативные, и тактические боевые действия. Предполагалось начинать бой короткой артподготовкой, вслед за которой отдельное пехотное соединение поддержки во взаимодействии с отдельным танковым эшелоном штурмовали и уничтожали передовые линии обороны противника, резервы и штаб-квартиру. Пока пехота и поддерживающие ее танковые соединения расчищали оборону противника, основные бронетанковые соединения с авиационной поддержкой вступали в бой с противником в тылу и начинали преследование. На этом этапе начинались действия в глубоком тылу противника путем развертывания штурмовой группы, состоящей из сравнительно небольших танковых сил в сопровождении пехоты в количестве примерно 150 человек с 20 — 30 легкими пулеметами. Ожидалось, что такое динамичное соединение разовьет успех в течение нескольких минут после прорыва. Оно могло действовать на дистанции в 15 — 20 км от основных сил, продвигаясь на расстояние до 80 — 100 км.

Осознание серьезных недостатков в армии привело к быстрой реорганизации Верховного командования вскоре после Зимней войны. Участники заседания пленума ЦК партии 28 марта 1940 г. стали свидетелями сенсационного выступления наркома обороны Ворошилова, "совершенно открыто говорившего о недостатках [в армии]". Весь Генеральный штаб был вызван на ковер и подвергся критике за свои действия. Попытка свалить вину на суровые зимние условия была сочтена никуда не годным оправданием. Россия, сказали им, северная страна, и величайшие победы были одержаны именно зимой: "Александра Невского над шведами, Петра I над шведами и финнами и победа Александра I над Наполеоном.

В старой армии было очень много хороших традиций, которые нужно использовать". Ключ к оздоровлению армии — в компетентном военном руководстве, но, как установил пленум, реальность весьма печальна: "Среди командиров 60% — хороших, 40% — идиотов, бесхарактерных, трусов и т.д."{599}.

8 мая Тимошенко, успешно командовавший войсками в Карелии в ходе Финской войны, получил звание маршала и сменил Ворошилова на посту наркома обороны. Продолжающееся участие англичан в действиях в Скандинавии и поражение, нанесенное Гитлером Дании, вызвали тревогу и смятение. В Генеральном штабе осуществлялись планы демобилизации, шел разбор недостатков, выявившихся в ходе Зимней войны, и новых оперативных планов не составлялось{600}. План демобилизации от 9 мая, подготовленный еще Ворошиловым, имеет величайшее историческое значение. Он был передан Сталину за день до нападения Германии на Францию, и из него следует, что в Красной Армии готовилась массовая демобилизация, прерванная военными действиями в Польше и Финляндии. По окончании войны 4 апреля возобновились усилия по сокращению войск на Кавказе, а также в Одесском и Киевском военных округах, до их прежней численности. В результате мобилизации, проведенной во время польской и финской кампаний, армия выросла на 1 736 164 чел. Вместо того чтобы продолжать расширять ее ряды, старались сократить ее размеры путем демобилизации и в первую очередь "уволить дополнительно призванных из резерва". Что касается артиллерии, давались особые рекомендации довести "все корпуса до уровня положения мирного времени", единственно за исключением четырех корпусов, направленных [147] на Кавказ. В общей сложности в мирное время должны были оставаться мобилизованными 153 000 артиллеристов. Соответствующие меры принимались и в кавалерии. По решению Политбюро, и военно-воздушные силы, и танковые бригады, "бывшие на военном положении, должны быть приведены в положение мирного времени". Единственное исключение из этой тенденции представляло создание трех танковых бригад, размещенных в Прибалтийских странах, и двух в Кавказском регионе. В целом 686 329 солдат из 3 200 000 подлежали немедленному увольнению{601}.

Война во Франции внезапно все перевернула и произвела крупный сдвиг в политике. Это свидетельствует о том, что Сталин не вынашивал с самого начала войны планов воспользоваться истощением сил воюющих сторон для собственной

военной экспансии. Меры, принятые им начиная с мая месяца, были вызваны ощущением растущей германской угрозы. Срочная реорганизация, проведенная в армии во второй половине мая, явно стала результатом сенсационной победы вермахта, которая фактически означала крах западного фронта. Бурная деятельность началась сразу, как только были осознаны масштабы успехов немцев во Франции, и получила новый импульс после падения Парижа. В своих мемуарах Хрущев ярко описывает панику, охватившую Сталина, когда до Кремля дошли новости о взятии Парижа; Сталин, вспоминает он, "сыпал отборными русскими ругательствами и сказал, что теперь Гитлер непременно даст нам по мозгам"{602}.

Часто упускают из виду, в какой степени испортились советско-германские отношения со времени Компьеньского мира. Весьма спорным является утверждение, будто внешнее примирение Сталина с успехами немцев показывает, что он "был ослеплен идеологическими предубеждениями" и не способен отличить большее зло от меньшего. Точно так же еще вопрос, рассматривал ли он аннексию Прибалтийских государств как "награду от Гитлера за лояльность"{603}. Более вероятным объяснением, как здраво подметил американский поверенный в делах в Москве, является следующее: советская политика "была в основном оборонительной и основывалась на страхе перед возможной агрессией Союзных или объединенных держав... и, может быть, на тревоге из-за перспектив, открывающихся для победоносной Германии"{604}.

Перед лицом практически невредимого вермахта русские всячески задабривали немцев и избегали любой провокации{605}. Молотовские поздравления Шуленбургу с "блестящим успехом германского вермахта", столь выпячиваемые в черчиллевской истории войны, отражают отчаянную попытку умаслить немцев и предотвратить какое-либо их движение на восток. Слова Молотова служат всего лишь вступлением к неубедительному оправданию аннексии Прибалтийских государств и "крайне настойчивому" требованию решения бессарабского вопроса{606}. В любом случае дипломатическая уступчивость шла рука об руку со спешным укреплением советской обороны{607}. Совершенно очевидно, 'что установление контроля над Прибалтийскими государствами 15 и 16 июня было связано с событиями во Франции. Антигерманские аспекты стремительной переброски войск на западный фронт, превращения за одну ночь гражданских учреждений в военные ведомства и перевода командования Балтийского флота на

передовую военно-морскую [148] базу в Таллине вряд ли могли быть скрыты и не остались незамеченными немцами.

Оккупация Прибалтийских государств удлинила границу с Германией и теоретически затруднила ее оборону. Тем не менее, она сняла проблему исчезновения буферной зоны, служившей раньше нуждам советской обороны. Она явно улучшила стратегическую позицию Советского Союза, предотвратив создание "Балтийского моста", который мог бы использоваться как плацдарм для атаки на Ленинград или Минск, как в самом деле случилось в гражданскую войну. Кроме того, несмотря на свои заявления, Сталин прилагал все усилия, чтобы создать как можно больше укрепленных районов и вдоль новой, и вдоль старой советских границ{608}.

Оккупация Прибалтийских стран, разумеется, подняла серьезные моральные вопросы. Пакт Молотова — Риббентропа не ставил целью советизацию, но она старательно и цинично использовалась как лучший метод подчинения оккупированных территорий своему контролю. Жестокие меры, столь характерные для Сталина, усугубляли несправедливость и имели далеко идущие последствия для отношений Москвы с этими странами. Однако, хотя оккупацию можно и должно осудить по моральным причинам, она была вызвана угрозой, нависшей над Советским Союзом{609}.

Когда стали вырисовываться перспективы войны, советское руководство, обязавшееся держаться в стороне, было серьезно озабочено протеканием ее начальной фазы. Блестящее осуществление немцами тактики блицкрига на Западе и позднее на Балканах порождало возможность неожиданного нападения, которое лишило бы армию способности перехватить инициативу. Становилось вполне вероятным, что немцы смогут полностью завершить развертывание своих сил прежде, чем соответствующие меры будут приняты с советской стороны. Жуков и другие свидетельствуют о том, как после падения Франции Генеральный штаб бессонными ночами обдумывал оперативные планы, которые должны были согласовать "операцию в глубину" с требованиями обороны на предполагаемом поле сражения. К новым мобилизационным планам приступили всерьез 22 мая, когда немцы казались непобедимыми, и потому в них вряд ли можно усмотреть агрессивные намерения. Они круто меняли тенденцию на сокращение значительной части армии, существовавшую до тех пор. В тот же день спешно обратились к планам ускорения создания танков Т-34 для замены огромного парка

устаревших танков, поскольку теперь полностью осознали, какой вклад в успешное проведение блицкрига вносили германские бронесилы. Такие планы, явно составлявшиеся на крайний случай, были модернизированы в начале июля{610}.

Ни в одной из реформ невозможно обнаружить революционную практику или хотя бы революционный жаргон. Ворошилов, показавший свою неспособность командовать крупными формированиями, был замещен на посту наркома обороны во вторую неделю мая Тимошенко, возведенным в ранг маршала Советского Союза. Продолжалось восстановление в армии старых званий времен царизма и освобождение из лагерей около 4 000 офицеров, арестованных в ходе чисток, которые заняли теперь командные посты. Одним из освобожденных был полковник, затем генерал К.К.Рокоссовский, назначенный командовать вновь сформированными механизированными корпусами. [149] Среди 1 000 офицеров, повышенных в звании в июне, были К.А.Мерецков и Г.К.Жуков, ставшие генералами армии и находившиеся на пути к последующему назначению на должность начальника Генерального штаба. Звание генерал-лейтенанта получили Конев, Ватутин, Еременко, Соколовский, Чуйков и Голиков, которым предстояло завоевать громкое имя впоследствии, во время войны. Верховное командование флота, понесшее тяжелые потери в результате репрессий, было восстановлено таким же образом с назначением Главнокомандующего военно-морскими силами Н.Г.Кузнецова и новых адмиралов — Л.М.Галлера и И.С.Исакова. Ни один из них не имел еще достаточного опыта для исполнения своих новых обязанностей к моменту начала войны.

Столь же большое значение имело введение нового дисциплинарного устава. Строго традиционный подход сменил коммунистический кодекс, предполагавший эгалитаризм и обязательную идеологическую мотивированность. В самом деле, в заключительной речи Тимошенко на Военном совете в декабре 1941 г. главное внимание обращается на необходимость внедрить дисциплину и повысить моральный дух вооруженных сил как непременное условие успеха в так называемой "современной войне"{611}. Вдобавок восстанавливались все "буржуазные" правила и церемонии, как, например, отдание чести. Все эти перемены нашли отражение в "Дисциплинарном уставе" от августа 1940 г. Затем последовало уничтожение двойного командования, лишившее политического комиссара власти и контроля над командиром военным{612}.

Вместо сохранения большого западного театра военных действий, который мог послужить плацдармом, если русским нужно будет нанести удар по скоплению сил немцев, были созданы четыре новых группы войск, тогда как западная разделена на пять соответственно Ленинградскому, Прибалтийскому, Особому Западному, Особому Киевскому и Одесскому военным округам. Каждый из них мог трансформироваться в передовой штаб, выполняющий задачу обороны данной зоны.

Единственный план обороны до начала Второй мировой войны был составлен маршалом В.М.Шапошниковым, начальником Генерального штаба, в 1938 г. и предполагал угрозу на двух фронтах: главную со стороны Германии, Италии, Финляндии и Прибалтийских стран в западном секторе и второстепенную японскую на востоке. Угроза на западном фронте могла осуществиться в двух вариантах: либо посредством германского удара севернее припятских болот, вдоль линии Минск — Смоленск в направлении на Москву, либо в продвижении на юг, если во главу угла будут поставлены экономические соображения{613}. Страна действительно медленно, но верно шла к военному положению, но ярко выраженного оборонительного характера. В июле вновь сформированный Главный военный совет наконец привел планы 1938 г. в соответствие с ситуацией, возникшей после падения Франции{614}. Генерал А.М.Василевский рассмотрел 19 августа шапошниковские инструкции, до сих пор предполагавшие довольно слабую потенциальную угрозу Советскому Союзу на западе и востоке. Новая директива принимала в расчет то обстоятельство, что последствия секретного протокола пакта Молотова — Риббентропа теперь могут выразиться во включении Италии, Венгрии, Румынии и Финляндии в германский лагерь и это вынудит Советский Союз к войне с коалицией, [150] которая несомненно расширит географические рамки арены действий. Эта мысль явно возобладала. Политическая и стратегическая сумятица на Балканах постепенно сдвигала центр тяжести на фланги. Однако шапошниковская директива все еще предполагала, что главный удар будет нанесен в центральный сектор, севернее реки Сан, вдоль линий Вильнюс — Минск и Брест — Барановичи. Продвижение немцев к Киеву и Люблину казалось менее вероятным. Поэтому задачи советских вооруженных сил определялись в весьма общих чертах как "нанесение поражения германским силам, сосредотачивающимся в Восточной Пруссии и в районе Варшавы"{615}.

Усиливающаяся конфронтация на Балканах в следующем месяце привела к модификации этого плана новым наркомом обороны Тимошенко и недавно назначенным начальником Генерального штаба К.А.Мерецковым и представлению его Сталину 19 сентября. Как мы видели{616}, собранная ГРУ к концу августа информация указывала, что усиление Германии действительно представляет самую настоящую угрозу для Советского Союза. Однако, хотя развертывание германских войск на востоке шло полным ходом, генерал Йодль с помощью кампании дезинформации поддерживал ошибочное мнение Сталина, будто "главный пункт развертывания войск южный сектор, тогда как силы на севере по-прежнему сравнительно невелики"{617}. Появилась тенденция объяснять сосредоточение сил стремлением немцев укрепить свои восточные границы с СССР, на которые не обращалось внимания во время кампании во Франции. Тем не менее характер укрепления привлекал внимание к тревожному факту, что Гитлер посягает на жизненные интересы Советского Союза на Балканах. Это, по-видимому, способствовало осенью 1940 г. обращению усилий Советов на южные границы{618}.

В середине августа управлением погранвойск НКВД был подготовлен первый пространный рапорт о передислокации германских войск на восток после окончания французской кампании. Несмотря на первые предостережения, рапорт был оставлен без внимания благодаря окончательной оценке ситуации, связанной с балканскими событиями. "Среди германских радиотелеграфистов и гражданского населения, — говорилось в заключение в рапорте, — отмечены разговоры, что часть прибывших немецких войск из Франции будут направлены на Балканский полуостров, против англичан, намеревающихся занять морские порты Румынии"{619}. Агенты ГРУ на Балканах подтвердили политические выводы, указав, что Балканы остаются "решающим центром политических событий, тем более, что с этого начинается непосредственный стык интересов Германии и СССР". Они цитировали слова германского посла в Белграде, обращенные к узкому кругу доверенных лиц: "Для Германии Балканы являются решающим звеном, они должны быть включены в новый порядок Европы, но СССР с этим никогда не согласится, и поэтому война с ним неизбежна". Среди дипломатов ходила масса слухов такого рода{620}.

Перенося внимание на южную арену действий, разработчики в некоторой степени возродили идеи, развивавшиеся в начале 1930-х гг. Свечиным, выдающимся

военным теоретиком. По предположениям Свечина, главную угрозу для СССР должна была представлять англофранцузская коалиция. Опираясь на опыт Крымской и гражданской войн, он ожидал главного удара с Черного моря, рассматривая возможный [151] удар по Украине как второстепенный. Предполагались также атаки второстепенного значения через припятские болота и в Прибалтике. Тухачевский отверг эту теорию, когда нацистская угроза вышла на первый план. Однако она продолжала господствовать, даже когда к концу 1940 г. Германия вместо Англии стала представлять главную опасность в регионе, что явно подтверждалось вторжением немцев на Балканский полуостров{621}.

Подобно своей предшественнице в августе, новая директива подразумевала сильную германскую угрозу. При этом руководствовались не только бурным развитием отношений на Балканах, но и фактом начала сосредоточения около 100 германских дивизий приблизительно на северной границе Румынии. Сохранялись два основных варианта германского наступления: главный удар из Пруссии севернее реки Сан и движение на юг к Киеву, сопровождающееся вспомогательными акциями на севере. Однако перенос центра тяжести в Юго-Восточную Европу допускал существенные отклонения. Такая модель сосредоточения сил ставила Гитлера в исключительно удобное положение, позволяя ему осуществить два варианта. Он мог способствовать развертыванию на Балканах сил итальянцев, тем самым создавая "значительную угрозу" для русских. Такая коалиция могла увеличиться путем вовлечения в военные действия вооруженных сил Венгрии и Румынии и эксплуатации всех экономических ресурсов Балканских государств. Помимо того, Гитлер мог использовать развернутые силы как плацдарм для вторжения в богатые сельскохозяйственные и промышленные области Украины. Именно в юго-восточном секторе, указывала директива, "можно ожидать главного удара объединенных сил противника". Сдвиг на юг оказывал стойкое воздействие на умы; в самом деле, начальник оперативного планирования Генштаба Ватутин в своей директиве по развертыванию войск от 13 июня 1941 г.{622}, все еще не распознав поистине смертельную опасность, приказывал создать главные резервные войска второго эшелона на юго-западном направлении. Когда немцы начали свое наступление севернее припятских болот, Красной Армии пришлось совершать сложные маневры в попытке перебросить войска на западный фронт.

Относительная нехватка войск теперь, перед лицом угрозы, распространявшейся с юга на север вдоль всей границы, вызвала сильное напряжение в системе обороны. Разработчики, в сознании которых прочно отложились политические события на Балканах, колебались между двумя альтернативами. Балканские события, тем не менее, заставили отдать пальму первенства южному варианту, некоторым образом переработанному так, чтобы снять напряжение в обоих секторах путем развертывания "главных сил Красной Армии: ...к югу от Брест-Литовска, чтобы можно было мощным ударом в направлении на Люблин, Краков и далее к Бреслау на первом этапе войны отрезать Германию от Балканских государств, оторвать ее от важной экономической базы и оказать решающее влияние на Балканские государства по вопросу их участия в войне". Отрыв Германии от Балканских государств приобретал "исключительно политическое значение". Второй вариант следовал предыдущей директиве и предлагал развернуть армию к северу от Брест-Литовска, поставив ей задачу "нанесения поражения главным силам германской армии в пределах Восточной Пруссии и захвата последней". Однако разработчики ясно выразили [152] свои собственные предпочтения, указав на неподготовленность арены действий и трудность осуществления удара, что непременно побудит Балканские государства присоединиться к войне против Советского Союза, открыв фронт на юге.

Хотя главное внимание теперь обращалось на юг, все же признавалась нестабильность ситуации, так же как тот факт, что развертывание сил будет "зависеть от политической обстановки, существующей на момент начала войны". Директива отражала раздоры на Балканах, но она была издана до одностороннего германского арбитража 30 августа{623}, подготовившего почву для полного господства Германии на полуострове. После этого арбитража Тимошенко и Жуков, командующий Киевским военным округом, представили Сталину на рассмотрение изменения к плану, устанавливавшие приоритеты: создавался Юго-Западный фронт как главный театр войны. Принимались меры по ускорению укрепления новой "линии Молотова", так чтобы "в дальнейшем, за счет созданных надежных укреплений, освободить и еще силы для усиления основной группировки на юго-западе". Также были приняты особые меры по улучшению железнодорожных и автодорожных коммуникаций, ведущих на юго-запад{624}. В декабре, когда начали просачиваться новости о гитлеровском решении по плану "Барбаросса",

уже считалось само собой разумеющимся, что "главный удар объединенных сил противника" последует с Балкан{625}.

Преимущественно юго-западное развертывание сил поэтому не является, как иногда считают, просто намеренной попыткой захватить и оккупировать румынские нефтепромыслы. Скорее это — сосредоточение войск в месте, где предполагалась главная угроза: германская оккупация румынских нефтепромыслов и быстрое продвижение на Украину и к Баку. С осени 1940 по весну 1941 г. наращивание сил на этом фланге действительно представлялось вполне логичным. В конце концов Гитлер только 17 марта 1941 г. отказался от своей идеи двойного захвата Украины в клещи и выбрал главный удар всеми силами в центральном секторе{626}. Впоследствии планы подверглись лишь незначительным изменениям в феврале 1941 г. после январских военных учений и послужили основой для мобилизационного плана{627}.

Банкротство военных

Первоначальное благодушие Кремля после Берлинской конференции скоро было прервано угрозой, замаячившей перед ним, когда обострилась борьба за Балканы. Утром 5 декабря 1940 г. Деканозов, назначенный послом в Берлине, просматривал почту, как делал ежедневно. Внезапно его поразило анонимное письмо, содержащее важную военную информацию о намерении Гитлера напасть на Советский Союз весной 1941 г.{628}. Неделей позже Сталина ознакомили с содержанием речи генерала Кейтеля в Берлине перед корпусными и дивизионными командирами. Признавая, что Советский Союз сохраняет нейтралитет и, "таким образом, Германии с Востока не угрожает опасность", он подтверждал, однако, что Гитлер раздражен "нежеланием русских вести разговоры о "новом порядке в Европе" и вообще о разделе мира на "сферы влияния"". Далее донесение раскрывало решение Гитлера захватить Салоники и перебросить войска через Болгарию "независимо от согласия или несогласия последней"{629}. Очевидно, [153] внимание Сталина привлекли и к речи Гитлера перед его Верховным командованием 18 декабря, изобиловавшей антисоветскими инсинуациями и упоминавшей о войне на востоке как заветном стремлении Третьего рейха{630}.

Самая драматичная часть сведений попала к Сталину во время совещания Верховного командования, собранного им в середине декабря для обсуждения

длинного списка недостатков, вскрытых специальной комиссией ЦК. Всего лишь через одиннадцать дней после издания Директивы 21 об операции "Барбаросса" генерал Тупиков, военный атташе, предупредил Москву о ее существовании:

Начальнику разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии

Берлин, 29 декабря 1940

[Имя стерто. — Г.Г.] сообщил, что [имя стерто] узнал из хорошо информированных военных кругов, что Гитлер отдал приказ готовиться к войне с Советским Союзом. Война будет объявлена в марте 1941 г.

Даны инструкции проверить информацию.

Подтверждение последовало незамедлительно. Генерал Тупиков доверял своим источникам, которые "основывались не на слухах, а на специальной письменной директиве Гитлера, совершенно секретной и известной лишь немногим". Визит Молотова в Берлин привел информаторам на память полковника Бека, польского министра иностранных дел, вызванного в 1939 г. в Берлин для переговоров с Гитлером после того, как уже была завершена разработка планов оккупации Польши. И письмо, и заключение по нему были посланы лично Сталину{631}. Ему также стали известны данные люфтваффе инструкции приступить к выполнению широкой программы разведывательных полетов над советской территорией в приграничных районах{632}.

Общая сводка начальников Украинского и Белорусского НКГБ описывала создание управления интендантской службы в Варшаве, массовую переброску войск и превращение гражданских учреждений в казармы, укрепление главных железнодорожных узлов и введение мер противовоздушной обороны. Такое же значение имело резкое увеличение количества пограничных инцидентов с немцами: тогда как в промежутке от подписания соглашений с Германией вплоть до июня 1940 г. было всего 22 незначительных инцидента, быстро разрешавшихся местным командованием, во второй половине 1940 г. их число выросло до 187{633}. Перехваченная телеграмма из японского посольства содержала информацию от германского посла: "Обстановка вошла в решающую фазу развития. Германия полностью завершила подготовку от Северной Финляндии и до южной части Черного моря и уверена в молниеносной победе. Румыния тоже по мере возможности ведет подготовку к тому, чтобы можно было сразу выступить"{634}.

Угрозы сопровождались вызывающими тревогу рапортами о неготовности армии к войне. В начале декабря Тимошенко даже жаловался Центральному Комитету, что Наркомат обороны не имеет никакого оперативного плана войны. Кроме того, начальник Генерального штаба не получал сводок о положении на границах. В следующем рапорте [154] Меркулов предупреждал о печальном состоянии войск на восточных границах{635}. В ответ на все это Сталин созвал чрезвычайное совещание Верховного командования Красной Армии в конце декабря в Москве{636}. На заседаниях в ходе напряженной работы коснулись всех аспектов реорганизации вооруженных сил: программы обучения, "оперативного искусства", бронированных и моторизованных соединений, военно-воздушных сил и т.д. Хотя в различных докладах проявлялись следы мастерства, достигнутого советскими военными в 1930-е гг., гнетущая атмосфера и инструкции Сталина по поводу необходимости разработать "новую военную идеологию" вызвали в конце концов общее смятение.

Несмотря на табу на имя Тухачевского, Жуков, так же как и Тимошенко, цеплялись за его теории, как за спасательный круг. Они рассчитывали, что Красная Армия будет способна сдержать противника на начальном этапе войны и впоследствии развить успех, нанеся "главный удар". Тем не менее доверие к этой доктрине несколько поколебалось, отчасти из-за страха перед Сталиным, а еще больше в результате зачарованности тактикой блицкрига, применяемой на Западе. А самое худшее заключалось в том, что, с тех пор как были репрессированы большинство создателей новой теории, уменьшилась способность полностью усвоить доктрину и перевести ее на язык практики. Не раньше Курской битвы летом 1943 г. произошло окончательное восстановление ее в полном объеме, подготовившее почву для впечатляющих советских побед{637}. Соблазн перенести элементы "чудодейственного" германского рецепта в "новую современную войну", как называли ее Сталин и некоторые его генералы, был почти непреодолим. Генералы Романенко, Стерн, Павлов и Жуков теперь чуть ли не фанатически отстаивали наращивание бронетанковых формирований, сетуя на низкие темпы производства{638}.

Жуков и в некоторой степени Тимошенко в заключительном слове ближе всего подошли к полной реабилитации теорий Тухачевского. Жуков не видел замены созданию надлежащей оперативной оборонительной зоны, в которой будет возможность эффективно реорганизовать тыл и набрать войска для оперативных

маневров. Маневры должны будут осуществляться на глубину от 8 — 10 км для пехотной дивизии до 80 — 100 км для армии. Поэтому оборону следовало вести поэтапно: сначала сдерживание противника, затем прорыв и уничтожение его обороны и, наконец, расширение прорыва синхронизированными ударами в разных направлениях{639}.

Закрывая совещание, Тимошенко нисколько не старался преуменьшить прямую угрозу, представляемую для русских "самой мощной" армией мира. Тем не менее, вероятно, страх перед Сталиным заставил его выразить уверенность, передавшуюся всем присутствующим, что, "хотя война с Германией может быть трудной и долгой, наша страна обладает всем необходимым для борьбы до победного конца". Этот вывод в известной степени отвлек внимание от довольно серьезных недостатков, вскрывшихся в ходе совещания, особенно после откровенной критики Жукова в адрес Наркомата обороны{640}.

Едва закончилось совещание, как командующих неожиданно вызвали в Кремль. Сталин имел мрачный вид; Жуков не мог не заметить, что "это уже был не тот Сталин", с которым он встречался после своей победы в сражении на Халхин-Голе. Присутствовали и члены [155] Политбюро. Сталин довольно зловеще начал с описания бессонной ночи, проведенной им после заключительной речи Тимошенко. Он оборвал Тимошенко, когда тот заметил, что доклад был ему передан заранее: "Я не обязан читать все, что мне посылают". Затем Молотов предложил Тимошенко подготовить новую директиву для Красной Армии. Эта новая директива, созданная под впечатлением военных учений, последовавших вскоре, привела к срочной мобилизации и развертыванию армии на западном фронте накануне войны{641}.

Из двух военных учений, проведенных в течение двух первых недель января, вторые, о которых стало известно лишь недавно, имели наибольшее значение. На этих учениях, некоторые детали которых будут рассмотрены ниже, Жуков разыгрывал контратаку сил Красных на юго-западном фронте. Такой сценарий больше всего пугал Сталина. Последовавшее в конечном итоге наращивание и развертывание войск явилось результатом данных учений. Если тщательно проштудировать три оперативные директивы, изданные 22 — 23 июня 1941 г., становится ясно, что они прямо списаны с документов военных учений. И действительно, по признанию известного российского военного историка Анфилова, когда командующий Западным фронтом генерал Павлов подвергся

удару немцев, он достал бумаги, относящиеся к учениям 1941 г., и постарался изучить их, подготавливая свои ответные действия{642}.

Трудно переоценить значение этих учений{643}. Они опробовали планы, тщательно составлявшиеся ранее, исследуя главные теоретические вопросы наступления и обороны в контексте потенциальной внешней угрозы. Затем, они точно воспроизвели направление советского стратегического мышления накануне войны. Ни одни из двух учений не предполагают агрессии или упреждающего удара Советского Союза. Напротив, "сценарий, созданный для учений, — свидетельствует генерал Захаров, — характеризовался драматичными эпизодами для восточной стороны; он очень походил на события, происходившие на наших границах в июне 1941 г. после вероломного нападения немецко-фашистских войск на Советский Союз"{644}.

И те, и другие учения поэтому исходили из условия немецкого наступления и исследовали оборонительные ответные действия{645}. Первые, состоявшиеся 2 — 6 января, предполагали удар немцев на центральном и северном участках. Главный удар Синих (немцев) осуществлялся силами около 160 дивизий под командованием Жукова к югу от Бреста в направлении на Владимир-Волынский и Тарнополь. На севере проводилась отвлекающая атака силами 60 дивизий с целью оттянуть Красных с главного направления. Войска выступили из Восточной Пруссии на Ригу и Двинск и через Суваки и Брестскую область на Барановичи. Советской обороной командовал Павлов. Хотя немцы глубоко проникли в полосу советской обороны, им не удалось развить успех. Однако Павлов не смог отбросить противника, что было весьма тревожным фактом, и учения закончились неопределенно, причем немцы утвердились внутри полосы советской обороны.

Вторые учения, о которых стало известно совсем недавно, были шире по охвату и проводились 8 — 11 января. Павлов и Жуков поменялись ролями. В то время как первые учения сосредоточивались в узком секторе, включающем Прибалтийские страны, вторые базировались на пересмотренном оперативном плане, предполагающем, что [156] основным театром войны будут юго-западный фронт и Балканы. Боевые порядки были шире, предусматривалось нанесение главного удара на юге, создающего серьезную угрозу тылу. В отличие от Павлова, Жуков осуществлял оборону согласно новой доктрине; сдерживая основную атаку на юге, он нанес свой главный удар по войскам Синих фактически в тылу противника, вклинившись между их главными ударными силами и тылом и создав

большой разрыв. Однако ему не удались последующие попытки маневрирования с целью атаковать наступающих Синих с флангов, используя резервные войска, главным образом из-за огромного пространства, которое приходилось прикрывать{646}.

Учения пошатнули уверенность, проявленную на совещании, и обнаружили уязвимость и недостатки обороны. Военные посредники на учениях пришли к нелестным выводам о действиях армии:

"Результаты первых учений показали, что оперативно-стратегическое мышление большинства командиров высшего уровня далеко от совершенства и требуются дальнейшие кропотливые и непрестанные усилия по оттачиванию навыков руководства и управления крупными формированиями, полному овладению характером современных операций, их организацией и планированием и затем осуществлением их на практике".

С учетом этого строгого суждения не имеет смысла предполагать, будто Сталин питал надежды на военную авантюру. В лучшем случае ему оставалось только желать, чтобы основные недостатки обороны, вскрытые в ходе учений, могли быть исправлены прежде, чем немцы пойдут в наступление{647}.

В различной степени и те, и другие учения создавали "драматический момент" для сил Красных, сходный с ситуацией, с которой они в конце концов столкнулись 22 июня 1941 г. Старшие офицеры, участвовавшие в учениях, собирались возвращаться в свои части, когда их вызвали в Кремль 13 января. Снова присутствовали члены Политбюро. Явно потрясенный результатами учений, Мерецков представил путаный, нелогичный и невнятный рапорт. Сталин прервал его на середине, отметив, что "на войне важно не только арифметическое большинство, но и искусство командиров". Попытка Павлова разрядить обстановку шуткой, что Красных постигла неудача "лишь на учениях", заставила Сталина потерять всякий интерес к остальной части рапорта. Он подверг Мерецкова безжалостному разносу. Закончив словами: "Беда в том, что у нас нет подходящего начальника Генерального штаба", — он тут же снял ошеломленного Мерецкова с должности. На следующий день Жукова срочно вызвали в Кремль прямо с учений и сообщили ему о решении Политбюро назначить его начальником Генерального штаба. Он вступил в должность, съездив забрать свои вещи из Киева, 31 января, однако прежде была проведена большая чистка высшего командного состава и различные старшие командиры были удалены с командных

постов{648}. Хотя Жукова ругали на совещании за некритический подход к наступательным теориям, его относительный успех на учениях, особенно на важнейшем юго-западном фланге, вместе с престижем, завоеванным им после Халхин-Гола, по-видимому, заслужили одобрение Сталина. К тому же Жуков, единственный из офицеров, присутствовавших на встрече, попытался извлечь конкретные уроки из учений, возрождая модернизированную оперативную теорию и настаивая на удалении с линии [157] фронта укрепрайонов (УР), что повысило бы маневренность на оперативном уровне и предотвратило статичную оборонительную войну{649}. Ни учения, ни совещание военных не преуспели в решении насущных стратегических проблем, возникших, когда пришло осознание того, что Советский Союз уже стоит на пороге "периода наибольшей военной угрозы". В частности, продолжали утверждать, будто "оборона будет играть второстепенную вспомогательную роль в достижении поставленных целей". Поэтому недостаточно внимания уделялось возможности ведения боя по выходу из окружения{650}. Неготовность вооруженных сил, обнаружившаяся на совещании и в ходе военных учений, вкупе с донесениями НКВД о положении на фронтах — важнейшие элементы для понимания отчаянных попыток Сталина отсрочить войну и его осторожных действий по развертыванию войск в месяцы, предшествующие войне{651}. Точно так же использование дипломатии как лучшего средства переиграть Гитлера становится даже более явной тенденцией после утраты Балкан. Столь же существенным фактором является осознание того, что промышленность не сможет справиться с удовлетворением новых нужд за такой короткий срок. Расследование, проведенное НКВД во время учений, показало большое отставание от генерального плана строительства железных дорог. Не выполнялись и экстренные предписания начальника Генерального штаба Красной Армии: в первые месяцы войны не существовало скоординированного плана для администрации железных дорог. Осуществление плана мобилизации в этом контексте даже не обсуждалось, и железные дороги, ведущие к линии фронта, реально могли совершить не более 30% планируемых перевозок. В центральном минском секторе, к примеру, было использовано не более 16,7% бюджетных средств, ассигнованных на улучшение железных дорог. В среднем планы по расширению железнодорожной сети были выполнены менее чем на 12%. Для перевозки тяжелых танков на фронт требовались 60-тонные платформы; в наличии были лишь 387 таких платформ, и ни одной не построили в 1940 г.

Имелось всего около 50% оборудования, необходимого для создания адекватной транспортной системы для фронта, такого как рельсы, телеграфные столбы, шпалы{652}. СНК принимал все меры, чтобы повысить "производство продукции для обороны" в течение 1941 г., основное внимание уделяя созданию новых промышленных комплексов, удовлетворяющих новым требованиям{653}.

Тучи сгущаются

Вопреки распространенному мнению, советские разведчики опережали своих западных коллег в получении точной и достоверной информации о намерениях немцев в конце 1940 г.{654}. Стремительное развитие событий в последние месяцы 1940 г. сменилось временным затишьем в начале 1941-го. Отчасти оно явилось результатом приостановки дипломатического диалога с Германией. С военной точки зрения, оно отражало тот факт, что зимние условия не способствуют большим перемещениям войск, давая простор для размышлений.

Однако затишье не привело к успокоению. Чувство близкой опасности и необходимость встретить ее во всеоружии с помощью более совершенной разведки и контрразведки вызвали коренную реформу служб безопасности в начале февраля. Наркомат внутренних дел [158] разделился: НКВД стал заниматься внутренними делами, а НКГБ сосредоточился на внешних проблемах{655}. В начале февраля Меркулов, глава НКГБ, обратил внимание Сталина на тот факт, что германское Верховное командование "проводит систематическую подготовку к войне против Советского Союза". Инструктаж старших германских офицеров с использованием оперативных карт показывал намерение отделить Европейскую часть СССР, от Ленинграда до Черного моря, и создать там государство с дружественным Германии правительством. Война имела целью обеспечить полный контроль над индустриальными центрами России{656}. Общий рапорт подкреплялся многочисленными донесениями стратегической разведки. Типичный случай представляло донесение о визите некоего обергруппенфюрера, награжденного Железным крестом, к одному доктору в Бухаресте. Разговорившись, он поведал об отказе от планов нападения на Англию. Германская армия, пояснил он, состоит из 10 миллионов отборных солдат, которые "подыхают со скуки" и жаждут боя. Военная машина не может оставаться "без дела". Затем он развернул следующие планы:

"Мы идем на Украину и на Балтийский край. Мы забираем под свое влияние всю Европу. Большевикам не будет места за Уралом. Фюрер теперь решил ударить и освободить Европу от сегодняшних и завтрашних врагов. Мы не можем допустить в Европе новых порядков, не очистив Европу от врагов этого порядка. Наш поход на Россию будет военной прогулкой. Губернаторы по колонизации уже назначены в Одессу, Киев и другие города"{657}.

Из Берлина "Старшина" предупреждал, что разведывательные полеты над Советским Союзом "проводятся полным ходом". Самолеты, взлетающие из Бухареста, Кенигсберга и Киркенеса, перекрывают границу по всей длине. Фотографии сортируются в Департаменте разведки военно-воздушных сил. Возможность сопротивления русских отвергается с ходу, и, по общему мнению, Красная Армия развалится за восемь дней. Постоянная сосредоточенность Сталина на юго-западных границах была совершенно оправданной, так как основная масса информации свидетельствовала о намерении Гитлера лишить Советский Союз его экономической и индустриальной базы на Украине. После завоевания Украины вермахт собирался двинуться на Кавказ и севернее к Уральским горам и завершить всю операцию за 25 дней{658}. Эти выводы подтверждал "Корсиканец", заключавший, что Гальдер "рассчитывает на... молниеносную оккупацию" Украины и захват бакинских нефтепромыслов в целости и сохранности считает "легкой задачей". Кроме того, Комитету четырехлетнего планирования были даны инструкции подготовить список экономических ресурсов, которые может получить Германия в результате оккупации Европейской России{659}.

Тем не менее, рапорты, посылаемые Голиковым Сталину раз в две недели, все больше вторили мнению Кремля, создавая ложный контекст для анализа собранных тревожных фактов:

"1. На основании всех приведенных выше высказываний и возможных вариантов действий [со стороны Германии] весной этого года считаю, что наиболее возможным сроком начала действий против СССР будет являться момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира. [159]

2. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, может быть, германской разведки"{660}.

Все еще неопределенная стратегическая информация с лихвой компенсировалась конкретными оперативными сведениями. ГРУ придерживалось мнения, что германское Верховное командование "с большой интенсивностью продолжает работу по инженерной подготовке театра войны с СССР и замене старых частей более свежими". Согласно проведенным подсчетам, реорганизация вермахта должна была увеличить германскую военную машину в общем до 250 — 260 пехотных дивизий, 20 танковых и 15 моторизованных{661}. В середине февраля Кобулов, берлинский резидент ГРУ, отправил специальное донесение, переданное затем в Политбюро и ЦК. В нем раскрывались всемерные усилия вермахта по наращиванию армии до восьми миллионов человек путем вербовки и мобилизации ресурсов оккупированных территорий: за короткий период были созданы 25 новых пехотных дивизий, 5 танковых и 5 моторизованных дивизий. Деятельность в том же направлении замечалась во всех странах, граничащих с Германией. Донесение предупреждало, что с приходом весны Советский Союз встретит крутые мобилизационные меры на всех фронтах, которые приведут к увеличению армий вдоль границы{662}.

В середине марта Голиков послал Сталину очень тревожный рапорт, на этот раз сосредоточив внимание на промышленном потенциале Германии, который мог дать ей возможность вести войну на двух фронтах одновременно. Голиков теперь ежедневно получал донесения такого рода от своих атташе в различных столицах. В этих донесениях акцент делался на экономической стороне кампании, что, однако, не умаляло их политического значения. Военный атташе в Бухаресте, например, сообщал о том, как немецкий майор говорил приятелю: "Мы полностью меняем наш план. Мы направляемся на восток, на СССР. Мы заберем у СССР хлеб, уголь, нефть. Тогда мы будем непобедимыми и сможем продолжать войну с Англией и Америкой". Вермахт, по-видимому, намеревался синхронизировать атаку на Советский Союз с румынской армией, планируя начать ее через три месяца{663}.

Голиков в своих рапортах продолжал мрачными красками рисовать реорганизацию и расширение германских вооруженных сил на протяжении зимних месяцев. С сентября 1940 г., предупреждал он, число пехотных дивизий возросло с 228 до 263. Пять новых танковых дивизий добавились к пятнадцати существовавшим ранее и пять моторизованных дивизий — к прежним десяти. Затем он приводил точные цифры их распределения по различным частям, сопровождая сообщение

для наглядности пояснительными таблицами. Он находил это увеличение заслуживающим внимания, учитывая, что во время битвы за Францию у немцев было всего 2 — 3 танковых дивизии. Далее Голиков предупреждал о больших успехах, достигнутых люфтваффе в конструировании и производстве новых типов самолетов. Здесь же чрезвычайно подробная таблица показывала усовершенствования и новые модели в авиации, такие как "Хейнкель N-113", "Фокке-Вульф FB-187 и 198" и "Мессершмидт-Ягуар". Голиков переоценивал производственные возможности немцев: он ожидал выпуска примерно [160] 25 000 — 30 000 самолетов в год. Также, по его расчетам, германские военно-воздушные силы должны были пополниться бомбардировщиками с дальностью полета 1700 — 2000 км, способными летать на высоте 6 000 — 7 000 м со скоростью 750 км/ч. Затем следовало мрачное известие, что немцы ускорили производство 90-тонных "Марк VII" нового типа и усовершенствовали 70-тонные, захваченные во Франции. Столь же пугающим было подробное описание развития химического оружия до такой степени, что "потенциальные возможности военной химии делают возможным массовое применение отравляющих веществ в любой момент"{664}.

Вскоре после этого НКВД информировал правительство (обычный эвфемизм, обозначавший Сталина и Молотова, иногда еще Политбюро) и ЦК о полученной из германского штаба информации, согласно которой Гальдер не предвидел трудностей в покорении русских. Рапорт объяснял предполагавшуюся кампанию потребностью Германии в сырье, которое она надеялась получить на Украине. Такие рапорты особенно поражают, когда сравниваешь их с общим и случайным характером информации, находившейся в распоряжении британской разведки в то время, что умаляло значение предостережения Черчилля{665}:

"Начальник штаба сухопутных войск генерал-лейтенант Гальдер предрекает несомненный успех и быструю оккупацию германскими войсками Советского Союза, и прежде всего Украины, где, по оценке Гальдера, успеху операции будет способствовать лучшее состояние железных и автомобильных дорог. Гальдер также считает легкой задачей оккупацию Баку и его нефтепромыслов, которые немцы якобы способны быстро восстановить в случае какого-либо ущерба от военных действий. По мнению Гальдера, Красная Армия не в состоянии будет оказать сколько-нибудь серьезное сопротивление молниеносной атаке немецких войск и даже не успеет разрушить свои склады.

Заключение полковника Беккера, с другой стороны, подчеркивает огромный экономический эффект, который может быть достигнут в результате военных операций против СССР"{666}.

В то же время контрразведка доносила о значительном росте волны слухов насчет того, что наступление Германии на Советский Союз произойдет до покорения Англии. Цитировали Криппса, якобы получившего такого рода заверения от генерала Дилла, начальника британского Генерального штаба, и Идена во время своего визита в Анкару{667}. Когда центр внимания сместился на Юго-Восточную Европу, военные атташе на Балканах подтвердили намерения немцев отложить атаку на Британские острова и вместе с Венгрией, Румынией и Болгарией захватить Украину и двинуться на Баку в апреле — мае{668}. Что касается характера нанесения удара, информация, поступившая из штаба люфтваффе, содержала предположение, что немцы нанесут удар с воздуха в конце апреля или начале мая{669}.

Ручеек оперативной разведывательной информации превратился в середине марта в поток, отражающий вторжение немцев на Балканы в ходе подготовки к операции "Марита". Эти сведения укрепляли навязчивую идею Советов об угрозе на юго-западном театре войны. Сталин казался полностью поглощенным событиями, разворачивавшимися на юге, которые, как он несомненно надеялся, свяжут Гитлера на этом фронте. Пространный и точный анализ наращивания сил немцев [161] на Балканах Москва получила в середине марта. Он описывал интенсивность процесса, приводившую даже к серьезным транспортным пробкам.

Тем не менее, неверно полагать, будто соответствующее наращивание на западной границе Советского Союза было забыто. В донесениях постоянно говорилось, хотя и лаконично, о скоплении около 100 дивизий на западных советских рубежах{670}. Из Берлина Сталина информировали об ускорении сосредоточения сил люфтваффе на восточном театре. Источники, близкие к Генеральному штабу, открыли "...что немцами решен вопрос о военном выступлении против Советского Союза весной этого года. Немцы рассчитывают при этом, что русские при отступлении не в состоянии будут уничтожить (поджечь) еще зеленый хлеб"{671}. Донесения из Парижа свидетельствовали о переброске пехоты на восток и замене ее необученными войсками{672}. Этот шаг подтверждался донесениями из Виши о переброске пехоты и танковых дивизий, предназначавшихся для вторжения в Англию, из северной Франции в Румынию и

Болгарию{673}. Столь же тревожным было сообщение из Вены, что генерал Антонеску обсуждал там с Герингом возможное участие Румынии в наступлении Германии на СССР{674}.

Легко счесть Сталина "простаком", как это делает Черчилль в своих мемуарах. Однако, хотя многие данные передают довольно цельную картину германской угрозы, существовала масса дополнительных сведений, хотя и не исключавших опасность, но ставивших под вопрос неизбежность войны и допускавших различные сценарии ситуации, в которой такая война может вспыхнуть. Разведчики проявили слишком хорошо знакомую нам человеческую слабость: они либо перекраивали информацию в соответствии со взглядами, которых придерживались наверху, либо подавали ее двусмысленным образом, так чтобы при избирательном чтении можно было приспособить ее к политическим расчетам. Критерием и в том, и в другом случае служил всепоглощающий страх быть втянутыми, поспешно и без особой необходимости, в балканские события.

"Военный сезон" открылся весной 1941 г. боевыми действиями Гитлера на Балканах, что a priori подтверждало вывод, будто война с Советским Союзом "немыслима раньше поражения Англии"{675}. Подобная оценка являлась результатом не стратегической логики, а, скорее, интенсивной гитлеровской кампании дезинформации, отвлекавшей внимание от перегруппировки войск и подкреплявшейся возобновлением воздушных налетов на Лондон{676}. Как "удачно" выразился военный атташе в Будапеште, слухи о войне были "сфабрикованы" английской пропагандой. Германии "хватает" войны с Англией, и она "экономически заинтересована в мире с СССР"{677}.

Представляя свой двухнедельный рапорт 20 марта, Голиков точно взял тон Кремля: "Большинство разведывательных донесений о вероятности войны с Советским Союзом весной 1941 г. исходят из англоамериканских источников, прямая задача которых — добиться ухудшения отношений между СССР и Германией". Он представил, без дальнейших комментариев, шестнадцать донесений, которые счел заслуживающими "особого внимания". Они, однако, подверглись значительной редакции, чтобы соответствовали сталинским установкам, как их понимал Голиков. Все эти донесения в целом почти как аксиому [162] выражали уверенность, что Германия не нападет на Советский Союз, пока не побеждена Англия. Некоторые заостряли внимание на предполагаемой борьбе внутри германского руководства по вопросу о

войне{678}. Длинный рапорт преуменьшал значение информации о реальных немецких планах кампании, делая вывод, что войны можно избежать или по крайней мере отсрочить ее дипломатическими средствами. В общем все это совпадало с установкой, направлявшей военные учения в январе. Единственным примечательным исключением являлась свежая информация, собранная из шведских источников в Берлине, впоследствии оказавшаяся совершенно верной. Однако ее достоверность была поставлена под сомнение, так как она будто бы исходила от Криппса{679}. На деле она с большой точностью описывала три удара по всему фронту с перенесением центра тяжести в центр, даже называя командующих и указывая дату нападения — 20 мая (Гитлер впоследствии вынужден был перенести дату из-за отвлекающих действий на Балканах и задержки в развертывании войск). Но Голиков отдавал предпочтение "другим источникам", заключавшим, что Германия нападет на Советский Союз только "после победы над Англией" и ударит с двух направлений, на севере, вероятно из Финляндии, и с Балкан. Он принял некоторые предосторожности, упомянув о противоположном мнении в сообщении из Румынии, будто Гитлер действительно изменил свои планы и собирается атаковать Советский Союз до завершения кампании против Англии, так как фронт на западе практически перестал существовать. Однако не следует придавать слишком большой вес этому отклонению, которое меркнет в сравнении с тем фактом, что весь документ заканчивается совершенно определенным выводом: "Наиболее возможным сроком начала действий против СССР будет являться момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира". Еще коварнее было твердое убеждение, что "слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, может быть, германской разведки"{680}. Такова была господствующая точка зрения в Москве, когда в начале апреля упал занавес в Югославии, еще больше приблизив угрозу войны.

Глава 7. На распутье: югославский переворот

Верный своей привычке действовать поэтапно, Гитлер, как только Болгария оказалась в его сетях, обратил свое внимание на Югославию. Весной 1941 г.

контроль над этой страной стал жизненно важен для его оперативных планов. Ей отводилась роль щита против Советского Союза на левом фланге грядущей кампании в Греции и на правом фланге операции "Барбаросса". Это диктовалось и крайней необходимостью, возникшей при осуществлении операции "Марита" по оккупации Греции. Наращивание сил отставало от графика, и возможность переброски войск через Югославию становилась решающим фактором, если операция "Барбаросса" была запланирована на начало лета. Ожидалось, что контроль над Югославией сократит сроки кампании, позволив быстро оккупировать Салоники, и, таким образом, операция "Барбаросса" пойдет более или менее по плану{681}.

Милан Гаврилович, левый лидер Сербской аграрной партии, прибыл в Москву в июне 1940 г., вскоре после падения Франции, желая заручиться советской помощью, чтобы отдалить от Германии принца-регента Павла. Во время его первого визита в советский Наркомат иностранных дел он зашел так далеко, что настаивал на создании Балканского союза, руководствующегося славянофильскими идеями, в котором русский язык заменит различные славянские диалекты. Как заявляет в своих мемуарах генерал Судоплатов, он вместе с Федотовым, начальником контрразведки, "официально завербовал" Гавриловича{682}. Правда это или нет, Гаврилович в самом деле тесно сотрудничал с Кремлем, хотя его с самого начала подозревали в содействии Криппсу в попытках втянуть Советский Союз в войну с Германией.

Боясь провокации, русские вначале демонстративно сводили свои беседы с Гавриловичем к ряду "вопросов общего характера, в частности о славянской культуре, о значении славянского языка и т.п."{683}. Находясь по существу в изгнании и в отрыве от своего министерства иностранных дел, Гаврилович постепенно внушил русским мысль искать поддержки у югославских военных, не одобрявших поворота правительства к Германии. Тайные переговоры в самом деле начались в Париже в конце сентября 1940 г,{684}; начальник югославского Генерального штаба, не теряя времени, представил список требуемых вооружений. Вновь назначенный югославский военный атташе был принят маршалом Тимошенко, наркомом обороны, и начальником Генерального штаба генералом Мерецковым — случай беспрецедентный{685}. После фиаско Молотова в Берлине предложения по поставке вооружений приняли более конкретные формы. Подполковник Божина Симич, сражавшийся вместе с Красной Армией в

гражданскую войну, был выбран, чтобы возглавить военную миссию в Москве. Донесения советской миссии в Белграде свидетельствовали о настроениях "солдат [168] и офицеров, открыто распевавших на марше и в казармах наши военные песни о Сталине"{686}. Пустили пробный шар и через югославское посольство в Анкаре. Германские гарантии Румынии несомненно сблизили две страны, преградив Советам путь на Балканы, полностью попавшие во власть Германии{687}.

Гитлер, однако, быстро принял меры, чтобы подавить в зародыше советское влияние в Югославии. Вскоре после визита Молотова в Берлин Цинкар-Маркович, югославский министр иностранных дел, отправился по дорожке, проторенной другими балканскими лидерами, в Берхтесгаден, где Гитлер предупредил его о панславистских амбициях русских, "заимствованных из завещаний Петра Великого и императрицы Екатерины"{688}. К тому времени, однако, подчиненность Югославии Германии уже была определена, как сообщал в Берлин германский министр в Белграде, "безоговорочным признанием военного превосходства Германии и растущим осознанием бессмысленности русофильских тенденций"{689}. На тот момент желание Гитлера пристегнуть Югославию к Тройственному союзу столкнулось с опасениями югославской армии, как бы Югославию не использовали в качестве плацдарма для вторжения в Грецию{690}. Расколу между военными и политиками суждено было сыграть главную роль в отношениях Югославии с Советским Союзом после драматического переворота в марте 1941 г.

Продолжающийся крен югославского правительства в сторону Германии в начале 1941 г. заставил русских застопорить сделку по поставке вооружений. Чтобы избежать провокации, которая могла повлечь за собой конфликт с Германией, Молотов предостерег советских дипломатов в Белграде против попыток англичан и немцев "втянуть советского полпреда в разговоры, которые дали бы им основание спекулировать затем имением Советского Союза в интересах своей группировки"{691}. Крутые меры, принятые в Белграде против коммунистической подрывной деятельности, и выдворение корреспондента ТАСС не способствовали разрядке обстановки{692}.

После включения Болгарии в страны Оси времени у Гитлера было в обрез, и югославскому премьер-министру Цветковичу было приказано явиться в Берхтесгаден вместе с Цинкар-Марковичем. Цветкович, как и следовало ожидать,

старался оттянуть решение о присоединении к Оси, выставляя в качестве довода советскую угрозу и используя растущую напряженность между Советским Союзом и Германией. Риббентроп не только отвергал подобные предположения, но и уверял своих гостей, что Сталин "разумный, здравомыслящий человек" и прекрасно понимает: конфликт с Германией "приведет к уничтожению его режима и его страны". Гитлер коварно постарался отбить у Цветковича охоту разыгрывать русскую карту, открыв ему предложение Молотова в Берлине о территориальных изменениях в Болгарии за счет Югославии. К концу визита была подготовлена сцена для встречи Гитлера с принцем-регентом Павлом, к которому тоже применили обычную гитлеровскую тактику кнута и пряника{693}.

Дипломатическая игра, в которой Сталин так преуспевал, стала пробуксовывать в начале 1941 г. После того как Румыния и Болгария вошли в орбиту Германии, одна Югославия стояла между Советским Союзом и Германией на Балканах. Сталин внимательно следил за стратегическими дебатами в Лондоне по поводу британской помощи [169] Греции. От него не укрылось, что англичане не могли сами вновь поднять Балканы против "свежей германской армии". Иден, например, подстрекал Майского к действиям, предупреждая, что крен Югославии в сторону Германии и "потеря Салоник будут представлять угрозу Проливам, в будущем которых Россия исторически заинтересована". Сталин поэтому все больше утверждался в своей навязчивой идее о британских интригах с целью привести Советский Союз к преждевременной конфронтации с немцами на Балканах. Однако, сосредоточив свое внимание на англичанах и югославах, он проглядел реальную опасность, притаившуюся за ближайшим углом{694}.

Сталину сообщили о гарантиях, предложенных Гитлером Югославии в обмен на присоединение к Оси. Поскольку он ожидал, что югославские политики и двор уступят давлению, предстоящий визит в Москву военной делегации, возглавляемой Симичем, он отнес на счет английского заговора{695}. Кроме того, народные симпатии к России в Югославии, казалось, эффективно сдерживались проанглийскими склонностями принца Павла и прогерманскими настроениями Цинкар-Марковича. Поэтому предложения Гавриловича о сотрудничестве были отвергнуты как попытки "разведывательного характера"; кроме всего прочего, репутация его в югославском правительстве была неважной, а его дипломатическое искусство, как говорили, "сводилось к умению играть в шахматы"{696}. Внутри кабинета Тупанянин, второй после Гавриловича лидер

Аграрной партии, сам бывший на содержании НКВД, поставил под сомнение искренность югославской инициативы, так как две страны "преуспели лишь в выражении одобрения на словах"{697}.

Тем временем Сталин получил сообщение от "Софокла", военного атташе в Белграде, о согласии принца Павла присоединиться к Оси, данном во время его встречи с Гитлером в начале марта. Заслуживающие доверия источники во дворце обнаружили, что, пытаясь отбить у югославов охоту разыгрывать русскую карту, Гитлер раскрыл принцу свое намерение отказаться от планов войны с Англией ради захвата Украины и Баку в апреле — мае. Однако столь же значительно было открытие "Софокла", что "фактически власть в Югославии принадлежит генштабу, без него министерский совет ничего не предпринимает"{698}. Явное неповиновение вооруженных сил правительству порождало новые надежды. Их укрепила позиция Симича на секретных переговорах в Наркомате обороны, где он с одобрением отнесся к идее сотрудничества, чтобы противостоять германской угрозе. Кроме того, подозрения в отношении Англии несколько ослабли, после того как югославы не разрешили Идену и генералу Диллу посетить Белград, демонстрируя намерение "держать чашки весов в равновесии"{699}. Даже германский посол предупреждал Вильгельмштрассе, что югославское правительство непрерывно заседает, "и не для того, чтобы попить кофе"{700}.

Как и в случае с Болгарией, усилия Советов были направлены на мобилизацию народной поддержки в Белграде; делалось это и по дипломатическим каналам, и через Коминтерн. Лебедеву, советскому послу в Югославии, поручили разоблачить неискренность предложений югославского правительства Советскому Союзу, скрывавших "закулисную" германо-югославскую деятельность{701}. Тито, лидеру Коммунистической [170] партии Югославии, были даны инструкции "взять решительную позицию против капитуляции перед Германией. Поддерживать движение за всенародное сопротивление политике военного вторжения. Требовать дружбу с Советским Союзом"{702}. В Белграде создавалось общественное мнение, что следует нажать на правительство, чтобы оно сделало конкретные предложения. Одновременно Тупанянин, следуя инструкциям из Москвы, допустил утечку информации о предстоящих переговорах с военными. Гаврилович оказывал прямое давление на Цинкар-Марковича, указывая на тяжелые последствия, которые может иметь внутри страны провал переговоров. Он старался соблазнить премьер-министра тем, что если предложения правительства в конце концов будут

отвергнуты в Москве, то народ возложит вину за это на русских, а не на свое правительство. Затем он высказывал мнение, что правительство реабилитирует себя, если русские согласятся в принципе, но выставят жесткие условия и затянут переговоры. Но, по-видимому, главной целью его стараний было, дав переговорам ход, проверить ими русских, как лакмусовой бумажкой: насколько явное недовольство советских военных немцами одобряется Кремлем{703}.

Британский Форин Оффис был недалек от истины, подозревая Сталина в "заигрывании с Югославией... чтобы выторговать у Гитлера лучшие условия для себя"{704}. Военные переговоры в Москве прошли под знаком твердой решимости Советов создать военный союз, который восстановит равновесие в отношениях с Германией и вынудит Гитлера сесть за стол переговоров{705}. Тут есть несомненное сходство с мотивами, которыми руководствовался Чемберлен, давая гарантии Польше после оккупации немцами Праги в марте 1939 г. Оба, однако, действовали с осторожностью. Сталин, возможно, подражавший Чемберлену, продолжал подозревать югославов в использовании этих переговоров как козыря в своих переговорах с немцами, а англичан в попытках втянуть Советский Союз в войну. Он прекрасно знал об усилиях, приложенных Иденом во время его продолжительной поездки по Среднему Востоку, чтобы создать оборонительный блок Турции, Греции и Югославии{706}.

Все это лишь усугублялось непрекращающимися попытками Криппса предостеречь русских против германской опасности. Не зная, что принцем Павлом жребий брошен, Криппс старался заручиться помощью Советского Союза. Уже в ходе своих консультаций с Виноградовым в Анкаре он высказывал предположение, будто немцы могут повести наступление на Грецию через Югославию. Он не исключал возможности, что югославская армия, которая была "неплохой", даже окажет помощь Англии. Конечно, он надеялся дать новую жизнь идее Идена относительно Балканского блока. Он предлагал, чтобы Англия приняла участие в тайных военных переговорах, идущих в Москве, каковой факт Виноградов, естественно, не мог признать{707}. Вскоре по возвращении из Турции Криппс узнал от Гавриловича, что переговоры Симича вскрыли "горячее желание" крупных военных деятелей в Москве достичь военного соглашения с Югославией{708}.

Криппс кинулся действовать, как только новости о решении регента присоединиться к Тройственному союзу дошли до посольства во второй половине

дня 22 марта. По своему обыкновению, он расписал [171] Вышинскому мрачными красками цели немцев. Вышинский, отнесшийся к известию "очень серьезно", пообещал связаться с правительством. Криппс на этом не остановился, послав Гавриловича к Вышинскому с предложением выпустить коммюнике, которое опровергло бы общее убеждение, будто Советский Союз "уступил Балканы и Югославию в сферу интересов Германии"{709}. Рвение Криппса лишь подстегнуло подозрения Сталина насчет английского заговора. Когда он вернулся вечером в Кремль, надеясь продолжить обсуждение в "дружественной беседе", Вышинский оборвал его, как только он начал подробно излагать, какие препятствия можно создать замыслам немцев на Балканах, если русские будут поощрять Югославию сохранять независимость. Вышинский также улучил момент, чтобы привести целый список якобы враждебных Москве действий англичан{710}. Самого Гавриловича вызвали в Наркомат иностранных дел в полночь, там его встретил Вышинский, "озабоченный и полный сочувствия, но и чего-то боящийся". Вышинский, по-видимому, боялся, что все усилия заставить Советский Союз вмешаться после необратимого решения, принятого Югославией, — западня{711}. Немецкая дезинформация убедила Сталина в мудрости его политики. В Анкаре фон Папен, германский посол, резко отрицал слухи о намерениях немцев использовать Югославию как плацдарм для захвата Проливов. Он пошел еще дальше и, чтобы успокоить русских, выразил мнение, будто союз с Югославией направлен исключительно на то, чтобы не пустить англичан на Балканы и в Черное море, сказав затем: "Мы выиграем войну, только идя с вами рука об руку"{712}.

Однако 27 марта все карты смешались: генерал Душан Симович, командующий Югославскими военно-воздушными силами, произвел бескровный переворот в Белграде с помощью армии. Принц Павел был свергнут и отправлен в изгнание, а на престол возведен юный король Петр. Внимательным наблюдателям было совершенно ясно, что переворот явился для Москвы сюрпризом. Вряд ли Советский Союз мог "тайно или явно" участвовать в перевороте, которым дирижировал британский Отдел особых операций. Хотя генерал Соломон Мильштейн, заместитель начальника ГРУ, в сопровождении нескольких "нелегалов" был специально послан в Белград, его заданием, если он имел таковое, являлось отслеживание "английских заговоров"{713}.

Несмотря на великолепные источники, Сталин не был посвящен в твердое и бесповоротное решение Гитлера "разгромить Югославию и в военном отношении, и как государство", даже если придется отложить операцию "Барбаросса" на четыре недели. Гитлера, однако, тоже ждал сюрприз, поскольку он думал, что Советский Союз не станет реагировать{714}. Сталину все труднее становилось оставаться безучастным к народной поддержке, завоеванной мятежниками. Югославское правительство находилось в весьма затруднительном положении, пытаясь обуздать массовые демонстрации против пакта. Советский посол не мог скрыть воодушевления, сообщая домой, что "все население Белграда заполонило улицы, размахивая национальными флагами", и никто не мешал ему "открыто выражать свои чувства". Кроме того, массы, по-видимому, возлагали свои надежды на Советский Союз. Союз с Москвой, замечал Лебедев, связывался с ожиданием "отмены позорного пакта со странами Оси и особенно с ненавистной [172] Германией... С раннего утра тысячи людей собрались перед советским посольством, поднимая транспаранты, призывающие к "Альянсу с Советским Союзом!"" Позднее демонстранты двинулись к соседнему германскому посольству, скандируя враждебные лозунги и выбив стекла в здании германского туристического бюро. Число демонстрантов "так выросло, что к вечеру новые толпы уже не могли пробиться к посольству, но продолжали призывать к "Альянсу с Советским Союзом!""{715}.

Дальнейшие донесения отражали беспощадную критику, которой подверглась прогерманская политика правительства. Проводилась мобилизация армии, когда югославская делегация вернулась из Вены тайно, минуя главный железнодорожный вокзал Белграда. Захваченный мятежным духом Белграда, Лебедев довольно опрометчиво предположил, будто переворот покончил с ростом германского политического присутствия в Югославии; он уже лелеял надежду на крутой перелом политической тенденции не только в Балканских государствах, но и на всем Европейском континенте{716}. Такое впечатление подтверждалось генералом Голиковым, начальником военной разведки. Он тоже подчеркивал просоветский характер демонстраций, идущих под лозунгами типа "За Советский Союз" и "Да здравствуют Сталин и Молотов". По его расчетам, теперь армия должна была отвергнуть секретные статьи соглашения, дававшие германским войскам право свободного прохода на юг страны, и не исключалась возможность выхода Югославии из Оси. Его заключение, что уже мобилизованные 48 дивизий

намерены и вполне способны дать отпор германскому вторжению, разумеется, поддерживалось Генеральным штабом{717}.

Испытав несомненное облегчение, Сталин все же не спешил открыто бросать военный вызов Германии, как принято изображать в литературе по этому вопросу. Он сохранял осторожность, так как не являлось секретом, что переворот не привел к повороту югославской политики на 180 градусов. Придя к власти, Симович уведомил короля о своем намерении оставаться верным Оси. Он поспешил заверить германского посла, что Югославия выступает за "продолжение сотрудничества со странами Оси, особенно с Германией", и за "возврат, насколько возможно, к политике нейтралитета"{718}. Поэтому ближайшей целью Сталина оставалось на волне народной поддержки помешать Гитлеру распространить войну дальше, а англичанам — воспользоваться нестабильной ситуацией. При отсутствии прямого диалога с югославским правительством до переворота попытки русских удержать его от присоединения к Оси предпринимались через коммунистическую партию. В новых обстоятельствах срочно были приняты меры, чтобы приглушить народный энтузиазм. Молотов немедленно дал инструкции Димитрову, председателю Коминтерна, прекратить уличные демонстрации, иначе "англичане воспользуются этим. Внутренняя реакция также"{719}. Тито поручили следить за "разнузданными поджигателями войны — англичанами и великосербскими шовинистами, толкающими страну к кровопролитию своими провокациями". Сталин явно надеялся восстановить пошатнувшийся баланс сил, если югославы сохранят свой суверенитет и не станут "орудием в руках английских империалистов, так же как и... рабами немецких и итальянских агрессоров"{720}. [173]

Тем временем положение Гавриловича в Москве укрепилось в результате его назначения на министерский пост во вновь сформированном кабинете. По чистой случайности его отъезду домой в знак протеста против подписания пакта помешала плохая погода{721}. Как только установился новый режим, сам Симович передал русским устное предложение пакта о взаимопомощи, равносильного "реальному альянсу". В тот же вечер еще более настойчивый призыв прозвучал со стороны нового министра обороны на тайной встрече с советским послом, состоявшейся у министра на квартире. Илич вновь подтвердил свое намерение добиваться "всестороннего политического и военного сотрудничества с Советским Союзом"; он клялся, что армия твердо решила "стоять

до конца" в случае немецкого вторжения. Разрыв между правительством и вооруженными силами, по всей видимости, увеличивался{722}.

31 марта на стол Сталина хлынул поток донесений разведки, включая самое главное — от Меркулова, с подтверждением тревожного рапорта Голикова о возможности войны{723}. Возрастал нажим со стороны Наркомата обороны с целью добиться переговоров с югославами. 1 апреля в 1 ч. ночи Лебедев прибыл в апартаменты Симовича в сопровождении Сухонина, военного атташе, и переводчика. Он сообщил премьер-министру, что Молотов принял предложение по поводу пакта и хочет, чтобы в Москву срочно отправилась делегация для заключения соглашения. Симович, не теряя времени, позвонил Нинчичу, своему министру иностранных дел, поручив ему назначить Гавриловича главой делегации, с тем чтобы переговоры могли начаться еще до прибытия остальных ее членов{724}.

Когда Лебедев встретился с Нинчичем на следующее утро, у него создалось впечатление, что в кабинете произошел раскол. Как он подозревал, в последней попытке предотвратить конфликт югославское правительство хотело использовать в Берлине советский противовес. Оно несколько наивно предполагало, будто Гитлер оставит Югославию в покое, если Сталин объявит ему, что "СССР имеет большую симпатию к югославскому народу". С другой стороны, решимость кабинета противостоять нажиму англичан по вопросу открытия нового фронта на Балканах, конечно, успокоила Сталина{725}. В Москве испытывали смешанные чувства в связи с переворотом и открывшимися благодаря ему возможностями. Тимошенко, по-видимому, возлагал большие надежды на способность югославов дать отпор немецкому вторжению, тогда как Сталин рассматривал соглашение ограниченного действия как козырь в своей сложной дипломатической игре. Главной его целью являлось сохранение нейтралитета Советского Союза и признание сфер его интересов. Ограниченность ближайших целей отразилась даже в инструкциях Жданова Коминтерну. "Балканские события, — заявлял он, — не меняют общей установки... Германскую экспансию на Балканах мы не одобряем. Но это не означает, что мы отходим от пакта с Германией и поворачиваем в сторону Англии"{726}. Переворот предоставлял благословенную возможность отсрочить конфронтацию с Германией: разумно составленное соглашение с югославами могло сдержать Гитлера и привести его за стол переговоров. Если же начнутся военные действия, Советский Союз все еще мог бы

оставаться нейтральным, устроив так, что югославы свяжут вермахту руки по крайней мере на два месяца, и тем самым оттянув начало [174] войны с ним самим как минимум на год. Этим объясняются советские предложения поставки вооружений и продовольствия Югославии, сделанные, пока не стали очевидны масштабы ее поражения{727}. Таким образом, параметры переговоров были определены еще до прибытия югославской делегации в Москву. Они обусловливались общим желанием обоих правительств избежать войны, а не организовать эффективное сопротивление Гитлеру. Прилагались усилия, чтобы, отнюдь не аннулируя соглашение с Германией, модифицировать его так, что оно "будет целиком поставлено в зависимость от интересов Югославии"{728}.

Тем временем спешно организовывалась отправка югославской делегации в Москву через Стамбул. Однако оформление виз заняло все утро, и два офицера смогли вылететь на борту специального самолета лишь ближе к полудню 2 апреля. Разрываясь между желанием действовать и боязнью провокации, русские попросили удалить с самолета опознавательные знаки. Долетев из Белграда через Салоники до Стамбула, делегаты в результате какой-то непонятной ошибки отклонились в сторону Анкары. Произошла короткая задержка, прежде чем они смогли проследовать к Одессе и, наконец, приземлились в Москве ранним вечером 4 апреля{729}.

Как надеялся Сталин, одной лишь демонстрации солидарности с Югославией будет достаточно, чтобы удержать Гитлера от нападения на нее. Однако, пока делегация еще была в пути, положение круто изменилось. Нарастающий поток зловещей информации о развертывании германских сил с явно наступательными целями на их границах заставил югославов повысить ставки и добиваться всестороннего военно-политического альянса с Советским Союзом. Естественно, это предложение должно было быть сначала представлено Сталину, но Вышинский не сомневался, что "едва ли целесообразно заключение таких соглашений". Югославам лучше остерегаться провокаций, и английских, и немецких, демонстрируя при этом свою силу, так как "независимость страны лучше всего можно сохранить, сохранив сильную армию". Тем не менее, Гаврилович стоял на своем, подчеркивая, что его правительство "горячо желает и ожидает союза с СССР"{730}. И действительно, Лебедева вызвали к премьер-министру и поставили перед fait accompli: югославское правительство рассматривало соглашение как "уже существующее, даже если на практике оно еще не подписано". Симович

рассчитывал, что "решительный советский демарш в Берлине остановит интервенцию или, во всяком случае, даст Югославии время завершить мобилизацию". Когда неизбежность военных действий стала очевидной, русских попросили послать в Югославию войска и оружие. Чтобы побудить Сталина к действиям, Симович поделился с ним информацией, полученной от принца Павла, которому Гитлер на их недавней встрече говорил о своем намерении напасть на Советский Союз{731}.

Со 2-го по 4-е апреля поток пугающих сведений обострил дилемму, стоявшую перед Сталиным. Из ставки Геринга агент "Корсиканец" сообщал, что к событиям в Югославии армия отнеслась "чрезвычайно серьезно". Штаб люфтваффе "проводит активную подготовку действий против Югославии, которые скоро должны последовать". Усиленные приготовления к операции в Югославии заставили "временно" отказаться от подготовки войны с Советским Союзом. По его [175] предположениям, пробудившим в Москве дальнейшие надежды, штаб люфтваффе опасался, что кампания займет 3 — 4 недели, "отодвигается нападение на Советский Союз и этим самым вызывается опасение, что момент акции против СССР будет упущен"{732}. Как полагал "Софокл" в Белграде, немцы прибегли к психологическому давлению на югославов, чтобы заставить их отказаться от сотрудничества с Советским Союзом. Югославам передали слова Гитлера: "Мы в мае начинаем войну с СССР, через 7 дней будем в Москве". Их военный атташе в Берлине собрал информацию, из которой в конце концов составился совершенно точный план немецкого наступления на СССР тремя группами войск под командованием фельдмаршалов Рундштедта, Листа и Бека. Тем не менее, сталинскую тактику еще можно оправдать, так как донесение заканчивалось выводом, что нападению будет предшествовать ультимативное требование присоединиться к Оси и предоставить экономические концессии. Теперь важно было не сделать неверного шага{733}.

Переговоры с югославской миссией открылись, омраченные этими донесениями, ранним вечером 4 апреля. Сразу стало ясно, что русские настроены резко против идеи военного альянса, который немцы обязательно сочтут откровенной провокацией. Они приводили шаткие доводы технического характера: якобы такое соглашение требует "серьезного взаимного изучения сил, которыми располагают стороны для обеспечения подобной договоренности". Взамен они предлагали договор о дружбе и ненападении. Прощупывая почву, Молотов

уведомил Шуленбурга, как того требовали статьи пакта Молотова — Риббентропа, о решении подписать договор такого рода. Донесение Шуленбурга в Берлин намеренно затушевывает драматичный характер беседы. Развитие событий в Югославии грозило свести на нет его усилия сделать Гитлера современным Бисмарком. В своих прежних донесениях Шуленбург отмахивался от слухов о советском военном вмешательстве, объявляя их "гнусной интригой югославов"{734}. Надеясь отговорить русских от продолжения переговоров, он предупредил, что близость по времени заключения соглашения и событий в Белграде "произведет странное впечатление в Берлине". Молотов старался подчеркнуть ограниченность соглашения и указывал, что германо-югославский договор "идет дальше, чем договор о ненападении между СССР и Югославией", подразумевая остающееся в силе присоединение югославов к Оси.

Русские протоколы, однако, обнаруживают напряженный и кислый тон встречи. Шуленбург открыто предупредил Молотова, что бурные протесты против Германии в Белграде Берлин непременно сочтет "враждебным актом". Он ронял прозрачные намеки на замыслы немцев, выражая сомнение в действительности германо-югославского пакта, так как подписавшие его уже сидели в белградской тюрьме. Страстные доводы Молотова в защиту соглашения, принятого "после долгих размышлений" и направленного на сохранение добрых отношений с Германией, он пропускал мимо ушей. Все, что мог сказать Шуленбург: он "надеется, что не он, а тов. Молотов окажется прав". Своим коллегам он выразил опасение, как бы на этот раз Советский Союз в своих протестах не зашел "слишком далеко". Известие о его скором отъезде в Берлин для консультаций, конечно, можно было трактовать либо как знак того, что новая политика [176] сдерживания принесла плоды, либо как свидетельство неуклонного ухудшения отношений{735}.

В качестве предосторожности Вышинский послал Гавриловича успокоить Шуленбурга. Но их встреча обнаружила неверность оценки ситуации Кремлем. Высказав предположение, что Гитлер "не получает полной и достоверной информации о положении дел от своих ближайших соратников"{736}, Гаврилович, воспользовавшись своим новым положением министра, настаивал на передаче своего послания германскому лидеру лично. Он не скупился на упреки немцам за насильственное принуждение югославов присоединиться к Оси. "Это уж слишком, — заявлял он, — требовать от народа, который вы считаете низшей расой и который имеет серьезные обязательства перед Союзниками, не только

отказаться от нейтралитета, который мы хотим сохранить, но еще и помогать вам сражаться с этими самыми Союзниками и любить вас". Однако личное послание Гавриловича Гитлеру было согласовано с советской позицией. Подтверждая обязательства по отношению к Оси, он, тем не менее, требовал, чтобы пакт не нанес "ущерба жизненным интересам и чести Югославии". Заканчивал он предостережением "...против ошибок, более крупных, нежели первая. Мы будем биться с мужеством отчаяния за каждую пядь нашей территории и до последнего солдата. Мы не претендуем на то, чтобы победить Германию, но мы достаточно скоро сможем поставить Германию и Италию в очень трудное положение". Гаврилович направил сходное обращение к Россо, надеясь, что Муссолини "употребит свое влияние в Берлине, чтобы избежать конфликта, могущего стать очень серьезным для обеих стран"{737}.

Переговоры приобретали столь деликатный характер, что телеграммы между Москвой и Белградом показывались теперь только лично Сталину и Молотову, тогда как Вышинского, персонально ответственного за переговоры, лишь знакомили с их общим содержанием. Как мы убедились, сталинская демонстрация влияния на Югославию предназначалась для того, чтобы вернуть Гитлера за стол переговоров. Встреча с Шуленбургом, вкупе с последующими разведывательными донесениями, вызвала тревогу. Поэтому Сталин всерьез заколебался между боязнью провокации и желанием видеть Югославию сражающейся. Советский Союз не мог допустить, чтобы Констанца, Бургас, а теперь и верховья Дуная оставались в руках немцев. Падение Югославии, последнего оплота независимости на Балканах, открыло бы немцам дорогу прямиком к турецким Проливам, в то же время защищая их правый фланг, если бы они решили двинуться на Советский Союз. Тем не менее, боязнь провокации, подстегнутая предостережением Шуленбурга, и подозрения, что Гаврилович действует "под влиянием Криппса", брали верх{738}.

Таким образом, маленькая надежда, еще остававшаяся у Гавриловича, рухнула, когда его вновь вызвали к Вышинскому поздно вечером. Как он с изумлением обнаружил, русские без всякого предупреждения модифицировали основной пункт соглашения, сведя его по сути к объявлению нейтралитета вместо пакта о дружбе и ненападении. Уверения Вышинского, что даже простое публичное заявление "представляет важный шаг в деле укрепления мира на Балканах", не произвели на него впечатления, и встреча окончилась ничем. На заключительной встрече

"взвинченный" Гаврилович порицал новое [177] предложение русских как сильно разбавленную версию первоначального предложения о военно-политическом альянсе. Поэтому он отложил подписание пакета соглашений до следующего дня, ожидая дальнейших консультаций с Белградом. Для русских спешное заключение соглашения, пока немцы не предприняли какую-либо военную акцию, было важно, чтобы разрядить атмосферу в их отношениях с Германией; Гавриловича перед уходом предупредили, что времени в обрез и "то, что возможно сделать сегодня, может быть невозможно сделать завтра"{739}. В ту же ночь члены Политбюро собрались на сталинской даче и одобрили соглашение, ожидая того же от югославского правительства{740}.

Следующее утро Сталин встретил в уверенности, что ловко побил немцев и англичан их собственным оружием. Ему удалось без единого выстрела отстоять советские интересы перед Гитлером, избежав ловушки и не оказавшись преждевременно втянутым в войну. Действительно, как отметили в советском Наркомате иностранных дел, Молотов, в сравнении с прежними днями, выглядел "возбужденным и весьма оптимистично настроенным". Он объявил, что "мечты генерала Симовича о пакте о взаимопомощи" не совпадают с целями Советского Союза{741}. Оптимизм, однако, оказался недолговечен, поскольку всплыли прежние разногласия среди югославов. С возобновлением переговоров югославская миссия стала настаивать на своем требовании восстановить первоначальный вариант соглашения о дружбе. Теперь, поскольку Советский Союз нельзя было вовлечь непосредственно в военные действия, Вышинский готов был согласиться, что дополнительное соглашение между Югославией и Англией было бы "целесообразным": оно исключало вероятность сепаратного мира и отдаляло опасность нападения немцев на Советский Союз{742}.

Поскольку война приближалась с каждым часом, югославское правительство мало радовали уклончивые заявления Лебедева, что "Советский Союз уже борется за мир в Югославии и старается заложить политический фундамент для упрочения этого мира в будущем". Переговоры фактически остановились, как узнал Лебедев вечером. Вместо того чтобы поднять народный дух, соглашение может "ухудшить положение Югославии"{743}. Договор о нейтралитете не способен служить югославским интересам, так как фактически развязывает Гитлеру руки в войне с Югославией. Поэтому предложение было отклонено и Гавриловичу поручено настаивать на заключении пакта о дружбе и ненападении. Югославы предприняли

последнюю попытку примириться с немцами, сообщив им, что переговоры в Москве — результат кратковременного "возбуждения" после восстания, но против них был весь кабинет, который "хочет достичь взаимопонимания не с Москвой, а с Берлином"{744}.

Подписание соглашения первоначально планировалось на 10 ч. вечера 5 апреля. К полуночи Деканозов из Берлина сообщил Сталину, что германское вторжение в Югославию неминуемо{745}. Наведя справки в Наркомате связи, узнали, что югославская делегация никаких телеграмм этим вечером не получала. Далее началась бурная деятельность. В час ночи разыскали Гавриловича, укрывшегося на поздней вечеринке, устроенной американским послом{746}. Он, однако, не проявлял склонности к сотрудничеству, сообщив Вышинскому по телефону, что [178] не ждет ответа от правительства раньше следующего утра. Вышинский никак не мог принять отказ. Для Гавриловича специально устроили возможность поговорить по прямому проводу с Симовичем из своего посольства{747}.

Гаврилович стал настолько подозрителен, что не мог исключить возможности ловушки со стороны русских. Поэтому разговор приобрел довольно сюрреалистический характер:

— Генерал Симович на проводе.

— Откуда вы говорите, генерал?

— Как откуда? Почему вы спрашиваете?

— Где вы, генерал? Дома или в рабочем кабинете?

— Но почему вы спрашиваете об этом?

— Я должен знать, генерал.

— Я дома.

— На какой улице? Какой номер дома?

— Но вы же прекрасно знаете, где я живу! Мы с вами соседи!

— Это не имеет значения. Просто назовите мне ваш адрес.

— Улица Гладстона, 2.

— Хорошо, — ответил Гаврилович, только теперь окончательно убедившись, что говорит действительно с премьер-министром. Очень быстро обнаружилось глубокое расхождение между ними. Премьер-министр, не получивший ответа от немцев и засыпаемый донесениями о близящемся нападении, отчаянно стремился заключить соглашение:

— Подпишите все, что предлагают русские.

— Я не могу, генерал! Я знаю свой долг и свою задачу.

— Вы должны подписать.

— Я не могу, генерал, поверьте мне.

— Подпишите, Гаврилович

— Я знаю, что делаю, генерал. Я не могу подписать этот документ.

— Хорошо. Если вам нужен приказ, я приказываю вам подписать.

— Я знаю, что делаю, поверьте.

Затем Гаврилович бросил трубку{748}. Через минуту телефон зазвонил вновь. На проводе был Новиков, начальник Ближневосточного отдела Наркомата иностранных дел. Гаврилович отговаривался тем, что связь была плохая и он не может быть уверен, действительно ли говорил с генералом Симовичем. "Кажется", ему велели подписать соглашение, но он "тем не менее хотел бы, чтобы упоминание о нейтралитете было снято". Когда к нему обратился Вышинский, Гаврилович продолжал упираться, приписывая уже своему правительству желание "исключить упоминание о нейтралитете из соглашения". Однако, как он прекрасно понимал, "телефонный разговор наверняка был записан и передан Сталину". Вероятно, именно поэтому Вышинский настаивал на своем требовании, чтобы вся делегация собралась в Кремле в 2.30 пополуночи. Гаврилович прибег к тактике проволочек, сетуя, что никак не может разыскать членов делегации. Но он вряд ли мог поспорить с Протокольным отделом Наркомата иностранных дел, ведущим в тесном сотрудничестве с НКВД наблюдение за иностранными дипломатами, и югославов быстро выследили в московском ресторане, американском посольстве и т.д. Во избежание дальнейших задержек, Новикову приказали самому отвезти их в Кремль. По пути он узнал от Гавриловича, что "миссия не ожидала получить инструкции от правительства [179] и не рассматривала вопрос подписания пакта", и передал это, как надлежало, своему начальству.

Гавриловича, опасавшегося худшего, доставили в кабинет Молотова, где он был приятно удивлен, увидев веселого и добродушного Сталина. Обращаясь к Сталину, Молотов неожиданно заявил, что предлагает "внести исправления, убрав по всему тексту слово "нейтралитет""; всю вину за допущенную оплошность он свалил на Вышинского. Так велико было желание Сталина заключить соглашение, что не оказалось времени перевести исправленный вариант на сербохорватский язык, и перепечатанный экземпляр на русском был подписан около 3 ч. пополуночи. Поскольку главной заинтересованной стороной была Германия, о

подписании соглашения объявили по радио через час. Однако, по настоянию Сталина, соглашение датировали 5-м апреля, чтобы не возникло впечатления, будто оно подписывалось в ожидании германского вторжения в Югославию или одновременно с ним{749}.

Затем все участники отправились смотреть кинохронику, а Молотов занялся устройством импровизированного банкета, продолжавшегося до 7 часов утра 6 апреля. Пренебрежительный ответ Сталина на слова о немецкой угрозе Югославии и Советскому Союзу: "Пусть приходят. У нас крепкие нервы", — широко цитируют, но в неверном контексте. Как мы видели, именно страх перед вторжением заставил Сталина добиваться соглашения. Целью русских было помешать Германии; теперь, когда нападение на Югославию казалось неизбежным, их задачей стало продлить мирную передышку и задержать атаку на Советский Союз, поддерживая сопротивление югославов. Сталин изо всех сил демонстрировал преувеличенную уверенность в себе: он подробно описывал новшества в Красной Армии и ее способность оказать помощь югославам. Его личное участие возымело действие, резко изменив отношение к нему Гавриловича: "У него поразительная воля, все у него под контролем, все в его руках, он полон сил и энергии. Несравненный Сталин, о, великий Сталин"{750}.

Ведя переговоры с югославами, Сталин неохотно признал точку зрения военных и Молотова, считавших, что соглашение еще может удержать Гитлера от долгой войны на истощение. Когда ликующие югославы прощались со Сталиным, Гитлер начал атаку на Югославию с жестокой бомбежки Белграда, превратившей город в руины. Несмотря на все полученные им ранее разведывательные сведения, Сталин, казалось, удивился, когда до него дошли новости о нападении немцев{751}. Через два часа после того, как он покинул Кремль, он позвонил Молотову со своей дачи. Последовал спор. Сталин настаивал, чтобы Молотов отменил банкет, назначенный на вечер. Он утверждал, что после нападения соглашение стоит перед совершенно новой перспективой и банкет будет иметь "характер наглой провокации"{752}. Факт выхода в этот день и "Правды", и "Известий" лишь ближе к полудню отражает возникшие разногласия и опасения. Когда газеты все же вышли, верх одержала линия Молотова и делались попытки выжать из соглашения все возможное, не провоцируя Германию. Наблюдатели восприняли его как "важную моральную и политическую поддержку югославской политики сопротивления", что отражала "необычная публикация на 5 колонках

фотографий церемонии... такой картины не видели с момента подписания пакта Молотова — Риббентропа"{753}. [180] Однако комментарий был тщательно приспособлен для передачи как Югославии, так и Германии, объясняя, что пункт о дружбе призван "упрочить мир и предотвратить распространение войны". О бурной деятельности, приведшей к заключению соглашения, умалчивалось, зато делались попытки представить его как естественный результат прорыва в отношениях,, достигнутого годом раньше. В то же время присутствовало и заявление о советских интересах в Югославии, где "основные притоки Дуная образуют главные пути, ведущие из Италии, Германии и Венгрии через Белград в Салоники и Стамбул". Но, возможно, наибольшее значение имело скрытое предупреждение о затяжной войне, если военные действия не будут в скором времени прекращены{754}.

В то же самое время всплыл вечный страх Сталина, как бы англичане не постарались втянуть его в войну. Еще не высохли чернила на подписи, как Симича попросили "немедленно заменить" югославского военного атташе из-за его якобы пробританских настроений. Месяц спустя Тимошенко открыто обвинил югославскую военную миссию в "прислуживании английским провокаторам", в том, что она вводила русских в заблуждение, уверяя, будто подписание соглашения "явится вкладом в дело мира, укрепит в югославах волю к сопротивлению и усилит сомнения немцев в необходимости нападения", а на самом деле действовала в пользу Англии{755}.

Тем временем продолжались попытки поддержать сопротивление югославов, не принимая непосредственного участия в действиях. Наркомат обороны немедленно предложил внушительный список самолетов, с малой и большой дальностью полета, противотанковых и зенитных орудий, значительное число батарей горной артиллерии и минометов. Явное предпочтение, отдаваемое вооружению, которое можно эффективно использовать для войны в горах, отражало надежду Советов на длительную войну на истощение{756}. Затем югославам дали понять, что к формуле "дружбы" вернулись, чтобы не создать у них впечатления, будто в случае войны Советский Союз "просто умоет руки и будет равнодушен к судьбе страны"{757}. Первоначальную смелость русских отчасти можно отнести на счет слабой реакции немцев. Разворачивая операцию "Марита", немцы прилагали большие усилия, чтобы держать Сталина подальше. Шуленбургу дали инструкции сообщить Молотову об операции "спокойным тоном, в объективной и

беспристрастной манере". Что показательно, не было никакого намека на недавнее советско-югославское соглашение, а вторжение представлялось мерой по предотвращению возможности англо-югославского сотрудничества. Кроме того, чтобы скрыть план "Барбаросса", немцы объявили о своем намерении уйти из Югославии, как только их цели будут достигнуты{758}.

Однако осознание шокирующего факта, что немецкая кампания в Юго-Западной Европе протекала даже эффективнее, чем предыдущая во Франции, выявило всю тяжесть положения Советского Союза. После трех дней жестокой бомбардировки Белграда немецкие войска сломили сопротивление югославов в Скопье и захватили Салоники. Благодаря успеху на этом фронте и наступлению танков генерала Клейста на Белград главный удар Второй армии был нанесен с опережением плана. Вечером 10 апреля, двумя днями раньше, немецкие войска завершили взятие Загреба, а к 13 апреля полностью контролировали [181] Белград. Война в Греции велась похожим образом, и 23 апреля, после самоубийства греческого премьер-министра, греческая армия капитулировала. Англичанам приходилось не лучше. Они начали отступление 16 апреля; к 25 апреля свастика была водружена на Акрополе, а четыре дня спустя двойная кампания против Югославии и Греции завершилась выходом немецких войск на южную оконечность Пелопоннеса. Последним штрихом явился десант немецких парашютистов на Крит 20 мая. Ханья пала 27 мая, а 1 июня последний английский солдат был эвакуирован из бухты Суда{759}.

Пока кампания стремительно двигалась к концу, источники НКВД в германском посольстве сообщили Сталину о беспокойстве Шуленбурга по поводу того, что соглашение — "акт, могущий явиться началом коренного изменения во внешней политике СССР...". Шуленбург недоумевал, что могло заставить Сталина заключить соглашение со страной, находившейся на грани уничтожения{760}. Сталин с большой тревогой наблюдал за судьбой Белграда, быстрым продвижением немцев и взятием Скопье всего через два дня после начала военных действий{761}. Как ему сообщили два дня спустя, оценка греками их способности сопротивляться "тоже весьма пессимистична". Английская армия в Греции численностью в 100 000 чел. не вступила в бой, и в Афинах преобладало мнение, что английские планы в Европе провалились{762}. В полночь 11 апреля Гаврилович подтвердил получение донесений из различных югославских посольств за границей о тяжести положения; большинство из них, включая

московское, не имело связи со страной{763}. На следующее утро Сталин в последний раз поиграл мускулами, предупредив на страницах "Известий" Венгрию, чтобы не пыталась воспользоваться ситуацией и примкнуть к грабежу{764}.

Югославский эпизод имел тяжелые последствия. Различные маневры Сталина с целью возобновить переговоры с Гитлером с позиции силы потерпели крах после опустошения Югославии и Греции. Просчет стал очевиден: теперь ему противостояли почти неповрежденные силы вермахта, развернутые раньше, чем он ожидал, по всей границе, прежде чем ему удалось завязать диалог с Гитлером. Последующие отчаянные его попытки исправить положение и задобрить Гитлера, избегая провокаций, возможно, больше всего способствовали несчастью, обрушившемуся на русских 22 июня. Они ухудшали и без того опасно натянутые отношения между Сталиным и военными. Перед выдворением из Советского Союза, в конце мая, югославского военного атташе вызвали в Наркомат обороны. Тимошенко не скрыл от него, что ждет войны. Затем откровенно сказал ему, что его высылка вызвана необходимостью умиротворить немцев. Из этой встречи военный атташе вынес убеждение, что положение Тимошенко пошатнулось из-за упорной поддержки соглашения с Югославией и веры в способность югославской армии противостоять натиску немцев по меньшей мере месяц и перейти потом к затяжной партизанской войне. В результате его имя практически исчезло со страниц газет, даже армейской "Красной звезды"{765}.

В разгар гласности советское Министерство иностранных дел опубликовало несколько документов, относящихся к переговорам{766}. Они приводили читателя к неверному предположению, будто название [182] "Пакт о дружбе и ненападении" само по себе было экстраординарным. Как мы видели, Сталин всячески старался отклонить военный альянс, предложенный югославскими вооруженными силами, и даже пытался свести соглашение о дружбе к пакту о нейтралитете. С начала и до конца конфликта среди лидеров югославского переворота существовал раскол по вопросу о характере их союза с СССР. Кончили они тем, что стали разыгрывать немецкую, английскую и советскую карты одновременно и увидели, как все их политические достижения рухнули за неделю. Тем не менее, история аплодировала обеим сторонам, создавая романтизированный миф о принятом в последнюю минуту решении дать отпор нацистской Германии.

Глава 8. Предостережение Черчилля
Английская разведка и план "Барбаросса"

Яркое описание Черчиллем его неудавшейся попытки предостеречь Сталина оставляет в тени массу других, гораздо более важных сведений о плане "Барбаросса", полученных Сталиным{767}. С тех пор постоянно некритически воспроизводится черчиллевская интерпретация драматических событий, сопровождавших его предостережение. Оно первое, что приходит на ум, когда берешься раскрыть драму, приведшую к войне. До того, как в середине 1970-х гг. были открыты обширные материалы по Второй мировой войне в британских архивах, объемистая черчиллевская история войны, с ее убедительным, но чрезвычайно эгоцентричным, а потому порой ложным толкованием событий, считалась весьма авторитетной и зачастую даже цитировалась советскими историками. Типичный пример — отношения с Советским Союзом накануне Великой Отечественной войны, в которых выдающуюся роль сыграл Криппс. Они изображались в свете холодной войны, серьезного политического вызова Криппса Черчиллю в 1942 г. и их длительного политического соперничества после войны. Криппс предстает на страницах черчиллевских мемуаров неким enfant terrible — образ, создававшийся в продолжение всех 1930-х гг. Самый яркий эпизод его посольской деятельности в Москве — его отказ передать Сталину знаменитое предостережение Черчилля о близящемся немецком вторжении. Это раздуто сверх всякой меры, дабы продемонстрировать недисциплинированное и эксцентричное поведение Криппса, в противоположность стратегической мудрости и проницательности Черчилля. Предостережение служит Черчиллю также исходной точкой для в высшей степени тенденциозного изложения событий, приведших к нападению Германии на Советский Союз, захватившего воображение и умы читателей. Он вешает на Сталина и его комиссаров ярлык "нерадивых работников Второй мировой войны, которых обвели вокруг пальца по всем пунктам", затушевывая неумение англичан понять всю значимость Советского Союза как потенциального союзника{768}.

Злобные перебранки Криппса с Черчиллем следует рассматривать в рамках затянувшихся дебатов в Англии по поводу курса англо-советских отношений,

описанных выше{769}. В Анкаре Криппс побуждал Идена рассеять советские подозрения относительно английской "безнадежно враждебной Советскому Союзу политики путем достижения политического урегулирования по прибалтийскому вопросу". Он сделал также необычный шаг, обратившись с воззванием непосредственно к Кабинету, предупреждая, что было бы "катастрофой упустить открывшуюся здесь возможность из-за отсутствия инструкций"{770}. Кабинет месяцами даже не касался отношений с Советским Союзом, пока 31 марта Эттли не привлек внимание к телеграмме Криппса. К тому [188] времени Черчиллю, судя по его собственному рассказу о предостережении Сталину, пришлось признать значение Советского Союза в следующей фазе войны. Тем не менее, в протоколах дискуссии в Кабинете не заметно его хваленой проницательности, и вопрос остался в ведении Форин Оффис{771}. Иден, все еще находившийся в Анкаре, небрежно одобрил совет Форин Оффис отклонить "неблагоразумную и бесполезную инициативу" Криппса{772}.

Оценка разведкой намерений немцев обусловливалась политической концепцией, укоренившейся в Форин Оффис. Анализу многочисленных сведений о развертывании сил и замыслах немцев (некоторые из них поступали из расшифровок немецких кодов) мешали эти предвзятые идеи. С начала войны военная разведка сохраняла тесную связь с Форин Оффис и усвоила соответствующий взгляд на советско-германские отношения. Кэдоган, несменяемый заместитель министра, в отсутствие Идена представлявший Форин Оффис в Кабинете, почти ежедневно непосредственно контактировал с Генеральным штабом. Виктор Кэвендиш-Бентинк не только являлся представителем Форин Оффис в Объединенном комитете разведки, но и возглавлял его. Кроме того, еженедельные сводки Форин Оффис распространялись по различным разведывательным службам, формируя политические установки для аналитиков{773}.

Правильной оценке грядущего конфликта препятствовала также крайняя скудость информации о Красной Армии, суммировавшейся к тому же в высшей степени предубежденным начальником Генерального штаба. Военная разведка находилась под влиянием не только господствующей политической концепции, но и давно сложившегося образа русской армии; этот образ вновь и вновь повторялся в дюжинах заключений, некоторые из них восходили еще к эпохе Крымской войны, большинство же относились ко времени Первой мировой войны. Заключения

никак не пересматривались в свете крупных теоретических, технологических, структурных и стратегических реформ, проведенных в Красной Армии после революции. Таким образом, англичанам свойственно было пренебрежительное отношение к армии, и вовсе не только из-за репрессий 1937 — 1938 гг., как принято утверждать. Весьма отставший от современности окончательный вердикт, основанный на сходных документах, написанных в 1920-х и в 1935 году, гласил: "...Хотя силы велики, многие из их вооружений устарели. Они страдают известными присущими им недостатками, которые сослужат им плохую службу в войне с немцами, и боевая ценность их низка. Тем не менее, в обороне они на высоте, и на суше у них огромные территории, куда можно отступать"{774}.

Итак, первые донесения различных источников о воинственных замыслах Гитлера с ходу отметались. Считалось, что они основаны на "ложных слухах" и служат интересам "любителей выдавать желаемое за действительное". Было найдено объяснение, созвучное с политической концепцией: сотрудничество русских с Германией на деле столь тесно, что они "готовы на уступки при одной лишь угрозе применения силы"{775}. Альтернативное объяснение называло необычное развертывание немецких войск на Балканах оборонительной мерой против Советского Союза. На сообщение из Москвы о январских [189] военных учениях, исходящих из предполагаемого нападения Германии на Советский Союз, не обратили внимания{776}.

Более определенные известия о скором вторжении немцев в Советский Союз пришли из нескольких столиц в марте и вызвали предположение, что поворот Германии на восток не выходит "за рамки возможного". Кэвендиш-Бентинк не исключал вероятности немецкого вторжения: "Гитлер может порой, по оппортунистическим мотивам, отходить от принципов, изложенных в "Майн Кампф", однако рано или поздно они все равно будут в основе его политики". Но подобные редкие еретические отклонения не принимались в расчет. "Сомнительные и к тому же анонимные слухи", как пояснял Кэдоган, распускают сами немцы, чтобы "запугать" русских, и потому они не могут служить надежным ориентиром для переоценки ситуации{777}. Подробное изложение намерений немцев, присланное из Стокгольма и заканчивающееся выводом, что "в военных кругах Берлина все убеждены в конфликте с Советским Союзом этой весной и уверены в успехе", прошло мимо внимания Форин Оффис, отброшенное как "обычные противоречивые слухи"{778}.

Когда растущий поток разведывательных донесений стало невозможно дольше игнорировать, нашлось удобное объяснение в виде "войны нервов", затеянной немцами: ее цель — "создать в Москве атмосферу нервозности, которая не даст Советскому Союзу как-либо вмешаться в балканские проекты, либо подготовить почву для попыток выжать дальнейшие уступки из Советского правительства". Выражалось сомнение в том, что "Красная Шапочка сейчас наберется храбрости встретить опасность лицом к лицу"; скорее, Советский Союз "будет умасливать Серого Волка политикой дальнейших уступок"{779}.

Криппс благодаря иным политическим воззрениям оказался способен увидеть германскую угрозу Советскому Союзу. В начале марта 1941 г. он вернулся из своей короткой поездки в Анкару{780} с твердым убеждением, как он говорил своим коллегам послам, что Советский Союз и Германия начнут воевать "еще до лета". По мнению Криппса, Гитлер преодолеет оппозицию, выступающую против войны на два фронта, и нападет на Советский Союз прежде, чем Англия станет достаточно сильной, чтобы открыть второй фронт. На неофициальной пресс-конференции он предсказал, что Гитлер атакует Советский Союз "не позднее конца июня". Первый отчет Криппса Форин Оффис, в котором определенно говорилось о замыслах немцев, был передан 24 марта, когда нарастала напряженность из-за Югославии. Это сообщение оказалось пророческим и совершенно точным, учитывая раннюю дату его появления, и было получено от источника в Берлине через Вильгельма Ассарассона, весьма осведомленного шведского посланника в Москве{781}. Анализ информации и идеи по ее использованию наглядно иллюстрируют оценку англичанами назревающего конфликта и его последствий для советской внешней политики, и на них стоит остановиться подробнее. Суть донесения подтверждала сложившееся у Криппса впечатление, что немцы решили "провести блицкриг с Советским Союзом и захватить всю Россию вплоть до Урала"{782}: [190]

"6. Германский план состоит в следующем: атаки на Англию будут продолжаться с подводных лодок и с воздуха, но вторжения не будет. В то же самое время состоится наступление на Советский Союз.

7. Наступление будет осуществляться силами трех больших армий: первая базируется в Варшаве под командованием фон Бока, вторая — в Кенигсберге, третья — в Кракове под командованием Листа{783}.

8. Все организуется с величайшей тщательностью, чтобы можно было мгновенно начать наступление. Ничего удивительного не будет, если оно состоится в мае"{784}.

Как надеялся Криппс, если бережно и мудро распорядиться этой информацией, можно было бы привлечь Советский Союз к Англии. Вполне возможно, русские поймут всю тяжесть своего положения и задумаются о перемене своей позиции. Криппс, однако, настаивал на том, чтобы открыть данные сведения Майскому не впрямую, через третьих лиц, например, китайского или турецкого посла. "Окольный и тайный" подход, советовал он, "произведет большее впечатление, нежели прямой контакт, мотивы которого они могут поставить под сомнение". Начальство сразу отмахнулось от его предложения, считая информацию "составной частью "войны нервов" против Советского Союза, затеянной для того, чтобы вынудить его к более тесному сотрудничеству с Германией". Председатель Объединенного комитета разведки Кэвендиш-Бентинк отклонил отчет. С точки зрения немцев, оккупация России "...слишком большой кусок. Военное министерство не имеет подтверждений какого-либо роста численности германских войск на подступах к Советскому Союзу, не было и ни малейшего передвижения немецкой авиации в этом направлении. Поэтому представляется, что все эти немецкие угрозы Советскому Союзу имеют целью запугать Советское правительство, вынудить его к альянсу с Германией... и ввести в заблуждение нас".

Хотя сведения продолжали поступать с разных сторон, военная разведка, верная своей установке, отмахивалась от них, как от подброшенных немцами{785}. В различных подразделениях военной разведки появлялись и более взвешенные суждения о замыслах немцев, но в царившей там атмосфере их сбрасывали со счетов как "неубедительные"{786}.

"Загадочное" предостережение

По словам Черчилля, он почувствовал "облегчение и волнение", наткнувшись на донесение, поступившее из "самого надежного источника" англичан, "осветившее всю восточную сцену, как вспышка молнии". Речь идет об информации, полученной англичанами с помощью "Энигмы", машины, созданной ими для перехвата и дешифровки немецких военных радиопереговоров. Судя по перехваченным сообщениям, трем бронированным дивизиям и другим ключевым силам было приказано выступить с Балкан в район Кракова через день после

присоединения Югославии к Оси{787}, однако они были отозваны обратно, когда немцы узнали о перевороте в Белграде. Внезапное перемещение крупных бронированных формирований на Балканы, а затем сразу назад в Польшу, по утверждению Черчилля, "могло означать только намерение Гитлера напасть на Советский Союз в мае... Тот факт, что белградская революция потребовала их возвращения в Румынию, возможно, [191] заставил отложить это на июнь"{788}. Но в самом ли деле Черчилля посетило блестящее озарение? Был ли этот отдельный рапорт единственной причиной, заставившей его изменить мнение о намерениях немцев и решиться послать персональное предостережение Сталину? Неужели Черчилль, в отличие от всех остальных в разведке и Форин Оффис, осознал близость подстерегавшей Советский Союз опасности? Как ему удалось предсказать вероятный срок вторжения — июнь? Ответы на эти вопросы раскрывают пагубное влияние, оказанное предостережением Черчилля на сталинскую оценку надвигающейся угрозы.

Подобно Сталину, Черчилль установил процедуру, в ходе которой первоначальные разведывательные донесения обрабатывались для него. Далее они просеивались майором Десмондом Мортоном и ежедневно представлялись Черчиллю в особой красной папке. Туда включались телеграммы посольств как враждебных, так и дружественных стран, но прежде всего — перехваты немецких военных радиопереговоров, полученные с помощью "Энигмы". В то время как военно-морской код был взломан и информация регулярно и бесперебойно поступала в Блетчли Парк, где производились многочисленные операции по дешифровке, переговоры вермахта все еще с трудом поддавались декодированию. Вплоть до начала операции "Барбаросса" к Черчиллю приходили лишь фрагментарные сообщения о наращивании немецких сил.

Ввиду драматических событий в Югославии Черчилль был поглощен отчаянными попытками Идена и генерала Дилла создать в Юго-Восточной Европе эффективный барьер против проникновения Германии на Средний Восток, и особенно отвлечь ее от Турции{789}. Как и Сталин, Черчилль рассматривал намерения Германии относительно Советского Союза в связи с событиями в этом регионе. Поздно вечером 28 марта он передал Идену, находившемуся тогда в Афинах, подробные инструкции касательно общей стратегии Англии. Лишь последний пункт содержал беглое упоминание о гипотетической возможности советско-германской конфронтации. "Не может ли быть так, — спрашивал

Черчилль, — что, если удастся создать фронт на Балканском полуострове, Германия сочтет за лучшее заняться Советским Союзом?"{790} Другими словами, Черчилль считал Балканы и Средний Восток главными целями Гитлера, а вот эффективное сопротивление на Балканах могло бы, по его мнению, повернуть Гитлера в сторону Советского Союза.

Тем не менее, на следующее утро Черчилль вернулся к своим прежним взглядам, когда генерал-майор сэр Стюарт Мензис ("Си"), шеф МИ-6, Сикрет Интеллидженс Сервис, ознакомил его с перехватом "Энигмы". Перехват заключал в себе приказы на выступление из Румынии в район Кракова трем из пяти бронетанковых дивизий, размещенных на юго-востоке, и двум моторизованным дивизиям, в том числе дивизии СС. Марш должен был начаться 3 апреля и закончиться 29 апреля. Как можно судить по донесениям разведки Черчиллю, обнародованным лишь недавно, именно "Си", в обычной своей лаконичной манере, обратил внимание Черчилля на тот факт, что директива была издана до югославского переворота и "поэтому было бы интересно посмотреть, выполняется ли она до сих пор"{791}. Черчилль, однако, вовсе не увидел сразу же указаний на немецкие планы относительно [192] Советского Союза. И он, конечно же, вопреки позднейшим заявлениям, не послал "немедленно эти важные известия" Сталину. Вместо этого, он поспешил передать суть информации Идену, предполагая, что тот мог бы воспользоваться ею как козырем и убедить сопротивляющихся греков, турок и югославов создать прочный фронт против Гитлера. Потому в его изложении сообщения подчеркивалось южное направление движения немцев, которое, как он полагал, отвлечет, по крайней мере временно, внимание вермахта от Советского Союза:

"Плохой дядя собрал очень большие бронированные войска и т.д., чтобы держать в страхе Югославию] и Грецию, и надеялся заполучить первую или обе без боя. В тот момент, когда он был убежден, что Югославия] — член Оси, он двинул трех из пяти Ягуаров против Медведя, в уверенности, что оставшихся хватит для завершения греческого дела. Однако белградская революция спутала всю картину и вызвала отмену приказов на выступление к северу на полдороге. Это может означать, по моему мнению, только намерение атаковать Югославию] в первую очередь или, альтернативно, начать действия против Турка. Выглядит так, будто тяжелые войска будут использованы на Балканском полуострове, а Медведя оставят на потом"{792}.

Потребовалось время, а главное — влияние со стороны, чтобы стала ясна вся важность полученной информации, прежде чем Черчилль пустил ее в ход. Следует отметить, что Черчилль замещал Идена в Форин Оффис во время его длительной отлучки на Средний Восток и поэтому был в курсе всех важных сообщений. Как раз когда он составлял телеграмму о стратегии Идену, Кэдоган привлек его внимание к информации, подтверждающей донесения "Энигмы"{793}. Ему показали также подробнейшую телеграмму Криппса на ту же тему; и предполагаемая дата вторжения, и решение предупредить русских соотносятся скорее с телеграммой Криппса, чем с расшифровкой "Энигмы". Явный сдвиг в политике произошел не раньше 30 марта, когда во второй телеграмме Идену о возможности немецкого вторжения в Советский Союз говорилось более отчетливо. Тем не менее, случилось это лишь после того, как и воздушная разведка, и правительственная школа кодирования и шифрования подвергли анализу сообщение "Энигмы" и пришли к такому же выводу. Даже тогда Черчилль воздержался от активного участия в долго откладывавшейся дискуссии по поводу англо-советских отношений, состоявшейся 31 марта и описанной выше{794}.

Решение принять предложение Криппса и ознакомить русских с собранными сведениями созревало еще дольше. Скорее всего, на Черчилля подействовали дальнейшие сообщения, полученные из Белграда 30 марта и от Самнера Уэллса, заместителя госсекретаря Соединенных Штатов, 2 апреля. Они подтверждали известия из Афин, где нашел убежище после переворота принц Павел, что Гитлер открыл ему во время их встречи в Берхтесгадене 4 марта свое намерение осуществить военную операцию против Советского Союза. Как оказалось, Геринг также поведал Мацуоке, японскому министру иностранных дел, во время визита последнего в Берлин, будто Германия собирается напасть на Советский Союз весной, невзирая на исход кампании против Англии{795}. Криппс, убежденный, что германская угроза вполне реальна, и, как всегда, обуреваемый жаждой действия, 31 марта высказал [193] предположение, что, если эти открытия подтвердятся, ими можно будет "воспользоваться здесь с большим толком".

Следует тщательно разграничивать в этой связи доводы, приводимые против передачи информации Криппсом и Форин Оффис. Криппса главным образом заботило, как бы русские не истолковали этот шаг как попытку втянуть их в войну. Форин Оффис не ожидал нападения Германии и потому не хотел проявлять инициативу, которая могла бы сыграть на руку немцам в воображаемых

переговорах. Новая информация грозила подорвать укоренившуюся концепцию, согласно которой советско-германский альянс находился в процессе создания. Если русские согласятся внять предостережению, на повестку дня встанет вопрос англо-советского сближения. Неудивительно поэтому, что в тот же день, когда Черчилль обдумывал свое предостережение Сталину, Кэдоган, при полной поддержке Лоренса Колльера, начальника Северного департамента Форин Оффис, возражал против сделанных Криппсом и Галифаксом предложений предупредить русских об опасности. Нет смысла, говорил он в заключительной записке, снова повторять предостережения русским, пока это не может возыметь "должного действия, с нашей точки зрения, то есть пока они не поймут, что на них нападут в любом случае и невзирая ни на какие уступки, которые они могут сделать Гитлеру". Короче, передача разведывательных данных бессмысленна, пока русские не будут "достаточно сильны, чтобы правильно на них отреагировать"{796}. На данный момент политическая концепция пронизывала деятельность разведки и царила в умах. 1 апреля военная разведка пришла к выводу, что "целью передвижения германских бронированных и моторизованных войск несомненно является военное давление на Советский Союз, чтобы не допустить советского вмешательства в немецкие планы относительно Балкан"{797}.

Анализируя предостережение Черчилля Сталину, следует помнить, что Черчилль до тех пор не выказывал почти никакого интереса к русским делам{798}. Более того, его настойчивое желание предупредить русских резко контрастирует с позицией, которую он занимал раньше. В феврале, когда, казалось, перспективы у англичан были лучше, он выступил против даже половинчатых мер по предупреждению русских об опасности, "пока обстоятельства в Греции складываются не в пользу Британии"{799}. Теперь его вмешательство мотивировалось мыслью, что Германия, возможно, изменила свою генеральную стратегию. Однако внезапный выход Черчилля на сцену несколько отдавал капризом, он не принимал во внимание хрупкую политическую конструкцию, к которой следовало приспособить его послание. Поступив подобным образом, он направил бы Москву таким курсом, который вскоре потребовал бы подготовки серьезного ответа на германскую угрозу. Послание, имеющее целью привлечь внимание Сталина к перемене ситуации, было окончательно составлено только 3 апреля и гласило:

"Я имею достоверную информацию от доверенного агента, что немцы, думая, будто Югославия уже у них в руках, скажем, после 20 марта, начали перебрасывать три из пяти танковых дивизий из Румынии в Южную Польшу. Как только они услышали о сербской революции, это движение было остановлено. Ваше превосходительство легко может оценить значение этих фактов". [194]

Это было, по выражению Черчилля, "коротко и загадочно"; "краткость и необычный характер" послания призваны были, как вспоминал он позднее, "придать ему особую значимость и приковать внимание Сталина"{800}. Криппса попросили передать предостережение, по возможности, "лично" Сталину{801}.

Форин Оффис, служивший каналом сообщения между Черчиллем и его послом в Москве, придерживался своей концепции и не проявлял охоты принять новый поворот событий. Сарджент и Кэдоган, явно беспокоясь, как бы Криппс не взял на себя больше, чем следует, если получит беспрепятственный доступ к Сталину, поспешили снабдить его "руководством, что говорить". Так как Криппс не знал источника сведений, наставления Форин Оффис лишь ослабляли тот эффект, которого Черчилль ожидал от послания. Инструкции воплощали два образа мыслей: черчиллевский и скептическую позицию Форин Оффис. Кэдоган начал с переиначивания смысла предостережения Черчилля:

"Изменение военной диспозиции немцев наверняка подразумевает, что Гитлер в результате акции в Югославии теперь отложил свои прежние планы, угрожавшие Советскому правительству. Если это так, Советское правительство может воспользоваться случаем, чтобы упрочить свои позиции. Данная отсрочка показывает, что силы противника не беспредельны, и демонстрирует преимущества создания чего-то вроде объединенного фронта".

Однако документ поражал своей двусмысленностью. Во втором параграфе Кэдоган утверждал, будто, усиливая давление, Гитлер надеялся выжать дальнейшие уступки, не собираясь в самом деле нападать на Советский Союз. Первый проект оказался настолько неудовлетворителен, что Черчилль сам заменил параграф, настаивая на военном значении информации. Даже тогда инструкции не отражали черчиллевского ощущения срочности или его интерпретации новых сведений. Более того, хотя предостережение Черчилля соответствовало совету Криппса не создавать впечатления призыва помочь Британии в Юго-Восточной Европе, инструкции именно это и делали:

"...2. Очевидным путем для Советского правительства к упрочению его позиций было бы оказание материальной помощи Турции и Греции, а через последнюю и Югославии. Эта помощь может увеличить трудности для немцев на Балканах и тем самым еще отсрочить нападение Германии на Советский Союз, о котором говорят столь многие признаки. Если же теперь не воспользоваться любой возможностью вставить Германии палку в колеса, опасность может возникнуть вновь через несколько месяцев.

3. Вам, конечно, не стоит намекать, что нам самим требуется какая-либо помощь от Советского правительства или что они будут действовать в чьих-либо интересах кроме своих собственных. Тем не менее, мы хотим, чтобы они поняли, что Гитлер намерен напасть на них рано или поздно, как только сможет..."{802}

Черчилль вводит читателей в заблуждение, уверяя, будто ничего не слышал от Криппса до 12 апреля{803}. Столь же сбивает с толку его намеренное умолчание о драматической истории подписания советско-югославского договора в тот же день, когда его предостережение дошло до британского посольства в Москве, в результате чего оно сразу устарело. Соглашение ясно показывало, что Сталин знает о германской [195] угрозе на горизонте, боится любых попыток спровоцировать немцев и в равной мере подозревает англичан в намерениях втянуть его в войну{804}.

Еще 5 апреля Криппс сообщил Черчиллю, что "в настоящих обстоятельствах не может быть и речи о том, чтобы вручить какое бы то ни было послание лично Сталину". Ему, как он напомнил Черчиллю, не давали увидеться со Сталиным со времени их первой и единственной встречи в июле 1940 г. Убежденный этими доводами, Черчилль согласился на то, чтобы послание вместо этого было вручено Молотову{805}. Его телеграмма, однако, разминулась с другой, посланной Криппсом. Развитие событий в Югославии породило серьезные сомнения в мудрости такого шага, как передача предостережения. Криппс информировал Черчилля о мерах, принятых русскими, чтобы сделать достоянием гласности соглашение с Югославией и то, какое значение они ему придают. Ввиду несомненного осознания русскими германской опасности Криппс настаивал, чтобы Черчилль не отправлял свое послание. Они вместе с греческим, турецким и югославским послами уже снабдили Сталина подобной информацией. "В данных обстоятельствах, — подчеркивал он, — я считаю, мудрее было бы не вмешиваться больше, пока все и так идет в нужном нам направлении, насколько возможно".

Форин Оффис, также не желавший предупреждать русских, хотя и по совершенно иным причинам, поспешил согласиться с убедительными аргументами Криппса в пользу того, чтобы отозвать послание{806}.

Дело спускали на тормозах. Нежелание Форин Оффис изменить свои взгляды даже в результате событий на Балканах было слишком очевидно. Вмешательство Черчилля вызвало предложение снабдить Криппса подборкой новых донесений, которые могут оказаться бесценными, если русские будут склонны пойти навстречу. Однако никем не оспариваемое предположение о скором советско-германском соглашении по-прежнему не давало прийти к взвешенным суждениям. Ввиду значения, придаваемого Черчиллем необходимости предупредить русских, стоит подробнее процитировать оценку этих донесений Объединенным комитетом разведки, суть которой в следующем:

"Необходимо учитывать следующие соображения:

(1) Эти донесения могут исходить от немцев как составная часть войны нервов.

(2) Немецкое вторжение может вызвать такой хаос по всему Советскому Союзу, что немцам придется реорганизовывать все на оккупированной территории, потеряв при этом сырье, которое они теперь вытягивают из Советского Союза, во всяком случае на долгое время...

(3) Ресурсы Германии, хотя и громадные, не позволят ей продолжать кампанию на Балканах, сохранять нынешнюю интенсивность воздушных налетов на нашу страну, продолжать наступление на Египет" и в то же самое время атаковать, оккупировать и реорганизовать большую часть Советского Союза.

(4) До сих пор не получено никакой информации о перебросках германской авиации к советской границе — необходимая предпосылка кампании против Советского Союза... [196]

(5) Были признаки того, что германский Генеральный штаб против войны на два фронта и за то, чтобы разделаться с Британией, прежде чем нападать на Советский Союз.

(6) Советско-германское соглашение о поставках нефти на 1941 г. уже заключено".

Кэвендиш-Бентинк в конце концов отклонил идею передачи материала в Советский Союз, так как эти донесения не более чем "мешанина в значительной степени неподтвержденной и, вероятно, недостоверной информации". Политическая концепция, заставлявшая отвергать свидетельства близящегося

германо-советского столкновения, вынуждала всячески цепляться за неподтвержденные фрагменты сведений, указывающие на грядущий советско-германский альянс{807}.

В то время как в Лондоне имела место подобная оценка событий, Криппс воспользовался благоприятным климатом, чтобы передать Сталину через Гавриловича информацию, полученную от принца Павла. Телеграммы Актая, турецкого посла, перехваченные НКВД, удостоверяли сведения, полученные через шведов, и откровения Гитлера в беседе с Павлом. Фактически большинство источников, служивших англичанам, кроме "Энигмы", существование которой в любом случае не могло быть раскрыто, были к услугам русских{808}. Добиваясь особой беседы с Молотовым, объяснял Криппс, он вызвал бы у того неверное предположение, "будто я пытаюсь доставить ему неприятности с Германией. Это серьезно уменьшило бы сильный эффект от рассказа принца Павла". Неожиданно Черчилль отмел доводы Криппса, настаивая, что его "долг" заставить Сталина, даже если у него есть информация из других источников, задуматься о том, что "участие немецких бронетанковых дивизий в боевых действиях на Балканах отдалило эту угрозу и дало России мирную передышку. Чем большую помощь оказать Балканским государствам, тем дольше войска Гитлера останутся связаны там". Вновь предостережение явно связывалось с ожидаемой поддержкой Сталиным англичан на Балканах{809}.

8 апреля в ответ на предложение обратиться к Молотову Криппс повторил свои прежние аргументы, подкрепив их известием о том, что русские уже осведомлены о содержании беседы принца Павла с Гитлером, "чему они явно поверили и чем сильно заинтересовались". Затем действительно поступили сведения от военных атташе в Москве и Анкаре о проводящейся в Красной Армии частичной мобилизации. Если он будет добиваться особой беседы со Сталиным, утверждал Криппс, тот обязательно свяжет это с событиями в Югославии и заподозрит, что англичане "стараются доставить ему неприятности с Германией"{810}.

Поскольку Криппсу не дали точных инструкций в ответ на его первое сообщение, Кэдоган теперь склонялся к тому, чтобы совсем отменить передачу предостережения. Тем временем Иден вернулся в Англию из затянувшейся поездки по Среднему Востоку. Давно пора было решиться признать советскую аннексию Прибалтики. "Теперь уже трудно что-либо сделать", — признал Иден, но вскоре он попал под влияние общего мнения, царившего в Форин Оффис, что под

тяжким прессом Германии Сталин "скорее предпочтет уступить угрозам и посулам Гитлера, чем рискнет пойти на открытый разрыв, который повлекла бы за собой подобная политика". Потому уступки по прибалтийскому вопросу должны были служить "знаком сближения, [197] но ни в коем случае не попыткой купить такое сближение". По этой причине он склонен был согласиться с Криппсом, что предостережения дадут обратный результат{811}.

Однако неожиданно вмешался Черчилль. Игнорируя доводы Криппса, он вновь заявил, что его "долг" — сообщить все факты Сталину. Если они или его послание "встретят плохой прием", это несущественно в сравнении с важностью сведений. Соответственно Криппсу были посланы инструкции в этом духе, подчеркивающие военное значение передышки, которую получит Советский Союз, пока Гитлер будет привязан к Балканам. Хотя инструкции Черчилля являлись обязательными, Иден в свой первый день в Форин Оффис после миссии на Среднем Востоке просмотрел материал и в последнюю минуту внес изменения, поручая Криппсу дать ход посланию, однако оставляя окончательное решение на его усмотрение. Любопытно, что все эти очевидные нестыковки полностью отсутствуют в изложении Черчилля{812}.

Хотя Черчилль приписывает своему предостережению исключительное значение, не стоит забывать, что долгие споры по поводу его передачи являлись лишь побочной линией в интенсивной деятельности на международной арене, затушеванной в черчиллевских мемуарах. Криппс тщетно нажимал на правительство, чтобы оно определило свою политику в отношении Советского Союза на случай, если рисунок международных созвездий переменится. После подписания советско-югославского пакта, совпавшего по времени с черчиллевским посланием Сталину, Криппс вновь принялся вербовать сторонников признания de facto советского контроля над Прибалтикой. В своих мемуарах Иден оспаривает у Черчилля первенство в деле закладывания фундамента Большого Альянса. Свидетельства о замыслах немцев и различные действия Советского Союза по предотвращению германской агрессии, как уверяет нас Иден, показали, что "пришло время поправить отношения" с Советским Союзом, и это заняло главное место в списке приоритетов{813}. Все, однако, было не так. Кэдоган легко убедил Идена отклонить предложения Криппса. События, на которые ссылается Иден в своих мемуарах, не были сочтены "вескими доказательствами" отказа русских от политики сотрудничества с Германией.

Напротив, Иден полагал, что Сталин скорее уступит угрозам Гитлера, чем решится на открытый разрыв, и не собирался "делать бессмысленные жесты". Роль Криппса была сведена к пристальному наблюдению за ходом событий, чтобы не пропустить поворотный момент, когда можно будет добиться перелома в отношениях.

Чувствуя, как ускользает благоприятная возможность, Криппс горько сетовал, что у него "немного было козырей для игры, да и те по большей части отобрало Правительство Его Величества". Предоставленный самому себе, Криппс вознамерился, как он писал домой, "сделать все возможное по собственной инициативе, чтобы заставить этих людей прислушаться ко мне"{814}. Легче сказать, чем сделать: теперь, когда Югославии грозила гибель, русские стали еще чувствительнее к любой попытке втянуть их в войну. Ни один из предлогов не помог Криппсу встретиться с Вышинским. Наконец, после "довольно жесткого письма" Вышинскому его вызвали в Наркомат иностранных дел посреди ланча, устроенного Ассарассоном 9 апреля. Однако Криппсу не позволили завести беседу на политические темы; [198] Вышинский словно спрятался в раковину. Возвратившись в посольство, Криппс написал ему личное письмо{815}. Это письмо, длиной более 10 страниц, порицало обычное для Советского Союза стремление создать зоны безопасности для своих границ, вместо того чтобы обеспечить нейтралитет на Балканах в целом. Хотя письмо предшествовало крупным поражениям английских войск в Греции, рассмотренное на фоне постигшего их там несчастья, оно, разумеется, усугубило сталинские подозрения насчет попыток вовлечь его в войну, чтобы ослабить натиск на Англию. Потому больше всего в письме Криппса поражают его рекомендации:

"...Настоящий момент — решающий для Советского правительства, так как неизбежно возникает вопрос: что лучше — ждать и встретиться со всей мощью немецких армий в одиночку, когда они выберут время и проявят инициативу, или немедленно принять меры для объединения советских войск с еще не разгромленными армиями Греции, Югославии и Турции плюс некоторая помощь Британии в людской силе и технике. Эти армии насчитывали бы свыше 3 млн человек и могли бы заманить большое количество немецких войск в труднопроходимую местность".

Криппс фактически выявил суть послания Черчилля, говоря, что, "вероятно, это — последняя возможность для Советского правительства предпринять какие-то

действия для предотвращения прямого нападения немецких армий на свои границы"{816}.

Лишь после отправки собственного предостережения Криппс получил от Идена инструкции заняться передачей послания Черчилля. Он взорвал одну из своих обычных бомб, признавшись, что только что передал Вышинскому свое личное предостережение. В его ушах еще звучало заявление Вышинского о позиции британского правительства, исключающей дискуссии политического характера, и он утверждал, что "более краткое и менее выразительное" послание Черчилля не только "не возымело бы действия, но и стало бы серьезной тактической ошибкой". Как он опасался, в новых обстоятельствах русские не поймут, "почему им столь официальным образом передают столь краткий и фрагментарный комментарий к фактам, которые им, разумеется, прекрасно известны, без отчетливо выраженной просьбы разъяснить позицию и предполагаемые действия Советского правительства". Выразив глубокое изумление по поводу необъяснимого поведения Криппса, пославшего от себя политическое письмо чрезвычайной важности Вышинскому, в Форин Оффис пришли к выводу, что нет смысла заниматься этим делом дальше. 15 апреля Иден ознакомил Черчилля с ответом Криппса, присовокупив в короткой записке, что "доводы сэра С.Криппса против передачи вашего послания обладают известной убедительностью". Однако Черчилль не признавал никаких оговорок. Как он сообщил Идену, "особенно важно, чтобы это личное послание от меня Сталину было "передано. Не могу понять, почему оно вызвало такое сопротивление. Посол не понимает военного значения данных фактов. Прошу, сделайте мне одолжение". Последовала еще одна короткая отсрочка, пока Идена не было в Лондоне, прежде чем Криппс, наконец, 18 апреля получил инструкции передать послание без всяких оговорок. Он должен был использовать любые каналы и прибавить те из дополнительных комментариев [199] Форин Оффис, какие "сочтет подходящими"{817}. В конце концов, предостережение нашло дорогу в Кремль к Сталину лишь 21 апреля.

Заявления Черчилля и Идена задним числом, будто предостережение органически связано с закладыванием основ Большого Альянса, представляются спорными. Руководящую политическую установку Форин Оффис не поколебали ни драматические события, ни накопленные донесения разведки, ни вмешательство Черчилля. Ярко выраженная позиция "строгой сдержанности" и отказ от новых переговоров оставались признанной политикой правительства. Подстрекаемый

Криппсом, Иден сообщил кабинету 21 апреля о своем намерении приступить к новым переговорам, но добавил, что "не слишком уверен в хороших результатах". Он не надеялся, что из попыток "вызвать расположение Советов" к Англии "что-нибудь выйдет"{818}. Черчилль, словно забыв о мотивах, побуждавших его настаивать на передаче его предостережения Сталину, не одобрял возобновления "безумных усилий" выказать "любовь" и стоял за "угрюмую сдержанность"{819}. Иден поспешил согласиться со словами премьер-министра: "Сейчас от России больше ничего не добьешься"{820}.

Упорство, с которым Черчилль цеплялся за свое предостережение, легко понять, если рассмотреть его в контексте сокрушительных военных поражений, понесенных Англией. Необходимость заручиться поддержкой Советского Союза диктовалась отражением этих событий как внутри страны, так и на статусе Британии на Балканах и Среднем Востоке. Не случайно интерес Черчилля к перехвату "Энигмы" возрос 1 апреля, как раз когда он получил депешу от генерала Уэйвелла с описанием успеха наступления Роммеля в Киренаике, осуществленного "гораздо скорее и с большими силами", чем ожидалось, и вынудившего его отступить. Черчилль мгновенно оценил все последствия поражения и поспешил предупредить Уэйвелла: "Гораздо важнее потери территории сама мысль, что мы не можем противостоять немцам и одного их появления достаточно, чтобы отбросить нас на многие мили. Это пагубно скажется всюду на Балканах и в Турции... Любыми средствами придумайте маневр получше и как-нибудь сражайтесь"{821}. Первые разногласия по поводу передачи предостережения совпали с решением временно приостановить захлебывающееся наступление в Западной пустыне, повернув войска к Греции. Данное решение скорее призвано было как-то поднять дух в обществе, нежели вытекало из тактических или. стратегических соображений. Совершенно очевидно, единственным шансом остановить немцев в Греции, особенно после открытия югославского фронта 6 апреля, было бы появление советской угрозы у них в тылу{822}.

Уэйвелл оказался не в состоянии стабилизировать линию фронта и 7 апреля признался, что опасность нависла над Тобруком. Черчилль немедленно отреагировал, обвиняя Уэйвелла в неумении "взять верную ноту перед нашим обществом"; Лондон — место, где "создается общественное мнение". Атмосфера в стране стала столь гнетущей, что Уэйвелл получил от Черчилля инструкции биться

за Тобрук "насмерть, не помышляя об отступлении"{823}. Краткость и загадочность формулировок послания Сталину Черчилль объяснял желанием привлечь внимание последнего и установить доверительный контакт с ним. После 10 апреля, когда события в Греции обернулись к худшему, он как будто уже не придавал большого значения этому доводу. В тот [200] день Иден вернулся со Среднего Востока с пустыми руками, а находящийся в подавленном настроении кабинет узнал о том, что 2 000 человек, в том числе три генерала, попали в плен в Ливии. Царившее кругом отчаяние усугублялось возобновившимися бомбежками Лондона. Единственным лучом надежды оставалась перспектива внезапного крутого поворота событий на восточном фронте. Учитывая это и совершенно не заботясь о том, какой эффект среди русских произведет обнародование предположительно секретной информации, Черчилль в речи по радио 9 апреля и затем 27 апреля в парламенте высказал мнение, что Гитлер может повернуть свою кампанию на Балканах на захват "украинской житницы и кавказской нефти"{824}. Этот вывод, сделанный на основе предположительно секретного послания, полностью перечеркнул возможный эффект от него.

15 апреля Черчилль признал: наступление немцев оказалось столь успешным, что представляет теперь серьезную угрозу Египту. Он не мог одновременно оборонять Египет и продолжать сопротивление в Греции{825}. К моменту передачи предостережения положение сложилось крайне тяжелое: Черчилль всерьез задумался о "судьбе войны на Среднем Востоке, потере Суэцкого канала, расстройстве и смятении в огромном войске, собранном нами в Египте, исчезновении всяких перспектив на сотрудничество с американцами через Красное море". Наконец, 22 апреля Уэйвелл с прискорбием известил Черчилля, что "пришло время с помощью официального коммюнике подготовить общество к скорому падению Греции"{826}. Для Черчилля возможная потеря Египта и Среднего Востока равнялась "катастрофе первостепенного значения, уступающей лишь успешному вторжению и окончательному завоеванию". Ситуация так обострилась, что Уэйвелл получил приказ: в предстоящих боях "никакой сдачи в плен офицеров и солдат, пока речь не идет по крайней мере о 50%-ных потерях в соединении или подразделении... Генералам и штабным офицерам, застигнутым противником, использовать для самообороны свои пистолеты"{827}.

Слухи о войне и сепаратном мире

Недоверие к англичанам усиливалось прямо пропорционально ухудшению военной ситуации. В течение зимы, когда военные операции приостановились, русские предполагали, что Гитлер постарается упрочить экономическое положение Германии с помощью отдельных операций на Среднем Востоке. Когда "военный сезон" открылся, ждали, что он сосредоточится на решающем ударе по Англии. Однако, как стало ясно к апрелю, на англо-германском фронте создалась патовая ситуация. С другой стороны, после поражений, нанесенных Англии в Греции, казалось непостижимым, как англичане смогут добиться ее разрешения на поле боя. Компромиссный мир представлялся вполне вероятным{828}.

Поэтому важнейшей задачей советской дипломатии и разведки являлось как можно более раннее обнаружение каких-либо признаков, указывающих на сепаратный мир. Значение отчетов Майского ошибочно недооценивалось. Мало к кому из дипломатов так хорошо относились в Лондоне. Майский был одним из немногих высокопоставленных меньшевиков, переживших репрессии; его популярность в [201] Лондоне в разгар проведения политики коллективной безопасности спасла ему жизнь, и он прекрасно это понимал. Его прежняя принадлежность к партии меньшевиков научила его осторожности, и он старался как мог демонстрировать свою верность Сталину. В награду за это в феврале 1941 г. он был избран членом Центрального Комитета партии. Его избрание, как подчеркивал Молотов, отражало сложившееся мнение, что Майский "хорошо зарекомендовал себя в роли полномочного посла в трудных условиях и нужно показать, что партия ценит дипломатов, выполняющих волю партии"{829}. Его близкое знакомство с политической ареной в Англии имело решающее значение для кремлевской оценки британской политики накануне войны.

Когда вспыхнул пожар на Балканах, реакция Майского отличалась крайней осторожностью и сдержанностью. "Поживем — увидим", — стало его любимым присловьем; "нелегко быть пророком в наши дни", и он не собирался "гадать на кофейной гуще". И все же тщательное исследование его контактов, дневниковых записей и телеграмм в Москву дает ясную картину взглядов, которых придерживались в Кремле. Важнейшей задачей советской дипломатии являлось нейтрализовать неприязнь, грозившую испортить германо-советские отношения{830}. Большинство посетителей Майского, в том числе Ванситтарт, бывший несменяемый заместитель министра в Форин Оффис, изо всех сил старались внушить ему, что Советский Союз может оказаться следующей жертвой.

Майский, подпевая Кремлю, усматривал в таких попытках навязчивую идею англичан, видящих немцев везде, "даже под кроватью". Он верноподданнически информировал Москву о своем твердом противостоянии подобным откровенным усилиям втянуть Советский Союз в войну{831}.

Майский несомненно скептически относился к предположениям, будто Черчилль может просить мира. Тем не менее, он якобы раскрыл кампанию, организованную британским правительством и прессой, чтобы "пугать нас Германией". Особенно обеспокоили его вышеупомянутые публичные выступления Черчилля 9 и 27 апреля, в которых он предупреждал о грядущем наступлении Германии на Советский Союз. "С каких пор, — кисло спрашивал Майский личного советника Черчилля Брендана Брэккена, — Черчилль принимает так близко к сердцу интересы СССР?" В столь сложной ситуации, предостерегал он, заявления Черчилля "звучат очень неудачно и даже бестактно. Они имеют в Москве эффект как раз обратный тому, на который он рассчитывает". Подозрения Майского лишь укрепились, когда он узнал, что на деле в распоряжении Черчилля нет никаких конкретных сведений о замыслах немцев. Очевидно, пришел он к выводу, "что вся кампания британ[вительства] и английской печати о предстоящем нападении Германии на СССР не имеет под собой никакой серьезной базы и что она является продуктом: "Der Wunsch ist der Vater des Gedankens""{*14}{832}. Как сказал Майскому Ллойд Джордж, премьер-министр "обеспокоен и даже отчасти "depressed"{*15}". Он не предвидел ни поражений в Ливии, ни поразительных успехов немцев на Балканах. Черчилль, по мнению Ллойд Джорджа, жил в уверенности, что "нападение [202] Германии на СССР в самом ближайшем будущем неизбежно — из-за Украины, из-за Баку — тогда СССР сам, как "спелый плод", упадет с дерева в корзинку Черчилля"{833}.

Когда в начале мая Приутц, шведский посол в Лондоне, скептически спросил Черчилля, как Англия собирается выиграть войну, тот ответил прелестной притчей:

"Были две лягушки — оптимистка и пессимистка. Однажды вечером они скакали по лужайке и услышали чудный запах молока из соседней молочной. Лягушки поддались соблазну и прыгнули в открытое окно молочной. Рассчитали они неудачно и плюхнулись прямо в большую банку с молоком. Что было делать?.. Лягушка-пессимистка поглядела кругом, увидела, что стенки банки высоки и отвесны, что взобраться по ним наверх невозможно, и пришла в отчаяние. Она

повернулась на спинку, сложила лапки и пошла ко дну. Лягушка-оптимистка не захотела так бесславно погибать. Она тоже видела высокие и крутые стенки сосуда, но решила барахтаться. В течение целой ночи она плавала, двигалась, била лапками по молоку и вообще проявляла всяческую активность. И что же? Сама не подозревая того, лягушка-оптимистка к утру сбила из молока большой кусок масла и спаслась от смерти".

В своих мемуарах Майский, явно задним числом, воспользовался этой притчей, чтобы изобразить Черчилля лидером, твердо противостоящим всем напастям. Но в то время, как видно из его дневника, у него создалось совершенно иное впечатление. Мемуары заканчиваются этой героической историей, а в дневнике обнаруживается, что на Приутца мало подействовали драматические таланты Черчилля. Он совершенно определенно сказал Майскому, что никакой великой стратегии у Черчилля нет и он полагается на импровизацию. По-видимому, у него нет ни малейших идей, как выиграть войну. Не преследуя никаких конкретных целей, Приутц, тем не менее, оставил впечатление, будто близкий конфликт между Германией и Советским Союзом стал навязчивой идеей Черчилля. В случае германо-советской войны он "готов пойти на Союз с кем угодно, хотя бы с самим чертом, дьяволом". В результате у Майского сложилось убеждение, что отсутствие других альтернатив заставляет Черчилля стараться втянуть Советский Союз в войну, распространяя слухи{834}.

Ввиду растущей озабоченности немцев этими слухами{835} приняты были срочные меры, чтобы пресечь их. На приеме в советском посольстве в Вашингтоне посол Уманский отвел Галифакса в сторонку и какое-то время сетовал на "враждебность к Советскому Союзу, все еще живущую в британских правительственных кругах, как и дух Мюнхена". Он обрушился на Черчилля, заметив, что в своей последней речи по радио тот допустил, "при — всем моем уважении, не что иное, как грубый промах. Он говорил, будто Германия не только хочет, но и может проглотить Украину с величайшей легкостью. Это абсурдно и оскорбительно". Стоя в пределах слышимости для сотрудников германского посольства, Уманский хвастался успехами Красной Армии на Халхин-Голе, подчеркивая, что Советский Союз — это не Франция Даладье{836}.

Ощущение, что один неверный шаг, будь то военная провокация или дипломатический просчет, может вызвать войну, вело к осторожности, граничащей с паранойей. Случайно или нет, но Майский оказался [203] стеснен в

своих действиях после падения Югославии и предостережения Черчилля, с ростом боязни провокации и сепаратного мира. Как и весь остальной советский дипломатический корпус, он находился под пристальным наблюдением обширного контингента работников НКГБ в посольстве. Он не мог провести ни одной беседы, чтобы его не подслушивали, и зачастую ему приходилось приглашать своих гостей прогуляться в самый конец парка позади посольства, если он хотел поговорить свободно{837}. После его встречи с Иденом 16 апреля его стал постоянно сопровождать, несомненно повинуясь инструкциям из Москвы, новый советник Н.В.Новиков, которого Иден считал "кремлевским сторожевым псом при Майском". Майский обязательно отмечал присутствие Новикова на всех своих встречах, даже в самых кратких отчетах. Был Новиков приставлен наблюдать за Майским спецслужбами или Наркоминделом, все равно этот беспрецедентный образ действий явно мешал контактам с Иденом, как сам Майский в шутливой форме описывал в дневнике:

"Иден позвонил, пригласил меня и попросил прийти одного, потому что И[ден] будет один. Я ответил ему, что не вижу причин не привести с собой Щовикова]. Когда мы были в приемной, появился секретарь и заявил, что Н. лучше подождать в приемной. Однако я зашел к И. с Н. Увидев нас вместе, И. побагровел от раздражения, какого я у него никогда не замечал, и воскликнул: "Не хочу показаться грубым, но было сказано, что сегодня приглашается один посол, а не посол и советник". Я ответил, что между мной и Н. нет секретов и я не понимаю, почему он не может сопровождать меня во время обсуждений. И. гневно сказал, что лично против Н. ничего не имеет, но не может создавать нежелательный прецедент; если советский посол может прибыть со своим советником, то и другие послы могут сделать то же самое. Если можно привести советника, почему не захватить 2 — 3 секретарей? Тогда посол будет приходить не один, а с целой делегацией. Это неприемлемо. И. всегда приглашает послов по одиночке и менять эту практику не намерен. Я пожал плечами. Н. остался, и И. в течение всей беседы сидел красный и сердитый. Ситуация в конце концов стала невыносимой. Если подобная сцена повторится, я откланяюсь и вернусь в посольство"{838}.

Вряд ли есть сомнения в том, кого Майский боялся больше: Идена или Сталина.

Жупел сепаратного мира

Запоздалые попытки заручиться советской поддержкой на Балканах, воплощенные в предостережении Черчилля, наверняка пробудили в Москве

воспоминания о событиях конца лета 1939 г. и укрепили подозрения насчет стремления перенести войну к восточным рубежам. Это совпало с возрождением опасений по поводу сепаратного мира. 17 апреля, до получения окончательного распоряжения Черчилля передать его предостережение, Криппс жаловался Идену на опасную ситуацию, создавшуюся в значительной степени из-за неспособности правительства решить, готово ли оно сделать "что-либо или хоть что-то для сближения" с Советским Союзом. Вследствие этого Советский Союз в результате разгрома в Юго-Восточной Европе стал восприимчивее к давлению со стороны Оси. Не дожидаясь инструкций из Лондона, [204] Криппс отправил Молотову меморандум из 14 страниц посулов и угроз в качестве последнего средства вовлечь русских в орбиту Союзников. Следует подчеркнуть, что этот импульсивный поступок был продиктован желанием пресечь активность Шуленбурга, неожиданно срочно уехавшего для консультаций в Берлин{839}. Криппс предупредил Идена о' своем опасении, как бы Шуленбург не вернулся из Берлина "очень скоро с широким спектром новых предложений Советскому Союзу в обмен на теснейшее экономическое сотрудничество с Германией и, в качестве альтернативы, с завуалированными угрозами на случай отказа"{840}.

Передавая послание, Криппс, в своей обычной нравоучительной манере, прочел Вышинскому целую лекцию на тему, какой политике, по его мнению, должен следовать Советский Союз. Все ее положения отдавали провокацией. Криппс не ограничился предупреждением русских об опасности, которая, как он считал, перестала быть гипотетической, воплотившись во вполне конкретные планы немцев на весну этого года. Чтобы привлечь Советский Союз на сторону Англии, он прибег к "тонкому", как ему казалось, приему, играя на его боязни сепаратного мира. Дальнейшие события вскоре показали, что Форин Оффис был совершенно прав, возражая против использования этого "обоюдоострого оружия, которое может побудить Сталина еще сильнее цепляться за его политику уступок агрессору"{841}.

Измышления Криппса насчет возможного сепаратного мира, если Советский Союз не изменит свою политику, имели тяжкие, если не фатальные последствия:

"Не исключена возможность, если война затянется надолго, что у Великобритании (особенно у некоторых кругов в Великобритании) возникнет соблазн закончить войну путем некоего урегулирования на основе вроде той, какую недавно вновь предлагал кое-кто в Германии, а именно: Западная Европа вернется в прежнее

состояние, тогда как Германии не будут мешать расширять ее "жизненное пространство" на восток. Такое предложение может найти отклик и в Соединенных Штатах Америки. В этой связи стоит напомнить, что в сохранении целостности Советского Союза Британское правительство не заинтересовано непосредственно, как в сохранении целостности Франции и некоторых других западноевропейских стран".

Впрочем, он позаботился прибавить, хотя Сталин и не обратил на это никакого внимания, что "в настоящий момент не идет речь о возможности достичь такого мира в результате переговоров, насколько это касается Правительства Его Величества". Вышинскому не потребовалось консультироваться с правительством, чтобы завернуть меморандум Криппса, представлявший собой адскую смесь из идеи "сепаратного мира" и попыток втянуть Советский Союз в войну. Он категорически отклонил его на том основании, что "в нем отсутствуют необходимые предпосылки для обсуждения широкого круга политических проблем". Вышинский подготовил также ответ на подробное личное письмо Криппса от 11 апреля, состоявший всего из четырех строчек в том же духе{842}.

Так глубоки были опасения и предубеждения русских, что, отчитываясь лично Сталину, Вышинский заявил, будто заметил в поведении Криппса "нервозность, которую ему трудно было скрыть". Последний жаловался на то, как с ним обходятся, и сожалел, что выдал [205] информацию о немецкой угрозе. Не скрывая неприязни, Вышинский ответил Криппсу, что это "было его право" — решать, какую информацию раскрывать, но вряд ли можно поощрять какие-то чрезвычайные шаги, пока не созрели условия для политической дискуссии. Как откровенно сказал Вышинский болгарскому послу в тот же день, Сталин "не позволит, чтобы Советский Союз втянули в войну". Сталин также получил собранные в британском посольстве сведения, будто слухи о войне распространяются "с целью напугать нейтральные страны и в первую очередь СССР"{843}.

Эта угроза подтверждалась донесением информатора НКГБ в посольстве о неофициальной пресс-конференции Криппса 6 марта, после его возвращения из Анкары, во время которой он высказал мнение, что Гитлер может напасть на Советский Союз, рискнув вести войну на два фронта. Но равновероятно и то, что он "попытается заключить мир с Англией на следующих условиях: восстановление Франции, Бельгии и Голландии и захват СССР. Эти условия мира имеют хорошие

шансы на то, чтобы они были приняты Англией, потому что как в Англии, так и в Америке имеются влиятельные группы, которые хотят видеть СССР уничтоженным, и, если положение Англии ухудшится, они сумеют принудить правительство принять гитлеровские условия мира".

Криппс в самом деле поведал и Стейнхардту, что легко может представить, как его правительство посмотрит сквозь пальцы на немецкое вторжение в Советский Союз в обмен на мир{844}. Его действительная вера в возможность сепаратного мира в значительной степени явилась результатом его изоляции в Советском Союзе и отсутствия его в Лондоне во время массированной бомбардировки, когда Черчилль завоевал свой непоколебимый авторитет национального лидера. Майский, свидетель "звездного часа" Черчилля, не склонен был придавать большое значение возможности сепаратного мира, невзирая на взгляды, которых придерживались в Кремле{845}. Это заставляло его постоянно разрываться между собственными убеждениями и тем, что, по его мнению, ожидал от него услышать Сталин. В результате, как выяснилось, его нерешительность внесла свой вклад в неверную оценку Кремлем надвигающейся опасности.

Через день после того, как он поднял вопрос о возможности сепаратного мира, Криппс получил распоряжение передать послание Черчилля. Ввиду своего письма к Вышинскому 11 апреля и беседы с ним 18 апреля он не счел нужным передавать дополнительную информацию, которая выглядела бы повторением одного и того же{846}. В тревоге из-за злополучного соглашением с Югославией, русские были одержимы мыслью, будто Черчилль старается вбить клин между ними и Германией. Чтобы исключить подозрение в каком-то тайном сговоре с Англией, они поспешили довести до сведения немцев суть меморандума Криппса{847}. Официальной реакцией явились открытые обвинения в том же духе, выдвинутые против Соединенных Штатов и Англии в "Правде"{848}. Боязнь, как бы Англия не помешала политическому урегулированию с Германией, происходила также от царившего в Лондоне чувства безнадежности, подмеченного Майским в его беседах с британскими лидерами{849}. Накануне вручения ноты Сталину Батлер признался Майскому, что теперь, когда Югославия вышла из игры, положение англо-греческой армии стало катастрофическим{850}. Сбылось [206] предсказание Северного департамента Форин Оффис о том, что после передачи предостережения "дальнейшие обращения к Советскому правительству будут более чем бесполезны, поскольку будут восприняты как свидетельство нашего

отчаянного положения и усилят в Москве тенденцию к компромиссу с немцами"{851}. Широко распространившиеся слухи и подбрасываемые советской разведке сведения{852} подкрепляли мнение Кремля, будто Англия даже не станет помогать Советскому Союзу в случае нападения немцев: она "или же немедленно заключит с Германией мир, или приостановит военные действия против Германии"^{853}. К тому моменту, когда предостережение Черчилля дошло до Сталина, оно явно произвело обратный эффект, лишь усугубив сталинские подозрения. "Вот видите, — сказал Сталин Жукову, — нас пугают немцами, а немцев пугают Советским Союзом, и натравливают нас друг на друга. Это тонкая политическая игра"{854}.

На Майского возложили задачу проверить истинность содержания меморандума Криппса, буквально парализовавшего Москву. Беспрецедентный случай — оно было передано ему in toto{*16}. Все эти предостережения и меморандумы Москва считала намеренной уловкой, чтобы вовлечь Советский Союз в войну на стороне Англии, пугая воображаемыми переговорами. Особенное возмущение вызывал второй меморандум: после того как Майский неделей раньше предупреждал Идена, что подобные документы облечены "не в ту форму, чтобы встретить сколько-нибудь теплый прием", появление еще одного такого же казалось "дурной шуткой". Уводя дискуссию от Балкан к прибалтийскому вопросу, русские надеялись, как лакмусовой бумажкой, проверить истинные замыслы англичан. Заявление Англии на этот счет могло бы охладить немцев и доказать, что сепаратный мир действительно не стоит на повестке дня. В то же русло Майский направлял дискуссию по Среднему Востоку, стараясь понять, не намеренно ли английская армия ослабила свои усилия. Батлер проявил откровенно пораженческое настроение, признавшись, что после разгрома Югославии положение англо-греческих сил "становится катастрофическим". Довольно слабый оптимизм в его фразе: "Англию ждут трудные месяцы, однако в конечном счете она выйдет победительницей", — вряд ли мог утешить{855}.

Итоги

Сомнительно, чтобы послание Черчилля Сталину стало для того предостережением. Военное значение, приписываемое Черчиллем своему посланию, также является спорным. Черчилль всегда настаивал, что нота Сталину призвана была не столько предупредить о замыслах немцев, сколько вскрыть

недостатки и слабые места немецкой армии. Если бы русские и приняли ее к сведению, они все равно столкнулись бы с теми же последствиями, как продемонстрировала блестящая двойная кампания вермахта в Югославии и Греции. Когда разрабатывалась операция "Марита", вермахт обладал огромными резервами войск. Естественно, подготовка "Барбароссы" была прервана, но лишь 15 дивизий из громадного количества — 152, предназначавшихся [207] для Советского Союза, на самом деле были отвлечены для операций в Югославии и Греции. Из-за медленных темпов концентрации сил для "Барбароссы"{856} большинство дивизий, направлявшихся на русский фронт, все еще не выступили. Практически лишь 4 дивизии были выделены и посланы на юг, прежде чем осуществить запланированное развертывание на востоке. И только 14-я дивизия из тех пяти южных дивизий, чье передвижение насторожило Черчилля, начала марш на восток, пока не получила приказ изменить курс. Как в высшей степени убедительно доказал Ван Кревельд, развенчивая сложившийся миф{857}, отвлекающая операция в Греции, отнюдь не перенапрягшая силы вермахта, всего лишь вызвала незначительную отсрочку наращивания сил для "Барбароссы"{858}.

Обстоятельства, вызвавшие несколько искаженное представление Черчиллем своего предостережения, тесно связаны с двумя важными событиями, произошедшими одновременно в октябре 1941 г.: беспрецедентным вызовом, брошенным Криппсом Черчиллю как лидеру, и выраженным Сталиным негодованием по поводу отсутствия какого-либо значительного конкретного участия Англии в боевых действиях на фоне возобновления наступления немцев на Москву. Эта комбинация была особенно угрожающей ввиду недовольства внутри кабинета, высказываемого ближайшими соратниками Черчилля, особенно Бивербруком и Иденом. О вызове Криппса мемуары Черчилля практически не упоминают. Криппс жаловался на "раздражительные и неуместные телеграммы", "недостойные" Черчилля. Он по-прежнему выступал против черчиллевской стратегии, определяемой им как ведение "двух относительно не связанных между собой войн, к большой выгоде Гитлера, вместо единой войны на основе общего плана". Черчиллю стало ясно, как он говорил Бивербруку, что Криппс "готовит дело против нас"{859}. Беспрерывный нажим Криппса с целью добиться проведения отвлекающей боевой акции достиг своего пика в середине октября, когда Комитет обороны, до тех пор опора Черчилля, одобрительно отнесся к идее

передислокации в глубь Кавказа двух дивизий, первоначально предназначенных для Северной Африки{860}.

Истоки черчиллевской версии его предостережения Сталину восходят к тому бурному периоду. Толчком послужили воспоминания Бивербрука о том, как Сталин на Московской конференции в начале месяца жаловался, что его не предупредили о плане "Барбаросса". В записке Бивербруку Черчилль разразился обвинениями в адрес "бессовестного" Криппса, задержавшего послание в апреле. Рассматривая весь этот эпизод, Черчилль возлагал на Криппса "главную ответственность" из-за его "упрямства и помех, чинимых им в этом деле"{861}. Ярость премьер-министра, конечно, имела мало отношения к истории с предостережением, проистекая из совсем недавних пререканий и перебранок. Черчилль также воспользовался случаем, чтобы снять с себя вину за упадок, в котором находились отношения со Сталиным. Если бы Криппс следовал его инструкциям, утверждал он, "какие-то отношения завязались бы между ним и Сталиным". Такая интерпретация, всего лишь через шесть месяцев после событий, о которых идет речь, уже игнорировала политическую атмосферу в середине апреля. Обвинения Черчилля казались столь далекими от истины, что против них возражал даже Иден, несмотря на хорошо известную робость его в отношениях с премьером. В то время, деликатно напомнил [208] он Черчиллю, "русские в высшей степени неблагосклонно принимали послания любого рода... Это относилось и к более поздним посланиям, которые я передавал Майскому"{862}. Несмотря на эти оговорки, обмен корреспонденцией с Иденом почти дословно, за исключением выступления Идена в защиту Криппса, был помещен в военных мемуарах Черчилля.

Интересно сравнить дилемму, стоявшую перед Криппсом и перед Лоренсом Стейнхардтом, его американским коллегой в Москве, который очутился в сходной ситуации в начале марта. Все еще нейтральные американцы имели лучшие разведывательные источники в Берлине и по всей Юго-Восточной Европе. К началу марта у них накопилось достаточно свидетельств наступательного развертывания немецких войск, чтобы обращение к Советскому правительству было оправдано. Взвесив все за и против, Стейнхардт отсоветовал Корделлу Халлу, госсекретарю Соединенных Штатов, делать это, утверждая, что русские не поверят "ни в искренность, ни в самостоятельность" подобного шага{863}.

Глава 9. Япония: дорога к Германии

Неудачная позиция Советского Союза в отношении Югославии и карательная операция Гитлера на Балканах разбили мечты Сталина о советском влиянии в этом регионе. Хуже всего, что вырисовывалась реальная опасность, грозящая Советскому Союзу. На столе у Сталина скапливались донесения разведки, полученные из различных источников. В конце марта начальник внешней разведки НКГБ предупредил маршала Тимошенко о серьезности намерений немцев. Он перечислил 21 явный признак перемещения и концентрации немецких войск на границе начиная с конца февраля и особенно в течение марта месяца{864}. В тот же день он без обиняков заявил Сталину, что донесения тайных агентов НКГБ и множество подтверждающих их информацию сведений свидетельствуют об "ускорении переброски немецких войск к советской границе". Система железных дорог и реквизированные транспортные средства используются на полную мощность для перевозки не только войск, но и артиллерии и боеприпасов из Германии на границу. Принимаются срочные меры по улучшению качества дорог, ведущих в приграничные районы{865}.

К середине апреля НКГБ собрал столь обширный и внушительный материал о концентрации германских войск, что уверился в необходимости сообщить о нем военной разведке, невзирая на общеизвестную точку зрения Сталина. Неделю спустя был получен поразительный рапорт о 43 новых нарушениях воздушного пространства СССР немецкими самолетами. Одно лишь количество самолетов менее чем за одну ночь и тот факт, что многие из них проникли на советскую территорию глубже чем на 220 км, исключали возможность ошибок в навигации{866}. Несмотря на свое обыкновение соглашаться со Сталиным, Голиков вынужден был признать, что только за первые две недели апреля обнаружилось массовое перемещение войск из Германии к советским границам; они стали лагерем в Варшавском и Люблинском округах. Разведывательные донесения приводили к недвусмысленному выводу о продолжающейся переброске войск и накоплении резерва боеприпасов и топлива на границах{867}. Эту тенденцию невозможно было дольше игнорировать; представленные Сталину цифры показывали рост присутствия немцев на границе начиная с февраля на 37 пехотных дивизий, 3 — 4 танковых дивизии и 2 моторизованных дивизии.

Тем не менее, дезинформация со стороны немцев, сбой в передвижении войск во время кампании в Греции и Югославии и медленные темпы развертывания все еще позволяли Сталину сомневаться в характере окончательных намерений лично Гитлера, о которых у него вряд ли была какая-либо информация. Эффективность разведки определяется влиянием лиц, определяющих политику, на аналитиков и способностью последних сохранять высокую степень автономии. В общем и целом, а в случае со Сталиным особенно, обработка разведывательной [213] информации имеет тенденцию руководствоваться концептуальными установками, спускаемыми политиками сверху. Составители донесений процеживают море информации, находящейся в их распоряжении, стремясь дать руководству ожидаемые ответы на волнующие их вопросы. Процесс селекции неизбежно отвлекает внимание аналитиков, а за ними и политиков, от важнейших данных. Результаты зачастую плачевны и поистине катастрофичны.

После падения Югославии Сталина в гораздо большей степени, чем вероятность войны, занимала перспектива предотвращения военного столкновения путем создания удобного климата для политического урегулирования. Архивные материалы подтверждают воспоминания Судоплатова о том, что почти половина имеющихся у ГРУ и советских органов госбезопасности материалов содержали предположения, будто войны можно избежать, а слухи о ней распространяются с целью втянуть в войну Советский Союз. "Толщина этой папки, — свидетельствует он, — росла день за днем, так как мы продолжали получать донесения о деятельности англичан по нагнетанию среди германского руководства страха, что Советский Союз вот-вот вступит в войну"{868}. Потому необходимо, прежде чем рассматривать сталинские попытки примириться с Гитлером, сделать обзор этих материалов{869}.

Начиная с середины апреля донесения приобрели характер меню, представляемого Сталину, из которого он мог выбирать такие сведения, какие ему больше понравятся. Меркулов, глава НКГБ, предпочитал с каждой порцией информации в большом количестве передавать Сталину донесения "Старшины", содержавшие предположения о наличии раскола среди политического и военного руководства Германии. Сравнение необработанных материалов с окончательными вариантами, вручаемыми Сталину, показывает, что их содержание в значительной степени подгонялось под задачу служить поддержкой процессу примирения. Информация, полученная из кругов германской правящей элиты,

подтасовывалась, чтобы создать благоприятную атмосферу для продолжения переговоров с Гитлером.

С начала войны советская дипломатическая миссия в Берлине выдвинула предположение о наличии раскола в руководстве. Поддерживаемый "крупными промышленниками", Гитлер, казалось, склонялся к длительному сотрудничеству с Советским Союзом. Лишь небольшое ядро нацистских идеологов, как считалось, питали антисоветские замыслы в своем горячем желании расширить Третий Рейх{870}. В начале марта 1941 г. разведывательная агентура, естественно, сосредоточила свое внимание на растущем количестве свидетельств и слухов о немецком плане нападения на Советский Союз. Преобладала тенденция признавать, что, хотя некоторые круги в Берлине, возможно, выступают за войну и даже готовят какие-то планы, не представляется вероятным, чтобы германское руководство, зная о мощи Красной Армии, одобрило таковые.

Эта воображаемая трещина внутри германского руководства влекла за собой два дополнительных следствия: открывала двери возможному политическому урегулированию, в то же время делая русских крайне подозрительными в отношении попыток англичан спровоцировать их на преждевременное вступление в войну{871}. Имея дело с противоречащими друг другу сообщениями разведки, Сталин все больше отдавал предпочтение донесениям, говорящим о расколе. Не случайно [214] русские сравнивали волну слухов о войне с такой же, по их мнению, кампанией, развернутой западными демократиями после Мюнхена, чтобы повернуть Германию на восток{872}. В то же время самые громкие слухи, ходившие в дипломатической колонии в Москве насчет приближающейся войны, нацеленной на "южные районы СССР, богатые хлебом, углем и нефтью", по большей части отметались как намеренная провокация, приписываемая рьяным усилиям Идена по созданию Балканского блока{873}.

Внимание Сталина привлекло сообщение, "Корсиканца", будто Риббентроп, а возможно и Гитлер, поддерживают единодушные рекомендации Комитета четырехлетнего планирования насчет того, что Германия "выигрывает в экономическом отношении гораздо больше" от торговли с Советским Союзом, нежели от оккупации его территорий. Реальная угроза, казалось, исходила лишь от вооруженных сил, рассматривавших вопрос со своей сугубо военно-стратегической точки зрения и готовых стрелять по любому поводу. Хотя подготовка к войне явно продолжалась и развертывание германской армии на

советской границе весьма напоминало ее же развертывание на голландской границе перед вторжением в Нидерланды, опасность не представлялась близкой, поскольку предполагалось, что следующей жертвой станет Турция, прежде чем Германия повернет свои войска против Советского Союза{874}.

Часто говорят о советском разведчике Рихарде Зорге, из-за романтической ауры, окружающей историю его деятельности, как о самом надежном источнике предупреждений о войне. Будучи доверенным лицом Отта, германского посла в Токио, и его военного атташе, Зорге имел доступ к ценнейшей информации. За немногими исключениями, историки избирательно цитируют его донесения в Москву, выделяя те их фрагменты, которые в итоге оказались верными. Однако данные, совершенную точность которых можно признать задним числом, были перемешаны с ложными выводами, отражающими частную и зачастую искаженную картину реальности, создававшуюся в германском посольстве. Как всегда, переплетались слухи и точный анализ. Поэтому противоречивый характер информации вполне позволял Сталину продолжать политику уступок агрессору в надежде избежать открытия боевых действий.

В первом важном донесении Зорге, от 10 марта, внимание фокусировалось на давлении, оказанном на Японию, чтобы "активизировать роль Японии в пакте трех держав" против Советского Союза, вместо каких-то действий на юге. Информация, полученная от специального курьера, только что прибывшего из Берлина, содержала добавление, что такая позиция "довольно сильно распространена в Германии, особенно в военных кругах", способствуя укреплению в Кремле неверного мнения о ситуации в Берлине. К тому же предупреждение разбавлялось аксиоматичным утверждением, будто немецкие военные бросят Советскому Союзу перчатку лишь "по окончании теперешней войны". Поэтому, с точки зрения Сталина, такая информация, пусть и раскрывающая возможную опасность, давала надежду на мирную передышку до поражения Англии, если поспособствовать расколу в Германии{875}. В мае Зорге уведомил Москву, что Гитлер решил "разгромить СССР и получить европейскую часть Советского Союза в свои руки в качестве зерновой и сырьевой базы для контроля [215] со стороны Германии над всей Европой". Этому заявлению, однако, сопутствовало оставляющее простор для дипломатических маневров предположение, что "война будет неизбежна", только если русские будут и дальше создавать проблемы. На пренебрежительное отношение немецких генералов к Красной Армии и ее оборонительным

возможностям можно было повлиять, всячески демонстрируя силу и уверенность в себе, как и сделал Сталин в речи перед выпускниками военных академий 5 мая{876}. Позднее в том же месяце Зорге сообщил своему начальству об уверенности группы немецких чиновников, недавно прибывших из Германии, в том, что война начнется в конце мая; они получили инструкции вернуться в Берлин, по-видимому, на транссибирском экспрессе, до этого срока. Но, по мнению тех же лиц, опасность войны в 1941 году шла на убыль{877}.

Наконец, в одном из своих самых знаменитых донесений Зорге спешил предупредить Москву в начале июня, что, как сообщили германскому послу в Токио из Берлина, "немецкое выступление против СССР начнется во второй половине июня". Он был "на 95% уверен" в том, что война начнется. Посла убедили в этом полученные инструкции сократить передачу важных данных через Советский Союз и свести к минимуму транспортировку каучука через СССР. Заключительная телеграмма, оригинал которой до сих пор не увидел свет, несколько снижала значимость информации. Зорге проследил ее источник — им оказался подполковник Шолль, германский военный атташе, покинувший Берлин почти месяц назад, 6 мая. С точки зрения Сталина, это было еще до "прорыва" в "переговорах" с немцами. Под нажимом Зорге германский посол в Токио признал, что у него нет подтверждения информации из Берлина. Тем не менее, как поведал ему подполковник Шолль, планируемое нападение вызвано фактом "большой тактической ошибки" Красной Армии: ее линейного развертывания{878}.

Иллюзия раскола в германском лагере глубоко укоренилась не только в Москве. В середине марта Сталину показали донесение агента в британском посольстве о конфиденциальной пресс-конференции, данной Криппсом. Как говорил Криппс журналисту, отношения между СССР и Германией "определенно ухудшаются" и война "неизбежна". Но главное — он тоже развивал мысль о "расколе" между немецкими военными и Гитлером, выступавшим против войны на два фронта. Криппс считал, что Гитлер будет стремиться к сепаратному миру с Англией и, возможно, добьется его, подготавливая почву для кампании на востоке. Парадоксальным образом подобная информация вкупе с прямыми намеками Криппса лишь подстегнула Сталина в его поисках сближения с Гитлером, чтобы предотвратить такое соглашение{879}.

Слухи о советско-германских переговорах, исходившие от хорошо осведомленной шведской дипломатической миссии в Берлине, широко распространились среди

дипломатов в Москве. Практически все они говорили в своих донесениях о двух тенденциях, намечающихся в Германии: "одна — к сближению с СССР, используя комбинацию дипломатических и военных угроз, и другая — выступления за прямой военный захват экономических ресурсов СССР". Царило почти единодушное мнение, что хотя немецкая армия и народ "за военные действия против России", однако Гитлер, по-видимому, предпочитает добиваться [216] своего с помощью излюбленной тактики кнута и пряника. Поэтому месяц май должен был быть ознаменован либо войной, либо полным взаимным сотрудничеством{880}. Эта точка зрения приобрела такую популярность, что в мае Галифакс передал в Лондон информацию, поступившую из Берлина, согласно которой "Россия, чувствуя свою слабость, постепенно уступает дорогу и готова предоставить Германии экономические привилегии на Украине и в районе Баку. Риббентроп, по-видимому, сторонник такого урегулирования, однако военные выступают против, так как считают, что это даст России передышку для укрепления ее в военном отношении. По их мнению, для Германии выгоднее напасть на Россию сейчас, пока она еще не готова к этому. Гитлер, как говорят, пока не сделал окончательного выбора между этими двумя теориями"{881}.

В своем пространном рапорте от 20 марта{882} Голиков подробно развивал гипотезу о расколе. По его утверждению, среди немцев преобладали два мнения:

"Первое — СССР в настоящее время слаб в военном и внутреннем отношениях, и настаивают на том, чтобы использовать удобный момент и вместе с Японией покончить с СССР и освободиться от пропаганды и от "дамоклова меча", висящего все время над Германией; второе — СССР не слаб, русские солдаты сильны в обороне, что доказано историей. Рисковать нельзя. Лучше поддерживать с СССР хорошие отношения".

Короче говоря, считалось, что вооруженные силы под предводительством Геринга настаивают на войне и сепаратном мире с Англией. Некоторые донесения действительно содержали предположения о тайных переговорах и прощупывании почвы с обеих сторон; отслеживание подобных попыток явно заняло главенствующее место в списке приоритетов разведки. Гитлер и Риббентроп, казалось, вели себя осторожнее, и Гитлер, по-видимому, еще не принял окончательного решения. Часть донесений, выделявшихся в общей мешанине, высказывала мнение, будто Гитлер взвешивает три возможных варианта применения своих томящихся в бездействии 228 дивизий в 1941 г.: он может

вторгнуться в Англию, повести наступление в Северной Африке и, наконец, повернуть свои силы против СССР. Большое место отводилось сообщениям о предполагаемом ограничении целей войны помощью Румынии и Финляндии в возвращении их территорий, отданных Советскому Союзу{883}.

Высокое положение "Старшины" в германском Министерстве авиации, явное преимущество, являлось в то же время и недостатком. Позволяя обеспечивать бесперебойный поток стратегической и оперативной информации, оно заставляло "Старшину" рисовать одностороннюю картину действительности, на которую он смотрел с позиции министерства. Его относительная неосведомленность о состоянии дел в других родах войск привела к преувеличению роли военно-воздушных сил как застрельщика кампании против Советского Союза. По незамедлительно составленному им сценарию, Геринг являлся самым громогласным сторонником антисоветского лагеря, настаивавшим на войне зачастую против воли Гитлера. В своих донесениях он яркими красками описывал конфликты между Герингом и Риббентропом, которые "зашли так далеко, что переросли в личную неприязнь между ними". Эта точка зрения, естественно, привела его к необоснованным [217] спекуляциям вроде теории, что, несмотря на пропаганду идеи войны Браухичем, "подавляющее большинство немецкого офицерства оппозиционно настроено по отношению к Гитлеру. Среди этого большинства также непопулярна идея нападения на Советский Союз"{884}.

Неделю спустя Меркулов подал Сталину и Тимошенко сводку последних донесений разведки, составленную таким образом, чтобы заглушить голоса "поджигателей войны" и способствовать примирению с Германией. В первой части рапорта отметалась возможность войны и делалось предположение, что победы немцев в Северной Африке возродили их надежды "выиграть войну с Англией посредством удара по ее жизненным коммуникациям и нефтяным источникам на Ближнем Востоке". Во второй, наиболее важной части рапорта главное место отводилось донесению "Старшины" о трещине между вооруженными силами и политиками. Основываясь на предполагаемой усталости в войсках, он делал вывод о снижении ударной силы вермахта в сравнении с 1939 г. Третья часть уделяла наибольшее внимание донесению, описывающему уныние, царящее в люфтваффе из-за качественного превосходства советских бомбардировщиков и истребителей{885}.

Знакомство с материалами иностранных разведок укрепило Сталина в его интерпретации событий. Через Энтони Бланта, одного из "Кембриджской пятерки",

в его руки попали по крайней мере некоторые из еженедельных разведывательных сводок Форин Оффис. В полученной им сводке за неделю 16 — 23 апреля говорилось: "Германские приготовления к войне с СССР продолжаются, однако до сих пор нет абсолютно каких-либо доказательств, что немцы намерены напасть на СССР летом 1941 г."{886}. Краткий обзор собранных резидентурой в Лондоне донесений об оценке британской разведкой замыслов немцев действительно подтверждал теорию раскола. Материалы разведки о "германских планах и перспективах", охватывающие период 4 — 11 мая, раскрывали с помощью источников, близких к Гиммлеру, намерения в ходе молниеносной кампании занять Москву и посадить там правительство, которое будет сотрудничать с Германией. Если цель войны была такова, Сталин еще мог надеяться убедить Гитлера, что он будет лучшим его партнером в случае возобновления переговоров. С точки зрения Сталина, важнее была дополнительная информация, противоречащая первоначальным выводам, служившим поддержкой преобладающего в Лондоне мнения, будто Германия стремится Наладить отношения с Советским Союзом. Как гласило донесение, хотя германская армия настаивает на войне, политики выступают за переговоры. "Во главе с Риббентропом, — говорилось в заключение, — они заявляют, что путем переговоров с Советским Союзом Германия может получить все, что ей нужно, т.е. участие в экономическом и административном контроле над Украиной и Кавказом. Германия добьется большего в результате мирного решения, нежели в результате контроля над оккупированной территорией, лишенной советского административного аппарата"{887}.

Кампания намеренной дезинформации путем распространения слухов о продолжающейся подготовке и концентрации сил вермахта для вторжения в Англию также способствовала неверной оценке ситуации{888}. Но самой эффективной оказалась дезинформация, поддерживавшая самообман. "Лицеист" по-прежнему слал свою обычную [218] мешанину истинных и ложных сведений. Дав довольно точную, хотя и общего характера информацию о количестве войск, угрожающих Советскому Союзу, он затем отправил успокоительное послание. Война между Советским Союзом и Германией, заверял он резидентуру, "маловероятна", несмотря на народную поддержку ее в Германии. Гитлер не рискнет воевать, "опасаясь нарушения единства национал-социалистической партии". Эффективно воздействуя на чувствительные струны Советов, он пояснял:

Гитлер против войны, которая может занять у него по меньшей мере шесть недель, даже если он победит, поскольку за это время Англия усилится с помощью Соединенных Штатов. Поэтому концентрация войск — это лишь демонстрация "решимости действовать". Гитлер предполагает, что Сталин станет "сговорчивым" и сделает все, чтобы прекратить интриги против Германии, а в первую очередь, "даст побольше товаров, особенно нефти". Германии мало будет прибыли от войны, так как она, разумеется, ввергнет Советский Союз в хаос. Правда, немцы уверены в своей способности разбить советскую армию, которая показала, что "не умеет воевать", как в Финляндии, так и в Польше; если их вынудят к войне, немцы окажутся в советской столице и установят контроль над всей Европейской частью Советского Союза за шесть недель. Тем не менее, "Лицеист" отвергал идею о существовании плана на этот случай{889}.

Очень скоро "теория раскола" была развита и вошла составной частью в "теорию ультиматума". Еще 2 апреля "Старшина" передал информацию, исходившую от "Лицеиста", что Гитлер решил "использовать хлебные и нефтяные источники советского государства". Искусный двойной агент, "Лицеист", конечно, снова изготовил свою смесь. Ясно, что при настроении, царившем в Кремле, слово "использовать" могли понять как "использовать с помощью переговоров", а наращивание сил счесть средством давления. "Старшина" и сам относил военные приготовления на счет "демонстрации" решимости немцев. Сталин, разумеется, сосредоточил свое внимание на следующем его выводе: "Началу военных действий должен предшествовать ультиматум Советскому Союзу с предложением о присоединении к Пакту трех". Гитлер мог начать войну, только если Сталин "откажется выполнить требования немцев". Необходимость действовать осторожно диктовалась предположением, что ультиматум будет предъявлен, как только решится исход боев в Югославии и Греции. Телеграммы утаивались от Сталина до 14 апреля, когда победоносное вступление вермахта в Белград продемонстрировало, как он просчитался с Югославией. Берия и Меркулов одержали верх над решением тройки аналитиков управления внешней разведки не распространять информацию о войне, не совпадающую со взглядами, которых придерживаются наверху. Через несколько дней была получена еще одна телеграмма относительно ультиматума. В результате НКГБ взял на вооружение "теорию ультиматума", даже слишком хорошо подогнав ее под взгляды

Сталина{890}. Очень скоро похожая интерпретация проникла в среду дипломатической колонии, развившей ее еще дальше{891}.

Месяц спустя, накануне переговоров с немцами, описанных ниже, берлинская резидентура передала успокаивающее сообщение, исходившее из Министерства экономики, что "от СССР будет потребовано выступление против Англии на стороне "держав Оси". В качестве [219] гарантии будет оккупирована Украина, а возможно, и Прибалтика". Такое донесение, естественно, дезавуировало информацию противоположного характера, вроде слов Гитлера, сказанных высокопоставленным офицерам: "В ближайшее время произойдут события, которые многим покажутся непонятными. Однако мероприятия, которые мы намечали, являются государственной необходимостью, так как красная чернь поднимает голову над Европой"{892}.

Первостепенной задачей, которую с этих пор Сталин ставил своей разведке, являлся сбор сведений о вероятных требованиях Германии. В общем и целом все они сходились на необходимости обеспечить более интенсивный ход советских поставок. "Лицеист" по-прежнему гнал изощренную дезинформацию, балансируя на тонкой грани между ложью и полуправдой. Когда развертывание войск стало невозможно дольше скрывать, он признал, что армия уже полностью готова к войне и ждет лишь маршевых предписаний. Однако соответствующие данные можно интерпретировать различным образом. Потворство немцев пакту с Японией объясняется как маневр с целью выиграть время. Гитлер, по-видимому, озабочен тем, как бы Япония, следуя примеру Италии, несмотря на свою слабость, не развязала авантюристическую войну против Советского Союза и не втянула Германию в преждевременный конфликт. Желание избежать войны сделало Сталина восприимчивым к любой информации, предполагавшей готовность Гитлера превратить военное решение вопроса в политическое. По словам "Лицеиста", поведение Гитлера обусловливается нехваткой экономических ресурсов, главным образом нефти и пшеницы, восполнить которую он рассчитывает с помощью Советского Союза. Для него Украина — "житница Европы". Кроме того, мирную передышку гарантирует решение Гитлера отложить войну до "благоприятного момента, который главным образом зависит от развития на Балканах и удачи наступления против Египта"{893}.

Вскоре после вторжения в Югославию резидентура передала в Москву добытую у некоего майора Х. информацию о решении Гитлера напасть на Советский Союз

теперь, когда война с Англией затянулась, чтобы не столкнуться в будущем с возросшей его мощью. Заговорили было о возможности начала войны с Советским Союзом до окончания войны с Англией, но теория ультиматума заставила эти разговоры умолкнуть. Сведений, подтверждающих ее, было в изобилии. Так, например, некий Франц Кош, рабочий одного из электрозаводов в Берлине, поставлявший достоверную информацию, заявлял, что Гитлер стремится к заключению всеобъемлющего торгового соглашения на 90 лет в обмен на согласие Германии, чтобы Турция и Финляндия стали советскими республиками{894}. Согласно донесению "Мазута", выходца из Латвии, директора одной из ведущих румынских нефтяных компаний, недовольство немцев состоянием торговых отношений с Советским Союзом побуждает их создать в Европе такие условия, которые вынудят СССР сделать значительные уступки Германии{895}.

Сталин знакомился с подобными донесениями, с нетерпением ожидая результата консультаций Шуленбурга с Гитлером в Берлине{896}. Действительно, сведения из надежных источников подтверждали, что специальный комитет планирования в Берлине пришел к выводу: нехватка экономических ресурсов вынуждает Германию "использовать [220] хлебные и нефтяные источники Советского государства". Некоторые даже полагали, будто она станет добиваться создания независимого Украинского государства, подчиненного Германии{897}.

В начале мая многие разведывательные донесения всячески подгонялись к мнению Кремля. Хотя масса свидетельств указывали на возможное начало войны в середине мая; "Старшина" по-прежнему придерживался пагубной точки зрения, что "вначале Германия предъявит Советскому Союзу ультиматум с требованием более широкого экспорта в Германию и отказа от коммунистической пропаганды. В качестве гарантии выполнения этих требований в промышленные и хозяйственные центры и предприятия Украины должны быть посланы немецкие комиссары, а некоторые украинские области должны быть оккупированы германской армией". Приступая к фальшивым переговорам с Шуленбургом, Сталин обдумывал предполагаемые условия, могущие прояснить степень подчинения. Как поясняла следующая телеграмма Кобулова, "война нервов" велась путем распространения ложных слухов. "Старшина" все еще считал, что "большая часть германского офицерства, а также некоторые круги национал-социалистической партии настроены явно против войны с СССР". Такая война не имеет смысла и может "привести Гитлера к краху"{898}.

Следуя инструкциям из Москвы, посольство в Бухаресте не приняло во внимание информацию о консультациях немцев с румынским Генеральным штабом как очередном этапе в "так называемой подготовке Германией выступления против нашей страны". Сверх того, были прослежены английские источники этих слухов, которые "имеют явно тенденциозный и неправдоподобный характер". Делалось даже предположение, будто "англичане сознательно допустили оккупацию немцами греческих островов, расположенных около Проливов, так как считают, что это создает угрозу против Советского Союза и может вовлечь последний в войну против Германии". Этим англичане надеялись достичь двух целей: "с одной стороны, поражения СССР, с другой — ослабления Германии. И то, и другое им выгодно"{899}. Это вроде бы в самом деле подтверждалось рядом перехваченных телеграмм Криппса, которые были переданы Сталину. Следующие шаги Гитлера, внушал Криппс Идену, в большой степени зависят от того, сможет ли он полностью подчинить себе Советский Союз, а это, по его мнению, "станет ясным в ближайшее время" — явный намек на возвращение Шуленбурга из Берлина. Как он считал, пока Советский Союз не спровоцирует немцев, Гитлер может откладывать начало войны. Потому он предлагал ряд мер, чтобы вбить клин между Германией и Советским Союзом, что встревожило Сталина и, разумеется, отвлекло его внимание от подлинной опасности{900}.

Поворот войны в сторону Балкан и англо-германская стычка в Греции породили предположение, будто следующей жертвой может стать Турция, на пути к захвату Египта, Суэцкого канала, Сирии и Ирана, а возможно, также Испании и Гибралтара{901}. Даже такие надежные агенты, как "Дора" в Цюрихе, прославившийся впоследствии своими точными предупреждениями, слали неверную информацию. По словам его источников в Берлине, война начнется только тогда, когда британскому флоту будет закрыт доступ в Черное море, а немцы утвердятся в Малой Азии. Поэтому казалось, ближайшая цель Гитлера — Гибралтар и Суэцкий канал, чтобы изгнать британский флот из Средиземного [221] моря{902}. По крайней мере частично концентрацию войск на юго-западной границе Советского Союза можно было объяснить как средство нажима с целью получить позволение на переброску немецких войск через юг России к Ирану и Ираку. Вероятность создания такой Оси, угрожающей имперским владениям Британии, отвлекала и англичан от объективной оценки германской угрозы{903}.

В день возвращения Шуленбурга в Москву "Старшина" с тревогой сообщил, что, как он узнал в службе связи между министерствами авиации и иностранных дел, "вопрос о выступлении Германии против Советского Союза решен окончательно" и его ждут "со дня на день". Еще в большее смятение повергало известие, будто Риббентроп, "который вовсе не был сторонником нападения на СССР, осознав, что решение Гитлера по этому вопросу непоколебимо, занял теперь позицию поддержки нападения на Советский Союз". Кроме того, уже шли переговоры на уровне начальников штабов с финскими военно-воздушными силами, в то время как от болгар, венгров и румын потребовали принять меры оборонительного характера{904}. Однако, вероятнее всего, Сталину даже не показали эту телеграмму. Зато ему в тот же день сообщили об обзоре германских экономических ресурсов, сделанном Функом, министром экономики. Его выводы несомненно порадовали Сталина: как он утверждал, пока в течение года не будет заключен мир с Англией и восстановлено экономическое сотрудничество, Германии придется "расширить экономические связи с Японией и Советским Союзом, причем с последним если не удастся миром, то силой". Будущее сотрудничество зависело от способности Советов увеличить поставки сырья{905}.

Перед лицом очевидной опасности Сталину приходилось поддерживать хрупкое равновесие между изъявлением покорности Германии и демонстрацией уверенности в себе, чтобы у немцев не возникло соблазна воспользоваться его слабостью. Его изощренная политическая игра, рассматриваемая задним числом, на фоне последующего вторжения, представляется абсурдной, но она соответствовала логике разворачивающихся событий. Решения Сталина редко оспаривались его окружением, его принцип управления "разделяй и властвуй", привычка приписывать собственные соображения своим соперникам и крайняя подозрительность даже по отношению к потенциальным союзникам вели к колоссальному самообману. Исчезновение альтернативных мнений позволяло ему упорно держаться своих убеждений, подавляя малейшие разногласия и вынуждая всю политическую и военную систему приспосабливаться к его взглядам{906}. Кроме того, в пользу его оценки ситуации говорило множество свидетельств, совпадающих с его политическими взглядами. Лишь незначительная часть их появилась в результате преднамеренного обмана со стороны Гитлера{907}. Гораздо существеннее были неверные трактовки событий, представляемые ему оппонентами гитлеровской политики, в первую очередь Шуленбургом и, в какой-

то степени, даже Риббентропом. В итоге Сталин сохранял уверенность, что с помощью искусных политических маневров можно предотвратить или, по крайней мере, отсрочить войну. Он надеялся добиться этого, вновь обратившись к приглашению Советскому Союзу присоединиться к Оси, переданному Риббентропом Молотову в Берлине перед отъездом последнего в ноябре 1940 г. [222]

Решение избежать конфликта с Германией любой ценой, по-видимому, было принято всего лишь через два дня после заключения пакта с Югославией. Молотов поручил Деканозову осторожно возобновить переговоры с Вайцзеккером о двусторонних отношениях. Вайцзеккер, со своей стороны, заметил, что Деканозов "не сказал ни слова против нашей интервенции в Югославию"; напротив, он, казалось, заинтересовался визитом японского министра иностранных дел Мацуоки в Берлин, который, по его убеждению, являлся продолжением усилий по расширению Тройственного союза, видевшего свою задачу в том, "чтобы помешать распространению войны"{908}. Посла в Виши использовали, чтобы сообщить немцам о намерении Советов придерживаться буквы пакта Молотова — Риббентропа. Советский Союз обещал не брать на себя "никаких обязательств, военных или политических, в отношении Югославии" и ни в коем случае не желал повторять опыт 1914 года, когда защита Сербии втянула Россию в войну{909}.

Самой значительной реакцией на падение Югославии стало поспешное заключение пакта о нейтралитете с Японией 13 апреля, когда Мацуока возвращался из Берлина через советскую столицу. Заключение пакта Молотова — Риббентропа незамедлительно возымело прямое действие на советскую политику на Дальнем Востоке. Тесное сотрудничество с Китаем пошло на убыль. Чан Кайши даже не удалось соблазнить русских предложением военного союза и предоставления Советскому Союзу права разместить гарнизоны на китайской территории{910}. Его специального военного эмиссара, прибывшего в Москву в конце апреля 1940 г. с более конкретным предложением объединиться, чтобы нанести "удар японским агрессорам", не допустили к Сталину, и он вернулся в Китай с пустыми руками{911}. Эти обращения Сталин отнес на счет попыток англичан вовлечь Советский Союз в войну{912}.

Постепенное отдаление от Китая совпало с попытками примириться с Японией{913}. Молотов отвечал на японские инициативы осторожно, опасаясь, как он откровенно признался Того, японскому послу в Москве, что японцы могут

использовать это в качестве противовеса в своих переговорах с американцами{914}. Однако он сменил тон, когда близилось падение Франции. Он хотел теперь говорить не о двусторонних отношениях, стоявших до тех пор на повестке дня, а "о крупных вопросах, считаясь с теми изменениями, которые происходят в международной обстановке и которые могут произойти в будущем"{915}. Это привело к быстрой демаркации маньчжурской границы, к досаде китайцев, которых Молотов предполагал поторопить с отменой старого "Антикоминтерновского пакта"{916}. Эти начальные шаги подготовили почву и поощрили к дальнейшему сотрудничеству, когда принц Коноэ захватил власть и стал добиваться улучшения отношений как с Германией, так и с Советским Союзом. Новое трехстороннее соглашение, как он надеялся, обеспечит Японии массу "золотых возможностей" по использованию сдвигов на международной арене для экспансии на юг. Мацуоку, который, являясь представителем Японии в Лиге Наций, проявил себя как энтузиаст улучшения отношений с Советским Союзом, назначили новым министром иностранных дел{917}. Движение на юг против имперских владений Британии всячески поощрялось Берлином. Германский посол обещал новому министру [223] иностранных дел, что Германия "сделает все, что в ее власти, чтобы содействовать дружескому взаимопониманию, и в любое время готова предложить свои услуги для достижения этой цели"{918}.

Однако на самом деле именно рост напряженности на Балканах и создание Оси осенью 1940 г. вызвали более активную советскую политику. Молотов сделал необычный шаг, пригласив Того на завтрак, во время которого оба пришли к соглашению о том, что для включения Советского Союза тем или иным путем в Тройственный союз должны быть улажены разногласия между двумя странами{919}. Берия сообщил Сталину о намерении Гитлера содействовать пакту между СССР и Японией, чтобы "показать миру полный контакт и единение между четырьмя державами" и тем самым отбить у Соединенных Штатов охоту помогать Англии{920}. Сталин, однако, не хотел связывать себя обязательствами относительно пакта о нейтралитете, предложенного отъезжающим послом в Москве, пока не получит более ясного представления о планах Гитлера в ходе предстоящей поездки Молотова в Берлин{921}.

Мацуока не терял времени зря. Генерал-лейтенант Татекава, известный как "решительный человек, который сумеет урезонить русских без дипломатических фраз", был послан в Москву, чтобы способствовать перемене в отношениях.

Шведскому послу он показался "похожим на статуэтки Будды, которые можно купить за несколько рублей на рынке, но живот у него поистине царский, и это единственная живая часть неподвижной маленькой фигурки". Наружность Татекавы была обманчива, скрывая весьма энергичную личность. Он гордился своим военным званием, так как считал, что "лишь во время войны страны могут договориться друг с другом с мечом в руке"{922}. Уже в первую свою встречу с Молотовым 1 ноября он предложил пакт о ненападении, аналогичный пакту Молотова — Риббентропа. Зная о необходимости для Коноэ исключить угрозу второго фронта на севере, Сталин не спешил. Занятый мыслями о послевоенном устройстве, вопрос о котором, как он надеялся, будет урегулирован в Берлине, он хотел получить подходящую цену: признание японцами советского суверенитета на севере Сахалина и права на рыбный промысел, аннулировав тем самым унизительное Портсмутское соглашение. Такие условия, внушал Молотов послу, являются всего лишь "справедливой компенсацией" со стороны Японии, "развязывая ей руки на юге", тогда как СССР рискует охлаждением отношений с Соединенными Штатами и Китаем{923}.

После провала переговоров в Берлине Сталин по-прежнему соблюдал осторожность, не желая навлекать на себя гнев и англичан, и американцев. Кроме того, японцы, стремясь заключить соглашение, вернулись к своему предложению пакта о нейтралитете, отложив спорные вопросы на потом. Поэтому Сталин взял на вооружение тактику проволочек, втянув японцев в долгие и изнурительные переговоры о праве на рыбный промысел{924}. Когда конвенция по рыбному промыслу была заключена в конце января, Сталин перешел к столь же трудным переговорам о торговом соглашении{925}.

В целом переговоры с японцами отражали развитие событий на западном фронте, становившееся с середины февраля все более угрожающим. Мертвая точка, на которой застыли переговоры, и ходящие кругом слухи о войне, которая могла вовлечь Японию в боевые действия [224] против СССР, заставили Мацуоку взять вожжи в свои руки. Внешне совершаемый им теперь тур по Европе имел целью скоординировать действия Японии и ее союзников по Оси. Но "за чашкой чая" в своей резиденции Мацуока признался советскому послу, что считает "самой важной задачей своей поездки" встречу с советским руководством во время остановки в Москве. Он приписывал секретность встреч в Москве существованию оппозиции у него в стране, хотя на самом деле все это было из-за немцев,

которые, как он опасался, могли нажать на Японию, чтобы та выступила против Советского Союза. Любитель путешествий, он попросил русских предоставить ему вагон с кухней и спальней для облегчения долгого транссибирского вояжа{926}.

Для Сталина, которому приходилось использовать все свое дипломатическое мастерство, чтобы отвратить опасность войны, предложенный визит был подарком судьбы в его стремлении возобновить диалог с Гитлером, заглохший со времени визита Молотова в Берлин. Его, разумеется, ободрило заявление Мацуоки в парламенте о намерении "приложить серьезные усилия для фундаментального улучшения отношений" с СССР, в соответствии с идеями Тройственного союза{927}. Татекаве в Москву сообщили, что пришло время "перейти от мелких разногласий к урегулированию кардинальных вопросов". Как надеялся Татекава, это могло быть осуществлено во время остановки Мацуоки в Москве{928}. Конечно, возникло некоторое ощущение сговора, когда Шуленбурга и Россо не позвали на ряд обедов, на которые японский посол пригласил одного Молотова{929}.

Тревогу Мацуоки по поводу немцев в некоторой степени рассеял сам Риббентроп. Все еще лелея мечту о создании Континентального блока и "великого вала" от Атлантического до Тихого океана, он продолжал настаивать, чтобы японцы захватили Сингапур и перенесли боевые действия в Тихий океан. Поэтому он скрывал от японцев планы нападения на СССР, которое могло представлять угрозу для Японии как союзника Германии и втянуть ее в нежелательную войну. Риббентроп даже поведал Ошиме, японскому послу в Берлине, о своих надеждах на возобновление переговоров с Советским Союзом и включение его в число стран Оси{930}. В результате как раз перед его отъездом переговоры пошли на более высоком уровне; были организованы беспрецедентные встречи Мацуоки со Сталиным, как на пути первого в Берлин, так и при возвращении оттуда{931}. По прибытии в Москву 24 марта Мацуока осторожно выдвинул перед Молотовым идею пакта о ненападении. Однако Наркомат иностранных дел обратил внимание Молотова на то, что пакт о ненападении с Китаем 1937 г. запрещает русским заключать такой же с Японией. Поэтому он предложил взамен соглашение о нейтралитете{932}.

При встрече со Сталиным Мацуока расписал свои усилия по достижению пакта о ненападении с СССР в 1932 г., потерпевшие неудачу из-за враждебно настроенного общественного мнения в стране. Теперь они с Коноэ "твердо решили

добиться улучшения отношений между двумя странами". Мацуока, изо всех сил стремясь завоевать расположение Сталина, развивал перед ним хитроумную теорию, описывавшую японский строй, пусть и во главе с императором в окружении капиталистов, как "моральный коммунизм". Нынешнее правительство желает с помощью своего участия в Тройственном союзе [225] "разгромить англосаксов", а с ними "капитализм и индивидуализм". Если Сталин разделяет эти взгляды, намекал он, Япония готова "идти с ним рука об руку". Сталина, конечно, позабавила представленная картина, но он учитывал и более практические соображения. Он явно желал использовать Мацуоку как посредника, попросив его передать Риббентропу, что англосаксы никогда не были друзьями Советского Союза и "в настоящий момент он уж точно не захочет с ними подружиться".

Затем Сталин подчеркнул, что различие в идеологических воззрениях не может стать препятствием к сближению двух стран. Тем не менее, Мацуока, как стало очевидно, предпочитал отложить реальные переговоры до тех пор, пока не послушает Гитлера{933}. Перспективы казались блестящими. На приеме, данном в честь японского министра иностранных дел в тот же вечер, он открыто говорил о необходимости сцементировать Ось и найти для Советского Союза удобный способ присоединиться к ней. Он прозрачно намекал на свое намерение подготовить почву для такого соглашения во время своей поездки в Берлин{934}. Помимо того, некоторые подозрения Сталина, питаемые дикими слухами, будто Мацуока может посетить Лондон, добиваясь соглашения с англичанами, которое развяжет ему руки для войны вместе с Германией против Советского Союза, были опровергнуты Майским из Лондона{935}.

Встречи Мацуоки в Берлине 27 — 29 марта совпали по времени с переворотом в Югославии. Это поставило германское руководство в нелегкое положение. Стремясь отговорить японцев от подписания соглашения в Москве, немцы в равной степени горячо желали, чтобы те начали атаку на Сингапур. Японцы же явно считали необходимым заключить соглашение с Советским Союзом, прежде чем развязывать войну. Потому Гитлер скрывал от Мацуоки планы нападения на Советский Союз: это могло соблазнить японцев отложить экспедицию на юг и потребовать долю добычи от русской кампании. Но Мацуока вскоре понял, что широкие планы привлечения Советского Союза к участию в крестовом походе против англосаксонского мира неосуществимы. Советская позиция по Балканам, сетовал Риббентроп, неприемлема, "так как Балканский полуостров нужен

Германии для ее собственной экономики и она не склонна позволить ему отойти под руку русских". Если Сталин, которого он как-то раз назвал "хитрецом", не станет действовать так, как "фюрер считает правильным, тот сокрушит Россию". Мацуока безуспешно попытался, типичными для него окольными путями, переломить существующую тенденцию, поведав Гитлеру, что в ходе его бесед со Сталиным было сказано: "Советская Россия никогда не ладила и не поладит с Великобританией". Но ему достаточно твердо посоветовали не поднимать вопроса о приеме Советского Союза в число стран Оси на переговорах в Москве, "поскольку это, видимо, не вполне укладывается в рамки нынешней ситуации". На последней встрече Риббентроп, вероятно, под влиянием событий в Югославии и по прямому указанию Гитлера, особо предостерег Мацуоку против заключения пакта о ненападении с Советским Союзом, так как Германия может открыть боевые действия против СССР в случае нападения русских на Японию, когда та будет преследовать свои цели на юге. Его последние слова на прощание содержали явный намек на "Барбароссу", хотя и оставались двусмысленными. [226] Он не может заверить японского императора, "что конфликт между Германией и Россией невообразим. Напротив, при нынешнем положении дел такой конфликт, пусть и не обязательный, все же следует считать возможным"{936}.

Мацуока, конечно, все понял. Хотя Гитлер в ходе их встречи 1 апреля едва коснулся этого вопроса, Мацуока всячески извинялся за конференцию в миниатюре, имевшую место в Москве. Он не счел нужным упомянуть, что инициатива исходила от него, зато скрупулезно подсчитал, что, учитывая время, затраченное на перевод, он "беседовал с Молотовым, вероятно, 10 минут, а со Сталиным — 25 минут". Довольно точно передавая содержание разговоров, он, весьма примечательно, обошел молчанием предложение пакта о ненападении, сделанное им Сталину{937}. Несколько приободрили Мацуоку беседы в Риме с Чиано, не переставшим терзаться мыслью о стремлении Германии к превосходству. Фактически Мацуоку похвалили за его усилия по изучению возможностей расширения Тройственного союза и поощрили и дальше "прояснять и улучшать отношения между Японией и СССР"{938}.

Мацуока вернулся в Москву 6 апреля и встретился с Молотовым на следующее утро. Драматические события в Югославии между этими двумя визитами произвели разительную перемену во взглядах Сталина{939}. Ко времени отъезда Мацуоки 13 апреля — день, когда вермахт вошел в Белград, — Сталин осознал

реальность германской угрозы и отчаянную необходимость возобновить переговоры с Берлином. Поэтому японский путь стал жизненно важным. Не удивительно, что Молотов, как обнаружил Мацуока в первую же их встречу, стал "значительно мягче"{940}. Мацуока больше не ходил вокруг да около: его не интересуют переговоры о торговле и праве рыбной ловли, их он оставляет своему послу. Его действия продиктованы "не совпадением сиюминутных взаимных интересов, а желанием улучшить отношения на следующие 50 — 100 лет". Короче говоря, его "величайшее желание — заключить пакт о ненападении, невзирая на прочие нерешенные разногласия". Он, конечно, не прочь был воспользоваться напряженностью в германо-советских отношениях и полагал, что "заключение пакта теперь можно сравнить с мастерским ударом — тем, что в бейсболе называют "master-hit", — когда по мячу бьют с максимальной силой, одним ударом посылая его в нужном направлении".

Очевидной приманкой для Кремля служило то, что этот шаг существенно улучшил бы его позицию, чтобы торговаться с Германией. Затем Мацуока убаюкал русских сообщением, будто возможность объединенного нападения на Советский Союз даже не обсуждалась в Берлине. Мысль Молотова, однако, все еще работала в направлении грядущих мирных переговоров. Он по-прежнему жаждал пересмотра Портсмутского соглашения, который дал бы Советскому Союзу полный контроль над Сахалином, и оставался верен решению заключить лишь соглашение о нейтралитете. Поэтому встреча закончилась ничем, однако прежде Мацуока поведал о своем намерении отложить отъезд до 13-го — следующего рейса транссибирского экспресса, ходившего раз в неделю{941}.

После предварительных консультаций Мацуока выразил готовность заняться составлением пакта о нейтралитете, но Молотов, прекрасно сознавая, как отчаянно необходимо Японии такое соглашение, [227] поставил условием ликвидацию японских концессий на северном Сахалине. Не желая идти на компромисс, Мацуока извлек на свет предложение немцев насчет доступа для русских в теплые воды Персидского залива и Индийского океана, по сравнению с которым, как он считал, концессии на северном Сахалине — "мелочь". Переговоры застыли на мертвой точке. В тот вечер, после обеда с Молотовым, Мацуока поехал на "Красной стреле" в Ленинград. Он, видимо, надеялся, что его отсутствие в столице подтолкнет Кремль к пересмотру своего решения'{942}.

По возвращении в Москву 11 апреля Мацуока сообщил Молотову о готовности императора заключить соглашение о нейтралитете, но отказался даже обсуждать ликвидацию японских концессий на Сахалине. Молотов, делая ставку на срочную необходимость для японцев нейтрализовать русскую угрозу, завершил встречу выражением сожаления по поводу того, что "придется подождать более благоприятных обстоятельств для заключения политического соглашения". Мацуока разыгрывал свои карты с железным самообладанием. Он ознакомил Молотова с наброском письма, составленным в поезде по пути из Ленинграда,, которое предполагал передать Молотову в день подписания соглашения о нейтралитете и в котором выражал надежду на скорое подписание такого же соглашения по вопросу о концессиях. Когда Молотов уперся, он не выказал никакой тревоги. Остаток времени в Москве до отправления транссибирского экспресса он провел в экскурсиях по городу, посетил технологические институты Академии наук и автомобильной промышленности и даже нанес визит вовсе не желавшему этого Жукову, заклятому врагу и герою Халхин-Гола, на которого произвел "неприятное впечатление". Вечер 12 апреля он провел в театре, наслаждаясь постановкой чеховских "Трех сестер"{943}. Пока Мацуока восхищался сокровищами Эрмитажа и Кремля и осматривал технологические новинки в Москве, Сталин с растущей озабоченностью наблюдал катастрофические последствия своих просчетов в югославском вопросе. Он как раз получил сообщения, что греки "крайне пессимистически" оценивают свою способность сопротивляться, тогда как английская армия в Греции численностью в 100 000 чел. даже не вступила в бой с вермахтом. В Афинах считали, что все английские планы насчет Европы "провалились, и выражали большую тревогу относительно хода войны в будущем"{944}. Кроме того, лавина донесений разведки свидетельствовала о намерениях вермахта осуществить "Drang nach Osten", как только балканская кампания завершится. По словам резидента в Берлине, Мацуока ездил туда, чтобы подтвердить обещание начать войну против Советского Союза, якобы данное Японией при вступлении в Тройственный союз{945}. Бессмысленная демонстрация силы в Югославии, насчет которой у него с самого начала имелись серьезные сомнения, сменилась жгучей потребностью умиротворить страны Оси.

По выходе из театра Мацуока был срочно доставлен в Кремль, где его ждал Сталин. Мацуока вновь повторил, что горячо желает заключить соглашение о

нейтралитете, которое, по его мнению, будет "полезным и выгодным не только для Японии, но и для СССР", но "без всяких сопутствующих условий и в виде некоего дипломатического блицкрига". Сталин опасался, как бы Тройственный союз не стал главным камнем преткновения на пути к заключению соглашения. [228]

Мацуока, однако, успокоил его, уверяя, будто Риббентроп сам внушал ему, что соглашение непременно приведет к улучшению германо-советских отношений. В целом, как и на предыдущей встрече с Молотовым, Мацуока старался представить пакт о нейтралитете частью общего плана интегрирования Советского Союза в систему тройственных соглашений. Пытаясь отвлечь русских от сахалинского вопроса, он вновь развернул предложенную Молотову в Берлине схему урегулирования, предполагавшую раздел Азии на сферы интересов между двумя странами. Это заинтересовало Сталина гораздо больше, чем пассажи Мацуоки о японском "моральном коммунизме". Для него значение соглашения заключалось не в распространении убеждений, а в том факте, что "сотрудничество между Японией, Германией и Италией по основным вопросам возможно". На данный момент он объяснял нежелание Гитлера превратить Тройственный союз в Союз четырех убежденностью последнего, будто он и сам может выиграть войну. Поэтому время, выбранное Сталиным для заключения пакта о нейтралитете с Японией, обусловливалось не только его боязнью войны на два фронта: он действительно видел в этом "первый шаг, и серьезный, к будущему сотрудничеству по основным вопросам". Как признался Сталин, у него были подозрения относительно истинных целей Японии, но теперь он убежден: никаких "дипломатических игр" не было и Япония "в самом деле серьезно заинтересована в улучшении отношений с Советским Союзом". Затем Сталин похвалил Мацуоку за его "искренние и прямые речи":

"Очень редко найдешь дипломата, который открыто говорит, что у него на уме. Хорошо известны слова Талейрана, сказанные Наполеону: "Язык дан дипломату для того, чтобы скрывать свои мысли". Мы, русские и большевики, думаем иначе и верим, что и на дипломатическом поприще можно действовать открыто и искренне"{946}.

Были приложены чрезвычайные усилия, чтобы обеспечить немедленное утверждение императором соглашения, торжественно подписанного вечером 13 апреля; сенсационные фотографии Сталина и Мацуоки рука об руку должны были украсить страницы газет на следующее утро.

Сюрреалистическая сцена прощания на Ярославском вокзале заслуживает подробного описания, так как ясно показывает, как возрастал самообман, позволявший Сталину надеяться избежать несчастья{947}. По убеждению Сталина, ему удалось мастерски обвести вокруг пальца своих противников. В своем рьяном стремлении увидеть Советский Союз вовлеченным в войну с Германией, Криппс интерпретировал соглашение и старания Сталина польстить тщеславию Мацуоки на вокзале как показатель того, "на что приходится идти России, чтобы обезопасить свою восточную границу в свете угрозы на западе"{948}. Эта интерпретация была в то время общепринятой и с тех пор повторялась вновь и вновь, в значительной степени советскими историками, предпочитавшими видеть в этом жесте, как и в случае соглашения с Югославией, попытку противостоять Гитлеру, а не чрезмерное старание угодить Германии{949}.

Отправление еженедельного транссибирского поезда задержали на полтора часа, пока в Кремле праздновали. Когда Мацуока и Татекава наконец прибыли на вокзал, около 6 часов вечера, они едва держались на ногах под влиянием напитков, поглощенных на импровизированном банкете после заключения соглашения. Едва они вошли, как, к [229] изумлению большого корпуса дипломатов и журналистов, Сталин, редко показывавшийся на публике и, разумеется, никогда не провожавший своих гостей, появился на вокзале. Он был одет в свой военный френч, кожаные ботинки с галошами и коричневую фуражку с козырьком. В нескольких шагах позади него плелся Молотов, который "постоянно отдавал салют и выкрикивал: "Я — пионер! Я всегда готов!"" Если верить болгарскому послу, он был "пьян меньше всех".

Один расторопный журналист оставил точное и яркое описание всего последующего:

"Сталин начал обнимать японцев, хлопая их по плечам и обмениваясь выражениями сердечной дружбы. Поскольку лишь немногие японцы и русские могли говорить на языке друг друга, чаще всего слышалось: "А!.. А!" Сталин подошел к маленькому, преклонных лет японскому послу-генералу, довольно сильно ударил его по плечу с ухмылкой и своим "А!.. А!", так что генерал, с покрытой веснушками лысиной и не более четырех футов десяти дюймов роста, отлетел на три-четыре шага, насмешив Мацуоку".

Но самое примечательное произошло, когда Сталин, заметив полковника Кребса из германского посольства, вдруг отделился от группы японцев. Хлопнув Кребса по груди и несколько секунд испытующе глядя ему в лицо, он спросил: "Немец?" Шеетифутовый немецкий офицер, возвышаясь над низеньким Сталиным, стоял по стойке "смирно" и что-то утвердительно бормотал на плохом русском. Похлопав его по спине и пожав ему руку, Сталин объявил с глубокой убежденностью: "Мы были с вами друзьями и останемся друзьями", — на что Кребс ответил: "Я в этом уверен", хотя, как заметил шведский атташе, "вовсе не казался так уж уверенным"{950}. Как тут же осенило болгарского посла, свободно владевшего русским и пристально наблюдавшего за событиями в Кремле, со стороны Сталина это был знак, что им принято решение присоединиться к Оси. Он задавался вопросом, "не сыграл ли Мацуока роль посредника между Советским Союзом и Германией"{951}. И действительно, когда Сталин в третий раз прощался с Мацуокой, он крепко пожал ему руку и обнял его, заявив несколько надтреснутым голосом: "Мы наведем порядок в Европе и Азии". Затем Сталин лично проводил Мацуоку в вагон и оставался на платформе, пока поезд не отошел от вокзала. Члены японской делегации были так тронуты оказанной им особой честью, что провожали Сталина до его машины; как записал румынский посол, "маленький посол, Татекава, стоя на скамейке, размахивал платком и кричал своим скрипучим голосом: "Спасибо! Спасибо!""{952}

Прежде чем покинуть советскую территорию, Мацуока послал Сталину теплое личное письмо с маньчжурской станции, которое хорошо передает историческое значение всего этого эпизода. Он говорил о большом впечатлении, произведенном на него Советским Союзом, его народом и его достижениями. "Неофициальная, сердечная сцена, разыгравшаяся по случаю заключения пакта, несомненно, останется одним из счастливейших моментов всей моей жизни. Любезность вашего высокопревосходительства, выразившуюся в вашем личном появлении на вокзале, чтобы проводить меня, я всегда буду ценить как знак подлинной доброй воли не только по отношению ко мне, но и по отношению к моему народу". Еще одно письмо последовало за ратификацией соглашения и поздравляло Сталина за мужество, [230] проявленное при осуществлении "дипломатического блицкрига" {953}.

Соглашение пролагало дорогу к возобновлению переговоров с немцами. "Балканские победы, — сообщал домой Актай, — как молнией озарили темные

советские головы... Сталин улещивал японцев в советско-японском соглашении, всецело и исключительно чтобы завоевать сердце Германии". Сталин, заключал он, "на пути к тому, чтобы стать слепым орудием Германии"{954}. Мацуока был по-настоящему заинтересован, как и Чиано, в предотвращении немецкого нападения на Советский Союз, как раз когда Япония устремилась на юг. Японцы, не щадя усилий, внушали Отту, германскому послу в Токио, что, как обнаружил Мацуока, "Сталин жаждет исключительно мира. Сталин... заверил его, что и речи быть не может о какой-либо сделке Советского Союза с англосаксонскими странами"{955}. Как подчеркивалось в еще одной телеграмме из германского посольства в Токио, русские находятся под впечатлением германских успехов и "готовы теперь заключить пакт. Поэтому Россия решила идти рука об руку со странами Тройственного союза. Лишь теперь Тройственный союз стал надежным инструментом политики стран Оси, а Япония давно добивалась русско-японского соглашения"{956}.

Вряд ли случайно Сталин выбрал этот важный момент после визита Мацуоки и во время посещения Берлина Шуленбургом{957}, чтобы освободиться от идеологических пут, сковывавших его политическую маневренность. Немецкое вторжение в Югославию вызвало в Югославской коммунистической партии раскол по вопросу о том, можно ли эту войну назвать оборонительной. Еще раньше выявилась невозможность впрячь эту партию в колесницу Москвы и удержать ее от антинемецких действий в ходе переворота. Идеологические придирки казались слишком рискованными; польза от поддержки коммунистов в общем и целом была незначительной, а в случае с Югославией и Болгарией даже оборачивалась во вред{958}. Теперь недвусмысленно заявлялось, что государственные интересы в Кремле доминируют над мессианизмом. Давно пора, настаивал советский посол в вишистской Франции, "перестать видеть повсюду руку и око Москвы". Советский Союз, лаконично пояснял он, следует реалистической, а не сентиментальной политике. Сентименты, по его словам, "мы приберегаем для маленьких детей и зверюшек, но на практике не проводим сентиментальной политики в отношении какой-либо страны, будь она славянской или неславянской, маленькой или большой"{959}.

В полночь 20 апреля, после зажигательного представления таджикских танцоров в Большом{960}, члены Политбюро вернулись в Кремль на обычное ночное заседание, куда был вызван также Димитров, председатель Коминтерна. Сталин

воспользовался случаем, чтобы объявить свой новый взгляд на перспективы мирового коммунизма, и потряс основы Коминтерна, провозгласив "национальный коммунизм":

"...Коммунистические партии должны стать совершенно независимыми, а не секциями Коммунистического Интернационала. Их следует превратить в национальные коммунистические партии под различными названиями — Рабочая партия, Марксистская партия и т.д. Название не важно. Важно, что они должны обратить внимание на свой собственный народ и сосредоточиться на собственных общих и частных задачах. Все они должны иметь коммунистическую программу, [231] основываться на марксистском анализе, но быть независимыми от Москвы, вместо нас решать все текущие проблемы, которые в разных странах — разные. Интернационал был создан при Марксе в ожидании близкой мировой революции. Коминтерн создавался Лениным в такой же период. Сегодня главный приоритет в каждой стране получают национальные задачи. Не держитесь за то, что было вчера. Хорошенько учитывайте новые условия, сложившиеся теперь"{961}.

Это решение воплотили в жизнь, не теряя времени даром. На следующее утро Димитров и члены Президиума Коминтерна начали составлять новые условия приема в Коминтерн взамен воинственных 21 условия, введенных Лениным в 1921 г. Теперь подчеркивалась "полная независимость различных коммунистических партий, их трансформация в национальные партии коммунистов в данных странах, руководствующиеся коммунистической программой, решающие конкретные задачи не согласно своим собственным убеждениям, но в соответствии с условиями в их странах и берущие на себя ответственность за свои решения и действия"{962}. Вскоре после этого Сталин позаботился, чтобы обычные коммунистические лозунги на первомайских демонстрациях были заменены на такие, которые пропагандировали бы ценности национализма и национального освобождения{963}. Димитрова Жданов предупредил, что Сталин считает "некритический космополитизм питательной средой для шпионов и вражеских агентов"; он ожидает "действительных перемен, чтобы не казалось, будто одежда сменилась, а внутри все то же самое. Это не должно выглядеть так, словно Исполнительный комитет Коминтерна распущен, но фактически продолжает существовать некий международный руководящий центр"{964}. Заявление Сталина о своей позиции в самое утро 22 июня показывает, насколько далеки были его мысли от революционной войны. Он с несомненным облегчением

указывал Димитрову, что, хотя Коминтерн может еще функционировать "какое-то время... пусть партии на местах организуют движение в защиту СССР. Не поднимайте вопроса о социалистической революции. Советский народ будет вести отечественную войну против фашистской Германии. Насущная задача сегодня — разгром фашизма"{965}.

Глава 10. "Политика уступок агрессору": новый германо-советский пакт?

Беспрецедентное появление Сталина на вокзале, чтобы проводить Мацуоку, свидетельствовало о всепоглощающем стремлении угодить Германии. Этот жест приобретал особое значение, поскольку стало известно, что Шуленбург, "встревоженный и терзаемый мрачными предчувствиями", в тот же вечер отбыл из Берлина, надеясь "предотвратить какое-либо поспешное и непродуманное решение"{966}. Именно Шуленбург был инициатором консультаций в Берлине, хотя и Риббентроп, и Вайцзеккер позднее приписывали себе авторство этой идеи{967}. Такая срочность диктовалась ясным пониманием того, что позиция Сталина относительно Югославии наконец снабдила Гитлера предлогом, чтобы дать ход планам разрешения конфликта с Советским Союзом силовыми методами. Обеспокоенные противники этого курса ненадолго сплотились в союз внутри Министерства иностранных дел. Гитлер, как и Сталин, пользовался своей властью, чтобы вбить клин между военными, политиками и государственными чиновниками{968}. Ни Риббентроп, ни Auswdrtiges Amt{*17} не знали, насколько далеко зашли военные приготовления, не говоря уже о директивах по операции "Барбаросса". Тем не менее, было достаточно ясно, что Гитлер потерял интерес к дипломатическому процессу и демонстративно держался в стороне от Министерства иностранных дел. Кроме того, в Берлине невозможно было не замечать все ширящихся слухов о скорой военной кампании, прямо отражавших сильнейшие подозрения Гитлера насчет Советского Союза{969}. В итоге сторонники Континентального блока теряли почву под ногами, но все еще искали способы добиться перемены решения.

Риббентроп, все больше оказывающийся в изоляции, неохотно присоединился к профессиональным дипломатам весной 1941 г. в последней, довольно жалкой попытке отговорить Гитлера от нападения на СССР. Делались разные

спорадические и нескоординированные шаги, чтобы свернуть Гитлера с принятого им курса. И Вайцзеккер, и Риббентроп, видимо, надеялись привлечь на свою сторону союзников Германии по Оси, чтобы удержать его. Однако Гитлер скрывал свои планы от союзников, не допуская открытых дебатов по поводу его стратегии. Оппозиции оставалось действовать втайне, с помощью намеков. Например, Вайцзеккер постоянно намекал на возможность войны Дино Альфиери, итальянскому послу в Берлине (и влиятельному члену Фашистского совета в Риме). На встрече с Риббентропом 15 мая Муссолини заметил, что "ему кажется выгоднее политика сотрудничества с Россией"{970}, хотя явно наслаждался мыслью, что немцам могут "в России здорово пощипать перья"{971}. Возможно, [237] большее значение имели попытки просветить Мацуоку, которого тоже намеренно держали в неведении относительно немецких замыслов во время его визита в Берлин. И Отт, германский посол в Токио, и адмирал Редер, главнокомандующий военно-морскими силами Германии, сговорились действовать в этом направлении{972}.

Шуленбург никак не мог поверить, чтобы Гитлер выбрал войну, и даже сомневался, "знает ли он о слухах насчет войны". Он презирал Риббентропа, которого обвинял в "систематических попытках изолировать от него Гитлера и сделать того зависимым от его собственных советов и предоставляемой им самим информации". С момента назначения Риббентропа Шуленбург обменялся с Гитлером лишь парой слов, когда они столкнулись друг с другом по чистой случайности во время визита Молотова в Берлин{973}. Прежде чем вернуться к своей миссии, Шуленбург совместно со старшими чинами своего ведомства: Хильгером, советником посольства, фон Типпельскирхом, его заместителем, и генералом Кестрингом, военным атташе, составил убедительный меморандум, в котором приводились доводы против вторжения в СССР. Следуя примеру Бисмарка, Шуленбург считал, что Россию и Германию объединяет желание помешать англосаксонскому блоку захватить власть в Европе. Поэтому он склонен был отмахиваться от слухов о войне как от "чистой фантазии", продукта английской пропаганды. Он твердо верил: "Все, чего Германия может добиться, воюя с Советским Союзом, можно гораздо легче и безопаснее получить путем мирных переговоров". Хотя Шуленбург разделял всеобщее убеждение, что вермахт сокрушит Красную Армию, он предостерегал: оккупация создаст в России неконтролируемый хаос. Лично ему не верилось, чтобы Гитлер начал атаку, "пока

не разгромлена Англия". Россо, больший циник и меньший идеалист, хотя и разделял это мнение, высказал робкое предостережение, которое Шуленбург предпочел игнорировать: "Мы видели достаточно примеров того, что глупцы, которые нынче правят миром, способны на любое безумство"{974}.

Затем Шуленбург несколько подправил, как уже вошло у него в привычку, отчет для Вильгельмштрассе о пакте с японцами. Он составил его таким образом, чтобы подкрепить собственные рекомендации во время предстоящего визита в Берлин правдивым изложением взглядов Сталина. Он подчеркнул примирительный характер действий Сталина, передав его торжественные заверения, данные Мацуоке, что он "убежденный сторонник Оси и противник Англии и Америки". Далее Шуленбург вдохновенно описывал сталинскую встречу с Кребсом. Но главное — по его словам, Сталин специально нашел и его, демонстративно обнял за плечи и сказал: "Мы должны остаться друзьями, и вы должны теперь сделать все для этого!"{975}

Коллеги Шуленбурга в посольстве после его отъезда продолжали поддерживать его с помощью ряда телеграмм, в которых делался акцент на склонности СССР к сотрудничеству. 15 апреля они сообщили в Министерство иностранных дел, что русские теперь настаивают на разрешении спора о границах в Прибалтике в соответствии с предложениями, сделанными ранее посольством. Это является, указывали они, "безусловным признанием германских требований", и добавляли, что советская позиция кажется "весьма примечательной"{976}. Кстати, в тот же день было сделано предложение решить сходным образом пограничные [238] споры с Румынией{977}. Днем позже Типпельскирх телеграфировал снова, по неясной причине не ссылаясь на мнение японского посольства в Москве, что пакт "выгоден не только Японии, но и странам Оси, что он благотворно повлиял на отношения Советского Союза со странами Оси и что Советский Союз готов сотрудничать со странами Оси". Он опять упоминал об экстраординарной сцене на вокзале в день отъезда Мацуоки, по его мнению, Сталин воспользовался случаем, "чтобы показать свое отношение к Германии в присутствии иностранных дипломатов и прессы"{978}. Неделю спустя он сообщил в Берлин, что отношения между Финляндией и Советским Союзом "недавно стали более спокойными" и русские больше не требуют концессий на никелевые месторождения в Петсамо{979}.

Когда Кребс пожаловался красноармейскому офицеру связи, что югославские офицеры по-прежнему появляются в Москве в форме, Гавриловича немедленно попросили убрать их из СССР. Как заверили Кребса, их присутствие в Москве "не имело никакого политического значения, так как югославской армии и югославского правительства более не существует"{980}. Важным шагом к прорыву в отношениях с Берлином стало коммюнике ТАСС, опубликованное 19 апреля, явно несущее на себе фирменный знак Сталина. В нем достаточно ясно обнаруживалось стремление Советов к новому соглашению с Германией. Соглашение с Японией объяснялось не существованием германской угрозы, а сделанными Молотову в Берлине в прошлом ноябре предложениями, "чтобы Советский Союз присоединился к трехстороннему пакту". "Советское правительство, — говорилось далее, — в то время не считало возможным принять эти предложения", при этом явно подразумевалось, что теперь обстоятельства изменились{981}.

Подстегнутое прибытием Шуленбурга в Берлин, Министерство иностранных дел ухватилось за новую примиренческую позицию Сталина, чтобы поднять данную тему непосредственно перед Гитлером и вермахтом. Карл Шнурре, автор торговых соглашений с Советским Союзом, принял участие в этих действиях. 21 апреля он обратился к Верховному командованию вермахта и передал "жалобы" Алексея Крутикова, заместителя наркома внешней торговли, как раз оказавшегося в Берлине, на то, что "Германия не обеспечивает достаточное количество подвижного состава для транспортировки товаров, поставляемых Советским Союзом, от германо-советской границы". Он даже коснулся возможности увеличения советских поставок{982}.

Гитлер вновь и вновь откладывал встречу с Шуленбургом{983}. 21 апреля Вайцзеккер, который "почти совершенно избавился от привычки добиваться [своих] целей через Риббентропа", наступил на свое самолюбие: ведя себя, как он записал, "подобно трусливому пресмыкающемуся без когтей", он просил о срочном свидании с Риббентропом. Несмотря на нежелание Риббентропа встречаться с ним, Вайцзеккер на десять часов приехал в Вену и в тот же вечер поговорил с Риббентропом в отеле "Империал". Вайцзеккер полностью одобрял меморандум Шуленбурга, отосланный Гитлеру, и предупреждал Риббентропа, что война с Советским Союзом "закончится катастрофой". Хотя Риббентроп держался

уклончиво, Вайцзеккер знал от его окружения, что он отнюдь не разделяет взгляды Гитлера{984}.

Наконец, все эти усилия дали плоды: Риббентроп вмешался лично и добился свидания Гитлера с Шуленбургом{985}. К моменту встречи он, [239] казалось, твердо стал на сторону последнего. Однако карты свои разыгрывал осторожно, предпочитая составить представление о ходе мыслей Гитлера, прежде чем связывать себя какими-либо дальнейшими обязательствами. Накануне встречи Риббентроп со своего особого поезда послал Шуленбургу инструкции записать его беседу с Гитлером и немедленно отправить запись ему{986}. Тем временем он срочно связался с Вайцзеккером по телефону из Зальцбурга и запросил мнение министерства по меморандуму Шуленбурга, так как сам составляет бумагу для Гитлера по данному вопросу. Вайцзеккер обращался к Риббентропу с развернутыми аргументами против войны по крайней мере дважды зимой 1941 г. 6 марта он подготовил длинный меморандум, в котором изложил свои доводы против войны с Советским Союзом и даже выступал за военный альянс. Однако меморандум так и не был передан Риббентропу. Теперь Вайцзеккер продиктовал его краткое содержание по телефону, упирая на то, что "Германии не следует рассчитывать побить Англию в России". Главная его мысль заключалась в следующем:

"Нападение Германии на Россию лишь вызовет новый моральный подъем у англичан. Там будут объяснять его неуверенностью в успехе нашей битвы с Англией. Тем самым мы не только признаем, что война может продлиться еще долго, но и действительно таким образом затянем ее, вместо того чтобы сократить"{987}.

О встречах Шуленбурга во время его двухнедельного пребывания в Берлине известно немногое. Хотя он и не имел доступа к военным директивам Гитлера, можно предположить, что он был в курсе бесчисленных слухов, ходивших в Берлине, и мог получать информацию с помощью своих высокопоставленных друзей как в армии, так и в Министерстве иностранных дел. Накануне встречи с Гитлером он обедал у Шнурре. Шнурре, неудачно пытавшийся обратиться к Гитлеру раньше, был настроен весьма скептически{988}.

Вечером 28 апреля Гитлер наконец принял Шуленбурга наедине в Рейхсканцелярии. Меморандум последнего лежал закрытый на столе. В течение всей встречи Гитлер не обращал на него никакого внимания, делая общие

замечания о международном положении{989}. Не доверяя Шуленбургу и стараясь не раскрывать своих подлинных намерений, Гитлер весьма язвительно говорил о русских, спрашивая, "какой черт дернул их" заключить пакт о дружбе с Югославией. Он старался обуздать чрезмерно усердного посла, выдвигая различные обвинения против Сталина, которыми воспользовался впоследствии как предлогом для нападения на СССР. Одним из них было вмешательство Сталина в балканские дела, но главным нападкам подверглась якобы проводимая русскими мобилизация. Гитлер, как вспоминал позднее Вайцзеккер, "в этой связи имел наглость притворяться перед Шуленбургом, так же как и перед Мацуокой, будто германские военные приготовления на востоке носят оборонительный характер"{990}. Заявление Шуленбурга, что на эти меры русских толкнуло "стремление обеспечить безопасность на 300 процентов", тут же было признано неубедительным. Шуленбург попробовал разговорить Гитлера, высказав предположение, будто "русские очень встревожены слухами, предсказывающими нападение Германии на Россию", но попытка успеха не имела. Не удалось ему и убедить Гитлера, что Сталин горячо желает заключить соглашение и готов на дальнейшие уступки. Прошло всего [240] полчаса, и фюрер завершил встречу, впрочем, проронив как бы мимоходом: "О, еще одно: я не собираюсь воевать с Россией!"{991}

Шуленбург отбыл в Москву на личном самолете Риббентропа как раз перед майскими праздниками в Кремле. В своих мемуарах много времени спустя после описываемых событий, когда один историк помог ему освежить память, Хильгер, советник германского посольства, вспоминал, как Шуленбург отвел его в сторону сразу после посадки самолета в Москве и сказал, что "жребий брошен" и Гитлер намеренно лгал ему{992}. Это заявление на десятилетия отвлекло внимание историков от последней и решающей главы в повести об усилиях Шуленбурга помешать действиям Гитлера. Хотя и сомневаясь в искренности Гитлера, Шуленбург все же надеялся на удачу в Москве. В конечном счете он добился прямо противоположного, укрепив Сталина в ложной, но устраивавшей его уверенности, будто войны еще можно избежать. Как покажут драматичные события последующих дней, Шуленбург несомненно питал надежду уговорить Сталина выступить с личной инициативой, которая рассеяла бы явные подозрения Гитлера и восстановила взаимное доверие.

Шуленбург вернулся из Лондона, преисполненный убеждения, оказавшегося фатальным и усугубившего ошибочность взгляда Сталина на ситуацию, что "некоторые люди в окружении Гитлера настаивают на том, чтобы разобраться с Советским Союзом раз и навсегда, но другие, и среди них Риббентроп, решительно не советуют ему это делать, во всяком случае пока не поставлена на колени Англия. Гитлер вроде бы склоняется ко второй точке зрения, но, конечно, вынужден пока оставить вопрос открытым". Как поведал по возвращении Вальтер, сопровождавший Шуленбурга в Берлин, вооруженный конфликт с Германией "в этом году маловероятен". Только если русские будут продолжать провокации, подобные югославской, "он не знает, что вынужден будет сделать фюрер". В нынешних обстоятельствах, считал он, Германия пойдет на соглашение с русскими, хотя вряд ли он в состоянии "сказать что-либо по этому поводу". Однако, поскольку Шуленбург не привез никаких конкретных предложений, он сам не мог сделать первый шаг и ждал вызова в Кремль{993}.

Сталин по-прежнему усердно старался отвратить германскую опасность. Страх перед Германией стал настолько острым, что Жданов даже умолял Сталина отменить первомайский парад на Красной площади, чтобы не дать немцам "предлога для нападения". Неотложной проблемой стало прекращение распространения слухов о неизбежности войны, особенно таких, которые умаляли силу Красной Армии, предполагая, будто вермахт "пройдет по России, как нож сквозь масло". Подобные слухи легко могли склонить чашу весов в I пользу авантюрного похода на СССР{994}. Переговоры относительно пакта с Германией следовало вести с позиции силы. В середине апреля Сталин приказал органам безопасности сопровождать германского военного атташе в длительной поездке по советским военным заводам в Сибири и распространить в Берлине информацию о советской технической и военной мощи{995}. Со времени падения Югославии, когда угроза войны приблизилась, советские послы получили инструкции решительно опровергать слухи о войне и в то же время напоминать своим собеседникам, что они "забывают о мощи Красной Армии и ее боевых качествах"{996}. Коллонтай, известную своими антинацистскими [241] взглядами, послали в шведское Министерство иностранных дел для опровержения слухов о возможности войны как "совершенно беспочвенных". Что еще поразительнее — она отвергла предположения, что СССР обдумывает "какие-либо контрмеры против действий Германии на Балканах... даже если Германия нападет на

Турцию". Такая покорность особенно смущала, учитывая, что в прошлом году все раздоры с Германией вращались вокруг контроля над Проливами. Ее признание было не случайно, так как Виноградов тоже "решительно" уверил турок, что, если Германия вмешается в турецкие дела, Советский Союз останется "совершенно пассивным"{997}. Когда, к примеру, надежнейший источник уведомил советского посла в Бухаресте о массовом скоплении немецких войск на молдавской границе, от этих "слухов" небрежно отмахнулись как от "раздутых и вряд ли отражающих истинные намерения германских военных кругов, так как последние не могут не принимать во внимание как военную мощь Советского Союза, так и опасность, с которой они встретятся", если нападут на СССР{998}. В Вашингтоне Уманский тоже постарался, находясь в компании работников германского посольства, показать свою уверенность в способности Красной Армии противостоять вермахту{999}. В Москве Вышинский отмахнулся от предостережений Стейнхардта, заявив, что отношения с Германией регулируются соглашениями, которые полностью выполняются. Русские не "малодушный народ" и "достаточно сильны, чтобы постоять за себя"{1000}.

В этом контексте Сталин и произнес свою ставшую знаменитой речь перед выпускниками военных академий 5 мая. Речь и последовавшие за ней здравицы послужили основой для эксцентричных предположений, будто Сталин готовил Красную Армию к агрессии против Германии{1001}. Речь эта, однако, была произнесена в разгар примиренческой кампании и полностью ей соответствовала. Целью ее было оказать сдерживающее воздействие, отбить у немцев охоту развязывать войну и в то же время воодушевить армию на случай, если война все же начнется. Поскольку она носила демонстративный характер, содержание ее намеренно было предано гласности и попало в отчеты иностранных дипломатических миссий{1002}. Она была вызвана необходимостью противостоять росту слухов о плачевном состоянии Красной Армии. Многочисленные донесения предупреждали: вермахт "опьянен своими успехами"; превосходство немецких механизированных войск означает, что оккупация страны вплоть до Москвы и Урала "не представит серьезных трудностей". Поэтому уверенность в слабости Красной Армии поощряла вермахт выступать за войну с Советским Союзом до завершения кампании в Англии{1003}.

Итак, речь явилась отражением инструкций, полученных ранее советскими дипломатами, — преувеличивать силу Красной Армии. Кроме того, она должна

была поднять дух армии. Раньше в том же году военные предупреждали Жданова, что мирно ориентированная пропаганда и "пацифистские настроения" снижают "боевой дух... и заставляют народ забыть о капиталистическом окружении". Поэтому рекомендовалось провозгласить "насущной интернациональной задачей" армии "защиту Советского Союза — родины мирового пролетариата". Прессе и школам вменялось в обязанность развернуть кампанию по подготовке населения к войне. Однако использовалась при этом не революционная тематика, а прославлялось возрождение исторических [242] традиций России. Поощрялись постановки таких пьес, как "Суворов" или "Фельдмаршал Кутузов", изучение войны 1812 г. и обороны Севастополя{1004}. Близкая угроза войны явно требовала крутых перемен в идеологической обработке вооруженных сил, которым до того промывали мозги лозунгами "невмешательства" и "мира". Следуя примеру, преподанному Сталиным в его речи перед курсантами, Щербаков, вновь назначенный главный политрук Красной Армии, определил новую тенденцию. В основной директиве он припомнил ленинское оправдание войны, которая может вырвать Советский Союз из капиталистического окружения и "ускорить окончательную победу социализма". Невзирая на совершенно определенные геополитические и прагматические соображения, приведшие к разделу Польши, захвату Бессарабии и Прибалтийских государств, все это теперь преподносилось массам как окончательное торжество ленинских идей. Но ленинские положения 1915 года, когда он действительно порицал идею "оборонительной войны" и выступал за невмешательство в империалистическую войну, теперь были перетолкованы в оправдание "наступательного" духа.

Идея обороны путем стратегического отступления и использования глубины оборонительной линии присутствовала в советской военной доктрине как необходимое условие для контратаки. Оборона и наступление были тесно связаны в один нераздельный длительный оперативный маневр. Однако после репрессий в армии Сталин запретил академиям проводить теоретические исследования. Примитивные лозунги заменили доктрину в попытке скрыть банкротство армии. "Малой кровью и на чужой территории, — рассуждал Молотов, вспоминая этот период, — это уже агитационный прием. Так что агитация преобладала над натуральной политикой, и это тоже необходимо, тоже нельзя без этого"{1005}. Возрождение несколько подпорченных ленинских лозунгов следует рассматривать в контексте надвигающейся германской угрозы, вовсе не считая их воплощением

мессианской мечты. Разумеется, лозунги подчеркивали важность воспитательной работы в войсках "в духе пламенного патриотизма, революционной решимости и постоянной готовности к сокрушительной атаке на врага". Лучше всего этому способствовал бы "подъем в народе чувства патриотизма, безграничной любви к социалистической родине, безбоязненной готовности к самопожертвованию". Директива делала упор на необходимости превозносить мужество и искоренять страх перед врагом{1006}.

В своей речи Сталин долго и в мельчайших подробностях распространялся о поразительных успехах, достигнутых Красной Армией в технологическом и оперативном отношениях. Затем он поставил под сомнение непобедимость немцев. По его словам, слабостью Германии является ее неумение привлекать союзников — намек, как и на переговорах с Мацуокой, на возможную роль Советского Союза. Чрезмерное внимание привлекают к себе короткие здравицы, провозглашенные Сталиным. Цель их заключалась в том, чтобы поднять боевой дух и повысить бдительность перед лицом опасности, грозящей Советскому Союзу. Когда в начале июня Тимошенко, ссылаясь на сталинскую речь, пытался активизировать разработку оперативного плана, Сталин откровенно сказал ему: "Это я говорил для народа, нужно повысить его бдительность, а вы должны понимать, что Германия по своей воле никогда не станет воевать с Советским Союзом"{1007}. Первые две здравицы [243] были по сути лозунгами, призывавшими к интенсификации теоретических исследований и превозносившими артиллерию — "бога современной войны". Третья же, вполне в духе предшествовавшей речи, самонадеянно гласила, что с завершением модернизации и реорганизации армии можно будет "перейти от обороны к нападению". Тем не менее этот текст, даже вне контекста самой речи, сохранял оборонительный характер, завершаясь словами: "Оборону нашей страны нужно вести в атакующей манере... Красная Армия — современная армия, а современная армия — это армия нападения"{1008}. Это, конечно, не более чем грубое обобщение рассмотренных ранее оперативных теорий, подвергавшихся гонениям во время репрессий, попытка поднять боевой дух и, главное, ясный сигнал для Германии.

Точно таким же образом старались демонстрировать уверенность в своих силах и перед широкой публикой. В традиционной первомайской речи Тимошенко демонстрация силы искусно переплеталась с призывом к "ликвидации войны и установлению мира... чем скорее, тем лучше". Немцы должны признать Красную

Армию силой, с которой следует считаться, особенно теперь, когда она приведена "в боевую готовность"{1009}. Переход к политике устрашения, возможно, явился результатом донесения "Старшины", переданного Сталину, о впечатлениях членов делегации люфтваффе в Москве. Их потрясло передовое производство самолетов "Ильюшин-18" с мотором мощностью 1200 лошадиных сил, аналогов которым у немцев не было. Их сообщения, очевидно-, стали "большим сюрпризом" для Геринга, взявшего "явный курс на войну против СССР", показав ему "рискованность и нецелесообразность этой авантюры"{1010}.

Попытки устрашения, однако, меркли в сравнении с усилиями, приложенными, чтобы умиротворить немцев, к ним относился, например, пылкий флирт с вишистской Францией. В разгар югославского кризиса в Москву прибыл новый посол из Виши. Бержери, начинавший как левый вместе с Леоном Блюмом, теперь значительно поправел. "Сторонник 100%-ного сотрудничества с Германией", он предоставил Сталину великолепный канал для прощупывания немцев, тем более что для Москвы не являлось секретом его намерение использовать свою должность посла как трамплин к креслу министра иностранных дел{1011}. В Париже новый, но весьма опытный советский посол Богомолов, не теряя времени даром, констатировал, что Франция, "одинокая в своей изоляции", должна по достоинству оценить "дружбу такой великой державы, как Советская Россия". Русские, заявлял он, поддерживают хорошие отношения с немцами и горячо желают установить такие же с Францией{1012}.

Особенно привлекали русских поиски свободы маневра, которые вел Бержери с молчаливого согласия немцев. Как он полагал, немцы должны были понять, что Европейский блок не построить при гегемонии одной нации — только при условии "сотрудничества разных наций". "Новой Европе", по его словам, нужно будет "участие России и Франции... Необходимость участия России в реконструкции Европы обуславливается гением России и тем сырьем, которое она имеет в своем распоряжении"{1013}. Это вроде бы принесло свои плоды на встрече заместителя Петэна адмирала Дарлана с Гитлером в Виши в середине мая, за которой пристально наблюдал Богомолов. Когда он вернулся в Москву для личного отчета Сталину, Бержери, воспользовавшись [244] случаем, стал внушать ему, с обычными для него "риторическим изяществом и логической отточенностью", что Советскому Союзу следует принять участие в планах реконструкции Европы. Он даже извлек из своего портфеля предложение о сотрудничестве в шести пунктах,

переданное Гитлеру, суть которого сводилась к сохранению экономической независимости Франции и сотрудничеству, направленному на построение мирной, а не военной экономики{1014}.

Но политика уступок осуществлялась в первую очередь в отношении Германии. Ожидая, что Шуленбург привезет конкретные предложения из Берлина, Сталин 5 мая вступил на пост Председателя СНК. Уроки, извлеченные из промаха с Югославией, явно способствовали принятию этого решения. Именно необходимость освободиться от пут, которые его пост Генерального секретаря Коммунистической партии налагал бы на него при проведении деликатных переговоров с немцами, а не желание получить контроль над армией, побудила его взять на себя полномочия главы правительства. Только так он мог продемонстрировать полное доверие и лояльность Германии, лишая ее всякого повода для упреков Москве. Уже во время переговоров с японцами Сталин, по-видимому, занял пост главы правительства, чего так старался не делать раньше. В коммюнике 17 апреля по поводу соглашения с японцами говорилось следующее: "Товарищ Сталин 12 апреля имел беседу с японским министром иностранных дел о советско-японских отношениях. Присутствовал (курсив мой. — Г.Г.) Молотов". Дальнейшим логическим шагом пару дней спустя стало восстановление в Красной Армии старой формы времен царизма и исчезновение революционного жаргона и символов, в то время как советские "полпреды" за границей вновь обрели традиционный статус послов{1015}.

Разумеется, на Пленуме Центрального Комитета, утвердившем это решение 4 мая, после обычных клише о необходимости "всесторонней координации действий советских и партийных организаций" говорилось о том, что нужно поднять "авторитет советских органов в нынешней напряженной международной обстановке", укрепляя "оборону страны"{1016}.

Все эти события прекрасно подходили для уловок Щуленбурга. 3 мая он сообщал в Берлин, что на первой странице последнего номера "Правды" помещена фотография правительственной трибуны на первомайском параде, где Деканозов удостоился чести стоять рядом со Сталиным. Как он внушал своему начальству, это ясно показывает "особое предпочтение, отдаваемое берлинскому послу"{1017}. Сталинское вступление на пост председателя СНК явилось для него подарком судьбы, подтверждая, что "реалистическая политика" в отношении Германии будет продолжаться и расширяться{1018}.

7 мая Шуленбург сделал необычный шаг, пригласив Деканозова и Павлова, начальника Западного отдела Наркоминдела, на завтрак в свою резиденцию, подальше от потенциальных осведомителей из посольства. Некоторые историки заявляют, будто во время их тайной встречи Шуленбург раскрыл Деканозову замысел Гитлера напасть на СССР. А.Микоян, чьи мемуары породили множество ложных толкований сталинской политики того времени, высказал предположение, что Шуленбург четко предупредил Деканозова. За завтраком он якобы обратился к Деканозову с весьма откровенными словами: "Г-н посол, [245] такого, наверное, еще не случалось в истории дипломатии — я собираюсь открыть вам государственную тайну номер один: передайте г-ну Молотову, а он, надеюсь, сообщит г-ну Сталину, что Гитлер решил начать атаку на Советский Союз 22 июня. Вы спросите, почему я это делаю? Я воспитан в духе Бисмарка, а он всегда возражал против войны с Россией..." Когда Сталину сообщили об этой встрече, он якобы тем же вечером сказал членам Политбюро: "Мы должны учитывать, что дезинформация проникла и на уровень послов"{1019}.

Как ни поражает воображение это открытие, оно не подтверждается реальными отчетами о встрече и противоречит свидетельству Хильгера, что Шуленбург не желал проявлять подобную инициативу, опасаясь, как бы его не "отдали под суд за измену, если станет известно, что мы собираемся предупредить русских". По-видимому, оба они в конце концов сделали какие-то попытки, намереваясь не предупредить русских на самом деле, а указать, по словам Хильгера, "на серьезность ситуации" и стараясь подтолкнуть Сталина выступить с дипломатической инициативой, которая "вовлечет Гитлера в переговоры и лишит его на данный момент всех предлогов для военной акции"{1020}. Это совпадает с воспоминаниями Молотова, по всей видимости верными, что Шуленбург "не предупреждал, он намекал. Очень многие намекали, чтобы ускорить столкновение. Но верить Шуленбургу... Столько слухов, предположений ходило!"{1021}

Но инициатива была проявлена Шуленбургом, конечно, не ради драматического эффекта; Хильгер писал это, слишком явно подлаживаясь к обвинениям, выдвинутым на Нюрнбергском процессе. Она явилась продолжением попыток Шуленбурга предотвратить войну. В действительности было три встречи, 5, 9 и 12 мая, которые он смешал в одну, породив дальнейшую путаницу{1022}. Динамика

этих трех встреч очень важна для понимания политики Кремля в месяц, предшествовавший конфликту.

За завтраком Шуленбург закинул удочку, сославшись на последнюю речь Гитлера, в которой он подводил итоги кампании на Балканах{1023}. Гитлер, внушал он Деканозову, вновь повторил заявление, сделанное Молотову в Берлине, что Германия не имеет ни территориальных, ни политических амбиций в отношении этого региона и всего лишь реагировала на происходившие там события. Конечно, бросается в глаза намеренное умолчание Шуленбурга о том, в какую ярость привел Гитлера пакт о нейтралитете с Югославией. Посол поступил так в стремлении вновь создать общую платформу для возобновления переговоров. Он рассказал только, будто во время его визита в Берлин Гитлер выражал недоумение по поводу этого соглашения, которое он счел "малопонятным и странным". Деканозов не отрицал, что пакт с Югославией послужил для заявления о советских интересах на Балканах, соблюдения которых русские надеялись добиться с помощью диалога с немцами. Перед заключением соглашения с Югославией, напомнил он Шуленбургу, Советский Союз получил от югославского правительства заверения в том, что оно "намерено сохранить хорошие отношения с Германией и желает жить в мире со всеми своими соседями, и в первую очередь с Германией, а также не отказывается поэтому от принадлежности к Тройственному союзу".

Шуленбург намекнул на сложность обстановки, признав, что его упорные старания убедить Гитлера в том, что советская политика направлена [246] на сохранение нормальных отношений с соседями, не увенчались успехом на 100 процентов и у того "осталось некоторое неприятное чувство из-за недавних действий Советского правительства". Но это замечание вряд ли содержало предостережение и послужило прелюдией к рассмотрению его планов укрепления разваливающихся отношений. Слегка подправив гитлеровскую аргументацию, Шуленбург внушал Деканозову, будто Гитлер объясняет концентрацию немецких войск контрмерами, принятыми вследствие недавних слухов о мобилизации и развертывании Красной Армии и неизбежности вооруженного конфликта. Мобилизация 1914 г., ускорившая начало войны, несомненно, еще свежа в его памяти. Шуленбург надеялся, обратившись к личной дипломатии, подтолкнуть русских сделать первые шаги, с помощью которых можно будет поправить очевидный вред, нанесенный их отношениям с Берлином недавними действиями СССР на Балканах.

Сталинские попытки примирения убедили его, что еще можно разрешить углубляющийся конфликт в сфере дипломатии. Однако инициатива должна быть проявлена Сталиным лично.

Имея мало средств для претворения своих планов в жизнь, Шуленбург решил сосредоточиться на слухах. Разумно было использовать "слухи" как трамплин, чтобы прийти к согласию в общих чертах. Долгое пребывание Шуленбурга в Берлине породило разные измышления в Москве и Лондоне. Они, по-видимому, и уводили как Сталина, так и англичан в сторону от правильной оценки открывающихся перспектив. Немецкая кампания дезинформации после возвращения Шуленбурга в Москву была в особенности направлена на него и на русских. Казалось, Берлин крайне озабочен тем, чтобы остановить лавину слухов о надвигающейся войне, и в переписке с Шуленбургом подобные слухи решительно опровергались. Так, он уверился, будто концентрация немецких войск призвана служить "тыловым прикрытием для балканских операций". Из своего визита в Берлин он вынес впечатление, что слухи распространяются силами, заинтересованными в начале военных действий, и усиливают недоверие Гитлера к Советскому Союзу. Просмотрев бумаги, скопившиеся на его столе за время долгого отсутствия, Шуленбург обратил внимание на срочную директиву начальника Генерального штаба, предупреждавшего, что "распускание слухов" "очень вредит дальнейшему — мирному развитию германо-советских отношений". Посольству предписывалось пресекать и опровергать слухи{1024}.

Как раз накануне встречи начальник Политического отдела Министерства иностранных дел настоятельно советовал Шуленбургу бороться со слухами, которые намеренно распускают англичане, "чтобы мутить воду". Его даже заверили, будто 8 дивизий будут отправлены с востока на запад в первой половине мая{1025}. Поэтому практический совет, данный им Деканозову, был таков: сократить количество официальных заявлений вроде коммюнике ТАСС, которые "появляются, как грибы после дождя", вслед за любым поворотом событий на Балканах. Вовсе не высказывая убежденности в том, что Гитлер намерен воевать, Шуленбург пару раз упомянул о сдержанности Гитлера и отнес "меры предосторожности" на западной границе на счет реакции на мобилизацию в самом Советском Союзе. Отчасти это объясняет нежелание Сталина проводить развертывание советских войск открытым, [247] наиболее эффективным образом: это могло быть воспринято в Берлине как провокация.

Шуленбург, не теряя времени даром, после завтрака сообщил Деканозову свое мнение о пагубном воздействии слухов. Он решительно предупредил: "Слухи о скорой войне между Советским Союзом и Германией это динамит, их следует пресекать и душить в зародыше". Впрочем, он не преминул упомянуть, что проявленная им инициатива — лично его и не санкционирована правительством. Выдвигать конкретные предложения он предоставляет русским. Таким образом, с точки зрения Шуленбурга, его беспрецедентный поступок должен был подготовить почву для улучшения отношений, и он не собирался выдавать государственные тайны. Деканозов, которому трудно было поверить, чтобы столь важный шаг совершался по собственной инициативе Шуленбурга, конечно, оценил все значение этого события. Он тоже воспользовался общим тоном беседы и заговорил о возобновлении переговоров, напомнив Шуленбургу, что Москва все еще ждет ответа на ноябрьские предложения. Самое главное — было решено вновь собраться на неформальное совещание.

Призыв бороться со слухами пал на плодородную почву. Слухи по поводу концентрации немецких войск можно было разделить на две противоречащих друг другу группы. В первой содержались предположения, будто концентрация войск должна послужить рычагом на предстоящих переговорах, которые, возможно, закончатся созданием военного альянса. Другая включала мнение, что война неминуема, но в Москве слухи этого рода приписывали англичанам в их непрестанных попытках втянуть СССР в войну. Кампании на Балканах можно было объяснить логически, война же против СССР велась по совершенно иным причинам. Отсутствие четко определенных военных задач кампании привело к тому, что цели и средства перепутались. Своеобразный характер планирования крайне затруднял для Кремля понимание истинной природы германской угрозы, несмотря на изобилие разведывательной информации. Сталин рассматривал развертывание германских сил, так же как и различные дипломатические шаги, учитывая положение на фронтах, на фоне растущего общественного осуждения действий Черчилля. В Южной Европе остатки британских экспедиционных войск были отведены на Крит, где начиналась злосчастная битва. Прежние победы англичан над итальянскими войсками в Северной Африке обернулись поражением, когда генерал Эрвин Роммель обошел осажденную крепость Тобрук и начал наступление на Каир и Суэцкий канал. Немцы добились господства в воздухе над Средиземным морем и эффективно использовали его при осаде стратегической

британской военно-морской базы на Мальте. Тем временем в Атлантическом океане Торговый флот понес тяжелые потери, угрожающие жизненно важным коммуникациям Англии.

Если проследить ход мыслей Сталина в то время, становится весьма вероятным, что он подозревал, будто Гитлер использует Шуленбурга в своей войне нервов, чтобы выторговать лучшие условия на предстоящих переговорах. И снова, как в 1939 г., когда русские неофициально пустили первый пробный шар в Берлине, Сталин боялся, что открытое заявление своей позиции может быть использовано против него на возможных германо-английских переговорах и он окажется посмешищем. Тем не менее, вовсе не сбрасывая со счетов информацию, [248] полученную от Шуленбурга, он действовал теперь в соответствии с ней. Через день "Правда" напечатала опровержение утверждений, будто усиленная концентрация войск на западной границе Советского Союза сигнализирует о переменах в отношениях с Германией. Систематически велась кампания по борьбе со слухами. Например, японскому послу Молотов сказал: "Слухи о скором нападении немцев на СССР — просто-напросто английская и американская пропаганда и не имеют под собой никакой почвы. Напротив, отношения между двумя странами превосходные"{1026}.

Шуленбург связал принятие Сталиным полномочий главы правительства со своей инициативой, но не мог сообщить в Берлин о своих несанкционированных действиях. После злополучного визита в Берхтесгаден он понял, что осталась одна надежда, чтобы предотвратить войну, — прямой диалог между Сталиным и Гитлером. Он помнил единственное положительное высказывание Гитлера за время их встречи, что Сталин "душа русской политики консенсуса и взаимопонимания с Германией"{1027}. Теперь он обдумывал кампанию на двух фронтах. В Москве он будет поощрять Сталина прямо обратиться к Гитлеру, а в своих отчетах в Берлин займет позицию беспристрастного наблюдателя и будет подчеркивать примирительную позицию русских, готовя таким образом почву для обращения Сталина. Его телеграммы в Берлин следует рассматривать именно в таком ключе. Поскольку Гитлер, по-видимому, был настроен непримиримо в отношении югославских событий, Шуленбургу важно было стереть из его памяти дела недавних дней и представить их неким случайным отклонением. Молотов был избран козлом отпущения. Шуленбург изобразил перемены в Советском правительстве как "значительное сокращение его власти". Он объяснял это

"недавними ошибками во внешней политике, приведшими к охлаждению в германо-советских отношениях (явный намек на советский пакт с Югославией. — Г.Г.), за установление и сохранение которых сознательно боролся Сталин, тогда как молотовские инициативы часто сводились к упрямому отстаиванию собственной позиции". Вновь подчеркнув значение нового поста Сталина, Шуленбург готовил Берлин к его следующему ходу, предсказывая: "Сталин использует свое новое положение, чтобы лично принять участие в поддержании и развитии добрых отношений между Советами и Германией". Он также не упустил случая упомянуть об идеях Бержери насчет необходимости включить Советский Союз в перестроенную Европу{1028}.

В ожидании ответа из Берлина Шуленбург 9 мая был приглашен Деканозовым на завтрак в роскошную гостиницу Наркомата иностранных дел на Спиридоновке. Шуленбург проявлял нетерпение и жаждал использовать новый пост Сталина для продвижения своих планов, Деканозов же, следуя сталинским инструкциям, вел себя осторожно, стараясь балансировать на тонкой грани между демонстрацией уверенности в предстоящих переговорах и готовностью к уступкам. Зная об упреках Гитлера, он пустился в разглагольствования о советских обидах, но Шуленбург прервал его. "В конце концов, — напомнил он Деканозову, — мы встретились не для того, чтобы вести юридические дебаты. В настоящий момент мы, как дипломаты и политики, имеем дело с уже сложившейся ситуацией и должны подумать, какие контрмеры можно предпринять". [249]

Для Деканозова это послужило сигналом, чтобы выдвинуть хорошо продуманный план, явно санкционированный, если не разработанный Сталиным. По совету, данному Шуленбургом на предыдущей встрече, пробный шар был запущен в прессе в то же утро в виде публикации опровержения слухов о якобы имеющем место скоплении советских войск на западной границе как "плода больного воображения". Сталин, говорилось там, "поставил в своей внешней политике задачу первостепенной важности для Советского Союза, которую надеется осуществить лично"{1029}. Теперь Деканозов выступал за публикацию совместного германо-советского коммюнике с заявлением о том, что последние слухи об ухудшении германо-советских отношений и даже о возможности военного конфликта беспочвенны и распространяются элементами, враждебными как Советскому Союзу, так и Германии. Борьба со слухами как необходимое

условие для любого соглашения впоследствии — вот что стояло за печально известным коммюнике 13 июня{1030}.

Шуленбург, однако, захотел повысить ставки и выжать в Берлине все что можно из нового поста Сталина. Он предложил, чтобы Сталин обратился к Мацуоке, Муссолини и Гитлеру с идентичными личными письмами, в которых открыто заявил бы, что взял на себя полномочия премьера, с тем чтобы гарантировать, что СССР будет "и в дальнейшем проводить дружественную этим странам политику". Во второй части письма Гитлеру Сталин должен был предложить совместно опровергнуть слухи о скором нападении, в духе деканозовского предложения. "На это последовал бы ответ фюрера, и вопрос, по мнению Шуленбурга, был бы разрешен". Побуждая русских к действиям, Шуленбург ни словом не обмолвился, что это его собственная инициатива, хотя раньше предполагалось именно это. Напротив, он убеждал Деканозова, что уверен: стоит Сталину осуществить свое намерение и лично обратиться к Гитлеру с письмом, как Гитлер специальным самолетом пошлет курьера и вопрос "решится очень быстро". От Деканозова вряд ли можно было ожидать, чтобы он превысил свои полномочия, ему, разумеется, нужно было проконсультироваться со Сталиным. Договорились устроить в скором времени третью, решающую встречу{1031}.

Сталин делал все, чтобы подкрепить свою примирительную дипломатию. Пока шли тайные переговоры, Гавриловича неожиданно вызвали к Вышинскому и сообщили о решении отказаться от признания его правительства. Он был "расстроен и взволнован". Тем не менее признал, что "хорошо понимает, что этого требует наша [советская] политика"{1032}.

События в Берлине пошли совершенно другим курсом, но Шуленбург об этом не знал. Когда он отправился из московского аэропорта в свою резиденцию, специальный поезд Риббентропа прибыл на вокзал Фридрихштрассе. Вечером 29 апреля к Риббентропу в Вену прилетел курьер с подготовленным Шуленбургом отчетом о его беседах с фюрером{1033}. Тон его был мрачен, но Риббентроп еще надеялся убедить Гитлера, как он сделал это после визита Молотова, в бессмысленности избранного им курса. К своей большой тревоге, он обнаружил, что Гитлер твердо решил подавить в зародыше идею переговоров и не позволить им помешать подготовке операции "Барбаросса". Гитлер потребовал, чтобы Риббентроп "безоговорочно поддержал его позицию"; [250] он предостерег его "от дальнейших демаршей и запретил мне с кем-либо говорить об этом; никакая

дипломатия, сказал он, не изменит его мнения о позиции русских, которая ему достаточно ясна, и может только лишить его такого тактического оружия, как внезапность нападения"{1034}.

Столкнувшись с непреклонностью Гитлера, Риббентроп повел себя как типичный соглашатель. Он переложил вину за свою неудачу на Вайцзеккера, упрекая того за "негативистскую позицию" в переломные моменты истории. Вайцзеккер, однако, продолжал верить, даже после того, как Гитлер отверг его меморандум, что Риббентроп "в принципе остается противником войны с Россией"{1035}. В действительности перед самой войной Риббентроп, как обнаружил Чиано, примирился с мыслью о ней, хотя "проявлял энтузиазм меньше обычного и имел мужество вспоминать свои восторженные хвалы московскому соглашению и коммунистическим лидерам, которых он сравнивал тогда с лидерами прежней нацистской партии"{1036}.

У Вайцзеккера не осталось сомнений относительно намерений Гитлера и покорности ему Риббентропа. 1 мая человек из окружения Гитлера (возможно, генерал Гайер) сообщил ему, что, как решил фюрер, "Россию можно разгромить как бы мимоходом и это нисколько не повлияет на войну с Англией. Англию разобьют в этом году, будет война с Россией или нет. Потом Британскую империю нужно будет поддержать, но Россию следует обезвредить"{1037}.

Шуленбург, покидавший Берлин в большой спешке, был не в курсе последствий своей беседы с Гитлером{1038}. Выступив с инициативой, он затем попытался прощупать почву в личной телеграмме Вайцзеккеру 7 мая. Желая сделать свои тайные примирительные меры полуофициальными, он намекал, что германское правительство могло бы направить поздравления Сталину. Кроме того, играя на озабоченности Гитлера по поводу отношений с вишистской Францией{1039}, он настаивал на оглашении содержания своих бесед с М.Бержери, открыто выступавшим за Континентальный блок, "в который необходимо включить великий Советский Союз с его сырьевыми богатствами". Шуленбург довольно коварно использовал и кнут. В Берлине он познакомился с мнением, будто молниеносная кампания в России приведет к быстрому захвату Москвы и падению коммунистического режима. Однако, как он узнал от Вайцзеккера, армия считала, что хотя Москву взять будет сравнительно легко, но дальнейшая кампания в сторону Урала встретит серьезные трудности{1040}. Поэтому он добавил постскриптум, в котором в отстраненной манере поведал, что в Москве не

проводятся учебные воздушные тревоги и это является подтверждением сведений, будто "Советское правительство уже какое-то время устраивает "где-то" столицу на время войны, оборудованную всем чем нужно (средствами связи и пр.), куда сможет перебраться за самое короткое время. В любом случае в Москве оно не останется". Это был явный намек на плачевный опыт Наполеона, столкнувшегося с тактикой выжженной земли, проводившейся Александром I в 1812 г. Наконец, пытаясь выяснить, продолжаются ли в Берлине военные приготовления, Шуленбург сослался на необходимость принять соответствующие меры для обеспечения безопасности сотрудников посольства в случае начала боевых действий{1041}. [251]

12 мая Деканозов вновь явился в апартаменты Шуленбурга на их третью встречу за завтраком в течение недели. На этот раз он с ходу захватил инициативу, торжественно объявив о согласии Сталина и Молотова послать личное письмо Гитлеру. О нетерпении Сталина свидетельствовала его просьба, чтобы, ввиду отъезда Деканозова в Берлин в тот же день, Шуленбург и Молотов, не теряя времени, совместно набросали текст письма{1042}. Однако примерно за час до прихода Деканозова Шуленбург получил с курьером из Берлина два неожиданных сообщения{1043}, казалось, сводивших на нет все его усилия. Одно — короткое — от Вайцзеккера слишком ясно показывало, куда дует ветер. Единственным местом в послании Шуленбурга, которое вызвало какой-то отклик, оказался вопрос насчет организации эвакуации персонала посольства в случае начала военных действий: "в надлежащий момент, — ответили ему, — эта сторона дела будет разъяснена". Затем ему лаконично, но предельно ясно сообщали, что остальные его предложения не были показаны Риббентропу, так как "дело того не стоило". Второе письмо, от Эрнста Верманна, директора Политического департамента Министерства иностранных дел, продемонстрировало, что за действиями Шуленбурга после его конфронтации с Гитлером пристально наблюдали. Ему сделали выговор за разглашение в Москве содержания его бесед в Берлине и за явный пессимизм, отразившийся в слухах, будто бы Шуленбург "пакует чемоданы"{1044}.

Восстанавливая ход беседы, Деканозов сообщал, что с самого начала встречи Шуленбург "не проявлял инициативы и не начинал разговора о предмете наших последних бесед. Он только упомянул о том, что получил из Берлина с курьером, прибывшим сегодня, пачку почты, в которой были также письма от Вайцзеккера и

Вермана. Но ничего нового или интересного в этих письмах нет". Шуленбург "довольно бесстрастно" выслушал предложения Деканозова, которые тот явно считал большим шагом вперед, и ответил, что последние несколько дней вел переговоры "в частном порядке и сделал свои предложения, не имея на то никаких полномочий". Никто не уполномочивал его вести переговоры с Молотовым, и он "сомневается даже, получит ли он такое поручение". Он казался весьма озабоченным тем, что последние попытки Сталина примириться с Германией откровенно замалчиваются немецкой прессой.

Содержание беседы представляло собой странную смесь намеков на возможность войны со столь же убедительными попытками Шуленбурга сохранить первоначальный импульс и дезинформацией. Все это добавило свой вклад в смятение, уже охватившее Кремль. Сидя за завтраком, Шуленбург и Хильгер отпускали циничные и игривые замечания, воспринятые Деканозовым как намеки на "уход Шуленбурга с поля политической деятельнсоти". И все же Шуленбург, стремясь спасти свою инициативу, выдвинул ряд альтернатив:

"Было бы хорошо, чтобы Сталин сам от себя, спонтанно, обратился — с письмом к Гитлеру. Он, Шуленбург, будет в ближайшее время у Молотова (по вопросу обмена нотами о распространении действия конвенции об урегулировании пограничных конфликтов на новый участок границы от Игорки до Балтийского моря), но, не имея полномочий, он не имеет права затронуть эти вопросы в своей беседе. Хорошо бы, если Молотов сам начал бы беседовать с ним, Шуленбургом, [252] на эту тему или, может быть, я, Деканозов, получив санкцию здесь, в Москве, сделаю соответствующие предложения в Берлине Вайцзеккеру или Риббентропу".

Такая сдержанность, контрастирующая с предложениями, сделанными несколькими днями раньше, несомненно сбивала Сталина с толку. С одной стороны, Шуленбург, только что вернувшийся после совещания с Гитлером, возможно, действительно выражает позицию немцев и просто-напросто пытается надавить, чтобы добиться лучших условий. В равной мере можно предположить, что в Германии вопрос еще не решен и осторожная политика может привести к соглашению. С другой стороны, все это вполне может оказаться ловушкой для СССР, и преждевременное обращение используют как козырь в будущих переговорах с Англией. В самом деле, во время встречи Шуленбург позволил себе совершенно спекулятивное высказывание, что, "по его мнению, недалеко то

время", когда Англия и Германия "должны прийти к соглашению, и тогда прекратятся бедствия и разрушения, причиняемые городам обеих стран"{1045}. Это заявление, несомненно, вновь и вновь обдумывали в Кремле в тот самый вечер, когда берлинское радио сообщило о полете Рудольфа Гесса в Англию с самовольно взятой на себя миссией мира{1046}.

Шуленбург заколебался, стоит ли привлекать внимание к своей деятельности{1047}, и выговор из Берлина немедленно произвел эффект. Вскоре после ухода Деканозова он составил два письма. В ответе Верманну он всячески защищался, отметая обвинения. Как он уверял, его "ценные ковры" все еще "лежат на старом месте, портреты моих родителей и других родственников висят на стенах, как и прежде, в моей резиденции ничто не изменилось, и любой посетитель может в этом убедиться". Закончил он письмо словами "Хайль Гитлер!", чего раньше не имел обыкновения делать. Вайцзеккер в Берлине поступал так же, жалуясь, что Шуленбург действовал, конечно же, против его воли, и признаваясь, что, наверное, последует рецепту армейской оппозиции и постарается "избавляться от возникающих сомнений". Он не уставал выражать уверенность в триумфальном успехе вермахта{1048}. В письме к своим друзьям Хервартам Шуленбург в тот же день поведал: "...событие, весьма нас интересующее, близко как никогда. Мы ожидаем, что кризис разразится приблизительно в конце июня". Поэтому "делать ничего не остается... Тишина пугает нас: не затишье ли это перед бурей?" Как он раньше в этот день намекнул Деканозову, он смирился с мыслью вернуться в Германию и заняться обстановкой замка Фалькенберг, недавно им приобретенного{1049}.

Во второй телеграмме в Министерство иностранных дел Шуленбург все еще упорствовал в своих усилиях отдалить кризис. Он готовил почву для того, чтобы Сталин мог предпринять какие-то шаги через Деканозова. Поэтому он вновь привлек внимание Берлина к "экстраординарному" назначению Сталина Председателем СНК и "предпочтению, отданному Деканозову" во время первомайского парада, которое следовало рассматривать "как особый знак доверия со стороны Сталина". Затем следовала убедительная картина примирительных попыток Советов, без всякого упоминания о роли в них Шуленбурга, подводящая к неизбежному выводу: "Можно с уверенностью предположить, что Сталин поставил во внешней политике задачу первостепенной важности для Советского Союза, которую надеется [253] решить лично. Я твердо

верю, что в нынешнем международном положении, которое он считает тяжелым, Сталин поставил себе цель уберечь Советский Союз от конфликта с Германией"{1050}.

Тот же самый смысл просматривался в его отчете о встрече с Молотовым 22 мая. Он не прекращал внушать Берлину, что, с тех пор как Сталин стал Председателем СНК, он и Молотов, "две сильнейшие фигуры в Советском Союзе", занимают посты, "решающие для определения внешней политики Советского Союза", и их политика "прежде всего направлена на то, чтобы избежать конфликта с Германией"{1051}. Позднее он представил в Берлин одностороннее изложение сталинской речи перед выпускниками военных академий, заключая из нее, что Сталин, видимо, "желает подготовить своих последователей к "новому компромиссу" с Германией"{1052}.

В конечном итоге деятельность Шуленбурга в начале 1941 г., и особенно в решающем месяце мае, поддерживала в Сталине надежду на возможное дипломатическое разрешение конфликта и отвлекала его внимание от смертельной опасности, подстерегавшей совсем близко. Кроме того, Сталин еще больше убедился в том, что Черчилль в отчаянии старается втянуть СССР в войну, распуская слухи о "неизбежной войне"{1053}. Вместо того чтобы предостеречь Сталина, как часто утверждают, тайные переговоры укрепили его веру в возможность примирения с Гитлером. Как никогда подозрительный, Сталин пошел даже на рискованную операцию по перехвату немецких курьеров, везущих дипломатическую почту, в гостинице "Метрополь". Пока один из них был заперт в ванной, а второй застрял в лифте, почту сфотографировали. В отчетах Шуленбурга, как мы видели, внимание акцентировалось на его уверенности в стремлении Сталина к переговорам{1054}.

Таким образом, вполне понятно мнение Татекавы, высказанное в Москве, что Гитлер и Сталин "встретятся где-нибудь на границе"{1055}. По словам Жукова, когда он пришел к Сталину в начале июня, то увидел на его столе письмо, адресованное Гитлеру{1056}. Когда Деканозо-ву не удалось попасть к Риббентропу после возвращения в Берлин 14 мая, он обратился к услугам Майснера, завязавшего тесные отношения с Кобуловым, резидентом НКГБ в Берлине. Свободно овладевший русским за время долгого пребывания в России, Майснер был человеком "старой закалки", служил при президенте Гинденбурге и, как считалось, был близок с Гитлером{1057}. Он принимал участие, хотя и на

вторых ролях, в переговорах с Молотовым в Берлине{1058}. Видимость переговоров, окончательно улетучившаяся к первой неделе июня, некоторое время занимала Сталина как возможность достичь нового соглашения с немцами. По словам Бережкова, молодого первого секретаря советского посольства в Берлине, он в самом деле "намекал, будто Рейхсканцелярия разрабатывает какие-то новые предложения по упрочению советско-германских отношений, которые фюрер в скором времени намерен представить Москве"{1059}.

Тем не менее, ощущение, что один неверный шаг, будь то военная провокация или дипломатический промах, может вызвать войну, привело Сталина к осторожности, граничащей с паранойей. Это мешало работе разведки тем больше, чем ближе надвигалась война. Высказанное Шуленбургом на встрече с Деканозовым мнение, будто слухи могут послужить импульсом к войне, еще больше осложнило положение, удерживая посольства от поисков сведений о замыслах немцев и [254] лишая русских важнейшей информации. Яркий пример — отчаянные и безнадежные попытки англичан передать Майскому полученную с помощью "Энигмы" информацию перед самой войной{1060}. Но нечто подобное происходило в каждом советском посольстве: послы фанатично соблюдали инструкции, информация просеивалась и грубо перекраивалась в соответствии со взглядами, которых придерживались наверху. Так, например, когда финский посол в Стамбуле сообщил своему советскому коллеге точные сведения о присутствии 125 дивизий на советской границе, Виноградов оборвал его циничной репликой: "Господин посланник сам считал эти дивизии?" Вместо того чтобы побеседовать об этом поподробнее, он с гордостью верноподданнически докладывал Москве, что "не стал продолжать с финном разговор по этому вопросу, переведя его на отвлеченную тему"{1061}.

Большая часть донесений разведки о намерениях немцев, переданных Сталину, несмотря на то что в основе их лежали сведения о реальных военных приготовлениях, приобретали двусмысленное звучание, если подходить к ним предвзято. Показательно в этом отношении донесение о беседе фон Папена и турецкого президента Иноню, в ходе которой последний выразил озабоченность по поводу возможной встречи Гитлера и Сталина. Германский посол успокоил его, высказав мнение, что, даже если "взаимоотношения между Германией и Россией и станут более близкими", Германия будет "продолжать пристально следить за позицией России и что Германия считает себя достаточно сильной для ведения

войны и на Восточном фронте". Вместо того чтобы распознать угрозу, очевидную для нас в свете последующего германского вторжения, Сталин склонен был видеть в донесении доказательство того, что такая встреча и улучшение отношений действительно стоят на повестке дня{1062}.

Даже те сообщения разведки, которые задним числом кажутся нам самыми убедительными, при тогдашнем настроении в Кремле можно было толковать двояко. Надежный и опытный военный атташе в Бухаресте узнал от своего информатора, побывавшего в германском Генеральном штабе, что тщательная подготовка к кампании завершена и начала войны ожидают в июне. Он был уверен: если война не разразится в 1941 г., это можно считать "чудом". Однако затем он допускал предположение, оказавшееся для Сталина более привлекательным, будто Гитлер ведет "какую-то совершенно утонченную игру". Это подчеркивалось тем фактом, что Гитлер, казалось, избегал каких-либо определенных заявлений о своих намерениях относительно Москвы или переговоров со странами, граничащими с Советским Союзом. Не говорил он о войне и с японцами. Сообщение о том, что "нет ни одного человека, который имел хотя бы малейшее сомнение в немедленной победе над СССР", можно было рассматривать как элемент войны нервов. Такое толкование подкреплялось признанием, что в Берлине отдают себе отчет: оккупация может повлечь за собой катастрофический развал экономики. Таким образом, оставлялось на усмотрение Сталина — соглашаться или не соглашаться с "уверенностью" информатора в том, что война стала "неизбежной" и немецкая армия окажется в Москве "скорее, чем мы можем себе представить"{1063}.

Неудивительно, что, когда четыре немецких дезертира из пехоты, артиллерии и флота перебежали на советскую сторону и дали точное и подробное описание немецких боевых порядков, Меркулов предпочел [255] передать их довольно тенденциозный рассказ о настроениях и политических взглядах солдат. В нем подчеркивалась усталость в войсках и желание вернуться домой. По крайней мере 20 товарищей перебежчиков попали под трибунал за дезертирство. Многие солдаты "симпатизируют Советскому Союзу" и боятся встретить "сильную Красную Армию с множеством танков и самолетов и огромную территорию". Во флоте очень сильна фашистская пропаганда, но вместе с тем "растут и антивоенные настроения". Некоторые солдаты высказывали мнение, что Гитлер "втянул Германию в войну, от которой рабочий класс ничего не получит". Наряду с этим

незначительное место занимала информация о некоторых частях, которые еще сохраняют "боевой дух и готовы выполнять все приказания своего командования... среди солдат 196 полка имеются разговоры о предстоящей в скором времени войне между Германией и Советским Союзом"{1064}.

Деканозов в своих отчетах предпочитал говорить об общей уверенности, что германские промышленники против войны и что Советский Союз готов на территориальные уступки Германии. Как сказала ему русская жена китайского советника, сидевшая рядом с ним, на одном обеде в Берлине, "ей очень будет жаль, если Украина будет отдана немцам; она слыхала об этом от самих же немцев". Точно так же дочь турецкого советника "сказала ему, что ей очень жаль Кавказ", который будет отдан Германии. Деканозов пространно цитировал высказывания Гереде, турецкого посла, уверенного, что "у Германии действительно безвыходное положение", не хватает нефти и зерна, зато в наличии огромная незадействованная армия. Развертывание войск на Балканах и в Румынии направлено на север, но, по его мнению, цель этого — "оказать давление на Советский Союз". Затем он ввел Деканозова в заблуждение, рассказывая, будто генерал Браухич инспектирует поезда, отправляемые на запад, — из этого он делал вывод, что "стягивание войск к советским границам делается с целью отвлечь внимание от предполагаемых действий на Западе". Ожидая новых переговоров, Деканозов стремился проследить источник слухов и понять, в какой степени они отражают взгляды правительства{1065}. В последующем донесении Кремлю он указывал:

"Параллельно со слухами о близости войны между Германией и Советским Союзом в Германии стали распространяться слухи о сближении Германии и СССР, либо на базе далеко идущих "уступок" со стороны Советского Союза Германии, либо на основе "раздела сфер влияния" и добровольного отказа СССР от вмешательства в дела Европы. В этой связи говорят даже о "повороте" в политике СССР, что связывается с фактом назначения тов. Сталина Председателем Совета Народных Комиссаров СССР".

Он приводил выдержанные в таком духе комментарии по поводу пакта о нейтралитете с Японией и признания Сталиным правительств, созданных на оккупированных территориях.

В подтверждение вывода, что от Кремля ожидают возобновления переговоров, Деканозов пространно цитировал те газеты, которые указывали, как он писал,

будто "нынешняя политика СССР целиком на стороне "нового порядка" в Европе". Столь же рьяно он выдвигал на первое место сведения о якобы растущем расколе внутри Германии. По его словам, "более разумные и солидные люди (главным образом, немецкие промышленники) настроены против обострения отношений [256] с Советским Союзом и высказываются в таком смысле, что они очень довольны нынешними хозяйственными связями с СССР. Наоборот, военные круги, особенно некоторая их часть, высказываются... в более агрессивном духе по отношению к СССР". Что же касается условий соглашения, по мнению Деканозова, наиболее частые слухи из различных источников говорили об "аренде Украины на 5, 35 и 99 лет". Возможно, самым значительным его наблюдением являлась уверенность, будто слухи исходят от германского правительства и распространяются им. Тем не менее, само количество этих слухов вселяло сомнение и приводило к мысли о том, что в конечном счете "немцы по-прежнему продолжают идеологическую (и фактическую) подготовку для войны против СССР"{1066}.

В конце мая Тимошенко и Жукова вызвали в Кремль, куда они прибыли в уверенности, что Сталин наконец готов позволить им привести армию в "наивысшую боевую готовность" ввиду тревожных донесений разведки. Они были ошеломлены, когда Сталин передал им просьбу Шуленбурга разрешить группам немцев поиск захоронений немецких солдат, павших во время Первой мировой войны. Жукову было совершенно ясно, как он сердито заметил Жданову, что целью всего этого был осмотр районов, которые немцы собираются атаковать. Тимошенко ухватился за возможность поднять вопрос о растущем количестве нарушений советского воздушного пространства и просил позволения сбивать немецкие самолеты. Однако Сталин продолжал придерживаться убеждения, будто немецкие военные действуют на свой страх и риск. "Я не уверен, — завершил он дискуссию, — что Гитлер знает про эти полеты". Отметая возражения Жукова, он, казалось, был совершенно удовлетворен недавними объяснениями Гитлера, будто бы у неопытных молодых пилотов случаются трудности с навигацией. Более того, он сообщил Жукову о секретной личной встрече Деканозова с Гитлером, заверившим того, что целью переброски войск к границе являются перегруппировка их для наступления на запад и введение в заблуждение Лондона. Затем пошла в ход "теория ультиматума", чтобы обосновать предположение, будто немцы, возможно, пытаются "запугать нас". Даже когда

число вторжений в советское воздушное пространство резко возросло в начале июня, Сталин предлагал, чтобы Молотов через Шуленбурга ознакомил Гитлера с положением дел{1067}.

Необходимость подлаживаться к мнению Кремля приобрела первостепенное значение. В своей сводке за май Голиков, словно забыв о неумолимых фактах, скопившихся у него на столе, пересмотрел свои прежние выводы о приоритетах Германии после балканской кампании. Задачи, осуществляемые германским верховным командованием, идут в следующем порядке: 1. Восстановление западных группировок для борьбы с Англией; 2. Наращивание сил против СССР; 3. Укрепление резервов верховного командования. Он грубо преувеличил число дивизий, предназначенных для вторжения в Англию, определив его в 122 — 126, в сравнении со 120 — 122 дивизиями, развернутыми против Советского Союза, тогда как 44 — 48 оставались в резерве. Развертывание войск на советской границе все еще привлекало преимущественное внимание к юго-западному фронту. 29 дивизий на Среднем Востоке, утверждал он, вполне соответствуют цели продолжения операций на Среднем Востоке при одновременной перегруппировке [257] на западе в ожидании главной операции против Британских островов. В конце концов, констатировав, что "перегруппировки немецких войск после окончания Балканской кампании в основном завершены", он закрыл глаза на значительную переброску войск к границам в течение трех недель, предшествовавших нападению{1068}.

Органы безопасности тоже проявляли нерешительность. На банкете, данном японским послом, обсуждалась все большая вероятность нападения немцев, назывались возможные даты — 15 или 20 июня. Рассматривались различные сценарии нападения. Тем не менее, эта точнейшая информация, подогнанная затем по кремлевской мерке, превратилась в предположение, что война начнется после заключения англо-германского соглашения, возможно, на основе предложений, переданных в Лондоне Гессом. Более того, считалось само собой разумеющимся, что войне будут предшествовать жесткие требования, чтобы Советский Союз присоединился к Оси и оказал Германии "более эффективную экономическую поддержку". В конечном итоге, казалось, "угроза войны" использовалась "как средство давления" на Советский Союз{1069}.

Глава 11. Период наибольшей военной угрозы

Настороже

До второй половины апреля невозможно было увидеть во всей полноте наращивание сил немцев. Первоначальный этап развертывания немецких войск сводился к мобилизации и созданию инфраструктуры. Осуществлялось все это медленными темпами с середины декабря по март. Второй этап проходил с умеренной скоростью с марта до середины апреля, а ускоренные третий и четвертый этапы, включающие переброску моторизованных частей, начались в конце апреля. Резервы должны были выступить только после начала военных действий{1070}. Постепенно, но систематически проводимая советская мобилизация и развертывание сил являлись прямым ответом на угрозу со стороны Германии, ныне четко отражаемую многочисленными донесениями военной разведки{1071}.

Жукова, едва он вступил в свою новую должность начальника Генерального штаба, все больше беспокоили посыпавшиеся на него разведывательные сведения. Особенно угнетали его наложенные на него ограничения. Пристальное внимание Сталина к дипломатической "большой игре", с помощью которой он надеялся уберечь СССР от войны, резко контрастировало с весьма малым интересом, проявляемым им к военным делам и к деятельности своего нового начальника Генерального штаба. Тоталитарный режим Сталина зиждился на разделении различных ветвей власти. В результате Красная Армия была далека от политического процесса и редко осознавала его смысл. Сталинская дача, его кабинет в Кремле и, в меньшей степени, Политбюро, — возможно, единственные места, где сходились военная и политическая сферы, но как Жуков, так и Тимошенко лишь иногда бывали там. Фактически по мере приближения войны значительная часть разведывательной информации утаивалась от армии, вероятно, чтобы не дать ей повода настаивать на конкретных действиях{1072}.

В конце февраля Тимошенко устроил Жукову встречу со Сталиным. "Но имей в виду, — предупредил он Жукова, — что он не будет слушать длинный доклад. То, что ты рассказал мне за три часа, ему нужно доложить минут за десять". Сталин принимал Молотова и других членов Политбюро. Задачу начальника Генерального штаба отнюдь не облегчал факт присутствия его старых товарищей генералов Мехлиса и Кулика, пользовавшихся в последнее время симпатией Сталина, преданных и услужливых, однако не отличавшихся сколько-нибудь

существенными военными успехами. Жданов и Ворошилов были тут же под рукой, чтобы поддержать взгляды Сталина по поводу военных дел{1073}. Смущенный окружением, Жуков ограничился кратким замечанием, что "ввиду сложности военно-политической обстановки необходимо принять срочные меры и вовремя устранить имеющиеся [263] недостатки в обороне западных границ и- в вооруженных силах". "Вы что же, воевать думаете с немцами?" — вставил Молотов, но Сталин шикнул на него, давая Жукову закончить доклад, пока сервировался обед. Тревоги Жукова никак не повлияли на атмосферу, царившую на даче. Обед, как всегда у Сталина дома, был прост: густой украинский борщ, гречневая каша, много тушеного мяса, затем компот и свежие фрукты. Сталин находился в игривом расположении духа, отпускал шутки, потягивая легкое грузинское вино "Хванчкара", предложенное всем присутствующим, хотя большинство предпочитало коньяк. Прощаясь с Жуковым, Сталин дал добро на разработку планов, хотя и велел "не фантазировать насчет того, что мы пока материально обеспечить не можем"{1074}.

Поэтому первоначальный план развертывания был расплывчат и весьма ограничен. Пересмотренный график предусматривал завершение мобилизации к 15 июля{1075}. В значительной степени разработчики действовали, не столь уж отличаясь от своих коллег в Германии, в политическом вакууме. Однако, в отличие от немцев, они не пользовались поддержкой руководства и поэтому не могли проявить воображение и инициативу в поиске путей предотвращения угрозы. План, переданный Сталину в единственной копии 11 марта, являлся естественным следствием мобилизационных предписаний и не отличался изобретательностью. Лишь после того как начиная с апреля угроза приобрела конкретные очертания, Жуков неустанно, хотя и безуспешно, пытался изменить его. До самого начала войны план подвергался лишь незначительным переделкам, чтобы согласовать его со скоростью развертывания, величиной и размещением немецких войск в соответствии с подробными двухнедельными рапортами, получаемыми от Голикова. А они, как мы видели, подгонялись под взгляды, которых придерживались наверху.

Структура мартовского плана носила явный оборонительный характер. С самого начала утверждалось, что "крайне сложная политическая обстановка в Европе заставляет нас обратить все наше внимание на оборону наших западных границ".

Оценивая опасности, грозящие Советскому Союзу, Жуков подчеркивал по-прежнему существующую угрозу войны на два фронта:

"В данных обстоятельствах Советский Союз должен быть готов к войне на два фронта: на западе — против Германии, поддерживаемой Италией, Венгрией, Румынией и Финляндией, и на востоке против Японии, либо как открытого врага, либо как врага, занимающего позицию "вооруженного нейтралитета", которой всегда может перейти в открытый конфликт".

Германская угроза по-прежнему считалась потенциальной, так как у Жукова якобы не было документальных свидетельств о немецких оперативных планах, но, конечно, ей отводилось первое место. Если Германия откажется от своих планов нападения на Англию, она сможет собрать около 200 дивизий, включая 165, пехотных, 20 танковых и 15 мотопехотных, для развертывания на советской границе. Жуков, по-видимому, переоценивал размеры сил, с которыми придется столкнуться Советскому Союзу, полагая, что вместе с союзниками Германия может развернуть около 233 пехотных дивизий, более 20 танковых, имеющих 10 810 танков, и 15 мотопехотных, поддерживаемых 11 600 самолетами и 20 050 орудиями. [264]

Существовало мнение, все еще основывавшееся на октябрьских планах 1940 г.{1076}, что немцы пойдут в наступление на юго-западном участке, имея конечной целью захват Украины. Такой удар может сопровождаться вспомогательными ударами в центре и на севере из Восточной Пруссии в направлении Риги и Двинска или в центральном секторе в направлении Бреста. Но, вопреки общераспространенному мнению, следует подчеркнуть: Жуков не исключал возможности нанесения главного удара из Варшавы в центральный сектор по оси Рига — Двинск. Было принято решение развернуть большую часть армии на западном и юго-западном участках, оставив лишь минимум необходимых сил на востоке, чтобы удержать японцев и парализовать их наступление, если они начнут войну. Сорок пехотных дивизий, из них шесть моторизованных и семь бронированных, отправлялись на восток, а у Жукова оставались 171 пехотная, 27 мотопехотных, 53 танковых и 7 кавалерийских дивизий, чтобы прикрыть весь западный фронт{1077}. Сначала Сталин, боясь спровоцировать немцев, хотел отклонить даже такой аморфный план, представленный ему, однако все же дал добро этому плану, ознакомившись с донесениями разведки, накопившимися к концу марта, и ввиду действий Германии против Югославии и Греции{1078}.

Чтобы понять причины перехода Жукова к более энергичному развертыванию сил начиная с апреля, нужно уделить внимание эволюции разведывательных донесений, оседавших на его столе. Предупреждения таких агентов, как Зорге и "Старшина", создали вокруг них романтический ореол. Однако большая часть важнейших военных сведений поставлялась сотнями наблюдателей, рассеянных вдоль всей немецкой стороны западной границы на ключевых железнодорожных и автодорожных узлах. Они тщательнейшим образом рисовали для Москвы самую свежую и точную картину развертывания немецких войск. Точно так же военные атташе и военная разведка обеспечивали непрерывный поток достаточно верной информации. В то время как стратегическая разведывательная информация, как мы видели{1079}, прямо поддерживала Сталина в его попытках предотвратить войну дипломатическими средствами, неумолимые факты, добываемые наблюдателями, пристально изучались Жуковым и его штабом и определяли характер ответных действий армии. Армия пользовалась некоторой свободой в выборе средств противостояния угрозе, конечно, с ведома Сталина, постольку, поскольку это не наносило ущерба его политическому лавированию.

В середине марта НКГБ, осуществляя надзорную деятельность, поручил агенту "Сидорову" проанализировать сведения, собранные полевыми агентами. Его яркий и подробный рапорт привлекал внимание к большому количеству составов, предназначенных для переброски войск в пункты назначения на востоке вдоль всей советской границы. Он засвидетельствовал возникновение ужасных пробок, вызванных дополнительными военными перевозками на основных линиях, идущих на восток из Германии, Вены и Будапешта. Многие перевозки осуществлялись не из Германии, а из оккупированных западных стран{1080}. Транспорт, идущий из Берлина в бывшую Польшу, почти полностью резервировался для военных, гражданские лица должны были иметь специальное разрешение на поездку. Движение [265] шло преимущественно ночью, чтобы скрыть его масштабы. Начиная с 3 марта около 3 — 4 эшелонов отправлялись ежедневно с запада на восток, перевозя войска и снаряжение, а в польских портах с кораблей выгружались военные грузы{1081}.

Нагрузка на ключевые железнодорожные станции в бывшей Польше все увеличивалась в течение апреля месяца, отмечались строительство новых ангаров и взлетно-посадочных полос в приграничных районах, а также величайшие усилия по расширению и улучшению железнодорожной и автодорожной сети{1082}.

Продолжавшееся пристальное наблюдение за движением транспорта позволило обнаружить в середине апреля возвращение войск, которые были задействованы в Югославии, через Будапешт в Вену. После короткого отдыха они были передислоцированы в Польшу и на советскую границу. Венгерская армия была приведена в боевую готовность, и солдаты свободно говорили о кампании по захвату украинских Карпат{1083}.

В последнюю неделю марта "Корсиканец" сообщил, что немцы продолжают обширную фотосъемку приграничных областей, особенно вблизи Киева. Он ожидал начала войны в конце апреля или в начале мая. Выбор даты обусловливался желанием атаковать, пока хлеба в полях еще зелены, чтобы не дать отступающей Красной Армии поджечь их. Тем не менее, читатель должен помнить о двусмысленном характере донесений из Берлина{1084}. В то время как Тимошенко и Жуков усматривали в них смертельную угрозу, Сталин и Берия предпочитали сосредоточить внимание на заключительном вердикте "Старшины", гласящем: "Вероятность войны составляет лишь 50%, и ее все еще можно отнести на счет политики "блефа""{1085}.

Другим важным открытием, сделанным "Старшиной" в начале апреля, стал факт завершения планирующим подразделением Германских военно-воздушных сил планов нападения на Советский Союз. Война должна была начаться массированной бомбардировкой железнодорожных узлов, автомобильных перекрестков, центров коммуникаций и скоплений войск, но не промышленных объектов, которые немцы надеялись захватить неповрежденными и использовать по завершении короткой кампании. Целью бомбардировки было разрушить линии коммуникаций и помешать переброске резервов на фронт. "Старшина" настаивал на полной достоверности этой информации, извлеченной им из документов, проходивших через его руки. Однако, учитывая сталинскую убежденность в существовании раскола внутри германского руководства, следует отметить: "Старшина" не утверждал безоговорочно, что война непременно разразится, указывая, что, "решен ли вопрос окончательно о проведении акции Гитлером, ему не известно". Хотя он описывал нападение, которое "последует в скором времени", но не исключал возможности отсрочки, которую вызовет предполагаемая кампания в Югославии. Что касается разработки планов, то он продолжал дезинформировать Москву, говоря о главном ударе, направленном на Украину, и вспомогательной акции, которая будет проводиться из Пруссии{1086}.

Содержание донесения с большой точностью передали Красной Армии, однако дали понять, что оно все еще "не дает достаточных оснований полагать, будто высшее руководство приняло окончательное решение о наступлении"{1087}. [266]

Военные атташе, особенно в Балканских странах, постоянно доставляли информацию исключительной важности. Большая часть ее так и не дошла до Сталина, но нашла дорогу в вооруженные силы. В конце марта, к примеру, друг детства племянника Антонеску поведал, что Гитлер открыл румынскому лидеру свое решение напасть на Советский Союз во время их встречи в январе и Геринг подтвердил это при их недавней встрече в Вене. Решающим месяцем был назван май{1088}.

В своем двухнедельном рапорте в начале апреля Голиков и не пытался скрыть серьезную угрозу, представляемую наращиванием немецкой военной мощи на всем протяжении границы. Более того, он признал явный сдвиг к центру Западного фронта, где уже были замечены 84 дивизии. Спешно создавались новые штаб-квартиры в Алленштайне в Пруссии и в Закопане, примерно в 85 км от Кракова{1089}. Вскоре после отъезда Шуленбурга на встречу с Гитлером НКГБ подготовил для Голикова внушительное особое досье на 15 страницах, содержащее данные о концентрации немецких войск. Не меньшее смятение вызывали донесения об учащении случаев открытого нарушения самолетами люфтваффе советского воздушного пространства. В конце месяца русские захватили у пилота, совершившего вынужденную посадку вблизи Ровно, засвеченные пленки и порванную карту советских приграничных районов, ясно указывавшие на цель его полета. С нетерпением ожидая приезда Шуленбурга с новыми предложениями, Сталин заставил Тимошенко сделать "исключение... и отдать пограничным войскам приказ не открывать огонь по немецким самолетам над советской территорией, пока такие полеты не станут слишком частыми"{1090}.

15 апреля, после фиаско в Югославии, Голиков представил второй мрачный рапорт. Не давая аналитической оценки, этот лаконичный документ достаточно подробно описывал изменения в порядках развертывания немецких войск. Вводная сентенция Голикова, по обыкновению, задавала тон всему рапорту:

"Имела место крупнейшая переброска войск по железным и автомобильным дорогам, моторизованными колоннами и пешими маршами между 1 и 15 апреля из

центра Германии, из западных районов Восточной Пруссии и из Генерал-губернаторства (Польши) к советским границам. Войска сосредоточиваются главным образом в Восточной Пруссии, вблизи Варшавы и в районах южнее Люблина. За 15 дней немецкая армия на восточных границах увеличилась на три пехотных дивизии, две мотопехотных, 17 тысяч вооруженных украинских националистов и одно парашютно-десантное формирование. Общее число немецких дивизий всех родов войск только в В.Пруссии и Польше составляет 78 дивизий".

Затем Голиков идентифицировал различные формирования и их размещение, заканчивая мрачным выводом, что "продолжаются переброска войск, накопление боеприпасов и горючего на границах СССР"{1091}. Пару дней спустя военный атташе в Будапеште узнал из надежного источника, что у немцев теперь 265 дивизий: 180 пехотных, 10 мотопехотных, 18 танковых, 5 парашютно-десантных, 6 горнострелковых, 2 — 3 кавалерийских и около 40 не определенного назначения. Как он полагал, 75 из них остались на западном фронте, а 45 сосредоточены на Балканах. Большая часть [267] армии стоит против центрального и северного участков советского фронта{1092}.

Жуков вряд ли мог позволить себе пренебречь этими зловещими сообщениями. Однако в Кремле Сталин по-прежнему был поглощен усилиями примириться с немцами и глубочайшими подозрениями насчет стремления англичан втянуть СССР в войну. Поэтому Жукову предстояло совершить невозможное: протолкнуть оборонительный план предыдущего месяца, не раздражая Кремль. Примирительная преамбула его новой директивы генералу Павлову, командующему Западным фронтом, предназначалась Сталину и высказывала мнение, что пакт о ненападении с Германией "охраняет мир на наших западных границах. Советский Союз не собирается нападать на Германию и Италию. По-видимому, и эти страны не собираются нападать на Советский Союз в ближайшем будущем". Жуков шел на все, чтобы как-то совместить сталинский навязчивый страх перед провокацией с подлинной угрозой, исходящей от Германии. С этой задней мыслью он указывал на опасность, которую представляют для СССР "не только такие противники, как Финляндия, Румыния и Англия, но и возможные противники, такие как Германия, Италия и Япония". И подробно останавливался на недавних событиях на Балканах, немецком вторжении в Болгарию, Румынию и Финляндию, продолжающемся сосредоточении немецких войск на советской

границе и растущей мощи Оси, которая при известных обстоятельствах может быть обращена против Советского Союза. В итоге директива выявляла главную заботу военных: чтобы обороне западных границ Советского Союза было придано "исключительное значение".

Как полагал Жуков, немцы могли собрать для кампании на востоке около 200 дивизий, включая 165 пехотных, 20 танковых и 15 мотопехотных. Дезориентированный их вторжением на Балканы и в Южную Европу и предполагая в основе действий Гитлера экономические интересы, Жуков считал, что он "постарается захватить Украину", нанеся главный удар в районе между Бердичевом и Киевом. Наступление может быть подкреплено вспомогательными атаками из Западной Пруссии на Двинск и Ригу или из Бреста на Волковыск и Барановичи. Тем не менее, Жуков не исключал возможности главного удара из Пруссии через Варшаву в направлении Риги или Ковно и Двинска, сопровождающегося вспомогательной акцией в направлении Минску.

Главной проблемой для Жукова, которую он так и не смог решить до самого начала войны, была необходимость справляться с двойной угрозой в центральном и южном регионах с учетом огромной протяженности театра военных действий. Следует помнить, однако, что одной из причин неспособности русских верно оценить намерения немцев явился так и не разрешенный спор внутри германского Верховного командования относительно конечных целей кампании. В то время как Гудериан желал нанести смертельный удар по Москве, Гитлер стремился занять Украину и Ленинград. Компромиссный план предусматривал два этапа войны. Успех плана зависел от способности вермахта уничтожить большую часть советской армии и не дать ей в организованном порядке отойти за Днепр и перегруппироваться там. Чтобы примирить противоположные точки зрения, решено было вернуться к рассмотрению целей, когда немецкая армия перегруппируется [268] на линии Ленинград — Орша — Днепр. Поэтому войска первоначально распределялись более или менее равномерно между тремя фронтами. Группа армий "Север" под командованием фельдмаршала фон! Лееба, включающая бронированные ударные силы, танковую группу, а также 16-ю и 18-ю армии, была развернута на севере. В ее задачу входили уничтожение советских войск в Прибалтике и захват Ленинграда. Мощная группа армий "Центр" под командованием фельдмаршала фон Бока состояла из 35 пехотных, 9 бронетанковых и 6 мотопехотных дивизий. Ей предписывалось прорвать линию

Брест — Гродно — Вильно — Смоленск и взять Смоленск. Группа армий "Юг" под командованием фон Рунштедта со своими 32 пехотными, 5 бронетанковыми и 3 мотопехотными дивизиями должна была ударить на Киев. Размышляя вместе со своими советниками о порядках развертывания немецких войск, Сталин мог прийти к самым разным заключениям, и ни одно из них не указывало бы безоговорочно на сдвиг к центру или северу. Мало помогала ему и разведка, которая, как мы видели, продолжала доставлять противоречивые сведения{1093}. Особые директивы генералу Павлову, командующему Западным фронтом, четче очерчивали неопределенные контуры мартовского плана развертывания. Не следует упускать из виду тот факт, что директива составлялась в разгар сталинских примиренческих усилий и, как мы видели, Жуков вынужден был в начале документа в значительной степени затушевать угрозу, чтобы приспособить его к взглядам Кремля. Поскольку его лишили инициативы в виде упреждающего удара, Жукову пришлось планировать ответ на нападение Германии. Даже в этих обстоятельствах, обдумывая свой ход, он оставался стойким приверженцем принципов "глубинных операций", введенных Тухачевским{1094}. На начальном этапе войны, если предположить нападение Германии, силы прикрытия, базирующиеся в укрепленных районах, должны были сдержать противника, поглотить обширный удар и вести "упорную оборону". Чтобы воспрепятствовать повторным усилиям немцев, он планировал перейти в наступление, ударив по скоплению войск противника в районе Люблина — Радома и заняв переправы на реке Висла. В поддержку основных боевых действий следовало нанести вспомогательный удар в направлении Варшавы, занять ее и создать линию обороны по реке Нарев. Успех этих операций привел бы к окружению и уничтожению главных немецких сил, сосредоточенных к востоку от Вислы. На десятый день операции Красная Армия должна была утвердиться на Висле.

Учитывая чрезвычайные обстоятельства, в которых приходилось работать Жукову, директива появилась в единственном экземпляре, написанном от руки Василевским, заместителем начальника Генерального штаба и начальником Отдела оперативного планирования, и Павлову наказали хранить его под замком. Плану следовало дать ход по получении в его штаб-квартире шифрованной телеграммы со словами "Приступить к выполнению". Только тогда начнет разворачиваться военная машина, осуществляя следующие этапы: а) план прикрытия границ и обороны на весь период сосредоточения войск; б) план

сосредоточения и развертывания войск; в) план осуществления первой операции силами 13-й и 14-й армий и план обороны силами 3-й и 10-й армий{1095}. На тот момент, в ожидании переговоров с Шуленбургом{1096}, Сталин склонен был ограничиться административными [269] мерами. Вечером 23 апреля в своем кабинете в Кремле он обсуждал с Жуковым и Мерецковым, а также вездесущим генералом Куликом, создание трех групп армий для противостояния потенциальной германской угрозе{1097}. В то время Жуков предпринял кое-какие дополнительные, пусть и незначительные, меры для укрепления центрального сектора путем развертывания 231-й и 224-й стрелковых дивизий в полной боевой готовности{1098}.

Эйфорические ожидания прорыва на дипломатическом фронте в начале мая к концу месяца сменились унынием. Зловещую тишину в Берлине прерывало лишь громыхание немецкой военной машины по всей длине советской границы. Голикову становилось практически невозможно лавировать между Жуковым, встревоженным сигналами о приближающейся войне, и Сталиным, искавшим любую лазейку, чтобы начать переговоры с немцами. В конце апреля Голиков требовал от военного атташе в Берлине, генерала Туликова, общей оценки намерений немцев. Пересмотрев свыше 150 телеграмм и две дюжины рапортов, посланных им в ГРУ за три предыдущих месяца, Тупиков отметил неуклонно продолжающуюся переброску войск на восточный фронт как важнейшую и постоянную черту германской политики. Его рапорт подкреплялся точной таблицей развертывания германских войск, где северному и центральному участкам советской границы отдавалось предпочтение перед юго-западным, балканским и средневосточным театрами военных действий. Столь же показательным и тревожным фактором он считал демонстративное пренебрежение Гитлера советскими интересами, главным образом на Балканах. Но даже его рапорт не был свободен от двусмысленности, порождавшей двоякое толкование. Тупиков признавал за пактом Молотова — Риббентропа силу эффективного стабилизирующего фактора в отношениях с Германией, хотя и считал это временной передышкой. Он склонен был также объяснять непостижимые действия Германии отчаянной нуждой в контроле над экономическими ресурсами Советского Союза, цитируя изречение Геринга: "Крысы, когда они голодны, прогрызают стальную броню, чтобы проложить дорогу к хлебу". Ситуация настолько обострилась, что немецкие ученые якобы работают "над тем, чтобы

содержимое канализационных котлованов вновь сделать пригодным для обедов и ужинов". Тупиков, намеревавшийся предупредить Сталина об опасности войны, не понимал, что подобная оценка все еще оставляет Кремлю надежду на достижение политическими средствами соглашения о дальнейших уступках и подрывает позицию Жукова. Но в заключительных строках он ясно утверждал: "В германских планах сейчас ведущейся войны СССР фигурирует как очередной противник"{1099}.

Другим зловещим признаком служили систематические попытки Германии привлечь в свои ряды соседей СССР. Внутренний меморандум Наркомата иностранных дел говорит об открытой враждебности Антонеску по отношению к Советскому Союзу; немцы поощряли его вновь заявить претензии на Бессарабию. Донесения из этого региона указывали на укрепление немцами румынской границы и побережья Черного моря и сосредоточение войск в Молдове, сопровождавшиеся мерами по защите нефтепромыслов от воздушных налетов. Не оставалось сомнений в том, насколько далеко зашли планы скорейшей войны и подготовка Германии к войне против Советского Союза{1100}. [270]

Немецкие офицеры в Румынии даже рассказали, что война с Советским Союзом будет в середине июня. Под руководством немцев быстро) строились новые военно-воздушные базы, устанавливалось взаимодействие с румынскими офицерами в подготовке к оккупации Бессарабии{1101}. Точнейшая информация, доставленная НКГБ, содержала описание различных мер, предпринимаемых немцами, "свидетельствующий об ускоренной подготовке театра войны" на советско-венгерской 1 границе. Высокопоставленные офицеры осматривали этот район и фотографировали советские пограничные заставы и мосты через реку Буг. Подобные сведения шли рука об руку с множеством документов о систематической переброске войск к границе начиная с 27 марта. Заводы переводились на выпуск недостающей военной продукции и работали круглосуточно. Бронированные противоорудийные колпаки были сняты с линии Мажино и перевезены к советской границе. Число разведывательных полетов возрастало. Агенты получили задания добыть информацию о размещении штабов, радиостанций и аэродромов. Наконец, один немецкий командир пограничной заставы, встретив местных крестьян 10 апреля, якобы сказал: "Греция капитулировала... Скоро возьмем Югославию... Один месяц отдохнем и пойдем войной на СССР"{1102}.

В тот момент Голиков упорно старался привлечь внимание Кремля к "усилению группировки против СССР на протяжении всей западной и юго-западной границы, включая Румынию, а также в Финляндии". В его очередном рапорте 5 мая отражена шизофреническая ситуация. С одной стороны, он подробно останавливается на поразительных усилиях немцев: за два месяца они увеличили свои войска на 37 дивизий, при этом удвоив количество бронетанковых дивизий с шести до двенадцати. И тут же переводит разговор на расширение операций против Англии на Ближнем Востоке (Турция и Ирак) и в Северной Африке, не исключая возможности, что следующей жертвой станет Испания{1103}.

Варшавский резидент описывал открытое проведение подготовки к войне в городе и его окрестностях. Между 10 и 20 апреля видели, как войсковые формирования маршируют на восток по главным улицам города, днем и ночью, а артиллерию, самолеты и тяжелые машины везут на фронт на пригородных поездах. Варшава готовилась к воздушным налетам: затемнялись автомобильные фары, завешивались окна, организовывалась гражданская оборона. Транспортные средства были конфискованы, школы рано закрылись на летние каникулы, а другие гражданские учреждения превратились в военные госпитали. Немецкие офицеры в Генерал-губернаторстве изучали русский язык и топографические карты России. Тодге, знаменитому строителю Линии Зигфрида, было поручено возвести укрепления на границе, для чего потребовалось отправить на принудительные работы не менее 35 000 евреев{1104}. Неиссякающий поток точных сведений от полевых агентов возрос начиная с середины мая. Это соответствовало последнему этапу развертывания немецких войск. Типичное донесение состояло из дюжин мелких кусочков достоверной информации вроде: "На 25.4.41 г. в Сокальском направлении сконцентрировано около 8 дивизий немецких войск". Вдобавок Украинский НКГБ передал точные сведения о строительстве дорог, укреплении железнодорожных станций и узлов, связанных с подготовкой к войне{1105}. [271]

Ускоренное развертывание

Внушительное сосредоточение немецких войск поставило Жукова и Тимошенко перед серьезной дилеммой. Темпы, масштабы и протяженность их развертывания явно опережали соответствующие действия русских. Те отчаянно искали способ сократить разрыв. В ночь на 12 мая, обсудив с Деканозовым неутешительные

результаты его последней тайной встречи с Шуленбургом{1106} и, возможно, именно в ответ на оброненные Шуленбургом намеки относительно замыслов Гитлера, Сталин затребовал обоих генералов в Кремль. На встрече, продолжавшейся почти два часа, где присутствовал и Молотов, Сталин неохотно санкционировал ограниченные меры по укреплению обороны, главным образом Киева и Западного военного округа. На следующее утро 16-й, 19-й, 21-й и 22-й армиям, общей численностью около 800 000 чел., с приданной им 21-й мотопехотной дивизией было приказано выступить из тыла на передовую. Прекрасно зная об обостренной чувствительности Сталина, Жуков проводил переброску войск исключительно осторожно, во избежание провокации{1107}.

Развертывание войск кажется особенно ограниченным, если сравнить его с планами, выдвинутыми Жуковым месяцем раньше{1108}, когда, определив слабые места в порядках развертывания немцев, он предлагал перейти в контрнаступление, как только разразится война. Настоящие директивы в первую очередь говорили о необходимости в ответ на развертывание немецких сил создать прикрытие по всей границе в ожидании удара. В планах определялись наиболее уязвимые районы и изыскивались способы предотвращения германской угрозы. Порядки развертывания делили каждый военный округ на 5 — 6 участков прикрытия. Основные инструкции, переданные командующим фронтами, содержали предположение о наступлении немцев и довольно оптимистично предписывали войскам "...препятствовать вторжению противника с земли и с воздуха, прикрывать огнем и защищать главные силы во время мобилизации и развертывания, ведя упорную оборону на границе, обнаружить мобилизацию и развертывание сил противника, добиться превосходства в воздухе и рассеять скопление войск противника, защищать мобилизацию и сосредоточение советских войск от воздушных атак противника и препятствовать любым акциям воздушно-десантных и разведывательно-диверсионных групп противника". Войска распределялись по своим участкам прикрытия и помещались в соответствующие укрепленные районы (УР). Им было приказано привести укрепрайоны в боевую готовность, создавая необходимые условия для развертывания сил прикрытия в буферной зоне перед границей, чтобы встретить немцев и вступить с ними в бой в случае начала военных действий. Признание уязвимости линии Скавина — Яссы — Бельцы — Бап-нярка, отодвигающее на задний план опасность, грозившую

Кишиневу, Галацу, Вольграду и Тирасполю, служило примером перенесения внимания с Балкан на Украину, признанную конечной целью немецких планов.

Порядки развертывания для Одесского военного округа предусматривали создание линии обороны от Корженицы до устья Дуная в Килии и вдоль черноморского побережья вплоть до Проливов. Черноморскому флоту приказано было отражать атаки с моря в направлений [272] Одессы, Крыма и Кавказа, что демонстрировало давний страх Сталина перед негласным участием англичан в нападении немцев. Ясно видны тесные рамки, в которых приходилось действовать Жукову. Осуществляя развертывание, он строго-настрого предупредил командующих фронтами, что "первый шаг через государственную границу" может быть сделан только "по особому распоряжению начальника Генерального штаба", вступающему в силу по получении шифрованной телеграммы со словами "приступить к выполнению плана прикрытия на 1941 г.". Сами директивы выпускались в двух экземплярах от руки, один оставался у Жукова, другой хранился в сейфе у того или иного командующего фронтом{1109}. На полевом уровне новые порядки развертывания соединялись с апрельской директивой Жукова. Действительно, 14 мая генерал Павлов дал более конкретные распоряжения командующим армиями. В частности, командующему в Гродненской области предписывалось сдержать немцев и создать благоприятные условия для нанесения контрудара силами механизированного корпуса. При всем том удар в тыл противника в основном имел целью подавление способности немцев к продолжению атаки{1110}.

Нет сомнений в том, что, будь у него достаточно времени на полноценное развертывание армии на границе, Жуков организовал бы оборону по единственному принципу, признаваемому советской доктриной: комбинации оборонительных и наступательных мер. В самом деле, всего через три дня после осуществления дополнительных мер по развертыванию войск, на фоне югославского фиаско, Жуков пытался убедить Сталина перехватить инициативу. Не будучи посвящен в хитросплетения дипломатической игры, он все больше беспокоился из-за умеренного мобилизационного плана, навязанного ему. 15 мая они с Тимошенко подготовили еще одну директиву, прямое продолжение апрельской. Тогда как в апреле Жуков еще весьма неопределенно высказывался по важнейшему вопросу "начального периода войны" — о выборе момента для контрудара, на этот раз он выражал желание перехватить инициативу,

осуществляя упреждающий удар. Отправной точкой ему служили отнюдь не идеологические и экспансионистские мотивы. План четко определял цель — предупреждение удара Германии, в неизбежности которого Жуков теперь был уверен, — и ограничивался ею. Он не выражал стремления уничтожить германское государство или хотя бы вооруженные силы — лишь отразить немецкое наступление. Возможно, Жуков выдвинул эту идею перед Сталиным на их встрече в Кремле в ночь с 14 на 15 мая, но скорее всего она обсуждалась на двухчасовой встрече вместе с заместителем начальника Отдела оперативного планирования генералом Ватутиным 19 мая{1111}. Идея явно исходила от военных и была безоговорочно отвергнута Сталиным, так как ставила под угрозу его попытки добиться политического урегулирования.

То, что Сталин не сумел подготовиться к нападению Германии, в первую очередь отражает трудность политического выбора, перед которым Советский Союз оказался как до начала Второй мировой войны, так и накануне Великой Отечественной. Лишь задним числом, вероятно, можно указывать альтернативы, существовавшие тогда. И все равно удар в лучшем случае можно было смягчить, но не отвратить. Размеров германских военных успехов, как во Франции, так и на Балканах, не предвидел никто из участников того, что Сталин называл [273] "большой игрой". Еще до войны, по словам Молотова, Сталин считал, "что только к 1943 году мы сможем встретить немца на равных"{1112}. Сталинская осторожность в проведении военных приготовлений в значительной степени диктовалась верой в возможность отсрочить, если не предотвратить военные действия с помощью разумной политики и адекватных подготовительных мер. Осознав реальность войны, вместо того чтобы открыто обратиться к военной доктрине или позволить военным сделать это, Сталин в типичном для него стиле издавал путаные распоряжения, приноравливаясь к изменившимся обстоятельствам. Таким образом, он не сумел создать надлежащую обстановку для разработки военных планов, которые примирили бы доктрину со стратегическими целями.

Упреждающий план Жукова фактически представляет собой неподписанный набросок с исправлениями, внесенными им самим, на полях. Об ограниченности целей этого плана можно судить по основной схеме операции, изложенной в начальном параграфе:

"Учитывая, что в настоящий момент Германия сохраняет свою армию полностью мобилизованной, с развернутым тылом, она в состоянии обмануть нас, предприняв внезапную атаку. Чтобы предотвратить это, я считаю необходимым любой ценой не позволить германскому Верховному командованию захватить инициативу, предупредить развертывание сил противника и атаковать германскую армию в тот момент, когда она еще находится в процессе развертывания, и прежде, чем она успешно завершит организацию фронта и координацию действий различных войск".

Может быть, Жуков надеялся повторить относительный успех, достигнутый им в ходе вторых военных учений в январе, когда его юго-западный фронт оказался в состоянии двинуться на запад, к реке Вистула. План содержит элементы теории "глубинных операций", которую он успешно применил на практике в боях на Халхин-Голе.

Жуков рассчитывал, что Красная Армия со своими 152 дивизиями сможет противостоять 100 немецким дивизиям, собранным, по его подсчетам, в глубине центрального участка западного фронта от границы до Варшавы. Окружение путем тактического маневрирования немецких войск, сосредоточенных на центральном западном участке, внесет расстройство в их ряды и изолирует их от левого фланга. Выполняя этот маневр, Красная Армия должна была получить контроль над германской частью Польши и Восточной Пруссией. Первоначальный успех расчистит почву для окружения и северного, и южного флангов немецкой армии{1113}.

Сталин в чрезвычайном порядке собрал в Кремле 24 мая высшее командование, в том числе Тимошенко, Жукова, адмирала Кузнецова, Ватутина и командующих главными фронтами, Кирпоноса (вместе с верхушкой его штаба) и Павлова. На заседании, продолжавшемся почти три часа, они, по-видимому, обсуждали проблемы, связанные с германской угрозой, и меры против нее. Сталин, однако, отказался выходить за рамки уже предпринятых экстренных мер{1114}.

Высказывалось предположение, что если бы Сталин согласился с рекомендациями, то русским пришлось бы легче в начале войны. Но сталинская осторожность казалась резонной, не только в силу политических соображений, описанных здесь, но и по причинам военного характера. Расчеты Жукова основывались на сосредоточении немецких [274] войск в середине мая. Жуков не смог бы завершить развертывание своих сил до конца июня, и к тому времени

немцы значительно превосходили бы их численностью. Возможно, еще более отрезвляюще действовали уроки военных учений, обнаруживших неподготовленность советской армии. Ретроспективно Жуков признавал, что его предложение было ужасной ошибкой: если бы Красной Армии позволили нанести удар в то время, ее бы тут же разгромили{1115}. Жуков впоследствии спорил с маршалом Василевским, который в интервью, замалчивавшемся почти 20 лет, утверждал, будто Сталин совершил ошибку, не развернув все силы прикрытия и второй эшелон на границе. Жуков пометил на полях интервью, хранившегося в архиве Политбюро: "Точка зрения Василевского не вполне соответствует действительности. Я уверен, что Советский Союз был бы разбит в самом начале, если бы мы развернули все наши силы на границах накануне войны, а немецкие войска смогли бы выполнить свой план, окружить и уничтожить их на границе... Тогда гитлеровские войска смогли бы ускорить свою кампанию, а Москва и Ленинград пали бы в 1941 г."{1116}.

Развертывание как экстренная мера проводилось в большой спешке и весьма беспорядочно. Оно осуществлялось непродуманно, армии и вспомогательные части были еще не укомплектованы и плохо экипированы. В Москве это хорошо понимали и поддерживали решение Сталина оттягивать войну насколько возможно. Еще 29 апреля генерал Кирпонос, командующий Киевским военным округом, предупреждал Жукова, что февральский план мобилизации "недоработан". Через четыре дня после объявления мобилизации генерал-лейтенант Пуркаев сообщал Жукову из Киева, что осуществление планов снабжения армий боеприпасами и провиантом идет "крайне медленно". Такими темпами программу снабжения не выполнить и за весь год. 6 июня командир 5-й танковой дивизии жаловался, что, хотя объявлена мобилизация, численность личного состава у него далека от требуемой и у него нет никаких оперативных инструкций. Поэтому, заключал он, "проволочки в пополнении личного состава не дают возможности завершить исполнение мобилизационных предписаний в соответствии с планом мобилизации на 1941 г.". В тот же день заместитель командующего Прибалтийским военным округом сообщал Жукову, что трудности с материально-техническим обеспечением, невозможность создать надлежащую инфраструктуру и отсутствие коммуникаций "не позволяют выполнить план мобилизации"{1117}.

Нежелание перейти к активной оборонительной политике не так уж удивительно. 17 мая Жуков и Тимошенко вместе с Ждановым выпустили отчет о "результатах проверки боевой подготовки за зимний период 1941 г. и приказы на летний период". Отчет разоблачал недостатки, вскрытые в ходе инспектирования армии зимой 1941 г. Недостатки эти усиливали сомнения в способности Красной Армии на данном этапе нанести упреждающий удар. Как показала проверка, армия в целом не проявляла особой бдительности, боеготовности, стойкости в обороне или готовности отразить вторжение танков. Отчет является отражением отчаянных попыток навести порядок. Переоценка задач обороны проливает свет на печальную истину, что лишь немногие из них были решены в течение зимы. Инспектирование, проведенное Наркоматом обороны и военными округами, установило, что в большинстве частей не выполнены директивы по мобилизации. [275] В итоге новые приказы, которые должны были лечь в основу подготовки в течение лета 1941 г., ясно демонстрируют оборонительную тенденцию и необученность вооруженных сил. Приказы командиров мотопехотных и танковых корпусов еще более откровенно показывают, что не усвоены были самые основные навыки, включая осуществление связи и координации, точность огня, тактику ведения ночного боя{1118}.

Эффективность обороны должна была обеспечивать система укрепленных районов, спешно сооружавшихся вдоль новой "линии Молотова", примерно в 300 км к западу от бывшей границы. Важнейшей задачей УР, построенных на некотором удалении от границы, было служить передовыми постами для сил прикрытия первого эшелона и оказывать им материально-техническую и огневую поддержку на начальном этапе войны. Ожидалось, что силы прикрытия захватят приграничную местность, сдержат противника, отразят первый удар и создадут благоприятные условия, чтобы второй эшелон нанес контрудар. План был разработан осенью 1940 г., но ему не был дан ход "в связи с новыми политическими и военными задачами", вытекавшими из пакта Молотова — Риббентропа. Затем ему мешала крупнейшая стратегическая ошибка — предположение, что главный удар Гитлера будет направлен против Киева, а не против Белорусского фронта{1119}.

В 1938 г. были созданы тринадцать укрепрайонов, укомплектованных 25 пулеметными батальонами, общей численностью 18 000 чел.

Еще восемь добавились перед вторжением Германии в Польшу. Введение новых стратегических планов в 1940 — 1941 гг. сопровождалось строительством двадцати укрепленных районов, густо расположенных вдоль новой границы. Решение демонтировать старую линию и передвинуть орудия на новую принял лично Сталин. Этот проект, однако, встретился с бесконечными техническими трудностями при перевозке оборудования из старых укреплений в новые{1120}.

Военный Совет Красной Армии собирался дважды в феврале и марте 1941 г. для обсуждения мер по ускорению строительства новых укреплений. В начале марта нажало и Политбюро, пытаясь устранить препятствия, мешавшие закончить сооружение У Р. Ответственность за их строительство была снята с инженерных войск и возложена непосредственно на бывшего начальника Генерального штаба Шапошникова{1121}. В середине апреля политическое руководство Красной Армии вновь вернулось к плачевной ситуации с УР и пришло к мрачному выводу, что "эти районы не были еще должным образом подготовлены для обороны". Наркомат обороны обвиняли в срыве снабжения укрепрайонов соответствующим вооружением и техникой. Генеральный штаб издал директиву о необходимости ускорить строительство, на котором ежедневно работало около 140 000 чел. Директива начиналась признанием: "Несмотря на ряд указаний Генерального штаба Красной Армии, монтаж казематного вооружения в долговременные боевые сооружения и приведение сооружений в боевую готовность производится недопустимо медленными темпами"{1122}.

Правительство ассигновало 10 миллионов рублей, огромную сумму по тем временам, чтобы ускорить строительство укреплений на новой линии. Еще 4 июня Политбюро требовало скорейшего завершения его к октябрю 1941 г. Первые УР на 45 000 чел. должны были быть готовы 1 июля, остальные, вмещающие 75 000 чел., в октябре. Работа шла [276] полным ходом, когда вторжение немцев прервало ее{1123}. Между укрепрайонами сохранялись внушающие тревогу разрывы в 50 — 60 км, оставлявшие силы прикрытия без защиты. Неудача явилась результатом не только переноса границы, но и отсутствия строительных материалов, таких как бетон, лес, колючая проволока, усугублявшегося нехваткой времени{1124}.

До мая Сталин был солидарен с Вознесенским, начальником Госплана, давно находившим требования Генерального штаба чрезмерными. Под нажимом начальника Генерального штаба весной он согласился значительно увеличить

производство военной продукции, чтобы обеспечить вновь мобилизуемую армию{1125}. Только в начале мая он дал согласие на крупные перемены в бронетанковых формированиях — создание 20 новых механизированных корпусов. За этим последовали перевод экономики на военное положение, огромные усилия по повышению производства вооружений и боеприпасов во второй половине 1941 г. и спешная конверсия промышленности. Львиная доля выпуска новых КВ-3 и усовершенствованных Т-34 планировалась на конец года, и в этом отражались понимание Сталиным того факта, что ему нечем достойно ответить немцам летом 1941 г., и его уверенность в том, что он сможет оттянуть войну до следующего года. Впрочем, и в этом случае русские успели бы выпустить к концу года самое большее 2 800 танков Т-34{1126}.

Нечем было похвастаться и военно-воздушным силам. В апреле правительство в отчете Политбюро признало: "Число аварий и катастроф в военно-воздушных силах Красной Армии не только не уменьшилось, но фактически возросло из-за халатности пилотов и командного состава, допускающих нарушения основных правил полетов". "Отсутствие дисциплины" приводило к гибели 2 — 3 пилотов ежедневно. Тимошенко объявили выговор за то, что помогал Рычагову, командующему военно-воздушными силами, намеренно скрывать от Политбюро жалкое состояние авиации{1127}.

Что касается запланированного выпуска ЛАГГ-3 в количестве 593 шт., как признался Сталину командующий авиацией, производство отставало от плана. Из уже выпущенных 158 самолетов многие были забракованы{1128}.

В конце мая, спустя несколько дней после военного совета в миниатюре, состоявшегося в Кремле, Жукова и Тимошенко вызвали на заседание Политбюро, где они надеялись наконец получить распоряжения в связи с надвигающейся опасностью. Можно представить себе их изумление, когда Сталин сообщил им:

"К нам обратился посол Германии фон Шуленбург и передал просьбу германского правительства разрешить им произвести розыск могил солдат и офицеров, погибших в первую мировую войну в боях со старой русской армией. Для розыска могил немцы создали несколько групп, которые прибудут в пункты согласно вот этой погранкарте. Вам надлежит обеспечить такой контроль, чтобы немцы не распространяли свои розыски глубже и шире отмеченных районов. Прикажите округам установить тесный контакт с нашими пограничниками, которым уже даны указания"{1129}.

На этом заседании Жуков и Тимошенко в конце концов все-таки высказали свою тревогу из-за наращивания немецких сил и вновь выразили желание хотя бы остановить рост числа разведывательных полетов германской авиации над [277] территорией СССР. Сталин возражал, ссылаясь на объяснения Шуленбурга, будто бы это результат ошибок в навигации неопытных, вновь набранных пилотов.

Жуков, тем не менее, вынес весьма снисходительный вердикт по поводу сталинского поведения. Хотя и возлагая на него вину, он все же поспешил добавить: "Нет ничего проще, чем, когда уже известны все последствия, возвращаться к началу событий и давать различного рода оценки. И нет ничего сложнее, чем разобраться во всей совокупности вопросов, во всем противоборстве сил, противопоставлении множества мнений, сведений и фактов непосредственно в данный исторический момент"{1130}. В конечном итоге он пришел к выводу, что над Сталиным "тяготела опасность войны с фашистской Германией и все его помыслы и действия были пронизаны одним желанием — избежать войны или оттянуть сроки ее начала и уверенностью в том, что ему это удастся... В этих сложных условиях стремление избежать войны превратилось у И.В.Сталина в убежденность, что ему удастся ликвидировать опасность войны мирным путем. Надеясь на свою "мудрость", он перемудрил себя и не разобрался в коварной тактике и планах Гитлера"{1131}.

До конца мая 1941 г. различные каналы разведки имели тенденцию передавать взвешенные и довольно точные донесения о развертывании немецких сил. Однако нежелание Сталина признать степень опасности и приоритет, отдаваемый им стараниям избежать провокации, возымели свое действие. Двухнедельный рапорт Голикова от 15 мая знаменует собой поворотный момент. Хотя и не забывая о близкой опасности, он предпочитает теперь остановиться подробнее на укреплении немецких войск, предназначенных для операций против Англии на Среднем Востоке и в Африке{1132}. В конце месяца Голиков представил Сталину подробную карту развертывания немецких войск, которая позволяла толковать ситуацию двояко. Можно сделать достаточно правдоподобный вывод, что к тому времени, на фоне все углубляющейся трещины в отношениях между Сталиным и начальником Генерального штаба, он стал понимать: Сталин встречает в штыки всякое предположение, будто немцы на грани войны. В результате все труднее становилось проводить различие между "слухами", от которых Сталин отмахнется, и "неопровержимыми фактами", которые он примет, даже если они имеют тот же

смысл. Эта двусмысленность отразилась в нелепых попытках усмотреть сходство в развертывании сил немцев на западе и на востоке.

Согласно подсчетам Голикова (качественную оценку он не давал), у немцев были 122 — 126 дивизий предназначены для войны с Англией на западе и такое же число, 120 — 122 дивизии, на восточном фронте. Картина не совсем выверенная, так как 44 — 48 дивизий Гитлер держал в резерве вблизи фронта и мог бросить их в бой тотчас же. Дивизии в Норвегии тоже можно было развернуть против СССР. В общем и целом Советскому Союзу угрожали с трех направлений: на западе России 23 — 24 дивизии (18 — 19 пехотных, 2 бронетанковых и 3 мотопехотных); на центральном участке 29 дивизий (24 пехотных, 4 бронетанковых и 1 мотопехотная); в Люблинско-Краковском районе 36 — 38 дивизий (24 — 25 пехотных, 6 бронетанковых и 5 мотопехотных); в Словакии 5 горнострелковых дивизий, причем 4 дивизии были развернуты [278] на границе украинских Карпат. Остальные силы составляли союзные войска.

Голиков теперь изо всех сил вторил предубеждениям Сталина, делая довольно смелое заключение, будто немцы исчерпали свои действия на Среднем Востоке и перегруппируют войска во Франции для главной операции "против Англии". Однако с учетом того факта, что армии разделены поровну между двумя фронтами, окончательный вывод оставлял простор для альтернатив. Он просто гласил: "Перегруппировки немецких войск после окончания Балканской кампании в основном завершены". Разумеется, подобные рапорты являлись благодатной почвой для культивирования в Кремле ошибочных представлений{1133}.

Противоречивые оценки высказывались и в дипломатической колонии Москвы. Гафенку узнал в Бухаресте, что "неизбежное и скорое нападение" начнется 15 июня. Турецкий посол Актай придерживался того же мнения. Даже новый вишистский посол Бержери, по его заявлению, имел достоверную информацию, будто Гитлер решил объявить крестовый поход против большевизма. Криппс, находивший, что это "слишком хорошо, чтобы быть правдой", тоже располагал сходной информацией, исходившей из Стокгольма, будто война разразится 15 июня. С другой стороны, Шуленбург и его сотрудники ходили с "веселыми и довольными лицами", как бы отрицая существование какой бы то ни было угрозы. Россо получил телеграмму из Берлина, в которой утверждалось, со ссылкой на хорошо осведомленный источник, что "идут переговоры между русскими и немцами в Кенигсберге, затрагивающие среди прочих тем право на переброску

немецких войск через Украину". Шведский посол, маститый и внимательный наблюдатель событий в Кремле, задавался вопросом, не является ли факт появления слухов как в Бухаресте, так и в Стокгольме признаком того, что они исходят из немецких источников и "имеют целью держать Москву в напряжении, которое поможет ослабить сопротивление Сталина нажиму Германии... Вот почему германское посольство не подает виду, что знает о начале каких-либо советско-германских переговоров. Такие контакты вполне могут иметь место в обход официальных каналов"{1134}.

Глава 12. Полет Рудольфа Гесса в Англию

Заговор

Полет Рудольфа Гесса, заместителя Гитлера, с миссией мира в Англию 10 мая 1941 г. представляет собой самый загадочный эпизод Второй мировой войны. Важный аспект этого дела, как правило, ускользающий от внимания историков, — его влияние на оценку Советами намерений немцев и англичан накануне 22 июня 1941 г. В Москве миссию Гесса рассматривали в свете предостережения Черчилля, постоянных намеков Криппса на сепаратный мир и недавней инициативы Шуленбурга. Неизменная уверенность в существовании некоего англо-германского сговора и невозможность искоренить взаимные подозрения стран, ставших союзниками после нападения Германии на Советский Союз, объясняют настойчивое требование Сталина, чтобы Гесс оставался в тюрьме Шпандау до самой смерти, еще долгое время после того, как другие военные преступники были освобождены. Насколько глубоки были сталинские подозрения в отношении Гесса, стало ясно впервые осенью 1942 г. В разгар дебатов об открытии второго фронта он обвинил Черчилля в том, что тот держит Гесса "в резерве"{1135}. Криппсу, бывшему тогда членом Военного кабинета, поручили подготовить самый исчерпывающий и точный доклад по данному делу, который нисколько не успокоил Сталина, может быть, потому, что, по настоянию цензуры, в нем не упоминались беседы лорда Саймона и лорда Бивербрука с Гессом в 1941 г. Однако Сталину факт этих встреч был прекрасно известен{1136}.

Сталинская интерпретация дела Гесса, воплощавшая навязчивую идею Советов насчет планов англичан заставить Германию воевать с СССР, вышла наружу во

время визита Черчилля в Москву в октябре 1944 г. После того как оба лидера поделили Восточную Европу до мельчайших долей процента, выпили и закусили, Сталин заговорил о Гессе. Черчилль отозвался об этом эпизоде беспечно, хотя и довольно точно:

"Гесс думал, что может стать тем, кто спасет Англию для Германии. И вот Гесс, которому запрещено было когда бы то ни было подходить к самолету, потому что он был сумасшедшим, ухитрился достать машину и полетел. Надеялся использовать графа Гамильтона, лорда-стюарда!! — чтобы попасть прямо к королю. Тут Сталин неожиданно предложил тост за здоровье британской Интеллидженс Сервис, заманившей Гесса в Англию. Ведь он не мог бы приземлиться, если бы ему не подавали сигналы. За этим должна была стоять Интеллидженс Сервис". Сталина было не свернуть с его позиции, невзирая на возмущенные протесты Черчилля. Он просто-напросто заявил, что британская разведка могла и не поделиться с последним информацией. В конце концов, советская служба безопасности, утверждал он, [283] "часто не сообщает Советскому правительству о своих замыслах и докладывает только тогда, когда дело сделано..."{1137}

Такая мысль вполне совпадала с многочисленными теориями заговора, получившими признание на Западе. Они расцвели пышным цветом, варьируясь от предположения, будто в действительности не Гесс, а его "двойник" отправился с миссией в Англию, до встретивших шумное одобрение обвинений, будто Гесс не умер своей смертью в заключении, а был отравлен своими тюремщиками. Яркий пример такого рода — работа Джона Костелло ("Ten Days of Destiny: The Secret Story of the Hess Peace Initiative and British Efforts to Strike a Deal with Hitler"), изданная в 1991 г. и немедленно переведенная на русский язык. Эта книга вкратце излагала различные теории заговора, вскоре дискредитированные после открытия секретных материалов по делу Гесса летом 1992 г.{1138}.

18 000 страниц документов, ставшие доступными в Британском государственном архиве, вкупе с архивными материалами российских спецслужб разоблачают кампанию намеренной дезинформации, проводившуюся английской разведкой, сбивавшую с толку и вызывавшую ложные толкования как в то время, так и впоследствии. И все же это огромное собрание в основном подтверждает два важнейших вывода, сделанных Черчиллем, когда он рассказывал о деле Гесса в своих мемуарах. Гесс, писал Черчилль, "прибыл к нам по своей воле и, хотя не

имел полномочий, в какой-то мере все-таки являлся эмиссаром". Второе его суждение, наиболее существенное для нас, гласит: "Учитывая, насколько тесно Гесс был связан с Гитлером, удивительно, что он не знал, а если знал, то не сказал, о скором нападении на Россию..."{1139} Архивные материалы, однако, позволяют сделать примечательное открытие, на которое раньше лишь намекали некоторые свидетельства{1140}: Форин Оффис и британская разведка воспользовались делом Гесса, чтобы сорвать переговоры, которые, как они думали, должны были вот-вот начаться между Гитлером и Сталиным. Воздействие подобного шага на Москву несомненно оказалось гораздо значительнее, нежели проблемы, ставшие ядром теорий заговора.

Миссия

Гесс вылетел на "Мессершмидте Bf-110" (англичане называли его ME-110) из Аугсбурга в 5.45 пополудни 10 мая. Этот безрассудный полет и навигация потребовали от него значительного мастерства. Он спрыгнул с парашютом над Иглшемом в Шотландии, одетый в форму капитана германских ВВС, после наступления темноты. Приземлился Гесс в 12 милях от поместья графа Гамильтона. Несмотря на позднейшие заявления, будто он вез с собой официальные мирные предложения, при нем не было найдено никаких документов, кроме фотографии его с сыном и визитной карточки знаменитого специалиста по геополитике профессора Карла Хаусхофера, чей сын Альбрехт, скорее всего, и являлся вдохновителем данной миссии{1141}.

Архивные материалы позволяют однозначно установить, что Королевские ВВС не ожидали Гесса и потому не обеспечивали для него воздушный коридор. Кроме того, противовоздушная оборона в этом районе вовсе не была столь плотной, как это часто утверждают. Фактически самолет был обнаружен на высоте 15 000 футов вскоре после [284] 10 ч. вечера и преследовался двумя патрульными "Спитфайрами", потерявшими его, поскольку их скорость была ниже. Когда "Мессершмидт" достиг западного побережья Шотландии, за ним погнался ночной истребитель "Дифайент" и почти настиг его. но тут Гесс выпрыгнул{1142}.

Если бы МИ-6 предвидела приземление Гесса в Шотландии, как заявляют Костелло и другие, это отразилось бы в обращении с ним в первые же часы по прибытии. Напомним: Гесс приземлился очень близко от поместья графа Гамильтона, и если бы его ждали, то не "потеряли" бы на несколько часов. Однако

прием, оказанный ему, был организован из рук вон плохо, и это лучше, чем что-либо еще, показывает замешательство, вызванное его прибытием. Информация о прыжке Гесса с парашютом пришла в штаб местной обороны из полицейского участка в Гифноке, куда, в свою очередь, случайные очевидцы сообщили о самолете, разбившемся вблизи Иглшем Хауза в 23.12. Захват Гесса вовсе не был скоординированной акцией. Офицер, оказавшийся под рукой, взял двух стрелков из ближайшего лагеря и отправился к месту крушения. К тому моменту Гесса уже держали в коттедже фермера, на чью землю он опустился. Парашютиста, назвавшегося Альфредом Хорном, отвезли на автомобиле в штаб местной обороны.

Вскоре после полуночи штаб обратился в шотландский полк Аргайла и Сазерленда с просьбой о конвое для перевозки летчика в армейскую тюрьму. Разумеется, никто не ожидал прилета Гесса, поскольку дежурный офицер распорядился поместить его на ночь в камеру полицейского участка Гифнока, несмотря на возражения штаба местной обороны, что Хорн "кажется важной птицей и должен быть на попечении армии". Расследование, проведенное впоследствии военной разведкой, вскрыло крупные промахи в обращении с Гессом, которых не случилось бы, если бы его прибытие в Англию было срежиссировано Сикрет Интеллидженс Сервис. Никто не обратил внимания на то, что пленный является офицером и, следовательно, должен быть допрошен соответствующим образом. В военно-воздушной разведке полностью проигнорировали переданное туда в 1 ч. ночи сообщение, что пленный, по его словам, — важное лицо и желает дать им показания{1143}. Наконец, после дальнейших настояний, сопровождавшихся заявлением, будто летчик вез послание к графу Гамильтону и намерен говорить только с теми, с кем надлежит, армия согласилась принять его. Полицейский инспектор, приехавший за ним, удалился только после того, как провел собственное дознание и исследовал вещи Гесса.

Этот допрос проводился с помощью некоего капитана Дональда, оказавшегося под рукой, когда привели Гесса. Дональд привлек в качестве переводчика Романа Батталью, работника польского консульства в Глазго. "Невероятно, — сокрушался "Си", глава Эс-Ай-Эс, — как могли допустить такое". Батталья заметил, что летчик — вылитый Гесс, но тот отрицал это. В целом он был спокоен, но немного утомлен, может быть, из-за того, что допрос вел Батталья, выражавшийся по-английски "несколько витиевато", в присутствии пятнадцати или двадцати бойцов местной

обороны. Поскольку первый допрос пленного исключительно важен, видимо, стоит описать сопутствующую ему обстановку, отраженную в показаниях Баттальи военной разведке. [285]

Последнего озадачило "...что, насколько ему известно, не делалось никаких попыток проверить личность [Гесса] и истинность его показаний; что никто из пятнадцати или двадцати человек, присутствовавших при этом, по-видимому, не являлся официальным следователем и что вопросы, которые он должен был переводить, неслись из всех углов комнаты, некоторые из них он счел оскорбительными и отказался задавать. Не велся точный протокол допроса, люди ходили по комнате, разглядывая пленного и роясь в его вещах, как им заблагорассудится". До присутствующих постепенно дошло, что пленный — не обычный летчик, так как его форма была исключительно хорошего качества и не выглядела повседневной. Соответственно Гессу стали оказывать "некоторые знаки уважения" и препроводили его в казармы Мэрихилл около 2 ч. ночи{1144}.

Как только личность Гесса была установлена, военная разведка получила от "Си" нагоняй за допущенные промахи. Особенно возмутили его эти допросы после полуночи, несмотря на настоятельные заявления Гесса, что он везет важное послание. Разведка поспешила свалить вину на графа Гамильтона, утверждая: "Остается только предположить, что решение ничего не предпринимать до утра было принято командиром авиакрыла графом Гамильтоном". Это мнение получило распространение и породило нелепые измышления, будто Гамильтон участвовал в махинациях Эс-Ай-Эс; возможно, основанием для него послужило письмо, которое Альбрехт Хаусхофер, известный германский специалист по геополитике, послал Гамильтону осенью 1940 г. и которое было перехвачено и изучено военной разведкой. По чистой случайности письмо, представлявшее собой пробную примирительную попытку, дошло до адресата за несколько дней до прибытия Гесса. Однако совпадение не обязательно означает заговор.

Могло быть множество причин, почему Гамильтон не стал немедленно допрашивать пленного в 3 ч. ночи. Во-первых, вполне возможно, Гамильтону не сказали по телефону, что летчик, называющий себя Альфредом Хорном, везет политическое послание. Гесс был не единственным немцем, сбитым в ту ночь во время одного из мощнейших немецких воздушных налетов. И вовсе не являлось обычной практикой, чтобы командир базы проводил допрос в ближайшие часы. Кроме того, Гамильтон отправился спать не раньше, чем просмотрел список

офицеров люфтваффе, с которыми встречался на Олимпийских играх в 1936 г., но он никак не мог найти там некоего Хорна. Таким образом, затяжка в худшем случае явилась результатом обычной небрежности{1145}.

Есть еще один аспект данного эпизода, который следует обсудить в этой связи. Даже если Гамильтон догадывался, что летчик — Гесс, а это весьма маловероятно, его реакция не должна удивлять. Будучи заслуженным командиром авиакрыла, старающимся стереть из памяти свое былое сотрудничество с примиренцами, он вдруг столкнулся с ошеломляющим фактом, что стал объектом мирных предложений нацистов. Дело Гесса грозило выпустить джинна из бутылки{1146}. Его смятение усилилось, когда немцы в публичном заявлении связали его имя с миссией Гесса, создавая необоснованное впечатление его соучастия. Ряд писем, выборочно просмотренных цензурой, отражал подобное мнение. Вот только один пример: "Я спрашиваю себя, нет ли доли истины в разговорах, будто этот несчастный был близок с графом [286] Гамильтоном. По-видимому, слишком многие из нашей знати якшались с нацистами"{1147}. Гамильтон стал столь болезненно чувствителен, что поставил правительство в неловкое положение, предъявив иск старому коммунистическому лидеру Гарри Поллитту за его заявление, будто Гамильтон "друг Гесса". Ввиду своих подозрений коммунисты, возможно, по инструкциям из Москвы, усмотрели здесь редкую возможность, чтобы Гесс был вызван в суд и допрошен публично{1148}. Разумеется, все в правительстве признавали необходимость "помочь графу Гамильтону очиститься от злосчастных и нелепых подозрений, окружающих его имя"{1149}. Когда Криппс готовил доклад по делу Гесса для кабинета в ноябре 1942 г., он всячески старался реабилитировать Гамильтона, утверждая, что "поведение графа относительно Рудольфа Гесса было во всех отношениях благородным и правильным".

Гамильтон наконец встретился с пленным летчиком в 10 ч. утра на следующий день, когда Гесс открыл свое подлинное имя. Однако граф не мог или не хотел вспомнить свою встречу с Гессом во время визита в Берлин. С тех пор, разумеется, у них не было никаких контактов. В ходе личной беседы Гесс изложил суть информации, которую намеревался передать, и заявил, что он "исполняет миссию гуманности и что фюрер не хочет поражения Англии и желает прекратить бои". Хотя он и подчеркивал близость своих взглядов к взглядам Гитлера, но тем не менее настаивал на том, что данная миссия — это его собственная

инициатива{1150}. Такое заявление, постоянно повторявшееся{1151}, подводит нас к важнейшему вопросу о якобы молчаливом одобрении миссии Гитлером. Майский в своих мемуарах предпочел оставить вопрос открытым: "Кто такой Гесс? Тайный эмиссар Гитлера или психопат-одиночка? Или представитель некоей группировки в высшем нацистском руководстве, обеспокоенной перспективой того, что война может затянуться слишком надолго?"{1152} Обнародованные ныне английские архивные материалы опровергают нелепые домыслы, сохранявшиеся годами и сильно повредившие англо-советским отношениям. Иногда еще делаются отчаянные попытки спасти подобные теории хотя бы частично, но тщетно. В свою недавнюю книгу о Гессе{1153} Питер Пэдфилд включил многие идеи, выдвигавшиеся Костелло. Но когда книга уже была подготовлена к печати, открыли архивы, и он был вынужден добавить пространный эпилог, дезавуировавший большинство его прежних аргументов. Тем не менее, он попытался спасти теорию согласия Гитлера на полет Гесса, приводя сведения, полученные французским военным корреспондентом, неким Андре Гербером, вскоре после войны. По словам Гербера в газетной статье, он нашел "в руинах Берлинской Рейхсканцелярии в конце войны документы, определенно устанавливающие, что именно сам Гитлер решил послать Гесса в Англию". Он уверял, будто Гесса действительно снабдили проектом мирного договора, отпечатанным на бланке Рейхсканцелярии, который был конфискован у него вскоре после прибытия в Англию. Проект соглашения из четырех пунктов по версии Гербера так нигде и не всплыл. По его собственному признанию, только четвертый пункт существенно отличался от устных предложений, действительно сделанных Гессом: в нем якобы Англии предлагалось сохранять благожелательный нейтралитет по отношению к Германии во время германо-советской [287] войны{1154}. После того как английские архивные материалы были открыты и оказались совершенно невинными, старые теории заговора могли опираться только на безосновательные домыслы. Пэдфилд приводит свидетельство некоего Джона Хауэлла, рассказывавшего ему об одном человеке, немце по происхождению, чье имя он не мог назвать, которого вместе с несколькими другими лицами, говорящими по-немецки, Айвон Киркпатрик, эксперт Форин Оффис по Германии, приглашал для анализа условий тех самых мирных предложений, которые Гесс привез из Германии. Они были написаны на немецком языке на бланке Рейхсканцелярии вместе с английским переводом. Этот

комитет, говорил он, собирался в обстановке исключительной секретности в штаб-квартире Би-Би-Си на Портленд Плейс. По словам информатора, "первые две страницы предложений детализировали цели Гитлера в России, четко очерчивая его планы завоеваний на востоке и уничтожения большевизма"{1155}. Информатор, видимо, спутал эту бумагу с документом, подготовленным Гессом к его встрече с лордом Саймоном, которая послужила ему поводом изложить свои идеи письменно{1156}.

Утверждают, будто наличие у Гесса официальных предложений привело Черчилля и разведку в такое смятение, что они просто-напросто приказали изъять их из описи вещей, отобранных у Гесса по прибытии. В рапорте штаба местной обороны о задержании Гесса, в частности, говорится: "Капитан Барри принес предметы, изъятые у пленного и внесенные в опись. Копия описи прилагается"{1157}. Последовательная нумерация страниц в оригинальном досье военной разведки не нарушена. Если сравнить его с досье Форин Оффис, видно, что начало повреждено. Однако листок с описью вряд ли прилагался в самом начале.

Те, кто заявляют, будто полет Гесса являлся частью изощренного плана, задуманного в Берлине, стремятся показать последовательность событий. Например, говорят, что Гитлер послал Гесса в Мадрид 20 апреля в попытке установить контакт с британским правительством. Скорее всего, это утверждение опирается на тот факт, что британский посол в Мадриде, сэр Сэмюэл Гор, был известным примиренцем и приветствовал бы подобный шаг{1158}. Но пристальное изучение архивных материалов не дает оснований для такого вывода. Форин Оффис затребовал у посольства в Мадриде информацию касательно "сообщений из Виши, будто Гесс прилетел в Мадрид с личным письмом Гитлера Франко". Слухи упоминали об урегулировании права прохода немецких войск к Гибралтару. Вторая телеграмма от 25 апреля такие слухи опровергала. Фрэнк Роберте, будущий посол в Москве, работавший тогда в Европейском департаменте Форин Оффис, заявил: "Паника в прошлый уик-энд оказалась по меньшей мере преждевременной". Речь шла, конечно, не о визите Гесса, а об угрозе Гибралтару, тяготившей англичан в то время. Информация в действительности носила противоречивый характер. Визит Гесса в Испанию мог бы быть связан с тайными контактами с источниками английской разведки или даже с английским послом, сэром Сэмюэлом Гором, но право прохода войск, естественно, означало враждебные действия против Англии. В ответ на запрос

военной разведки Фрэнк Роберте, не давая веры слухам, четко заявил, что не может "подтвердить сообщение, будто Гесс встречался с германским послом в Барселоне. Если Гесс и [288] приехал сюда, его прибытие окружено поразительной секретностью и нет даже слухов о его присутствии в городе". Затем он заметил, что Гор "автоматически" послал бы донесение, если бы такие слухи имели под собой основание{1159}. По мнению Москвы, слухи о мирных переговорах Гесса в Испании злонамеренно распространяли англичане, чтобы отвлечь внимание от собственного плачевного положения и втянуть СССР в войну{1160}.

Архивные материалы явно свидетельствуют, что Гесс прилетел в Англию без санкции Гитлера, не был он и завлечен британской разведкой. Более того, он не привез никаких официальных предложений. В первую годовщину прибытия Гесса, после того как допросы окончились и за ним было установлено круглосуточное наблюдение, Кэ-доган вынес четкий вердикт: "Ныне совершенно ясно, что эскапада Гесса — это его собственная безумная авантюра и германские власти ничего о ней не знали"{1161}. Кэдоган должен был знать, что говорит: ему поручили координировать действия всех ведомств, включая спецслужбы, в отношении Гесса. Сам Гесс признавался в письме Хаусхоферу: "Нельзя отрицать, я потерпел неудачу. Но нельзя отрицать и то, что я был сам себе пилотом (курсив мой. — Г.Г.). Мне не в чем упрекнуть себя в этом отношении. В любом случае я был у штурвала"{1162}.

Некоторым подтверждением идеи, будто Гесс покинул Германию полностью с ведома Гитлера, вроде бы служит газетное интервью с его женой в конце войны. Но ее свидетельство основано на воспоминаниях о последней встрече Гесса с Гитлером в Берлине 4 мая: "Они разговаривали на повышенных тонах, но на самом деле не ссорились"{1163}. В противовес этому свидетельству, весьма фрагментарному, обширная переписка Гесса с семьей во время войны не дает оснований для подобных заключений. В длинном письме матери Гесс описывает тщательные приготовления к полету, подчеркивая: "Многие вечера, которые я втайне (курсив мой. — Г.Г.) провел с картами, таблицами, логарифмической линейкой и чертежной доской, стоили того". В другом письме он объяснял, почему вылетел не из Берлина: Гитлер, видимо, запретил ему летать там без особого разрешения. "Я вполне мог, — писал он, — тут же угодить за решетку. Но это к лучшему, что с полетами в окрестностях Берлина ничего не получилось. Я не смог

бы скрывать свои действия, и фюрер услышал бы о них рано или поздно. Мой план провалился бы, и мне пришлось бы винить самого себя за беспечность"{1164}. Даже если остается какой-то маленький шанс обнаружить, что миссия Гесса пользовалась официальной поддержкой в Германии, совершенно ясно, что британское правительство об этом не знало и не считало Гесса официальным эмиссаром.

Действительным вдохновителем миссии Гесса почти наверняка был Хаусхофер. Насколько он непосредственно замешан в деле, пока неясно, но письменное объяснение, которое он вынужден был написать в Берхтесгадене в день полета Гесса, показывает его влияние на последнего и то, какие контакты Гесс должен был установить в Англии{1165}. В недавней книге лорда Джеймса Дугласа Гамильтона очень четко прослеживается линия Хаусхофер — Гесс. На своей самой первой встрече с графом Гамильтоном Гесс, говоря о своей миссии, сослался на Хаусхоферов{1166}. Позднее он повторял это в разговорах с врачом, наблюдавшим его{1167}. В первом письме к жене из плена он просил [289] ее "написать генералу [Хаусхоферу] — о чьих мечтах я часто думаю"{1168}. Вдохновляющая роль Хаусхофера просматривается в письме, которое Гесс адресовал ему: "Вы говорили, что не думаете, будто я сумасшедший, но "порой безрассудный". Можете мне поверить, я ни одного мгновения не сожалел о своем безумии и безрассудстве. В один прекрасный день последняя часть вашей мечты, бывшая столь опасной для моего плана, осуществится, и я появлюсь, перед вами"{1169}. Столь же примечательно его признание, что решение у него созрело в декабре 1940 г. и он уже предпринимал несколько неудачных попыток полететь в Англию. Возможно, его осенило, когда Гитлер решился напасть на СССР (если он об этом знал) и после провала берлинских переговоров, в которых он принимал участие. А может быть, ему внушала отвращение идея Риббентропа о Континентальном блоке, предполагавшая участие Советского Союза в разделе Британской империи.

Фиктивные переговоры

После допроса Гесса Гамильтоном центр действия сместился в Лондон. Кэдоган, которому было персонально поручено заниматься этим делом и которому подчинялись "Си" и другие службы разведки, узнал о нем позднее 11 мая, хотя личность Гесса все еще держалась в секрете: "Немецкий летчик приземлился

вблизи Глазго, хотел говорить с графом Гамильтоном. На последнего это произвело такое впечатление, что он прилетел в Лондон и хочет увидеться со мной сегодня вечером в № 10{*18}. Как я услышал полчаса спустя, ПМ{*19} послал встретить его светлость на аэродроме и привезти его в Чекерс"{1170}.

Первоначально Гамильтон хотел увидеться с королем. Он прилетел на личном самолете в Лондон вечером 11 мая, но по прибытии Кэдоган убедил его встретиться до того с Черчиллем{1171}. Поздно ночью его отвезли к премьер-министру в Дитчли, где Черчилль с друзьями смотрел американский фильм. Даже не сняв летной куртки, Гамильтон настоял, чтобы премьер-министр вышел к нему, и открыл ему имя летчика. По словам всех очевидцев, для Черчилля это явилось полным сюрпризом. Он отнесся к сообщению Гамильтона как к результату "галлюцинации, вызванной перенапряжением". В характерной для него манере Черчилль пригласил его войти и сказал: "Ну, ладно, Гесс или не Гесс, а я пойду посмотрю братьев Маркс". Однако, когда в полночь фильм закончился, он свыше трех часов расспрашивал Гамильтона и взвешивал все последствия пребывания Гесса в Англии{1172}.

Следует подчеркнуть, что Черчилль ни минуты не думал о переговорах с Гессом. На этом опасном распутье важно было извлечь из миссии последнего всю возможную пропагандистскую ценность и не сделать неверного шага. С самого начала он настаивал, что Гесс, "как и другие нацистские лидеры, — потенциальный военный преступник, он и его сообщники будут объявлены вне закона по завершении войны". Затем Черчилль решил предотвратить паломничество политиков, которые могут возыметь надежду на скорый мир. Поэтому он распорядился Гесса "строго изолировать в удобном доме неподалеку [290] от Лондона, который "Си" оборудует всеми необходимыми приборами, и приложить все усилия, чтобы обследовать его умственное состояние и вытянуть из него что-нибудь стоящее"{1173}. Через несколько дней после появления Гесса Черчилль приказал перевезти "моего пленника", как он его теперь называл, в Лондон. Между прочим, тем, кто до сих пор придерживается теории заговора, стоит обратить внимание, что, как только Гесс был объявлен военнопленным, он поступил на попечение армии, а не спецслужб{1174}. Черчилль требовал "извещать его, прежде чем допускать каких-либо посетителей", — мера, явно направленная на предотвращение визитов примиренцев. Он велел, чтобы Гесса держали "в строжайшей изоляции и чтобы те, кто имеет с ним дело, не

распространялись об этом". "Общество, — предупреждал он, — не потерпит поблажек столь печально известному военному преступнику, пусть и в разведывательных целях"{1175}. Впоследствии Черчилль в своей переписке с Рузвельтом клялся, что не стал рассматривать предложения Гесса, которые он определил как "все то же старое приглашение покинуть всех наших друзей, чтобы временно спасти большую часть своей шкуры"{1176}.

Утром 12 мая Иден увел Гамильтона с Даунинг-стрит в Уайтхолл, и там они вместе с Айвоном Киркпатриком изучили массу фотографий, привезенных Гамильтоном с собой, придя к выводу, что, по-видимому, это фотографии Гесса. В качестве меры предосторожности Киркпатрик полетел с Гамильтоном в Шотландию, чтобы лично опознать Гесса. Прессе пока не сообщали о разыгрывающейся драме. Киркпатрик не только узнал Гесса, но и завоевал его доверие; вероятно, у того на какое-то время создалось впечатление, будто к его предложениям относятся серьезно. Еще не зная, что пошел не с той карты, Гесс старался объяснить причины, побудившие его лететь в Англию. Искусно направляемый Киркпатриком на темы, интересовавшие правительство, он заявил, что "прибыл сюда без ведома Гитлера, чтобы убедить ответственных лиц, что, поскольку Англия не может выиграть войну, мудрее всего было бы заключить теперь мир. Но он подчеркивал свое долгое знакомство с Гитлером и совпадение их взглядов". Затем Гесс развернул свой план, согласно которому Англия должна дать Германии "свободу действий в Европе, а Германия Англии — полную свободу действий в пределах империи..."

Хуже удался Киркпатрику разговор о Советском Союзе. Он поставил ловушку, объявив, что Гитлеру не следует вести дела с СССР, поскольку тот принадлежит Азиатскому континенту. Гесс обошел этот вопрос, сделав загадочное и совершенно ошибочное замечание, показывавшее его неведение относительно планов Гитлера, будто "у Германии есть определенные требования к России, которые должны быть удовлетворены, либо путем переговоров, либо в результате войны". Тем не менее, он счел нужным добавить, что "нет оснований для распространившихся сейчас слухов, будто Гитлер задумал вскоре напасть на Россию". Политика Гитлера — взять от СССР все возможное, пока он может ему пригодиться; и он выберет подходящий момент для предъявления своих требований. Читатель должен помнить, учитывая появление различных теорий заговора, что это самое пространное из всех высказываний Гесса о Советском Союзе и как таковое оно больше скрывает, нежели разоблачает подлинные планы

Гитлера. Самое главное — оно подтверждает вывод военной разведки, что переговоры [291] будут предшествовать войне{1177}. Стоит упомянуть, что Гесс в самом деле был поражен, услышав новость о нападении, и бормотал: "Значит, они все-таки атаковали"{1178}.

Все очевидцы из ставки Гитлера очень ярко описывают изумление и ярость, вызванные известием об исчезновении Гесса. Шмидт, гитлеровский переводчик, говорит, что впечатление было такое, "словно бомба разорвалась в Бергхофе" (вилле фюрера в Берхтесгадене). Об этом же свидетельствовали генералы Кейтель и Гальдер и Альберт Шпеер. Еще один показатель — жестокое обращение гестапо с адъютантами Гесса, Пинчем и Ляйтгеном. Были проведены аресты среди персонала аугсбургского аэродрома. Позднее, когда стало известно о связях Гесса с астрологами и антропософами, множество арестов последовало и в их среде, их организации были разгромлены. Альбрехта Хаусхофера, главного вдохновителя Гесса, срочно привезли к Гитлеру и заставили подробно написать о его контактах с Гессом.

Первоначальная надежда англичан воспользоваться смятением в Германии, сохраняя молчание, не осуществилась. Чтобы опередить их, немцы сообщили новость по радио в 8 ч. вечера 12 мая. Как они заявили, Гесс, "очевидно, в припадке безумия", похитил самолет и пропал без вести. Заявление намеренно звучало неопределенно, так как у немцев не было никакой информации о судьбе Гесса. Фактически люфтваффе уверила Гитлера, что шансы достичь Англии у него были ничтожные{1179}. Как только новость прозвучала по немецкому радио, Черчилль, "безмерно взволнованный", позвонил Идену, требуя "немедленно что-нибудь сказать", и действительно около полуночи последовало заявление{1180}. Немцы откликнулись подробным коммюнике на следующее утро. Они обнародовали содержание письма, оставленного Гессом Гитлеру, с выражением преданности фюреру. Предоставление подлинной информации служило для немцев лучшим способом помешать возможной пропаганде англичан, которые могли утверждать, будто этот полет свидетельствует о росте раскола внутри германского руководства{1181}.

Черчилль надеялся извлечь всю возможную выгоду из дела Гесса своим излюбленным методом: сделать драматичное заявление в парламенте, отразить критику и вселить оптимизм. Народ, объяснял он, "этот поразительный эпизод может развлечь и позабавить, и, конечно, акция заместителя фюрера, сбежавшего

из Германии и от своего шефа, вызовет глубокое замешательство и испуг в рядах германской армии, нацистской партии и среди всего немецкого народа"{1182}. Как только немцы выступили со своими откровениями, Черчилль продиктовал и тщательно отредактировал заявление на шести страницах. Если бы он произнес эту речь, многих пагубных и длительных последствий дела Гесса удалось бы избежать. К несчастью, заявление так и осталось на бумаге. Тем не менее, оно показывает, до какой степени Черчилль был готов открыть правду о Гессе, точный смысл его предложений, включая предложение о разделе сфер влияния и неприятное признание, будто прилететь в Англию Гесса побудило чувство, "что в Великобритании существует сильное мирное или пораженческое движение, с которым он сможет вести переговоры". Затем Черчилль намеревался опровергнуть пагубные слухи, просуществовавшие вплоть до открытия архивов в 1992 г., объявив, что Гесс "представляет самого себя, осуществляя самовольно взятую на себя [292] миссию по спасению Англии от уничтожения". Кроме того, заявление должно было продемонстрировать решимость правительства не вступать в переговоры с Гессом, которого он называл "сообщником и подручным господина Гитлера во всех убийствах, подлостях и жестокостях, с помощью которых нацизм навязал себя Германии, как теперь старается навязать себя Европе". Определялся статус Гесса как "военного преступника, судьбу которого, как и судьбы прочих лидеров нацистского движения, будут решать Союзные нации после победы в войне". Следует отметить, что больше всего Черчилля заботило воздействие этих откровений на Германию и Соединенные Штаты, тогда как о Советском Союзе он совершенно не думал. Типично для него — единственная важная деталь, которую он скрыл, — это условие Гесса, чтобы правительство Черчилля было распущено, прежде чем начнутся переговоры{1183}.

Заявление, в конце концов поступившее с Даунинг-стрит, вместе с коротким сообщением по радио, было не слишком убедительным. Общественную жажду информации не удовлетворило торжественное обещание: "Как только [Гесс] оправится от ранения, его показания будут тщательно изучены". Черчилль подогрел воображение общественности, признавшись, что пока "рассказать об эскападе Гесса" невозможно. По его мнению, парламент должен был понять, что, даже если объяснение вскоре последует, "не в интересах общества, чтобы я уже сейчас раскрыл его суть". Поддерживая желание Черчилля выступить с подробным заявлением, майор Десмонд Мортон, его ближайший советник по делам разведки,

предсказывал последствия молчания: "На мой взгляд, большего можно было бы достичь, если бы официальное заявление и пропаганда последовали сразу же. Чем дольше мы будем ждать, тем сильнее перезреет плод"{1184}. Но Кэдоган уже успел убедить Идена, что самое лучшее — оставить Германию теряться в догадках и вытянуть все, что можно, из Гесса, "имитируя переговоры и стараясь не делать из него героя"{1185}.

Краткость и сдержанность заявления лишь порождали вопросы и питали теории заговора. Общественность, не зная содержания предложений Гесса, оставалась в неведении относительно характера его миссии и реакции на нее правительства. Как еще раньше говорил Черчиллю министр информации Дафф Купер, "интерес к истории с Рудольфом Гессом принял такие размеры, что он считает весьма важным давать информацию о ней по частям при любой возможности".

Жажда новостей была феноменальная. Рузвельт умолял Черчилля проинформировать его, так как "и на таком расстоянии, могу вас заверить, полет Гесса захватил воображение американцев, и эта история должна быть на слуху как можно больше дней или даже недель". Такое же мнение высказал Галифакс из Вашингтона{1186}. Слова Рузвельта в точности соответствовали напряженности в Москве. 14 мая Черчилль вновь вознамерился обратиться к парламенту. Но Форин Оффис стоял на своем. Там царила тревога ввиду сходства между признаниями Гесса Киркпатрику и "сравнительно точным рассказом немцев о предполагаемых причинах" полета Гесса в Англию. Утверждали, будто предложенное заявление "сыграет на руку немецкому радио". Немецкий народ наверняка "вздохнет с облегчением и скажет: "Так вот почему наш дорогой Рудольф оставил нас. Глупо с его стороны; но все же он не предатель, и мы можем не бояться, что он выдаст [293] наши секреты"". Заявление Черчилля шло вразрез и с намерением Форин Оффис развернуть кампанию дезинформации, сосредоточенную на воображаемом расколе в высших эшелонах нацистского руководства. Черчилль, однако, настаивал на своем желании сделать его. Поздно ночью он позвонил Идену и продиктовал ему текст, с которым намеревался выступить. Иден оставил яркое описание происходившего:

"Я с трудом вылез из постели, переработал его и передал по телефону. Через несколько минут Уинстон позвонил и сказал, что ему не нравится и Дафф [Купер] тоже очень расстроен. С другой стороны, Макс [Бивербрук] согласен со мной. Что лучше: его первоначальное заявление или никакого заявления? Я ответил:

"Никакого заявления". "Хорошо, никакого заявления (сердито)!" — и бросил трубку"{1187}.

Таким образом, была принята следующая линия: "говорить очень мало и заставить немцев гадать, что делает — и говорит — Гесс"{1188}. К удивлению Идена, Черчилль еще раз попытался огласить основные тезисы своего заявления в кабинете 19 мая, но с помощью Бивербрука ему удалось "задушить в зародыше" эту идею в третий раз{1189}.

Иден вернулся в постель, уверенный, что отговорил премьер-министра от его намерения. Министерство информации, тем не менее, не могло устоять перед искушением использовать такой случай на все сто процентов. Там продолжали убеждать Черчилля извлечь всю возможную выгоду из дела Гесса с помощью личного заявления{1190}. На следующий день Бивербрук собрал прессу за ланчем и конфиденциально поведал, что Черчилль отказался от публичного заявления, поскольку "все, что нужно в настоящий момент, — это как можно больше домыслов, слухов и споров о Гессе". Хотя в проекте телеграммы Рузвельту, подготовленном для Черчилля, содержалась рекомендация: "Желательно, чтобы пресса не романтизировала его и его авантюру", — Черчилль добавил от руки: "По нашему мнению, лучше всего дать прессе простор для воображения и предоставить немцам теряться в догадках"{1191}. Ведущие газеты, естественно, всячески приукрашивали свои сообщения, особенно когда Гесса перевезли из Шотландии в лондонский Тауэр. Для некоторых это явилось сигналом скорой встречи с премьер-министром. Новая волна слухов прекрасно совпадала с измышлениями, распространявшимися с середины апреля. Как часто бывало с Черчиллем, он потерял почти всякий интерес к Гессу, после того как ему не дали поступить по-своему. Помимо того, он был полностью поглощен войной на Крите и большими морскими сражениями, кульминацией которых явилась гибель английского военного корабля "Худ" и "Бисмарка". Он разве что постарался удовлетворить любопытство Рузвельта, снабдив того подборкой бесед, проведенных с Гессом к тому моменту{1192}. В целом дипломатический корпус в Лондоне склонен был отвергать идею сепаратного мира, но многие оставались убеждены, что Гесс согласовал свою миссию с Гитлером. В значительной степени этому способствовала слезная речь Эрнста Бевина, лидера лейбористов и члена Военного кабинета, которую в отсутствие официального заявления сочли выражением официальной позиции{1193}.

Вскоре после прибытия Гесса Киркпатрик предложил: "Ввиду оговорки, что Германия не может вести переговоры с нынешним правительством, можно было бы заставить Гесса поверить, будто есть шанс [294] сместить нынешнюю администрацию, и если позволить ему войти в контакт, скажем, с членом партии консерваторов, который даст ему понять, что его соблазняет идея избавиться от нынешней администрации, возможно, он заговорит свободнее"{1194}. К этой идее вернулись, когда, по наблюдениям, Гесс впал в депрессию, поняв, что его план провалился. Он постоянно выражал беспокойство по поводу того, что "попал в руки клики из Сикрет Сервис" и с ним обращаются как с обычным военнопленным. Переписка Кэдогана с Черчиллем убедительно доказывает отсутствие у Гесса каких-либо проектов из гитлеровской Рейхсканцелярии. Таким образом, одной из главных задач стало "пролить свет на вопрос, не послал ли Гесса сюда Гитлер, осуществляя некий план мирного наступления"{1195}.

26 мая Иден попросил Саймона, лорда-канцлера, побеседовать с Гессом. Саймон должен был признаться ему, что правительство знает об этой беседе, но намекнуть на натянутость своих отношений с Черчиллем и Иденом. Эта уловка вовсе не означала настоящих переговоров. Саймон четко очертил круг тем беседы, настаивая, чтобы она считалась "выполнением "разведывательного" задания" с ясной и ограниченной целью — "предоставить Гессу удобный случай свободно поговорить о своей "миссии" и посмотреть, не даст ли он, стремясь выговориться, какую-нибудь полезную информацию о стратегии и замыслах противника". Как и Гамильтон, Саймон был крайне чувствителен к намекам на его прошлое сотрудничество с примиренцами и потому требовал гарантий, что "о беседе ни при каких обстоятельствах не станет известно широкой публике"{1196}.

Как надеялся Черчилль, Саймон сумеет узнать у Гесса причины его явной озабоченности положением на международной арене и почему он "так горячо желает заключить мир на скорую руку именно теперь"{1197}. Хотя Кэдоган и "Си" питали весьма слабые надежды на это, Форин Оффис думал разговорить Гесса, особенно на тему намерений Гитлера относительно СССР{1198}. Инструктируя Саймона перед беседой, Киркпатрик составил вопросы, которые тот должен был задать. Они носили явный отпечаток главенствующей концепции Форин Оффис. Саймону советовали спровоцировать Гесса, спросив, какой смысл Германии заключать мир с Англией, если она "собирается поладить с Россией и принести

русский большевизм в Европу. Если Германия заинтересована только в Европе, ей следует отказаться от планов относительно России, поскольку Россия — азиатская страна и находится вне сферы германского влияния". Формулируя вопрос таким образом, надеялись выведать у Гесса, добивается ли действительно Германия соглашения с СССР или готовится к войне{1199}.

У лорда Саймона, конечно, 'было больше всего шансов вытянуть информацию у Гесса, и потому их беседа заслуживает пристального внимания. До того как Гессу назвали имя Саймона, он проявлял величайшую подозрительность. Он требовал присутствия двух свидетелей-немцев, а также графа Гамильтона, который, как он полагал, "стоит вне политической клики из Сикрет Сервис, не дающей ему встретиться с истинными сторонниками мира и с королем"{1200}. Гесса надлежащим образом проинформировали, что переговоры будет вести лорд Саймон. Его заверили, что, как лорд-канцлер, Саймон пользуется известной независимостью в рамках конституции. Напомнили ему также, что оба они уже встречались в Берлине, когда Саймон, бывший [295] в то время министром иностранных дел, посетил Гитлера. Гесс просиял и "стал казаться другим человеком... у него сохранились приятные воспоминания о главе тогдашних переговоров"{1201}. Гесс скверно провел утро, отказался от ланча, жалуясь, что молоко за завтраком плохо на него подействовало, поэтому его силы подкрепили стаканом портвейна и небольшой дозой глюкозы. Лорда Саймона в Тауэр привез "Си" во второй половине дня. Они вошли вместе с Киркпатриком, скрываясь под псевдонимами "д-р Гатри" и "Маккензи", и три часа разговаривали с Гессом, выбравшим себе псевдоним "Джонатан". Саймон изучил все материалы, предоставленные Гессом, и был хорошо подкован. Ему сказали, что никаких официальных предложений у Гесса нет. Узнав о предстоящих "переговорах", последний набросал обширные заметки. Позднее он передал их в качестве официального предложения Саймону{1202}.

Первый же раунд беседы убедил Саймона, что в заявлении, столь старательно подготовленном Гессом за пару дней в ожидании их встречи, содержится мало нового. Торопливо нацарапанный конспект, переданный Саймону, никак не соответствует предположению, будто Гесс привез с собой письменные предложения, включающие ясные упоминания об операции "Барбаросса" и будущем Советского Союза{1203}. Отчитываясь перед Черчиллем, Саймон сделал категорический вывод: "Гесс прибыл по собственной инициативе. Его перелет

совершался не по приказу, не с разрешения и даже не с ведома Гитлера. Это его собственное предприятие. Если бы он добился своего и привлек нас к переговорам по поводу такого рода мира, какой нужен Гитлеру, он был бы оправдан и сослужил бы фюреру хорошую службу". Затем Саймон говорил о сложившемся у него совершенно верном впечатлении, что Гесс стоял вне круга политиков, ведущих войну, и мало знает о стратегических планах, поскольку его сферой были партийные дела. План его в лучшем случае "честная попытка воспроизвести мысли Гитлера, которые тот много раз высказывал ему". Анализируя ход беседы, эксперты МИ-6 пришли к заключению, что Гесс фактически неспособен отвечать на какие-либо аргументы, особенно политического характера{1204}. Это совпадает с впечатлением Самнера Уэллса, заместителя госсекретаря Соединенных Штатов, от встречи с Гессом 3 марта. Уэллса шокировал Гесс, который, как он считал, пользовался "сильным и решающим влиянием в немецких делах". Как оказалось, тот "всего лишь повторял то, что ему велели сказать мне... он не изучал злободневные вопросы и вообще не имел каких-либо собственных мыслей"{1205}. В результате невозможность выжать из Гесса хоть какую-то информацию, наконец, поставила крест на "полуофициальных переговорах". Как откровенно признался Кэдоган, Гесс стал "граммофонной пластинкой"{1206}.

Итак, любые предположения, будто молчание и дезинформация служили дымовой завесой вокруг допросов Гесса, не подтверждаются имеющимися на сегодняшний день свидетельствами. Когда немецкие войска пересекли советскую границу, Эс-Ай-Эс всесторонне исследовала скудный материал, полученный от Гесса, и пришла к выводу, что тот "выжат досуха и с этих костей больше мяса не срежешь"{1207}. Неудачный подход к этому делу был вызван разногласиями относительно его потенциала для общественного мнения и пропаганды. Мысль о дымовой завесе никогда не возникала просто потому, что скрывать [296] было нечего. Майор Десмонд Мортон, выражая собственные мысли Черчилля, настаивал на официальном заявлении, в которое следовало бы включить весь собранный материал. Если бы это зависело от него, говорил он Идену, "любой, кто взялся бы за освещение этой темы, получил бы доступ ко всем документам по делу... и он не стал бы ограничиваться напыщенным правительственным коммюнике"{1208}. Просматривая обширные стенограммы беседы "Гатри — Джонатан", Черчилль пришел к выводу, что допрос Гесса "напоминает разговор с умственно отсталым

ребенком, совершившим убийство или поджог". Он даже не разделял общего мнения, будто Гесс "фактически выражал сокровенные мысли Гитлера", но его позабавило то, что "он дал нам почувствовать воздух Берхтесгадена, одновременно кондиционированный и зловонный". К этому моменту Черчилль потерял всякое желание выступать с публичным заявлением{1209}.

Можно предположить, что последовательные показания Гесса на множестве допросов и материалы Эс-Ай-Эс, записывавшей даже еле слышное его бормотание, удостоверяют его версию событий. У главного психолога британской армии, которому поручили наблюдать Гесса, сложилось "стойкое впечатление, что его история в целом правдива". По его мнению, Гесс недостаточно свободно владел английским, чтобы сочинить убедительную историю, в которой не было бы ни слова правды. Как он подозревал, душевное состояние Гесса далеко не являлось стабильным: "Несколько параноидальный тип. Ненормальное отсутствие интуиции и самокритичности. Интроспективный и несколько ипохондрический тип. Производит впечатление неуравновешенной, психопатической личности..."{1210}

"Травля большевистского зайца"

Не сумев извлечь полезную информацию для пропаганды, англичане все усилия направили на эксплуатацию дела Гесса в русском контексте. Еще до принятия решения использовать Гесса против русских молчание англичан об этом деле породило слухи, оказывавшие свое действие на Кремль долгое время после того, как оно закончилось. В октябре 1942 г. сэр Арчибальд Кларк-Керр, преемник Криппса на посту британского посла в Москве, объяснял подозрения русских тем, что их оставили в неведении. Он спрашивал Черчилля, как бы тот себя чувствовал, если бы Риббентроп прилетел в СССР, а Англии предоставили бы теряться в догадках по поводу характера его миссии{1211}. Гесс, пояснял Кларк-Керр, словно "скелет в шкафу", чьи кости погромыхивают временами, смущая общественное мнение. Выглядит так, будто Черчилль намеренно приберегает его как козырь для переговоров о сепаратном мире, если война войдет в критическую фазу{1212}.

Перевод дела Гесса в русскую сферу связан с окончательным решением извлечь из его миссии пропагандистскую ценность, которое было принято в ночь с 14 на 15 мая Иденом и Бивербруком и с которым Черчилль неохотно согласился. Площадка для сложной игры с использованием Гесса в попытке изменить

советскую политику была уже подготовлена. Как только Гесс приземлился в Англии, Криппс уведомил Форин Оффис об интересе, вызванном его миссией в Москве. Отдавая себе отчет во взрывчатом характере дела Гесса, он предлагал [297] не упускать "золотой шанс" либо сыграть на советских страхах, либо рассеять их:

"1. Инцидент с Гессом без сомнения заинтриговал Советское правительство как ничто другое и может пробудить их старые страхи по поводу мирной сделки за их счет.

2. Я, конечно, не в курсе, насколько Гесс готов говорить, если вообще готов. Но, предположим, это так, тогда я очень надеюсь, что вы немедленно рассмотрите возможность использования его откровений, чтобы повысить сопротивление Советов германскому нажиму, либо а) усилив их боязнь остаться слушать музыку в одиночестве, либо б) внушив им, что музыка, если слушать ее сейчас и в компании, окажется в конце концов не столь ужасной; лучше всего и то, и другое, поскольку на самом деле эти две вещи не так уж несовместимы".

Галифакс тоже одобрял идею использования любой информации, которая указывала бы на раскол в германском руководстве, чтобы повлиять на русских. В тот момент Сарджент, создатель концепции Форин Оффис, руководящей англо-советскими отношениями, решительно выступил против предложения намекнуть на сепаратный англо-германский мир, ибо это могло толкнуть охваченного паникой Сталина в объятия Германии. Поэтому Криппсу велели сидеть тихо и подождать, пока не будет (если вообще будет) получена какая-либо информация от Гесса{1213}.

Однако, когда через несколько дней стало понятно, что перспективы использования дела Гесса для пропаганды в Германии весьма ограничены, Сарджент вернулся к идее Криппса. Поскольку Гесс не говорил ничего о замыслах немцев в отношении СССР, оставалось только распространить дезинформацию. Она должна была указывать на существование раскола в нацистском руководстве по вопросу о планах насчет Советского Союза. Следовало утверждать, будто Гесс, в отличие от Геринга и Риббентропа, которых он, по-видимому, терпеть не может, остается "одним из самых фанатичных нацистов". Он решил помешать любому соглашению между СССР и Германией, считая себя хранителем чистоты доктрины нацизма{1214}.

Стремление вступить на этот путь, невзирая на очевидный риск, тесно связано с оценкой наращивания сил Германии на советской границе разведкой. Следует помнить, что использование дела Гесса против русских в значительной мере мотивировалось неверными выводами британской разведки, которая, подобно Сталину, не могла до конца осознать вероятность германо-советской войны вплоть до конца мая 1941 г. Там по-прежнему придерживались мнения, будто развертывание немецких войск на востоке служит прелюдией к переговорам с Советским Союзом. Объединенный комитет разведки указывал на некоторые признаки, позволявшие предположить, "что новое соглашение между двумя странами может быть заключено в ближайшее время". Большая часть имевшейся к тому моменту информации подтверждала следующий вывод: "Гитлер и Сталин, возможно, решат заключить долговременное соглашение, на неясной пока основе, о политическом, экономическом и даже военном сотрудничестве". Поэтому война возможна, только если "Советы не смогут согласиться с требованиями немцев или выполнить заключенное соглашение". В Форин Оффис царили разочарование и возмущение из-за того, что дипломатии "совершенно подрезали крылья". С Россией, нехотя признал [298] Кэдоган, ничего не поделаешь, "пока мы не сможем а) пригрозить ей, б) подкупить ее. Россия а) ничего не боится с нашей стороны, и б) нам нечего предложить ей. В таком случае можете сколько угодно играть словами и размахивать бумажками, и ничего не добьетесь"{1215}. Эти настроения в конце концов привели и Форин Оффис, и спецслужбы к идее использовать дело Гесса "как обманку"{1216}, чтобы помешать русским заключить соглашение с Гитлером. Нужно сказать, что такая политика стала бы результативной, если бы подобные переговоры действительно велись. Так как самого Сталина Шуленбург только что уверил, будто примирение в самом деле стоит на повестке дня, дело Гесса убедило его в правильности собственных выводов, в то же время пробудив вечный страх, как бы Англия и Германия не объединились. Поскольку допросы Гесса тянулись в сущности до самого нападения Германии на СССР, эта история явно самым пагубным образом отразилась на умонастроениях Сталина в решающий предвоенный месяц.

16 мая Сарджент вернулся с новой бумагой, сформулировав свою точку зрения более лаконично и эффектно. Дезинформация, которую он намеревался использовать против русских, основывалась на следующих предпосылках:

"Гесс считает себя хранителем истинной и изначальной нацистской доктрины, фундаментальный принцип которой: нацизм призван спасти Германию и Европу от большевизма; ныне новые члены партии, жалкие оппортунисты, и армия убедили Гитлера постараться достичь урегулирования с Советским Союзом и даже сделать его полноправным партнером стран Оси; это было больше, чем Гесс мог вынести, и вызвало его полет в нашу страну".

Если ловко подбросить все это Сталину, он поверит, будто Гитлер заманивает его в орбиту Германии, просто чтобы утвердиться в России. Как только Гитлер упрочит свои позиции, он попытается свалить Сталина и таким образом примирить наиболее крайние течения в партии. Форин Оффис никак не решался последовать этим курсом, однако не из-за возможных последствий для русских, а боясь, как бы их дезинформация не попала к немцам, которых он все еще стремился держать в неведении. Кроме того, как правильно предвидел Иден, такая дезинформация на деле могла побудить русских еще энергичнее добиваться соглашения, раз они узнают, что Гитлер готов к переговорам{1217}.

Но вот, вскоре оказалось, что допросы Гесса ничего не дают и он "не говорит ничего стоящего!" Поэтому осталась единственная альтернатива — использовать его против русских, запустив обрывки дезинформации. Теперь Сарджент, горящему желанием действовать, пришло в голову, что лучше всего обмануть русских с помощью "некоторых тайных каналов". Кэдоган горячо одобрял эту Идею, если только она "не перепугает русских слишком сильно!" По примеру Идена, он явно намекал на страшивший англичан германо-советский военный альянс{1218}.

Директива МИ-6 "по использованию инцидента с Гессом с помощью тайных каналов за границей" была наконец утверждена Форин Оффис 23 мая. Она приветствовалась как "ясное предупреждение Советскому правительству, чтобы оно остерегалось нынешних предложений Гитлера о сотрудничестве и дружбе". Во многом этот совет, если смотреть с точки зрения Кремля, напоминал предостережение Черчилля [299] и угрозы, высказанные Криппсом в Москве. Русских предупреждали, что если они уступят требованиям Германии, то Гитлер пожнет все плоды, а им в конечном итоге придется сражаться в одиночку. Кэвендиш-Бентинк, председатель Объединенного комитета разведки, принял решительные меры, "чтобы упомянутый шепот тотчас дошел до советских ушей" через Отдел особых операций и другие каналы. Соответствующие директивы по

разворачиванию "кампании шепота" послали английским посольствам в Стокгольме, Нью-Йорке и Стамбуле 23 мая; слухи "предназначались только для России и должны были распространяться только по каналам, ведущим непосредственно к Советам". В поддержку кампании следовало распускать как можно больше слухов от себя в соответствии с руководящими установками, изложенными в директиве{1219}.

Департамент политической разведки Форин Оффис тоже чувствовал, что не получит реальных дивидендов от дела Гесса. Там старались выжать все возможное из его антибольшевистских воззрений. Перед Форин Оффис стоял вопрос: продолжать ли "кампанию шепота", которая только-только начиналась, или официально предоставить русским подлинную информацию о Гессе. Взгляды Идена и Кэдогана возобладали, несмотря на попытки Даффа Купера поставить вопрос на обсуждение на министерском уровне, и "кампания шепота" беспрепятственно продолжалась, пока наконец вторжение Германии в Советский Союз не положило ей конец{1220}.

Очень скоро новая линия была принята повсюду. Иден собрал ведущих представителей британской прессы в Форин Оффис и внушал им, что "Гесс очень серьезно относится к своей миссии и что его миссия демонстрирует существование раскола в германском руководстве". Представитель "Тайме" ушел с этой встречи в убеждении, будто Гесс старается "довести до конца свой мирный план" и Гитлер официально уполномочил его на это. Подобная точка зрения широко распространилась в Лондоне{1221}. К 10 июня, когда с Гессом беседовал Саймон, дезинформация уже не ограничивалась "шепотом". Иден уверил Майского, что "Гесс бежал из Германии в результате ссоры, не с самим Гитлером, но с некоторыми влиятельными фигурами в его окружении, такими как Риббентроп и Гиммлер"{1222}. Как ни парадоксально, такая линия способствовала сталинскому самообману по поводу его способности оттянуть войну.

"Кампания шепота" только начиналась, когда Криппс, которому не сообщили о тривиальном характере признаний Гесса, сделал собственный ход. Как обычно, блестящая наблюдательность и точный анализ ситуации сочетались у него с опрометчивостью действий.

"Я очень надеюсь, что Советское правительство не пойдет на такие уступки, которые существенно повлияли бы на боевую готовность Советов или ход подготовки к войне, — телеграфировал он Идену, — поскольку думаю, что у них

нет иллюзий насчет конечных намерений Германии по отношению к ним и они решили сопротивляться в том случае, когда, по их собственной оценке, у них не останется другого выхода".

По его мнению, "ввиду очевидного нежелания Советского правительства вступать в войну с Германией на данном этапе соблазн "проявлять гибкость" в пограничных ситуациях должен быть очень велик". Поэтому, считал Криппс, действия Советов в таких ситуациях будут зависеть от того, насколько в данном случае, по их оценке, [300] сильнее Англия или Германия. Он надеялся воспользоваться информацией, полученной от Гесса, чтобы "повлиять на решения Советского правительства в пограничных ситуациях и, в частности, заставить его не рассматривать внешний фактор, упомянутый выше, иными словами — убедить его, что сейчас ему есть на что опереться, а вот впоследствии оно может остаться без поддержки"{1223}.

Хотя Криппсу запретили предпринимать самостоятельные шаги, его надлежащим образом осведомили о дезинформации, которая, на первый взгляд, являлась следствием его совета:

"Мы сообщаем по тайным каналам, будто полет Гесса свидетельствует о растущем расколе из-за гитлеровской политики сотрудничества с Советским Союзом, а также, будто, проводя ее, он настаивает на быстрой прибыли, прекрасно зная, что будет вынужден отказаться от нее и нарушить любые обещания, возможно, данные им Советскому Союзу, так что в конце концов Советы окажутся в худшем положении, чем прежде. Они потеряют потенциальных друзей, сделают уступки и останутся против Германии в одиночку и ослабленными"{1224}.

Трения между Даффом Купером и Иденом продолжались в течение всего мая месяца. Майский постоянно требовал, чтобы Иден пресек слухи, и тот решил прекратить полуофициальную утечку информации из министерства. 5 июня он вновь провозгласил официальную установку на хранение молчания по делу Гесса, хотя у Форин Оффис оставалось право вести тайную пропаганду и "с помощью выдумок травить большевистского и других зайцев". На кислое замечание Кэдогана: "Слухи могут быть гораздо более безответственными и даже, без всякого ущерба для себя, путаными и противоречивыми", — не обратили внимания{1225}. Попытки Идена обуздать военную разведку и Министерство информации успеха не принесли; вплоть до германского вторжения они упорно старались добиться отмены этого решения, с которым ни в коем случае не могли примириться. По мнению военной разведки, если главной целью было "заставить

немцев теряться в догадках", то "молчать не годится и что-то нужно сказать". Дафф Купер также продолжал засыпать Черчилля просьбами сделать публичное заявление{1226}.

Отношение к делу Гесса в Кремле

По воспоминаниям Хрущева, когда новость о полете Гесса дошла до Кремля, Сталин согласился с ним, что "Гитлер поручил ему секретную миссию — обсудить с англичанами пути прекращения войны на западе, чтобы развязать Гитлеру руки для натиска на восток"{1227}. Естественно, подобная мысль пришла Сталину на ум, но миссия Гесса ставила перед ним и более серьезную проблему. Если Гесс — эмиссар Гитлера, то его ночной кошмар — объединение Англии и Германии в крестовом походе на большевистскую Россию — сбывается и широкое развертывание немецких войск на советской границе приобретает новый, угрожающий смысл. Тем не менее, сталинский самообман неизбежно вел его к другому заключению: как ни парадоксально, дело Гесса подтверждало вывод о расколе в германском руководстве, который мог ускорить открытие переговоров с Германией{1228}. Молчание и секретность, окружавшие миссию Гесса, вполне соответствовали сложившемуся в Москве убеждению относительно непрестанных попыток [301] Англии втянуть СССР в войну. Кроме того, и возможность сепаратного мира нельзя было сбрасывать со счетов. Поэтому в Кремле появилась тенденция, с одной стороны, отметать любое предположение насчет официального характера миссии Гесса, а с другой — принижать его потенциальное значение как орудия англичан в поисках сепаратного мира.

Первой информацией, пристально изученной в Москве, оказалось официальное заявление англичан. Пометки толстым карандашом, сделанные офицером НКГБ на экземпляре заявления, показывают: возможность того, что Гесс действовал по приказу Гитлера, решили в расчет не принимать. Было подчеркнуто утверждение Даффа Купера, будто полет в первую очередь свидетельствует о "разногласиях внутри национал-социалистического движения". Такое же внимание привлекли сообщения шведской прессы, объясняющие миссию Гесса дебатами, идущими в германском руководстве, в экономических и промышленных кругах. Могущественная группировка, связанная с Герингом, якобы "прилагала все усилия, чтобы достичь мира с Англией". А главное, как отметил затем НКГБ, известие о прибытии Гесса в Англию совпало по времени с распространением

слухов о возможной встрече Сталина и Гитлера. Гесс изображался "противником гитлеровской политики дружбы с СССР", добивающимся, диалога с англичанами, "пока не состоялась встреча диктаторов". Последняя пометка относилась к предположению, что Гесс "предпринял персональную попытку заключить мир", чтобы предотвратить советско-германское соглашение{1229}.

В Гессе уже видели препятствие на пути сближения с Германией, когда он недолго встречался с Молотовым в Берлине{1230}. НКВД тогда навел справки о его положении в руководстве и составил весьма уничижительный рапорт. Не нашлось никого, кто засвидетельствовал бы его "пропагандистские или административные таланты"; о нем говорили просто как о "доверенном человеке", завоевавшем симпатии Гитлера. "Может быть, он и обладает какими-то исключительными способностями, — иронически резюмировал офицер НКВД, проводивший расследование, — но в таком случае их пока никто в нем не обнаружил". Он лишь счел нужным отметить, видимо, в целях последующего шантажа, "скандальное" прошлое Гесса. Гесс, пояснил он, "принадлежал к группе гомосексуалистов, давших ему кличку "Черная Берта", под которой он известен не только в Мюнхене, но и в Берлине. Женитьба ему мало помогла, потому что берлинцы о его жене говорят "он", а о нем — "она"". Короче говоря, Гесс являлся "маленьким человеком на большой должности", и его влияние шло на убыль{1231}.

Через день после прибытия Гесса в Лондон "Лицеист", двойной агент гестапо, работавший на берлинского резидента, внес свой небольшой, но, как всегда, эффективный вклад. Ловко составленное сообщение "Лицеиста" касалось двух тем: существования раскола в германском руководстве и идеи о том, что любой военной акции будут предшествовать переговоры. Он изображал Гесса лунатиком, проведшим в санаториях 4 — 7 месяцев за последние два года, и подтверждал, что какое-то время у него уже не было реальной власти. "Яростный противник Советского Союза" и "горячий сторонник Англии", он лелеял idee fixe, что станет "новым Христом и спасет мир"{1232}. [302]

Кобулов, глава берлинской резидентуры, которому Деканозов, вернувшийся из Москвы, сообщил об идущих в настоящий момент "переговорах", на все сто процентов использовал фрагменты донесений "Старшины", где говорилось о "раздорах, существующих наверху". Широко распространившиеся в Берлине слухи гласили, что Гесс был "связан с Герингом". В своем сообщении, вторя предвзятому мнению Сталина, Кобулов высказывал предположение, будто участие Геринга в

пресс-конференции Гитлера по поводу полета Гесса не что иное, как демонстрация, призванная опровергнуть подобные слухи и изобразить единство наверху{1233}.

В следующем донесении Кобулов противоречил сам себе, не исключая возможности, что Гесс полетел в Англию "с большой помпой... и полностью с ведома и одобрения Германского правительства". По сообщению агента "Франкфуртца", тот, обедая с неким неназванным генералом, узнал следующее: полет "не был бегством и совершался с согласия Гитлера; это миссия с мирными предложениями Англии". Однако львиная доля кобуловских донесений указывала, что Гесс, будучи "бескомпромиссным врагом коммунизма и противником сближения с СССР", полетел в Англию "по собственной инициативе", чтобы убедить англичан положить конец войне и позволить перебросить войска на восток{1234}.

В то время как информация из Германии при некоторой двусмысленности в основном укрепляла уверенность Сталина, что миссия Гесса в самом деле показывает раскол в германском руководстве, сообщения из Лондона были не столь категоричны. Майский, конечно, знал о патологической подозрительности насчет англо-германского похода на Россию, берущей свое начало во временах гражданской войны и интервенции Антанты и являющейся основной и неизменной чертой сталинской внешней политики в межвоенный период. С момента падения Франции Сталина особенно раздражало наличие в кабинете Черчилля "людей Мюнхена", которые могли склонить чашу весов в пользу мира с Германией. Криппс какое-то время играл на этих страхах. После падения Франции он отчаянно убеждал Галифакса, чтобы тот заверил Майского, будто ответ Англии на мирные предложения Гитлера будет зависеть от прогресса переговоров между СССР и Англией{1235}.

Советская разведка продолжала пристально следить за всеми возможными провозвестниками сепаратного мира. Так, например, в июле 1940 г. высказывалось предположение: "Бывший английский король Эдуард вместе с женой Симпсон в данное время находится в Мадриде, откуда поддерживает связь с Гитлером. Эдуард ведет с Гитлером переговоры по вопросу формирования нового английского правительства, заключения мира с Германией при условии военного союза против СССР"{1236}. Новые намеки на сепаратный мир в последнюю неделю апреля вызвали в Москве беспрецедентную тревогу, которую

Майский вряд ли мог игнорировать. После разгрома в Греции и на Крите, спровоцировавшего рост критики и недовольства в Англии, Майскому велели бдительно наблюдать за примиренцами в правительстве{1237}. Он рьяно старался найти опровержение слухам о пробных примирительных шагах в ходе ряда встреч с Беатрис Уэбб, Р.А.Батлером, заместителем парламентского секретаря, и сэром Уолтером Монктоном, будущим министром обороны{1238}. [303]

Майскому стало еще труднее верно оценивать ситуацию и приспосабливать свои наблюдения к установкам, господствующим в Москве, когда разнеслись слухи о скорой войне. Месяц, предшествовавший полету Гесса, ознаменовался такими событиями, как предостережение Черчилля и ультиматумы Криппса. Имея на выбор множество распространившихся теорий, Сталин читал донесения послов избирательно. В свою очередь, послы, и в частности Майский, стали специалистами по угождению Кремлю и поставляли требуемый товар под флером двусмысленности. Как мы видели, всю вторую половину 1940 г. Майский утверждал, что Черчилль завоевал поддержку масс, выступая за продолжение войны, "по крайней мере в настоящий момент", а примиренцы "пока" не играют значительной роли. Однако он никогда не верил, что упорное сопротивление для Черчилля — дело принципа; просто Черчилль не хотел заключать соглашение, которое увековечило бы неудачи Британии на поле брани. Впрочем, Майский не исключал возможности, что сокрушительное поражение, потрясшее основы Британской империи (он несомненно намекал на падение Египта), повлечет за собой "измену правящего класса, подобную измене Петэ-на и его группы"{1239}. В новых обстоятельствах, весной 1941 г., как он признавался в своем дневнике, ситуация стала слишком нестабильной, чтобы русские чувствовали себя уютно, поскольку "в данный момент, когда английская буржуазия хочет вести войну, Черчилль является для нее большой находкой. Но он может в дальнейшем стать для нее большим препятствием, если и когда она захочет заключения мира"{1240}.

Неудивительно, что делавшиеся обычно аккуратно записи в дневнике Майского, находившемся под постоянным наблюдением, на время прекратились. Его депеши после прибытия Гесса в Англию отличаются поразительной краткостью. Скупые сообщения Майского контрастируют с бурной деятельностью, развитой им в попытке понять суть дела. Ошеломленный сообщением по радио о полете Гесса, Майский встречал одни домыслы; никто не мог сказать "ничего точного"{1241}. В

Форин Оффис Батлер вел себя смущенно и сдержанно, как он сообщил послу, "настоящий разговор с Гессом еще не начался", он ожидает его начала через 2 — 3 дня{1242}. Не имея никакой реальной информации, Майский в своей депеше в Москву 15 мая дал лишь краткий комментарий по делу Гесса. Произвольные выводы эхом вторили мнению Москвы относительно сильного антисоветского характера показаний Гесса: он очень критически отнесся к пакту Молотова — Риббентропа. Впрочем, по этой депеше трудно было составить себе какое-либо конкретное заключение, за исключением второй ее части, касавшейся признания Гесса, что он прибыл по собственной инициативе, и того, что он не открыл англичанам каких-либо секретов. Как и весь остальной мир, Москва с нетерпением ждала информации о замыслах Гитлера относительно Советского Союза{1243}.

Подавленный зловещей тишиной, Майский вернулся к Батлеру под предлогом срочной необходимости обсудить репатриацию советских моряков и судов, задержанных в английских портах. Хотя Батлер и сам еще не получил достоверной информации, он выразил свое личное мнение, что Гесс прилетел в Англию по своей инициативе, а не как эмиссар Гитлера. Затем он выдвинул гипотезу, впоследствии принятую на вооружение в качестве дезинформации: он не исключает [304] возможности, что Гесса к выполнению его миссии подтолкнула мощная группировка в высших эшелонах партии. Миссия, по-видимому, свидетельствует, что Гитлер не пользуется единодушной поддержкой. Батлер вновь подтвердил свою уверенность в твердом решении правительства продолжать войну. Если у Гесса и была "странная идея, что он найдет здесь толпы "квислингов", которые только того и ждут, как бы протянуть руку Германии, то он уже убедился или скоро убедится в своей ошибке". Мысль о встрече Гесса с Черчиллем он отмел{1244}. Несколько дней спустя Батлер развил свою теорию, произвольно предположив, "что между Гессом и Гитлером произошла ссора, в результате которой Гесс решил совершить свой полет в Англию в надежде, что здесь ему удастся найти влиятельные круги, готовые к заключению мира с Германией"{1245}.

Донесения НКГБ из Лондона совпадали с донесениями Майского. Анатоль Горске, руководивший действиями Берджесса, Маклина и Филби, передал сообщение Филби ("Зоннхена"), что Гесс, "прибыв в Англию, заявил, что он намеревался прежде всего обратиться к Гамильтону... Гамильтон принадлежит к так

называемой кливлендской клике". Он, по-видимому, был хорошо осведомлен о первой беседе Киркпатрика с Гессом, но не мог ничего сказать о мирных предложениях, которые, возможно, привез с собой Гесс. Его донесение повлекло за собой приказы агентам НКГБ выяснить характер предложений и санкционированы ли они Гитлером или военными, стоящими в оппозиции к Гитлеру{1246}. После ряда дальнейших попыток лондонская резидентура с сожалением признала, что "точных данных относительно целей прибытия Гесса в Англию еще не имеется". Однако Филби удалось добыть кое-какую информацию у Тома Дюпре, заместителя начальника Департамента прессы Форин Оффис, хотя он и не смог проверить ее. По словам его источника, вплоть до вечера 14 мая Гесс не дал допрашивавшим его никаких ценных сведений относительно своего полета. В разговорах с офицерами британской военной разведки он заявлял, что прибыл в Англию "для заключения компромиссного мира, который должен приостановить увеличивающееся истощение обеих воюющих стран и предотвратить окончательное уничтожение Британской империи как стабилизующей силы". С точки зрения Сталина, смущали уверения Гесса о его преданности Гитлеру и ложные сведения о тайном визите к нему Бивербрука и Идена. Как полагал Дюпре, Гесс действительно стремился создать "англо-германский союз против СССР". Ухватившись за заявление Черчилля в парламенте: "Гесс мой пленник", — Филби высказывал убеждение, "что сейчас время мирных переговоров еще не наступило, но в процессе дальнейшего развития войны Гесс, возможно, станет центром интриг за заключение компромиссного мира и будет полезен для мирной партии в Англии и для Гитлера". Примечательно, что эта часть телеграммы была густо подчеркнута на Лубянке{1247}.

Эффект от "кампании шепота" отчетливо проявился в начале июня, когда НКВД впервые констатировал: есть "веские основания полагать", что Гесс сотрудничал с британской Интеллидженс Сервис. По всей видимости, "правящие круги (Гитлер, Риббентроп, Гиммлер и Кейтель) проводят так называемую "политику Бисмарка" в отношении СССР, и их позиции усилились после полета Гесса. Группа пробританской направленности (Геринг, Браухич, Розенберг) продолжает [305] внушать Гитлеру мысль о пагубности политики сотрудничества с Советским Союзом"{1248}.

С точки зрения Кремля, миссия Гесса носила драматический характер и могла предвещать столь долго чаемые переговоры с немцами, если Гесс действительно

прилетел в Англию без санкции Гитлера и представляет ту часть нацистской элиты, которая выступает против примирительной рапалльской линии, проводимой Гитлером. Альтернативно он мог быть полноправным эмиссаром, готовящим почву для коалиционной войны против Советского Союза. Как всегда в таких случаях, Майский предпочел занять выжидательную позицию, поскольку находил трудным "отсеять наиболее вероятное из всей массы сплетен, слухов, догадок предположений и т.д., сопровождающих эту странную, почти романтическую историю"{1249}. Принимать желаемое за действительное вслед за Москвой было опасно с учетом предупреждения Криппса, сделанного еще в середине апреля, которое вдруг, казалось, начало сбываться. Во время интимного обеда с Уэббами 23 мая Майский заговорил о длинном меморандуме Криппса, который, по его словам, вызвал гнев правительства. Он тогда провел прямую связь, пытаясь выяснить реакцию Уэббов на мысль о возможности сепаратного мира:

"Выдержит ли Англия — не найдется ли среди правящего класса могущественной группировки, выступающей за мир в результате переговоров с Гитлером? Он рассказал нам то, что считал правдой о деле Гесса. Гесс был предельно честен, говоря о своей миссии; хотя и не пожелал сказать, что она санкционирована Гитлером. Он хотел убедить британское правительство уступить: англичане и их союзники будут побеждены в войне за господство в Европе, пусть это и истощит Германию. Германия должна остаться главенствующей силой в Европе; Великобритания должна сохранить свою империю, за исключением некоторых незначительных уступок в Африке. Тогда Германия и Великобритания смогут остановить распространение большевизма, который от дьявола"{1250}.

Он еще больше встревожился после обеда en deux{*20} с лордом Бивербруком, влиятельным сторонником Черчилля в Военном кабинете. На вопрос о миссии Гесса "Бивербрук без колебания ответил: — О, конечно, Гесс — эмиссар Гитлера". Затем он пересказал предложения Гесса о "мире на "почетных" для Англии условиях", но исказил контекст, преувеличив их антисоветскую направленность и заявив, что эти предложения были представлены как средство защиты цивилизации от большевистского варварства. Бивербрук повел себя уклончиво, когда разговор коснулся перспективы сепаратного мира. Правда, нынешнюю попытку он категорически отверг: "Гесс, должно быть, думал, что как только он изложит свой план, так все эти герцоги побегут к королю, свалят Черчилля и

создадут "разумное правительство"... Идиот!" Тем не менее, как он полагал, Черчилль думал, будто Гитлер действительно хочет мира. Разыгрывая германскую карту, как до него Криппс, Бивербрук мрачно закончил: будущее покажет, осуществим ли мир. Он может только выразить свое мнение, что британское правительство "пошло бы на мир с Германией на "приличных условиях"", [306] хотя и уверен, что "таких условий сейчас нельзя получить". Майский вынес из этой беседы одно — решительное ведение войны зависит не от несгибаемой воли Черчилля, а от характера германских предложений{1251}.

Хотя мысль о расколе в германском руководстве совпадала с мнением Сталина, путаная и противоречивая информация заставляла его сильно тревожиться из-за дела Гесса. К середине июня донесения разведки о наращивании сил Германией просочились в прессу, которая принялась лихорадочно строить диаметрально противоположные предположения. В то же время советской разведке подбросили дезинформацию о фиктивных переговорах Гесса с Саймоном. В результате различных замечаний Идена в начале месяца Кремль преисполнился опасений, как бы англичане не соблазнились мыслью подписать сепаратный мир, если будут думать, что начались переговоры между СССР и Германией. 5 июня Майский сообщил Криппсу, что никаких переговоров между Германией и Советским Союзом не ведется, но не смог убедить его. Как заявил Иден, у него есть информация, указывающая на "серьезные переговоры по вопросам огромной важности" между СССР и Германией{1252}.

В тот же день, когда Гесс беседовал с лордом Саймоном, Майский столкнулся с Ллойд Джорджем в коридорах палаты общин. Ллойд Джордж был повергнут в уныние ходом войны. "Пришло время, — признался он Майскому, — подумать о компромиссном | мире. На каких условиях? По предположениям Ллойд Джорджа, заключить мир станет возможно, если Гитлер согласится, чтобы Данциг, Силезия, Австрия и Эльзас-Лотарингия вошли в состав территории [Германии], плюс протекторат над некоторыми частями Европы и Польши и, вдобавок, некое "урегулирование" в Бельгии и Голландии. Предложения, сделанные Гессом, абсолютно неприемлемы — категорически ответил старик — если Гитлер будет настаивать на них, продолжение войны неизбежно"{1253}.

Несколько часов спустя в Уайтхолле Майский узнал от Идена, что ни о каких переговорах речь не идет. Иден торжественно заявил: "Гессу придется провести некоторое время в английской тюрьме — до конца войны". Но через пару дней

Майский, к своему ужасу, услышит от Беатрис Уэбб, что лорду Саймону, апостолу "примиренчества", было поручено допросить Гесса{1254}.

Наиболее точно истинный взгляд Майского на дело Гесса после германского вторжения выражает его уверенность, будто Гитлер хотел заручиться поддержкой Англии в войне, изображая себя спасителем западной цивилизации в крестовом походе против коммунизма. Поэтому, казалось, полет Гесса имел целью подготовить почву для англо-германского альянса накануне войны или на начальном ее этапе. Окончательный вывод Москвы гласил: Гесс прилетел по приказу Гитлера с мирными предложениями, связанными с операцией "Барбаросса", но ошибся в ответе англичан{1255}. Эту ошибку фактически разделяли с ним и русские вплоть до начала войны, когда ее исправила знаменитая речь Черчилля 22 июня с обещанием английской помощи, к большому их облегчению. Как ни трагично, она ослабила бдительность Сталина накануне войны и отвлекла его внимание от реальной опасности, подстерегавшей его. [307]

Глава 13. В преддверии войны
"Мобилизация — это война!"

Вышедший недавно без купюр вариант мемуаров Жукова и отрывки воспоминаний Тимошенко рисуют яркую картину Кремля накануне войны. Если читать их вместе с приказами Генерального штаба, изданными за две недели до нападения, не остается сомнений, что эти двое прекрасно видели подстерегавшую поблизости опасность. Они тщетно добивались возможности полностью осуществить мобилизацию и планы развертывания войск и тем самым помешать наступательному развертыванию сил немцев. Однако после объявления мобилизации в середине мая Сталин постоянно сдерживал своего начальника Генерального штаба, опасаясь, как бы ситуация мгновенно не вышла из-под контроля.

Тревожный характер сообщений разведки настоятельно требовал действий от Наркомата обороны. 2 июня Берия передал правительству очень неприятные известия о "военных мероприятиях" немцев по всей длине советской границы. Рапорт, представляющий собой сводку материалов, полученных от источников НКГБ из Белоруссии, Украины и Молдавии, показывал точное расположение

немецких армий, их штаб-квартир и порядки их развертывания. Затем Берия сообщал, что в начале мая Гитлер в сопровождении Геринга и генерала Гальдера присутствовал на морских маневрах в Балтийском море, а позднее в том же месяце выступал с речью перед собранием 600 офицеров высшего ранга в Варшаве. Но эта мрачная картина не потрясла Кремль, поскольку окончательный вывод гласил: "После взятия Крита очередной этап англо-германской войны завершится. Если Германия и начнет войну против Советского Союза, то, вероятно, это будет результатом англо-германского соглашения, которое повлечет за собой немедленное прекращение военных действий между Германией и Англией. Возможно, именно это предложение мира между Германией и Англией привез в Англию Гесс". Это, скорее всего, усилило стремление Сталина опередить англичан и добиться соглашения с немцами{1256}. Неопровержимые сведения с Украины о мощном наращивании сил по-прежнему расценивались как прелюдия к ультиматуму{1257}.

С начала июня все труднее становилось закрывать глаза на массовое развертывание войск в приграничной местности. Голиков, к фактической основе рапортов которого политическое руководство относилось с пренебрежением, чувствовал себя особенно уязвимым. Поэтому он старался заручиться поддержкой НКГБ для придания веса своим печальным открытиям. Прежде всего он хотел раскрыть планы "военных операций против СССР (в любой форме — документальной, в высказываниях и т.д.)"{1258}. Разведывательные сведения, хоть и впечатляющие, носили в основном тактический характер, тогда как стратегическая информация была редкой и разрозненной. Внушительные [313] подробные рапорты поступили через несколько дней от Украинского и Прибалтийского НКГБ. Только 5 июня были замечены 100 тяжелых танков, направляющихся на восток из Варшавы. Пехотные дивизии были идентифицированы достаточно точно, чтобы составить конкретную карту развертывания немцев против Киевского военного округа. Такой же точностью отличалась информация из Прибалтики, где разведчики на железной дороге отследили напряженное движение транспорта с войсками и вооружениями из района Варшавы к границе. Поразительно наглядное перечисление выглядело так: "25 апреля в Восточную Пруссию из Болгарии прибыла 35 пехотная дивизия. Штаб 34 полка этой дивизии дислоцируется в г. Геленбурге, штаб 3-го батальона в гор. Кольмафельд, штаб 10-й роты 34 полка дислоцируется в г. Ростенбурге..."

Были и сведения о подготовке тыла: переоборудовании аэродромов и ангаров в приграничных районах, создании складов горючего и боеприпасов. На основании косвенных признаков можно было определить и намерения: немецкие командиры открыто говорили о близкой войне. На балу, данном одной из немецких дивизий, размещенных в Румынии, куда приглашены были и румынские офицеры, командующий дивизией генерал сказал: "Господа офицеры, настал час объединенными силами возвратить Бессарабию, северную Буковину и отобрать Украину. Вот в чем наша цель борьбы против коммунизма"{1259}. Прослежена была колоссальная переброска по железной дороге с севера к советской границе двух мотопехотных дивизий и резервистов, затем последовала точная информация о широкомасштабном наборе резервистов в Финляндии{1260}.

Особый агент НКГБ совершил путешествие на поезде из Берлина в Москву через Польшу и привез свои беспристрастные впечатления. Он увидел, что приграничная местность переполнена крупными формированиями немецких войск, многие из них скрыты в лесах. На всей протяженности советской границы, около двухсот километров в глубину, ведутся большие работы по замене колеи на немецкий стандарт ширины, стратегические автомобильные дороги ремонтируются и мостятся. Все мосты укреплены и охраняются легкой артиллерией. Дюжинами эшелонов на фронт отправляются солдаты в полном обмундирований и вооружении. Они молоды и здоровы, в возрасте 20 — 30 лет, "хорошо одеты и откормлены". "Производят впечатление ударных частей, уже побывавших в бою". Бесконечные длинные колонны, каждая из 20 — 100 машин, движутся к границам. Между станциями Коло и Канин он видел колонну длиной около 20 км из больших грузовиков, идущих на дистанции 10 — 15 м друг от друга{1261}.

Всевозможные донесения были обобщены и представлены Сталину в более сжатой форме 12 июня. Кратко описывались интенсивные усилия немцев по осуществлению плотного развертывания войск в районах, граничащих с СССР, устройству специальных складов горючего и боеприпасов вблизи границы. Затем сообщалось о посещении приграничной местности 23 офицерами высшего ранга, пристально наблюдавшими и фотографировавшими советскую сторону{1262}. НКГБ подготовил захватывающий меморандум о вопиющих случаях нарушения советского воздушного пространства начиная с октября 1940 г. Из 185 разведывательных полетов 91 произошел в период с мая до середины июня. Такие же жалобы Жуков получал от Северного флота. Самолеты, проникающие на

глубину до 100 километров, пролетали [314] над местами большого сосредоточения войск Красной Армии. На земле почти 10% из 2080 человек, нелегально пересекших границу, оказались агентами германской разведки{1263}. Перехваченные телеграммы довершали картину. Японский консул в Кенигсберге сообщал важные результаты наблюдений за одним из главных железнодорожных узлов, через который проходила транспортировка основных сил немцев из Берлина на восточный фронт. Так, за один день, 9 июня, он отметил прохождение 17 специальных военных составов (12 перевозили механизированные соединения, три — танки, один — полевую артиллерию и один — медицинское оборудование){1264}.

К непрерывной и массовой перевозке войск в Польшу добавлялась информация о мобилизации на Балканах; гражданское население там предупредили о возможности длительных воздушных тревог{1265}. И, вероятно, самое главное — Голиков вдруг признал необходимым уделить "ОСОБОЕ ВНИМАНИЕ... продолжающемуся усилению немецких войск на территории Польши". Итак, всего лишь за две недели до нападения советская разведка наконец стала рассматривать возможность нанесения удара на центральном участке, по линии Минск — Москва, а не на Украине{1266}. Кобулов в Берлине был того же мнения. Он определил местонахождение главных штаб-квартир групп армий в Кенигсберге, Алленштайне, Варшаве, Люблине и в районе Замостья — Красностава — Янова к югу от Кракова. Кроме того, отборные немецкие части отправлялись в Ченстохов, Катовицы, Краков, Лодзь, Познань, Бреслау, Данциг, Штеттин и Бромберг, на центрально-западный участок. Ахиллесовой пятой его донесения было отсутствие сведений о реальных планах; только "Старшина" мог бы заполучить их, но с риском провалить всю берлинскую сеть{1267}.

Жуков и Тимошенко не оставляли без внимания непрерывный поток информации, так же как и полевые командиры. Жуков был вынужден отменить изданный Кирпоносом приказ командующим силами прикрытия развернуть войска в буферной зоне между укрепрайонами и границей, о котором НКГБ донес Сталину. Такой приказ, вторил Сталину Жуков, может "спровоцировать немцев на вооруженное столкновение"{1268}. Кирпонос, однако, не успокоился и просил разрешения на проведение особых мероприятий "в целях усиления боеготовности" Киевского военного округа. К 1 июля он намеревался послать ряд стрелковых дивизий на передовые позиции и полностью привести в рабочее состояние

построенные на границе аэродромы. По его мнению, приложив огромные усилия, он мог бы обеспечить эффективную оборону на своем фронте к октябрю/ноябрю месяцу. Однако в настоящий момент у него не было даже полумиллиона рублей, в которых он отчаянно нуждался, чтобы создать инфраструктуру для усиления войск{1269}.

Удерживая местное командование от одностороннмх действий, Жуков в то же время поощрял их вести приготовления постольку, поскольку это не вызовет гнева Сталина. Чтобы сократить время приведения сил прикрытия в боевую готовность после объявления военной тревоги, местное командование получило приказ подготовить для войны боеприпасы и снаряжение. Патроны в пулеметных лентах, хранившихся в ящиках на складах, отсырели и требовали просушки. В чрезвычайной ситуации их следовало просушивать и менять каждые два месяца. Половину снарядов и ручных гранат на резервных складах [315] следовало расконсервировать и распределить по артиллерийским соединениям сил прикрытия, которые должны были находиться в состоянии полной боеготовности. Необходимо было также подготовить и раздать сухие пайки, наладить работу полевых кухонь и других служб тыла. Половине танковых соединений приказали заправиться горючим и быть готовыми к боевым действиям. Время приведения в боевую готовность по тревоге было сокращено до двух часов для стрелковых дивизий и трех — для мотопехотных и артиллерийских{1270}.

Проверяя положение дел с проведением мобилизации, Ватутин, занимавшийся оперативным планированием, обнаружил, что пока мобилизованы 303 дивизии. 186 из них развернуты вдоль западной границы, в их числе 120 стрелковых, 40 танковых, 20 механизированных и 6 кавалерийских. Они были более или менее равномерно распределены между южным, центральным и северным фронтами. Второй эшелон, резерв Главного командования, который должен был быть размещен в окрестностях Москвы, находился пока в зачаточном состоянии. Что касается авиации, из 159 авиаполков на западе 18 размещались на севере, 13 на северо-западе и 21 на центральном западном фронте (всего 52), в сравнении с 85, размещенными на юго-западном фронте и 29, оставленными в резерве Главного командования. Таким образом, мобилизация была еще в самом начале: второй эшелон пока не сформирован, а необходимость защищать протяженную границу приводила к распылению сил прикрытия и опасным разрывам в обороне{1271}.

В ночь с 11 на 12 июня Жуков и Тимошенко попросили разрешения привести в действие план развертывания, разработанный ими в апреле и мае. Это позволило бы двинуть силы прикрытия на передовые рубежи и создать благоприятные условия для ведения оборонительной войны. Сталин категорически отверг их предложения, посоветовав почитать прессу на следующий день. Можно представить себе, как ошарашило их наутро коммюнике ТАСС, отрицавшее возможность войны{1272}. Тем не менее, ответственность за подготовку армии к войне по-прежнему лежала на их плечах. Когда они стали настаивать на своем требовании привести войска в боевую готовность, Сталин сказал: "С Германией у нас договор о ненападении... Германия по уши увязла в войне на Западе, и я верю в то, что Гитлер не рискнет создать для себя второй фронт, напав на Советский Союз. Гитлер не такой дурак, чтобы не понять, что Советский Союз — это не Польша, это не Франция и что это даже не Англия". Он рассердился: "Вы что же, предлагаете провести в стране мобилизацию, поднять сейчас войска и двинуть их к западным границам? Это же война!" Тимошенко и Жуков покидали Кремль с тяжелым сердцем{1273}.

13 июня Жуков и Тимошенко модернизировали план обороны для сил прикрытия Прибалтийского и Западного округов. План подразумевал завершение наращивания сил немцами и признавал наличие главной угрозы на центральном участке. Задачи, поставленные командующим округами, ясно говорят о характере угрозы и оборонительной диспозиции войск:

"II. Задачи сил прикрытия

а) Препятствовать вторжению сухопутных или воздушных сил противника на территорию Прибалтийского военного округа. [316]

б) Вести упорную оборону на государственной границе и границах укрепленных районов, чтобы сдержать атаку противника и дать возможность осуществить мобилизацию, наращивание и развертывание сил округа.

в) Организовать оборону побережья и островов Даго и Эзель в сотрудничестве с КБФ, чтобы предотвратить высадку морского десанта противника..."

Другие приказы были написаны по такому же образцу. Остальная часть документа касалась развертывания различных сил прикрытия и координации их действий с УР. Недостаток плана — сильное сосредоточение крупных сил вблизи границы, в отрыве от укрепрайонов и слишком далеко от тех мест, которые они должны были защищать. Решение использовать первый эшелон для операций в глубину в

контрнаступлении — ключевой принцип оперативной системы Жукова — не соответствовало обстановке{1274}.

Отказ Сталина разрешить силам прикрытия занять боевые позиции компенсировался усилением первого эшелона на различных фронтах, которое проводилось в рамках строгих ограничений, навязанных им. В результате встречи со Сталиным поздней ночью 11 июня Жуков получил разрешение перебросить на западный фронт 51-й стрелковый корпус, включающий 98-ю, 112-ю и 153-ю дивизии, и 63-й корпус, включающий 53-ю и 148-ю дивизии, вместе с 22-м инженерным полком. Переброска должна была закончиться к 2 июля. Было поставлено условие соблюдать строгую секретность при передвижении, чтобы немцы не могли счесть его провокацией. Только членам Военного совета Западного округа следовало знать о переброске войск запрещалось говорить о прибытии частей по телефону или телеграфу. Материально-технические средства на фронте должны были отпускаться не по номерам частей, а по специальным кодовым обозначениям{1275}.

Через день Жуков предпринял такие же шаги для спешного укрепления обороны Киевского военного округа путем развертывания там 16-й армии. Планировалось начать его немедленно и закончить к 10 июля. Принимались меры по обеспечению строгой секретности передвижений. Специально отобранные офицеры следили за выгрузкой войск. На станциях и в близлежащей местности вводилась жесткая дисциплина. Эшелоны следовало расформировывать немедленно по прибытии в пункты назначения. На марш войска должны были отправляться небольшими формированиями, не дожидаясь, пока соберется вся дивизия. Жуков требовал рапортовать ему ежедневно о ходе развертывания и выполнении инструкций{1276}. На следующий день после того, как Жуков не дал Кирпоносу приступить к осуществлению плана обороны, он все-таки издал приказ о приведении округа в боевую готовность к 1 июля 1941 г.{1277}. Северу уделялось меньше внимания, хотя Прибалтийский округ был усилен тремя легкими бронепоездами{1278}.

Наконец, 19 июня Жуков издал чрезвычайные директивы по обеспечению маскировки военных объектов. Теперь, когда вооруженное столкновение казалось неминуемым, стало очевидно, что истребители не замаскированы должным образом. Артиллерия и механизированные соединения тоже были слишком беззащитны, размещенные большими группами в линейных порядках, делавших

их легкой добычей [317] для врага. Танки и бронемашины были выкрашены в яркие цвета, и поэтому их можно было обнаружить не только с воздуха, но и с земли. Не были надлежащим образом замаскированы склады и прочие военные сооружения. Был составлен обширный план по устранению всех этих недостатков: на всех аэродромах к 1 июля следовало высадить траву, чтобы они сливались с окружающей природной средой, взлетные полосы покрасить и все воздушные базы привести во внешнее соответствие с окружающей местностью. Все здания покрасить, резервуары с горючим зарыть под землю. Самолеты рассредоточить между аэродромами и замаскировать. Соорудить ложные аэродромы на расстоянии 500 км от границы с 40 — 60 макетами самолетов на каждом. Операция должна была быть завершена к 15 июля{1279}.

Отвлекающий маневр на Среднем Востоке: ошибка британской разведки

Пойдя на поводу у своих заблуждений по поводу близкого германо-советского альянса, англичане никогда всерьез не рассматривали войну на востоке как путь к спасению; они зря тратили силы, чтобы сдержать Гитлера на Балканах, надеясь на помощь Турции. Не произошло больших сдвигов в английской стратегии, во всяком случае на европейской арене, и тогда, когда стала ясна вероятность скорой войны, всего за две недели до нападения Германии на Советский Союз. Средний Восток и Северная Африка по-прежнему считались тем местом, где может быть нанесено окончательное поражение Германии. Таким образом, развитие конфликта на советской границе рассматривалось как второстепенный вопрос стратегии, направленной на сохранение господства на Среднем Востоке{1280}.

Если что и объединяло англичан и русских накануне войны, так это убеждение, будто военным действиям будет предшествовать германский ультиматум и, возможно, соглашение. Даже когда Криппс сообщил Идену достоверную информацию о планах немцев в начале марта{1281}, он испортил весь эффект от своего предупреждения, высказав предположение, что все это может быть "частью войны нервов... немцы организуют кампанию, в результате которой с помощью обещаний и запугивания вынудят [Советский Союз] пойти на альянс. Атака последует, только если давление не возымеет действия". Теория "войны нервов" так хорошо согласовалась с английской концепцией, что это помешало Форин Оффис передать предупреждение Москве, из опасения, что русские "играют в немецкую игру"{1282}.

Подобно тому как случилось в Москве, выводы Объединенного комитета разведки просочились в различные посольства, породив множество слухов такого рода. Толстые папки в Форин Оффис, где собраны всякие прогнозы, полны подобных донесений. Всего один пример: как сообщал Идену 1 мая британский посол в Японии, он узнал "из надежного источника", что "нападение Германии Советской России в ближайшее время не угрожает, а недавние слухи распространило германское правительство, чтобы: а) усилить страх Советов перед вторжением; б) заставить Советы присоединиться к Тройственному союзу и в) стимулировать поставки сырья". Предвзятость мешала верно оценить самые откровенные признания, не давая заметить очевидное. "Компания Макса считает, — цитировал посол свой [318] источник, — что вторжение — дело решенное, но, по их мнению, по крайней мере столько же шансов на то, что Сталин не будет сопротивляться", — таким образом, a priori предполагалось существование синдрома ультиматума. Даже когда немецкие источники "отвергали мысль, будто все это — часть войны нервов", посол настаивал на том, что "это, тем не менее, кажется более вероятным объяснением"{1283}.

Немногие задумчиво хмурили брови, наблюдая широкомасштабные приготовления немцев. Проф. Постан, известный медиевист из Кембриджа и глава Русского департамента МВЭ, осмелился предположить, что Гитлера толкают к войне "почти исключительно по сугубо военным причинам, т.е. потому, что желательно разделаться с Советами, а с военной точки зрения, в нынешний сезон представляется гораздо более благоприятный случай для этого, чем в последующие годы". Пытаясь примирить возрастающий поток неопровержимой информации с предвзятыми концепциями, разведка предпочла занять выжидательную позицию, высказывая мнение, что еще не решено, "подвергнется ли Россия нападению или ее угрозами убедят уступить желаниям немцев"{1284}. Пусть и не доводя свои аргументы до логического конца, Кэвендиш-Бентинк, председатель Объединенного комитета разведки, задавался вопросом, почему германское Верховное командование возлагает столь тяжкое бремя на экономику, увеличивая размеры армии до 250 дивизий. "Русские, — отмечал он, — и в лучшие времена могли свести с ума тех, кто имел с ними дело, а Гитлер, человек мстительный и злопамятный, наверняка может предъявить им большой счет за уловки и двойную игру, которые они несомненно позволяли себе после августа 1939, пока считали, что поставили немцев в невыгодное положение. Кроме того,

Гитлер рано или поздно вернется к заповедям "Майн Кампф": on revient toujours a ses premiers amours!{*21}"{1285}

Точно так же и Черчилль размышлял, не указывает ли массовое сосредоточение войск на решение Гитлера захватить Украину и Кавказ, "тем самым обеспечивая себя зерном и нефтью". Но он колебался, полагая, что скоро грядет "либо война, либо стычка"{1286}.

Любые сведения, не укладывающиеся в схему, отбрасывались. Когда, к примеру, один шведский бизнесмен сообщил о признании Геринга, что Германия нападет на Советский Союз около 15 июня, Иден небрежно заметил: "15 июня называют так часто, что это становится подозрительным". Такая же информация от Коллонтай, советского посла в Стокгольме, была отвергнута на том основании, что, "если м-м Коллонтай говорит, что не знает о каких-либо политических переговорах, это еще ничего не значит"{1287}. Даже когда вероятность вторжения стала очевидной, в Форин Оффис это интерпретировали так:

"Последние сведения нашей разведки о передвижениях войск и т.д. определенно указывают на решительные приготовления немцев к вторжению на советскую территорию; иными словами, указывают на намерение немцев предъявить Сталину столь далеко идущие требования, что ему останется либо сражаться, либо согласиться на "Мюнхен""{1288}. [319]

Поэтому в месяц, предшествующий нападению Германии на СССР, усилия англичан в первую очередь были направлены на то, чтобы предотвратить воображаемые переговоры. По иронии судьбы, эти их весьма заметные усилия лишь укрепляли иллюзии Сталина по поводу достижимости соглашения. Таким образом, взаимодействуя по принципу обратной связи, системы британской и советской разведки поддерживали заблуждения друг друга.

Иден и Криппс неустанно старались сорвать "соглашение", которое, по их мнению, должен был заключить Шуленбург по возвращении из Берлина в начале мая. Гитлер, полагали они, готовился к выяснению отношений со Сталиным, подкрепленному значительным сосредоточением войск на границе. Он вызовет Сталина к границе и предъявит ультиматум, который тот должен будет немедленно принять. Криппс, по крайней мере, считал, что Сталин пойдет на все, чтобы задобрить Гитлера, из страха перед англо-германским примирением{1289}. Слухи из Москвы о подавленном состоянии Шуленбурга после возвращения из Берлина не слишком повредили этой концепции. Тот факт, что он уже собирал

вещи, мог значить всего лишь, что его "заменят на более крутого наци, который лучше сумеет угрожать и давить"{1290}.

Чтобы свести к минимуму вред от соглашения, необходимо было реконструировать его условия. Обманутые динамикой войны, когда Гитлер, казалось, систематически создавал плацдарм для расширения войны на Средний Восток, многие наблюдатели полагали следующей жертвой Турцию. Такая возможность означала катастрофические последствия для английской стратегии, позволяя немцам проникнуть на Средний Восток через заднюю дверь{1291}. Саракоглу, турецкий министр иностранных дел, хотя и заявлял, что имеет лишь "смутные" мысли по поводу намерений Германии, все же настаивал на том, что немцы и русские "уже ведут предварительные переговоры или находятся на пороге переговоров, которые могут завершиться даже военным альянсом". По его мнению, Советский Союз добьется соглашения "в ущерб целому ряду стран, к которым следует причислить и Турцию"{1292}. Поскольку слухи и достоверные сведения совершенно перемешались, Криппс вскоре тоже пришел к выводу, что в Берлине ведутся "некие переговоры" и вероятным их результатом будет урегулирование вопроса о переброске немецких войск через южную Россию на Средний Восток и в Иран{1293}.

23 мая Объединенный комитет разведки с заметным беспокойством констатировал: "Хотя уже несколько недель по всей Европе ходят слухи о скором нападении Германии на СССР, сейчас мы видим обратное. Некоторые признаки позволяют предположить, что в ближайшее время будет заключено новое соглашение между двумя странами". "Широкомасштабное соглашение", по-видимому, будет охватывать "экономические, политические и военные вопросы". Политическое сотрудничество, заявил комитет, "будет направлено на захват Среднего Востока"{1294}. Три дня спустя военная разведка с достаточной уверенностью высказала предположение, что суть соглашения будет заключаться в "разделе сфер влияния на Среднем Востоке, а немецкие войска, собранные во Львове, пройдут через Советский Союз в Иран с согласия русских"{1295}. Поэтому в качестве первоочередных мер следовало предостеречь турок от "немецкой ловушки" и посоветовать им не [320] делать "ничего, что могло бы вызвать подозрения или возмущение Советов и сблизить Сталина с Германией"{1296}.

Однако сокрушительное поражение в Греции и на Крите ослабило влияние Англии на Турцию. Гитлеру, с другой стороны, было жизненно важно заключить пакт о ненападении с Турцией, чтобы осуществить операцию "Барбаросса". Соглашение, подрывающее сотрудничество Турции с Англией, снимало потенциальную угрозу его правому флангу. Приманкой служило предложение греческой Фракии в обмен на право переброски войск и военных грузов через Турцию. Как и болгары, турки упорно не соглашались ни на какие условия, которые могли бы затронуть их отношения с русскими. Они боялись, что такое соглашение или приведет к англо-советскому сотрудничеству, или вызовет восстание, как в Югославии{1297}.

Иден был застигнут врасплох. Он не оценил всю глубину подозрений турок относительно Советского Союза после визита Молотова в Берлин; кроме того, он склонялся к мысли, что готовится советско-германское соглашение за счет Турции. Его отчаянные попытки в последнюю минуту свести вместе Турцию и Советский Союз провалились. Турки, как отметили в Форин Оффис, "всячески выказывали свое недоверие к русским". 16 июня Кэдогану пришлось признать неудачными запоздалые потуги вдохнуть жизнь в останки Балканской антанты. Как ему показалось, турки стояли "на пороге подписания соглашения с немцами, явно не собираясь ничего говорить об этом Москве"{1298}.

Гитлер откладывал пакт с турками до самого последнего момента перед началом операции "Барбаросса". А уж тогда от них потребовали подписать соглашение "немедленно". Чтобы предупредить реакцию Советов, а также сделать более податливыми турок, была организована утечка в прессу информации о заявленных Молотовым ранее претензиях на базы на Босфоре. Спешка при подписании соглашения позволила туркам ограничиться пактом о ненападении, сохранить нейтральную позицию и избежать пресловутых секретных протоколов, к которым вынудили их балканских соседей{1299}. Турки испытали откровенное облегчение после объявления войны. Саракоглу, сообщал в Берлин Папен, "вынужден был отключить телефон, чтобы избавиться от поздравлений". До самого последнего момента он явно боялся советско-германского соглашения на принципах, предложенных Молотовым во время его визита в Берлин, которое перенесло бы войну в Средиземноморье и поставило под угрозу суверенитет Турции{1300}. Это был несомненно поразительный успех турецкой дипломатии, хотя в конечном счете, как и в XIX веке, важнейшее геополитическое положение Турции сделало ее площадкой для игр великих держав. То, что ей удалось

сохранить нейтралитет на все время, пока шла война, — результат не только искусной дипломатии, но и неожиданной поломки германской военной машины на русском фронте.

Британское правительство твердо намерено было помешать германо-советскому соглашению, подрывавшему его стратегию на Среднем Востоке. Сталин, стараясь задобрить Германию, признал прогермански ориентированное правительство Рашида Али после переворота в Ираке в начале мая, и это придало вес идее о создающейся новой советско-германской общности интересов. Батлер предупредил Майского, что такие действия произвели "чрезвычайно неприятное впечатление"{1301}. [321]

Однако все попытки Идена выжать из Майского информацию о намерениях Сталина на их встрече 27 мая не принесли плодов. Майский пришел в сопровождении своей "тени" Новикова, явно чувствовал себя как в смирительной рубашке и перешел к обычным жалобам по поводу кампании в прессе, возбуждавшей всевозможные слухи, от предположений, что переговоры о германо-советском военном альянсе идут полным ходом, до предсказаний скорого нападения Германии на Украину и Кавказ. Идена вряд ли устраивал такой поворот, а Майского отнюдь не успокоило заявление Идена о грядущей эвакуации с Крита, явно ставившей Англию в уязвимое положение, если речь зайдет о возможном мире с Германией{1302}.

В июне англичане рассматривали назревавший конфликт на восточном фронте почти исключительно с точки зрения средневосточных перспектив. Как опасался Криппс, после сокрушительных поражений, которые потерпела Англия, уже ничто не мешало Сталину вести активную политику на Среднем Востоке. Вместо того чтобы делать "действительно опасные экономические уступки", он мог соблазниться возможностью пропустить немецкие войска через южную Россию к Персии и Ближнему Востоку. Только "решительная политика на Среднем Востоке" могла предотвратить такое развитие событий{1303}. Криппс сообщил Идену, что Сталин "не подвержен ни прогерманским, ни про-каким-либо-еще настроениям, кроме просоветских и просталинских. Он питает не больше симпатии или антипатии к нам, чем к Германии, и всегда будет стараться использовать любую страну, чтобы достичь своей цели — оставаться в стороне от войны так долго, как это будет возможно, не подвергая опасности свой режим или советскую власть". Тем не менее, оба согласились, что ключ к будущему — в развитии событий на

Ближнем Востоке{1304}. Кабинет предупредили о возможности того, что Сталин уступит требованиям немцев и нанесет ущерб английским интересам, разрешив вермахту "...свободный проход севернее Черного моря через Кавказ в Ирак и Иран. Это позволит обойти с фланга наши позиции на Среднем Востоке, и, если так и случится в ближайшем будущем, мы можем не успеть принять эффективные контрмеры"{1305}.

Первейшей заботой Идена было предотвратить германо-советское соглашение, так чтобы не возбудить у Москвы подозрений, будто он стремится втянуть Советский Союз в войну. Тревога его была велика, так как, по его мнению, давление Германии на СССР достигло таких размеров, что русские должны будут "уступить, пока с них не сняли шкуру"{1306}. В разговорах с Майским он старался внушить ему, что у Англии "хватит силы и решимости, чтобы защитить [свое] положение и интересы на Среднем Востоке". Но этот внезапный поворот к теме Среднего Востока, очевидно, совершенно не трогал русских, которые на самом деле не вели никаких переговоров с немцами. Главнокомандующий на Среднем Востоке получил приказ готовиться к оккупации Ирака, которая дала бы Королевской авиации возможность устроить "величайший за все время существования пожар" на бакинских нефтепромыслах. Идея угрожать Советскому Союзу бомбардировкой Баку, имевшая столь тяжкие последствия для Большого Альянса, вновь была оставлена из-за соображений, связанных с проблемой нарушения воздушного пространства Турции и Ирана{1307}. [322]

Взаимные подозрения приводили обе стороны к фатальному непониманию, все больше мешая им должным образом оценить надвигающуюся опасность. Стремление сохранить господство на Среднем Востоке продемонстрировали оккупация Сирии в начале июня и постоянное подзуживание Черчиллем генерала Уэйвелла, чтобы тот начал операцию "Алебарда" — контрнаступление против Роммеля — в середине месяца{1308}. Заговорив о признании Советским Союзом мятежного режима Рашида Али в Ираке, Иден вновь повторил Майскому на их встрече 2 июня, что британское правительство твердо намерено сохранить превосходство на всем Среднем Востоке, включая Иран и Афганистан. Он выразил надежду, что Германии не удастся спровоцировать конфликт между Советским Союзом и Великобританией в этом регионе. Майского гораздо больше интересовало, не уступит ли Англия Германии на Среднем Востоке, как она сделала это в Греции и на Крите. Зная ход рассуждений Сталина, он поспешил

уведомить последнего о существовании в Кабинете вроде бы противоречивых истолкований намерений Германии относительно СССР. Черчилль, по-видимому, теперь считал, что не слухи, а вполне конкретные сведения указывают на наступательные цели развертывания германской армии на советской границе. Это только усилило бы в Москве подозрения, будто Черчилль in extremis{*22} старается втянуть СССР в войну в тот чрезвычайно ответственный и деликатный момент, когда в Кремле с нетерпением ожидают предложений Гитлера. Поэтому Майский сделал акцент на другой точке зрения, высказанной Иденом: развертывание войск выглядит "как прелюдия к нападению на Советский Союз", но он склонен "думать, что данное сосредоточение сил — один из ходов Гитлера в "войне нервов" с Советским Союзом и Турцией". В данных обстоятельствах все, что мог сделать Майский, это, не сосредоточиваясь на сути предупреждения и в соответствии со строгими инструкциями из Москвы, заявить, что "товарищ Сталин не трус" и потому не имеет смысла пугать Советский Союз Германией. Красная Армия, напомнил он Идену, хорошо оснащена, "и ей не придется сражаться палками, как в последнее время". По словам Идена, "пока м-р Майский с пафосом произносил это заявление, мне казалось, что он старается убедить самого себя, как всегда"{1309}.

Коммюнике ТАСС

Ввиду угрозы, представляемой британским интересам на Среднем Востоке гипотетическим германо-советским соглашением, Криппса неожиданно срочно отозвали для консультаций. Целью отзыва было не заложить основы англо-советского альянса в предвидении близкой войны (как стали считать впоследствии), а найти способы помешать русским сделать уступки Германии на Среднем Востоке{1310}. Манера, в которой это решение проводилось в жизнь, действительно сбивает с толку. Когда Иден вернулся со Среднего Востока в середине апреля, в Северном департаменте чуть не поднялся открытый мятеж из-за "периодического нежелания Криппса следовать инструкциям, которое одновременно сочеталось с тенденцией предпринимать самостоятельные [323] действия, не ставя об этом в известность". Тогда было выдвинуто требование незамедлительно вернуть Криппса домой, не только для консультаций, но главным образом для "инструктирования". Иден, однако, отказался сделать это, вероятно, под влиянием мысли, что, оказавшись в Лондоне, Криппс "увлечется политикой

здесь и не захочет возвращаться". Кэдоган тоже выразил некоторую озабоченность по поводу того, как русские истолкуют отзыв Криппса. В результате сошлись на том, что Криппс "не должен оставлять свой пост при виде сгущающихся туч, а устроить срочную эвакуацию его свинарника довольно затруднительно"{1311}.

Из соображений личной безопасности Криппса во время его полета в Англию было принято решение не объявлять о его отзыве. Однако, когда известие о нем все же просочилось в прессу, никто и не думал о чувствах Советов. Объявление появилось во всех агентствах новостей 6 июня и "вызвало настоящую сенсацию среди журналистов всех национальностей в Лондоне и нелепые домыслы относительно причин поездки". Домыслы в основном сводились к предположению о "внезапном ухудшении англо-русских отношений". В конце концов широко распространилось убеждение, будто в самом разгаре интенсивные переговоры русских с немцами, и чиновникам Уайтхолла даже не приходило в голову, что русские и сами могут заподозрить, будто такие же переговоры имеют место в Лондоне{1312}.

Майский тут же потребовал объяснений от Уайтхолла; но его подозрения лишь усилились, когда Иден небрежно ответил, что "это обычная практика — стараться сохранять связь с отдаленными посольствами" и что "[Криппсу] во всех отношениях полезно съездить домой и ознакомиться с положением здесь". Это заявление противоречило информации, полученной Майским из Москвы, из Наркомата иностранных дел. В последней попытке помешать русским уступить воображаемым требованиям немцев Криппс, как оказалось, позволил себе еще одну несанкционированную угрозу Вышинскому во время их короткой пятнадцатиминутной встречи. Убежденный в том, что русские находятся на пороге соглашения с Германией, он рассказал, что уезжает для консультаций, но может и не вернуться в Москву. Сталину и Молотову давался еще один шанс поговорить с ним до его отъезда, если они захотят. Криппс попрощался с Вышинским, поблагодарив его "за внимательное к нему отношение в течение всего "бесплодного" года"{1313}. Отъезд совпал с эвакуацией работников посольства и их семей посреди растущих слухов о скором германо-советском столкновении. Леди Криппс уехала с мужем, а его дочь эвакуировалась в Тегеран. Отзыв Криппса сопровождался шумной кампанией в английской прессе, которая привела советское правительство к "другому заключению" — будто англичане

действительно толкают СССР к войне. Майский снова настоятельно потребовал от Идена, в качестве необходимого условия для какого-либо сближения, чтобы тот взял под контроль прессу{1314}.

Майский так забеспокоился, что поспешил выяснить причины возвращения Криппса. Предпочтение, отдаваемое им в разговорах теме дела Гесса, не оставляет сомнений в том, как это дело повлияло на истолкование отзыва Криппса. Затем Майский проявлял заметный интерес к реакции англичан на немецкое вторжение в Сирию и Ирак — это служило тестом для определения решимости Англии оставаться на [324] поле сражения. Он хотел знать, почему английская армия не "ведет уже активных действий в Сирии. Робкая политика не только обречена на провал, но и может вызвать неблагоприятную реакцию других стран, включая Советский Союз"{1315}.

Интерпретации, данной отзыву Криппса, соответствовали косвенные признаки, указывающие на то, что американцы заставляют Черчилля рассмотреть пробные примирительные попытки немцев и пожертвовать Советским Союзом. Почти в тот же день, когда Криппс покинул Москву, Джон Уайнент, недавно назначенный американский посол в Лондоне, отбыл в Вашингтон для консультаций. Это вновь вызвало к жизни предположения, порождённые делом Гесса, будто обсуждается сепаратный мир{1316}. Подобные слухи исходили из таких достойных доверия источников, как, например, экс-президент Герберт Гувер. Еще больше встревожило русских, что прибытие Уайнента словно ускорило заметное ухудшение американо-советских отношений: 10 июня два советских помощника военного атташе были высланы из Соединенных Штатов{1317}.

Возродился и интерес к Гессу, который тогда беседовал с лордом Саймоном. При царящей в Москве крайней подозрительности отзыв Криппса в сочетании с дезинформацией о характере поездки, распространяемой Форин Оффис, казалось, придавал вес гипотезе, что за кулисами все-таки разрабатывается какое-то соглашение, развязывающее Гитлеру руки на востоке. В крайнем случае всегда оставалась возможность того, что, даже если мирные предложения останутся без ответа, все же Англия продемонстрирует немцам свое желание остаться в стороне в случае войны с Советским Союзом. Кроме того, немцев могли спровоцировать повернуть на восток, если бы они заподозрили, будто отзыв Криппса означает консультации по поводу англо-советского сближения. Наказание, постигшее Югославию за ее обращение к Советскому Союзу, было еще свежо в

памяти{1318}. Это укрепило в Москве ощущение, что Германию подталкивают к вооруженному конфликту с СССР.

Риск, который брал на себя Сталин, возрос. Он едва удерживал военных от активных оборонительных мер, тогда как разведка, находясь под чудовищным давлением, все же приносила ужасные новости. Он не мог больше закрывать глаза на развертывание немецких войск. Загнанный в угол, Сталин теперь склонен был даже решительнее, чем прежде, отворачиваться от реальной опасности, считая англичан негодяями, желающими лишить его политических выгод, спровоцировав преждевременную войну. Единственное оружие оставалось в его истощающемся арсенале — инициатива, которую они обсуждали с Шуленбургом месяцем раньше. Если удастся, официальное опровержение ТАСС побудит немцев ответить. Поэтому у коммюнике была двойная цель — добиться отрицательного ответа немцев и продемонстрировать им, что Советский Союз не сговаривается с англичанами и удовлетворяет желание Гитлера, пресекая подобные слухи.

Молотов дал довольно верное, хотя краткое и неполное, объяснение причин, побудивших Сталина выпустить коммюнике:

"Сообщение ТАСС нужно было как последнее средство. Если бы мы на лето оттянули войну, с осени было бы очень трудно ее начать. До сих пор удавалось дипломатически оттянуть войну, а когда это не [325] удастся, никто не мог заранее сказать. А промолчать — значит вызвать нападение"{1319}.

В своих мемуарах Майский преувеличивает свои предупреждения Сталину. Он намеренно обманывает читателей, уверяя, будто 10 июня передал в Москву "срочную" шифрованную телеграмму с конкретными сведениями, полученными от Кэдогана. Он заявляет, что поэтому был "крайне изумлен", когда получил ответ Сталина в виде коммюнике, опубликованного 14 июня. Однако это коммюнике являлось логическим следствием взглядов самого Майского, приписывавшего распространение слухов Черчиллю и британскому правительству. Встреча с Кэдоганом, заронившая сомнения в обоснованности его оценок, состоялась только 16 июня{1320}. Майский несколько раз повторяет в мемуарах, что "стрела, пущенная в сторону Англии в начале коммюнике ТАСС, не оставляла сомнений в том, что оно являлось ответом на предупреждение, переданное Кэдоганом"{1321}. Его навязчивое возвращение снова и снова к этому коммюнике резко контрастирует со скупым освещением событий перед самой войной. На нем акцентируется внимание, чтобы утаить тот факт, что важная встреча с Кэдоганом,

на которой Майский получил подробные сведения о сосредоточении сил немцев, состоялась не 10 июня, как он заявляет, а 16-го, после публикации коммюнике. С помощью откровенной лжи Майский старался скрыть собственный вклад в создание самообмана, под влиянием которого находился Кремль накануне войны.

Ключ к истине можно найти, обратившись к содержанию коммюнике и крайне тщательно подобранным выражениям в нем. "Стрела", якобы озадачившая Майского, представляла собой следующее:

"Еще до приезда английского посла в СССР г-на Криппса в Лондон, особенно же после его приезда (курсив мой — Г.Г.) в английской и вообще в иностранной печати стали муссироваться слухи о "близости войны между СССР и Германией"... Эти слухи являются неуклюже состряпанной пропагандой... сил, заинтересованных в дальнейшем расширении и развязывании войны". Вышинский действительно задним числом утверждал, что "после прибытия Криппса в Лондон английская пресса особенно стала муссировать слухи о предстоящем нападении Германии на СССР". В коммюнике поэтому говорится о слухах в Лондоне "до и после приезда Криппса в Лондон"{1322}.

Криппс приехал в Лондон только вечером 11 июня, а в коммюнике упоминаются заголовки английских газет 12 июня, гласившие, что "стало заметно некоторое обострение германо-советских отношений"{1323}. Под заголовком: "Сэр С. Криппс возвращается; Возможные переговоры с Россией; Надежда на лучшие отношения" — "Санди Тайме", к примеру, давала комментарий, что Советский Союз прилагает все усилия, чтобы улучшить отношения с Англией и тем самым предотвратить германскую агрессию{1324}. Практически только Майский мог быть источником для подбора и анализа комментариев английской прессы. В разговоре с И.Макдональдом, политическим обозревателем "Тайме", вечером 12 июня он действительно резко порицал, как он считал, "трюк Форин Оффис во всех вчерашних утренних газетах. Подобная официальная кампания... произведет наихудший эффект в Москве". Все попытки Макдональда доказать независимость своей позиции он пропускал мимо ушей. "Посол, — заключал [326] Макдональд, — кажется, даже немного обиделся, что я рассказываю ему такие небылицы; он мне явно не поверил"{1325}.

Полностью вторя Кремлю, Майский приписывал Черчиллю нарастающую лавину слухов, порожденных внезапным приездом Криппса в Лондон. В письме к Идену он подтверждал, что коммюнике вызвано слухами о скорой войне,

распространившимися после возвращения Криппса, "и особенно в связи с сообщением в прессе, будто в разговоре с премьер-министром сэр Стаффорд выразил мнение, что война между СССР и Германией неизбежна в ближайшем будущем"{1326}. К такому выводу его привела встреча Черчилля с главными редакторами национальных ежедневных газет 7 июня. Атакуемый вопросами о военном курсе, Черчилль предложил: "Лучше всего следовать естественному ходу событий. Столкновение между Германией и Советским Союзом неизбежно. Сосредоточение германских сил на советской границе идет ускоренным темпом. Нам нужно подождать своего часа..." По мнению Майского, именно там и тогда Черчилль велел Даффу Куперу, министру информации, развернуть кампанию по поводу скорой войны{1327}. У Департамента новостей Форин Оффис от контактов с представителем ТАСС в Лондоне осталось четкое впечатление, что советское посольство подозревает правительство Его Величества в распространении слухов о грядущем конфликте как попытке подтолкнуть Советский Союз к войне. В Кремле уверенность, будто Черчилль в отчаянии изо всех сил стремится втянуть СССР в войну, господствовала до такой степени, что в меморандуме для служебного пользования Наркомата иностранных дел телеграммы Майского за весь год подверглись тщательному анализу, позволившему сделать ясный вывод о враждебности как руководящем принципе британской политики{1328}.

Таким образом, Майский вторил своему кремлевскому хозяину, продолжая придерживаться мнения, что Черчилль препятствует достижению согласия между Советами и Германией. Он дал довольно верную картину того, каких условий соглашения ожидает Сталин:

"Если все дело в поставках лишних трех или четырех миллионов тонн фуража, — тут он сделал пренебрежительное движение рукой, словно показывая воображаемые горы фуража, громоздящиеся на Кенсингтон Плейс Гарденс (советское посольство в Лондоне. — Г.Г.), - то Москва готова дать их. Мы всегда рады отогнать пожар войны от нашего порога, — сказал он, — и выбираем средства, которые лучше всего нам подходят. Но мы, разумеется, не допустим ревизоров на наши железные дороги или технических специалистов на наши фабрики. Это глупое предложение, и Сталин никогда на него не согласится"{1329}.

На следующий день, еще до выхода официального опровержения, Майский заявил Идену о своей озабоченности по поводу "определенного типа сообщений",

которые его правительство не может расценивать как выражение независимых мнений{1330}. Доля истины в этом была. Без ведома Криппса, а возможно, также и Идена, сам Форин Оффис провел брифинг для прессы по данной теме{1331}. О мотивах можно только догадываться, во всяком случае Кэдоган лелеял тайную надежду, как он признавался в своем дневнике, что русские "не уступят и не сдадут сразу своих позиций... Как бы мне хотелось посмотреть, как Германия растрачивает там свои силы"{1332}. Слухи действительно могли дать основания для подозрений, что Англия стремится подтолкнуть [327] немцев к натиску на восток: в них особенно муссировались выводы разведки, будто блицкриг в России будет "кампанией малой степени трудности" и взятие Москвы и окружение советских войск будут завершены за "3 — 6 недель"{1333}.

Как видим, целью ловко составленного коммюнике, выпущенного 14 июня, было предотвратить возможную провокацию и примириться с Берлином. После него повсюду заговорили о "подхалимском поведении" Сталина, больше приличествующем "маленькой балканской стране, нежели великой державе". Как было замечено, Коллонтай "сменила тон: теперь она твердит не о том, что Советский Союз в силах отразить любое нападение, а о том, что отношения Советского Союза с Германией совершенно дружеские"{1334}. Обвиняющий перст явно указывал на Англию, хотя она и не называлась прямо; слухи относились на счет сил, "враждебных СССР и Германии... заинтересованных в дальнейшем расширении и развязывании войны". Германию всячески соблазняли выставить свои требования на будущих переговорах. Между тем сосредоточение немецких войск, во избежание провокации, объяснялось как передислокация после балканской кампании, которая "связана... с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям". Советский Союз, защитник мира, остается верен пакту о нейтралитете с Германией, а все слухи о войне являются "лживыми и провокационными". Принимаемые Советами контрмеры изображались летними маневрами Красной Армии{1335}.

Недвусмысленное заявление о том, что никакой советско-английской антанты не создается, как ожидалось, должно было по крайней мере получить подтверждение в Лондоне и пресечь слухи. В Берлине оно должно было вызвать опровержение относительно воинственных замыслов Германии, если не привлечь Гитлера за стол переговоров. Однако его даже не перепечатали немецкие газеты. Единственная реакция на него была отмечена в кругах вермахта, где к нему "отнеслись в

высшей степени иронически"{1336}\ Вечером 14 июня Вышинского послали поболтать с Шуленбургом, но разговор шел о незначительных вопросах двусторонних отношений, и о коммюнике "Шуленбург ни словом не обмолвился"{1337}. В Англии результатом коммюнике стало резкое официальное опровержение выдвинутых против Криппса обвинений, утверждавшее, что слухи исходят "с советской стороны границы"{1338}.

Глава 14. Катастрофа

Самообман

Разведывательная информация, указывающая на скорое начало военных действий, продолжала поступать, и напряжение в Москве нарастало. Аналитикам, обрабатывающим донесения разведки в Берлине, стало крайне трудно игнорировать очевидные свидетельства намерений Гитлера. Неразбериха, царившая перед самой войной, и неоправданная вера Сталина в свою способность предотвратить войну прекрасно просматриваются, когда читаешь отчеты Деканозова, посланные вскоре после его возвращения из Москвы. Если в прошлом он прилагал все усилия, чтобы предупредить Сталина о надвигающейся опасности, то теперь, подобно Голикову, проявлял исключительную осторожность. Он предусмотрительно ссылался на два типа слухов, ходивших в Берлине. Слухи первого типа говорили о неизбежности войны между Германией и СССР. Другие же пророчили возрождение старой традиции близости между двумя странами на основе нового передела сфер влияния и невмешательства Советского Союза в европейские дела. Принятие Сталиным на себя полномочий главы правительства и признание им правительств стран, оккупированных Германией, приветствовались как прелюдия к возобновлению переговоров. С другой стороны, Деканозов был осведомлен о поездке Гитлера и Кейтеля в Данциг и переводе штаба армии на восток. Но в своем заключении он преуменьшал значение этой информации, "отчасти появившейся благодаря слухам о войне с Советским Союзом". Пытаясь потакать известным предубеждениям Сталина, Деканозов все же не мог скрыть собственного мнения, что германское правительство "явно готовит страну к войне с Советским Союзом, привлекая внимание населения к ресурсам Украины и распространяя слухи о слабости Советского Союза, изучая при этом реакцию

немецкого народа". Неделю спустя он вернулся к той же теме, представив мрачный доклад о 170 — 180 дивизиях, большей части германской армии, противостоящих Красной Армии на всей протяженности границы. Если до конца мая на фронт в основном перевозились машины, то с этого момента их сменили тяжелая артиллерия, танки и самолеты. Разведчики с ужасом докладывали о массовой транспортировке войск и снаряжения в ночь с 12 на 13 июня{1339}.

Немцы усиленно распространяли дезинформацию, оказавшуюся смертоносным оружием в атмосфере взаимного недоверия и подозрительности. Противоречивые слухи в Москве и Лондоне играли на руку Геббельсу. В своем дневнике он с большим удовлетворением отмечал, что относительно Советского Союза "нам удалось вызвать огромный поток ложных слухов. Газетные домыслы окончательно запутали дело, так что уже невозможно разобраться, где правда, где ложь. Именно такая атмосфера нам и нужна"{1340}. И.Ф.Филитов, корреспондент ТАСС [333] в Германии и, по сведениям германской разведки, заместитель главы берлинской резидентуры НКГБ, 12 июня получил задание "выяснить, ведет или нет Германия активные переговоры о мире с Англией и следует или нет в дальнейшем ожидать попытки достичь компромисса с Соединенными Штатами". Он должен был дать понять, что "все мы убеждены: существует реальная возможность сохранить нашу мирную политику. Еще есть время..."{1341} В отличие от Деканозова, смягчавшего свои отчеты, но все же предупреждавшего об опасности, Филитов дал слухам оценку, вполне отвечавшую ожиданиям Сталина. Угрозу, по его твердому убеждению, следовало квалифицировать как "гигантский блеф" Гитлера. Он не считал, что война "вдруг разразится завтра", просто немцы оказывают давление "в надежде извлечь кое-какую прибыль, необходимую Гитлеру для продолжения войны..."{1342}

Слухи оказались для Гитлера подарком судьбы. С благословения фюрера Геббельс написал длинную статью под заглавием "Крит как наглядный пример", расписывающую мнимые приготовления Германии к войне в Средиземноморье. Она привлекла большое внимание и широко цитировалась, пока издание внезапно не изъяли из газетных киосков, создавая впечатление, будто статья раскрывает государственные тайны. На самом деле она была так ловко написана, хвастался Геббельс, что "враг мог извлечь из нее все, чему хотел верить в данный момент". Затем немцы максимально воспользовались кампанией в английской прессе, опубликовав множество статей, намекавших, будто уже заложены

соответствующие основы для продолжения переговоров с Москвой. Игнорируя московское коммюнике, Геббельс в то же время поощрял "непрерывное распространение всяческих слухов: мир с Москвой, Сталина ждут в Берлине, в ближайшем будущем начнется наступление на саму Англию"{1343}.

9 июня Кобулов сообщил Сталину, что, по мнению "Старшины", слухи о переговорах намеренно распускают вермахт и Министерство пропаганды, чтобы скрыть подготовку к войне. Но "теория ультиматума" по-прежнему застила ему глаза. Цитировались слова подполковника Хайманна, начальника Русского отдела Штаба авиации, что Гитлер "предъявит Советскому Союзу требования экономического контроля Германии над Украиной, поставок хлеба и нефти и участия советского флота в действиях против Англии"{1344}. Через два дня последовало открытие, что окончательное решение о вторжении в Советский Союз принято, но, будет ли ему предшествовать предъявление каких-либо требований СССР, — "неизвестно". В ставке Геринга был получен приказ перенести штаб-квартиру из Берлина в Румынию. Второй военно-воздушный флот переведен из Франции в район Познани. Германский и финский генеральные штабы, по-видимому, ведут "интенсивные переговоры". Судя по документам, прошедшим через руки "Старшины", немцы нападут на СССР, на севере из Западной Пруссии и на юге из Румынии, образуя широкие клещи, стремясь в итоге окружить и уничтожить Красную Армию. Чтобы понять, под каким гнетом приходилось работать Кобулову ("Захару"), стоит обратить внимание на его отчаянные попытки в заключении рапорта убедить Сталина, что рекомендация "Старшины" упредить немцев не "провокационна", а высказана "от чистого сердца"{1345}.

На следующий день Кобулов подкрепил предупреждение свежей информацией от "Старшины" относительно "окончательности решения [334] о внезапном нападении". Он прямо процитировал слова "Старшины":

"В руководящих кругах германского министерства авиации и в штабе авиации утверждают, что вопрос о нападении Германии на Советский Союз окончательно решен. Будут ли предъявлены какие-либо требования Советскому Союзу — неизвестно, и поэтому следует считаться с возможностью неожиданного удара"{1346}.

Когда Меркулов 16 июня ознакомил Сталина с дальнейшими сведениями от "Старшины", указывавшими на то, что приняты уже последние меры перед атакой, Сталин вышел из себя и предложил "послать "источник" в Штабе Германских

Военно-Воздушных Сил к е..... матери! Это не источник, а дезинформатор". Он полностью пренебрег сообщением, будто Розенберг, печально знаменитый как автор антисоветской главы в гитлеровской "Майн Кампф", уже подобрал администраторов для управления советской экономикой после оккупации. По словам "Старшины", Розенберг пообещал "стереть название "Россия" с географических карт"{1347}. Когда 9 июня Тимошенко и Жуков заговорили со Сталиным об обширной разведывательной информации, тот и бровью не повел. "У меня другие сведения", — прервал он их и отшвырнул подборку донесений разведки. Проигнорировал он и сообщение Зорге, насмешливо заявив, что тот в Японии "обзавелся какими-то заводиками и борделями и еще соизволил сообщить нам дату нападения немцев — 22 июня. И вы думаете, я ему поверю?"{1348}

И все же столь резкая реакция лишь доказывала, что уверенность Сталина пошатнулась. Когда в конце концов 17 июня к Сталину попали весьма впечатляющие рапорты, одновременно с информацией из Лондона, он срочно вызвал Меркулова и Фитина, главу внешней разведки, в Кремль. Сталин потребовал, чтобы рапорты были пересмотрены, так как кажутся "противоречивыми". Он "приказал подготовить более убедительную и доказательную сводку всей разведывательной информации"{1349}. В результате 20 июня появился документ "Календарь сообщений агентов берлинской резидентуры НКГБ СССР "Корсиканца" и "Старшины" о подготовке Германии к войне с СССР за период с 6 сентября 1940 г. по 16 июня 1941 г.". Он попал в руки Меркулова через несколько часов после нападения немцев. В итоге он был возвращен Фитиным начальнику Германского отдела Управления внешней разведки и похоронен в архивах для потомства.

Сталин, тем не менее, просто-напросто отказывался воспринимать сообщения, казалось, подвергавшие сомнению мудрость его политики в течение двух предшествующих лет. Разумеется, множество донесений перекраивались ему в угоду, а разведчикам приходилось искать способы не слишком отклониться от истины и исполнить свой долг, все же предупредив об опасности. Конечный результат, однако, оказался обратным ожидаемому. Говоря о вероятности войны, они в то же время пробуждали в Кремле надежду, что еще можно отсрочить ее. Сталин хватался за редкие и противоречивые сведения о недостаточной боевой готовности вермахта. Как он утверждал, немцы якобы не откроют военные действия, пока их танки, авиация и артиллерия еще далеко от границы{1350}.

Он цеплялся и за тот факт, что назывались разные даты вторжения. Противоречивость этих данных как будто оправдывала осторожность Сталина при осуществлении планов развертывания войск{1351}. Наблюдение [335] за Шуленбургом тоже давало повод для неоднозначных выводов. 9 июня, к примеру, Сталин узнал из перехваченной телеграммы, что хотя Шуленбург не получил инструкций начать переговоры, но ему не сообщили и о возможных военных действиях. Кроме того, германский посол продолжал повторять, что СССР "аккуратно выполняет обещания, данные Германии, поэтому трудно изыскать причины для нападения на Советский Союз"{1352}.

Связанная по рукам и ногам, разведка все-таки продолжала самым недвусмысленным образом указывать на грозящую опасность в те несколько дней, что еще оставались до войны. 18 июня НКГБ доложил о спешной эвакуации после 10 июня 34 работников германского посольства вместе с женами, детьми и личным багажом. Исход продолжался, оформлялись визы для других работников. Секретные бумаги заблаговременно отправили в Берлин, прочие сжигались во дворе посольства. Эвакуация, как сказали Сталину, объяснялась следующим: "За последние дни среди сотрудников германского посольства в Москве наблюдается большая нервозность и беспокойство в связи с тем, что, по общему убеждению этих сотрудников, взаимоотношения между Германией и СССР настолько обострились, что в ближайшие дни должна начаться война между ними". 12 июня работников посольства собрали и велели готовиться к отъезду из Москвы. Коммюнике принесло временное успокоение, но отсутствие реакции на него подстегнуло эвакуацию{1353}. Различные германские миссии засыпали "Интурист" заказами на авиабилеты{1354}. Шуленбург, по слухам, был "очень пессимистически настроен" и боялся в результате размолвки с Гитлером во время их встречи в Берлине оказаться вскоре в концентрационном лагере. Он не исключал даже такой возможности, что через неделю его "не будет в живых"{1355}. Его личный курьер вернулся в Москву несолоно хлебавши. В результате работники германского посольства стали еще быстрее собирать вещи и усиленно хлопотать об эвакуации своих семей. В телеграмме, перехваченной советской разведкой, Россо сообщал в Рим, что "вооруженный конфликт неизбежен и что он может разразиться через два-три дня, возможно, в воскресенье (22 июня. — Г.Г.)"{1356}.

Все больше информации поступало и от Зорге. Как сказал германскому военному атташе в Токио курьер из Берлина, "он убежден, что война против Советского Союза начнется не позднее конца июня"{1357}. Перед самой войной Зорге поспешил уведомить Голикова, что Отт, германский посол в Токио, признался ему: война с Советским Союзом "неизбежна". Японский Генеральный штаб уже обсуждает вопрос, какую позицию займет Япония, когда она начнется{1358}. За день до нападения НКГБ собрал очередной урожай свежей информации: "Из глубины Германии через Варшаву в восточном направлении к границе СССР происходит непрерывное передвижение крупных сил Германской армии". Назывались число составов, пункты их назначения, номера немецких войсковых частей и их соединений. Как обнаружил НКГБ, последняя задача, поставленная германским разведчикам, заключалась в сборе сведений о состоянии железных и автомобильных дорог в России, порядках развертывания Красной Армии, вооружении частей, развернутых на границе, и т.д. Немецкие офицеры вели интенсивную идеологическую обработку войск, главным образом [336] сосредоточившись на теме предательства Советского Союза и близости войны{1359}.

Как мы убедились, Жуков и Тимошенко с 10 июня убеждали Сталина привести армию в полную боевую готовность. 18 июня оба они продолжали отстаивать свою точку зрения на совещании в сталинском кабинете в присутствии членов Политбюро, продолжавшемся более трех часов. Воспоминания Тимошенко об этой встрече дают яркое представление о процессе принятия решений у Сталина и его безжалостном, нетерпимом и оскорбительном обхождении с военными. Тимошенко и Жуков явились в Кремль, вооружившись картами, в мельчайших подробностях изображавшими места сосредоточения немецких войск. Уравновешенный Жуков говорил первым, описывая тревогу в войсках и заклиная Сталина разрешить привести их "в полную боевую готовность". Чем больше он говорил, тем больше раздражался Сталин, нервно постукивавший своей трубкой по столу. Наконец, он вскочил, подошел к Жукову и закричал на него: "Ты что же, пришел пугать нас войной? Или тебе нужна война? Может, тебе орденов не хватает, или звание недостаточно высокое?" Жуков сразу потерял все свое хладнокровие и сел. Тимошенко продолжал настаивать, предупреждая, что оставить войска на нынешнем этапе развертывания — значит обречь их на уничтожение в случае

удара вермахта. Это вызвало тираду Сталина, демонстрирующую его грубость и дающую некоторое представление о его сокровенных мыслях:

"Сталин вернулся к столу и грубо сказал: "Это все Тимошенко, он всех подстрекает к войне, надо бы его расстрелять, да я знаю его как хорошего солдата еще с гражданской..." Я сказал [Сталину], что он говорил всем на митинге выпускников академий, что война неизбежна. "Видите, — обратился Сталин к Политбюро, — Тимошенко прекрасный человек с большой головой, но вот с такими мозгами, — тут он показал кукиш. — Я говорил это для народа, нужно было повысить его бдительность, а вы должны понимать, что Германия по своей воле никогда не станет воевать с Россией. Вы должны это понимать". И он вышел. Потом он открыл дверь, высунул из-за нее свое рябое лицо и громко произнес: "Если будете продолжать провоцировать немцев на границе передвижениями войск без нашего разрешения, полетят головы, попомните мои слова", — и хлопнул дверью"{1360}.

Не допустить провокации, по-видимому, стало главной задачей Сталина в его попытках избежать войны. Его беспокойный дух и безжалостные методы правления были направлены на поиск способов обойти ловушку. Начиная с апреля местный НКГБ доносил, что украинские националисты "распространяют провокационные слухи". Они высказывают предположения, что либо Советский Союз "готовит нападение на Германию", связывая это с заключением пакта о нейтралитете с Югославией, либо "Германия готовит нападение на СССР"{1361}. В украинских школах, сообщали Сталину, поощряется изучение истории и географии "Самостийной Украины", карты которой висят на стенах многих учебных заведений в Кракове.

Ходили слухи, будто 200 активных украинских националистов были посланы на специальные курсы в Берлин, "где... из них будут готовить руководящих работников "Самостийной Украины""{1362}.

В первых же строках глава Украинского НКГБ выражал опасение, что в случае войны эти националисты будут действовать как пятая колонна. [337] Под началом Степана Бандеры собрался отряд в 1000 чел., получивший оружие от разных преступных элементов, и уже развернул враждебную деятельность против советского строя, запугивая местное население. Скрываясь днем в лесах, по ночам организация терроризировала колхозников, особой мишенью ей служили оставшиеся без защиты семьи тех, кто был осужден во время репрессий{1363}.

Перехваченная телеграмма японского консула в Кенигсберге, казалось, подтверждала подозрения. В местных университетах немцы якобы организовали курсы русского языка.

Около 2000 членов "Организации украинских националистов", работавших на заводе Сименса в Берлине, вернулись в Польшу. Шестеро из тех, кого затем послали в Львовскую область, были арестованы пограничным патрулем Красной Армии{1364}. Позже в мае 120 колхозников из колхозов, расположенных в 16 километрах от границы, как сообщалось, не вышли в поле, ссылаясь на "провокационные слухи о предстоящей в ближайшие дни войне с Германией". В Молдавии, гласил рапорт, "в базарный день враждебные элементы распространили провокационный слух о том, что Красная Армия под напором немцев отступает и угоняет весь скот. Население окружающих сел в панике оставило базар, бросилось по селам и начало прятать скот"{1365}.

В результате переговоров с Шуленбургом в середине мая Сталин забеспокоился, что все эти слухи и провокации действительно вызовут войну против воли Гитлера{1366}. Деятельность националистов представлялась особенно опасной, так как ими могла воспользоваться германская армия, которая, как считал Сталин, стремилась втянуть Гитлера в войну. Упорно придерживаясь своей концепции и полагая, что деятельность "бывших членов различных контрреволюционных националистических партий" используется "иностранными разведками в шпионских целях", Сталин приказал НКГБ провести аресты "провокаторов" и отправить их в лагеря на сроки от 5 до 20 лет. Определялись пять категорий людей, подлежащих аресту, в том числе члены националистических организаций, бывшие контрреволюционеры, полицейские и бывшие правительственные чиновники. Не пощадили и членов их семей. Меркулов распорядился немедленно организовать особые лагеря и "выслать" всех подозреваемых туда. Эта операция, в общем и целом, получила приоритет даже над сбором разведывательной информации в тот важнейший период развертывания сил вермахта. Меркулов руководил ею лично, с помощью 208 офицеров, освобожденных от занятий в местных высших школах НКГБ. Разработка операции заняла три дня{1367}. 22 мая Берия издал приказ пограничным войскам НКГБ приступить к операции "по ликвидации вооруженных бандитских групп и аресту участников контрреволюционных, шпионско-диверсионных, повстанческих и иных антисоветских формирований". Около 12 000 подозреваемых и членов их семей

были взяты в ту же ночь и отправлены в лагеря на восток. В следующие две недели НКГБ бросил все свои силы на пресечение деятельности националистических организаций в надежде уничтожить угрозу провокации{1368}.

Не имея соответствующих военных или дипломатических средств, чтобы справиться с угрожающей ситуацией, Сталин обратился к попыткам устранить опасность провокации. В служебных документах Управления разведки высказывалось предположение, что подрывной деятельностью украинцев и в особенности поляков руководят бывшие [338] польские офицеры, которые надеются использовать вооруженный конфликт с Германией в своих целях. Действия данных организаций якобы координируются германской разведкой. Как ни странно, все еврейские и сионистские организации считались подрывными антисоветскими элементами, а не потенциальными жертвами нацизма. В основе такого отношения, в дополнение к глубоко укоренившемуся антисемитизму, лежало мнение, будто существовавшая в сионистском движении "партия "Сионисты-ревизионисты"" — это "фашистская еврейская организация" с цроанглийским уклоном. Данная партия якобы была создана по образцу Итальянской фашистской партии. Кроме того, по своей программе она была буржуазной, и следовало ожидать, что, если СССР окажется втянут в войну с Англией, она будет действовать сообща с ней, занимаясь саботажем в тылу{1369}.

16 июня Судоплатов, заместитель главы внешней разведки, получил от своего начальника Фитина, только что вернувшегося с совещания в Кремле, приказ создать отряд особого назначения для отражения любых немецких провокаций на границе, вроде той, которая вызвала войну в Польше. На следующий день Меркулов гордо объявил об успешном проведении чистки "антисоветских социальных элементов" на недавно присоединенных прибалтийских территориях. В ходе кампании в Прибалтийских республиках были арестованы 14 467 чел., высланы в Сибирь — 25 711 чел. До самой последней минуты НКГБ прилагал огромные усилия, выискивая очаги подрывной деятельности и саботажа, инспирируемых Германией{1370}.

Лондон: "эта лавина, дышащая огнем и смертью"

9 июня английская разведка получила новые сведения, позволявшие сделать вывод: "Усиление немецких войск на границе с Россией ведется с предельной скоростью и энергией". Но даже тогда Иден решился предать гласности эту информацию, чтобы "подвигнуть русских к сопротивлению", по всей видимости, ультиматуму Германии{1371}. От посла в Стокгольме он узнал, что, "хотя советско-германские отношения обострились в последние три недели, выход, вероятно, скоро будет найден, и в Берлине ожидают делегацию советских военных представителей для подписания советско-германского военного пакта. Сообщение это неофициальное и сделано, видимо, чтобы удостовериться, будут ли советские власти отрицать это, подтвердят или обойдут молчанием"{1372}. Конечно, Форин Оффис трудно было переварить "явное решение Гитлера не развивать успех, достигнутый при завоевании Греции и Крита, а направить главную угрозу в сторону России". Это казалось, по признанию Идена, "по большому счету, самым ошеломляющим поворотом событий с начала войны". И Кэдоган, полагавший, что "в безумии [Гитлера] всегда была своя логика", признавался, что данные разведки его озадачили. Иден оставался настроен скептически: "Если Россия будет воевать, это большое если", - заключал он{1373}.

Чтобы не давать англичанам повод думать, будто идут советско-германские переговоры, и не ускорить в результате их собственные переговоры с немцами, Майский сообщил Идену 10 июня, что "не существует никакого военного альянса между Германией и Советским Союзом и не задумывается таковой. Более того, Советское правительство [339] не ведет в настоящий момент переговоров с Германским правительством ни о каком новом соглашении, ни об экономическом, ни о политическом". Добровольное предоставление такой информации, однако, порождало серьезную дилемму. Если сосредоточение немецких войск означало войну, англичане могли не устоять перед искушением выступить с собственными мирными инициативами или поощрять Германию повернуть на восток{1374}. Русские, очевидно, надеялись, что их заверения заставят прессу оставить эту тему. Вместо этого они получили кучу домыслов по поводу отзыва Криппса.

Подозрение Майского, что Англия отчаянно старается втянуть СССР в войну, как будто подтвердилось в ходе его беседы с Иденом после возвращения Криппса 13 июня, как раз перед выходом коммюнике ТАСС. Майский находился под сильным впечатлением "от кампании в прессе, связанной с приездом Криппса... и выразил

сожаление, что меры, принятые Иденом, чтобы прекратить "домыслы" в газетах по этому поводу, о которых он сообщил мне 5 июня, не принесли успеха". Это, видимо, укрепило его мнение, будто слухи распускает Черчилль. Майский предупредил Идена, еще до публикации коммюнике, что "сообщения такого рода, какие появились вчера, не будут поняты в Москве и вызовут там возмущение". Иден, однако, в этот раз позвал Майского, чтобы сообщить о притоке разведывательных донесений за последние 48 часов. Войска сосредоточиваются, настаивал он, "может быть, с целью ведения войны нервов, а может быть, и с целью нападения на Советский Союз". Он изо всех сил старался внушить Майскому свое убеждение: характер полученных теперь разведывательных данных показывает, что немцы планируют нападение. Однако, помня о кампании в прессе, Майский поспешил отклонить предложение Идена о содействии, которое вполне могло быть еще одной попыткой вовлечь Советский Союз в войну. Такое предложение, заметил он, предполагает "тесное сотрудничество" между двумя странами, что, на его взгляд, "преждевременно". Тем не менее, Иден стоял на своем, объясняя, что, хотя раньше он разделял точку зрения Майского, недавно полученная информация заставила его изменить взгляды. Ощущая бремя тяжкой ответственности за верную оценку информации, Майский потребовал, чтобы Иден представил ему еще сведения о намерениях немцев "как можно скорее, или сегодня, или в течение уик-энда". Тот не мог обеспечить такую срочность, поскольку обещал проконсультироваться с Черчиллем и Генеральным штабом, прежде чем передавать информацию{1375}.

Решение поделиться важнейшими сведениями, полученными с помощью "Энигмы", было санкционировано Черчиллем вечером в воскресенье 15 июня, за неделю до нападения Германии. Объединенный комитет разведки вручил Кэдогану самый последний и наиболее соответствующий текущей ситуации документ, касающийся возможности войны, основанный на анализе всей имеющейся информации, включая сообщения "Энигмы". Жест исключительно великодушный, так как, внимательно изучив этот рапорт, можно было бы раскрыть разведывательные источники. Кроме того, Кэдогана снабдили картой, показывающей силы, стоящие друг против друга на границе, насмешливо заметив при этом, что "было бы очень забавно сравнить эту карту с замечаниями м-ра Майского в ходе его беседы с министром". [340] Поскольку Майский на уик-энд уехал из города, передачу информации пришлось отложить до следующего утра{1376}.

Майский был ошеломлен, когда его вызвали в Форин Оффис и там Кэдоган бесстрастно и монотонно выложил ему "точные и конкретные" сведения. Его взволновало даже не столько представшее перед ним (и впоследствии так наглядно описанное в его мемуарах) видение "этой лавины, дышащей огнем и смертью, готовой в любой момент обрушиться" на Советский Союз, сколько воспоминание об успокоительном содержании его прежних корреспонденции. Поэтому он поспешно послал в Москву телеграмму, поворачивающую все его прежние оценки на 180 градусов{1377}. Даже тогда царившие в Москве предубеждения не позволили Майскому, как свидетельствуют его мемуары, полностью отдать себе отчет в происходящем:

"Конечно, я не принял сообщение Кэдогана за 100-процентную истину. Информация военной разведки не всегда верна; англичане были заинтересованы в том, чтобы война разгулялась на востоке, и могли намеренно сгустить краски, чтобы произвести больший эффект на Советское правительство. По этим причинам я, слушая Кэдогана, делал в уме значительную поправку на преувеличение. Тем не менее, информация заместителя министра была так серьезна, а сообщения, которые он передал мне, так точны и конкретны, что (казалось мне) они должны были дать Сталину серьезную пищу для размышлений, побудить его немедленно проверить их и в любом случае отдать строгий приказ, чтобы наша западная граница была начеку!"

Невзирая на цензуру, телеграмма Майского давала довольно верное представление о разных этапах наращивания сил немцев на советской границе в мае и июне. Однако британский Генеральный штаб серьезно недооценивал масштабы развертывания войск в сравнении с информацией, имеющейся у русских, полагая, что у немцев 80 дивизий в Польше, 30 в Румынии и 5 в Финляндии и Северной Норвегии, всего 115, включая мобилизованную румынскую армию{1378}.

Русские шли по тонкому льду, набирая очки у немцев и подвергая риску свое положение в Англии. Это могло бы стать особенно опасным, если бы действительно были в разгаре переговоры о сепаратном англо-германском мире. Теперь они явно заколебались в оценке ситуации. По мнению самого Кремля, отношение британского правительства к развивающемуся кризису приобрело первостепенное значение. Несмотря на воцарившуюся в Кремле атмосферу безысходности, вера Сталина в провокации англичан, с одной стороны, и в

ультиматум немцев, который должен предшествовать нападению, с другой, осталась незыблемой. Это не позволяло его окружению, разведывательным источникам, а также и Майскому, четко формулировать свои выводы. Поэтому в сообщениях, посланных с 10 по 15 июня, Майский подыгрывал Сталину, одержимому идеей провокации, эхом отразившейся в знаменитом коммюнике, и всячески успокаивал его, игнорируя реальную военную опасность.

Сталин вместе со своими советниками размышлял о причине отсутствия реакции на коммюнике, когда 16 июня перед ним оказалась телеграмма с пересмотренным после беседы с Кэдоганом мнением Майского. Последствия не замедлили сказаться. Вечером 16 июня британский поверенный в делах нанес визит вежливости в Кремль, первый после отъезда Криппса. Стараясь свести к минимуму эффект [341] от коммюнике, Вышинский уверял его, что упоминания о Криппсе не носят характера личного выпада; это "всего лишь констатация факта, причем в тщательно подобранных выражениях". Возможно, приезд Криппса в Лондон "подстегнул воображение [редакторов газет]", так как было замечено, что после его прибытия 11 июня английская пресса "придавала подобным сообщениям большее значение, чем раньше"{1379}. Когда Криппс предупредил Майского 18 июня, что его возвращение в Москву будет "в большой степени зависеть" от того, как Советы объяснят упоминание о нем в коммюнике, русские заверили его в своем "величайшем уважении" к нему лично{1380}. Через несколько часов Майский обратился к Идену с извиняющимся примирительным посланием, почти дословно повторяющим то, что было сказано в Москве{1381}.

Остановка в Стокгольме заставила Криппса засомневаться в том, что скоро будет достигнуто соглашение. На обеде у британского посла в Стокгольме генеральный директор шведского Министерства иностранных дел был сильно удивлен теориями Криппса по поводу возможности советско-германского соглашения. Желая просветить британское правительство, он рассказал Криппсу о перехваченных приказах вермахта войскам в Норвегии. Он утверждал "с большим напором", что немцы собираются напасть на Советский Союз где-то между 20 и 25 июня{1382}.

В последний раз перед началом военных действий Криппса пригласили выступить с изложением своей точки зрения в Военном кабинете 16 июня. Иден и члены Генерального штаба перед этим угостили его ланчем в "Савое". К единому мнению так и не пришли. Военные считали, что Гитлер уничтожит русскую армию тотчас же. По мнению Криппса, для Англии было бы лучше, "если бы Советы не

участвовали в деле в этом году, а оставались потенциальной угрозой", но Иден не верил, что Гитлер это допустит. Полагаясь на коллективную мудрость своего министерства, он думал, что Советский Союз "либо примет суровые условия "сотрудничества", либо подвергнется нападению"{1383}. "Не исключена возможность, — продолжал уверять Сарджент, — что Сталин и Гитлер в несколько дней придут к соглашению, по условиям которого в обмен на уступки, сделанные Советским правительством Германии, Сталину позволят в качестве компенсации аннексировать турецкое Закавказье или занять выигрышную позицию на Дарданеллах"{1384}. Черчилль по-прежнему колебался, не возлагая на Восток особых надежд. "Судя по всем сведениям, какие я смог собрать, — писал он южноафриканскому премьер-министру, — Гитлер намерен получить от России все, что захочет, вопрос лишь в том, сделает ли Сталин тщетную попытку сопротивляться. Я все больше надеюсь на Соединенные Штаты"{1385}. За отсутствием какой-либо конкретной информации Кабинет согласился с выводом, что Германия намерена предъявить России ультиматум, после того как завершит сосредоточение своих войск. Майскому взгляды Кабинета подробно изложил Брендан Брэккен, своевольный советник Черчилля. Взгляды эти, по всей видимости, разделились на два направления. Криппс, как он узнал от него еще раньше, опасался, что Красной Армии потребуется еще год, чтобы восстановиться, в то время как вермахт — в пике своей формы. Он выражал свою симпатию к Сталину и рекомендовал, чтобы русские еще некоторое время оставались [342] в стороне от войны. Черчилль, со своей стороны, считал, что Красная Армия могла бы представлять некоторую проблему для Германии и это послужило бы большим подспорьем для Англии. Это подтверждало опасения Майского, что выводы Черчилля окрашены субъективностью и выдают желание видеть Советский Союз участвующим в войне. Поэтому Майский и в самом преддверии войны предостерегал Сталина, отчасти оправданно, что Кабинет горячо желает вступления СССР в войну{1386}. Тем не менее, он все больше нервничал из-за своих сообщений, особенно после встречи с Кэдоганом.

Через два дня после заседания Кабинета Майский обедал с Криппсом и его женой Айсобел. Он прямо заявил им: Англия хочет, чтобы Советский Союз вступил в войну с Германией. Криппс не только отрицал это, но и сказал, что все, чего он желает Советскому Союзу, — хотя бы 75% того нейтралитета, которого он придерживался относительно Германии. Как поспешно уведомил Молотова

Майский, Криппс был теперь убежден, невзирая на свое выступление в Кабинете, "в неизбежности нападения Германии на нас, и притом в самом ближайшем будущем. — Если это не случится до середины июля, — заявил он, — я буду сильно удивлен". Майский старался бодриться, цепляясь, как это ни курьезно, за концепцию, которой придерживался Форин Оффис: наращивание сил — просто "один из гитлеровских ходов в "войне нервов"... Но война? Нападение? Атака?.. Не могу поверить! Это было бы сумасшествием". Неуверенные возражения Майского не произвели большого впечатления на Криппса, разбившего их мощными аргументами и сказавшего в заключение, что он "располагает абсолютно достоверной информацией, что именно таковы планы Гитлера. И, если бы ему действительно удалось разбить СССР, вот тогда-то он со всей своей мощью обрушился бы на Англию. Члены бритпра, с которыми Криппс беседовал, считают, что прежде, чем атаковать СССР, Гитлер поставит нам определенный ультиматум. Криппс с этим не согласен. Гитлер просто нападет на нас без всякого предупреждения, потому что он заинтересован не в том или ином количестве продовольствия и сырья и т.п., которое он хотел бы получить от СССР, а в разгроме самой страны, в уничтожении Красной Армии"{1387}.

У Криппса создалось четкое впечатление, будто Майский, в сравнении с их встречей несколькими днями раньше, "гораздо менее был уверен в том, что войны не будет". Их беседа, небрежно заключал он, "выпустила весь воздух из советского посла, который теперь казался очень подавленным"{1388}. То же бросилось в глаза и Джеффри Доусону, редактору "Тайме", обнаружившему, что Майский вдруг поверил в немецкое вторжение{1389}.

22 июня 1941: долгий уик-энд

Ассарассон, дуайен дипломатического корпуса в Москве и внимательный наблюдатель кремлевских событий, лучше всех описал атмосферу в Кремле в последние мирные дни:

"Никто не знает или не хочет сказать, что происходит, если происходит, на дипломатическом фронте. Один полагает, что идут переговоры, другой — что они еще не начались, третий — что не будет никаких переговоров, а будет ультиматум. Одни говорят, что требования, [343] предъявлены они или нет, касаются Украины и бакинских нефтяных месторождений, другие считают, что они связаны с другими вопросами. Некоторые полагают, что в число требований

входят демобилизация и разоружение Украины. Большинство думает, что война неизбежна и близка; некоторые думают, что война входит в намерения и желания немецкой стороны. Немногие считают, что войны не будет, по крайней мере в настоящий момент, и что Сталин пойдет на большие уступки, чтобы избежать войны. Одно несомненно: скоро мы станем свидетелями либо битвы глобального значения между Третьим Рейхом и Советской Империей, либо самого грандиозного шантажа в мировой истории"{1390}.

Сталин, по-видимому, гнал прочь любую мысль о войне. Однако по его поведению другие, например Хрущев, видели, что он озабочен и серьезно встревожен. Он устраивал попойки, на которых вынуждал присутствовать людей из своего окружения. Кроме того, вопреки своему обыкновению, он постоянно стремился быть в компании, казалось, это помогало ему избавляться от кошмарного предчувствия скорой войны. Затягивающиеся надолго обеды и сборища на даче заменили рабочие заседания в Кремле, как было заведено прежде{1391}. До последней минуты Сталин продолжал верить, что это германская армия старается навязать конфликт. Как призналась Коллонтай в день вторжения, Сталин, "конечно, надеялся и верил, что война не начнется, пока не состоятся переговоры, в ходе которых может быть найдено решение, позволяющее избежать войны"{1392}. Однако он потерял инициативу и был практически парализован.

"Абсолютная тишина" в Кремле и сдержанность национальной прессы демонстрировали стремление не допустить даже видимости провокации{1393}. После публикации коммюнике, писал домой Гафенку, Москва "ничего не слышала от Гитлера. Война нервов в полном разгаре, положение усугубляют известия из Финляндии и Румынии о все более и более значительных военных приготовлениях"{1394}. Шуленбург пребывал в таком же унынии, так как был убежден, что война не может служить интересам Германии. Но, по общему мнению германского посольства, которое наверняка разделял и Сталин, "если ружье заряжено, оно может выстрелить, даже если такого намерения и не было"; там еще питали иллюзии, будто тактика Гитлера заключается в том, чтобы "держать короля в состоянии вечного шаха, не объявляя мат". Шуленбург даже послал в качестве последнего средства своего советника Вальтера в Берлин разузнать, нельзя ли устроить встречу Гитлера со Сталиным{1395}.

Пользуясь временным затишьем, Сталин по-прежнему обдумывал, какого урегулирования он может добиться с помощью мирных соглашений. Богомолов,

его доверенный посол в Париже, вернувшись после консультаций в Москве, пояснял, что "новый раздел территорий в Европе и новые государства, основанные вместо существовавших до войны, не могут быть определены точно, пока новые границы не будут подтверждены мирными договорами с участием непосредственно заинтересованных стран". Сталин представлял два варианта. Если Германия выйдет из войны победительницей, Польша "будет стерта с карты"; если же Германия потерпит поражение, то, очевидно, "Польша будет воссоздана и ее границы закреплены договором с Советским Союзом"{1396}. За чаем на Кэ д'Орсэ генерал Суслопаров, военный [344] атташе, выразил "глубокую убежденность в том, что немцы не нападут на Советский Союз, и отрицал существование напряженности в отношениях между Берлином и Москвой". По его признанию, сначала казалось, будто слухи распускают англичане, но теперь "неоспорим тот факт, что эти слухи распространялись если не непосредственно германскими информационными службами, то наверняка с их согласия". Он в точности пересказал мнение Сталина, что причина, вызвавшая слухи, — "давление, которое германское правительство думает оказать на Москву, чтобы значительно увеличить поставки зерна, нефтепродуктов и другого сырья, необходимого для продолжения войны"{1397}.

Майский проводил необычайно жаркий уик-энд в Бовингтоне, в доме своего друга — бывшего посла республиканской Испании. Его не успокаивала безмятежность английской сельской местности. Бремя ответственности, свалившейся на него в последние два месяца, было тяжело. Недавние откровения Кэдогана и Криппса ставили под сомнение суть его постоянных донесений в Москву. Возможно, многие советские послы разделяли это чувство. Раздумывая над слухами, заявлениями, лестью и угрозами, слышанными за последний месяц, Майский, как и Сталин, продолжал колебаться:

"Но, может быть, все это — искусственно раздутые домыслы англичан? Может быть, англичане "выдают желаемое за действительное"? Еще одна попытка разрушить наши отношения с Германией и втянуть нас в войну на своей стороне? Честно говоря, я не верю, что Гитлер нападет на нас. Воевать с Россией всегда было очень трудно. Вторжение всегда заканчивалось трагически для его инициаторов. Стоит только вспомнить поляков (в Смутное время), Карла XII, Наполеона, кайзера в 1918 г. Русскую географию все это не слишком изменило. И вдобавок, что особенно важно, у нас мощная армия, у нас танки, авиация,

артиллерия... У нас такие же орудия войны, какие у Германии и каких, к примеру, не было у Франции. Мы сильны таким внутренним единством, какого не было во Франции. Мы сумеем постоять за себя. Возможно ли, чтобы при таких обстоятельствах Гитлер рискнул напасть на нас? Вы знаете, что это было бы равносильно самоубийству".

Вскоре после ланча Майского вызвали в Лондон, где Криппс предоставил ему новые сведения о скором нападении, соответственно переданные в Москву. Криппс открыл ему, что информация, полученная из надежного разведывательного источника (это была "Энигма"), "свидетельствует о быстром приближении момента "акции" со стороны Германии. Все немецкие корабли, стоящие в Або и других финских портах, получили приказ выйти в море". Он ожидал атаки Гитлера на следующее утро или в ближайшее воскресенье. Гитлер, пояснил Криппс Майскому, получил бы небольшое преимущество, атакуя в воскресенье, когда бдительность противника снижена. Он пообещал, хотя в Москве к этому отнеслись с недоверием, что Англия "не ослабит своих военных действий". Майский с шизофреническим упорством не желал и слышать о возможности войны, почти как при их разговоре с Иденом 13 июня, и заявлял: "Вся картина, столь ярко нарисованная вами, выглядит не более чем гипотетической"{1398}.

Зима в Москве необычайно долго затянулась, и даже во вторую неделю июня выпал снег. Но в ту особую субботу внезапно проглянуло [345] жаркое солнце, и толпы людей высыпали в парки в тот долгий светлый вечер. В Кремле в этот уик-энд царила тягостная атмосфера неуверенности. "Положение неясно, — поведал измученный Молотов Димитрову. — Ведется большая игра. Не все зависит от нас"{1399}. Хотя он и признал в разговоре с турецким послом, что "в настоящее время есть много неясностей в вопросе о том, как развернутся дальнейшие события", но, в ожидании распоряжений Сталина, делал вид, что "у Советского Союза нет оснований для беспокойства"{1400}. Сталин приехал в Кремль вскоре после полудня с ясным сознанием того, что больше не является хозяином положения.

Меры предосторожности, тайно принимаемые военными, сочетались с отчаянными дипломатическими усилиями как-то повлиять на немцев, чего не удалось достичь с помощью коммюнике. В субботу 21 июня и в Берлине был славный теплый денек. Большинство работников советского посольства отдыхали и купались в

тихих окрестностях Потсдама и парках Ваннзее. Немногие оставшиеся в посольстве внезапно были подняты по тревоге и развили бурную деятельность. Протест по поводу возрастания числа разведывательных полетов немецких самолетов над советской территорией следовало вручить Риббентропу лично, главное, выразив при этом готовность Советского Союза приступить к переговорам. Лихорадочные усилия завязать диалог в Берлине имели целью получить прямой доступ к Гитлеру и ознакомить его с серьезностью положения. Деканозову не удалось это сделать на встрече с Вайцзеккером, которой он добился 18 июня. Однако все попытки связаться с Вильгельмштрассе теперь оказались тщетными. Риббентроп нарочно уехал из Берлина рано утром, оставив специальные указания держать Деканозова подальше{1401}. Следовало говорить советскому послу, что Риббентроп свяжется с ним, как только вернется из-за города. Постоянные телефонные звонки из Москвы с требованиями, чтобы работники посольства поторопились, результата не достигли.

В итоге Шуленбурга срочно вызвали в Кремль в 6 ч. вечера. Молотов явно потерял большую часть своего хладнокровия и жаловался на массовые нарушения советского воздушного пространства немецкими самолетами. Он хотел знать, почему работники германского посольства и их жены выехали из Советского Союза, дав пищу слухам о скорой войне. Почему германское правительство никак не реагировало на "миролюбивое" коммюнике ТАСС? Чем вызвано недовольство Германии Советским Союзом, "если таковое имеется"? Молотов не смог добиться ответа. Однако Шуленбург бросил последний намек по поводу намерений Германии, о чем явно не сообщил домой. Он признал, что "все эти вопросы имеют основание", но, к несчастью, он не в состоянии ответить на них, так как Берлин "его совершенно не информирует". Молотов довольно патетично стенал, что "нет причин, по которым германское правительство могло бы быть недовольным в отношении СССР". Шуленбург мрачно повторил, что ему нечего ответить. Для него самого единственным лучом надежды стала новость, которую он услышал по английскому радио, — что Деканозов несколько раз в течение дня встречался с Риббентропом. Но Молотов, чей приемник тоже был настроен на Би-Би-Си, с сожалением вынужден был опровергнуть это известие и распрощался с Шуленбургом, находясь в еще большем расстройстве{1402}. Деканозову наконец удалось [346] добиться встречи с Вайцзеккером в 9 ч. 30 мин. вечера и вручить ему ноту, подобную той, какую получил в Москве Шуленбург, с перечислением

180 случаев разведывательных полетов немецких самолетов над советской территорией с момента последней советской жалобы в апреле. Полеты, заявлялось в — ноте, "приняли систематический и умышленный характер". Выражение уверенности, что "Германское правительство примет меры, чтобы положить конец подобным нарушениям границы", отражало убеждение Москвы, будто Гитлер может приструнить армию. Вайцзеккер, выигрывая время, предложил Деканозову подождать официального ответа{1403}.

Жуков провел этот день с Тимошенко в Наркомате обороны. Когда Молотов беседовал с германским послом, Жукову поступил срочный звонок от начальника штаба Киевского округа с сообщением о немецком фельдфебеле, только что перебежавшем через границу и рассказавшем, что нападение планируется на следующее утро. Сталин, с нетерпением дожидавшийся звонка Молотова, предложил ему прийти в Кремль вместе с наркомом обороны через 45 минут. Когда около 7 ч. вечера они явились в Кремль, Сталин встретил их один. Он казался встревоженным, но все еще носился с мыслью, что немецкие генералы нарочно послали перебежчика, "чтобы спровоцировать конфликт". Тем временем собрались несколько членов Политбюро, и Тимошенко, отвечая Сталину, предложил дать ход директиве о приведении в боевую готовность сил прикрытия. Сталин счел это слишком грубым решением. "Такую директиву сейчас давать преждевременно, — утверждал он, — может быть, вопрос еще уладится мирным путем". Он предпочел дать более короткое и более общее предупреждение, которое поспешил подготовить Жуков. Последние распоряжения командующим 3-й, 4-й и 10-й армиями, посланные в 2 ч. 30 мин. пополуночи, хоть и были составлены осторожно, в угоду навязчивому стремлению Сталина избегать провокаций, тем не менее приводили в готовность силы прикрытия:

"1. В течение 22 — 23 июня 1941 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПрибОВО ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения...

ПРИКАЗЫВАЮ:

а) в течение ночи на 22 июня 1941 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22 июня 1941 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить"{1404}.

Были приняты и другие меры. Жуков принял верховное командование Юго-Западным и Южным фронтами, где по-прежнему ожидали [347] главного удара немцев. Его предшественник на посту начальника Генерального штаба Мерецков был назначен командующим северным фронтом{1405}.

Сталин без конца получал предупреждения с начала месяца, и всю неделю его убеждали издать директивы по приведению войск в боевую готовность. Это воскресенье, пусть и тревожное, для него ничем не отличалось от остальных. Поговорив еще 15 минут с Молотовым и Берией, он счел возможным в 11 ч. вечера удалиться на дачу{1406}. Жуков и Тимошенко думали иначе. Они вернулись из Кремля в Наркомат обороны и стали связываться с различными фронтами, повсюду объявляя тревогу. Около полуночи Кирпонос обратил их внимание на второго дезертира, переплывшего реку и сказавшего пограничникам, что нападение начнется в 4 ч. утра. Сталина, которому немедленно сообщили на дачу, это не слишком обеспокоило, и он отправился в постель.

В 3 ч. 30 мин. утра зазвонили телефоны спецсвязи в Наркомате обороны, принеся известие о том, что немцы ведут сильный артиллерийский огонь по всей границе. Сталин потерял дар речи, когда Жуков связался с ним по телефону; слышно было только его тяжелое дыхание. Несмотря на настояния Жукова, он отказался санкционировать контрмеры. К 4 ч. 30 мин. утра, когда Жуков и Тимошенко ехали в Кремль, немецкая артиллерия била по советским городам, советские самолеты были уничтожены на земле и германская военная машина двинулась на Советский Союз. В Кремле их встретил Сталин, который был "бледен", "сидел за столом, держа в руках набитую табаком трубку". Присутствовали также вездесущий Мехлис, Молотов и Берия. Сталин явно "растерялся", но отчаянно не хотел расставаться со своим заблуждением, полагая, что все это еще может быть "провокация... немецких генералов". Попытка Тимошенко вернуть его с небес на

землю, напомнив, что речь идет не о локальном инциденте, а о наступлении по всему фронту, мало что дала. Сталин уперся, заявив: "Если нужно организовать провокацию... то немецкие генералы бомбят и свои города". По некотором размышлении он добавил: "Гитлер наверняка не знает об этом". В качестве последнего средства он велел Молотову поговорить с Шуленбургом.

Тем временем Шуленбург сам добивался немедленной встречи с Молотовым. Между 3 и 4 часами утра в секретариат Молотова поступил звонок из кабинета Шуленбурга. Всемогущий секретарь Сталина Поскребышев принял сообщение и поставил в известность Сталина и Молотова. Последний оставил кабинет Сталина и поднялся к себе{1407}. Шуленбург получил совершенно секретную телеграмму с распоряжением уничтожить рацию и все шифровальные материалы. Он должен был встретиться с Молотовым в 4 ч. утра, когда раздастся первый залп по советским войскам, и сделать развернутое заявление, подчеркивающее враждебные действия Советского Союза в отношении Германии, якобы имевшие место после подписания пакта Молотова — Риббентропа. Гитлер намеренно не придал заявлению форму объявления войны, желая представить нападение оборонительной реакцией на советскую агрессию{1408}.

Пока Молотов встречался с Шуленбургом, Сталин оставался по-прежнему глух к просьбам Жукова приступить к осуществлению планов развертывания. Как раз в то же самое время Деканозова срочно [348] привезли на правительственном автомобиле, предоставленном в его распоряжение, к Риббентропу. Ему сообщили, что, "ощущая серьезную угрозу политического и военного характера, исходящую от Советской России, Германия этим утром предприняла соответствующие контрмеры в военной области". Война, которую Сталин так стремился предотвратить, обрушилась на Советский Союз. Когда Деканозов попрощался, Риббентроп вышел его проводить. Он казался расстроенным чуть не до слез. Умолял посла объяснить Москве, что он старался удержать Гитлера от войны, но тщетно. Всю войну, по свидетельству Хильгера, Риббентроп будет хвататься за любую возможность вернуть, "хотя бы частично, момент своего триумфа... он никогда не переставал мечтать о еще одном шансе поговорить со Сталиным"{1409}.

Шуленбург приехал в Кремль около 5 ч. утра. Он нашел Молотова "усталым и измученным". Даже в этот тяжелый момент Шуленбург не изменил себе. Он пропустил список обвинений и сказал Молотову, что "с самым глубоким

сожалением" должен уведомить его о том, о чем сам еще не знал, когда встречался с ним несколькими часами раньше, — что Германское правительство считает себя обязанным принять "военные контрмеры" против сосредоточения советских войск на границе. Он добавил, что "не может выразить свое подавленное настроение, вызванное неоправданным и неожиданным действием своего правительства". Напомнил Молотову о чрезвычайных усилиях, приложенных им, чтобы сохранить мир и дружбу с Советским Союзом. Все еще надеясь, что данная ситуация окажется прелюдией к переговорам, Молотов спросил, каков статус этой вербальной ноты, ведь она не похожа на официальное объявление войны. Но Шуленбург отнял у него всякую надежду, прямо сказав, "что, по его мнению, это начало войны". Молотов тщетно пытался объяснить, будто сосредоточение войск — это всего лишь элемент летних маневров. Он выразил общее настроение Кремля, пожаловавшись, что "до последней минуты Германское правительство не предъявляло никаких претензий к Советскому правительству". Не проявив большого интереса к теме организации эвакуации обоих посольств — в Москве и Берлине, — Молотов желал знать одно: "Для чего Германия заключала пакт о ненападении, когда так легко его порвала?" На этом Шуленбург простился с Молотовым, "молча, но с обычным рукопожатием"{1410}.

Даже когда Молотов вернулся с печальным известием, Сталин не разрешил военным приступить к осуществлению планов обороны, утвердив специальную директиву, которая, в частности, все еще запрещала войскам, "за исключением авиации", вторгаться в расположение немецких войск. Он явно сохранял иллюзию, будто войну можно отсрочить. Но в условиях внезапного нападения и без предварительной подготовки результативное выполнение директив было невозможно{1411}.

К 7 ч. собрались члены Политбюро. Сталин в соседней комнате обсуждал положение с Молотовым, Ворошиловым, Кагановичем и Маленковым. Хотя он казался спокойным и уверенным в себе, сделать официальное объявление по радио он поручил Молотову. Только в тот момент все дипломатические усилия по исправлению ситуации были оставлены и директивы по развертыванию войск различных фронтов получили зеленый свет. Они предусматривали осуществление "операций в глубину", в ходе которых авиация, уже подвергшаяся сокрушительному удару люфтваффе, должна была играть ведущую [349] роль в

разрушении боевых порядков немцев и уничтожении их авиации в тылу на глубине 100 — 150 км{1412}. Эти приказы так и не были выполнены.

* * *

Все утро 22 июня Сталин не исключал возможность, что Советский Союз просто запугивают, чтобы вынудить к политическому подчинению. Как признался Молотов Криппсу через неделю после того, как разразилась война, Кремль не ожидал, что она "начнется без всякого спора или ультиматума"{1413}. Интересно отметить первую реакцию Сталина на зловещие новости с фронта утром 22 июня. Немцы, ворчал он, "обрушились на нас без всякого предлога, не проведя никаких переговоров; просто напали, подло, как разбойники". Он также, по всей видимости, оправдывал свою политику накануне войны, пользуясь объяснением, которое дал нападению Шуленбург и которое гласило, что немцы "считают угрозой сосредоточение советских войск на их восточных границах и приняли контрмеры"{1414}.

Сталина в равной степени озадачивал тот факт, что Англия не присоединилась к походу на Советский Союз. Пока он верил, что может предотвратить войну, вероятность альянса с Англией маячила где-то далеко. Загипнотизированный недавними успехами немцев на Балканах, Сталин имел все меньше охоты делать малейший шаг, который мог бы быть истолкован ими как провокация. Дело Гесса и предостережения Криппса и Черчилля только усилили его подозрения насчет англичан. Когда британский поверенный в делах утром в воскресенье 22 июня нанес визит в Кремль, он обнаружил, что русские не только "крайне взволнованы", как и следовало ожидать, но и "исключительно осторожны"{1415}. Этим объясняется молчание Майского и смятение, захлестнувшее его в первые дни войны. Майский услышал о вторжении в утренних новостях по Би-Би-Си и даже отложил встречу с Иденом, пока не получил представление о советской политике из обращения Молотова по радио{1416}.

Во время уик-энда, предшествовавшего нападению, Черчилль впервые проявил некоторую заинтересованность в русской войне. Операция "Алебарда" против Роммеля провалилась, и война на востоке, по мнению Идена, могла бы оказаться полезной: "Нам нужна передышка, и это может пригодиться"{1417}. Мысли Черчилля преимущественно были заняты тем, как возобновить попытки "вернуть себе инициативу в Ливии и освободить Тобрук". Он надеялся послать туда жизненно необходимые 100 танков специальным конвоем, "если и когда

противник вступит в бой с Россией"{1418}. В тех обстоятельствах, какие сложились перед самой войной, добиться этого не стоило бы большого труда. Когда война разразилась, Майский поспешил задать Идену ряд вопросов, выдававших все ту же заботу:

"Может ли он заверить свое правительство, что наша позиция и наша политика неизменны? Он убежден, что Германия постарается сочетать наступление на Советский Союз с мирными инициативами в отношении западных держав. Может ли Советское правительство быть уверено, что наши боевые действия не затихнут?" [350]

Черчилль с радостью ответил на скромный запрос Майского. Он никогда не рассматривал мирных предложений и меньше всего собирался делать это теперь, когда Германия была связана на восточном фронте. Его риторика в знаменитой речи по радио в день вторжения, скрывая отсутствие каких-либо крупных сдвигов в стратегии, вся направлена на то, чтобы рассеять главную тревогу Советов, их поразительную уверенность в потворстве Англии нападению немцев: "Мы никогда не будем ничего обсуждать, никогда не будем вести никаких переговоров с Гитлером или кем-либо еще из его банды. Мы будем сражаться с ним на земле, будем сражаться с ним на море, будем сражаться с ним в воздухе..."{1419} Отзыв Майского об этой речи в его дневнике выдает испытанное им облегчение: "Сильное выступление! Замечательное выступление... По существу своему его речь — воинственная, решительная, никаких компромиссов или соглашений! Война до конца! Это как раз то, что нужно сегодня"{1420}.

Политбюро Британской коммунистической партии в тот же день, не дожидаясь инструкций из Москвы и прежде, чем услышало черчиллевское обещание поддержки, выпустило заявление, в котором утверждалось, что гитлеровское нападение — это "результат тайной деятельности, развернувшейся за кулисами миссии Гесса"{1421}. Видные работники советского посольства в Лондоне несколько раз выражали подозрения насчет одобрения Англией нападения Германии даже после речи Черчилля. Если Черчилль и Иден вынуждены будут уйти, настаивали они, те, кто придут на их место, "заключат с Германией сепаратный мир за счет Советского Союза"{1422}. Да и Криппс не был удивлен, обнаружив в свою первую встречу со Сталиным после вторжения, что тот опасается возможного сепаратного мира. В конце концов, признавался он в своем дневнике, "мы постарались дать им повод [для опасений] в прошлом, чтобы

помешать им слишком далеко зайти в отношениях с немцами"{1423}. "Все думали, — вспоминал Литвинов, ставший послом в Вашингтоне, несколько месяцев спустя, — что британский флот идет на всех парах в Северное море для совместной с Гитлером атаки на Ленинград и Кронштадт"{1424}. [354]

Заключение

В своей внешней политике Сталин не руководствовался сентиментами или идеологическими пристрастиями. На его государственную деятельность значительный отпечаток наложило наследие царской России, и вставшие перед ним проблемы имели глубокие исторические корни. "Я теперь читаю за завтраком историю жизни царя Александра и его сложных отношений с Наполеоном во времена Тильзита и после, — записал Стаффорд Криппс в своем дневнике всего за несколько месяцев до немецкого вторжения, — и поистине поразительно, до чего похожа стратегия Гитлера в отношении России на стратегию Наполеона в отношении Александра! Так и кажется порой, что история повторяется"{1425}.

Правда, правление Сталина характеризовалось особыми и весьма деспотическими методами достижения целей. Кто станет оспаривать катастрофические последствия сталинских чисток в армии в 1930-е гг. и его вмешательства в действия Верховного командования? Жестокая практика далеких революционных дней несомненно сохранилась. И все же было бы ошибкой объяснять советскую внешнюю политику после пакта Молотова — Риббентропа либо прихотью тирана, либо безудержным идеологическим экспансионизмом.

Сталинская политика выглядит рациональной и взвешенной — беспринципной Realpolitik, подчиненной четко определенным геополитическим интересам. Брошенный Марксом в 1848 г. международному пролетариату боевой клич: "Пролетариату нечего терять, кроме своих цепей", — вызывал в душе Сталина меньший отклик, нежели знаменитое изречение Пальмерстона в том же году: "У нас нет вечных союзников и постоянных врагов. Вечны и постоянны наши интересы, и служить этим интересам наш долг". Как отмечал в характерной для него лаконичной манере Генри Киссинджер, "Ришелье или Бисмарку не составило бы труда понять стратегию [Сталина]". И все же традиционная "не стесняемая ограничениями политика баланса сил" смешивалась с меттерниховской верой в то, что отношения между государствами "должны определяться консенсусом между

правителями-единомышленниками"{1426}. Неудивительно, что во внешней политике Макиавелли, а не Ленин, был кумиром Сталина: у него даже была книга "Государь", переведенная специально для него.

Строгий нейтралитет вместо обязательств перед Германией — вот в чем Сталин видел главное достижение пакта Молотова — Риббентропа. Будучи вынужден подписать пакт, Сталин, очевидно, решил извлечь из него все, что только можно. Он стремился компенсировать обиды, нанесенные России, по его мнению, не только на Версальской мирной конференции и в межвоенный период, но и в XIX веке, во время борьбы за господство в Европе. Сталин не рассчитывал, что Германия и Англия обескровят друг друга, воюя между собой, но, конечно, надеялся, что изрядное количество перьев они потеряют. Составляя собственную повестку для мирной конференции, он думал, [355] что получил достаточно долгую передышку для повышения боеготовности Красной Армии, в которой нуждался как в противовесе, чтобы иметь возможность торговаться на ожидаемых переговорах. Его политика была направлена исключительно на соблюдение государственных интересов Советского Союза, как он их понимал. В основе ее лежала идея "сфер влияния", ipso facto{*23} подрывающая идею суверенитета. Мысль о создании буферной зоны вдоль всей западной границы являлась наследием российских царей, считавших свободный доступ к Черному морю на юге и к Балтийскому морю на севере необходимым условием для утверждения России на позиции великой европейской державы и для защиты ее уязвимых границ. Малым государствам, затесавшимся между Россией и Германией на всем протяжении буферной зоны, от Финляндии на севере до Турции на юге, приходилось приспосабливать свою политику к реалиям, обусловленным геополитическими факторами. Невыполнение этого условия приводило к катастрофическим последствиям и обычно объяснялось неверной оценкой либо своей способности сопротивляться, либо масштабов поддержки, которую могла предоставить третья сторона. В конечном итоге жертвы "игры сил" могли рассчитывать в лучшем случае на протесты международной общественности.

Во время "странной войны" Сталин самоуверенно считал, что достиг урегулирования на своих западной и северной европейских границах. Кроме того, полученная им передышка, казалось, давала ему достаточно времени, чтобы подкрепить свою дипломатию усовершенствованием военной машины. Однако Балканы и Проливы притягивали его взгляд.

Принимая во внимание образование впоследствии Большого Альянса, историки редко признают, что русские относились к немцам и англичанам с равной подозрительностью. Вступление Черчилля на пост премьера в мае 1940 г. их не утешало. Он не очень-то оспаривал фаталистическую концепцию Форин Оффис, исключавшую возможность сотрудничества с Советским Союзом на время войны. В Лондоне считали само собой разумеющимся, что пакт о нейтралитете в конце концов выльется в военный альянс между Советским Союзом и Германией. Последствия возможного конфликта между Англией и Советским Союзом для генеральной стратегии войны рассматривались весьма поверхностно. И действительно, Советский Союз дважды стоял на пороге войны с Англией: во время советско-финской войны и когда Союзники решили бомбить советские нефтепромыслы в Баку. Подобным планам, в разработке которых Черчилль участвовал лично, помешала осуществиться только оккупация немцами Норвегии, Дании и Франции.

Назначение сэра Стаффорда Криппса послом в Москву представляло собой последнюю попытку не дать оформиться советско-германскому блоку после катастрофического падения Франции. Но это была еще, как верно понял Сталин, и попытка вбить клин между Советским Союзом и Германией на Балканах. Однако Криппс, чьи идеи по поводу послевоенной Европы совпадали со взглядами Москвы, открыто выступал оппонентом собственного правительства. Его жестокие [356] разногласия с Черчиллем и чиновниками Форин Оффис, не ускользнувшие от внимания Сталина, вылились в противоречивую политику, еще больше смазывавшую всю картину в той атмосфере паранойи, которая царила в Кремле.

Весь 1940-й год именно британское морское господство в Средиземноморье, а не германская угроза, по-видимому, угнетало Сталина. Помня об историческом опыте Крымской войны и союзной интервенции времен гражданской войны, он боялся, как бы Турция не послужила плацдармом для атаки Союзников на СССР. С его точки зрения, только полный контроль над черноморским побережьем и устьем Дуная мог придать законченный вид системе безопасности, достигнутой путем заключения пакта Молотова — Риббентропа.

Блестящая победа вермахта во Франции спутала все карты и поколебала уверенность Сталина. Перед ним встала мрачная перспектива или остаться в стороне от мирного урегулирования, или быть подавленным превосходством Германии, если он не возьмет в свои руки инициативу, чтобы защитить интересы

Советского Союза. Угроза того, что Гитлер добьется гегемонии в Европе с помощью чисто военного превосходства, сблизила Сталина с Муссолини. Выступая единым фронтом, они надеялись консолидироватьь общие интересы на Балканах, Средиземном и Черном морях, с благословения Германии. Новая общность интересов зародилась в вакууме, образовавшемся, когда сошло на нет англо-французское присутствие в Средиземноморье и на Балканах. Но как только немцы обратили свое внимание на Балканы, и особенно на экономические ресурсы Румынии, они всей своей мощью навалились на Италию, чтобы положить конец ее мертворожденному сотрудничеству с Советским Союзом.

Именно растущее советско-итальянское взаимопонимание подготовило почву для советской оккупации Бессарабии. Экспансия к устью Дуная отнюдь не имела главной целью воссоединение земель, она дала русским контроль над рекой и служила трамплином для дальнейшего продвижения к Проливам. Сталин считал обеспечение сухопутного моста к турецким Проливам важнейшим условием для достижения любого нового урегулирования вопроса о них. Русских очень встревожило намеренное исключение их из арбитража, навязанного Румынии, Венгрии и Болгарии в Вене 30 августа, определявшего границы Румынии и механизм контроля над Дунаем. Это подрывало статус Советского Союза как великой европейской державы, вскрывало серьезную брешь в его системе безопасности и преграждало путь его устремлениям на Черном море.

Поэтому мало оснований для заявления, будто во время своего визита в Берлин в ноябре 1940 г. Молотов сговаривался с Гитлером о переделе всего мира. Директива для переговоров, продиктованная Молотову на сталинской даче и записанная им, сводилась к защите насущных советских интересов на Балканах и в турецких Проливах, обусловленных соображениями безопасности. Впрочем, бесспорно, безопасность эта должна была отчасти обеспечиваться путем аннексии определенных территорий без оглядки на их суверенитет. Сталин, в частности, был против расчленения Британской империи, которую видел участницей предполагаемой мирной конференции, хотя и в качестве державы, клонящейся к упадку. [357]

После берлинской встречи Сталин разрывался между желанием не допустить немцев к Проливам и боязнью, что любое сотрудничество с англичанами на Балканах может спровоцировать немцев и послужить англичанам средством втянуть СССР в войну. Обращение Сталина к сложным дипломатическим ходам

показывало, что он отдает себе отчет в слабости Красной Армии, серьезно покалеченной репрессиями 1937 — 1938 гг. Поэтому неустанно прилагались усилия, чтобы повысить боеготовность армии и, самое главное, ее роль как рычага, когда придется торговаться на грядущей мирной конференции, которая, как надеялся Сталин, разрушит Версальскую систему и восстановит положение Советского Союза как великой державы. Когда соберется мирная конференция, Советский Союз, считал он, будет достаточно силен, чтобы возместить все прошлые и нынешние обиды.

Острое ощущение угрозы Советскому Союзу со стороны Германии заставляло Сталина идти по проволоке, отчаянно добиваясь и политического урегулирования, и восстановления Красной Армии. Основные директивы Генерального штаба за 1941 г., впервые рассмотренные здесь, показывают, что Сталин, будучи полностью в курсе масштабов развертывания немецких войск, лихорадочно пытался реформировать армию весной 1941 г. Подобные меры детально обсуждались на особом совещании Верховного командования в Кремле в декабре и апробировались в ходе двух комплексных военных учений в начале 1941. Предполагаемым условием и на тех, и на других учениях являлось немецкое вторжение в Советский Союз. Итоги учений нашли отражение в планах мобилизации и развертывания войск, подготовленных генералом Жуковым, вновь назначенным начальником Генерального штаба, весной 1941 г. Была возрождена изощренная военная доктрина, разработанная в середине 1930-х гг. под руководством генерала Тухачевского, позднее репрессированного и расстрелянного. Прилагались огромные усилия, чтобы ускорить укрепление новых границ, установленных в 1939 — 1940 гг., но это так и не было доведено до конца, когда Германия напала на СССР.

В середине апреля 1941 г. начальник Управления военной разведки генерал Голиков передал Сталину тревожный рапорт о массовом движении войск из Германии к советской границе. Сталин согласился, что, несмотря на большие успехи, Красная Армия еще далеко не готова к бою. Перестановки в Верховном командовании мешали перестройке в армии: за один-единственный предвоенный год сменились три начальника Генерального штаба. Поток рапортов от командиров дивизий обнаруживал серьезные внутренние недостатки. Поэтому единственным решением мог быть временный компромисс с немцами. Заключение соглашения о дружбе с Югославией в начале апреля 1941 г. вовсе не преследовало цель дать

отпор Гитлеру, как утверждают до сих пор. На волне народной поддержки, после того как в Белграде в результате переворота пришло к власти независимое правительство, Сталин надеялся удержать Гитлера от перенесения войны дальше на восток и вернуть его к идее мирной конференции. Драматические переговоры между югославами и русскими фактически были подчинены общему желанию предотвратить войну, а не организовать эффективное сопротивление Гитлеру. Если бы все-таки начались военные действия, Сталин собирался вернуться на позицию нейтралитета, поощряя при этом югославов, чтобы они связали вермахт по [358] крайней мере на два месяца, после чего погодные условия вынудили бы немцев отложить кампанию до следующей весны. Большие надежды Наркомата обороны, поддерживаемые Молотовым, оказались беспочвенными, так как Югославия была оккупирована всего за десять дней с момента немецкого вторжения. Перед Сталиным оказались почти не понесшие потерь силы вермахта, развернутые по всей границе раньше, чем он ожидал, прежде, чем начался диалог с Гитлером, которого он добивался.

Следует обратить внимание на два аспекта примиренческой политики Сталина. Один из них — это драматичное решение распустить Коминтерн, который он считал главным камнем преткновения на пути к будущему сотрудничеству с Германией. Второй — пакт о нейтралитете с Японией, подписанный в апреле 1941. Смысл этого пакта не в том, чтобы уменьшить угрозу войны на два фронта, как до сих пор считают. Это был скорее позитивный шаг, сопровождавшийся сходными попытками примириться с Италией и воскресить идею Риббентропа, чтобы Советский Союз присоединился к Оси. Удивительным открытием в российских архивах стал тот факт, что эти напрасные надежды питал и германский посол в Москве, граф Вернер фон Шуленбург, впоследствии один из лидеров неудавшегося заговора против Гитлера в 1944 г. Не сумев убедить Гитлера в безумии войны против Советского Союза, Шуленбург выступил в Москве с несанкционированными инициативами, чтобы предотвратить войну. Во время нескольких тайных встреч за завтраком с представителями советского руководства он побуждал Сталина предпринять шаги, которые, как он думал, приведут к возобновлению переговоров, начатых Молотовым в Берлине прошлой осенью. Шуленбург, так же как Криппс и Майский, отвлекал внимание Сталина от истинной опасности, постоянно подчеркивая необходимость задобрить Германию, пресекая слухи о войне, исходящие из Лондона. Он усугублял глубоко

укоренившиеся подозрения Сталина, что после фиаско в Греции и Северной Африке Черчилль стремится втянуть Советский Союз в войну, чтобы ослабить натиск немцев на Англию.

Сталин, не желая считаться с возможными последствиями ошибки, твердо следовал своей примиренческой политике и старался избегать провокаций любой ценой, и это, вероятно, единственный наиважнейший фактор, обусловивший катастрофу, постигшую русских 22 июня. Одним из тяжких его последствий являлось возрастание недоверия Сталина к военным в решающий месяц перед нападением Германии на СССР. Более чем когда-либо Сталин выступал приверженцем дипломатии в своих попытках умиротворить Гитлера и хотя бы отсрочить войну, если не избежать ее. Югославский эпизод обозначил водораздел. Как до него Чемберлен, Сталин был загипнотизирован германской мощью и выбрал дипломатическое решение. Но, обращаясь к опыту английского "примиренчества", он все же не пренебрегал военной силой, и процесс восстановления армии шел, когда разразилась война.

На желание добиться соглашения с Германией любой ценой сильно повлиял и страх, как бы провокации англичан не вовлекли СССР в войну. Вопреки мнению Черчилля, массовое сосредоточение немецких войск на востоке в Лондоне неизменно, вплоть до первой недели июня 1941 г., интерпретировали как средство давления, применяемое [359] немцами, чтобы обеспечить положительные результаты на переговорах, которые, как воображали в Англии, ведутся между СССР и Германией. Сведения, представленные здесь, показывают, что предостережение Черчилля Сталину по поводу развертывания немецких войск, сделанное в апреле, вовсе не стало вехой в образовании Большого Альянса, а фактически принесло обратный результат. Сталин отвернулся от главной подстерегавшей его опасности, подозревая, что Черчилль намеревается втянуть СССР в военные действия. Его ложные выводы только подтверждались несанкционированными дипломатическими инициативами Криппса. Криппс, не разделявший концепцию своего правительства относительно неизбежного советско-германского соглашения, считал, что единственный эффективный способ привлечь русских на сторону Англии — это сыграть на их боязни сепаратного мира. Его предостережения, подкрепленные слухами, исходившими из Форин Оффис, оказались крайне неуместны, так как всколыхнули в душе Сталина давние страхи.

Несмотря на чистки, нанесшие большой ущерб советской разведке, она оставалась весьма эффективной и не страдала от недостатка информации. Однако и она не была свободна от общей проблемы всех разведок: информация, представляемая руководству, предварительно анализировалась и просеивалась, что приводило к тенденциозному прочтению материала. В массе разведывательных сведений, скапливавшихся на столе у Сталина, было достаточно двусмысленности, чтобы убедить его, будто нападение может быть отсрочено или, по крайней мере, начнется в тот момент, который он сам выберет, если правильно разыграет свои, дипломатические карты. Сообщения разведки указывали на возможность раскола между Гитлером и вермахтом: Гитлер надеется добиться своего путем переговоров, а вермахт хочет войны. Это лишь усиливало уверенность Сталина в том, что объявить общую мобилизацию и начать развертывание войск на границе равносильно началу военных действий. Фактически его не вводили в заблуждение ни германская разведка, ни его собственные спецслужбы. Он явно поддался самообману, постоянно находя рациональные на вид оправдания своих ложных представлений.

В свете этого история с полетом Рудольфа Гесса, заместителя Гитлера, с миссией мира в Англию 12 мая 1941 г. представляет собой ключ к пониманию советского отношения к надвигающемуся конфликту. Совсем недавно обнародованные английским правительством документы свидетельствуют о поразительной попытке МИ-6, с подачи Форин Оффис, использовать дело Гесса "как обманку" с помощью тайных разведывательных источников, чтобы помешать русским заключить соглашение с Германией. Эта дезинформация, казалось, подтверждала мнение Сталина о существовании раскола внутри германского руководства и о том, что Гесс добивается мира с Англией, чтобы убедить Гитлера снять все оговорки по поводу кампании против СССР. Как надеялась британская разведка, такая информация внушит Сталину мысль объединиться с Англией, пока не поздно, вместо того чтобы стремиться к соглашению с Германией. Однако в Кремле она произвела обратный эффект, укрепив уверенность, что слухи о войне действительно фабрикуются в Лондоне в попытке вовлечь СССР в ненужный конфликт. [360]

Таков контекст, в котором следует рассматривать директиву Жукова от 15 мая об упреждающем ударе по Германии. Конечно, эта директива у "ревизионистов" служит гвоздем программы. По их мнению, данный план исходил от самого

Сталина и был "надлежащим образом подписан", что доказывает "наступательный", т.е. агрессивный, характер советской стратегии. И все же директива так и не была утверждена, а на следующий день Жуков подписал вторую директиву об оборонительном развертывании Красной Армии на границах ввиду возможного нападения Германии. И именно эта директива, с незначительными изменениями, оставалась в силе до 22 июня. Кроме того, всесторонний анализ предложений Жукова лишает их зловещего смысла. В соответствии с весьма сложной доктриной "оперативного искусства", разработанной в середине 1930-х гг., исключительно талантливыми генералами Тухачевским и Триандафиловым, директива предусматривала "удар", действие, ограниченное вполне определенными рамками, в тыл сосредоточения немецких войск. Это рассматривалось не как создание плацдарма для завоевания сердца Европы, а как ограниченная операция с целью прекращения наращивания сил Германии, следовательно, оборонительного характера.

События перед самой войной приняли драматичный и угрожающий оборот. Эффективная кампания немцев по дезинформации и вызванные ею заблуждения совпали с внезапным отзывом Криппса в Лондон для консультаций, последовавшим при подозрительных обстоятельствах в начале июня. Это придавало вес гипотезе, будто за кулисами все же разрабатывается некое соглашение, развязывающее Гитлеру руки на востоке. Столь же тревожными были косвенные признаки, указывающие на то, что американцы оказывают давление на Черчилля и Идена, заставляя принести СССР в жертву в обмен на мирные предложения. Наконец, всегда существовала такая возможность, что, даже если мирные предложения останутся без ответа, Англия все же продемонстрирует немцам свое желание остаться в стороне в случае войны с Советским Союзом. Но Сталину, осознавшему к тому моменту, что вступить в военное столкновение ему не с чем, привлекательнее казалась теория раскола. В то время как армия и ревностные нацисты настаивают на войне, Гитлер и Риббентроп по-прежнему верны духу пакта с Советским Союзом и считают, что могут получить от Сталина и товары, и, может быть, даже негласную поддержку против англичан мирным путем. Сталин оставался непоколебим в своей уверенности, что англичане пытаются спровоцировать войну и что никакого нападения Германии не будет без предварительного ультиматума. Эти его известные взгляды мешали его непосредственному окружению, различным подразделениям разведки и послам

оценить до конца масштабы опасности. Двусмысленное звучание донесений разведки, навязчивый страх провокации при понимании того факта, что Красная Армия вряд ли сможет сдержать вермахт, внесли свой вклад в катастрофу, постигшую русских на рассвете 22 июня 1941.

Когда Жуков позвонил Сталину на дачу, чтобы сообщить о нападении Германии, тот, казалось, все еще верил, что это вермахт пытается спровоцировать войну без санкции Гитлера. Поэтому его первая директива запрещала армии полностью осуществить развертывание в боевые порядки. Когда реальность войны стала очевидна, он был [361] убежден, что англичане потворствовали нападению. Только через две недели, после тяжелого нервного срыва и признания своих просчетов, Сталин смог снова взять в свои руки бразды правления и вступить на трудный путь восстановления своего лидерства и мобилизации всего населения на защиту "родины-матери".

То, что Сталин не сумел подготовиться к удару немцев, является результатом нелегкого политического выбора, перед которым оказался Советский Союз в преддверии Второй мировой войны и тем более накануне Великой Отечественной войны. Усугубляли положение самообман и просчеты Сталина, следствие авторитарного стиля его правления. И все же даже теперь, задним числом, трудно назвать более верные альтернативы, какие могли бы быть у Сталина. Если бы он принял упреждающие меры, удар можно было бы в лучшем случае смягчить, но, конечно, не предотвратить. Никто из игроков в "большой игре", как называл это Сталин{1427}, не предвидел масштабов военных успехов Германии во Франции и на Балканах. Еще до войны, по свидетельству Молотова, Сталин "чувствовал, что только к 1943 г. мы могли бы встретиться с немцами на равных"{1428}. Скорее всего, в самом начале он надеялся полностью избежать войны и пожать плоды мирной конференции, которая, как он ожидал, должна была быть созвана где-то в конце 1941 г.

Библиография

Первичные источники

Архивы

Архив Болгарского министерства иностранных дел (АМВнР)

Архив Кэ д'Орсэ (русские материалы)

Архив Президента Российской Федерации: избранные документы (АЛ РФ)

Архив Российского министерства иностранных дел (АВП РФ)

Архив Шведского министерства иностранных дел (UD:s Arkiv 1920 ARS)

Архив Югославского министерства иностранных дел (AJ)

Архивы российских служб безопасности: документы, связанные с освещением намерений немцев в отношении Советского Союза (ЦА СВР РФ и ЦА ФСБ РФ)

Болгарский центральный государственный архив: материалы Министерства иностранных дел (ЦДА МБР)

Государственный архив Великобритании: архивы Форин Оффис (FO), премьер-министра (PREM), Объединенного комитета разведки (JIC), Генерального штаба (COS), Объединенного штаба планирования (JP), Министерства военной экономики (MEW), Военного министерства (WO)

Национальный архив, Вашингтон: материалы Государственного департамента (State Department)

Российские военные архивы: документы Генерального штаба и ГРУ (АГШ РФ и ГРУ ГШ РФ)

Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ)

Шведский военный архив (Krigsarkivet)

Югославский архив военной истории (Archiv Vojeno-istorijskog instituta)

Личные бумаги

Бумаги Дмитрия Волкогонова (Library of Congress, Washington)

Бумаги лорда Галифакса (York University)

Бумаги Хью Далтона (London School of Economics)

Бумаги Энтони Идена (Birmingham University)

Бумаги Александра Кэдогана (Churchill College, Cambridge University)

Бумаги Уолтера Монктона (Bodleian Library, Oxford University)

Бумаги Беатрис Уэбб (London School of Economics)

Бумаги Невилла Чемберлена (Birmingham University)

Бумаги Уинстона Черчилля (Churchill College, Cambridge University)

Дневник Георгия Димитрова (Национальная библиотека, София)

Дневник Ивана Майского (АВП РФ)

Дневник и бумаги Стаффорда Криппса (собрание сэра Мориса Шока)

Публикации документов

Документы внешней политики, 1939 год: В 2 т. М., 1992. Документы внешней политики, 1940 — 22 июня 1941. Т. I. М., 1995

Кирпиченко В. Из архива разведчика. М., 1994.
Коминтерн и вторая мировая война. М., 1994.
Органы Государственной Безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов: В 2 т. М., 1995.
Русский архив: Великая Отечественная. Накануне войны: материалы совещания высшего руководящего состава РККА, 23 — 31 декабря 1940 г. / Под ред. В.А.Золотарева. М, 1993.
Русский архив: Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР, 1937 — 21 июня 1941 г. / Под ред. В.А.Золотарева. М., 1994.
Секреты Гитлера на столе у Сталина: разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР, март — июнь 1941 г. М., 1995.
Скрытая правда войны: 1941 год. М., 1992.
Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941-1945: В 2 т. М., 1983.
Советско-болгарские отношения и связи 1917 — 1944 гг. М., 1976.
Советско-югославские отношения, 1917 — 1941 гг. М., 1992.
Document! Diplomatici Italiani. Ser. 8. Vol. 2. Roma, 1952.
Documents on British Foreign Policy, 1919 — 1939 / Ed. by E.L.Woodward. 3rd ser. Vol. V. London, 1952.
Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol. I — XII. Gцttingen, 1966 — 1978.
Foreign Relations of the United States. 1941. Vol. I.
Gafencu G. Misiune la Moscova, 1940 — 1941: Culegere de dokumente. Bucuresti, 1995.
Kimball W.F. Churchill and Roosevelt: The Complete Correspondence: 3 vols. Princeton, 1984.
Kimball W.F. The Juggler: Franklin Roosevelt as Wartime Statesman. Princeton, 1991.
Nazi-Soviet Relations, 1939 — 1941: Documents from the Archives of the German Foreign Office / Ed. by R.Sontag, J.S.Beddie. Washington, DC, 1948.
Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militдrgerichtshofe: Nьrnberg, 14. November 1945 — 1. Oktober 1946. Nьrnberg, 1947.

Газетные и журнальные публикации документов

Безыменский Л., Горлов С. Накануне: Переговоры В.М.Молотова в Берлине в ноябре 1940 года // Международная жизнь. 1991. № 6, 8.

Вишлев О.В. Почему же медлил И.В.Сталин в 1941 г. (из германских архивов) // Новая и новейшая история. 1992. № 1. С. 86 — 100; № 2. С. 70-96.

Горчаков О. Накануне, или Трагедия Кассандры: повесть в документах // Неделя. 1988. № 42 — 44.

Записки и информация в ЦК ВКП(б) и СНК СССР // Известия ЦК КПСС. 1990. № 5.

Латышева А. Речь в Большом Кремлевском дворце, 5 мая 1941 года // Искусство кино. 1990. № 5.

Леонидов. Военная разведка о подготовке к нападению Германии на СССР // Военно-исторический журнал. 1995. № 3.

Накануне войны (1940 — 1941 гг.) / Под ред. Л.М.Сандалова // Известия ЦК КПСС. 1990. № 4.

О подготовке Германии к нападению на СССР // Известия ЦК КПСС. 1990. № 4.

Шетров Ю. Великая Отечественная: неизвестные документы // Красная звезда. 1992. 15 февр.

Сиполс В.Я. Тайные документы "странной войны" // Новая и новейшая история. 1993. № 2.

Советско-германские документы 1939 — 1941 гг.: из архива ЦК КПСС // Новая и новейшая история. 1993. № 1.

Besymensky L. Die Rede Stalins am 5. Mai 1941. Dokumentiert und interpretiert // Osteuropa. 1992. № 3.

Биографии, автобиографии и дневники

Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1975.

Василевский А.М. Накануне войны // Новая и новейшая история. 1992. № 6.

Головко А.Г. Вместе с флотом. М., 1960.

Громыко А. Памятное: В 2 т. М., 1990.

Егоров А. Рихард Зорге (К 90-летию со дня рождения) // Военно-исторический журнал. 1985. № 10.

Жуков Е.М. Происхождение второй мировой войны // Новая и новейшая история. 1980. № 1.

Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989.

Карпов В. Жуков // Коммунист вооруженных сил. 1990. № 5.

Карпов В. Маршал Жуков. Опала. М., 1994.

Колесников М. Жизнь и бессмертие Рихарда Зорге: Повесть. М., 1985.
Кузнецов Н.Г. Накануне. М., 1989.
Новиков Н.В. Воспоминания дипломата: записки 1938 — 1947. М., 1989.
Новобранец В.А. Воспоминания // Знамя. 1990. № 6.
Рокоссовский К.К. Солдатский долг // Военно-исторический журнал. 1991. № 7. С. 4-11.
Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М., 1984.
Сандалов Л.М. Пережитое. М., 1966.
Сандалов Л.М. Стояли насмерть // Военно-исторический журнал. 1988. № 11.
Треппер Л. Большая игра. М., 1990.
Филов Б. Дневник. София, 1986.
Харламов М.М. Трудная миссия. М., 1983.
Хрущев Н.С. Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1990. № 6-10.
Чуев Ф.И. Сто сорок бесед с Молотовым: из дневника Ф.Чуева. М., 1991.
Чукреев В.И. Загадка 22 июня 1941 года // Военно-исторический журнал. 1989. № 6.
Assarasson V. I skuggan av Stalin. Stockholm, 1963.
Berezhkov V. History in the Making. Moscow, 1983.
Berezhkov V. Stalin's Error of Judgement // International Affairs. 1989. September.
Bullock A. Hitler and Stalin: Parallel Lives. London, 1991.
Carlton D. Anthony Eden: A Biography. London, 1981.
Churchill W. The Second World War. Vols. I-IV. London, 1948-1950.
Ciano G. Ciano's Diplomatic Papers. London, 1948.
Ciano's Diaries, 1939 — 1943 / Ed. by M.Muggeridge. London, 1948.
The Diaries of Sir Alexander Cadogan, 1938 — 1945. London, 1971.
The Diplomatic Diaries of Oliver Harvey, 1937 — 1940 / Ed. by J.Harvey. London, 1970.
The Eden Memoirs: The Reckoning / Ed. by D.Dilks. London, 1965.
Elvin H. A Cockney in Moscow. London, 1958. /
Gilbert M. Finest Hour: Winston S. Churchill, 1939-1941. London, 1983. j
Gцbbels Tagebьcher. 1924 — 1945 / Hrsg. von R.G.Reuth. Mьnchen; Zьrich^ 1992.
Halder F. Kriegstagebuch. Stuttgart, 1963.

Herwarth H., von. Against Two Evils: Memoirs of a Diplomat-Soldier during the Third Reich. London, 1981.

Hilger G., Meyer A.G. The Incompatible Allies: A Memoir-History of German-Soviet Relations, 1918-1941. New York, 1971.

Irving D. Hess: The Missing Years, 1941 — 1945. London, 1989.

Khrushchev N.S. Khrushchev Remembers. Boston, 1970.

Kirkpatrick I. The Inner Circle. London, 1959.

Knatchbull-Hugessen H. Diplomat in Peace and War. London, 1949.

Knox M. Mussolini Unleashed, 1939 — 1941: Politics and Strategy in Fascist Italy's Last War. Cambridge, 1982.

Maisky I. Memoirs of a Soviet Ambassador: The War, 1939 — 1943. London, 1967.

Padfield P. Rudolf Hess: The Fьhrer's Disciple. London, 1993.

Papen F., von. Memoirs. London, 1952.

Peter, King. King's Heritage: The Memoirs of King Peter II of Yugoslavia. London, 1955.

Radzinsky E. Stalin: The First In-Depth Biography Based on Explosive New Documents from Russia's Secret Archives. New York, 1997.

Rendel G. The Sword and the Olive: Recollections of Diplomacy and the Foreign Service. London, 1957.

Ribbentrop J., von. The Ribbentrop Memoirs. London, 1954.

Schacht H. Confessions of the Old Wizard. Boston, 1956.

Schmidt P. Hitler's Interpreter. London, 1952.

Speer A. Inside the Third Reich. New York, 1970.

Sudoplatov P. Special Tasks: The Memoirs of an Unwanted Witness — a Soviet Spymaster. London, 1993.

Die Tagebьcher von Joseph Gцbbels: Sдmtliche Fragmente. Teil I: Aufzeichnungen, 1924 — 1941 / Hrsg. von E.Frцhlich. Mьnchen, 1987.

Thomas H. The Murder of Rudolf Hess. London, 1979.

Weizsacker E.H. Memoirs. London, 1951.

Die Weizsacker-Papiere, 1933 — 1950 / Hrsg. von L.E.Hill. Frankfurt, 1974.

Вторичные источники

Анфилов В.А. Незабываемый сорок первый. М., 1982.

Безыменский Л. Советская разведка перед войной // Вопросы истории. 1996. № 9.

Беляев В.И. Усиление охраны западной границы СССР накануне Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1988. № 5.

Борщов А.Д. Отражение фашистской агрессии: уроки и выводы // Военная мысль. 1990. № 3.

Бухаркин И.В. Но тут вмешалась Югославия // Правда. 1991. 1 июня.

Вишлев О.В. Была ли в СССР оппозиция "германской политике" Сталина накануне 22 июня 1941 г. // Новая и новейшая история. 1994. № 4 — 5.

Вишлев О.В. Почему же медлил И.В.Сталин в 1941 г. (из германских архивов) // Новая и новейшая история. 1992. № 1 — 2.

Волков В.К. Советско-югославские отношения в начальный период второй мировой войны в контексте мировых событий (1939 — 1941 гг.) // Советское славяноведение. 1990. № 6.

Волкогонов Д. 22 июня 1941 года // Знамя. 1991. № 6.

Воронцов М. Перед войной: записки бывшего военного дипломата // Морской сборник. 1985. Вып. 6.

Гареев М.А. Еще раз к вопросу: готовил ли Сталин превентивный удар в 1941 // Новая и новейшая история. 1994. № 2.

Гареев М.А. 1941-й год — начало войны // Мужество. 1991. № 5.

Гладков Т., Зайцев Н. И я ему не могу не верить... М., 1983.

Городецкий Г. Миф "Ледокола": накануне войны. М., 1995.

Горьков Ю.А. Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 г. // Новая и новейшая история. 1993. № 3.

Готовил ли СССР превентивный удар? / Ред. Е.И.Зюзин // Военно-исторический журнал. 1992. № 1.

Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? / Под ред. В.А.Невежина, Г.А.Бордюгова. М., 1995.

Десятсков С.Г. Уайтхолл и Мюнхенская политика // Новая и новейшая история. 1979. № 3.

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления: В 3 т. М., 1995.

Жуков Г.К. Из неопубликованных воспоминаний // Коммунист. 1988. № 9.

Зверев Б.И., Куманев Г.А. О военно-экономической готовности СССР к отражению фашистской агрессии // Вопросы истории КПСС. 1991. № 9.

Иваницкий Г.М. Советско-германские торгово-экономические отношения в 1939 — 1941 гг. // Новая и новейшая история. 1989. № 5.

История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941 — 1945. М., 1961.

Кошкин А.А. Предыстория заключения пакта Молотова — Мацуока (1941 г.) // Вопросы истории. 1993. № 6.

Лаврова Т.В. Черноморские проливы. Ростов н/Д, 1997.

Медведев Р. Дипломатические и военные просчеты Сталина в 1939 — 1941 гг. // Новая и новейшая история. 1989. № 4.

Международные отношения и страны центральной и Юго-Восточной Европы накануне нападения Германии на СССР (сентябрь 1940 — июнь 1941 гг.) // Советское славяноведение. 1991. № 4.

Мельтюхов М.И. Предыстория Великой Отечественной войны в современных дискуссиях // Исторические исследования в России: Тенденции последних лет / Под ред. Г.А.Бордюгова. М., 1996.

Нарочницкий А.Л. Советско-югославский договор 5 апреля 1941 г. о дружбе и ненападении (по архивным материалам) // Новая и новейшая история. 1989. № 1.

Невежин В.А. Синдром наступательной войны. М., 1997.

Орлов А.С. СССР — Германия: военно-политические отношения накануне агрессии // Военно-исторический журнал. 1991. № 10.

Пещерский В.Л. "Большая игра", которую проиграл Сталин // Новое время. 1995. № 18.

Пещерский В.Л. Гитлер водил за нос Сталина // Новое время. 1994. № 47.

Решетникова О.Н. Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период фашистской агрессии на Балканах и подготовки нападения на СССР. М., 1992.

Розанов Г.Л. Сталин — Гитлер: Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений, 1939 — 1941 гг. М., 1991.

Савушкин Р.А. Развитие Советских вооруженных сил и военного искусства в межвоенный период (1921 — 1941). М., 1989.

Севостьянов П.П. Накануне великой битвы // Новая и новейшая история. 1981. № 4. С. 99 — 128.

Семиряга М.И. Советский Союз и предвоенный политический кризис // Вопросы истории. 1990. № 9. С. 49 — 64.

Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии, 1939 — 1941. М., 1992.

Симонов К.М. Заметки к биографии Г.К.Жукова // Военно-исторический журнал. 1987. № 10.

Сиполс В.Я. Еще раз о дипломатической дуэли в Берлине в ноябре 1940 г. // Новая и новейшая история. 1996. № 3.

Сиполс В.Я. Миссия Криппса в 1940 г. Беседа со Сталиным // Новая и новейшая история. 1992. № 5.

Сиполс В.Я. Торгово-экономические отношения между СССР и Германией в 1939 — 1941 гг. в свете новых архивных документов // Новая и новейшая история. 1997. № 1.

Сквирский Л.С. В предвоенные годы // Вопросы истории. 1989. № 9.

Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941 — 1945. М., 1995.

Советско-югославские отношения 1917 — 1941 гг. Сборник документов и материалов. М., 1992.

Фирсов Ф.И. Архивы Коминтерна и внешняя политика СССР 1939- — 1941 гг. // Новая и новейшая история. 1992. № 6.

Хорьков А.Г. Накануне грозных событий // Военно-исторический журнал. 1988. № 5.

Хорьков А. Г. Укрепленные районы на западных границах СССР // Военно-исторический журнал. 1987. № 12.

Цукерторт И. Германский милитаризм и легенда о "превентивной войне" гитлеровской Германии против СССР // Военно-исторический журнал. 1991. № 5.

Чукреев В.И. Загадка 22 июня 1941 года // Военно-исторический журнал. 1989. № 6.

Шварцшильд Л. Неожиданный захват Гесса в ловушку, подстроенную английской "Сикрет сервис" // Военно-исторический журнал. 1991. № 5.

Якушевский А.С. Фактор внезапности в нападении Германии на СССР // История СССР. 1991. № 3.

Сирков Д. Външната политика на България, 1938 — 1941. София, 1979.

Accoce P., Quet P. A Man Called Lucy, 1939-1945. New York, 1967.

Andrew C Hess: An Edge of Conspiracy // Timewatch, BBC2. 1990. 17 Jan.

Andrew C, Gordievsky O. KGB: The Inside Story. London, 1991.

The Baltic and the Outbreak of the Second World War / Ed. by J.Hidden, T.Lane. Cambridge, 1992.

Barker E. British Policy in South-East Europe in the Second World War. London, 1976.

Barros J., Gregor R. Double Deception: Stalin, Hitler and the Invasion of Russia. Illinois, 1995.

Bell P.M.H. John Bull and the Bear: British Public Opinion, Foreign Policy and the Soviet Union, 1941 — 1945. London, 1990.

Bezymensky L. The Secret Protocols of 1939 as a Problem of Soviet Historiography // Soviet Foreign Policy, 1917 — 1991: A Retrospective / Ed. by G.Gorodetsky. London, 1994.

Cialer S. Stalin and his Generals: Soviet Military Memoirs of World War II. \ New York, 1969.

Cirley M.J. End of the "Low, Dishonest Decade": Failure of the Anglo-Franco-Soviet Alliance in 1939 // Europe-Asia Studies. 1993. Vol. 45. № 2.

Caulaincourt A, de. With Napoleon in Russia. New York, 1935.

Chaney O. Was It Surprise // Military Review. 1969. № 2.

Charmley J. Chamberlain and the Lost Peace. London, 1989.

Chihiro H. The Japanese-Soviet Neutrality Pact // The Fateful Choise: Japan's Advance into Southeast Asia, 1939 — 1941 / Ed. by J.Morley. New York, 1980.

Clarke J.C. Russia and Italy against Hitler: The Bolshevik-Fascist Rapprochement of the 1930s. Westport, Conn., 1991.

Cliadakis H. Neutrality and War in Italian Policy, 1939 — 1940 // Journal of Contemporary History. 1974. № 3.

Condren P. Soviet Foreign Policy: Part Two, 1934 — 1941 // Modern History Review. 1990. Vol. 1. № 4.

Conquest R. The Harvest of Sorrow. New York, 1986.

Coox A.D. Nomonhan: Japan against Russia, 1939. Stanford, 1986.

Costello J. Ten Days to Destiny: The Secret Story of the Hess Peace Initiative and British Efforts to Strike a Deal with Hitler. London, 1991.

Creveld M., van. The German Attack on the USSR: The Destruction of a Legend // European Studies Review. 1972. Vol. 2. № 1.

Creveld M., van. Hitler's Strategy, 1940 — 1941: The Balkan Clue. Cambridge, 1973.

Outright L.H. Great Britain, the Balkans, and Turkey in the Autumn of 1939 // International History Review. 1988. № 3.

Cvetkovic.. S. Sovjetska Prisutnost u Jugoslovenskoj Politici Na Pochetku Drugog Svetskog Rata // Istorija 20. Veka. 1995. № 1.

Dallin A. Hitler and Russia // Canadian Slavonic Papers. 1974. Vol. 16. № 3.

Dallin A. Stalin and the German Invasion // Soviet Union/Union Sovietique. 1991. № 1-3.

Dallin D.J. Soviet Russia's Foreign Policy, 1939 — 1942. New Haven, 1942.

Deakin F.W., Stony G.R. The Case of Richard Sorge. London, 1966.

Deringil S. The Preservation of Turkey's Neutrality during the Second World War: 1940 // Middle Eastern Studies. 1982. Vol. 18. № 1.

Deringil S. Turkish Foreign Policy during the Second World War: An "Active" Neutrality. Cambridge, 1989.

Douglas R. New Alliances, 1940 — 1941. London, 1982.

Douglas-Hamilton J. The Truth about Rudolf Hess. London, 1993.

Erickson J. The Road to Stalingrad. London, 1975.

Erickson J. Threat Identification and Strategic Appraisal by the Soviet Union, 1930 — 1941 // Knowing One's Enemies / Ed. by E.R.May. Princeton, 1984.

Fleischhauer I. Diplomatischer Widerstand gegen "Unternehmen Barbarossa". Berlin, 1991.

Fleischhauer I. Der Pakt: Hitler, Stalin und die Initiative der deutschen Diplomatie 1938-1939. Berlin, 1990.

Fцrster J. Barbarossa Revisited: Strategy and Ideology in the East // Jewish Social Studies. 1992. Vol. 50. № 1 — 2.

Fцrster J. Hitler Turns East — German War Policy in 1940 and 1941 // From Peace to War: Germany, Soviet Russia and the World, 1939 — 1941 / Ed. by B.Wegner. Oxford, 1997.

Fцrster J. Das Unternehmen "Barbarossa" als Eroberungs- und Vernichtungskrieg // DRuZW. From Peace to War: Germany, Soviet Russia and the World, 1939 — 1941 / Ed. by B.Wegner. Oxford, 1997.

Fugate B.I. Operation Barbarossa: Strategy and Tactics on the Eastern Front, 1941. Novato, Calif, 1984.

Gafencu G. Prelude to the Russian Campaign. London, 1945. Gerard B.M. Mistakes in Force Structure and Strategy on the Eve of the Great Patriotic War // Journal of Soviet Military Studies. 1991. Vol. 4. № 3. Gibbons R. Opposition gegen Barbarossa im Herbst 1940: Eine Denkschrift aus der deutschen Botschaft in Moskau // Vierteljahrshefte fьr Zeitgeschichte.
1975. Bd. 23. № 3. Gillessen G. Der Krieg der Diktatoren: ein erstes Resьmee der Debatte ьber Hitlers Angriff im Osten // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1987. 25 Feb.
Glantz D. The Military Strategy of the Soviet Union: A History. London, 1993.
Glantz D. The Soviet Conduct of Tactical Manoeuvre: Spearhead of the Offensive. London, 1991.
Glantz D. Soviet Military Operational Art: In Pursuit of Deep Battle. London, 1990.
Glantz D. The Stumbling Colossus: The Red Army in June 1941. Kansas, 1998.
Gorodetsky G. The Impact of the Ribbentrop-Molotov Pact on the Course of
Soviet Foreign Policy // Cahiers du Monde Russe et Sovietique. 1990. Vol. 31. № 1.
Gorodetsky G. Stafford Cripps' Mission to Moscow. Cambridge, 1984.
Gorodetsky G. "Unternehmen Barbarossa": Eine Auseinandersetzung mit der Legende vom deutschen Prдventivschlag // Vierteljahrshefte fьr Zeitgeschichte. 1989. № 4.
Gorodetsky G. Was Stalin Planning to Attack Hitler in June 1941? // Journal of the Royal United Services Institution. 1986. № 3.
Hanak H. Sir Stafford Cripps as British Ambassador in Moscow, June 1941 — January 1942 // English Historical Review. 1979. № 370; 1982. № 383.
Harrison M. Soviet Planning in Peace and War, 1938 — 1945. Cambridge, 1985.
Haslam J. Soviet Foreign Policy 1939 — 1941 // Soviet Union/Union Sovietique. 1991. № 1-3.
Haslam J. The Soviet Union and the Struggle for Collective Security, 1933 — 1939. London, 1984.
Haslam J. The Soviet Union and the Threat from the East, 1933 — 1941. London, 1992.
Haslam J. Stalin's Fears of a Separate Peace, 1942 // Intelligence and National Security. 1993. Vol. 8. № 4.
Hauner M. The Soviet Threat to Afghanistan and India, 1938 — 1940 // Modern Asian Studies. 1981. Vol. 15. № 2.

Higgins T. Hitler and Russia: The Third Reich in a Two-Front War, 1937 — 1943. New York, 1966.
Hillgruber A. Germany and the Two World Wars. Cambridge, 1981.
Hillgruber A. Noch einmal: Hitlers Wendung gegen die Sowjetunion 1940 // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. 1982. № 33.
Hinsley F.H. Britisch Intelligence in the Second World War: Its Influence on Strategy and Operations. 4 vols. London, 1979 — 1990. Historikerstreit: Die Dokumentation der Kontroverse um die Einzigartigkeit der national-sozialistischen Judenvernichtung. Мьnchen, 1987.
Hitchens M.G. Germany, Russia and the Balkans: Prelude to the Nazi-Soviet Non-Aggression Pact. New York, 1983.
Hoptner J.B. Yugoslavia in Crisis, 1934 — 1941. New York, 1962.
Jukic I. The Fall of Yugoslavia. New York, 1974.
Kaslas B.J. The Lituanian Strip in Soviet-German Secret Diplomacy // Journal of Baltic Studies. 1973. № 4.
Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. London, 1988.
Kipp J.P. Military Theory: Barbarossa, Soviet Covering Forces and the Initial Period of War: Military History and Airland Battle // Journal of Soviet Military Studies. 1988. Vol. 1. № 2.
Kissinger H. Diplomacy. London, 1995.
Kitchen M. British Policy towards the Soviet Union during the Second World War. New York, 1986.
Koch H.W. Hitler's Programme and the Genesis of Operation "Barbarossa" // Historical Journal. 1983. Vol. 26. № 4.
Kolasky J. Partners in Tyranny: The Nazi-Soviet Nonaggression Pact, August 23, 1939. Toronto, 1990.
Krebs G. Japan and the German-Soviet War, 1941 // From Peace to War: Germany, Soviet Russia and the World, 1939 — 1941 / Ed. by B.Wegner. Oxford, 1997.
Kuniholm B.R. The Origins of the Cold War in the Near East: Great Power Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey, and Greece. Princeton, 1994.
Laqueur W. Disinformation // New Republic. 1991.
Lawlor S. Churchill and the Politics of War. Cambridge, 1994.
Leach B.A. German Strategy against Russia, 1939 — 1941. Oxford, 1973.

Lensen A. The Strange Neutrality: Soviet-Japanese Relations during the Second World War, 1941-1945. Tallahasse, Fla., 1972.

Leonhard W. Betrayal: The Hitler-Stalin Pact of 1939. New York, 1989.

Lisann M. Stalin the Appeaser: Before 22 June, 1941 // Survey. 1970. № 76.

Lukacs J. The Great Powers and Eastern Europe. New York, 1953.

Macfie A.L. The Turkish Straits in the Second World War, 1939-1945 // Middle Eastern Studies. 1989. Vol. 25. № 2.

Marzari F. Prospects for an Italian-led Balkan Bloc of Neutrals // Historical Journal. 1970. № 4.

Marzari F. Western-Soviet Rivalry in Turkey, 1939 // Middle Eastern Studies. 1971. № 7.

Maser W. Der Wortbruch, Hitler, Stalin und der Zweite Weltkrieg. Mьnchen, 1994.

Miller M.L. Bulgaria during the Second World War. Stanford, 1975.

Milstein M. According to Intelligence Reports... // New Times. 1990. № 26.

Miner S.M. Between Churchill and Stalin: The Soviet Union, Great Britain, and the Origins of the Grand Alliance. Chapel Hill, NC, 1988.

Moravec F. Master of Spies. London, 1975.

Murray W. Barbarossa // Quarterly Journal of Military History. 1992. Vol. 4. № 3.

Naveh S. In Pursuit of Military Excellence: The Evolution of Operational Theory. London, 1998.

Nekrich A.M. Pariahs, Partners, Predators: German-Soviet Relations, 1922 — 1941. New York, 1997.

Pietrow B. Deutschland im Juni 1941 — ein Opfer sowjetischer Aggression? // Geschichte und Gesellschaft. 1988. № 14.

Pons S. Stalin e la guerra inevitabile, 1936 — 1941. Torino, 1995.

Popovich N.B. Jugoslovensko-sovjetski odnosi u drugom svetskom ratu (1941 — 1945). Beograd, 1988.

Posen B.R. Competing Images of the Soviet Union // World Politics. 1987. July.

Post W. Unternehmen Barbarossa: Deutsche und sowjetische Angriffsplдne 1940-1941. Berlin, 1996.

Prange G.W. Target Tokyo: The Story of the Sorge Spy Ring. New York, 1984.

Prazmowska A. Britain, Poland and the Eastern Front, 1939. Cambridge, 1987.

Presseisen E. Prelude to "Barbarossa": Germany and the Balkans, 1940 — 1941 // Journal of Modern History. 1960. № 4.

Raack R.C. Stalin Plans for World-War-II // Journal of Contemporary History. 1991. Vol. 26. № 2.

Raack R.C. Stalin's Drive to the West, 1938 — 1945: The Origins of the Cold War. Stanford, 1995.

Read A., Fisher D. The Deadly Embrace: Hitler, Stalin and the Nazi-Soviet Pact, 1939-1941. London, 1988.

Read A., Fisher D. Operation Lucy. London, 1980.

Reese R. The Impact of the Great Purge on the Red Army // The Soviet and Post-Soviet Review. 1992. Vol. 19. № 1 — 3.

Richardson C French Plans for Allied Attacks on the Caucasus Oil Fields January — April 1940 // French Historical Studies. 1973. Vol. 8. № 1.

Roberts C A. Planning for War: The Red Army and the Catastrophe of 1941 // Europe-Asia Studies. 1995. Vol. 47. № 8.

Roberts G. Military Disaster as a Function of Rational Political Calculation: Stalin and 22 June 1941 // Diplomacy and Statecraft. 1993. Vol. 4. № 2.

Roberts G. The Soviet Union and the Origins of the Second World War: Russo-German Relations and the Road to War, 1933 — 1941. London, 1995.

Roberts G. The Unholy Alliance: Stalin's Pact with Hitler. London, 1989.

Robertson E.M. Hitler Turns from the West to Russia, May — December 1940 // Paths to War: New Essays on the Origins of the Second World War / Ed. by R.Boys, E.M.Robertson. New York, 1989.

Rose N. Churchill: An Unruly Life. London, 1994.

Rossi A. The Russo-German Alliance, August 1939 — June 1941. London, 1959.

Rotundo L. Stalin and the Outbreak of War in 1941 // Journal of Contemporary History. 1989. Vol. 24. № 2.

Rotundo L. War Plans and the 1941 Kremlin War Games // Journal of Strategic Studies. 1987. Vol. 10. № 1.

Rubin B. Istanbul Intrigues. New York, 1989

Schmidt P.O. Statist auf diplomatischer Bьhne 1923 — 1945: Erlebnisse des Chefdolmetschers im Auswдrtigen Amt mit den Staatsmдnnern Europas. Bonn, 1949.

Schmidt R.F. Der Hess-Flug und das Kabinett Churchill. Hitlers Stellvertreter im Kalk ьber britischen Kriegsdiplomatie Mai — Juni 1941 // Vierteljahrshefte fьr Zeitgeschichte. 1994. Bd. 42. № 1.

Schneider J. The Structure of Strategie Revolution: Total War and the Roots of the Soviet Warfare State. Novato, Calif., 1994.

Schwendemann H. German-Soviet Economic Relations at the Time of the Hitler-Stalin Pact 1939 — 1941 // Cahiers du Monde Russe. 1995. Sipols Via. Diplomatic Battles before World War II. Moscow, 1982.

Sonnleithner F., von. Als Diplomat im "Fьhrerhauptquartier": Aus dem Nach-lass. Mьnchen, 1989.

Soviet Foreign Policy, 1917 — 1991: A Retrospective / Ed. by G.Gorodetsky. London, 1994.

Stafford D.A.T. SOE and Britisch Involvement in the Belgrade Coup d'Etat of March 1941 // Slavic Review. 1977. Vol. 36. № 3.

Stalin's Generals / Ed. by H.Shukman. London, 1993.

Stefanidis X. Greece, Bulgaria and the Approaching Tragedy, 1938 — 1941 // Balkan Studies. 1991. № 2.

Stolfi R.H.S. Barbarossa: German Grand Deception and the Achievement of Strategic and Tactical Surprise against the Soviet Union, 1940 — 1941 // Strategic Military Deception / Ed. by D.C.Daniel, K.L.Herbig. 1981.

Suny R. Making Sense of Stalin — Some Recent and No-So-Recent Biographies // Russian History — Histoire Russe. 1989. Vol. 16. № 4.

Suvorov V. Icebreaker: Who Started the Second World War. London, 1990.

Tarleton R.E. What Really Happened to the Stalin Line? // Journal of Soviet Military Studies. 1992. № 2. P. 187-219.

Thielenhaus M. Zwischen Anpassung und Widerstand. Deutsche Diplomaten 1938 — 1941: Die politischen Aktivitцten der Beamtengruppe um Ernst von Weizsдcker im Auswьrtigen Amt. Paderborn, 1984.

Topitsch E. Stalin's War: A Radical New Theory of the Origins of the Second World War. New York, 1987.

Toscano M. Designs in Diplomacy. London, 1970.

Trepper L. The Great Game. London, 1977.

Tucker R. Stalin in Power: The Revolution from Above, 1928 — 1941. New York, 1990.

Tumarkin N. The Living and the Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia. New York, 1994.
Uldricks T. Evolving Soviet View of the Nazi-Soviet Pact // Labyrinth of Nationalism: Complexities of Diplomacy / Ed. by R.Frucht. Columbus, Ohio, 1992.
Uldricks T. Russia and Europe: Diplomacy, Revolution, and Economic Development in the 1920s // International History Review. 1979. № 1.
Uldricks T. Soviet Security Policy in the 1930s // Soviet Foreign Policy, 1917 — 1991: A Retrospective / Ed. by G.Gorodetsky. London, 1994.
Volkogonov D. Stalin: Triumph and Tragedy. London, 1992.
Waddington G.T. Ribbentrop and the Soviet Union 1937 — 1941 // Barbarossa: The Axis and the Allies / Ed. by J.Erickson, D.Dilks. Edinburgh, 1994.
Wark W.K. British Intelligence and Operation Barbarossa, 1941: The Failure of Foes // The Name of Intelligence: Essays in Honour of Walter Pforzheimer / Ed. by H.B.Peake, S.Halpern. Washington, DC, 1994.
Watt D.C. How War Came: The Immediate Origins of the Second World War, 1938-1939. London, 1989.
Weber F.G. Evasive Neutral: Germany, Britain and the Quest for a Turkish Alliance in the Second World War. Columbia, MO, 1979.
Weinberg G.L. The Foreign Policy of Hitler's Germany. 2 vols. Chicago, 1980.
Weinberg G.L. Germany and the Soviet Union, 1939 — 1941. Leiden, 1951.
Weinberg G.L. A World at Arms: A Global History of World War II. Cambridge, 1994.
Whaley B. Codeword Barbarossa. Cambridge, Mass., 1973.
Ziemke E.F. Stalin as a Strategist, 1940-1941 // Military Affairs. 1983. Vol. 47. № 47. P. 174-180.

Примечания

{1} Bell P.M.H. John Bull and the Bear: British Public Opinion, Foreign Policy and the Soviet Union, 1941 — 1945. London, 1990; см. также яркие примеры в работах: Hillgruber A. Hitlers Strategic Frankfurt, 1965. P. 105; Maury L. Stalin the Appeaser: Before 22 June, 1941 // Survey. 1970. № 76. P. 76. Подобные эпизоды выдвигаются на первое место в объемистом труде А.Рида и Д.Фишера "The Deadly Embrace: Hitler, Stalin and the Nazi-Soviet Pact, 1939 — 1941" (London, 1988). Они

подкрепляют прежнее ложное толкование событий, по сути анекдотичное, руководствуясь заявлениями Молотова типа: "Дружба между народами Германии и Советского Союза, скрепленная кровью, имеет все шансы остаться прочной и нерушимой" (см. с. 426). На деле лишь 150 страниц объемистой книги относятся к периоду от подписания пакта до нападения на Советский Союз, и ни одна из них не основывается на советских источниках. Такая же картина предстает в: Nekrich A.M. Pariahs, Partners, Predators: German-Soviet Relations, 1922 — 1941. New York, 1997.

{2} Suvorov V. Icebreaker: Who Started the Second World War. London, 1990. P. 327, 344 — 345. Примеры самой горячей поддержки его взглядов в России: Невежин В.А. Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? М., 1995; Его же. Синдром наступательной войны. М., 1997. Авторитетное противоположное мнение см.: Зюзин Е.И. Готовил ли СССР превентивный удар? // Военно-исторический журнал (Далее — ВИЖ). 1992. № 1; Горьков Ю.А. Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 г. // Новая и новейшая история. 1993. № 3.

{3} См., напр.: Was Stalin Really Planning to Attack Hitler in June 1941? // Journal of the Royal United Services Institute. 1986. Vol. 131. № 3. P. 19 — 30.

{4} Миф "Ледокола": накануне войны. М., 1995.

{5} Наиболее ярко и захватывающе эта проблема представлена в кн.: Tumarkin N. The Living and the Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia. New York, 1994. Я взял на себя смелость воспроизвести некоторые ее положения в этом разделе.

{6} Gillessen G. Der Krieg der Diktatoren: ein erstes Resьmee der Debatte ьber Hitlers Angriff im Osten // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1987. 25 Feb. Неудивительно, что именно эта газета стала подмостками для новой драмы, учитывая, кто является одним из ее издателей (с. 878). Схожие интерпретации ранее проходили практически незамеченными. См., напр.: Seraphim H. Die deutsch-russischen Beziehungen, 1939 — 1941. Hamburg, 1941. S. 38; Fabry P. Der Hitler-Stalin Pakt, 1939-1941. Darmstadt, 1962. S. 427 — 430. См. также глубокую критику в: Koch H. Hitler's Programme and the Genesis of .Operation Barbarossa // Historical Journal. 1983. Vol. 26. № 4.

{7} "Vergangenheit, die nicht vergehen will" Нольте. Наибольший вклад в дебаты: "Historikerstreit": Die Dokumentation der Kontroverse um die Einzigartigkeit der nationalsozialistischen Judenvernichtung. Мьnchen, 1987; Maser W. Der Wortbruch, Hitler, Stalin und der Zweite Weltkrieg. Мьnchen, 1994; Post W. Unternehmen Barbarossa: Deutsche und sowjetische Angriffsplдne 1940 — 1941. Berlin, 1996. Нольте косвенно способствовал недавнему появлению работ известных советологов, пытающихся поставить на одну доску сталинское уничтожение кулаков и гитлеровское Окончательное Решение; яркий пример: Conqьst R. The Harvest of Sorrow. New York, 1986. Явная политическая и идеологическая направленность дебатов объясняет, почему "Frankfurter Allgemeine Zeitung" и "Der Spiegel" терпели их ad nauseam{*24}. Работа Хоффмана "Красная Армия перед началом войны 1941 г." опубликована в рамках официальной истории Германских Вооруженных Сил: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg / Herausgegeben vom Militдrgeschichtlichen Forschungsamt. Bd. 4: Der Angriff auf die Sowjetunion. Stuttgart, 1983. Предубеждения и пристрастия Хоффмана отчетливо видны в его более ранней книге: Die Geschichte der Wlassow-Armee. Freiburg, 1984. См., в особенности, с. 307 — 308. Довольно критичный взгляд на толкование "Барбароссы" исследовательским центром см.: Berghahn. Das Militargeschichtliche Forschungsamt in Freiburg // Geschichte und Gesellschaft. 1988. № 14. Пространная обзорная статья в "Spiegel" (1996. № 6) посвящена изложению этих идей.

{8} Topitsch E. Stalin's War: A Radical New Theory of the Origins of the Second World War. New York, 1987. См. обсуждение этого вопроса в моей работе: "Unternehmen Barbarossa": Eine Auseinandersetzung mit der Legende vom deutschen Prдventivschlag // Vierteljahrshefte fьr Zeitgeschichte. 1989. № 4. S. 645 — 673. См. также: Raack R.C. Stalin's Drive to the West, 1938 — 1945: The Origins of the Cold War. Stanford, 1995; Stalin Plans for World-War-II // Journal of Contemporary History. 1991. Vol. 26. № 2.

{9} Критический обзор распространенных тенденций см.: Pietrow B. Deutschland im Juni 1941 — ein Opfer sowjetischer Aggression? // Geschichte und Gesellschaft. 1988. № 14. Петров справедливо замечает (с. 119), что свидетельства, приводимые Хоффманом, по большей части исходят из нерепрезентативных образчиков показаний военнопленных — источник, изначально подозрительный.

{10} Особенно в работах Х.Арендт и К.Фридриха. Самый свежий пример, хотя и довольно утонченный, — это, в других отношениях весьма глубокая, книга Алана Баллока: Hitler and Stalin, Parallel Lives. London, 1991.

{11} Churchill W. The Second World War. Vol. 3. London, 1948-1950. P. 316.

{12} Наилучшее изложение подобных взглядов см.: Bialer S. Stalin and His Generals. Soviet Military Memoirs of World War II. New York, 1969.

{13} См., напр., об этом в авторитетном и поучительном до сих пор исследовании Дж.Эриксона: The Road to Stalingrad. London, 1975. P. 77. Отражение всего спектра общераспространенных мнений можно найти в номерах журнала "Soviet Union" (1991. Vol. 18. № 1 — 3), посвященных этому вопросу, со статьями ведущих историков советской внешней политики, таких как А. Даллин, Дж.Хаслам и Г.Вайнберг.

{14} Подробно о соответствующих архивах и собраниях документов см. библиографию.

{15} Пионером в этой области выступил Д.К.Уотт с поистине вдохновенной книгой, ставшей новым образцом для истории дипломатии, расширив поле обзора географических и тематических аспектов: How War Came: The Immediate Origins of the Second World War, 1938 — 1939. London, 1989, особенно главы 16 и 17.

{16} См.: Bezymensky L. The Secret Protocols of 1939 as a Problem of Soviet Historiography // Soviet Foreign Policy, 1917 — 1991: A Retrospective / Ed. by G.Gorodetsky. London, 1994.

{17} Первый прорыв: Roberts G. The Soviet Union and the Origins of the Second World War: Russo-German Relations and the Road to War, 1933 — 1941. London, 1995. Гораздо менее удовлетворительное обращение с источниками в кн.: Nekrich A. Pariahs, Partners, Predators.

{18} АВП РФ. Ф. 017а. Дневник Майского. Оп. 1. Д. 8. Л. 2.

{19} Public Record Office, Foreign Office (Далее — FO). 371. 11779. N319/53/38; N560/53/38. Протоколы, 27 янв. и 11 февр. 1926.

{20} Deutscher I. The Prophet Armed. Trotsky: 1879 — 1921. Oxford, 1970. P. 327.

{21} Пятый всемирный конгресс Коммунистического Интернационала: стенографический отчет. Т. II. М., 1925. С. 33 — 34, 66.

{22} До сих пор лучший общий обзор советской внешней политики в 20-е гг.: Uldricks T.J. Russia and Europe: Diplomacy, Revolution and Economic Development in

the 1920s // The International History Review. 1979. № 1. Оттуда заимствован данный вывод. Эта книга также образец взвешенного труда о системе коллективной безопасности. Аналитический подход к обсуждению вопроса см.: Posen B.R. Competing Images of the Soviet Union // World Politics. 1987. July.

{23} Савушкин Р.А. Развитие советских вооруженных сил и военного искусства в межвоенный период (1921 — 1941). М., 1989. С. 9 — 10.

{24} Suvorov V. Icebreaker. Образец подобных взглядов на Западе см.: Tucker R.C. Stalin in Power: The Revolution from Above, 1928 — 1941. New York, 1990. Chs. 10 — 21. Я широко использовал блестящие, в высшей степени взвешенные суждения об этом периоде Т.Улдрикса в его работе "Soviet Security Policy in the 1930s" (Soviet Foreign Policy, 1917 — 1991 / Ed. by G.Gorodetsky. London, 1994. P. 65f.). Значительный вклад внесла уравновешенная книга: Roberts G. The Unholy Alliance: Stalin's Pact with Hitler. London, 1989.

{25} См. авторитетную работу Аниты Празмовской: Britain, Poland and the Eastern Front, 1939. Cambridge University Press, 1987, а также ее эссе: The Eastern Front and the British Guarantee to Poland of March 1939 // European History Quarterly. 1984. № 14.

{26} Пересмотренная и дополненная оценка "примиренчества" изложена в двух недавно вышедших работах: Charmley J. Chamberlain and the Lost Peace. London, 1989; Parker A. Chamberlain and Appeasement: British Policy and the Coming of the Second World War. London, 1993.

{27} Suvorov V. Icebreaker. P. 27. То же самое изложено более тонко в: Leonhard W. Betrayal: The Hitler-Stalin Pact of 1939. New York, 1989.

{28} Documents on British Foreign Policy, 1919 — 1939 / Ed. by E.L.Woodward. 3rd Ser. Vol. V. London, 1952. P. 104.

{29} FO. 800/279. Su/39/221. Хендерсон — Сардженту.

{30} Macdonald CA. The United States, Britain and Appeasement, 1936 — 1939. Oxford, 1981; Mommawn W.J., Kettenacker L. The Fascist Challenge and the Policy of Appeasement. London, 1983; Taylor T. Munich: The Price of Peace. London, 1979.

{31} Ulam A. Expansion and Coexistence. New York, 1975. P. 250 — 264. О том, как Советы боялись дальнейшей примиренческой политики, см., напр.: Десятсков С.Г. Уайтхолл и Мюнхенская политика // Новая и новейшая история. 1979. № 3; Жуков

Е.М. Происхождение Второй мировой войны // Новая и новейшая история. 1980. № 1.

{32} Предложения русских, переданные Галифаксу 18 апреля, см.: Documents on British Foreign Policy, 1919 — 1939. Vol. V. P. 228 — 229.

{33} Ibid. P. 205-206.

{34} ГРУ ГШ РФ. On. 9157. Д. 2. Л. 418 — 431. Позднее Сталин получил перехваченные телеграммы Шуленбурга того же периода, подтверждавшие эту информацию. См., напр.: Там же. Л. 447, 453, 454.

{35} Volkogonov D. Stalin: Triumph and Tragedy. London, 1992. P. 351. См. также: Альтернативы 1939-го // Известия. 1989. 21 авг. Еще одна блестящая новая интерпретация содержится в: Риббентроп — Молотов // Вопросы истории КПСС. 1988. № 8.

{36} См. замечательную дискуссию в: Fleischhauer I. Diplomatischer Widerstand gegen "Unternehmen Barbarossa". Berlin, 1991. S. 14 — 28.

{37} О реализме сталинской внешней политики см. с. 355 — 356 Заключения.

{38} На этом убедительно настаивает Дж.Хаслам (The Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe, 1933 — 1939. London, 1984). См. также: Pons S. Stalin e la guerra inevitable, 1936 — 1941. Torino, 1995.

{39} О подобной опасности см. ниже, с. 115 — 120.

{40} АВП РФ. Ф. 077. Оп. 20. П. 109. Д. 3. Л. 15-17. Протокол встречи Шаронова, советского посла в Будапеште, с Рашичевым, югославским представителем в Будапеште, 11 янв. 1940. См. также: Коминтерн и вторая мировая война. М., 1994. Т. I. С. 122 — 124. ИККИ о войне на Балканах, 28 сент. 1939 г.; 1939: The Communist Party of Great Britain and the War / Ed. by J.Attfield, S.Williams. London, 1984; Childs D. The British Communist Party and the War, 1939 — 1941: Old Slogans Revived // Journal of Contemporary History. 1977. Vol. 12. № 12.

{41} Дневник Димитрова. 7 сент. 1939 г. См. также: Фирсов Ф.И. Архивы Коминтерна и внешняя политика СССР 1939 — 1941 гг. // Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 25.

{42} Коминтерн и вторая мировая война. Т. I. С. 88 — 89, 99 — 101, 113 — 114. См. также описание встречи в дневнике Димитрова, 25 окт. 1940 г.

{43} Дневник Димитрова. 21 янв. 1940 г.

{44} См., напр.: Альтернативы 1939-го; Риббентроп — Молотов; Bezymensky L. The "Secret Protocols". P. 75 — 86.

{45} Uldricks T. Evolving Soviet Views of the Nazi-Soviet Pact // Labyrinth of Nationalism: Complexities of Diplomacy / Ed. by R.Frucht. Columbus, Ohio, 1992. P. 331-360.

{46} FO. 371. 24855. N1523/1523/38. 11 марта 1940.

{47} Public Record Office, Cabinet Papers (Далее — CAB). 66/2; 66/3. WP(39)90; WP(39)134. 13 и 20 нояб. 1939. См. также весь файл: FO. 371. 24851. N7181/38.

{48} FO. 837/1098. 25 апр. 1940.

{49} CAB. 84/8. JP(39)49; 65/1. 43(39)6. 6 и 10 окт. 1939.

{50} Ibid. 800/279. Su/39/221.

{51} Обзор франко-советских отношений см.: FO. 371. 24853. N3413/341/38. Галифакс — Кэмпбеллу, 18 марта 1940; CAB. 21/1051. Галифакс — Кэмпбеллу, 11 дек. 1939. Об исключении см.: CAB. 21/1051. Батлер — Галифаксу, 22 дек. 1939; 65/2 105; 65/2 108. 112(39)6; 112(39)8. 12 дек. 1939. Об эпизоде с Баку см. ниже, с. 31 — 33.

{52} См.: Bell P.M.N. John Bull and the Bear.

{53} Documents on German Foreign Policy (Далее — DGFP). VIII. P. 79.

{54} CAB. 21/962. 30 марта 1940.

{55} FO. 371. 23678. N4571/57/38; N5240/57/38. Протоколы ФО, 18 сент. и 17 окт. 1939.

{56} CAB. 65/6. 66(40)1. 12 марта 1940; Бумаги Чемберлена. NC 18/1/1144. Письмо Иден, 23 февр. 1940.

{57} АЛ РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 298. Л. 11-18. Разговор Сталина в Кремле, 29 янв. 1940.

{58} UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/517/LXXI. Ассарассон — МИД, окт. 1939.

{59} Документы внешней политики, 1939 год (Далее — ДВП, 1939): В 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 12. Молотов — Терентьеву, 3 сент. 1939.

{60} Curtright L.H. Great Britain, the Balkans, and Turkey in the Autumn of 1939 // International History Review. 1988. № 3. P. 436.

{61} ДВП, 1939. Т. 2. С 146 — 153. Протокол встречи Саракоглу со Сталиным и Молотовым, 1 окт. 1939; С. 717. Потемкин о встрече с Актаем, 25 окт. 1939. Две полезных работы о трехсторонних переговорах 1939 г.: Маг-zari F. Western-Soviet

Rivalry in Turkey, 1939 // Middle Eastern Studies. 1971. № 7. P. 63-80, 201-220; Curtright L.H. Great Britain, the Balkans, and Turkey. См. также: Macfie A.L. Turco-Soviet Talks. P. 431 — 434. Здесь цитируется неофициальное сообщение турок немцам, скрывающее фактическую антигерманскую направленность их собственного подхода. О советском восприятии английской угрозы см.: Сиполс В.Я. Тайные документы "странной войны" // Новая и новейшая история. 1993. № 2.

{62} Deringil S. The Preservation of Turkey's Neutrality during the Second World War: 1940 // Middle Eastern Studies. 1982. Vol. 18. № 1. P. 30.

{63} ДВП, 1939. Т. 2. С 35-37. 7 сент. 1939.

{64} Curtright L.H. Great Britain, the Balkans, and Turkey. P. 443 — 455; Deringil S. Preservation of Turkey's Neutrality. P. 30; Macfie A.L. The Turkish Straits in the Second World War, 1939-1945 // Middle Eastern Studies. 1989. Vol. 25. № 2. P. 238.

{65} ДВП, 1939. Т. 2. С 263-270, 373-380. Терентьев — Сталину, Молотову и Ворошилову, 6 нояб. и 7 дек. 1939.

{66} Там же. С. 92 — 93. Прасолов, поверенный в делах в Софии — НКИД 16 сент. 1939.

{67} Там же. С. 273 — 274. Отчет Майского, 8 нояб. 1939.

{68} The Diaries of Alexander Cadogan, 1938 — 1945 / Ed. by D.Dilks. London 1971. P. 247-248.

{69} CAB. 84/2. 19 февр. 1941.

{70} Kitchen M. British Policy towards the Soviet Union during the Second World War. New York, 1986. P. 19. Типичная для Китчена живая и увлекательная манера повествования сочетается с весьма проницательным и критическим взглядом на британскую политику.

{71} АВП РФ. Ф. 069. Оп. 24. П. 68. Д. 7. Л. 9-19. Майский Молотову о встрече с Батлером, 26 и 29 янв. 1940; FO. 371. 24843. N1390/30/38. Батлер о встрече с Майским, 30 янв. 1940. См. также: АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 1. Д. 8. Л. 18 — 21. Молотов о встрече с Актаем, 11 янв. 1940.

{72} Далтон, британский министр военной экономики (Бумаги Далтона. Box II 5/2. Меморандум Бутби о встрече с Майским, 17 сент. 1939); FO. 371. 23678. N5297/57/38. 5 окт. 1939. Об экстраординарном положении Майского в Лондоне

см.: Aster S. Ivan Maisky and Parliamentary Anti-Appeasement, 1938 — 1939 // Lloyd George / Ed. by A.J.P.Taylor. London,

{73} АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 326. Д. 2238. Л. 44-53. Молотов — Майскому, 21 февр. 1940.

{74} Там же. Ф. 06. Оп. 2. П. 11. Д. 109. Л. 3 — 8. Протокол встречи Криппса с Молотовым, 16 февр. 1940.

{75} См., напр., инструкции австрийской и чешской коммунистическим партиям 31 янв. 1940 (Коминтерн и вторая мировая война. Т. I. С. 252 — 257, 277-280).

{76} FO. 371. 24887. R3518/5/67. CAB. 70(40). 16 марта 1940; Public Record Office, War Office (Далее — WO). 208/1754. Рапорт майора Киркмена, 6 марта 1940.

{77} FO. 371. 25014. R1777/242/44; R2781/242/44. Адмирал Филип — Галифаксу, 7 февр. 1940.

{78} АВП РФ. Ф. 077. Оп. 20. П. 109. Д. 3. Л. 26-28. Шаронов (Венгрия) — НКИД о встрече с Чаки, 13 февр. 1940; Ф. 084. Оп. 20. П. 131. Д. 5. Л. 29 — 32. Протокол встречи Сергеева (советского поверенного в делах в Афинах) с Пападакисом, начальником Информационного отдела греческого МИД, 21 февр. 1940.

{79} Там же. Ф. 06. Оп. 2. П. 1. Д. 9. Л. 1 — 4. Протокол встречи Молотова с Актаем, 2 марта 1940.

{80} FO. 371. 25014. R3636/242/44. Натчболл-Хьюджсен — ФО, 21 марта 1940.

{81} Ibid. 24887. R3285/5/67. Натчболл-Хьюджсен — ФО, 13 марта 1940; R3681/5/67; R3769/5/67. Ле Ружетель — ФО, 23 марта 1940.

{82} АВП РФ. Ф. 082. Оп. 23. П. 95. Д. 4. Л. 148-154. Протокол встречи Тихомирова (первого советника посольства в Берлине) с М.Ф.Кляйсом, 4 марта 1940.

{83} История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941 — 1945. М., 1961. Т. I. С. 74, 741.

{84} АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 14. Д. 155. Л. 3 — 8. Отчет Молотова о встрече с Шуленбургом, 7 янв. 1940. См. также: Ф. 059. Оп. 1. П. 333. Д. 2284. Л. 97 — 100w Филимов, советский посол в Иране — НКИД о встрече с Эттелем, германским послом в Иране, 4 марта 1940.

{85} Richardson C. French Plans for Allied Attacks on the Caucasus Oil Fields January — April 1940 // French Historical Studies. 1973. Vol. 8. № 1.

{86} FO. 371. 24846. N3698/40/38. 25 марта 1940.

{87} Эти планы см.: FO. 371. 24846. N3698/40/38. 23 марта 1940. См. также записку Сарджента и Кэдогана от 26 марта 1940: 24887. R3836/5/67.

{88} FO. 371. 24887. R3940/5/67. См. также: Deringil S. Preservation of Turkey's Neutrality. P. 31; Macfie A.L. The Turkish Straits in the Second World War. P. 240.

{89} FO. 371. 24887. R3963/5/67; R4010/5/67; R4130/5/67. Протоколы ФО, 31 марта 1940.

{90} АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 325. Д. 2233. Л. 306-307. Майский — НКИД, 5 апр. 1940.

{91} FO. 371. 24888. R4466/5/67. Меморандум о военной политике Союзников на Балканах, 6 апр. 1940.

{92} Ibid. R4666/5/67. Меморандум Генштаба для встречи глав миссий в Лондоне, 9 апр. 1940.

{93} Ibid. R4467/5/67. Протокол встречи глав английских дипломатических миссий в Юго-Восточной Европе, 8 апр. 1940; CAB. 99/3. SWC(39/40). 22 апр. 1940.

{94} CAB. 99/3. SWC(39/40). 22 апр. 1940. Чтобы уяснить, в какой степени русские были осведомлены об этих планах, см.: АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 325. Д. 2234. Л. 50-51. Майский — НКИД, 20 апр. 1940.

{95} См. главу 2.

{96} FO. 371. 24847. N5689/40/38; 29475. N941/29/38; 24849. N5788/93/38. Протоколы ФО, 2, 4, 10 июня 1940. См. также: Churchill W. Second World War. Vol. I. P. 118.

{97} Бумаги Дж. Веджвуда. Пометка дочери Веджвуда Хелен на письме Криппса, 27 февр. 1942; Churchill W. Second World War. Vol. И. P. 118.

{98} АВП РФ. Ф. 017а. Дневник Майского. 2 марта 1941. См. записку Сарджента: FO. 371. 24844. N5853/30/38. 28 июня 1940.

{99} Письма Криппса см.: Бумаги Монктона. Box 3. P. 75 — 77, 115 — 118. 2 и 25 сент. 1940; Box 4. P. 68. 13 февр. 1941; Бумаги Криппса. Письма Монктону, 5 и 20 янв. 1941. О миссии Криппса см.: Hanak H. Sir Stafford Cripps as British Ambassador in Moscow, June 1941 — January 1942 // English Historical Review. 1979. № 370; 1982. № 383.

{100} FO. 800/322. Криппс — Галифаксу, 10 окт. 1940.

{101} Бумаги Монктона. Box 3. P. 75 — 77, 115 — 118. 2 и 25 сент. 1940; Box 4. P. 68. 13 февр. 1941. Бумаги Криппса. Письма к Монктону, 5 и 20 янв. 1941.

{102} Churchill W. Second World War. Vol. IV. P. 56.

{103} Бумаги Монктона. Box 3. P. 118. 25 сент. 1940.

{104} FO. 371. 24841. N5812/5/38. Батлер о встрече с Майским и записка ФО о назначении Криппса, 16 мая 1940; CAB. 65/7. 127(40)1. 18 мая 1940.

{105} UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/516/LXVIII. Ассарассон — МИД, 15 мая 1940. О бесплодных усилиях Криппса см.: Stafford Cripps Mission to Moscow. Cambridge, 1984. Не будучи знаком с дневником Криппса, личными бумагами и российскими материалами, Г.Вайнберг в своей впечатляющей работе (A World at Arms: A Global History of World War II. Cambridge, 1994. P. 162 — 164) по-прежнему повторяет ошибочное суждение, будто Криппса, наивно надеявшегося заставить Сталина действовать сообща с Англией, ждало в Москве разочарование. В трактовке этой темы Вайнбергом, основанной на его ранней книге (Germany and the Soviet Union, 1939 — 1941. Leiden, 1954), изданной в разгар холодной войны, красной нитью проходит предположение, что Сталин проводил идеологически ориентированную экспансионистскую политику.

{106} FO. 371. 24582. N6029/243/38. Меморандум Сарджента, 17 июля 1940, записка Галифакса, 18 июля 1940. Другие типичные примеры: 24844; 24846. N2779/40/38; N5937/30/38. Протоколы ФО 8, 11 и 13 марта, 3 июля 1940; 24853. N7279/283/38. Меморандум, 24 нояб. 1940; 29135. W53/53/50. Еженедельная разведывательная сводка, 15 янв. 1941; 29479. N1316/78/38; N1324/78/38. Протоколы, 3 апр. 1941; 29481. N2171/78/38; N2466/78/38. Протоколы, 13 и 27 мая 1941; WO. 208/1761. ЛС(41)218. 23 мая 1941.

{107} См., напр., изложение позиции Турции, Афганистана и Скандинавских стран в: АВП РФ. Ф. 06. On. 2. П. 1. Д. 10. Л. 46 — 48, 54 — 55. Протоколы встреч Молотова с Ассарассоном и Ольсеном Масенгом (норвежским послом в Москве), 25 марта 1940; Ф. 059. Оп. 1. П. 314. Д. 2160. Л. 221 — 223. Телеграмма Терентьева НКИД, 19 марта 1940; Ф. 071. Оп. 22. П. 192. Д. 6. Л. 59 — 61. Протокол встречи Михайлова (советского посла в Афганистане) с Хансом Пильгером, германским послом в этой стране, 21 марта 1940. М.Хаунер передает ощущение угрозы в: The Soviet Threat to Afganistan and India, 1938 — 1940 // Modern Asian Studies. 1981. Vol. 15. № 2. P. 287-309.

{108} АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 14. Д. 155. Л. 35 — 43. Протокол встречи, 5 марта 1940.

{109} Там же. Ф. 082. Оп. 23. П. 95. Д. 4. Л. 190-191. Заметки Шкварцева о встрече с Вайцзеккером, 15 марта 1940.

{110} АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 668. Л. 49 — 56. Тевосян о встрече с Герингом, 29 марта 1940.

{111} АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 315. Д. 2174. Л. 156-160. Шкварцев — Молотову, 6 марта 1940; Ф. 06. Оп. 2. П. 14. Д. 155. Л. 54-59. Протокол встречи Молотова с Шуленбургом, 11 марта 1940.

{112} АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 668. Л. 72 — 78. Протокол встречи Микояна с Хильгером, 21 апреля 1940. См. работы Г.М.Иваницкого "Советско-германские торгово-экономические отношения между СССР и Германией в 1939 — 1940 гг." (Новая и новейшая история. 1989. № 5. С. 28 — 39) и, особенно, В.Я.Сиполса "Торгово-экономические отношения между СССР и Германией в 1939 — 1941 гг. в свете новых архивных документов" (Новая и новейшая история. 1997. № 1. С. 29 — 41).

{113} АЛ РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 668. Л. 58 — 64. Микоян о встрече с Шуленбургом, 5 апр. 1940.

{114} Там же. Ф. 56. Оп. 1. Д. 298. Л. 29 — 32. Протокол встречи Сталина с Риттером, 8 февр. 1940; АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 315. Д. 2174. Л. 153-154. Шкварцев — НКИД, 5 марта 1940.

{115} АЛ РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 668. Л. 68-70; DGFP. IX. P. 157-158. Протоколы встреч Тевосяна с Риттером, 12 апр. 1940.

{116} DGFP. IX. P. 82-83, 110-112. Шуленбург — МИД и ответ Риттера, 6 апр. 1940.

{117} FO. 837/1127. Далтон о встрече с Майским, 25 мая 1940; см. также: Assarasson V. I skuggan av Stalin. Stockholm, 1963. S. 28 — 29.

{118} АВП РФ. Ф. 082. Оп. 23. П. 95. Д. 5. Л. 16-17. Шкварцев о завтраке с Шуленбургом и Хильгером в Германском посольстве в Москве, 5 апр. 1940.

{119} Там же. Л. 6. Отчет Павлова (советского поверенного в делах в Берлине), 26 марта 1940; UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/516/LXVII. Ассарассон — МИД, 8 марта 1940.

{120} АВП РФ. Ф. 082. Оп. 23. П. 95. Д. 5. Л. 41-42. Шкварцев — НКИД о встрече с Казисом Скирпой, литовским послом в Берлине, 19 апр. 1940.

{121} Там же. Ф. 059. Оп. 1. П. 315. Д. 2174. Л. 264-266. Шкварцев — НКИД о встрече с Риббентропом, 20 апр. 1940.

{122} См., напр.: Архив Министерства иностранных дел Болгарии (Далее — АМВнР). Д. 40. П. 34. Оп. 1т. Поп. 272. Л. 82.

{123} О захвате Прибалтики и реакции военных см. с. 148 — 149.

{124} АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 14. Д. 155. Л. 206-208; DGFP. IX. P. 154. Протокол встречи Молотова с Шуленбургом, 17 июня 1940.

{125} АВП РФ. Ф. 082. Оп. 23. П. 95. Д. 5. Л. 120-121. Тихомиров, первый советник посольства в Берлине — НКИД, 7 июня 1940.

{126} Там же. Ф. 059. Оп. 1. П. 329. Д. 2266. Л. 149-150. Гельфанд, советский поверенный в делах в Риме — НКИД о встрече с Бутти, политическим директором Министерства иностранных дел Италии, 25 февр. 1940; FO. 371. 24968. R462/9/37. Гор — ФО, 8 янв. 1940. См. также ранние открытия Ф.Марцари (Prospects for an Italian-led Balkan Block of Neutrals // Historical Journal. 1970. № 4).

{127} ДВП, 1939. Т. 2. С. 328. Куколев (советский поверенный в делах в Бухаресте) — НКИД, 22 нояб. 1939; АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 329. Д. 2266. Л. 5-6, 53-54. Гельфанд — НКИД, 3 и 18 янв. 1940; П. 330. Д. 2269. Л. 1, 7. Потемкин — Гельфанду, 5 и 16 янв. 1940.

{128} См. с. 28-29.

{129} См. с. 52-53, 90-91.

{130} АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 329. Д. 2266. Л. 196. Гельфанд — НКИД, 11 марта 1940; П. 315. Д. 2174. Л. 175-179. Шкварцев — НКИД о встрече с Риббентропом, 14 марта 1940; Оп. 2. П. 14. Д. 155. Л. 115 — 118; DGFP. IX. P. 317. Протоколы встречи Молотова с Шуленбургом, 5 мая 1940.

{131} АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 330. Д. 2267. Л. 49-54. Гельфанд — НКИД о встрече с Чиано, 29 апр. 1940. См. о бессарабской афере на с. 44.

{132} DGFP. IX. P. 471-473. Риббентроп — МИД, 30 мая 1940.

{133} АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 330. Д. 2269. Л. 57-58. Молотов — Гельфанду, 1 мая 1940; Ф. 06. Оп. 2. П. 14. Д. 155. Л. 189-194; DGFP. IX. P. 359. Протоколы встречи Молотова с Шуленбургом, 31 мая 1940.

{134} UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/1547/XXX. Ассарассон — МИД, 27 мая 1940.

{135} АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 14. Д. 155. Л. 197-198. См. также: DGFP. IX. P. 512. Протокол встречи Молотова с Шуленбургом, 3 июня 1940.

{136} АВП РФ. Ф. 077. Оп. 20. П. 109. Д. 3. Л. 60 — 62. Протокол встречи Шаронова с Чаки, 11 июня 1940.

{137} Там же. Ф. 06. Оп. 2. П. 20. Д. 228. Л. 1 — 2. Протокол встречи Молотова с Россо, 13 июня 1940.

{138} UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/516/LXVII. Ассарассон — МИД о беседах с Россо, 10 июня 1940.

{139} АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 20. Д. 226. Л. 3 — 4. Горелкин (советский посол в Риме) — НКИД о встрече с Чиано, 22 июня 1940.

{140} Там же. Ф. 059. Оп. 1. П. 330. Д. 2267. Л. 190-191. Горелкин — НКИД о встрече с Анфудзо, 18 июня 1940.

{141} Там же. П. 316. Д. 2175. Л. 301 — 302. Шкварцев — НКИД о встрече с Клейстом, начальником канцелярии Риббентропа, 12 июля 1940; Ф. 0125. Оп. 24. П. 118. Д. 5. Л. 67. Лаврентьев — НКИД о встрече с Гиджи (итальянским послом в Бухаресте), 22 июля 1940.

{142} Там же. Ф. 06. Оп. 02. П. 20. Д. 226. Л. 24-26. Горелкин — НКИД о встрече с Муссолини, 24 июля 1940; Д. 14. Л. 140 — 141. Протокол встречи Молотова с Лоренцо, 24 июля 1940. Г.Петракки (Pinocchio, the Cat, and the Fox: Italy between Germany and the Soviet Union, 1939 — 1941 // Wegner B. From Peace to War: Germany, Soviet Russia and the World, 1939 — 1941. Oxford, 1997. P. 499 — 523) дает блестящий обзор переговоров, но несправедливо занижает значение предложений, сделанных в июне — декабре 1940. М.Нокс (Mussolini Unleashed, 1939 — 1941: Politics and Strategy in Fascist Italy's Last War. Cambridge, 1982) неоправданно затушевывает эпизод, бывший краеугольным камнем дипломатии обеих стран, пусть и оказавшейся бесплодной.

{143} См. ниже, с. 43 — 44. О связи между вторжением и сближением см.: Toscano M.. Designs in Diplomacy. London, 1970. P. 164 — 165.

{144} АВП РФ. Ф. 3а. Д. 6, Югославия. Обмен нотами между Советским Союзом и Югославией об установлении дипломатических отношений, 24 июня 1940. См. также: Новиков Н.В. Воспоминания дипломата: записки 1938-1947. М., 1989. С. 39.

{145} DGFP. X. P. 215-216. Герен — МИД, 23 июля 1940.

{146} АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 20. Д. 229. Л. 1 — 6. Протокол встречи Молотова с Россо, 20 июня 1940; Ф. 059. Оп. 1. П. 330. Д. 2269. Л. 84 — 85. Молотов — Горелкину, 27 июня 1940. См. также: АМВнР. Д. 40. П. 34. Оп. 1т. Поп. 272. Л. 141 — 142. Тилев (болгарский посол в Лондоне) — МИД, 27 июня 1940. Итальянский текст полностью приведен в: Toscano M. Designs in Diplomacy. P. 150 — 158.

{147} DGFP. X. P. 416 — 419, 486-487, 495-496, 501-502. Обмен телеграммами между Маккенсеном, германским послом в Риме, и Риббентропом, авг. 1940.

{148} АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 20. Д. 229. Л. 9 — 12. Протокол встречи Молотова с Россо, 25 июня 1940.

{149} Там же. Ф. 059. Оп. 1. П. 316. Д. 2175. Л. 71-73. Шкварцев — НКИД о встрече с Вайцзеккером и Риббентропом, 10 мая 1940.

{150} Там же. Ф. 06. Оп. 2. П. 14. Д. 155. Л. 122-124, 170-175. Протоколы встреч Молотова с Шуленбургом, 10 и 17 мая 1940.

{151} Там же. Ф. 082. Оп. 23. П. 95. Д. 5. Л. 64-68. Шкварцев — НКИД о встрече с Риббентропом, 4 мая 1940; основано также на неопубликованной рукописи генерала С.А. Кондрашева о советских спецслужбах.

{152} Там же. Ф. 0129. Оп. 2. П. 23. Д. 293. Л. 10-12. Протокол встречи Уманского с Уэллсом, 13 мая 1940; см. также: Ф. 059. Оп. 1. П. 320. Д. 2199. Л. 12 — 15. Уманский — НКИД (показано Сталину), 1 июня 1940.

{153} ДВП, 1939. Т. 2. С. 132 — 133. Куколев, советский поверенный в делах в Бухаресте, 27 сент. 1939.

{154} АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 14. Д. 155. Л. 10-15. Протокол встречи Молотова с Шуленбургом, 25 янв. 1940.

{155} ДВП, 1939. Т. 2. С. 224-226. Терентьев — НКИД, 26 окт. 1939.

{156} Там же. С. 235 — 238. Терентьев — НКИД, 27 окт. 1939.

{157} Там же. С. 347 — 349. Майский — НКИД, 29 нояб. 1939.

{158} FO. 371. 24968. R9/9/37. Галифакс — Гору (Бухарест) о встрече Кэдогана с Тиля (румынским послом в Лондоне), 9 янв. 1940.

{159} ДВП, 1939. Т. 2. С. 396-398. Куколев — Молотову, 11 дек. 1939.

{160} FO. 371. 24890. R6246/5/67. Галифакс — Гору о беседах с Тиля, 22 мая 1940; см. дальнейшие предложения в: АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 1. Д. 10. Л. 82 — 83. Молотов о встрече с Давидеску (румынским послом в Москве), 2 апр. 1940.

{161} FO. 371. 24887. R3236/5/67; R3531/5/67. Гор — ФО, 8 марта 1940.

{162} Ibid. 24968. R6751/9/37. Галифакс — Криппсу, 26 июня 1940; R5673/9/37. Гор — ФО, 24 апр. 1940.

{163} Новиков Н.В. Воспоминания дипломата. С. 43.

{164} АМВнР. Д. 40. П. 34. Оп. 1т. Поп. 272. Л. 147. Тилев — МИД, 4 июля 1940; см. также: DGFP. X. P. 26. Шуленбург — МИД, 26 июня 1940.

{165} АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 24. П. 118. Д. 3. Л. 24-27. Протокол встречи Молотова с Давидеску, 9 апр. 1940; FO. 371. 24968. R4887/9/37. Анкарская канцелярия — Южному департаменту ФО, 13 апр. 1940.

{166} АВП РФ. Ф. 082. Оп. 23. П. 95. Д. 5. Л. 106-107. Шкварцев — НКИД, 28 мая 1940; об Италии см. с. 40 — 43.

{167} Там же. Ф. 059. Оп. 1. П. 318. Д. 2191. Л. 104-107. Куколев — Деканозову, 24 мая 1940; Новиков Н.В. Воспоминания дипломата. С. 45. См. также о похожем впечатлении, создавшемся у Шуленбурга и Кестринга: DGFP. IX. P. 396 — 397. 21 мая 1940, и у Кэмпбелла в Белграде: FO. 371. 24889. R5894/5/7. 8 мая 1940. См. также: UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/1548/XXXШ. Ассарассон — МИД, 14 июня 1940.

{168} ГРУ ГШ РФ. Оп. 918. Д. 4. Л. 119-120. Рапорт 5 отдела РККА, 23 июня 1940.

{169} АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 14. Д. 155. Л. 181-184; Ф. 059. Оп. 1. П. 319. Д. 2194. Л. 86. Телеграмма Молотова Лаврентьеву, 23 июня 1940. См. также: DGFP. IX. P. 412 — 414. Протокол встречи Молотова с Шуленбургом, 25 мая 1940.

{170} АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 674. Л. 128. Протокол встречи Осетрова (Наркомат обороны) с германским военным атташе генералом Эрнстом Кестрингом, 21 июня 1940.

{171} АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 14. Д. 155. Л. 209-215; DGFP. X. P. 3-4. — Протоколы встречи Молотова с Шуленбургом, 23 июня 1940.

{172} UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/516/LXVII. Ассарассон — МИД, 28 июня 1940.

{173} DGFP. X. P. 7 — 9, 12 — 13. Инструкции Вайцзеккера для Москвы и Бухареста, 24 июня 1940.

{174} Превосходное описание см.: Новиков Н.В. Воспоминания дипломата. С. 41.

{175} DGFP. X. P. 19-20. Фабрициус — МИД, 26 июня 1940.

{176} АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 319. Д. 2194. Л. 89 — 90. Молотов — Лаврентьеву о встрече с Давидеску, 27 июня 1940.

{177} DGFP. X. P. 32. Шуленбург — МИД, 27 июня 1940.

{178} Ibid. P. 34 — 35. Риббентроп — Фабрициусу, 27 июня 1940.

{179} АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 318. Д. 2191. Л. 159. Лаврентьев — НКИД, 28 июня 1940.

{180} FO. 371. 24968. R6648/9/37. Различные телеграммы и записки по поводу аннексии Бессарабии, 1 июля 1940.

{181} АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 319. Д. 2194. Л. 91-92. Молотов — Лаврентьеву о встрече с Давидеску, 28 июня 1940.

{182} DGFP. X. P. 33 — 34. Германский посланник в Бухаресте — МИД, 27 июня 1940.

{183} См., напр.: Волков В.К. Советско-югославские отношения в начальный период Второй мировой войны в контексте мировых событий (1939 — 1941 гг.) // Советское славяноведение. 1990. № 6.

{184} Churchill W. Second World War. Vol. I. P. 403. Речь по радио, 1 окт. 1941.

{185} ДВП, 1939. Т. 2. С. 167-169. Майский — НКИД, 7 окт. 1939.

{186} Бумаги Уэбб. Дневник. С. 6880 — 6888. 20 мая 1940.

{187} АВП РФ. Ф. 069. Оп. 24. П. 70. Д. 43. Л. 6-10, 19-23; FO. 371. 24840. N4625/5/38. WP(40)106. Протоколы встречи Галифакса с Майским, 19 и 29 апр. 1940; АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 326. Д. 2238. Л. 101-103. Молотов — Майскому, 21 мая 1940.

{188} АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 325. Д. 2235. Л. 28-33, 55-58. Майский — НКИД, 22 и 28 июня 1940.

{189} Коминтерн и вторая мировая война. Т. I. С. 343. Димитров — Сталину и Молотову, 22 мая 1940.

{190} Органы Государственной Безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. документов: В 2 т. М., 1995. Т. 1 (1). С. 187-189. Меморандум Осокина, начальника управления погранвойск НКВД, и Савченко, начальника 5-го отдела НКВД, 16 мая 1940.

{191} АВП РФ. Ф. 082. Оп. 23. П. 95. Д. 5. Л. 64 — 68. Шкварцев о встрече с Гереде, 4 мая 1940.

{192} FO. 371. 24841. № 5812/5/38; 24849. № 5729/93/38. Отчет Батлера о встрече с Майским и записка ФО, 16 и 29 мая 1940; FO. 837/1127. Далтон о встрече с Майским, 25 мая 1940.

{193} FO. 371. 24877. R6099/7/4. Рендел — ФО, 7 мая 1940.

{194} Ibid. 24890. R6597/5/67. Кэмпбелл — ФО, 18 июня 1940.

{195} UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/1548/XXXШ. Ассарассон — МИД, 14 июня 1940.

{196} FO. 371. 24841. N5840/5/38. Криппс о встрече с Молотовым, 14 июня 1940.

{197} АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 26. Д. 339. Л. 7-11; П. 20. Д. 229. Л. 1-6. Протоколы встреч Молотова с Лабонном и Россо, 14 и 20 июня 1940 соответственно.

{198} Public Record Office, Prime Minister's Papers (далее PREM). 3. 395/1. P. 16 — 17. Черчилль — Криппсу, 22 июня 1940.

{199} АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 10. Д. 100. Л. 4 — 7. Протокол встречи Молотова с Криппсом, 26 июня 1940.

{200} FO. 800/322. P. 353-360. Криппс — Галифаксу, 10 окт. 1940.

{201} CAB. 79/6. COS(40)256(3); 80/16. COS(40)649. 9 и 28 авг. 1940; FO. 371. 24852. N6458/283/38. Криппс — Галифаксу и записка Сарджента, 31 авг. 1940.

{202} Знаменательно, что это предложение опущено в русском протоколе беседы и в информации, просочившейся к немцам, см.: FO. 371. 24844. N5937/30/38; русский вариант см.: Дипломатический вестник. 1993. № 21 — 23. Протокол встречи Криппса со Сталиным, 1 июля 1940.

{203} АМВнР. Д. 40. П. 34. Оп. 1т. Поп. 272. Л. 151. Стаменов (болгарский посол в Москве) — МИД, 14 июля 1940.

{204} О донесениях советской разведки см. ниже, с. 72 — 75. АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 435. Л. 39 — 51. Проскуров — Сталину, 4 июня 1940; АВП РФ. Ф. 082. Оп. 23. П. 95. Д. 5. Л. 112 — 114. Записка Шкварцева о встрече с Риттером, 1 июня 1940.

{205} О решении см. с. 68 — 72.

{206} ЦА СВР РФ. Д. 21616. Т. 1. Л. 14 — 15. Меморандум Фитина, заместителя начальника 5-го отдела НКВД; ГРУ ГШ РФ. Оп. 22424. Д. 4. Л. 261. "Метеор", Берлин — НКВД, 9 июля 1941; см. также: ЦА СВР РФ. Д. 21616. Т. 1. Л. 21 — 22. Заместитель начальника управления погранвойск НКВД — Центру, 13 июля 1941.

{207} ГРУ ГШ РФ. Оп. 918. Д. 3. Л. 159 — 163. Специальный рапорт 5-го отдела РККА, 13 июня 1940. О тенденции к замалчиванию угрозы см.: Органы Государственной Безопасности СССР. Т. I (1). С. 236 — 237. Савченко, заместитель начальника управления погранвойск НКВД — Центру, 26 июня 1940.

{208} Gorodetsky G. Filip Ivanovich Golikov // Stalin's Generals / Ed. by H.Shukman. London, 1993. P. 77-90.

{209} ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 7. П. 23. Л. 223 — 225. Голиков — Тимошенко, 20 июля 1940.

{210} ЦА СВР РФ. Д. 21616. Т. 1. Л. 23-25, 89-90. Берия — Сталину и Молотову, б.д. (начало июля 1941?) и 17 авг. 1940. См. также: Управление погранвойск НКВД Украины, 5 авг. 1940 // Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 199-201.

{211} АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 2. Д. 12. Л. 173 — 174. Протокол встречи Молотова с Ле Ружетелем, 31 мая 1940.

{212} DGFP. IX. P. 470-471 Шуленбург — МИД, 29 мая 1940.

{213} Ibid. P. 79 — 85. Протокол встречи Гитлера, Альфиери и Кейтеля, 1 июля 1940. О решении Гитлера напасть на Советский Союз см. с. 68 — 72.

{214} Van Creveld M. The Balkan Clue: Hitler's Strategy, 1940 1941. Cambridge, 1973. P. 70.

{215} UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/516/LXVII, LXVIII. Ассарассон — МИД, 20 июня и 10 июля 1940.

{216} АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 2. Д. 14. Л. 95 — 106. Молотов о встрече с Того, 2 июля 1940; см. также: DGFP. X. P. 136 — 137. Протокол встречи Риббентропа и Сато, 9 июля 1940. Об отношениях с Советским Союзом см. главу 9.

{217} DGFP. X. P. 195-196. Шуленбург — МИД, И июля 1940; АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 317. Д. 2180. Л. 140 — 141. Молотов — Шкварцеву о встрече с Шуленбургом, 13 июля 1940; Ф. 082. Оп. 23. П. 95. Д. 5. Л. 139 — 141. Кобулов — НКИД, 6 июля 1940. Об альтернативе в виде Континентального блока см.: Waddington G.T. Ribbentrop and the Soviet Union 1937 — 1941 // Barbarossa, the Axis and the Allies / Ed. by J.Erickson and D.Dilks. Edinburgh, 1994.

{218} DGFP. X, P. 207 — 208, Шуленбург — МИД, 13 июля 1940; см. также: UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/516/LXVIII. Ассарассон — Шуленбургу, 5 авг. 1940.

{219} Leach B.A. German Strategy against Russia, 1939 — 1941. Oxford, 1973. P. 60-61, 70-71.

{220} АВП РФ. Ф. 059. On. 1. П. 339. Д. 2267. Л. 211а — 216. Горелкин — Молотову о встрече с Чиано, 26 июня 1940; DGFP.' X. P. 18 — 19. Маккенсен — МИД, 26 июня 1940.

{221} DGFP. X. P. 217 — 221, 226 f. Директива Гитлера и письмо к королю Каролю, 15 и 16 июля 1940.

{222} АМВнР. Д. 40. П. 34. Оп. 1т. Поп. 272. Л. 127. Христов — МИД, 5 июня 1940; АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 314. Д. 2161. Л. 290-294. Терентьев — НКИД о встрече с Кировым (болгарским послом в Анкаре), 20 июня 1940; см. также детальный

анализ: Krigsarkivet. Fqrsvarsstaben. Ser. E/II/15/l. Отчет № 54 военного атташе о беседах с болгарским военным атташе, 1 нояб. 1940.

{223} АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 316. Д. 2175. Л. 275-277. Шкварцев — НКИД, 8 июля 1940.

{224} АМВнР. Д. 40. П. 34. Оп. 1т. Поп. 272; Оп. 1ш. Поп. 272. Л. 181-183. Стаменов — МИД, 7 и 9 сент. 1940.

{225} ЦА СВР РФ. Д. 21616. Т. 1. Л. 14 — 15. Савченко, заместитель начальника управления погранвойск НКВД — ГРУ, 12 июля 1940; ГРУ ГШ РФ. Оп. 817. Д. 4. Л. 119-120. Рапорт 5-го отдела РККА, 9 авг. 1940.

{226} Органы Государственной Безопасности СССР. Т. I (1). С. 245 — 246. Начальник Управления разведки погранвойск НКВД — Центру, 24 авг. 1940.

{227} Централный государственный архив Болгарии (Далее — ЦДА МВР). Ф. 176. Оп. 8. А. е. 906. Л. 143-145. Антонов (Стокгольм) — МИД, 14 сент. 1940.

{228} АМВнР. Д. 40. П. 34. Оп. 1т. Поп. 272. Л. 152. Стаменов — МИД, 16 июля 1940; DGFP. X. P. 77. Риббентроп — Фабрициусу, 1 июля 1940.

{229} См. наиболее авторитетную работу: Miller M.L. Bulgaria during the Second World War. Stanford, 1975. P. 13 — 15, 24 — 26; см. также: Сирков Д. Външната политика на България, 1938 — 1941. София, 1979. Об этом свидетельствуют: ДВП, 1939. Т. 2. С. 263 — 270. Терентьев — Молотову, 6 нояб. 1939; Lukacs J. The Great Powers and Eastern Europe. New York, 1953. P. 308.

{230} АМВнР. Д. 40. Поп. 142. Л. 50 — 53. Антонов (болгарский посол в Москве) — МИД/20 сент. 1939.

{231} ДВП, 1939. Т. 2. С. 412 — 413. Деканозов о встрече с Антоновым, 15 дек. 1940. Весьма информативный отчет о событиях см.: UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/516/LXVII. Ассарассон — МИД, 2 марта 1940.

{232} АВП РФ. Ф. 074. Оп. 25. П. 109. Д. 22. Л. 1 — 4. Лаврентьев — Деканозову, 3 янв. 1940.

{233} АМВнР. Д. 40. П. 34. Оп. 1т. Поп. 272. Л. 48, 56-64. Христов — МИД, 21 февр. 1940. См. также авторитетную работу: Miller M.L. Bulgaria during the Second World War. P. 21-23.

{234} DGFP. X. P. 54 — 55. Рихтхофен — МИД, 29 июня 1940. Об итальянском эпизоде см. выше, с. 40 — 43.

{235} АМВнР. Д. 40. П. 34. Оп. 1т. Поп. 272. Л. 122-123. Христов — МИД, 7 июня 1940.

{236} DGFP. X. P. 37 — 38, 47. Меморандум Вортмана о встречах с Драгановым, 26 и 27 июня 1940. О советских ожиданиях см.: UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/516/LXVIII. Ассарассон — МИД, 26 июня 1940.

{237} Филов Б. Дневник. София, 1986. С. 193-196; DGFP. X. P. 332-341. Протокол встречи Филова, Гитлера и Риббентропа, 27 июля 1940.

{238} Известия. 1940. 2 авг. См. оценку Стаменова в: АМВнР. Д. 40. П. 34. Оп. 1т. Поп. 272. Л. 156-157. 2 и 3 авг. 1940; FO. 371. 24845. N6243/30/38. Криппс — Галифаксу, 2 авг. 1940.

{239} АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 2. Д. 14. Л. 154-156; DGFP. X. P. 349, 367. Протоколы встреч Молотова с Шуленбургом, 29 и 31 июля 1940.

{240} Ведомости Верховного Совета СССР. М., 1940. № 31; АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 336. Д. 2271. Л. 262. Лаврищев — НКИД, 2 авг. 1940.

{241} АВП РФ. Ф. 074. Оп. 25. П. 108. Д. 6. Л. 22 — 23. Протокол встречи Лаврищева с Поповым, 15 авг. 1940.

{242} DGFP. XI. P. 8 — 10. Риббентроп — Шуленбургу, 3 сент. 1940.

{243} АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 316. Д. 2176. Л. 185-187. Шкварцев — Молотову, 2 сент. 1940; DGFP. XI. P. 8 — 10, 44 — 46. Обмен корреспонденцией между Шуленбургом и Риббентропом, 2 и 3 сент. 1940.

{244} DGFP. XI. P. 22 — 25, 28, 29 — 30. Обмен корреспонденцией между Риббентропом и Фабрициусом, 5 и 6 сент. 1940; см. также: Miller M.L. Bulgaria during the Second World War. P. 29 — 30.

{245} АМВнР. Д. 40. П. 34. On. lui. Поп. 272. Л. 177-179. Стаменов — МИД о встрече с Деканозовым, 13 сент. 1940.

{246} См. об ужасных предчувствиях в: Gafencu G. Prelude to the Russian Campaign. London, 1945. P. 66 — 68; Idem. Misiune la Moscova, 1940 — 1941: Culegere de dokumente. Bucurest, 1995. P. 67 — 68. Tel. 2305. Гафенку — МИД, 16 сент. 1940; АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 20. П. 105. Д. 3. Л. 11 — 12. Протокол встречи Вышинского с Гавриловичем, 5 нояб. 1940.

{247} Gafencu G. Prelude to the Russian Campaign. P. 67 — 68; DGFP. XI. P. 73 — 74. Шуленбург — МИД, 14 сент. 1940.

{248} FO. 371. 25229. W8797/183/96; W6469/183/96. Кэмпбелл — ФО, 8 и 16 июня 1940.

{249} АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 24. П. 118. Д. 5. Л. 41 — 45. Протокол встречи Лаврентьева с Танриером (турецким послом), 12 июля 1940; Органы

Государственной Безопасности СССР. Т. I (1). С. 223 — 224. Меморандум Савченко, заместителя начальника управления погранвойск НКВД, 12 июля 1940.

{250} DGFP. XI. P. 30 — 32. Риббентроп — Шуленбургу, 6 сент. 1940; Gafencu G. Misiune la Moscova. P. 64 — 67. Tel. 2302. Гафенку — МИД, 16 сент. 1940.

{251} АВП РФ. Ф. 082. Оп. 23. П. 95. Д. 6. Л. 65-67; Ф. 059. Оп. 1. П. 317. Д. 2181. Л. 92 — 93, 124. Обмен корреспонденцией между Молотовым и Шкварцевым, 6, 9 и 16 сент. 1940; см. также: DGFP. XI. P. 64 — 65. Шуленбург — МИД, 12 сент. 1940.

{252} АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 24. П. 118. Д. 5. Л. 76 — 79. Протокол встречи Лаврентьева с Хэнки, 29 июля 1940.

{253} Известия. 1940. 13 сент.; см. также оценку Криппса в: FO. 371. 25230. W10404/215/96. См. точку зрения Гафенку на значение вооруженных конфликтов в: UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/516/LXVIII. Ассарассон — МИД, 13 сент. 1940; АМВнР. Д. 40. П. 34. Оп. 1ш. Поп. 272. Л. 185. Стаменов — МИД, 14 сент. 1940.

{254} См.: АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1: П. 331. Д. 2275. Л. 47-48. Вышинский — Лаврищеву, 18 сент. 1940; Gafencu G. Misiune la Moscova. P. 68 — 69. Tel. 2309. Гафенку — МИД, 17 сент. 1940.

{255} DGFP. XI. P. 287 — 288. Меморандум директора Департамента экономической политики, 11 окт. 1940; FO. 371. 25231. W10814/215/96. Криппс и Кэмпбелл — ФО, 19 и 27 сент. 1940 соответственно.

{256} DGFP. XI. P. 287 — 288. Меморандум директора Департамента экономической политики, 11 окт. 1940; FO. 371. 25229. W10967/183/96. Кэмпбелл — ФО, 8 окт. 1940.

{257} АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 15. Д. 157. Л. 47 — 51. Протокол встречи Молотова с Шуленбургом, 17 окт. 1940.

{258} Новиков Н.В. Воспоминания дипломата. С. 52 — 67; АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 319. Д. 2193. Л. 22. Телеграмма Лаврентьева НКИД, 1 нояб. 1940. См. также: Gafencu G. Misiune la Moscova. P. 100. Tel. 2791. 1 нояб. 1940; FO. 371. 25231. Wl 1435/215/96. Криппс — ФО, 2 нояб. 1940.

{259} Gafencu G. Misiune la Moscova. P. 102-103. Tel. 3042. Гафенку — МИД, 13 нояб. 1940; UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/517/LXIX. Ассарассон — МИД о беседах с Гафенку, 13 янв. 1941.

{260} DGFP. XL P. 424 — 425, 458-459, 461. Фабрициус — МИД о встречах с Соболевым, 29 окт. и 3 нояб. 1940. См. о похожем впечатлении, создавшемся у

советского посла в Бухаресте: АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 319. Д. 2193. Л. 22. Лаврентьев — НКИД, 1 нояб. 1940.

{261} Цит. по: Higgins T. Hitler and Russia: The Third Reich in a Two-Front War 1937 — 1943. New York, 1966. Introduction.

{262} Cecil R. Hitler's Decision to Invade Russia, 1941. London, 1975. P. 167.

{263} Fцrster J. Hitler Turns East — German War Policy in 1940 and 1941 // From Peace to War: Germany, Soviet Russia and the World, 1939 — 1941 / Ed. by B.Wegner. Oxford, 1997.

{264} Leach B.A. German Strategy against Russia, 1939 — 1941. Oxford, 1973. P. 228.

{265} См: Jдckel Eberhard. Hitlers Herrschaft. Vollzug einer Weltanschauung. Stuttgart, 1986.

{266} Исключение составляет капитальный, глубокий труд Алана Баллока: Hitler and Stalin: Parallel Lives. London, 1991.

{267} Fleischhauer I. Diplomatischer Widerstand gegen "Unternehmen Barbarossa". S. 361.

{268} См. об этом: Fцrster J. Das Unternehmen "Barbarossa" als Eroberungs- und Vernichtungskrieg // DRuZW. S. 441.

{269} Halder F. Kriegstagebuch. Stuttgart, 1963. Bd. II. S. 46 — 50. См. также: Ьberschдr G.R. Hitlers Entschluss zum "Lebensraum"-Krieg im Osten. Programmatisches Ziel oder militдrisches Kalkьl? // ЬВ. S. 102; Klink E. Die militдrische Konzeption des Krieges gegen die Sowjetunion // DRuZW. S. 216.

{270} ьberschдr G.R. Hitlers Entschluss... S. 94 — 95; Krцner B.R. Der "erfrorene Blitzkrieg". Strategische Planungen der deutschen Fьhrung gegen die Sowjetunion und die Ursachen ihres Scheiterns // Zwei Wege nach Moskau vom Hitler-Stalin-Pakt bis zum Unternehmen "Barbarossa" / Hrsg. von B.Wegner. Mьnchen, 1991. S. 137-138.

{271} DGFP. X. P. 79 — 85. Протокол встречи Гитлера, Альфиери и Кейтеля, 1 июля 1940.

{272} См. с. 50-51.

{273} DGFP. X. P. 145 — 147. Протокол встречи Гитлера, Риббентропа и Чиано, 8 июля 1940 г.

{274} Krцner B.R. Der "erfrorene Blitzkrieg". S. 138.

{275} DGFP. X. P. 263. Верманн — посольствам в Анкаре и Москве, 22 июля 1940.

{276} Caulaincourt A., de. With Napoleon in Russia. New York, 1935. P. 23.

{277} Tauber J. Die Planung des "Unternehmen Barbarossa". Bemerkungen zum Forschungsstand // "Der Mensch gegen den Menschen": Ьberlegungen und Forschungen zum deutschen Ьberfall auf die Sowjetunion 1941 / Hrsg. von H.H.Nolte. Hannover, 1992. S. 160 — 191; Halder F. Kriegstagebuch. Bd. П. S. 49-50.

{278} По этому поводу см.: Fцrster J. Das "Unternehmen Barbarossa" als Eroberungs- und Vernichtungskrieg. S. 415.

{279} Мьller R.D. Das "Unternehmen Barbarossa" als wirtschaftlicher Raubkrieg // ЬВ. S. 177; Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militдrgerichtshofe. Nuremberg, 1947. Bd. VII. S. 278 — 280; Bd. X. S. 589. См. также: Klink E. Die militдrische Konzeption des Krieges gegen die Sowjetunion. S. 214.

{280} Fцrster J. Hitlers Entscheidung fьr den Krieg gegen die Sowjetunion // DRuZW. S. 14 — 16. Ферстер в большинстве своих работ по данной теме, а также В.Дайст ("Die militдrische Planung des "Unternehmens Barbarossa"" // ЬВ. S. 110 — 111) предпочитают рассматривать это решение как результат симбиоза политики силы и идеологии. В конечном счете они, возможно, и правы, однако практические соображения просматриваются легко, тогда как идеологические в значительной степени лежат в области предвзятых предположений.

{281} Fцrster J. Hitler Turns East. P. 117 — 121.

{282} ьberschдr G.R. Hitlers Entschluss... S. 98.

{283} См. о Континентальном блоке с. 52 — 53.

{284} Deist W. Die militдrische Planung. S. 113.

{285} Ьeberschдr G.R. Hitlers Entschluss... S. 102. О расчетах Паулюса см.: Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher. Bd. VII. S. 284 — 286.

{286} DGFP. X. P. 549 — 550. Выдержки из Военного журнала Оперативного штаба вермахта, 26 авг. 1940.

{287} DGFP. XI. P. 144 — 146. Верховное командование вермахта — МИД, 20 сент. 1940 г.

{288} Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher. Bd. VII. S. 284 — 286, 324 — 325. См. также: Cecil R. Hitler's Decision to Invade Russia. P. 111.

{289} Hitlers Weisungen fьr die Kriegsfцhrung 1939 — 1945 // Hrsg. von W.Hubatsch. Мьnchen, 1965. S. 77 — 85. См. также комментарии проф. Ханса-Адольфа Якобсена, издателя дневника Гальдера в: Halder F. Kriegstagebuch. S. 165.

{290} Директива Гитлера № 18, 12 нояб. 1940 г. (DGFP. XI. P. 527 — 528).

{291} Halder F. Kriegstagebuch. S. 129-130, 147-148. 8 и 23 окт. 1940.

{292} Milstein M. According to Intelligence Reports // New Times. 1990. № 26.

{293} См. об этом: Andrew C, Gordievsky O. KGB: The Inside Story. London, 1991. P. 253 — 254; Berezhkov V. History in the Making. M., 1983. C 100 — 103.

{294} В дальнейшем в книге используются эти псевдонимы.

{295} Органы Государственной Безопасности СССР. Т. I (2). С. II, 73; Секреты Гитлера на столе у Сталина: Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР, март — июнь 1941 г. М., 1995. С. 218. См. также неопубликованную статью Л.Безыменского "Советская служба безопасности и нападение Германии на Советский Союз".

{296} Чуев Ф.И. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф.Чуева. М., 1991. С. 31 — 32.

{297} Голиков Ф.И. Красные орлы (Из дневников 1918 — 1920 гг.). М., 1959.

{298} Маршал Советского Союза Ф.И.Голиков (К 80-летию со дня рождения) // Военно-исторический журнал (далее — ВИЖ). 1980. № 7. С. 86 — 88. Я благодарен покойному генералу Мильштейну, бывшему заместителем Голикова в ГРУ, за необычайно содержательное интервью.

{299} Дневник Димитрова. 20 февр. 1941.

{300} Там же. 21 янв. 1941.

{301} Об этом свидетельствуют В.А.Новобранец, который был начальником Информационного отдела РККА (Знамя. 1990. № 6), и Жуков (Из неопубликованных воспоминаний // Коммунист. 1988. № 14. С. 98).

{302} Бумаги Волкогонова. Архивный материал из ГРУ, подготовленный для ЦК. См. беспрецедентную российскую публикацию материала, подготовленного Хрущевым, но никогда ранее не публиковавшегося: Горчаков О. Накануне, или Трагедия Кассандры: повесть в документах // Неделя. 1988. № 42-44.

{303} См., напр.: ГРУ — Управлению внешней разведки, 29 марта 1941 // Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 208.

{304} АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 328. Д. 2253. Л. 100-101, 144, 153, 163, 173, 267 — 269. Иванов — НКИД, 14 и 26 сент., 7, 10 и 11 окт., 9 нояб. 1940.

{305} Sudoplatov P. Special Tasks: The Memoirs of an Unwanted Witness — a Soviet Spymaster. London, 1994. P. 116 — 117.

{306} ГРУ ГШ РФ. Ф. 37967. Оп. 6. Д. 2551. Л. 156. Специальная сводка начальника разведки Западного фронта — Голикову, 19 сент. 1940.

{307} ЦА СВР РФ. Д. 21616. Т. 1. Л. 174 — 175. Заместитель начальника Украинского НКГБ — Голикову, 26 сент. 1940.

{308} Органы Государственной Безопасности СССР. Т. I (1). С. 278 — 279. См. также: АВП РФ. Оп. 23. П. 104. Д. 57. Л. 202-203. Тихомиров — НКИД; ЦА СВР РФ. Д. 21616. Т. 1. Л. 353 — 356. Меморандум НКВД о германских военных приготовлениях, 5 нояб. 1940.

{309} Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 203-205. Рапорт 5 отдела НКВД о германских намерениях, 6 нояб. 1940.

{310} АВП РФ. Ф. 082. Оп. 23. П. 104. Д. 57. Л. 202-203. Тихомиров (первый секретарь берлинского посольства) "О ситуации в Германии после года войны", 4 нояб. 1940.

{311} ГРУ ГШ РФ. Од. 918. Д. 6. Л. 20 — 22. Специальный рапорт генерал-лейтенанта Голикова, начальника ГРУ, "О переброске германских войск на Балканы и возможном нападении Италии на Грецию", № 252610 от 9 нояб. 1940.

{312} Там же. Оп. 22424. Д. 4. Л. 402-403. 29 сент. 1940.

{313} ЦА СВР РФ. Д. 21606. Т. 1. Л. 301 — 303. Берия — Сталину, 24 окт. 1940.

{314} Gafencu G. Misiune la Moscova. Raport 2384. P. 69 — 78. Гафенку — Стурдзе, 21 сент. 1940.

{315} COS(40)853 // FO. 371. 24892. R8227/5/67. 21 окт. 1940.

{316} Подтверждено Ф.Чуевым. См.: Сто сорок бесед с Молотовым.

{317} См. весьма показательную беседу Вышинского с Криппсом: FO. 371. 24848. N7173/40/38. Криппс о встрече с Вышинским, 11 нояб. 1940. См. также: Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 101 — 103.

{318} См. с. 83-85.

{319} АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 326. Д. 2239. Л. 50-52. Молотов — Майскому, 6 окт. 1940; АМВнР. Д. 40. П. 34. Оп. 1ш. Поп. 272. Л. 213-214. Стаменов — МИД, 7 окт. 1940.

{320} АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 15. Д. 157. Л. 67-68. Майский — НКИД, 3 нояб. 1940. См. также дискуссию по оценке стойкости Англии на с. 78-79.

{321} АП РФ. Копия рукописных заметок Молотова, 9 нояб.; АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 338. Д. 2314. Л. 2. Сталин — Молотову, 11 нояб. 1940.

{322} АВП РФ. Ф. 084. Оп. 22. П. 132. Д. 5. Л. 18 — 25. Деканозов о встрече с Ризо-Ранхабе, греческим послом в Германии, 14 янв. 1941.

{323} САВ. 65/10. 288(40)3. 13 нояб. 1940; АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 325. Д. 2237. Л. 117-119. Майский — НКИД, 15 нояб. 1940.

{324} Quai d'Orsay Archives. 834/Z/312/1. P. 29 — 31. Меморандум Неманова о встрече с Богомоловым, 4 дек. 1940.

{325} Gorodetsky G. Cripps' Mission to Moscow. P. 24 — 31; FO. 371. 24841. N5808/30/38, N5840/5/38. Телеграммы Криппса, 14 и 17 июня 1940; Бумаги Криппса. Письмо к дочери Диане, 18 сент. 1940.

{326} Неопубликованная рукопись П.Ханака "Implications of the Soviet-German Pacts".

{327} Бумаги Криппса. Письмо к Натчболл-Хьюджсену, британскому послу в Анкаре, 23 окт. 1940.

{328} АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 328. Д. 2253. Л. 153. Иванов (Париж) — НКИД, 7 окт. 1940; П. 319. Д. 2192. Л. 240-241. Лаврентьев — НКИД о встрече с Танриером (турецким посланником в Бухаресте), 10 окт. 1940.

{329} Там же. П. 314. Д. 2162. Л. 47-50. Терентьев — НКИД, 6 июля 1940. См. также о дипломатических усилиях в этом направлении: Там же. Ф. 0125. Оп. 24. П. 118. Д. 5. Л. 63 — 66. Протокол встречи Лаврентьева с Танриером, 19 июля 1940.

{330} Assarasson V. I skuggan av Stalin. S. 37 — 38.

{331} АВП РФ. Ф. 06. On. 2. П. 2. Д. 15. Л. 34-37; Ф. 059. Оп. 1. П. 315. Д. 2165. Л. 13 — 18. Протоколы встреч Молотова с Актаем, 9 и 13 авг. 1940.

{332} Там же. Ф. 059. Оп. 1. П. 314. Д. 2162. Л. 169-171. Телеграмма Виноградова Молотову о встрече с Саракоглу, 4 сент. 1940.

{333} Там же. Ф. 0125. Оп. 24. П. 118. Д. 5. Л. 131-138. Протокол встречи Лаврентьева с Фабрициусом, 13 сент. 1940.

{334} АМВнР. Д. 40. П. 34. Оп. 1ш. Поп. 272. Л. 207-208. Стаменов — МИД, 20 окт. 1940; ПДА МВР. Ф. 316. Оп. 1. А. е. 273. Л. 77. Попов — Драганову, 17 и 21 окт. 1940; UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/517/LXIX, HP/516/LXVIII. Ассарассон — МИД, 10 июля и 21 окт. 1940.

{335} FO. 371. 25015. R7626/242/37, R8117/242/37. Криппс — ФО, 30 окт. 1940.

{336} АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 314. Д. 2163. Л. 126-128. Виноградов — НКИД, 21 нояб. 1940.

{337} Там же. П. 315. Д. 2165. Л. 70 — 72. Вышинский — Виноградову о встрече с Актаем, 4 нояб. 1940.

{338} Там же. Л. 73 — 74, 75 — 76. Вышинский — Виноградову, 4 нояб. 1940.

{339} DGFP. XI. P. 482 — 483. Фон Папен о встрече с Гереде в Берлине, 6 нояб. 1940.

{340} АВП РФ. Ф. 0132. Оп. 23. П. 232. Д. 6. Л. 74-77. Протокол встречи Виноградова с Актаем, 25 сент. 1940; Ф. 059. Оп. 1. П. 314. Д. 2163. ^ Л. 51 — 54; П. 315. Д. 2165. Л. 62 — 63. Обмен телеграммами между Мо-лотовым и Виноградовым, 12 и 15 окт. 1940. См. также: UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/516/LXVin. Ассарассон — МИД, 17 окт. 1940.

{341} Органы Государственной Безопасности СССР. Т. I (1). С. 270 — 278. Меморандум Берии о положении в Турции, 5 нояб. 1940.

{342} АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 318. Д. 2189. Л. 200-202. Шаронов — Молотову о встрече с Чаки, 28 окт. 1940.

{343} АМВнР. Д. 40. П. 34, Оп. 1т. Поп. 272. Л. 157. Стаменов — МИД, 3 авг. 1940.

{344} DGFP. X. P. 410 — 411. Рихтхофен — МИД, 4 авг. 1940.

{345} ПДА МВР. Ф. 316. Оп. 1. А. е. 273. Л, 149 — 150. Драганов — МИД о встрече с Риббентропом, 9 сент. 1940.

{346} АВП РФ. Ф. 074. Оп. 1. П. 331. Д. 2272..Л. 17-18. Лаврищев — Молотову о встрече с Поповым, 26 авг. 1940.

{347} DGFP. XI. P. 29 — 30. Риббентроп — Бухарестской миссии, 5 сент. 1940.

{348} АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 3. Д. 16. Л. 34; АМВнР. Д. 40. П. 34. Оп. 1ш. Поп. 272. Л. 174. Стаменов — МИД о встрече с Молотовым, 10 сент. 1940.

{349} АМВнР. Д. 40. П. 34. Оп. 1ш. Поп. 272. Л. 207 — 212, 213 — 214. Стаменов — МИД, 7 и 20 окт. 1940; ПДА МВР. Ф. 316. Оп. 1. А. е. 273. Л. 77. Попов — Драганову, 17 окт. 1940.

{350} DGFP. XI. P. 364 — 366. Царь Борис — Гитлеру, 22 окт. 1940; ЦДА МВР. Ф. 316. Оп. 1. А. е. 273. Л. 71. Попов — Драганову, 20 окт. 1940.

{351} См. с. 104-107.

{352} ЦДА МВР. Ф. 316. Оп. 1. А. е. 273. Л. 47 — 48. Драганов — Попову, 20 окт. 1940.

{353} Там же. Л. 65. Попов — Драганову, 30 окт. 1940.

{354} Там же. Л. 38. Драганов — МИД, 31 окт. 1940; АМВнР. Д. 40. П. 34. Оп. 1ш. Поп. 272. Л. 217. Стаменов — МИД, 30 окт. 1940.

{355} АМВнР. Д. 40. П. 34. Оп. 1ш. Поп. 272. Л. 217, 222. Стаменов — МИД, 30 окт. и 5 нояб. 1940.

{356} DGFP. XI. P. 479 — 480. Риттер — миссии в Бухаресте, 6 нояб. 1940.

{357} См., напр.: DGFP. XL P. 408. Бисмарк (поверенный в делах в Риме) — МИД, 27 окт. 1940; ЦДА МВР. Ф. 316. Оп. 1. А. е. 273. Л. 37. Драганов — МИД, 4 нояб. 1940.

{358} АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 315. Д. 2165. Л. 70-72. Вышинский — Виноградову о встрече с Актаем, 4 нояб. 1940.

{359} См. с. 103.

{360} АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 24. П. 196. Д. 8. Л. 427-429. План разъяснен на встрече Панюшкина с Бай Чжунси (заместителем начальника китайского Генерального штаба), 31 окт. 1940; Ф. 059. Оп. 1. П. 315. Д. 2165. Л. 73 — 74, 75 — 76. Вышинский — Виноградову, 4 нояб. 1940.

{361} ЦДА МВР. Ф. 316к. Оп. 1. А. е. 273. Л. 19. Попов — Драганову, 9 нояб. 1940.

{362} Типичный пример: Cecil R. Hitler's Decision to Invade Russia. P. 110.

{363} UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/516/LXVIII. Ассарассон — МИД, 10 сент. 1940; Klink E. Die militдrische Konzeption des Krieges gegen die Sowjetunion. S. 195 — 196; Herwarth H., von. Against Two Evils: Memoirs of a Diplomat-Soldier during the Third Reich. London, 1981. P. 182 — 184.

{364} АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 15. Д. 157. Л. 1-5; DGFP. XI. P. 47. Протокол встречи Молотова с Шуленбургом, 9 сент. 1940. Об озабоченности Шуленбурга см. также: Gafencu G. Misiune la Moscova. Tel. 2287. P. 63 — 64. Гафенку — МИД, 13 сент. 1940.

{365} АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 15. Д. 157. Л. 16-27; DGFP. XI. P. 137-143. Протоколы встречи Молотова с Шуленбургом, 21 сент. 1940. О требовании русских признать Советский Союз "новым Дунайским государством" см.: Gafencu G. Misiune la Moscova. Tel. 2273 — 2274. P. 59 — 63. Гафенку — МИД, 13 сент. 1940.

{366} Die Weizsдcker-Papiere, 1933-1950 / Hrsg. von L.E.Hill. Frankfurt am Mein, 1974. S. 216.

{367} DGFP. XI. P. 221-223. Меморандум Шнурре, 28 сент. 1940.

{368} Ibid. P. 102 — 105. Гитлер — Муссолини, 17 сент. 1940.

{369} Wegner-Korfes S. Ambassador Count Schulenburg and the Preparations for "Barbarossa" // From Peace to War. P. 118 — 119.

{370} АМВнР. Д. 40. П. 34. On. lm. Поп. 272. Л. 237. Стаменов — МИД, 12 нояб. 1940.

{371} Wegner-Korfes S. Ambassador Count Schulenburg. P. 195.

{372} Die Weizsdcker-Papiere. S. 226.

{373} DGFP. XI. P. 521 — 523. Меморандум Вайцзеккера, 11 нояб. 1940.

{374} Ibid. P. 113 — 123. Меморандум о встрече Риббентропа с Муссолини, 20 сент. 1940.

{375} АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 316. Д. 2177. Л. 6-8. См. также: DGFP. XI. P- 276 — 277, 279. Протоколы встречи Шкварцева с Риббентропом и циркуляр, направленный Германской миссии на Балканах, 9 окт. 1940; DGFP. XI. P. 245-259, 297-301, 411-422. Протоколы встреч Гитлера с Муссолини, 4, 15 и 28 окт. 1940. См. также: АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 316. Д. 2177. Л. 6-8; Halder F. Kriegstagebuch. Bd. II. S. 135-139. 15 окт. 1940.

{376} ЦДА МБР. Ф. 176. On. 8. A. e. 17. Л. 67-70. Драганов — МИД о встрече с Папеном, 6 нояб. 1940. Дополнительное подтверждение см.: Papen F., von. Memoirs. London, 1952. P. 465 — 467; АМВнР. П. 42. On. 1ш. Поп. 315. Л. 29 — 31. Драганов — МИД, 11 нояб. 1940.

{377} DGFP. XI. P. 150 — 152, 164. Протокол встречи Риббентропа с Муссолини, 22 сент. 1940. В самом деле статья V гласила, что соглашение никоим образом "не затрагивает политического положения, существующего на данный момент между каждой из трех договаривающихся сторон и Советским Союзом". См. также: DGFP. XL P. 187 — 188. Риббентроп — Молотову, 26 сент. 1940; АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 316. Д 2176 Л. 311 — 312. Шкварцев — НКИД, 28 сент. 1940.

{378} Die Weizsdcker-Papiere. S. 219; АВП РФ. Ф. 059. On. 1. П. 316. Д. 2176 Л. 311 — 312. Шкварцев — НКИД, 28 сент. 1940.

{379} DGFP. XI. P. 187-188. Риббентроп — Молотову, 26 сент. 1940.

{380} Ibid. P. 236 — 238. Риббентроп — Московскому посольству, 2 окт. 1940.

{381} АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 316. Д. 2177. Л. 6-8. Отчет Шкварцева о встрече с Риббентропом. См. также: DGFP. XI. P. 276 — 277, 279. Циркулярное письмо Риббентропа, 9 окт. 1940.

{382} АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 15. Д. 157. Л. 47-51; DGFP. XI. P. 291-297, 317. Риббентроп — Сталину, 13 окт. 1940, отчет о встрече Молотова с Шуленбургом, 17 окт. 1940. О долгом оптимизме Шуленбурга см.: Gafencu G. Misiune la Moscova. Raport 2714. .P. 91 — 99. Отчет Гафенку Стурдзе, 21 окт. 1940.

{383} АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 15. Д. 157. Л. 55-58; DGFP. XL P. 327-328,. 334 — 337. Протоколы встреч Молотова с Шуленбургом, 19 и 21 окт. 1940.

{384} АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 675. Л. 1; DGFP. XL P. 353-354. Письмо Сталина Риббентропу, 21 окт. 1940.

{385} Weinberg G.L. A World at Arms: A Global History of World War II. Cambridge, 1994.

{386} См. выше о директиве Сталина касательно Британской империи, с. 78-79.

{387} Berezhkov V. History in the Making. P. 7 — 50.

{388} АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 675. Л. 21-30; DGFP. XI. P. 533-541. Протокол встречи Молотова с Риббентропом, 12 нояб. 1940.

{389} АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 338. Д. 2314. Л. 11 — 18. Молотов — Сталину, 13 нояб. 1940.

{390} Hilger G., Meyer A.G. The Incompatible Allies: A Memoir-History of German-Soviet Relations, 1918-1941. New York, 1971. P. 323.

{391} АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 339. Д. 2315. Л. 35 — 36. Сталин — Молотову, 13 нояб. 1940.

{392} Там же. Л. 29 — 30. Сталин — Молотову, 13 нояб. 1940. См. также: АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 675. Встреча Молотова с Гитлером, 13 нояб. 1940.

{393} См.: Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher. Bd. IX. S. 328 — 330, 383-385.

{394} АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 675. Л. 31-41, 49-67; DGFP. XI. P. 541-549, 550 — 562. Протоколы встреч Молотова с Гитлером 12 и 13 нояб. 1940. См. также: Hilger G., Meyer A.G. Incompatible Allies. P. 323.

{395} АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 675. Л. 68-83; DGFP. XL P. 562-570. Протоколы встречи Молотова с Риббентропом, 13 нояб. 1940.

{396} См., напр.: АМВнР. Д. 40. П. 34. Оп. 1ш. Поп. 272. Л. 233-234. Стаменов — МИД, 13 нояб. 1940.

{397} АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 338. Д. 2314. Л. 36 — 38. Молотов — Сталину, 13 нояб. 1940.

{398} См. свидетельство генерала Суслопарова, советского военного атташе в Виши: Quai d'Orsay Archives. 834/Z/312/1. P. 73-75.

{399} АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 326. Д. 2239. Л. 112 — 114. Молотов — Майскому, 17 нояб. 1940.

{400} См. с. 97.

{401} См.: АМВнР. П. 42. Оп. 1ш. Поп. 315. Л. 34. Стаменов — МИД, 16 нояб. 1940.

{402} Die Weizsdcker-Papiere. S. 220, 227; Halder F. Kriegstagebuch. Bd. II. S. 182-183. 3, 16 нояб. 1940.

{403} DGFP. XI. P. 598 — 609. Записка о беседе Гитлера с Чиано 18 нояб. 1940 и с испанским министром иностранных дел Серрано Суньером 19 нояб. 1940.

{404} Ibid. P. 637 — 643, 654 — 670. Гитлер — Муссолини и протокол встречи с Антонеску, 20 нояб. 1940.

{405} Ibid. XL P. 632 — 636. Записка о встрече Гитлера с венгерским премьер-министром графом Телеки и графом Чаки в Вене, 20 нояб. 1940.

{406} Ibid. XL P. 432. 17 нояб. 1940.

{407} Договор в Сан-Стефано 3 марта 1878 г. провозглашал независимое государство Болгарию, границы которого охватывали территорию между Дунаем, Черным и Эгейским морями, включая Румелию и Македонию, но за исключением Салоник.

{408} АМВнР. П. 42. Оп. 1ш. Поп. 315. Л. 20 — 28. Драганов — МИД, 14 нояб. 1940. См. также: Там же. П. 34. Оп. 1ш. Поп. 272. Л. 237. Стаменов — МИД, 17 нояб. 1940.

{409} DGFP. XI. P. 606 — 610, 652, fn. 2. 19 нояб. 1940; Филов Б. Дневник. София, 1986. С. 199.

{410} АМВнР. Д. 40. П. 34. Оп. 1ш. Поп. 272. Л. 238; АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 331. Д. 2275. Л. 105 — 113. Протоколы встречи Молотова со Стаме-новым, 18 нояб. 1940. См. также о советской политике: Севостьянов П.П. Накануне великой битвы // Новая и новейшая история. 1981. № 4. С. 99 — 128; Решетникова О.Н. Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период фашистской агрессии на Балканах и подготовки нападения на СССР. М, 1992.

{411} Филов Б. Дневник. С. 199; DGFP. XI. P. 652, fn. 2; P. 653-654. 18 нояб. 1940.

{412} DGFP. XI. P. 654 — 670, 680 — 684. Протокол переговоров Антонеску с Гитлером, Кейтелем и Риббентропом в Берлине, 23 и 25 нояб. 1940. Русские были хорошо осведомлены о переговорах, см.: АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 316. Д. 2193. Л. 131-135. Лаврентьев — НКИД, 21 нояб. 1940. Впервые определение Балкан как ключа к пониманию германо-советского столкновения см.: Presseisen E. Prelude to

"Barbarossa": Germany and the Balkans, 1940 — 1941 // Journal of Modern History. 1960. № 4.

{413} DGFP. XI. P. 651-653. Рихтхофен — МИД, 22 нояб. 1940.

{414} Ibid. P. 691 — 700. Рихтхофен — МИД, 24 нояб. 1940.

{415} Ibid. P. 672 — 578. Отчет о встрече Гитлера с Драгановым, 23 нояб. 1940.

{416} АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 331. Д. 2272. Л. 155-156. Лаврищев — НКИД о встрече с Поповым, 20 нояб. 1940. Об отсутствии выбора у царя см. рассказ Рендела (британского посла в Софии) в его мемуарах: Rendel G. The Sword and the Olive: Recollections of Diplomacy and the Foreign Service. London, 1957. P. 183.

{417} АМВнР. Д. 40. П. 34. Оп. 1ш. Поп. 272. Л. 248. Стаменов — МИД, 26 нояб. 1940.

{418} ЦДА МВР. Ф. 176. Оп. 8. А. е. 17. Л. 104; АМВнР. П. 42. Оп. 1ш. Поп. 315. Л. 5. Антонов — МИД, 24 и 29 нояб. 1940 соответственно.

{419} АМВнР. ПРЕИ/1/3. Пап. 1. Оп. 2ш. Поп. 1. Л. 1. Стаменов — МИД, 23 нояб. 1940.

{420} АМВнР. Д. 40. П. 34. Оп. 1ш. Поп. 272. Л. 246. Стаменов — МИД, 26 нояб. 1940. См. также: АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 3. Д. 19. Л. 10 — 14. Протокол встречи Молотова с Актаем, 10 дек. 1940.

{421} Менее вероятное объяснение устной передачи предложений — то, что передача их в письменной форме противоречила соглашению 1925 г. с Турцией о взаимных консультациях, — по крайней мере, такое оправдание приводил Молотов, отвечая на упреки турок, см.: Foreign Relations of the United States (Далее — FRUS). 1941. Vol. I. P. 287-289. Мак Мюррей (посол США в Анкаре) — Госсекретарю, 22 февр. 1941.

{422} АМВнР. ПРЕИ/1/3. Пап. 1. Оп. 2ш. Поп. 1. Л. 7. Отчет Димитрия Шишманова, генерального секретаря болгарского МИД, 25 нояб. 1940.

{423} АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 331. Д. 2272. Л. 167-168. Телеграмма Соболева Молотову, 25 нояб. 1940.

{424} Дневник Димитрова. 11 янв. 1941.

{425} Дневник Димитрова; Коминтерн и вторая мировая война. С. 454. Телеграмма Димитрова ЦК БКП, 25 нояб. 1940; АМВнР. ПРЕП/1/3. Пап. 1. Оп. 2ш. Поп. 1. Л. 19. Анонимный памфлет, распространявшийся в Софии, 27 нояб. 1940. О вреде, нанесенном софийской дипломатии, см.: АМВнР. ПРЕП/1/3. Пап. 1. Оп. 2ш. Поп. 1. Л. 11. Попов — Стаменову, 1 дек. 1940.

{426} Дневник Димитрова; Коминтерн и вторая мировая война. С. 461 — 462. 28 нояб. 1940.

{427} АП РФ. Ф. 3 Оп. 64. Д. 675. Л. 108 — 116. Протокол встречи Шнурре, Шуленбурга и Молотова, 25 нояб. 1940; DGFP. XL P. 714-715, 716-717. Записка Молотова Шуленбургу и Шуленбурга МИД.

{428} Филов. Дневник. С. 199-200. 26 нояб. 1940; DGFP. XI. P. 712-714. Рихтхофен — МИД, 26 нояб. 1940.

{429} DGFP. XI. P. 726-727. Рихтхофен — МИД, 28 нояб. 1940.

{430} АМВнР. ПРЕИ/1/3. Пап. 1. Оп. 2ш. Поп. 2. Л. 8 — 9, 10. Обмен телеграммами между Поповым и Стаменовым, 30 нояб. и 1 дек. 1940; АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 331. Д. 2272. Л. 192 — 199. Лаврищев — Молотову, 30 нояб. 1940. Отчет Рихтхофена см.: DGFP. XI. P. 756 — 757.

{431} ЦДА МВР. Ф. 316. Оп. 1. А. е. 273. Л. 25; DGFP. XI. P. 767-773. Протоколы встречи Гитлера с Драгановым, 3 дек. 1940.

{432} DGFP. XI. P. 789 — 791. Гитлер — Муссолини, 5 дек. 1940.

{433} См. с. 152.

{434} Некоторые историки полагают, что у Гитлера была привычка истолковывать в свою пользу разногласия с военными; однако до рассматриваемого момента споров между Гитлером и армией не замечалось, см.: Klink E. Die militdrische Konzeption des Krieges gegen die Sowjetunion. S. 236-237.

{435} Halder F. Kriegstagebuch. Bd. II. S. 213-214, 227-228. 13 дек. 1940.

{436} АМВнР. ПРЕН/1/3. Пап. 1. Оп. 2ш. Поп. 1. Л. 12. Шишманов, записка о встрече с Лаврищевым, 6 дек. 1940; ЦДА МВР. Ф. 176. Оп. 8. А.е. 17. Л. 42. Попов — Стаменову, 9 дек. 1940.

{437} ПДА МВР. Ф. 176. Оп. 8. А. е. 17. Л. 41. Попов — Драганову, 8 дек. 1940.

{438} Там же. Л. 106; DGFP. XI. P. 806-807, 833-835. Рихтхофен — МИД, 7 и 10 дек. 1940; Драганов — МИД и отчет Верманна, директора политического департамента германского МИД, 10 дек. 1940.

{439} См. выше, с. 56 — 57.

{440} DGFP. XI. P. 838-839, 879-881, 883-884. Фабрициус — МИД, 11 и 16 дек. 1940. См. также: Новиков. Воспоминания дипломата. С. 67 — 68.

{441} FO. 371. 25231. W12425/215/96, W12738/215/96. Кэмпбелл — ФО, 6 дек. 1940.

{442} DGFP. XI. P. 841 — 842. Блюхер (Хельсинки) — МИД, 11 дек. 1940.

{443} Ibid. P. 899-902. 18 дек. 1940

{444} Ibid. P. 937 — 941. Риттер — МИД (передано лично Риббентропу и Гитлеру) и меморандум генерала Йодля "Германские военные приготовления на Балканах", 23 дек. 1940.

{445} Speer A. Inside the Third Reich. New York, 1970. P. 173. Процесс принятия решения рассмотрен в: Robertson E.M. Hitler Turns from the West to Russia, May — December 1940 // Paths to War. New Essays on the Origins of the Second World War / Ed. by R.Boys, E.M.Robertson. New York, 1989.

{446} "Der Operationsentwurf Ost" des Generalmajors Marcks vom 5. August 1940 // Wehrforschung / Hrsg. von F.Klein, I.Lachnit. 1972. № 4. S. 116.

{447} Цит. по: Cecil R. Hitler's Decision to Invade Russia. P. 169.

{448} FO. 1093/2. Fol. 14.

{449} Cecil R. Hitler's Decision to Invade Rusiia. P. 105.

{450} См., напр., очерк начальника гитлеровского Генерального штаба Ф.Гальдера: Hitler as Warlord. London, 1950.

{451} Cecil R. Hitler's Decision to Invade Russia. P. 171.

{452} Ibid. P. 121.

{453} См.: Erickson J. The Road to Stalingrad. P. 85.

{454} Цит. по: Fцrster J. Hitler Turns East. P. 20.

{455} Дальнейшее изложение основано на весьма информативной статье "Германский милитаризм и легенда о "превентивной войне" гитлеровской Германии против Советского Союза" (ВИЖ. 1991. № 5. С. 16-24).

{456} Подробнее об этом см.: Naveh S. In Pursuit of Military Excellence. London, 1998.

{457} ьberschdr G.R. Hitlers Entschluss... S. 83 — 89.

{458} DGFP. XII. P. 386 — 394, 405 — 409, 413 — 420. Беседы Мацуоки с Гитлером и Риббентропом в Берлине, 31 марта 1941 г.

{459} Цит. по: Fцrster J. Hitler Turns East. P. 22.

{460} DGFP. XII. P. 1069.

{461} АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 2. Д. 715. Л. 107-119. Протокол встречи Молотова с Криппсом, 24 авг. 1940; Ф. 059. Оп. 1. П. 326. Д. 2239. Л. 14 — 15. Молотов — Майскому, 25 авг. 1940.

{462} Там же. Ф. 059. Оп. 1. П. 325. Д. 2236. Л. 92-97, 192-193; Ф. 069. Оп. 24. П. 70. Д. 43. Л. 91 — 93. Майский — Молотову, 14 сент., 1 и 7 окт. 1940.

{463} Там же. Ф. 069. Оп. 24. П. 70. Д. 43. Л. 95-99. Протокол встречи Майского с Галифаксом, 17 окт. 1940.

{464} Там же. Ф. 07. Оп. 1. П. 2. Д. 22. Л. 4-7; FO. 418/86. N6594/2039/59. Отчеты о встрече Криппса с Вышинским, 14 сент. 1940.

{465} Там же. Ф. 059. Оп. 1. П. 325. Д. 2236. Л. 163-167. Майский — НКИД о встрече с Бивербруком, 25 сент. 1940

{466} Там же. Ф. 06. Оп. 2. П. 15. Д. 157. Л. 35-36; DGFP. XI. P. 244-245. Протоколы встречи Молотова с фон Типпельскирхом, 4 окт. 1940.

{467} АВП РФ. Ф. 07. Оп. 1. П. 2. Д. 22. Л. 8-10; FO. 371. 24841. N6681/5/38. Протоколы встречи Криппса с Вышинским, 20 сент. 1940. См. также: FO. 371. 24848. N7348/40/38. Галифакс — Криппсу, 27 нояб. 1940.

{468} FO. 371. 24870. R7763/4/7. Рендел — ФО, 28 сент. 1940.

{469} Личные бумаги Криппса; FO. 371. 24848. N6838/40/38. Официальные и частные письма к Галифаксу, 10 и 11 окт. 1940; запись в дневнике от 10 окт. 1940.

{470} CAB. 65/9. 269(40)8. 10 окт. 1940; АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 320. Д. 2202. Л. 131 — 134. Вышинский — Уманскому, 24 дек. 1940.

{471} См. с. 56-59.

{472} FO. 371. 25231. W12004/215/96. Гор — ФО, 21 нояб. 1940; 25015. R8202/242/37. Криппс — ФО и протоколы, 3 нояб. 1940. Удивительно глубокий анализ стратегии и политики Черчилля на Балканах см.: Lawlor S. Churchill and the Politics of War. Cambridge, 1994.

{473} FO. 371. 24852. N7163/22/38. Криппс — ФО, 10 нояб. 1940, записки Кэдогана и Галифакса, 13 и 25 нояб. 1940. Об отозвании предложения см.: FO. 371. 24849. N7387/40/38. Криппс — Галифаксу, 8 дек. 1940; CAB. 65/10. 295(40)3; FO. 837/1133. Записка Министерства военной экономики (МВЭ), 26 дек. 1940. См. также беседу Майского с Галифаксом о берлинской встрече в том же духе: FO. 371. 24848. N7348/40/38. Галифакс — Криппсу, 27 нояб. 1940.

{474} FO. 371. 24849. N7548/40/38; АВП РФ. Ф. 069. Оп. 24. П. 70. Д. 43. Л. 132 — 137. Протокол встречи Майского с Иденом, 27 дек. 1940, и комментарий Криппса, 29 дек. 1940. У Майского создалось впечатление, что Иден столь же

бесполезен, как и Ллойд Джордж, см.: АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 325. Д. 2237. Л. 323-327. Майский — НКИД, 29 дек. 1940.

{475} FO. 371. 24849. N7500/40/38. Иден — Криппсу. Также Криппс — Идену, 19 дек. 1940, Иден — Далтону, 3 янв. 1941, и записка Кэдогана, 27 дек. 1940.

{476} Ibid. 29463. N29/3/38. Криппс — ФО и записка Идена, 31 дек. 1940.

{477} См. с. 120-121.

{478} FO. 371. 29497. N159/88/38. Криппс — ФО и записка, 11 янв. 1941.

{479} Ibid. 24849. N7484/40/38. Записка ФО, 22 янв. 1941; CAB. 65/17. 5(41)2. 13 янв. 1941.

{480} Cadogan Diaries. P. 345, 347, 372. См. также: Crozier W.P. Off the Record: Political Interviews, 1939 — 1944. London, 1973. P. 208. По поводу мифа о верной поддержке Иденом Советского Союза см.: Carlton D. Anthony Eden: A Biography. London. 1981. P. 16, 63, 86-88, 149. О Среднем Востоке: Ibid. P. 170-172.

{481} FO. 837/1098. Криппс — ФО, 12 и 20 февр. 1941, и записка; UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/517/LXIX. Ассарассон — МИД, 9 янв. 1941.

{482} АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 8. Д. 81. Л. 2-5; FO. 371. 29463. N402/3/38, N411/3/38; 29473. N759/22/38. Обмен телеграммами между Криппсом и Иденом, Криппс — Микояну и записка ФО, 1, 20 и 21 февр. 1941.

{483} CAB. 69/2. DO(41)7. 10 февр. 1941.

{484} АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 27. П. 122. Д. 4. Л. 105 — 106. Из дневника Лаврентьева, 11 февр. 1941.

{485} Там же. Ф. 06. Оп. 2. П. 15. Д. 158. Л. 18-22; DGFP. XI. P. 723-724. Протокол встречи Молотова с Шуленбургом, 28 нояб. 1940; Ibid. P. 746 — 748. Шнурре — Риттеру, 29 нояб. 1940.

{486} См. выше с. 101 — 103.

{487} АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 317. Д. 2128. Л. 188-190; DGFP. XI. P. 979-980, 1013 — 1015. Отчеты о встречах Молотова и Шуленбурга, 29 дек. 1940 и 3 января 1941. См. также: Gafencu G. Misiune la Moscova. Tel. 3. P. 127 — 128. Гафенку — МИД, 2 янв. 1941. Столь же подробный обзор, сделанный генералом Суслопаровым, военным атташе в Виши, см.: Quai d'Orsay Archives. 834/Z/312/1. P. 66-67. 3 янв. 1941.

{488} DGFP. XI. P. 1137 — 1138. Меморандум Виля, директора Департамента экономической политики, 19 янв. 1941. См. также: АВП РФ. Ф. 07. Оп. 2. П. 9. Д. 27. Л. 6 — 7, 9. Вышинский о встрече с Паасикиви, 21 и 24 янв. 1941.

{489} Об этом см.: Barros J., Gregor R. Double Deception: Stalin, Hitler, and the Invasion of Russia. Northern Illinois University Press, 1995. P. 48 — 51. Данная книга дает весьма убедительный анализ сталинской политики весной 1941 г. Однако она вышла до того, как были открыты российские архивы, и потому страдает от неизбежных лакун и ряда неточностей.

{490} UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/517/LXIX. Ассарассон — МИД, 25 нояб. 1940; Krigsarkivet. Fqrsvarsstaben. Ser. E/II/15/1. Рапорт военного атташе № 2, 25 нояб. 1940; АМВнР. П. 42. Оп. 1ш. Поп. 315. Л. 5. Антонов — МИД, 29 нояб. 1940; FO. 371. 24853. N7347/283/38. Криппс — Галифаксу, 29 нояб. 1940.

{491} DGFP. XL P. 854. Риббентроп — Шуленбургу, 12 дек. 1940.

{492} АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 319. Д. 2193. Л. 204. Телеграмма Деканозова НКИД, 6 дек. 1940.

{493} Там же. Ф. 082. Оп. 23. Д. 95. Д. 6. Л. 285-290; DGFP. XL P. 854-856, 864 — 865. Протоколы встречи Деканозова с Риббентропом, 12 дек. 1940.

{494} АВП РФ. Ф. 082. Оп. 23. П. 95. Д. 6. Л. 268 — 272. Протокол встречи Деканозова с Гитлером, 19 дек. 1940.

{495} Там же. Ф. 06. Оп. 2. П. 15. Д. 158. Л. 48-52; DGFP. XL P. 928-929. Протоколы встречи Молотова с Шуленбургом, 21 дек. 1940.

{496} DGFP. XI. P. 943 — 944. Вайцзеккер — Шуленбургу, 24 дек. 1940.

{497} Ibid. P. 1044 — 1045. Вайцзеккер — Риббентропу, 7 янв. 1941,

{498} АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 1. Д. 4. Л. 1-6; DGFP. XT. P. 1000-1001. Протоколы встречи Молотова с Шуленбургом, 2 янв. 1941; Ibid. P. 1040. Шуленбург — Риббентропу, 7 янв. 1941.

{499} DGFP. XI. P. 1066 — 1069. Торговое соглашение между СССР и Германией, 10 янв. 1941.

{500} Ibid. XII. P. 4 — 5, 8. Телеграммы Шуленбургу, 3 февр. 1941, и его записка, 1 февр. 1941; АВП РФ. Ф. 07. Оп. 2. П. 9. Д. 22. Л. 19 — 20. Протокол встречи Вышинского с Типпельскирхом, 4 февр. 1941.

{501} Herwarth H. Against Two Evils. P. 188 — 189.

{502} АВП РФ. Ф. 059. On. 1. П. 331. Д. 2272. Л. 238 — 239. Лаврищев — Молотову, 18 дек. 1940; АМВнР. ПРЕИ/1/3. Пап. 1. Оп. 2ш. Поп. 1. Л. 14 — 16. Отчет Попова о встрече с Лаврищевым, 18 дек. 1940; Дневник Димитрова. 20 дек. 1940.

{503} ЦДА МВР. Ф. 176. Оп. 15. А. е. 1. Л. 55-59; Оп. 8. А. е. 962. Л. 6. Рапорты Петрова, болгарского военно-морского и военно-воздушного атташе в Бухаресте, о беседах с Лаврентьевым и Луниным, 4 и 11 янв. 1941.

{504} DGFP. XI. P. 1018 — 1027 (реальная дата документа 4 янв.). Меморандум о встрече Гитлера с Филовым, 4 янв. 1941; Филов. Дневник. С. 200 — 208. 4 янв. 1941. Даже в самый разгар "идеологизированного" периода болгарской историографии признавалось, что ревизионистские тенденции привели Болгарию в германский лагерь. См.: Dimitrov I. Bulgaria in European Politics between the Two World Wars: Certain Preliminary Inferences // Southeastern Europe. 1981. Vol. 8. № 1 — 2.

{505} FRUS. 1941. Vol. I. P. 278. Ирл, София — Госсекретарю, 12 янв. 1941.

{506} Филов Б. Дневник. С. 209 — 211. 7 янв. 1941.

{507} ЦДА МВР. Ф. 176. Оп. 15. А. е. 1. Л. 132-139; DGFP. XI. P. 1081 — 1085. Протоколы встречи Вайцзеккера с Драгановым, 13 янв. 1941.

{508} Известия. 1941. 11 янв.; Дневник Димитрова. 12 и 13 янв. 1941; АМВнР. Д. 51. П. 45. Оп. 1ш. Поп. 333. Л. 10. Стаменов — МИД, 13 янв. 1941. Анализ позиции русских см. также: FO. 371. 29500. N262/122/38. Иден — Криппсу о встрече Батлера с Майским, 15 янв. 1941.

{509} АМВнР. Д. 51. П. 45. Оп. 1ш. Поп. 333. Л. 11. Стаменов — МИД, 14 янв. 1941.

{510} DGFP. XI. P. 1100-1101. Шуленбург — МИД, 14 янв. 1941.

{511} Ibid. P. 1104 — 1105, 1076. Вайцзеккер — Риббентропу, 15 янв. 1941, Начальник разведки, ОКБ — МИД, 11 янв. 1941.

{512} АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 1. Д. 4. Л. 37 — 41. Встреча Молотова с Шуленбургом, 17 янв. 1941.

{513} DGFP. XI. P. 1122-1123.

{514} Ibid. P. 1122 — 1123, 1155 — 1156. Вайцзеккер — Риббентропу о встрече с Деканозовым, 17 янв. 1941, Риббентроп — Вайцзеккеру, 21 янв. 1941.

{515} АВП РФ. Ф. 074. Оп. 26. П. ПО. Д. 6. Л. 26 — 27. Протокол встречи Лаврищева с Гуревым, советником царя Бориса, 24 янв. 1941.

{516} См. с. 130.

{517} DGFP. XI. P. 1210-121.2, 1216-1217, 1236-1237. Меморандум посланника Риттера, Берлин, фельдмаршал Йодль — Риттеру, 28 янв. 1941, Директива Верховного командования вермахта, 27 янв. 1941.

{518} АВП РФ. Ф. 017а. Дневник Майского. Л. 23. 11 февр. 1941; ЦДА МВР. Ф. 176. Оп. 8. А. е. 1016а. Л. 55. Молчилов — МИД, 1 марта 1941.

{519} ЦДА МВР. Ф. 176. Оп. 8. А. е. 962. Л. 13; DGFP. XII. P. 73-74. Отчеты Драганова и Риттера об их встрече, 9 февр. 1941; ЦДА МВР. Ф. 176. Оп. 8. А. е. 17. Л. 46 — 47. Обмен телеграммами между Поповым и Драгановым, 13, 17 и 18 февр. 1941.

{520} FO. 371. 29724. R1562/36/7. Записка Черчилля о встрече с Молчиловым, 20 февр. 1941.

{521} АВП РФ. Ф. 082. Оп. 24. П. 105. Д. 6. Л. 124 — 130. Протокол встречи Деканозова с Драгановым, 18 февр. 1941.

{522} Филов Б. Дневник. С. 249 — 250. О Гитлере и царе Борисе см.: Miller M.L. Bulgaria during the Second World War. P. 46.

{523} АМВнР. Д. 51. П. 45. On. Im. Поп. 333. Л. 36, 39-41. Стаменов — МИД, 24 февр. 1941.

{524} Дневник Димитрова. 26 февр. 1941.

{525} АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 1. Д. 4. Л. 28-32; DGFP. XII. P. 195. Протоколы встречи Молотова с Шуленбургом, 28 февр. 1941.

{526} АВП РФ. Ф. 074. Оп. 26. П. 110. Д. 6. Л. 45. Лаврищев о встрече с Шишмановым, Генеральным директором болгарского МИД, 28 февр. 1941. См. также: Там же. Л. 47 — 48. Лаврищев о встрече с Алтиновым (начальником Политического департамента болгарского МИД), 1 марта 1941; ЦДА МВР. Ф. 176. Оп. 8. А. е. 17. Л. 24. Попов — Стаменову, 1 марта 1941.

{527} DGFP. XII. P. 191-194. Марициус — МИД, 28 февр. 1941.

{528} АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 1. Д. 4. Л. 63-66; DGFP. XII. P. 213-216. Протоколы встречи Молотова с Шуленбургом, 1 марта 1941.

{529} АМВнР. Д. 51. П. 45. Оп. 1ш. Поп. 333. Л. 47. Стаменов — МИД, 4 марта 1941. Он был вынужден прибегнуть к выпуску еще одного малоэффективного коммюнике ТАСС: Известия. 1941. 4 марта.

{530} АВП РФ. Ф. 017а. Дневник Майского. Л. 41 — 46. 1 марта 1941.

{531} UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/517/LXIX. Ассарассон — МИД о беседах с Актаем, 21 нояб. 1940.

{532} АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 3. Д. 19. Л. 50 — 57. Молотов о встрече с Актаем, 14 дек. 1940. Дополнительную информацию см.: UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/517/LXIX. Ассарассон — МИД, 14 дек. 1940.

{533} FO. 371. 24871. R8945/4/7. Криппс — ФО, 14 дек. 1940. Актай пользовался доверием Криппса; они встречались почти ежедневно в так называемом "клубе", вместе с югославским и греческим послами.

{534} АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 314. Д. 2163. Л. 182-185. Виноградов — НКИД о встрече с Саракоглу, 17 дек. 1940.

{535} FO. 371. 24871. R8909/4/7. Рендел — ФО, 11 дек. 1940.

{536} Стейнхардт о встрече с Актаем, 10 дек. 1940, см.: FRUS. 1941. Vol. I. P. 276-277. См. также: АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 314. Д. 2163. Л. 170 — 174. Виноградов — НКИД, 13 дек. 1940; Ф. 06. Оп. 2. П. 3. Д. 19. Л. 10 — 14. Отчет Молотова о встрече с Актаем.

{537} DGFP. XI. P. 54 — 56. Маккенсен — Риббентропу, 10 сент. 1940. Вначале Молотов был рад возобновить торговые переговоры: они могли послужить фактором сдерживания для немцев и способствовать открытию вновь политических дискуссий между Советским Союзом и странами Оси, см.: АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 330. Д. 2269. Л. 182. Молотов — Горелкину, 14 дек. 1940.

{538} АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 330. Д. 2268. Л. 160-161. Горелкин — НКИД о встрече с Чиано, 26 дек. 1940. Итальянские документы, содержащие эти предложения, см.: Toscano M. Designs in Diplomacy. P. 201 — 209.

{539} АВП РФ. Ф. 06. On. 2. П. 16. Д. 205. Л. 10 — 11. Протокол встречи Горелкина с Чиано, 28 дек. 1940.

{540} См. с. 43.

{541} АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 17. Д. 208. Л. 1-7; Оп. 2. П. 20. Д. 229. Л. 15 — 21. Протоколы встреч Молотова с Россо, 30 дек. 1940 и 27 янв. 1941; UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/517/LXX. Ассарассон — МИД, 5 февр. 1941.

{542} DGFP. XI. P. 990-994, 996-999, 1011. Гитлер — Муссолини, 31 дек. 1940, Маккенсен — Риббентропу, 1 и 3 янв. 1941. См. о Россо: АМВнР. Д. 51. П. 45. Оп. 1ш. Поп. 333. Л. 20. Стаменов — МИД, 1 февр. 1941.

{543} DGFP. XI. P. 1030 — 1033. Протокол встречи Риббентропа с Альфиери в Берлине, 7 янв. 1941. Итальянскую версию переговоров см.: Tos-cano M. Designs in Diplomacy. P. 201 — 235.

{544} DGFP. XI. P. 1127 — 1133. Встреча Гитлера с Муссолини в Берхтесгадене, 21 янв. 1941. Ibid. P. 1163-1167; XII. P. 45-46. Неподписанный меморандум, вероятно, от Риббентропа — Чиано, 22 янв. 1941, и записка Вайцзеккера, 6 февр. 1941.

{545} АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 1. Д. 4. Л. 55 — 57. Протокол встречи Молотова с Россо, 24 февр. 1941. См. также: Toscano M. Designs in Diplomacy. P. 241 — 244.

{546} АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 4. Д. 35. Л. 48 — 50. Лозовский о встрече с Россо, 19 марта 1941.

{547} См. с. 116-117.

{548} АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 27. П. 122. Д. 4. Л. 68-71. Отчет о встрече Лаврентьева с Кокатюрком, турецким военным атташе в Бухаресте, 6 янв. 1941; Там же. Ф. 07. Оп. 2. П. 10. Д. 25. Л. 2-4. Деканозов о встрече с Алькендом, турецким поверенным в делах в Германии, 13 янв. 1941.

{549} FO. 371. 29463. N382/3/38; 29777. R/700/113/67. Иден — Криппсу, 29 янв. 1941.

{550} DGFP. XI. P. 1124-1125, 1172; АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 1. Д. 4. Л. 37 — 41, 42 — 47. Протоколы встреч Молотова с Шуленбургом, 17 и 23 янв. 1941.

{551} См. ниже с. 156.

{552} АВП РФ. Ф. 017а. Дневник Майского. Л. 15, 21, 29 — 30. 27 янв., 10 и 19 февр. 1941.

{553} См. откровения турецкого военного атташе в Москве: Krigsarkivet. Fqrsvarsstaben. Ser. E/II/15/l. Рапорт военного атташе № 4, 5 февр. 1941.

{554} DGFP. XII. P. 120. Папен — Риббентропу, 20 февр. 1941.

{555} UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/517/LXX. Ассарассон — МИД, 30 янв. 1941.

{556} ЦДА МБР. Ф. 176. Оп. 8. А.е. 1016а. Л. 40-43а. Драганов — МИД о встрече с Деканозовым, 21 и 22 февр. 1941. См. также: АВП РФ. Ф. 07. Оп. 2. П. 9. Д. 24. Л. 1 — 2. Протокол встречи Вышинского с Актаем, 20 февр. 1941; UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/517/LXX. Ассарассон — МИД о беседах с Актаем, 19 февр. 1941.

{557} FO. 371. 29497. N159/88/38. Телеграмма от Криппса, 11 янв. 1941; Бумаги Криппса. Письмо дочери Диане, 10 янв. 1941, письмо жене Айсобел, 1 февр. 1941.

{558} FO. 371. 29777. R616/113/67. Криппс — ФО и записка, 27 янв. 1941.

{559} См., напр.: FO. 371. 29500. N262/122/38. Иден — Криппсу, 21 янв. 1941; 29463. N29/3/38. Телеграмма от Мэллита, 16 янв. 1941; State Dept. 740.0011. EW 39/79809. Телеграмма от Стерлинга (Швеция), 25 янв. 1941.

{560} См. ниже, с. 189 — 191.

{561} FO. 371. 29778. R1476/113/67. Криппс — Идену о встрече с турецким послом и Вышинским, 21 февр. 1941, и записка Сарджента, 25 февр. 1941.

{562} Ibid. 29463. N675/3/38, N733/3/38. Обмен телеграммами между Криппсом и ФО и записка, 24 февр. 1941.

{563} PREM. 3/395/16. 22 февр. 1941; Дневник Криппса. 8 марта 1941.

{564} Gorodetsky G. Cripps' Mission to Moscow. Chaps. 6 — 8.

{565} FO. 371. 24891. R7849/5/67. Записка ФО для кабинета, 9 дек. 1940.

{566} АВП РФ. Ф. 017а. Дневник Майского. Л. 37. 25 февр. 1941; Ф. 07. Оп. 2. П. 9. Д. 20. Л. 1 — 2. Протокол встречи Вышинского с Криппсом, 25 февр. 1941; АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 341. Л. 108 — 109. Протоколы встреч Вышинского с Криппсом, 24 и 25 февр. 1941. См. также: UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/517/LXX. Ассарассон — МИД, 28 февр. 1941.

{567} Подробное описание этого есть лишь в бумагах Криппса: записи в его дневнике от 26 и 27 февр. 1941, путевой дневник, 8 марта 1941, письма к дочери Диане, 26 февр. и 8 марта 1941. Краткое изложение переговоров см.: FO. 371. 29500. N1164/122/38. 9 марта 1941. Иден лишь бегло и небрежно упоминает об этом эпизоде: The Eden Memoirs: The Reckoning. London, 1965. P. 208.

{568} См., напр.: Rubin B. Istanbul Intrigues. New York, 1989.

{569} АВП РФ. Ф. 0132. Оп. 24а. П. 236. Д. 7. Л. 165-173. Виноградов о встрече с Иденом. См. также: DGFP. XII. P. 211 — 212. Папен — Риббентропу, 28 февр. 1941.

{570} См. главу "Предостережение Черчилля" (гл. 8).

{571} АВП РФ. Ф. 0132. Оп. 24. П. 236. Д. 3. Л. 19 — 24. Виноградов о встрече с Криппсом, 2 марта 1941; FO. 371. 30067. R1897/112/44. Натчболл-Хьюджсен — ФО, 2 марта 1941.

{572} АВП РФ. Ф. 069. Оп. 25. П. 71. Д. 6. Л. 41 — 46. Майский о встрече с Батлером, 5 марта 1941.

{573} Там же. Ф. 017а. Дневник Майского. Л. 56 — 57. 6 марта 1941.

{574} Gilbert M. Finest Hour: Winston S. Churchill, 1939 — 1941. London, 1983. Chaps. 52-54.

{575} FO. 371. 29779. R2117/113/67. Натчболл-Хьюджсен — ФО, 5 марта 1941; CAB. 69/2. DO(41)9. 5 марта 1941.

{576} FO. 371. 30067. R2129/112/44; АВП РФ. Ф. 07. Оп. 2. П. 9. Д. 20. Л. 5-12. Протокол встречи Вышинского с Криппсом, 6 марта 1941; записка ФО и ответ Криппсу, 7 и 11 марта 1941. См. также: UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/517/LXX. Ассарассон — МИД, 7 марта 1941.

{577} UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/1554/XLIX. Ассарассон — МИД, март 1941.

{578} АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 27. П. 122. Д. 4. Л. 148 — 151. Отчет о встрече Лаврентьева с Танриером, 7 марта 1941.

{579} Там же. Ф. 07. Оп. 2. П. 9. Д. 24. Л. 3 — 5. Вышинский о встрече с Актаем, 9 марта 1941.

{580} FO. 371. 29500. N1164/122/38; АВП РФ. Ф. 07. Оп. 2. П. 9. Д. 20. Л. 13 — 14. Протоколы встречи Вышинского с Криппсом, 9 марта 1941, и записка ФО, 13 марта 1941.

{581} FO. 371. 30067. R2248/112/44. Записка Кэдогана, 13 марта 1941.

{582} DGFP. XII. P. 201 — 202, 246, 285 — 286. Обмен письмами между Гитлером и Иноню, 1 и 12 марта 1941, Папен — МИД, 8 марта 1941.

{583} АВП РФ. Ф. 0132. Оп. 242. П. 236. Д. 7. Л. 199-201; FO. 371. 29780. R2459/113/67. Отчеты о встрече Виноградова с Натчболл-Хьюджсеном, 14 марта 1941.

{584} FO. 371. 30067. R2587/112/44. Натчболл-Хьюджсен — ФО, 17 марта 1941. .

{585} DGFP. XII. P. 308 — 312, 384. Меморандум о встрече Гитлера с Гереде, 18 марта 1941; Krigsarkivet. Fqrsvarsstaben. Ser. E/II/15/1. Рапорт военного атташе № 27, 24 марта 1941.

{586} FO. 371. 30124. R2836/1934/44. Натчболл-Хьюджсен — ФО, 21 марта 1941.

{587} Органы Государственной Безопасности СССР. Т. I (2). С. 60 — 61. Рапорт Меркулова, главы НКГБ, 22 марта 1941.

{588} Известия. 1941. 25 марта.

{589} См. с. 168-170.

{590} АМВнР. Д. 51. П. 45. Оп. 1ш. Поп. 333. Л. 61. Стаменов — МВД, 26 марта 1941.

{591} Volkogonov D. Stalin: Triumph and Tragedy. P. 368.

{592} Блестящее изложение доктрины и ее сильного воздействия на современную американскую доктрину см.: Naveh S. In Pursuit of Military Excellence. Об изобретении доктрины см.: Glantz D. The Soviet Conduct of Tactical Manoeuvre: Spearhead of the Offensive. London, 1991. P. 76 — 77.

{593} См.: Триандафилов В.К. Характер операций современных армий. М., 1921. С. 125 — 137; Иссерсон Г.С. Эволюция оперативного искусства. М., 1937. С. 11 — 18. Работа Ю.М.Жигура "Будущая война и задачи обороны СССР" (М., 1938) полностью посвящена обороне. Наиболее авторитетный отзыв о революции в

теории см.: Schneider J. The Structure of Strategic Revolution: Total War and the Roots of the Soviet Warfare State. Novato, Calif., 1994.

{594} Доктрина была четко изложена во "Временном полевом уставе РККА" (М., 1937). О наследии Тухачевского в этой стратегии см.: Савушкин Р. К вопросу о зарождении теории последовательных наступательных операций // ВИЖ. 1983. № 5. С. 78 — 82; Naveh S. Tukhachevsky // Stalin's Generals / Ed. by Shukman. London, 1993.

{595} Glantz D. The Soviet Conduct of Tactical Manoeuvre. P. 80 — 81.

{596} Ibid. P. 76.

{597} Анфилов В.А. Провал "блицкрига". М., 1974. С. 162, 178 — 189; Хорьков А. Г. Некоторые вопросы стратегического развертывания Советских вооруженных сил в начале Великой Отечественной войны // ВИЖ. 1986. № 1. С. 9-11.

{598} Glantz D. Soviet Conduct of Tactical Manoeuvre. P. 80 — 82.

{599} Дневник Димитрова. 28 марта 1940.

{600} Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 193 — 196. См. также статью Тимошенко "Смена руководства Наркомата обороны СССР в связи с уроками советско-финляндской войны 1939 — 1940 гг." (Там же. С. 210 — 215).

{601} Воспроизведено в "ВИЖ" (1991. № 3. С. 5-8).

{602} Khrushchev N. Khrushchev Remembers. Boston, 1970. P. 176 — 177; Harrison Salisbury E. The Siege of Leningrad. London, 1969. P. 67 — 81.

{603} См. неопубликованную рукопись: Hanak H. The Implications of the Soviet-German Pacts for the Western European Democracies. 1989. P. 13 — 17.

{604} National Archives. Department of State. 740.0011 EW 1939\3446. 1 июня 1940.

{605} О вынужденной стратегии см., напр.: Leach B.A. German Strategy Against Russia. Chaps. 3, 4; Анфилов В.А. Бессмертный подвиг. М., 1971. С. 149 — 160; Захаров М.В. Страницы истории советских вооруженных сил накануне Великой Отечественной войны 1939 — 1941 гг. // Вопросы истории. 1970. № 5; Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1970. С. 182-184.

{606} DGFP. IX. P. 566; Churchill W. Second World War. Vol. II. P. 118-119.

{607} Об оборонительном характере развертывания войск перед войной см.: История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941 — 1945. М., 1961. Т. I. С. 477 — 478; Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1995. Т. I. С. 112

— 114. См. примечательное изложение вопроса: Roberts CA. Planning for War: The Red Army and the Catastrofe of 1941 // Europe-Asia Studies. 1995. Vol. 47. № 8. В статье "Трагедия Красной Армии" (Московские новости. 1989. 7 мая) генерал-лейтенант Н.Павленко, ведущий советский военный историк, представил наиболее откровенный и честный обзор действий Красной Армии на начальных этапах войны. Глубокий анализ недостатков см.: Gerard B.M. Mistakes in Force Structure and Strategy on the Eve of the Great Patriotic War // The Journal of Soviet Military Studies. 1991. Vol. 4. № 3.

{608} Glantz D. Soviet Military Strategy in the 1990s: Alternative Futures. Carlisle, P., 1991. P. 75.

{609} См. справедливое суждение об этом: Volkogonov D. Stalin: Triumph and Tragedy. P. 362-363.

{610} Постановление Комитета Обороны при СНК СССР "Об организации и численности Красной Армии"; Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) "О производстве танков Т-34 в 1940 году" // Известия ЦК КПСС. 1990. № 2. С. 181 — 183. См. также: Постановления СНК и ЦК, 5 июня 1940 г. // Там же. С. 180-181.

{611} Речь Тимошенко воспроизведена в "ВИЖ" (1991. № 3. С. 38).

{612} Erickson J. The Road to Stalingrad. P. 20 — 24.

{613} Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989. С. 125. См. также: Glantz D. Soviet Military Strategy. P. 69 — 74.

{614} Известия ЦК КПСС. 1990. № 2, С. 182.

{615} ГРУ ГШ РФ. Ф. 16а. Оп. 2951. Д. 239. Л. 1-37. 19 авг. 1940. См. также: Впереди была война // ВИЖ. 1991. № 5. С. 6; Прибалтийский военный округ // Там же. 1989. № 6. С. 17-22.

{616} См. с. 72-75.

{617} Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher. Bd. I. S. 163. Заявление генерала Йодля в Нюрнберге, 6 сент. 1940.

{618} Бумаги Волкогонова. Особая "Разведывательная сводка по западу" № 6. 25 авг. 1940.

{619} ЦА СВР. Д. 21616. Т. 1. Л. 89-90. Рапорт 5-го отдела Украинского НКВД, 15 авг. 1940.

{620} ГРУ ГШ РФ. Оп. 24119. Д. 4. Л. 65-66. "Софокл" из Белграда — ГРУ, 27 янв. 1941; АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 27. П. 122. Д. 5. Л. 50-53. Протокол встречи

Михайлова со Спицмюллером, французским поверенным в делах в Румынии, 1 февр. 1941.

{621} Директиву см.: АЛЛ РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 237. Л. 138-156. 18 авг. 1940. См. также: Захаров М.В. Генеральный штаб. С. 219 — 220.

{622} См. с. 347-348.

{623} См. с. 52-53.

{624} АЛЛ РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 242. Л. 84-90. Тимошенко и Жуков — Сталину, не позднее 5 окт. 1940.

{625} Там же. Д. 239. Л. 245 — 277. Рапорт Пуркаева, командующего Киевским военным округом, о плане развертывания, дек. 1940.

{626} Leach B.A. German Strategy against Russia. P. 163.

{627} Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. I. С. 332 — 333. См. также: Gugate B. Operation Barbarossa. Novato, Calif., 1984. Эта работа оспаривается в: Rotundo L. War Plans and the 1941 Kremlin War Games // Journal of Strategic Studies. 1987. Vol. 10. № 17. P. 84 — 97.

{628} Деканозов — Молотову, 7 дек. 1940. Воспроизведено в "Известиях ЦК КПСС" (1990. № 3).

{629} АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 325. Д. 2237, Л. 212-21 А. Майский — НКИД об информации, полученной от полковника Моравека из Чешской военной миссии в Лондоне, 18 дек. 1940.

{630} Речь см.: DGFP. XI. P. 980 — 981. О знакомстве Сталина с ее содержанием свидетельствует Анфилов.

{631} ГРУ ГШ РФ. Оп. 24119. Д. 3. Л. 7. 4 янв. 1941.

{632} Органы Государственной Безопасности СССР. Т. I (2). С. 286. "Корсиканец", 7 янв. 1941.

{633} Там же. С. 5-7, 19-21. 16 и 20 янв. 1941.

{634} Там же. С. 280. 20 июня 1941.

{635} Там же. Т. I (1). С. 287 — 297. Меморандум Тимошенко и Ворошилова, 7 дек. 1940; Т. I (2). С. 3 — 4. Рапорт Меркулова Жукову, 2 янв. 1941.

{636} См. ниже, с. 154 — 156.

{637} См. об этом: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. I. С. 304 — 306. См. также глубокую книгу Дэвида Гланца: The Stumbling Colossus: The Red Army in June 1941. Kansas, 1998.

{638} Стенограмма совещания была опубликована Российским институтом военной истории под заголовком "Накануне войны: Материалы совещания высшего руководящего состава РККА, 23 — 31 декабря 1940 г." (М., 1993).

{639} См. также об этом: Захаров М.В. Генеральный штаб. С. 195 — 211.

{640} См. также до сих пор весьма примечательный анализ совещания: Erick-son J. The Road to Stalingrad. P. 40 — 46.

{641} Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. I. С. 306 — 307.

{642} Интервью с Анфиловым. Май 1994 г.

{643} Дальнейшее изложение большей частью основано на книге Захарова "Генеральный штаб" (с. 239 — 251), содержащей самое подробное и авторитетное описание учений.

{644} Захаров М.В. Генеральный штаб. С. 240.

{645} Ziemke E. Stalin as a Strategist, 1940 — 1941 // Military Affairs. 1983. Vol. 47. № 4. P. 174-180.

{646} Захаров М.В. Генеральный штаб. С. 247 — 254.

{647} Там же. С. 247.

{648} АП РФ. Особая коллекция. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б), 14 янв. 1941. См. также: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. I. С. 308-311.

{649} Erickson J. Road to Stalingrad. P. 53 — 54.

{650} Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. I. С. 323. Гланц предполагает, что, с психологической точки зрения, наследие наступательной стратегии подавляло обсуждение и осуществление оборонительных мероприятий (Military Strategy of the Soviet Union. P. 60 — 61).

{651} Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 31.

{652} ЦА СВР РФ. Д. 23078. Т. 1. Л. 199 — 201. Берия — Сталину и Молотову, 21 янв. 1941.

{653} АП РФ. Ф. 8115. Оп. 8. Д. 44. Л. 3. Сталин и Молотов — СНК и ЦК ВКП(б), 21 янв. 1941.

{654} См. с. 72-77.

{655} Органы Государственной Безопасности СССР. Т. I (2). С. 24 — 25. Резолюция ЦК ВКП(б), 3 февр. 1941.

{656} ЦА СВР РФ. Д. 23078. Т. 1. Л. 205 — 209. Рапорт Меркулова Сталину и Молотову, 8 февр. 1941.

{657} ГРУ ГШ РФ. Оп. 24119. Д. 1. Л. 394 — 395. Ещенко, военный атташе в Бухаресте, — Голикову (передано Сталину), 13 марта 1941.

{658} Органы Государственной Безопасности СССР. Т. I (2). С. 45 — 46. НКГБ — ЦК ВКП(б), 9 марта 1941.

{659} ЦА СВР РФ. Д. 23078. Т. 1. Л. 202 — 204. Меркулов — Сталину, Молотову и Берии, 6 марта 1941.

{660} Цит. по: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. I. С. 381.

{661} Бумаги Волкогонова. "Разведывательная сводка по западу № 1", рапорт за период с 15 нояб. 1940 по 1 февр. 1941.

{662} ГРУ ГШ РФ. Оп. 7237. Д. 2. Л. 15 — 20. Специальное разведывательное донесение Голикова, 14 февр. 1941. См. также: Оп. 24122. Д. 1. Л. 49. Подтверждающее донесение от "Доры", Цюрих, 21 февр. 1941.

{663} ГРУ ГШ РФ. Оп. 24119. Д. 4. Л. 213 — 214. Военный атташе, Бухарест, — Голикову, 15 марта 1941; Д. 3. Л. 127. Помощник военного атташе, Париж, — Голикову, 15 марта 1941.

{664} Там же. Оп. 7237. Д. 2. Л. 21 — 50. Специальный рапорт Голикова о росте и развитии Германских вооруженных сил, 11 марта 1941.

{665} См. об этом гл. 8.

{666} Полностью воспроизводится в "Известиях ЦК КПСС" (1990. № 4. С. 205-206).

{667} Рапорт от 7 февр. 1941 г, воспроизводится в "Известиях ЦК КПСС" (1990. № 4. С. 205).

{668} ГРУ ГШ РФ. Оп. 24119. Д. 2. Л. 405-406. "Софокл" из Белграда — Голикову, 9 марта 1941.

{669} НКГБ — ЦК и СНК (Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 207).

{670} ГРУ ГШ РФ. Оп, 24119. Д. 4. Л. 213 — 214, Военный атташе, Будапешт, — Голикову, 14 марта 1941.

{671} НКГБ — ЦК ВКП(б) и Правительству, 9 и 14 марта 1941. Воспроизводится в "Известиях ЦК КПСС" (1990. № 4. С. 206).

{672} ГРУ ГШ РФ. Оп. 24119. Д. 3. Л. 127. Помощник военного атташе, Париж, — Голикову, 15 марта 1941.

{673} Там же. Оп. 2421. Д. 3. Л. 138. Военный атташе, Париж, — Голикову, 22 марта 1941.

{674} Там же. Оп. 24119. Д. 1. Л. 452 — 455. Военный атташе, Бухарест, — Голикову, 24 марта 1941.

{675} Донесение "Марса", резидента ГРУ в Бухаресте (ГРУ ГШ РФ. Оп. 24119. Д. 4. Л. 160); ЦА СВР РФ. Д. 23078. Т. 1. Л. 194. "Лаурен" из Берлина — НКВД, 15 янв. 1941. См. также: UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/1554/L. Шведский посол в Берлине — МИД, 4 марта 1941.

{676} DGFP. XII. P. 41 — 44. Гитлеровская "Директива 23", 6 февр. 1941.

{677} ГРУ ГШ РФ. Оп. 24119. Д. 4. Л. 210. Военный атташе в Будапеште — Голикову, 13 марта 1941.

{678} См. об этом с. 213 — 219.

{679} См. с. 190-191.

{680} ГРУ ГШ РФ. Оп. 14750. Д. 1. Л. 12 — 21. Рапорт Голикова Советскому правительству и ЦК ВКП(б), 20 марта 1941. Жуков подтверждает губительное воздействие такого вывода (Воспоминания и размышления. Т. I. С. 380-382).

{681} DGFP. XII. P. 111. Риббентроп — миссии в Югославии, 16 февр. 1941; Van Creveld. Hitler's Strategy. P. 65. См. также его работу: The German Attack on the USSR: the Destruction of a Legend // European Studies Review. 1972. Vol. 2. № 1.

{682} Sudoplatov P. Special Tasks. P. 119.

{683} АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 20. П. 105. Д. 3. Л. 1 — 3, 10. Протоколы встреч Лозовского и Вышинского, заместителей наркома иностранных дел, с Гавриловичем, 9 июля и 25 окт. 1940.

{684} Там же. Ф. 059. Оп. 1. П. 328. Д. 2253. Л. 1020а — 1026. Иванов, первый секретарь советского посольства, Париж, — Молотову, 13 сент. 1940.

{685} Основано на весьма познавательной неопубликованной рукописи Гибянского о перевороте. См. также: Нарочницкий АЛ. Советско-югославский договор 5 апреля 1941 г. о дружбе и ненападении (по архивным материалам) // Новая и новейшая история. 1989. № 1. С. 3 — 19.

{686} АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 317. Д. 2183. Л. 199. Плотников — НКИД, 17 дек. 1940.

{687} Там же. Ф. 0132. Оп. 23. П. 232. Д. 6. Л. 67 — 70. Протокол встречи Виноградова с Шуменковичем (югославским послом в Анкаре), 19 сент. 1940. Мнение в поддержку такой оценки, основанное в значительной степени на

бумагах регента Павла в Институте Гувера, см.: Barros J., Gregor R. Double Deception. P. 62 — 78.

{688} DGFP. XI. P. 728 — 735. Протокол встречи, 28 нояб. 1940.

{689} Ibid. P. 525, 532 — 533. Меморандум политического отдела, 11 нояб. 1940.

{690} Ibid. P. 927 — 928. Риббентроп — миссии в Белграде, 21 дек. 1940.

{691} АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 317. Д. 2183. Л. 63-64; Д. 2184. Л. 177-178. Обмен телеграммами между Молотовым и Плотниковым (Белград), 17 окт. и 29 нояб. 1940.

{692} Там же. Ф. 07. Оп. 2. П. 10. Д. 32. Л. 1 — 3. Вышинский о встрече с Гавриловичем, 4 янв. 1941.

{693} DGFP. XI. P. 79 — 96. Протоколы встреч Гитлера и Риббентропа с Цветковичем и Цинкар-Марковичем, 15 февр. 1941; P. 230 — 233, 247. Обмен корреспонденцией между Хеереном и Риббентропом, Aul марта 1941.

{694} FO. 371. 29777. R565/113/67. Иден — Натчболл-Хьюджсену о встрече с Майским, 22 янв. 1941; АВП РФ. Ф. 017а. Дневник Майского. Л. 52. 2 марта 1941.

{695} АВП РФ. Ф. 07. Оп. 2. П. 9. Д. 24. Л. 1 — 2. Протокол встречи Вышинского с Актаем, 20 февр. 1941; Ф. 059. Оп. 1. П. 342. Д. 2341. Л. 39. Лебедев — НКИД, 1 марта 1941.

{696} Там же. Ф. 07. Оп. 2. Д. 32. Л. 4 — 6. Вышинский о встрече с Гавриловичем, 8 февр. 1941; Ф. 077. Оп. 21. П. 111. Д. 5. Л. 17 — 19. Шаронов о встрече с Яничем, бывшим министром и директором Белградской радиостанции, 10 марта 1941; UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/517/LXX. Ассарассон — МИД о встрече с Шуленбургом, 19 февр. 1941.

{697} Тупанянин, как оказалось, имел для русских лишь относительную ценность, так как его партия тоже "получала субсидии от правительства Его Величества" (PREM. 3/510/11. P. 448. Записка, 2 марта 1941).

{698} ГРУ ГШ РФ. Оп. 24119. Д. 4. Л. 199. Рапорт "Софокла" из Белграда, 9 марта 1941.

{699} FO. 371. 29779. R2357/113/67. 11 и 12 марта 1941.

{700} DGFP. XII. P. 269-273. Хеерен — МИД, 11 марта 1941.

{701} AJ. CK KPJ, 1941/9. Резолюция ЦК Югославской компартии "Против капитуляции — за пакт о взаимопомощи с Советским Союзом", 15 марта 1941. См. также: Вестник МИД СССР. 1989. № 15 (49). С. 57.

{702} Коминтерн и вторая мировая война. Т. I. С. 43. 22 марта 1941.

{703} AJ. MIP, Politichko odeljenje. Гаврилович — Цинкар-Марковичу, 14 марта 1941.

{704} FO. 371. 29780. R2446/113/67. Кэмпбелл — ФО и записка Сарджента, 12 и 15 марта 1941.

{705} AJ. MIP, Politichko odeljenje. Цинкар-Маркович — Гавриловичу, 13 марта 1941.

{706} АВП РФ. Ф. 017а. Дневник Майского. Л. 70. 1 апр. 1941.

{707} Там же. Ф. 0132. Оп. 24. П. 236. Д. 3. Л. 19-24. Виноградов о встрече с Криппсом, 2 марта 1941.

{708} FO. 371. 29779. R2360/113/67. Криппс — Идену, 11 марта 1941.

{709} Ibid. 30228. R2878/394/92. Криппс — ФО, 22 марта 1941.

{710} АВП РФ. Ф. 07. Оп. 2. П. 9. Д. 20. Л. 15-24. Протокол встречи Вышинского с Криппсом, 22 марта 1941. Характер встречи Криппс подтверждает в беседе со Стейнхардтом, см.: FRUS. 1941. Vol. I. P. 298 — 299. Стейнхардт — Госсекретарю, 24 марта 1941.

{711} АВП РФ. Ф. 07. Оп. 2. П. 10. Д. 32. Л. 7 — 8. Вышинский о встрече с Гавриловичем, 22 марта 1941. См. также: FO. 371. 30228. R2879/394/92. Криппс — ФО, 23 марта 1941.

{712} АВП РФ. Ф. 0132. Оп. 24а. П. 236. Д. 7. Л. 223-226. Протокол встречи Виноградова с фон Папеном, 25 марта 1941.

{713} Такое заявление сделал Судоплатов (Special Tasks. P. 119). Более информативны наблюдения Гафенку: Misiune la Moscova. Tel. 1135. P. 164 — 165. Гафенку — МИД, 3 апр. 1941. О перевороте см.: Barker E. British Policy in South-East Europe in the Second World War. London, 1976. P. 78 — 108. Об участии Англии см.: Stafford D.A.T. SOE and British Involvement in the Belgrade Coup d'Etat of March 1941 // Slavic Review. L977. Vol. 36. № 3.

{714} DGFP. XII. P. 372 — 375. Записка о положении в Югославии, 27 марта 1941; P. 369 — 371. Протокол встречи Гитлера со Стоджаи, 28 марта 1941.

{715} Лебедев — НКИД, 28 марта 1941. Цит. по: Советско-югославские отношения, 1917-1941 гг. М., 1992. С. 363.

{716} АВП РФ. Ф. 144. Оп. 23, П. 107. Д. 1. Л. 14-15. Лебедев — НКИД (Политические новости из Югославии), 31 марта 1941.

{717} ГРУ ГШ РФ. Оп. 7237. Д. 2. Л. 79 — 81. Специальный рапорт Голикова о государственном перевороте в Югославии, 28 марта 1941.

{718} King Peter. King's Heritage: The Memoirs of King Peter II of Yugoslavia. London, 1955. P. 71; DGFP. XII. P. 383-385. Хеерен — МИД, 27 и 28 марта 1941.

{719} Дневник Димитрова. 29 марта 1941; Коминтерн и вторая мировая война. Т. I. С. 518 — 520. Югославская компартия — Димитрову, 29 марта 1941.

{720} AJ. CK KPJ 1941/10. Резолюция Югославской коммунистической партии, 30 марта 1941.

{721} FO. 371. 30228. R3254/394/92. Криппс — ФО, 29 марта 1941; Новиков Н.В. Воспоминания дипломата. С. 75.

{722} АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 342. Д. 2341. Л. 80-81, 85, 88-89. Лебедев — Молотову, 30 марта 1941.

{723} См. с. 162-163.

{724} Дневник Симовича (Archiv Vojeno-istorijskog instituta. R-16. II. Reg. no. 2/1. P. 268-269).

{725} АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 342. Д. 2341. Л. 88-89. Лебедев — Молотову, 30-31 марта 1941; Ф. 0125. Оп. 27. П. 122. Д. 4. Л. 182-184. Протокол встречи Лаврентьева с Авакумовичем, югославским послом в Бухаресте, 31 марта 1941.

{726} Коминтерн и вторая мировая война. Т. I. С. 45 — 46. 5 апр. 1941.

{727} FRUS. 1941. Vol. I. P. 311 — 314. Стейнхардт и Келли (первый секретарь посольства в Анкаре) — Халлу о переговорах Гавриловича со Сталиным, 18 мая 1941.

{728} АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 27. Д. 375. Л. 3. Вышинский о встрече с Гавриловичем, 1 апр. 1941; Ф. 059. Оп. 1. П. 342. Д. 2342. Л. 72 — 74. Инструкции Молотова Лебедеву, 1 апр. 1941.

{729} Соболев — Лебедеву и Лебедев — Молотову, 1 апр. 1941. Воспроизводится в: Вестник МИД СССР. 1989. № 15 (49). С. 60.

{730} АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 27. Д. 375. Л. 7 — 10. Протокол встречи Вышинского с югославской делегацией, 3 апр. 1941. О предложениях см.: Cvetkovic S. Sovjetska Prisutnost u Jugoslovenskoj Politici na Pochetku Drugog Svetskog Rata // Istoriia 20. Veka. 1995. № 1. P. 32 — 41.

{731} АВП РФ. Ф. 059. On. 1. П. 342. Д. 2341. Л. 97. Лебедев — Молотову, 3 апр. 1941.

{732} ЦА СВР РФ. Д. 23078. Т. 1. Л. 240-241. Кобулов ("Захар") — Меркулову; Органы Государственной Безопасности СССР. Т. I (2). С. 289 — 290.

{733} ГРУ ГШ РФ. Оп. 24119. Д. 74. Л. 279-282. 4 апр. 1941.

{734} DGFP. XII. P. 426-427. Шуленбург — МИД, 4 апр. 1941.

{735} АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 1. Д. 4. Л. 75 — 81. Молотов о встрече с Шуленбургом; DGFP. XII. P. 451-452. Шуленбург — МИД, 4 апр. 1941; АМВнР. Д. 51. П. 45. Оп. 1ш. Поп. 333. Л. 67. Стаменов — МИД, 6 апр. 1941.

{736} О советской теории раскола между вооруженными силами и Гитлером см. ниже, с. 213 — 224.

{737} UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/1555/LIII. Ассарассон — МИД, 4 апр. 1941. См. также: FO. 371. 30228. R3405/394/92. Криппс — ФО, 4 апр. 1941.

{738} Вестник МИД СССР. 1989. № 15 (49). С. 55-56; АВП РФ. Ф. 017а. Дневник Майского. Л. 79 — 80. 6 апр. 1941.

{739} АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 905. Л. 71 — 75. Вышинский о встрече с Гавриловичем, 4 апр. 1941. См. также: FRUS. 1941. Vol. I. P. 300.

{740} АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 342. Д. 2342. Л. 80. Молотов — Лебедеву, 4 апр. 1941; Ф. 06. Оп. 3. П. 27. Д. 375. Л. 21. Записка Молотова Политбюро, 4 апр. 1941.

{741} Новиков Н.В. Воспоминания дипломата. С. 76 — 79.

{742} АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 342. Д. 375. Л. 25-27. Вышинский о встрече с Симичем, 5 апр. 1941.

{743} Там же. Ф. 059. Оп. 1. П. 342. Д. 2341. Л. 102. Лебедев — Молотову, 5 апр. 1941.

{744} DGFP. XII. P. 463. Файне, германский поверенный в делах в Белграде — МИД, 5 апр. 1941.

{745} См. об этом: UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/1555/LIII. Ассарассон — МИД о беседах с Гавриловичем, 6 апр. 1941.

{746} Gafencu G. Misiune la Moscova. Tel. 1178. P. 169-170. Гафенку — МИД, 7 апр. 1941.

{747} Дальнейшее изложение событий в ночь с 5-го на 6-е апреля основано на следующих источниках: АВП РФ. Ф. 144. Оп. 3а. П. 4. Д. 4. Л. 3 — 6. Отчет Новикова, 6 апр. 1941; Новиков Н.В. Воспоминания дипломата. С. 76-79; FRUS. 1941. Vol. I. P. 300-301. Стейнхардт — Халлу о встрече с Гавриловичем; FO. 371. 29544. № 1392/1392/38. Криппс — ФО, 6 апр. 1941.

{748} Запись разговора см.: Popovic N.B. Yugoslovensko-sovjetski odnosi u dru-gom svetskom ratu (1941 — 1945). Belgrad, 1988. P. 26 — 27. См. также дневник Симовича: Archiv Vojeno-istorijskog instituta. R-16. II. Reg. no. 2/1. P. 268 — 269. См. также: Hoptner J.B. Jugoslavia in Crisis 1934 — 1941. New York, 1962.

{749} См. об этом дневник Симовича: Archiv Vojeno-istorijskog instituta. R-16. II. Reg. no. 2/1. P. 268-269.

{750} Krigsarkivet. Fqrsvarsstaben. Ser. E/II/15/1. Рапорт военного атташе № 59, 5 апр. 1941.

{751} Sudoplatov P. Special Tasks. P. 119.

{752} Новиков Н.В. Воспоминания дипломата. С. 79 — 82.

{753} Gafencu G. Misiune la Moscova. Tel. 1161. P. 165 — 166. Гафенку — МИД, 6 апр. 1941.

{754} Правда. 1941. 6 апр.; Известия. 1941. 6 апр.

{755} UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/518/LXXII. Ассарассон — МИД, 5 апр. 1941.

{756} AJ. MIP. Poslanstvo Moskva. Шуменкович — Симовичу, 6 апр. 1941.

{757} АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 342. Д. 2342. Л. 83. Вышинский — Лебедеву, 6 апр. 1941.

{758} DGFP. XII. P. 479 — 480, 484. Обмен телеграммами между Шуленбургом и МИД, 6 апр. 1941.

{759} Наилучшее описание кампании см.: Van Creveld. Hitler's Strategy. P. 160-165.

{760} Секреты Гитлера. С. 25 — 28. Записка Меркулова в ЦК ВКП(б), 10 апр. 1941.

{761} АВП РФ. Ф. 017а. Дневник Майского. Л. 81 — 82. 7 апр. 1941; DGFP. XII. P. 490 — 491. Вайцзеккер о встрече с Деканозовым, 8 апр. 1941.

{762} АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 27. П. 122. Д. 4. Л. 199 — 201. Отчет Лаврентьева (советского посла в Бухаресте) о встрече с греческим послом Колласом, 10 апр. 1941.

{763} Там же. Ф. 07. Оп. 2. П. 10. Д. 32. Л. 10 — 12. Вышинский о встрече с Гавриловичем, 11 апр. 1941; Ф. 0125. Оп. 27. П. 122. Д. 4. Л. 206 — 209. Лаврентьев о встрече с Авакумовичем, 12 апр. 1941.

{764} Известия. 1941. 12 апр.

{765} UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/518/LXXII. Ассарассон — МИД, 27 мая 1941.

{766} Вестник МИД. 1989. № 49. С. 55. См.: Бухаркин И.В. Но тут вмешалась Югославия // Правда. 1991. 1 июня. Похожий, но более критический подход см.: Волков В.К. Советско-югославские отношения в начальный период Второй мировой войны в контексте мировых событий (1939 — 1941 гг.) // Советское славяноведение. 1990. № 6. С. 3 — 17.

{767} В данной книге приводится множество таких донесений.

{768} Churchill W. The Second World War. Vol. III. P. 316, 319-323.

{769} См. с 27 — 33. Более подробный анализ противостояния Черчилля и Криппса см.: Gorodetsky G. Cripps' Mission to Moscow. Chaps. 8 — 10.

{770} FO. 371. 29464. № 1526/3/38; 837/1098. Телеграммы Криппса, 23 и 29 марта 1941.

{771} CAB. 65/18. 33(41)7. 31 марта 1941.

{772} FO. 371. 29479. № 1360/3/38. 2 апр. 1941. Мнение Хинсли по этому предмету.

{773} Ibid. 26518 — 26519, 29479 — здесь множество подобных разведывательных донесений и заключений по ним.

{774} Herndon J. British Perceptions of Soviet Military Capability, 1935 — 1939. Неопубликованная рукопись.

{775} См. наиболее познавательное и авторитетное исследование: Hinsley F.H. et al. British Intelligence in the Second World War: Its Influence on Strategy and Operations. London, 1979 — 1990. Vol. I. P. 237 — 241. См. также: FO. 371. 29479. № 107/78/38, № 255/78/38, № 286/78/38. Записки Маклина, Колльера, Кэдогана и Идена, 10 и 18 янв. 1941.

{776} FO. 371. 29528. № 648/648/38. 20 янв. 1941 и записки Маклина и Колльера, 22 и 23 февр. 1941.

{777} Ibid. 26518. C2222/19/18. Телеграммы от О'Мэлли, Галифакса и Мэл-лита, 6 и 7 марта 1941, и записки Кэвендиш-Бентинка, Стрэнга, Кэдогана и Колльера, 9, 10, 11 и 12 марта 1941.

{778} Ibid. 29479. № 1390/78/38. Мэллит — ФО и записка, 4 апр. 1941.

{779} Ibid. 29135. W2860/53/50. WIP. 12 марта 1941; W3205/53/50. 19 марта 1941. См. также: Ibid. 29479. № 1132/78/38. Батлер о беседе с греческим посланником и записка ФО, 18 марта 1941.

{780} См. с. 132-134.

{781} FO. 371. 26518. C2924/19/18. Криппс — ФО, 24 марта 1941.

{782} О точке зрения Криппса см.: State Department. 740.001 1 EW/39/8919. Телеграмма от Стейнхардта, 7 марта 1941; Assarasson V. I skuggan av Stalin. S. 56; Gafencu G. Prelude to the Russian Campaign. P. 134 — 136. О пресс-конференции см.: Duranty W. The Kremlin and the People. New York, 1942. P. 151-152; Werth A. Moscow 1941. London, 1942. P. 133; Elvin H. A Cockney in Moscow. London, 1958. P. 54.

{783} О точности информации см.: Whaley B. Codeword Barbarossa. Cambridge, Mass., 1973. P. 50 — 51. Пока советские архивы оставались закрытыми, труд Уэйли считался самым авторитетным и исчерпывающим из работ по этой теме. Он сохранил свою ценность, особенно в том, что касается дезинформации. Русские получили те же сведения по меньшей мере из четырех независимых друг от друга источников, см. прим. 42.

{784} FO. 371. 26518. C2919/19/18. Криппс — ФО и записка, 24 — 28 марта 1941.

{785} Ibid. 29479. № 1367/78/38. Военный атташе, Берн, 24 марта 1941, и записка майора Темплина, эксперта по русским делам в МИ-2, 31 марта 1941.

{786} Hinsley F.H. British Intelligence. Vol. I. P. 446 — 450.

{787} См. ниже, с. 192-193.

{788} Churchill W. Second World War. Vol. III. P. 319.

{789} См. с 126-137.

{790} Churchill W. Second World War. Vol. III. P. 319; Cadogan Diaries. P. 367.

{791} В декабре 1993 г. Британское правительство открыло архивы, содержащие первоначальные разведывательные сведения, подготовленные для Черчилля. Данное изложение основано на этом материале (HW 1/3. 28 марта 1941).

{792} PREM. 3/510/11. P. 363-364. Черчилль — Идену, 30 марта 1941.

{793} Cadogan Diaries. P. 367.

{794} Hinsley F.H. British Intelligence. Vol. I. P. 451.

{795} FO. 371. 29479. № 1324/78/38. Галифакс — ФО, 2 апр. 1941.

{796} Ibid. № 1316/78/38, № 1324/78/38. Криппс, Кэмпбелл и Галифакс — ФО и записка, 2 и 3 апр. 1941.

{797} WO. 190/983; FO. 371. 29135. W3859/53/50.

{798} См., напр., его возражения против визита Идена в Советский Союз: PREM. 3/395/16. Телеграмма Идену, 22 февр. 1941.

{799} PREM. 3/395/16. Черчилль — Идену, 22 февр. 1941.

{800} Churchill W. Second World War. Vol. III. P. 320-321; PREM. 3/403/7.

{801} Бумаги Черчилля. 20/37. Черчилль — Криппсу, 30 марта 1941.

{802} FO. 371. 29479. № 366/78/38. Телеграмма Криппсу и записка Кэдогана, 4 апр. 1941.

{803} Churchill W. Second World War. Vol. III. P. 321.

{804} См. гл. 7.

{805} FO. 371. 29479. № 1397/78/38. Криппс — Черчиллю, 5 апр. 1941.

{806} Ibid. № 1429/78/38. Криппс — Черчиллю, 5 апр. 1941.

{807} Ibid. № 1364/78/38; 29465. № 1713/3/38. 12, 15 и 19 апр. 1941.

{808} АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 27. Д. 375. Л. 4 — 6. Протокол встречи Вышинского с Гавриловичем, 2 апр. 1941. Перехваченные телеграммы Актая воспроизводятся в "Известиях ЦК КПСС" (1990. № 4. С. 207 — 209. 26 марта и 7 апр. 1941). См. в особенности рапорт, совпадающий с предостережением Черчилля: ГРУ ГШ РФ. Оп. 24119. Д. 3. Л. 138. Военный атташе, Виши, Франция — Голикову, 22 марта 1941.

{809} FO. 371. 29479. № 1510/78/38. Обмен телеграммами между Черчиллем и Криппсом, 8 апр. 1941.

{810} Ibid. № 1534/78/38.

{811} Ibid. 29464. № 1386/3/38. Криппс — Идену (в Афины), Иден — Криппсу и записка, 4 — 16 апр. 1941.

{812} Ibid. 29479. № 1510/78/38. 11 апр. 1941.

{813} The Eden Memoirs. The Reckoning. P. 262.

{814} Бумаги Монктона. Box 4. P. 201. 17 апр. 1941; Бумаги Криппса. Дневник Айсобел. 16 и 20 — 24 апр. 1941.

{815} АВП РФ. Ф. 07. Оп. 2. П. 9. Д. 20. Л. 25-29. Протокол встречи Вышинского с Криппсом (нет в отчете Криппса ФО), 10 апр. 1941; UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/517/LXXI. Ассарассон — МИД, 9 апр. 1941.

{816} FO. 371. 29480. № 1848/78/38; АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 8. Д. 89. Л. 1-6. Криппс — Вышинскому, 11 апр. 1941.

{817} FO. 371. 29479. № 1573/78/38. Криппс — ФО и записка Идена и Черчилля, 12 — 15 апр. 1941. См. также цитаты, использованные Черчиллем (The Second World War. Vol. III. P. Ill, 321), с явными пропусками.

{818} FO. 371. 29465. № 1667/3/38; 29473. № 1889/22/38. Протоколы ФО, 12 и 18 апр. 1941.

{819} CAB. 65/18. 42(41)3. 21 апр. 1941.

{820} PREM. 3/395/16. P. 433. Черчилль — Идену, 22 апр. 1941.

{821} Бумаги Черчилля. 20/37. Черчилль — Идену, 3 апр. 1941. До сих пор лучшая работа по стратегии Черчилля в балканской войне: Lawlor S. Churchill and the Politics of War. Ch. 10.

{822} Бумаги Черчилля. 20/37. Черчилль — Уэйвеллу, 4 апр. 1941.

{823} Там же. Обмен корреспонденцией между Черчиллем, Иденом и Уэйвеллом, 7 и 9 апр. 1941. См. также бумаги Идена: Дневник. 11 апр. 1941.

{824} См. сообщение: The Times. 1941. 10 Apr.; комментарий: The Times. 1941. 20 Apr.

{825} Бумаги Черчилля. 20/37. Черчилль — премьер-министрам доминионов, 15 апр. 1941.

{826} Там же. 20/36. Записка Черчилля Айзмэю, для Генштаба, 20 апр. 1941; 20/38. Уэйвелл — Черчиллю, 22 апр. 1941.

{827} Там же. Директива Черчилля. 28 апр. 1941.

{828} См., напр.: АВП РФ. Ф. 017а. Дневник Майского. Л. 1-3, 62-65, 69. 1 янв. и 31 марта 1941.

{829} Дневник Димитрова. 20 февр. 1941.

{830} АВП РФ. Ф. 017а. Дневник Майского. Л. 79 — 80. 4 апр. 1941.

{831} Там же. Ф. 059. Оп. 1. П. 351. Д. 2401. Л. 130. Майский — НКИД; Ф. 017а. Дневник Майского. Л. 83 — 84. 9 апр. 1941.

{832} Там же. Ф. 069. Оп. 25. П. 71. Д. 6. Л. 58-59. Майский — НКИД о встрече с Бренданом Брэккеном, 30 апр. 1941; Ф. 017а. Дневник Майского. Л. 111-115. 30 апр. 1941.

{833} Там же. Ф. 059. Оп. 1. П. 361. Д. 2401. Л. 133 — 134. Майский — НКИД, 10 апр. 1941; Ф. 017а. Дневник Майского. Л. 41 — 45, 85 — 87. 1 марта и 10 апр. 1941.

{834} Там же. Л. 121-122. 5 мая 1941.

{835} См. ниже, с. 247 — 251.

{836} FO. 371. 29465. № 1999/3/38. Галифакс — Идену, 5 мая 1941.

{837} Благодарю м-ра И.Макдональда за эту информацию.

{838} АВП РФ. Ф. 017а. Дневник Майского. Л. 152 — 153.

{839} См. с. 237-239.

{840} FO. 371. 29465. № 1667/3/38. Обмен телеграммами между Криппсом и Иденом, 17 и 19 апр. 1941. См. также: Бумаги Криппса. Дневник Айсо-бел. 28 апр. 1941.

{841} Описания следующих встреч основаны на: FO. 371. 29480. № 1762/78/38. Телеграммы Криппса, 23 апр. 1941, и записка Сарджента и Идена, 25 апр. 1941.

{842} Ibid. 29465. № 1828/3/38, № 1692/3/38. Криппс — ФО, 18 апр. 1941; АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 7. Д. 75. Л. 11 — 16. Криппс — Вышинскому, 18 апр. 1941. См. также: State Department. 740.0011 EW39/8919. Телеграмма Стейнхардта, 7 марта 1941, о похожих намеках, которые были сделаны Криппсом раньше американскому послу и вполне могли дойти до ушей советских властей.

{843} См. об этом: Секреты Гитлера. С. 25 — 28. Меркулов — ЦК ВКП(б), СНК и НКВД, 10 апр. 1941. См. также беседу Вышинского с Гавриловичем в тот же день: АВП РФ. Ф. 07. Оп. 2. П. 10. Д. 32. Л. 10-12.

{844} State Department. 740.0011 EW/39/8919. 7 марта 1941.

{845} Благодарю сэра Мориса Шока за поучительные замечания о Криппсе и массированной бомбардировке Лондона.

{846} PREM. 3 395/2. Fol. 29.

{847} DGFP. XII. P. 604 — 605. Министерство иностранных дел — Шуленбур-гу, 22 апр. 1941.

{848} FO. 371. 29465. № 1806/3/38.

{849} АВП РФ. Ф. 017а. Дневник Майского. Л. 102 — 103. 22 и 23 апр. 1941.

{850} Там же. Ф. 069. Оп. 25. П. 71. Д. 6. Л. 62 — 65. Меморандум о встрече Батлера и Майского, 18 апр. 1941.

{851} FO. 371. 29465. № 1667/3/38. Протоколы ФО, 17 и 19 апр. 1941.

{852} См. главу 10.

{853} ГРУ ГШ РФ. Оп. 24119. Д. 1. Л. 452 — 455. Военный атташе, Бухарест, — Голикову, 24 марта 1941.

{854} FO. 371. 29480. № 1725/78/38. Телеграмма Криппса, 22 апр. 1941; Жилин П.А. Как фашистская Германия готовила нападение на Советский Союз. М., 1966. С. 219; Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. I. С. 368, 371, 373.

{855} Относительно встречи 25 апр. см.: FO. 371. 29465. № 1801/3/38; АВП РФ. Ф. 069. Оп. 25. П. 71. Д. 6. Л. 66 — 69. См. также о более ранней встрече 18-го: Там же. Л. 62 — 65.

{856} См. с. 263-264.

{857} Van Creveld. The German Attack on the USSR.

{858} Van Creveld. Hitler's Strategy. P. 149, 151.

{859} Бумаги Бивербрука. D 93. Черчилль — Идену и Бивербруку, 1 нояб. 1941.

{860} CAB. 69/2. DO(41)69. 27 окт. 1941; 79/55. COS(41)34 и записка Черчилля, 28 окт. 1941.

{861} PREM. 3.403/7. Черчилль — Бивербруку, 14 окт. 1941.

{862} Ibid. 3 395/2. Fol. 30. Иден — Черчиллю, 14 окт. 1941; Werth A. Russia at War. P. 270.

{863} FRUS. 1941. Vol. I. P. 702, 712-713, 715.

{864} ЦА СВР РФ. Д. 21616. Т. 2. Л. 36-41. Меркулов — Тимошенко, 31 марта 1941.

{865} Там же. Т. 4. Л. 11 — 12. Меркулов — Сталину, 31 марта 1941.

{866} Внешняя разведка, НКВД — ГРУ. Воспроизведено в "Известиях ЦК КПСС" (1990. № 4. С. 211).

{867} АГШ РФ. Оп. 7237. Рапорт Голикова, 16 апр. 1941; Бумаги Волкогонова. Разведывательная сводка по западу № 4. 20 апр. 1941.

{868} Sudoplatov P. Special Tasks. P. 118.

{869} О чисто военной информации, заинтриговавшей в первую очередь вооруженные силы, см. с. 158 — 163.

{870} АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 315. Д. 2174. Л. 104. Шкварцев — НКИД, 12 февр. 1940.

{871} См. гл. 8.

{872} Уманский — Молотову, 1 марта 1941. Воспроизводится в "Вестнике МВД СССР" (1990. № 8 (66). С. 78).

{873} Органы Государственной Безопасности СССР. Т. I (2). С. 26 — 27. Рапорт 2-го отдела НКГБ, 7 февр. 1941.

{874} ЦА СВР РФ. Д. 23078. Т. 1. Л. 210-214. Меркулов — Сталину и Молотову, 8 марта 1941.

{875} ГРУ ГШ РФ. Оп. 24127. Д. 2. Л. 195-196.. Зорге — Голикову, 11 марта 1941.

{876} Там же. Л. 340 — 341. Зорге — Голикову, 6 мая 1941.

{877} Там же. Л. 381. Зорге — Голикову, 21 мая 1941.

{878} Там же. Л. 422. Две телеграммы Зорге Голикову, 1 июня 1941.

{879} ЦА ФСБ РФ. Ф. "Зое". Оп. 8. Д. 55. Л. 288-291. Меркулов — Сталину и Молотову, 11 марта 1941.

{880} UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/1554/L, LVI. Шведский посол в Берлине — МИД, 13 марта и 15 мая 1941; АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 25. Д. 335. Л. 1 — 6; Quai d'Orsay Archives (телеграммы из Москвы). Tel. 428 — 431. Отчеты о встрече Богомолова с Бержери, 15 мая 1941. См. также: Gafencu G. Misiune la Moscova. Raport 1627. P. 200 — 210 Гафенку — МИД, 15 мая 1941.

{881} FO. 371. 29481. № 2388/78/38. Галифакс — ФО, 23 мая 1941.

{882} См. с. 162-163.

{883} ГРУ ГШ РФ. Оп. 14750. Д. 1. Л. 12-21. Рапорт Голикова Советскому правительству и ЦК ВКП(б), 20 марта 1941.

{884} ЦА СВР РФ. Д. 23078. Т. 1. Л. 269-274. Рапорт "Степанова" об информации от "Старшины", 17 апр. 1941. Уже в своем донесении в середине марта "Корсиканец" указывал на Геринга как на главного вдохновителя стремления к войне: Органы Государственной Безопасности СССР. Т. I (2). С. 287-288. "Корсиканец" — Центру, 15 марта 1941.

{885} ЦА СВР РФ. Д. 23078. Т. 1. Л. 291-295. Меркулов — Сталину, Молотову, Берии и Тимошенко, 24 апр. 1941.

{886} Секреты Гитлера. С. 116. Меркулов — Сталину, Молотову и Берии, 19 мая 1941. Оригинал см.: FO. 371. 29135. W5835/35/50. Советский Союз, 14 мая 1941.

{887} Секреты Гитлера. С. 117 — 118. Меркулов — Сталину, Молотову и Берии, 19 мая 1941.

{888} Инструкции Гитлера от 12 мая 1941 г. см.: 50 лет Великой Отечественной войны. С. 21 — 22.

{889} ЦА ФСБ РФ. Ф. "Зое". Оп. 8. Д. 57. Л. 1500-1504. Меркулов — Сталину, Молотову и Берии, 25 мая 1941.

{890} ЦА СВР РФ. Д. 23078. Т. 1. Л. 331-332; Органы Государственной Безопасности СССР. Т. I (2). С. 290-291. Рапорт о встрече Кобулова ("Захара") с "Корсиканцем" и "Старшиной", 2 и 11 апр. 1941; Меркулов — Сталину, Молотову и Берии, 14 апр. 1941, см.: Безыменский Л. Большая игра. Неопубликованная рукопись.

{891} Криппс цитирует Россо в: FO. 371. 29480. № 1819/78/38. 26 апр. 1941.

{892} Органы Государственной Ёезопасности СССР. Т. I (2). С. 292 — 293. Берлинская резидентура — НКГБ, 1 мая 1941, передано Сталину и Молотову 5 мая. См. также: Секреты Гитлера. С. 65 — 67.

{893} ЦА СВР РФ. Д. 23078. Т. 1. Л. 236-246. Информация, переданная через "Захара" от "Лицеиста", 16 апр. 1941.

{894} АВП РФ. Ф. 082. Оп. 24. П. 106. Д. 8. Л. 370-372. Богданов, первый секретарь посольства в Берлине, 14 апр. 1941.

{895} ЦА ФСБ РФ. Ф. "Зое". Оп. 8. Д. 56. Л. 792 — 795. Меркулов — ЦК ВКП(б), СНК и НКВД, 22 апр. 1941; ЦА СВР РФ. Д. 23078. Т. 1. Л. 285 — 287. Меркулов — Молотову, 16 апр. 1941.

{896} См. с. 237-239.

{897} Секреты Гитлера. С. 31 — 32. Донесение из Берлина, переданное Меркуловым в ЦК ВКП(б), 22 апр. 1941.

{898} ЦА СВР РФ. Д. 23078. Т. 1. Л. 388 — 390. Донесение "Старшины", 9 мая 1941; Л. 369 — 372. Рапорт "Захара" из Берлина, 10 мая 1941.

{899} АВП РФ. Ф. 0134. Оп. 24а. П. 236. Д. 9. Л. 96 — 97. Протокол встречи Жегалова (первого секретаря посольства) с Груичем (Югославия), 5 мая 1941.

{900} ЦА ФСБ РФ. Ф. "Зое". Оп. 8. Д. 56. Л. 1160 — 1163. Меркулов передает содержание телеграмм Криппса Идену № 412 и 413, от 30 апр. и 5 мая 1941.

{901} АВП РФ. Ф. 094. Оп. 26. П. 331. Д. 5. Л. 5 — 8. Протокол встречи Филимонова (советского посла в Иране) с Исикавой (японским послом в Иране), 21 апр. 1941; Ф. 0125. Оп. 27. П. 122. Д. 4. Л. 231-232. Отчет о встрече Лаврентьева с Лон Лянем, 6 мая 1941; Д. 5. Л. 108 — 110. Протокол встречи Михайлова с Нурэльджимом, 7 мая 1941. См. также: ГРУ ГШ РФ. Оп. 24119. Д. 1. Л. 762 — 763. "Зевс", София, — Голикову, 9 мая 1941.

{902} ГРУ ГШ РФ. Оп. 24122. Д. 1. Л. 272. "Дора", Цюрих, — Голикову, 19 мая 1941.

{903} АВП РФ. Ф. 077. Оп. 2. П. 111. Д. 5. Л. 56-57. Протокол встречи Шаронова с Унайдином, 21 мая 1941.

{904} ЦА СВР РФ. Д. 23078. Т. 1. Л. 349 — 351. Берлинская резидентура — НКГБ, 30 апр. 1941.

{905} Там же. Л. 352 — 355. Меркулов — Сталину, Молотову и Берии, 30 апр. 1941.

{906} См. записи, проливающие свет на эту тему: АВП РФ. Ф. 017а. Дневник Майского. Л. 106-107. 26 апр. 1941.

{907} Из всех работ, посвященных разведке, в "Codeword Barbarossa" Уэйли больше всего уделяется внимания аспекту дезинформации.

{908} DGFP. XII. P. 490-491.

{909} Quai d'Orsay Archives. 834/Z/312/1. P. 127 — 128. Отчет о беседах с Богомоловым, 9 апр. 1941.

{910} АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 1. Д. 1. Л. 13 — 15. Протокол встречи Молотова с Ян Цзе, китайским послом в Москве, 8 янв. 1940; Ф. 059. Оп. 1. П. 338. Д. 2312. Л. 8 — 9. Панюшкин, советский посол в Пекине, — Молотову, 9 янв. 1940.

{911} Там же. Ф. 06. Оп. 2. П. 2. Д. 11. Л. 64 — 67. Протокол встречи Молотова с генералом Шэ Лаоцзу, 28 апр. 1940.

{912} АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 24. П. 196. Д. 8. Л. 6 — 10. Панюшкин о встрече с китайским заместителем премьер-министра и министром финансов Кун Сянси, военным министром Шэ Инцзином и министром экономики Вэн Вэньхао, 29 февр. 1940.

{913} Там же. Ф. 0146. Оп. 23. П. 205. Д. 9. Л. 10 — 16. Отчет о встрече Лозовского с Того, японским послом в Москве, 21 янв. 1940.

{914} Там же. Ф. 06. Оп. 2. П. 2. Д. 12. Л. 144 — 151. Протокол встречи Молотова с Того, 23 мая 1940.

{915} Там же. Д. 13. Л. 3 — 9, 13 — 16, 39 — 43. Протоколы встреч Молотова с Того, 1, 3 и 7 июня 1940.

{916} Там же. Л. 68 — 71. Протокол встречи Молотова с Чжао Лицзе (китайским послом), 9 июня 1940; Ф. 0100. Оп. 24. П. 196. Д. 6. Л. 54 — 55. Протокол встречи Резанова (начальника Дальневосточного отдела НКИД) с Цзян Дэцинем (китайским поверенным в делах), 10 июня 1940.

{917} Там же. Ф. 0146. Оп. 23. П. 206. Д. 14. Л. 69 — 75. Малик (советское посольство в Токио) — НКИД, 12 июня 1940. См. сходную оценку произошедших перемен немцами: DGFP. XI. P. 19 — 20. Записка МИД, 4 сент. 1940.

{918} DGFP. XI. P. 206 — 207. Отт — Мацуоке, 27 сент. 1940.

{919} АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 3. Д. 17. Л. 1 — 3. Протокол встречи Молотова с Того, 1 окт. 1940. Шведский посол, бывший в тесном контакте со странами Оси,

полагал, что почва была' подготовлена для принятия СССР в Тройственный союз, см.: UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/516/LXVIII. Ассарассон — МИД, 12 окт. 1940.

{920} АЛ РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 675. Л. 13 — 15. Берия — Сталину, 24 окт. 1940.

{921} АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 3. Д. 17. Л. 50 — 55. Протокол встречи Молотова с Того, 17 окт. 1940.

{922} UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/517/LXIX. Ассарассон — МИД, 11 нояб. 1940.

{923} АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 335. Д. 2294. Л. 55-57. Молотов — Сметанину (советскому послу в Токио) о беседах с Татекавой, 1 нояб. 1940.

{924} DGFP. XI. P. 644 — 646. Отт — Министерству иностранных дел, 21 нояб. 1940; АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 23. П. 205. Д. 9. Л. 120-127. Лозовский о встрече с Татекавой, 24 дек. 1940; Ф. 06. Оп. 2. П. 3. Д. 19. Л. 106 — 119. Молотов о встрече с Татекавой, 26 и 28 дек. 1940; Ф. 0146. Оп. 23. П. 205. Д. 9. Л. 131 — 149. Протокол встречи Лозовского с Татекавой, 27 дек. 1940; Ф. 06. Оп. 3. П. 1. Д. 3. Л. 2 — 8. Молотов о встрече с Татекавой, 17 янв. 1941.

{925} Там же. Л. 9 — 16, 23 — 24. Протокол встречи Молотова с Татекавой, 27 и 29 янв. 1941.

{926} Там же. Ф. 0146. Оп. 24. П. 224. Д. 7. Л. 111-113. Сметанин — Молотову, 11 февр. 1941.

{927} DGFP. XII. P. 100 — 101. Отт — МИД о встрече с Мацуокой, 15 февр. 1941. Англичане сразу же поняли, что первостепенное значение придается поездке в СССР и имеется намерение подписать пакт о ненападении, см.: FO. 371. 27956. F1125/421/23. Крэйджи — ФО, 19 февр. 1941.

{928} АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 1. Д. 3. Л. 37 — 40. Протокол встречи Молотова с Татекавой, 18 февр. 1941.

{929} UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/517/LXX. Ассарассон — МИД, 15 марта 1941.

{930} DGFP. XII. P. 139 — 151. Меморандум о беседах Риббентропа с Ошимой, 23 февр. 1941.

{931} АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 1. Д. 4. Л. 67 — 69. Молотов о встрече с Татекавой, 18 марта 1941.

{932} Там же. П. 28. Д. 383. Л. 1 — 5. Отчет о встрече Молотова с Мацуокой, 24 марта 1941; П. 30. Д. 413. Л. 1. Меморандум Лозовского, 22 февр. 1941. См. также: UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/517/LXX. Ассарассон — МИД, 24 марта 1941.

{933} АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 404. Л. 83 — 88. Протокол встречи Сталина с Мацуокой, 24 марта 1941. На Мацуоку большое впечатление произвела неприязнь

Сталина к Англии, см.: АМВнР. Д. 51. П. 454. Оп. 1ш. Поп. 333. Л. 76. Стаменов — МИД, 15 апр. 1941.

{934} UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/517/LXX. Ассарассон — МИД, 25 марта 1941.

{935} АВП РФ. Ф. 069. Оп. 25. П. 71. Д. 6. Л. 47-52. Майский — НКИД о встрече с Батлером, 26 марта 1941.

{936} DGFP. XII. P. 386 — 394, 405 — 409, 413 — 420. Отчеты о встречах Мацуоки в Берлине, 27 — 29 марта 1941.

{937} Ibid. P. 386 — 394. Протокол встречи Гитлера с Мацуокой, 1 апр. 1941.

{938} ЦДА МВР. Ф. 176. Оп. 8. А. е. 995. Л. 2 — 4. Караджов, болгарский посол в Риме — МИД, 4 апр. 1941.

{939} См. с. 181-182.

{940} UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/517/LXXI. Ассарассон — МИД, 7 апр. 1941.

{941} АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 28. Д. 383. Л. 6 — 20. Отчет о встрече Молотова с Мацуокой, 7 апр. 1941.

{942} Там же. Л. 19 — 35. Отчет о встрече Мацуоки с Молотовым, 9 апр. 1941.

{943} Там же. Л. 36 — 46. Отчет Молотова о встрече с Мацуокой, 11 апр. 1941; Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. I. С. 356 — 357. 13 апр. 1941.

{944} АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 27. П. 122. Д. 4. Л. 199-201. Протокол встречи Лаврентьева с Колласом, греческим послом в Бухаресте, 10 апр. 1941.

{945} Органы Государственной Безопасности СССР. Т. 1 (2). С. 93 — 94. Берлинская резидентура — НКГБ, 10 апр. 1941.

{946} АЛ РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 404. Л. 91 — 101. Протокол встречи Сталина с Мацуокой, 12 апр. 1941.

{947} Последующее описание основано большей частью на самом подробном и ярком отчете Джека Скотта, корреспондента "Ньюс Кроникл" (FO. 371. 29480. № 1829/78/38), дополненном другими сообщениями, цитируемыми ниже.

{948} FO. 371. 27956. F2960/421/23. Криппс — ФО, 14 апр. 1941.

{949} Примечательное исключение и признание историофафической проблемы см-.: Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941 — 1945. М., 1995. С. 98 — 99.

{950} Krigsarkivet. Fцrsvarsstaben. Ser. E/II/15/l. Рапорт военного атташе о беседах с Кребсом № 41, 13 апр. 1941.

{951} АМВнР. Д. 51. П. 45. Оп. 1ш. Поп. 333. Л. 74. Стаменов — МИД, 13 апр. 1941.

{952} Gafencu G. Prelude to the Russian Campaign. P. 158 — 159.

{953} Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете. С. 105 — 106, 108.

{954} Телефамма Актая, перехваченная немцами: DGFP. XII. P. 873 — 876. 1 мая 1941.

{955} Ibid. P. 723-724. Отт — МИД, 12 апр. 1941.

{956} Ibid. P. 546 — 547. Больце, германский поверенный в делах в Токио — МИД, 14 апр. 1941. См. сходное наблюдение Крэйджи: FO. 371. 27956. F3042/421/23, F3046/421/23. Крэйджи — ФО, 14 и 15 апр. 1941.

{957} См. ниже, с. 237 — 239.

{958} Коминтерн и вторая мировая война. Т. I. С. 525 — 526.

{959} Quai d'Orsay Archives. 834/Z/312/1. P. 132 — 133. Отчет о беседе с Богомоловым, 11 апр. 1941.

{960} Об этом событии см. дневник леди Айсобел Криппс, 21 апр. 1941.

{961} Дневник Димитрова. 20 апр. 1941.

{962} Там же. 21 апр. 1941.

{963} Фирсов Ф.И. Архивы Коминтерна. С. 34 — 35.

{964} Дневник Димитрова. 12 мая 1941.

{965} Там же. 22 июня 1941.

{966} Gafencu G. Prelude to the Russian Campaign. P. 160 — 161; АМВнР. П. 17. Оп. 16. Поп. 13. Л. 50. Стаменов — МИД, 14 апр. 1941.

{967} von Weizsdcker E.H. Memoirs. London, 1951. P. 252.

{968} Ibid. P. 246.

{969} Waddington G.T. Ribbentrop and The Soviet Union 1937 — 1941 // Barbarossa: The Axis and the Allies / Ed. by J.Erickson, D.Dilks. Edinburgh, 1994. P. 22.

{970} DGFP. XII. P. 802.

{971} Weizsdcker E.H. Memoirs. P. 248.

{972} Weizsdcker-Papiere. S. 565 — 566. Fn. 126.

{973} UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/517/LXX. Accapaccон — МИД, 4 апр. 1941.

{974} Суть этого меморандума, который так и не был обнаружен (см.: DGFP. XII. P. 661. Fn. 2), передана в: Hilger G., Meyer A.G. The Incompatible Allies. P. 328; UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/1554/L; HP/1554/LXX. Accapaccон — МИД, 25 февр., 17 и 29 марта 1941.

{975} Курсив мой. DGFP. XII. P. 536 — 537. Шуленбург — Министерству иностранных дел, 13 апр. 1941. О том, что он добивался такого эффекта, свидетельствует переводчик Гитлера: Schmidt P. Hitler's Interpreter. London, 1952. P. 232. Факт беседы между Сталиным и Шуленбургом подтверждает и Ассарассон: UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/517/LXXI. Ассарассон — МИД, 21 апр. 1941; Assarasson V. I skuggan av Stalin. S. 57.

{976} Телеграмма Типпельскирха, 15 апр. 1941: DGFP. XII. P. 560 — 561; АВП РФ. Ф. 082. Оп. 24. П. 105. Д. 3. Л. 95 — 96. Соболев о встрече с фон Типпельскирхом, 15 апр. 1941. О второй встрече 24 апр. 1941 см.: АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 4. Д. 38. Л. 85-89.

{977} АВП РФ. Ф. 07. Оп. 2. П. 10. Д. 31. Л. 32 — 33. Вышинский о встрече с Гафенку, 15 апр. 1941.

{978} DGFP. XII. P. 563-565. 15 апр. 1941.

{979} Ibid. P. 623-624. 25 апр. 1941.

{980} UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/517/LXXI. Ассарассон — МИД, 19 апр. 1941; АВП РФ. Ф. 07. Оп. 2. П. 10. Д. 32. Л. 13 — 14. Протокол встречи Вышинского с Гавриловичем, 20 апр. 1941.

{981} Правда. 1941. 19 апр.

{982} DGFP. XII. P. 602.

{983} Fleischhauer I. Diplomatischer Widerstand gegen "Unternehmen Barbarossa". S. 305.

{984} Weizsдcker E.H. Memoirs. P. 253; Weizsдcker-Papiere. S. 248. 21 апр. 1941. На процессе Вайцзеккер заявлял: "Я знаю, меня давно считали пораженцем с устарелыми взглядами, к которому никто не прислушивается. Но я хотел, пусть в последний раз в своей карьере, довести до сведения руководителей государства свое мнение, коренным образом отличавшееся от их" (Ibid. S. 570. Fn. 156).

{985} Ribbentrop 1, von. The Ribbentrop Memoirs. London, 1954. P. 152.

{986} DGFP. XII. P. 666. Fn. 1.

{987} Полностью его меморандум воспроизводится в: DGFP. XII. P. 661 — 662. См. также: Weizsдcker E.H. Memoirs. P. 247, 253; Weizsдcker-Papiere S. 249-250. 28 и 29 апр. 1941.

{988} Herwarth H. Against Two Evils. P. 190-191. 25 апр. 1941.

{989} Hilger G., Meyer A.G. Incompatible Allies. P. 328.

{990} Weizsдcker E.H. Memoirs. P. 257.

{991} DGFP. XII. P. 666-669; Hilger G., Meyer A.G. Incompatible Allies. P. 328.

{992} Hilger G., Meyer A.G. Incompatible Allies. P. 328.

{993} UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/1556/LV. Ассарассон — МИД о встречах с Хильгером 30 апреля, с Шуленбургом 3 мая и с Вальтером 6 мая 1941. Это подтверждают Гафенку (Misiune la Moscova. Rap. 1405. P. 183 — 194 30 апр. 1941) и Криппс (FO. 371. 29481. N2172/78/38. 14 мая 1941).

{994} Дневник Димитрова. 9 апр. 1941.

{995} Sudoplatov P. Special Tasks. P. 117.

{996} АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 27. П. 122. Д. 4. Л. 224-226. 22 апр. 1941.

{997} UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/517/LXXI. Записка шведского МИД, 24 апр. 1941, и Ассарассон — МИД, 5 мая 1941.

{998} АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 27. П. 122. Д. 4. Л. 230. Протокол встречи Лаврентьева с Авакумовичем, 1 мая 1941; почти дословно передана встреча Виноградова с Натчболл-Хьюджсеном 3 мая 1941 в: АВП РФ. Ф 0134 Оп. 24а. П. 236. Д. 7. Л. 288-292. См. также, какой тон принял Майский во всех своих беседах с Иденом в мае и июне.

{999} FO. 371. 29465. N1999/3/38. Галифакс — Идену, 5 мая 1941.

{1000} АВП РФ. Ф. 07. Оп. 2. П. 9. Д. 21. Л. 6-11. Отчет Вышинского о встрече со Стейнхардтом, 24 мая 1941.

{1001} См., в особенности: Невежин В.А. Выступление Сталина 5 мая 1941 г. и поворот в пропаганде // Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера / Под ред. В.А.Невежина, Г.А.Бордюгова. М., 1995. С. 147 и ел. Здесь весьма эффектно обосновывается, что пропаганда в армии с этого момента была направлена на подготовку солдат к "наступательной войне"; однако это — классический пример анализа, игнорирующего более широкий политический, международный и военный контекст.

{1002} См., напр.: FO. 371. 29481. N2130/78/38. Криппс — ФО, 5 мая 1941; Quai d'Orsay Archives (Телеграммы из Москвы). Tel. 409 — 413. Бержери — МИД, 5 мая 1941; DGFP. XII. P. 964-965. 5 мая 1941; Erickson J. Road to Stalingrad. P. 82; Hilger G., Meyer A.G. Incompatible Allies. P. 330.

{1003} ГРУ ГЩ РФ. On. 24119. Д. 1. Л. 452-455. Ещенко — Голикову, 24 марта 1941.

{1004} Воспроизводится в "Известиях ЦК КПСС" (1990. № 5. С. 191 — 196). Начальник политической подготовки Красной Армии — Жданову, янв. 1941.

{1005} Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 45.

{1006} РЦХИДНИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 898. Л. 14-22. Директива Щербакова, 5 мая 1941.

{1007} Бумаги Безыменского. Записки генерала Н.Лященко, 1954.

{1008} РЦХИДНИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3808. Л. 1-12. 5 мая 1941.

{1009} Правда. 1941. 1 мая. Речь Тимошенко.

{1010} Органы Государственной Безопасности СССР. Т. I (2). С. 128 — 129. Берлинская резидентура — НКГБ, апр. 1941.

{1011} АВП РФ. Ф. 07. Оп. 2. П. 9. Д. 26. Л. 1. Отчет Вышинского о встрече с Лабонном, 5 апр. 1941; UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/517/LXXI. Ассарас-сон — МИД, 25 апр. 1941.

{1012} Quai d'Orsay Archives. 834/Z/312/1. P. 131 — 133. Неманов о беседе с Богомоловым, 11 апр. 1941.

{1013} АВП РФ. Ф. 07. Оп. 2. П. 9. Д. 26. Л. 2 — 5; Quai d'Orsay Archives (Телеграммы из Москвы). Tel. 369 — 375. Отчеты о встречах Вышинского с Бержери, 28 апр. 1941.

{1014} АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 25. Д. 335. Л. 1 — 6; Quai d'Orsay Archives (Телеграммы из Москвы). Tel. 428 — 431. Бержери — МИД, 15 мая 1941; UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/517/LXXI. Ассарассон — МИД, 22 мая 1941.

{1015} См. длинное донесение об этих переменах: Krigsarkivet. Fqrsvarsstaben. Ser. E/1/15/3. Рапорт военного атташе № 30, 16 июня 1941.

{1016} РЦХИДНИ. Оп. 1. Д. 1а. Л. 1 — 4. Стенографический отчет Пленума ЦК, 5 мая 1941; Дневник Димитрова. 5 мая 1941.

{1017} DGFP. XII. P. 691 — 692. Существуют разные свидетельства того, что Шуленбург вместе с Вайцзеккером рассматривали возможность использования присутствия Деканозова в Москве для обращения к правительству. Вайцзеккер составил себе самое положительное мнение о Декано-зове после его назначения в декабре 1940 г. как о "человеке, с которым можно говорить объективно" (Weizsdcker E.H. Memoirs. P. 246).

{1018} UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/517/LXXI. Ассарассон — МИД, 7 мая 1941.

{1019} Цит. по: Куманев Г. 22 июня // Правда. 1989. 22 июня. См., напр., предисловие В.В.Соколова к публикации документа в "Вестнике Министерства

иностранных дел СССР" (1990. № 20. С. 58). Это не подтверждается ни текстом данного документа, ни материалами двух последующих встреч.

{1020} Hilger G., Meyer A.G. Incompatible Allies. P. 331.

{1021} Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 39.

{1022} См.: Воюшин В.А., Горлов С.А. Фашистская агрессия: о чем сообщали дипломаты // ВИЖ. 1991. № 6. С. 22-23.

{1023} АЛ РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 675. Л. 157 — 161. Отчет Деканозова о встрече с Шуленбургом, 5 мая 1941.

{1024} DGFP. XII. P. 446. Главнокомандующий вермахта — Министерству иностранных дел, 3 апр. 1941; P. 698 — 699. Военная разведка — военному атташе в Москве, 4 мая 1941. Еще до его возвращения в Москву германский военно-морской атташе сообщал Главному командованию Военно-морских сил, что "старается бороться со слухами, которые откровенно абсурдны": Ibid. P. 632. 24 апр. 1941. См. также: Вишлев О.В. Почему же медлил И.В.Сталин в 1941 (из германских архивов) // Новая и новейшая история. 1992. № 2. С. 93 — 94.

{1025} DGFP. XII. P. 698-699. 4 мая 1941.

{1026} FO. 371. 29481. N2418/78/38. Криппс — ФО, 15 мая 1941.

{1027} UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/517/LXXI. Ассарассон — МИД, 12 мая 1941.

{1028} DGFP. XII. P. 730, 734-735. Шуленбург — МИД, 7 мая 1941. Сходную оценку Россо см.: АМВнР. Д. 51. П. 45. Оп.. 1ш. Поп. 333. Л. 89 — 90. Стаменов — МИД, 8 мая 1941.

{1029} Правда. 1941. 9 мая; DGFP. XII. P. 792. Шуленбург — МИД, 12 мая 1941.

{1030} См. об этом с. 323 — 325.

{1031} Меморандум Деканозова о его встрече с Шуленбургом, адресованный лично Молотову, всего лишь в двух экземплярах, см.: АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 675. Л. 162 — 168. Отчет о встрече Деканозова с Шуленбургом, 9 мая 1941.

{1032} АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 906. Л. 1 — 4. Протокол встречи Вышинского с Гавриловичем, 8 мая 1941.

{1033} DGFP. XII. P. 66. Fn. 1.

{1034} Ribbentrop Memoirs. P. 152.

{1035} Weizsдker-Papiere. S. 252 — 253. 1 мая 1941.

{1036} Ciano G. Ciano's Diplomatic Papers. London, 1948. P. 358. 15 июня 1941. У Бережкова осталось такое же впечатление, как он пишет в своих мемуарах: Berezhkov V. History in the Making. Moscow, 1983. P. 73 ff.

{1037} Weizsдcker E.H. Memoirs. P. 253 — 254; Weizsдcker-Papiere. S. 252. 1 мая 1941.

{1038} См. ниже в данной главе.

{1039} Желая обеспечить свой тыл перед русской кампанией, Гитлер как раз вел важные переговоры с маршалом Петэном и адмиралом Дарланом о будущих отношениях между вишистской Францией и Германией.

{1040} Weizsдcker-Papiere. S. 238. 16 февр. 1941.

{1041} DGFP. XII. P. 734-735. 7 мая 1941.

{1042} АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 675. Л. 174. Записка Деканозова о встрече со Сталиным и Молотовым, 12 мая 1941.

{1043} Они были отосланы 10 мая, но пришли с курьером, как Шуленбург сказал Деканозову, не раскрывая их содержания, в день их встречи.

{1044} DGFP. XII. P. 750-751.

{1045} АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 675. Л. 169 — 173. Отчет о встрече Деканозова с Шуленбургом, 12 мая 1941. В короткой телеграмме Вайцзеккера содержался загадочный намек, который мог привести Шуленбурга к такому выводу, но вряд ли имелся в виду Гесс. Вайцзеккер писал: "В ближайшем будущем вновь состоятся некоторые встречи важных лиц, которые, впрочем, едва ли затронут вашу отдельную провинцию". Скорее всего, он подразумевал встречу Риббентропа с Муссолини двумя днями позже: DGFP. XII. P. 750. Но факт тот, что и Шуленбург, и Криппс намекали на возможность сепаратного мира, конечно, тревожившую Сталина.

{1046} См. гл. 12.

{1047} См.: Hilger G., Meyer A.G. Incompatible Allies. P. 351.

{1048} Weizsдcker-Papiere. S. 253. 2 мая 1941.

{1049} Herwarth H. Against Two Evils. P. 192 — 193.

{1050} DGFP. XII. P. 791 — 793.

{1051} Ibid. P. 870. 22 мая 1941.

{1052} Ibid. P. 964-965. 4 июня 1941.

{1053} АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 361. Д. 2401. Л. 133-134. Майский — Наркоминделу, 10 апр. 1941; Ф. 017а. Дневник Майского. Л. 41 — 45, 85 — 87. 1 марта и 10 апр. 1941; Там же. Л. 121 — 122. 5 мая 1941.

{1054} Sudoplatov P. Special Tasks. P. 123.

{1055} АМВнР. Д. 51. П. 45. Оп. 1ш. Поп. 333. Л. 98. Стаменов — МИД, 25 мая 1941.

{1056} Так Жуков говорил Безыменскому в 1960-х гг.

{1057} Berezhkov V. History in the Making. P. 59.

{1058} АВП РФ. Ф. 082. On. 23. П. 95. Д. 6. Л. 141 — 142. Донесение Семенова, 19 нояб. 1940.

{1059} Barros J., Gregor R. Double Deception. P. 150 — 159. Поскольку в распоряжении этих авторов, когда они писали свою книгу, не было советских отчетов, они не знали о трех важнейших встречах Деканозова и Шуленбурга, состоявшихся в первой половине мая. Полагаясь на хильгеровское изложение событий, они упоминают лишь об одной встрече, но неверно датируют ее 19-м мая. Поэтому они придают преувеличенное значение встречам с Майснером, целью которых было возобновление переговоров. Они соглашаются, что Майснер так и не признал факт этих встреч в своих послевоенных показаниях; в отчете Криппса, на который они опираются, говорилось в общих чертах о слухах насчет них. Не обнаружено никаких отчетов в Архиве Президента РФ и архивах органов безопасности. Остается лишь свидетельство Бережкова, тогда совсем юного, служившего переводчиком в посольстве. Однако, поскольку Майснер свободно говорил по-русски, услуги Бережкова именно на этих встречах не могли потребоваться. Потому о значении этих переговоров можно говорить лишь предположительно, и оно, конечно, второстепенное по сравнению со значением встреч Шуленбурга и Деканозова. Тем не менее, догадки Барро и Грегора совершенно верны, и этот эпизод, так или иначе, не умаляет их главного вывода о самообмане Сталина, который разделяет и автор данной книги.

{1060} См. далее с. 341.

{1061} АВП РФ. Ф. 0132. Оп. 24а. П. 236. Д. 8. Л. 42. Отчет Виноградова о встрече с Коскиненом, 24 мая 1941.

{1062} Секреты Гитлера. С. 131 — 132. Меркулов — Сталину, Молотову и Берии, 26 мая 1941.

{1063} ГРУ ГШ РФ. Оп. 24119. Д. 1. Л. 864-874. Ещенко, Бухарест — Голикову, 28 мая 1941.

{1064} ЦА СВР РФ. Д. 21616. Т. 2. Л. 389 — 397. Заместитель наркома внутренних дел — Меркулову, 30 мая 1941.

{1065} АВП РФ. Ф. 082. Оп. 24. П. 106. Д. 7. Л. 140-141. Отчет Деканозова, 30 мая 1941. См. также: Л. 142 — 143. Отчет Деканозова о встрече с Ге-реде, 7 июня 1941.

{1066} Там же. Ф. 06. Оп. 3. П. 12. Д. 138. Л. 99 — 107. Деканозов — Молотову, 4 июня 1941.

{1067} Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 346 — 347, 373.

{1068} ГРУ ГШ РФ. Оп. 7237. Д. 2. Л. 114 — 119. Специальный рапорт Голикова, 31 мая 1941.

{1069} ЦА ФСБ РФ. Ф. 6894. Л. 238-239. 3 июня 1941.

{1070} Van Creveld. Hitler's Strategy. P. 150.

{1071} См. раздел "Тучи сгущаются" в гл. 6.

{1072} Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. С. 362 — 363. Подобное признание раньше не печаталось; ссылка на разведку является спорной.

{1073} Erickson J. Road to Stalingrad. P. 81; Известия ЦК КПСС. 1990. № 2. С. 202-203.

{1074} Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 341 — 343, 345. О сталинской даче и светской жизни см.: Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым.

{1075} АГШ РФ. Ф. 8. Оп. 2729. Д. 28. Л. 61-82, 214-226, 262-263. Соколовский (Генштаб) — командующим Западным, Дальневосточным округами и Военно-воздушными силами, 2 — 7 марта 1941.

{1076} См. с. 151-153.

{1077} АГШ РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 241. Л. 1 — 15. Жуков и Тимошенко — Сталину и Молотову, 11 марта 1941.

{1078} Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. С. 322 — 325.

{1079} См. с. 213 — 218.

{1080} ЦА СВР РФ. Д. 23078. Т. 1. Л. 302 — 306. Рапорт "Сидорова", 24 марта 1941.

{1081} Там же. Д. 21616. Т. 4. Л. 1 — 10. Начальник Прибалтийского НКГБ — Меркулову, 27 марта 1941.

{1082} Там же. Д. 23078. Т. 1; Д. 21616. Т. 3. Л. 115 — 120. Савченко, заместитель начальника Украинского НКГБ — Меркулову, 29 апр. 1941.

{1083} ГРУ ГШ РФ. Оп. 24119. Д. 4. Л. 346 — 347. "Марс", Будапешт — Голикову, 30 апр. 1941.

{1084} См. с. 214-221.

{1085} Органы Государственной Безопасности СССР. Т. I (2). С. 61 — 62, 289. Берлинская резидентура — НКГБ, 24 марта 1941.

{1086} ЦА СВР РФ. Д. 23078. Т. 1. Л. 236-241. "Захар" — НКГБ, 2-31 апр. 1941.

{1087} АГШ РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 242. Л. 236-240. Меркулов — Тимошенко, 4 апр. 1941.

{1088} ГРУ ГШ РФ. Оп. 24119. Д. 1. Л. 468-469, 472-473. Ещенко — Голикову из Бухареста, 26 марта 1941.

{1089} Там же. Оп. 7237. Д. 2. Л. 84 — 86. Специальный рапорт Голикова, 4 апр. 1941. Неделю спустя его подтверждает Межник, начальник НКГБ Украины: ЦА СВР РФ. Д. 21616. Т. 3. Л. 53-59. 12 апр. 1941.

{1090} АВП РФ. Ф. 082. Оп. 24. П. 105. Д. 3. Л. 103; DGFP. XII. P. 602-603. Отчеты Соболева и фон Типпельскирха об их встречах, 21 апр. 1941.

{1091} ГРУ ГШ РФ. Оп. 7237. Д. 2. Л. 89-91. Специальный рапорт Голикова, 16 апр. 1941.

{1092} Там же. Оп. 24119. Д. 4. Л. 335 — 336. "Марс", Будапешт — Голикову, 24 апр. 1941.

{1093} Erickson J. Road to Stalingrad. P. 84.

{1094} См. с. 145-148.

{1095} АГШ РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 237. Л. 48 — 64. Директива Тимошенко и Жукова — Павлову, 30 апр. 1941.

{1096} См. с. 237-239.

{1097} АП РФ. Записная книжка Сталина. 23 апр. 1941; Ф. 93. Особое собрание. Сталин и Молотов — ЦК ВКП(б) и Правительству, 23 апр. 1941.

{1098} АГШ РФ. Оп. 38. Д. 1. Л. 161 — 166. Директива Тимошенко и Жукова Западному военному округу, 29 апр. 1941.

{1099} ГРУ ГШ РФ. Оп. 7277. Д. 1. Л. 140 — 152. Тупиков, советский военный атташе в Берлине — Голикову, 25 апр. 1941. На следующий день Голиков передал Сталину содержание рапорта в смягченной версии: ГРУ ГШ РФ. Оп. 7237. Д. 2. Л. 92 — 96. Рапорт Голикова о развертывании немецких войск, 26 апр. 1941. О том,

что опасность войны хорошо осознавалась, может свидетельствовать также спешная мобилизация в рядах НКГБ, переводящая эту организацию на военное положение: Органы Государственной Безопасности СССР. Т. I (2). С. 117 — 118. Инструкции Кобулова по мобилизации НКГБ, 26 апр. 1941; Sudoplatov P. Special Tasks. P. 119.

{1100} АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 27. П. 122. Д. 2. Л. 8. Меморандум НКИД, составленный Новиковым, о немецких замыслах в Румынии, 29 апр. 1941. См. также: ГРУ ГШ РФ. Оп. 24119. Д. 1. Л. 737-745. Ещенко — Голикову, 5 мая 1941.

{1101} ЦА СВР РФ. Д. 23078. Т. 1. Л. 391-392. Рапорт из Бухареста, 17 мая 1941.

{1102} Секреты Гитлера. С. 40 — 45. Ведомственный меморандум Строкача, заместителя наркома внутренних дел, 30 апр. 1941.

{1103} ГРУ ГШ РФ. Оп. 7237. Д. 2. Л. 97 — 102. Специальный рапорт Голикова, 5 мая 1941. См. также: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 344-345.

{1104} ЦА СВР РФ. Д. 21616. Т. 2. Л. 269-271. Меркулов — Сталину, Молотову и Берии, 5 мая 1941. См. сходное донесение: Там же. Л. 265 — 268. Фитин, начальник 1-го отдела Украинского НКГБ — Голикову, 5 мая 1941.

{1105} Там же. Т. 3. Л. 156 — 160. Межник, начальник Украинского НКГБ — Меркулову, 15 мая 1941. См. также перехваченную телеграмму японского консула в Кенигсберге в Токио через Москву: Органы Государственной Безопасности СССР. Т. I (2). С. 171. 31 мая 1941.

{1106} См. с. 244-247.

{1107} Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 346 — 349; Баграмян И. Записки начальника оперативного отдела // ВИЖ. 1967. № 1.

{1108} См. с. 269-270.

{1109} АГШ РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 259. Л. 1-17; Д. 237. Л. 33-47, 65-81; Ф. 131. Оп. 12507. Д. 1. Л. 71-75; Д. 258. Л. 1-11. Жуков и Тимошенко — командующим Одесским, Прибалтийским, Киевским и Западным округами, 13 мая 1941; Захаров М.В. Генеральный штаб. С. 266 — 269. См. также: Kipp J.W. Military Theory: Barbarossa, Soviet Covering Forces and the Initial Period of War: Military History and Airland Battle // Journal of Soviet Military Studies. 1988. Vol. I. № 2. P. 198 — 199. О недостатках развертывания см.: Павленко Н. Трагедия Красной Армии // Московские новости. 1989. 7 мая; Кирия М.М. Начальный период Великой Отечественной войны // ВИЖ. 1988. № 6; Пастуховский Г.П. Развертывание

оперативного тыла в начальный период войны; Перечнев Ю.Г. О некоторых проблемах подготовки страны и Вооруженных Сил к отражению фашистской агрессии // ВИЖ. 1988. № 4.

{1110} АГШ РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 248. Л. 36 — 54. Директива Павлова командующему 3-й армией, 14 мая 1941.

{1111} АП РФ. Записная книжка Сталина.

{1112} Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 31.

{1113} АГШ РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 237. Л. 1-15.

{1114} Горьков Ю.А. Накануне 22 июня 1941 // Новая и новейшая история. 1992. № 6'. С. 4; АП РФ. Записная книжка Сталина.

{1115} Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 342; Карпов В. Жуков // Коммунист вооруженных сил. 1990. № 5. С. 62 — 68; интервью с Анфиловым, май 1995.

{1116} Неопубликованное интервью маршала Советского Союза А.М.Василевского // Новая и новейшая история. 1992. № 6. См. также: Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 33.

{1117} Воспроизводится в весьма содержательном сборнике документов о подготовке к войне: Скрытая правда войны: 1941. Неизвестные документы. М., 1992. С. 23-24, 25, 29, 30-33.

{1118} Бумаги Волкогонова. Инструкции Тимошенко, Жданова и Жукова. Командующим войсками военных округов (фронтов), армий и командирам корпусов.

{1119} Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 348 — 351.

{1120} Glantz D. Military Strategy of the Soviet Union. P. 75.

{1121} РЦХИДНИ. Ф. 17. On. 3. Д. 273. Л. 27 — 28. Постановление Политбюро от 8 марта 1941 г.

{1122} Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 349 — 352.

{1123} Цит. по: Известия ЦК КПСС. 1990. № 2. С. 207. Об огромных усилиях по созданию УР см. также: Беляев. Усиление охраны западной границы СССР накануне Великой Отечественной войны // ВИЖ. 1988. № 5. С. 51 — 55; Борщев А.Д. Отражение фашистской агрессии: уроки и выводы // Военная мысль. 1990. № 3. С. 19.

{1124} Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 333.

{1125} Там же. С. 336-337.

{1126} АП РФ. Ф. 93. Особое собрание. Молотов и Сталин — СНК и Политбюро, 15 марта и 12 апр. 1941; постановления Правительства и ЦК ВКП(б), 5 мая 1941. См. также: Язов Д.Т. Впереди была война // ВИЖ. 1991. № 5. С. 13.

{1127} РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1037. Л. 33 — 34. Протокол заседания Политбюро, 9 апр. 1941.

{1128} АПН РФ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 652. Л. 89 — 92. Жигарев, командующий военно-воздушными силами — Сталину, 27 мая 1941.

{1129} Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 346. Раньше не публиковалось.

{1130} Там же. С. 366.

{1131} Там же. С. 352-353.

{1132} ГРУ ГШ РФ. Оп. 7237. Д. 2. Л. 109 — 113. Специальный рапорт Голикова, 15 мая 1941. См. подтверждающую информацию: ГРУ ГШ РФ. Оп. 24119. Д. 1. Л. 814 — 815. "Коста", София — Голикову, 19 мая 1941.

{1133} Там же. Оп. 7237. Д. 2. Л. 114-115. 31 мая 1941.

{1134} UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/1557/LVII. Ассарассон — МИД, 28 мая 1941. См. также: АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 4. Д. 36. Л. 36-49, Отчет Лозовского о встрече со Стейнхардтом, 5 июня 1941.

{1135} Сталин — Майскому, 19 окт. 1942 (Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941 — 1945. М., 1983. Т. 1. С. 294).

{1136} FO. 371. 30920. C10635/61/18. 2 нояб. 1942.

{1137} PREM. 3/434/7. Заметки о совещании Черчилля со Сталиным в октябре 1944, 10 мая 1945; FO. 800/414. Fol. 21. 18 окт. 1944. См. самый недавний пример до сих пор бытующей точки зрения: Шварцшильд Л. Неожиданный захват Гесса в ловушку, подстроенную английской "Сикрет сервис" // ВИЖ. 1991. № 5. С. 37 — 41; Чукреев В.И. Загадка 22 июня 1941 года // ВИЖ. 1989. № 6. С. 39. У американцев сложилось похожее впечатление, см.: National Archives, Washington. RG 319. Box 83. B8026020. Рапорт о Гессе Реймонда Ли, американского военного атташе в Лондоне, 10 мая 1941.

{1138} Thomas H. The Murder of Rudolf Hess. London, 1979. Различные теории заговора представлены и опровергнуты в работе: Andrew C. Hess: An Edge of Conspiracy // Timewatch, BBC2. 1990. 17 Jan.

{1139} Один из редких случаев, когда рассказ Черчилля по сути верен, хотя и неполон: Churchill W. Second World War. Vol. III. P. 43-49.

{1140} Gorodetsky G. The Hess Mission and Anglo-Soviet Relations on the Eve of "Barbarossa" // English Historical Review. 1986. Vol. 101. № 399.

{1141} Padfield P. Rudolf Hess: The Fьhrer's Disciple. London, 1993. P. 353. См. также доклад Криппса, подводящий итог этого дела: FO. 371. 30920. C10635/61/18. 2 нояб. 1942.

{1142} Это признавал Пэдфилд (Rudolf Hess. P. 334 — 335, 355 — 356), глубоко изучивший соответствующие материалы. См. также: Douglas-Hamilton J. The Truth about Rudolf Hess. London, 1993. P. 140 — 141; предисловие Роя Коньерса Несбита, проведшего всесторонние исследования в архивах Королевских Военно-воздушных сил.

{1143} См. об этом: WO. 199/3288. Командование Шотландского полка: Захват Гесса, 13 мая 1941.

{1144} WO. 199/3288/A. Рапорт дежурного офицера 3-го батальона Ренфруширского отряда местной обороны, 11 мая 1941; FO. 1093/11. Fol. 152 — 155. Допрос Гесса Баттальей и замечания "Си", 10 мая 1941.

{1145} Douglas-Hamilton J. The Truth about Hess. P. 142 — 143. Пэдфилд еще выражает некоторые сомнения (Padfield P. Rudolf Hess. P. 354).

{1146} WO. 199/3288. Донесение разведки, 10 мая 1941.

{1147} См.: FO. 371. 30920. C10635/61/18. DEFE 1/134. Подборка писем Гесса, выполненная почтовым цензурным ведомством, 23 мая 1941.

{1148} FO. 1093/9. P. 15. Записка ФО о деле о клевете: Гамильтон против Коммунистической партии Великобритании, 17 июня 1941.

{1149} FO. 1093/7. Fol. 26. Меморандум CO-1.

{1150} Ibid. 1093/1. P. 18 — 20. Беседа графа Гамильтона с Гессом, И мая 1941.

{1151} См. беседы с Гессом, описанные ниже.

{1152} Maisky I. Memoirs of a Soviet Ambassador: The War, 1939 — 1943. London, 1967. P. 147.

{1153} Padfield. Rudolf Hess.

{1154} Газетные статьи и записки Форин Оффис, отрицающие его существование, см.: FO. 371. 46780. C4725/44/18.

{1155} Padfield P. Rudolf Hess. P. 368 — 371.

{1156} См. ниже, с. 296.

{1157} WO. 3288/A. F. 4.

{1158} Padfield P. Rudolf Hess. P. 364.

{1159} FO. 371. 26945. C4038/306/41, C4140/306/41, C4147/306/41, C4613/306/41; C4245/306. 20 и 25 апр. 1941. Замечание Пэдфилда, что "в случае с таким искусным дипломатом, как Гор, это ни о чем не говорит", не представляется убедительным.

{1160} UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/1555/LIV. Шведский посол в Берлине — МВД, 23 апр. 1941.

{1161} FO. 371. 1093/14. Fol. 101. 10 мая 1942.

{1162} FO. 1093/3. P. 92. Письмо профессору Хаусхоферу, 20 июня 1942.

{1163} News Chronicle. 1945. 26 July.

{1164} FO. 1093/3. P. 33, 142 — 143. Гесс — матери, 28 марта и 9 сент. 1942.

{1165} DGFP. XII. P. 783 — 787. Альбрехт Хаусхофер — Гитлеру, 12 мая 1941. См. всестороннее обсуждение этого вопроса: Douglas-Hamilton J. The Truth about Hess.

{1166} FO. 1093/1. P. 18 — 20. Беседа графа Гамильтона с Гессом, 11 мая 1941.

{1167} Ibid. 1093/8. P. 221-222. 22 мая 1941.

{1168} Ibid. P. 206. Гесс — жене, 3 июня 1941.

{1169} Ibid. 1093/2. P. 8. 14 сент. 1941.

{1170} Cadogan Diaries. 11 мая 1941; Costello J. Ten Days to Destiny: The Secret Story of the Hess Peace Initiative and British Efforts to Strike a Deal with Hitler. London, 1991. P. 415 — 416. Костелло на основе этого параграфа состряпал целую историю, пытаясь доказать, что Черчилль стремился перехватить Гамильтона, потому что уже знал, что тот везет с собой германские предложения.

{1171} Бумаги Кэдогана. Дневник. 1/10. 15 мая 1941.

{1172} Douglas-Hamilton J. The Truth about Hess. P. 149 — 150.

{1173} PREM. 3/219/7. P. 167. Черчилль — Идену, 13 мая 1941.

{1174} Бумаги Кэдогана. Дневник. 1/10. 14 мая 1941.

{1175} PREM. 3/219/7. P. 146, 165. Записка Черчилля, 16 мая 1941.

{1176} FO. 1093/10. Fol. 54 — 55. Черчилль — Рузвельту, 17 мая 1941.

{1177} Ibid. 1093/1. Fol. 20 — 30. Беседа Киркпатрика, 12 мая 1941.

{1178} Ibid. 1093/11. Fol. 93.

{1179} Дуглас-Гамильтон (The Truth about Hess. P. 185 — 192) приводит достаточно много свидетельств, доказывающих, как потрясло Гитлера известие о полете Гесса.

{1180} Бумаги Идена. Дневник. 12 мая 1941.

{1181} FO. 1093/11. Fol. 149. 13 мая 1941.

{1182} PREM. 3/219/4. Fol. 18. Не прозвучавшее заявление Черчилля, 12 мая 1941.

{1183} Ibid. Fol. 14-19. 11 мая 1941.

{1184} FO. 1093/10. Fol. 82 — 83. Записка Мортона.

{1185} Cadogan Diaries. P. 175 — 180. Сделать из Гесса героя, что и произошло, как жаловался Бевин, означало усилить подозрения русских, см.: Бумаги Идена. Дневник. 15 мая 1941.

{1186} FO. 371. 26565. C5301/5188/18. Галифакс — ФО, 17 мая 1941; PREM. 3/219/7. P. 147. Рузвельт — Черчиллю, 15 мая 1941.

{1187} Бумаги Идена. Дневник. 14 мая 1941.

{1188} FO. 1093/11. Fol. 132, 140 — 141. Протоколы ФО, 14 мая 1941.

{1189} Бумаги Идена. Дневник. 19 мая 1941.

{1190} PREM. 3/219/7. Дафф Купер — Черчиллю, 15 мая 1941; Douglas-Hamilton J. The Truth about Hess. P. 161.

{1191} FO. 1093/11. Fol. 110-115. Черчилль — Рузвельту, 16 мая 1941.

{1192} Ibid. Fol. 121. Черчилль — Кэдогану, 16 мая 1941.

{1193} Ibid. Fol. 123. Батлер — Идену, 16 мая 1941.

{1194} Ibid. 1093/1. Fol. 20 — 30. Беседа Киркпатрика, 12 мая 1941

{1195} Ibid. 1093/10. Fol. 139 — 141. Майор Мортон — "Си" и отчет Кэдогана о Гессе, 6 июня 1941.

{1196} Ibid. 1093/11. Fol. 51-54. Саймон — Идену, 27 мая 1941; Cadogan Diaries. P. 380. 19 мая 1941.

{1197} PREM. 3/219/7. P. 113-115. Майор Мортон — Черчиллю, 9 июня 1941.

{1198} Ibid. P. 117 — 118. Кэдоган — Черчиллю, 6 июня 1941.

{1199} FO. 1093/10. Fol. 91-94. Заметки Киркпатрика, 29 мая 1941.

{1200} Ibid. Fol. 170. Заявление Гесса; 1093/11. Fol. 85. Рапорт Эс-Ай-Эс № 16, переданный по телефону, 30 мая 1941.

{1201} Ibid. 1093/10. Fol. 129, 146. "Си" — ФО, 4 июня 1941, и рапорт офицера Эс-Ай-Эс, 6 июня 1941.

{1202} PREM. 3/219/7. P. 144-145. Комментарий майора Шеппарда, МИ-6, 21 мая 1941.

{1203} Письменные предложения см.: FO. 1093/1. P. 154 — 156. 10 июня 1941.

{1204} Ibid. 1093/10. Fol. 95 — 96. Предварительный рапорт "Си" Идену; 1093/1. Fol. 1 — 13. Рапорт Саймона о его беседе с Гессом, 9 июня 1941; Fol. 70 — 147. Стенограмма встречи, 10 июня 1941.

{1205} Douglas-Hamilton J. The Truth about Hess. P. 135.

{1206} FO. 1093/10. Fol. 86-90. Кэдоган — Идену, 12 июня 1941

{1207} Ibid. 1093/7. Fol. 19-29, 33-37. Меморандум СО-1 об обнародовании дела Гесса и записка ФО, 23 июня 1941.

{1208} Ibid. 1093/10. Fol. 58-63, 82. 13 июня 1941.

{1209} PREM. 3/219/5. P. 3. Черчилль — Идену, 14 июня 1941.

{1210} FO. 1093/10. Fol. 157 — 160. Рапорт полковника Дж.Р.Риса, психолога-консультанта армии метрополии, 30 июня 1941.

{1211} PREM. 3/219/6. P. 32-36. Кларк-Керр — Черчиллю, 25 окт. 1942.

{1212} FO. 371. 30941. C9971/1299/18, C10433/1299/18; 33036. C5566/5272/38-PREM. 3/219/6. Fol. 32-33.

{1213} Бумаги Криппса. Дневник. 13 мая 1941; FO. 371. 29481. N2171/78/38 Записка ФО, 14 мая 1941; 26565. C5301/5188/18. Галифакс — ФО 17 мая 1941.

{1214} Ibid. C5251/5188/18. Записка Сарджента, 14 мая 1941. О более раннем решении применить этот метод см.: PREM. 3/219/7. Дафф Купер — Черчиллю, 15 мая 1941.

{1215} Cadogan Diaries. P. 382.

{1216} Ibid. P. 387.

{1217} FO. 1093/11. Fol. 125-126. Записка ФО о Советском Союзе и пропаганде, 16 мая 1941.

{1218} Ibid. Fol. 90, 93. Записка ФО об информации касательно Советского Союза, 22 мая 1941.

{1219} Ibid. 1093/6. P. 2 — 1Q. Инструкции Эс-Ай-Эс. Директива ФО Стокгольму, Нью-Йорку и Стамбулу. Записка Кэдогана, 23 мая 1941.

{1220} Ibid. 1093/11. Fol. 24-35. 27 мая 1941.

{1221} The Times. 1941. 27 May.

{1222} АВП РФ. Ф. 059. On. 1. П. 352. Д. 2402. Л. 174.

{1223} FO. 371. 29481. N2466/78/38. Криппс — ФО и записка, 27 мая 1941.

{1224} Ibid. 29482. N2787/78/38. ФО — Криппсу, 9 июня 1941.

{1225} FO. 1093/10. Fol. 142 — 145. Протоколы Комитета ФО по пропаганде в Германии, 5 июня 1941; Fol. 133 — 134. Инструкции ФО военной разведке, 6 июня 1941.

{1226} Ibid. Fol. 132. МИ — ФО; Fol. 106 — 108. Майор Д.Мортон — ФО, 7 июня 1941.

{1227} Khrushchev N. Khrushchev Remembers. P. 137.

{1228} О переговорах см. с. 195, 248 — 249.

{1229} ЦА ФСБ РФ. Ф. 338. Д. 20566. Л. 71, 80, 82 — 83. Обзор прессы со служебными пометками, 13 мая 1941.

{1230} См. с. 90-97.

{1231} ЦА ФСБ РФ. Ф. 338. Д. 20566. Л. 232 — 234. Меморандум НКВД о Гессе, 12 дек. 1940.

{1232} Там же. Л. 101 — 102. Информация от "Лицеиста", 14 мая 1941.

{1233} Там же. Л. 60, 65. "Захар" — НКВД, 16 мая 1941.

{1234} Там же. Л. 62 — 64, 66. Донесение от "Захара", 16 мая 1941.

{1235} FO. 371. 24844. N6072/30/38. 30 июля 1940.

{1236} НКВД — ГРУ, 9 июля 1940 (Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 199).

{1237} Бумаги Монктона. Box 5. P. 49.

{1238} FO. 371. 29465. N1801/3/38; Бумаги Уэбб. Дневник. С. 7079; Бумаги Монктона. Box 5. P. 49. Меморандум, 28 мая 1941. Глубоко верную интерпретацию событий см.: Kitchen M. British Policy towards the Soviet Union during the Second World War. P. 52 — 55. См. также: Miner S.M. Between Churchill and Stalin: The Soviet Union, Great Britain, and the Origins of the Grand Alliance. Chapel Hill, NC, 1988. P. 130-137.

{1239} О разговоре Майского с Уэббами см. их неопубликованный дневник, с. 6921 — 6922, запись от 3 июля. Выражение сходной точки зрения в его разговорах с А.В.Александером, Первым лордом Адмиралтейства, см. в бумагах последнего (AVAR 5/4/31. 28 июня). См. также: Бумаги Галифакса. A.7.8.4. Дневник. 10 июля 1940; Бумаги Далтона. Дневник. 26 июля 1940.

{1240} АВП РФ. Ф. 017а. Дневник Майского. Л. 118 — 119, 123-127. 2 и 10 мая 1941.

{1241} Там же. Ф. 059. Оп. 1. П. 351. Д. 2401. Л. 283. Майский — НКИД, 13 мая 1941.

{1242} Там же. Ф. 069. Оп. 25. П. 6. Д. 71. Л. 72 — 74. Майский — Молотову, 14 мая 1941.

{1243} Там же. Ф. 059. Оп. 1. П. 352. Д. 2402. Л. 12-14,

{1244} Там же. Ф. 069. Оп. 25. П. 6. Д. 71. Л. 75 — 76. Майский — Молотову, 16 мая 1941.

{1245} Там же. Л. 75 — 77. Майский — Молотову, 16 и 21 мая 1941.

{1246} ЦА ФСБ РФ. Ф. 376. Д. 28889. Т. 1. Л. 47. "Вадим" (псевдоним Ивана Чичяева, резидента НКВД в Лондоне) — Центру, 14 мая 1941.

{1247} Там же. Ф. 338. Д. 20566. Л. 67-68. "Вадим" — НКВД, 22 мая 1941.

{1248} Там же. Л. 163. Записка 1-го отдела НКВД, 3 июня 1941. См. также: Л. 169 — 170. Шиллер из Шанхая, 11 июня 1941.

{1249} Maisky I. Memoirs of a Soviet Ambassador. P. 145.

{1250} Бумаги Уэбб. Дневник. С. 7079-7080. См. также: АВП РФ. Ф. 017а. Дневник Майского. Л. 130 — 133. 22 мая 1941.

{1251} Там же. Л. 138-140.

{1252} Там же. Ф. 059. Оп. 1. П. 352. Д. 2402. Л. 149-152. Майский — НКВД, 5 июня 1941.

{1253} Там же. Ф. 017а. Дневник Майского. Л. 146 — 147. 10 июня 1941.

{1254} Бумаги Уэбб. Дневник. С. 7103-7107. 14 июня 1941; FRUS. 1941. Vol. I. P. 173.

{1255} АВП РФ. Ф. 059. Оп. 415. Д. 3727. Л. 319. Майский — Молотову, 27 июня 1941. См. также: Там же. Ф. 048з. Оп. 16. П. 11. Л. 8. Советско-английские отношения в 1941 — 1945 гг.

{1256} ЦА ФСБ РФ. Ф. "Зое". Оп. 8. П. 9. Л. 52 — 63. Берия — Сталину, 2 июня 1941.

{1257} Органы Государственной Безопасности СССР. Т. I (2). С. 224 — 227. Рапорт майора Ткаченко, начальника Львовского отделения Украинского НКГБ, 12 июня 1941.

{1258} Там же. С. 206 — 207. Голиков — Берии, 3 июня 1941.

{1259} ЦА СВР РФ. Д. 21616. Т. 4. Л. 184 — 198. Начальник Прибалтийского отделения — Меркулову, 6 июня 1941; Органы Государственной Безопасности СССР. Т. I (2). С. 209 — 211. Строкач (заместитель наркома внутренних дел Украины) — НКГБ, 6 июня 1941.

{1260} ГРУ ГШ РФ. Оп. 24210. Д. 3. Л. 319-320. "Оствальд", Хельсинки — Голикову, 15 июня 1941.

{1261} ЦА СВР РФ. Д. 21616. Т. 2. Л. 372-375. Кобулов — Тимошенко, 9 июня 1941.

{1262} Органы Государственной Безопасности СССР. Т. I (2). С. 221 — 224. Рапорт НКГБ Центральному Комитету партии о мероприятиях немцев, похожих на военные, 12 июня 1941.

{1263} ЦА ФСБ РФ. Ф. "Зое". Оп. 8. П. 9. Л. 87-89. Берия — Сталину и Молотову, 12 июня 1941.

{1264} Органы Государственной Безопасности СССР. Т. I (2). С. 217. Перехваченная телеграмма японского консула в Кенигсберге к Татекаве, 10 июня 1941.

{1265} ГРУ ГШ РФ. Оп. 24119. Д. 4. Л. 497. Военный атташе, Будапешт — Голикову, 14 июня 1941.

{1266} Там же. Оп. 7237. Д. 2. Л. 120 — 121. Рапорт Голикова, 7 июня 1941.

{1267} ЦА СВР РФ. Д. 21616. Т. 2. Л. 421-426. "Захар" — Центру, 10 июня 1941.

{1268} АГШ РФ. Ф. 48. Оп. 3408. Д. 14. Л. 425, 432. Жуков — Кирпоносу, 10 и 11 июня 1941.

{1269} Там же. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 261. Л. 22 — 23. Кирпонос — Тимошенко, 11 июня 1941.

{1270} Там же. Д. 265. Л. 26 — 30. Кирпонос — командующим 5, 6, 12 и 26 армиями, 11 июня 1941.

{1271} Там же. Д. 236. Л. 65 — 69. Рапорт Ватутина, 13 июня 1941.

{1272} См. ниже, с. 323 — 324.

{1273} Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 383 — 384. О бесплодных попытках Военно-морского флота провести мобилизацию см.: Головко А.Г. Вместе с флотом. М., 1960. С. 14 — 20; Харламов Н.М. Трудная миссия. М., 1983. Гл. 3; Кузнецов Н.Б. Накануне. М., 1966. С. 324 — 340; Пантелеев Ю.А. Морской фронт. М, 1965. С. 31 — 42; Вайнер Б. Северный флот в Великой Отечественной войне. М., 1964. С. 21-25.

{1274} Бумаги Волкогонова. "План прикрытия Прибалтийского особого военного округа на время мобилизации, переброски и развертывания войск".

{1275} АГШ РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 256. Л. 2-3. Тимошенко и Жуков — Павлову, 12 июня 1941.

{1276} Там же. Д. 261. Л. 37 — 40. Тимошенко и Жуков — Кирпоносу, 12 июня 1941.

{1277} Там же. Л. 20 — 21. Жуков и Тимошенко — Военному совету КОВО, 13 июня 1941.

{1278} Там же. Ф. 140. Оп. 680086с. Д. 7. Л. 128. Соколовский — командующему Прибалтийским округом, 14 июня 1941.

{1279} АП РФ. Ф. 93. Специальное собрание документов. Директива Жукова и Тимошенко, 19 июня 1941.

{1280} WO. 193/644. Записка ВМ "Возможный эффект германо-советской войны", 11 июня 1941.

{1281} См. с. 189-191.

{1282} FO. 371. 26518. C2919/19/18. Криппс — ФО и записка, 24 марта 1941.

{1283} Ibid. 26520. C4791/19/18. Келли (Берн) — ФО, 6 мая 1941; 29480. N1957/78/38, N2200/78/38, N2260/78/38. Крэйджи — ФО, 1, 16 и 19 мая 1941 соответственно.

{1284} Ibid. 29481. N2234/78/38, N2466/78/38. Меморандумы бригадира Скейфа и проф. Постана из МВЭ, 12 мая 1941, и записка Уорнера, 29 мая 1941; WO. 190/893. Рапорт МИ-14, 12 мая 1941. См. такой же вывод: Ibid. N2392/78/38. Мэллит — ФО, 23 мая 1941, и записка Сарджента, Кэдогана и Идена, 25 и 26 мая 1941.

{1285} Ibid. N 2500/78/38. 2 июня 1941.

{1286} Заметки секретаря, 3 июня 1941; Бумаги Черчилля. 20/38. Черчилль — Смутсу, 16 мая 1941; 20/36. Записка Черчилля Айзмэю, 3 июня 1941; CAB 80/28. COS(41)350. 3 июня 1941.

{1287} FO. 371. 29482. N2673/78/38, N2678/78/38. Мэллит — ФО и Криппс — ФО, 7 июня и 30 мая 1941.

{1288} Ibid. 954/24. Su/41/13. Сарджент о сообщениях разведки и германских замыслах, 1 июня 1941.

{1289} Ibid. 371. 30068. R4882/112/44; 29480. N1978/78/38. Криппс — ФО, 1 и 3 мая 1941 соответственно; UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/1557/LVII. Асса-рассон — МИД, 2 мая 1941; FO. 371. 29135. W5536/53/50. 8 мая 1941, еженедельные рапорты разведки.

{1290} Ibid. 29480. N2020/78/38. Криппс — ФО, 5 мая 1941.

{1291} Ibid. 30068. R4832/112/44. Криппс — ФО, 3 мая 1941; 29480. N1989/78/38. Галифакс — ФО, 4 мая 1941.

{1292} Ibid. 30125. R2366/1934/44, R5368/1934/44, R5369/1934/44. Натчболл-Хьюджсен, 18 и 20 мая 1941.

{1293} Ibid. 29481. N2380/78/38. Криппс — ФО, 22 мая 1941.

{1294} WO. 208/1761. ЛС(41)218. Намерения Германии, 23 мая 1941.

{1295} WO. 190/893. Рапорт МИ-14, 26 мая 1941.

{1296} FO. 371. 30068. R5558/112/44. Натчболл-Хьюджсен — ФО, 23 мая 1941.

{1297} DGFP. XII. P. 828-829, 836-837, 839-840, 849-850, 866-867, 910 — 915, 937 — 940, 985 — 987. Обмен телеграммами между Риббентропом и Папеном, 16 — 29 мая, 1, 6 июня 1941. См. также: Knatchbull-Huges-sen H. Diplomat in Peace and War. London, 1949. P. 168 — 169.

{1298} FO. 371. 30068. R6061/112/44. Натчболл-Хьюджсен — ФО, 9 июня 1941.

{1299} DGFP. XII. P. 1036 — 1040. Обмен корреспонденцией между Риббентропом и Папеном, 16 и 18 июня 1941; АВП РФ. Ф. 0134. Оп. 24а. П. 236. Д. 9. Л. 125 — 126. Меморандум Жегалова (первого секретаря советского посольства в Анкаре), 20 июня 1941.

{1300} DGFP. XII. P. 1080. Папен — Гитлеру, 22 июня 1941.

{1301} АВП РФ. Ф. 069. Оп. 25. П. 6. Д. 71. Л. 72 — 74. Майский — Молотову, 14 мая 1941.

{1302} Там же. Л. 79-82; FO. 371. 29501. N2471/122/38. Отчеты о встрече Идена с Майским, 27 мая 1941.

{1303} Ibid. 29481. N2466/78/38. Криппс — ФО, 27 мая 1941. См. такую же точку зрения: Krigsarkivet. Fqrsvarsstaben. Ser. E/II/15/1. Рапорт военного атташе № 57, 2 июня 1941.

{1304} FO. 954/24. Fol. 304 — 309. Частное письмо Криппса Идену, 27 мая 1941.

{1305} WO. 208/1761. ЛС(41)234 (первый вариант). 31 мая 1941 и комментарий МИ-14; 193/644. Записка военной разведки "Возможный эффект германо-советской войны", 11 июня 1941.

{1306} Бумаги Идена. Дневник. 5 июня 1941.

{1307} FO. 954/24. Su/41/12, Su/41/13. Записка Уорнера, Сарджента и Кэдогана о сообщениях разведки и намерениях Германии, 31 мая и 1 июня 1941; CAB 79/86. COS(41)197. Среди прочего:Военное министерство — Главнокомандующему на Среднем Востоке и в Индии, 31 мая 1941.

{1308} Gilbert M. Finest Hour: Winston S. Churchill, 1939 — 1941. Ch. 57; Howard M. The Mediterranean Strategy in the Second World War. London, 1968. Ch. 2.

{1309} Отчеты о встрече 2 июня 1941 см.: АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 352. Д. 2402. Л. 120-122; FO. 371. 29465. N2570/2/38.

{1310} CAB. 65/18. 56(41). 2 июня 1941. См. также: The Eden Memoirs. The Reckoning. P. 266.

{1311} FO. 800/279. Su/41/1. Протоколы 26, 29 и 30 апр. 1941.

{1312} Ibid. 371. 29466. N2674/3/38. Реакция прессы на отзыв Криппса, 9 июня 1941.

{1313} О московской встрече см.: АВП РФ. Ф. 07. Оп. 2. П. 9. Д. 20. Л. 35 — 36. Протокол встречи Вышинского с Криппсом, 4 июня 1941. См. также: Quai d'Orsay Archives. 835/Z. 312/2. P. 264 — 265. Неманов о встрече с генералом Суслопаровым, 5 июня 1941.

{1314} АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 352. Д. 2402. Л. 149-152; FO. 371. 29466. N2628/3/38. Отчеты о встрече Идена с Майским, 5 июня 1941. См. также: 29483. N2982/78/38. Бэггли — ФО, 20 июня 1941.

{1315} Бумаги Монктона. Box 5. P. 96.

{1316} Winant J.G. A Letter from Grosvenor Square: an Account of a Stewardship. London, 1947. P. 143 — 144.

{1317} Lash J.P. Roosevelt and Churchill, 1939 — 1941: The Partnership that Saved the West. New York, 1976; Бумаги Харпера. H22. F. 21. Харпер — Хен-дерсону, 22 июня 1941. См. также: Dawson R.H. The Decision to Aid Russia, 1941: Foreign Policy and Domestic Politics. Chapel Hill, NC, 1959. P. 60-61.

{1318} Maisky I. Memoirs of a Soviet Ambassador. P. 148 — 150, 165. Намек на связь между угрозами Криппса, эпизодом с Гессом и коммюнике см.: Волков Ф.Д. СССР — Англия 1929 — 1945 гг. М., 1964. С. 343 — 344; FO. 371. 29466. N2628/3/38. Иден — Криппсу о встрече с Майским, 5 июня 1941; N2674/3/38. Записка ФО, 9 июня 1941.

{1319} Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 43.

{1320} Maisky I. Memoirs of a Soviet Ambassador. P. 149. Этот эпизод, центральный для понимания событий накануне войны, был опущен в позднейшем русском варианте: Майский И.М. Воспоминания советского дипломата. М., 1987. Так же вводят в заблуждение и его попытки доказать, что он постоянно предупреждал Москву об опасности перед войной.

{1321} Ibid. P. 150 ff.

{1322} АВП РФ. Ф. 07. Оп. 2. П. 9. Д. 20. Л. 37-38. Протокол встречи Вышинского с Бэггли, 16 июня 1941; Известия. 1941. 14 июня.

{1323} Cripps' Visit Sets Berlin Wondering // News Chronicle. 1941. 9 June.

{1324} 8 и 9 июня 1941.

{1325} FO. 371. 29483. N2862/78/38. О позиции газеты см. также: The History of the Times. Volume V: Struggle in War and Peace: 1939 — 1966 / Ed. by I.McDonald. London, 1984. P. 84. Я узнал много ценного об этом и других аспектах британской политики в то время из многочисленных бесед с Иверакой Макдональдом.

{1326} FO. 371. 29483. N2992/78/38. Майский — Идену, 13 июня 1941.

{1327} АВП РФ. Ф. 017а. Дневник Майского. Л. 150 — 153. 12 июня 1941.

{1328} Там же. Ф. 069. Оп. 24. П. 68. Д. 7. Л. 88-94. Меморандум Наркомата иностранных дел, 2 июня 1941.

{1329} FO. 371. N2887/78/38. Записка Уорнера, 13 июня 1941.

{1330} Ibid. 418/87. Иден — Бэггли, 13 июня 1941.

{1331} Ibid. 371. 29483. N2887/78/38. Записки Кэдогана и Сарджента, 13 и 14 июня 1941; 29315. W7499/53/50. PIS. 18 июня 1941.

{1332} Cadogan Diaries. P. 382.

{1333} WO. 208/1761. JIC(41)234 (первый вариант) и комментарий МИ-14; окончательный вариант: FO. 371. 29483. N2906/78/38, комментарий Кэ-вендиша-Бентинка: N3047/78/38. 15 июня 1941. См. также: ЛС(41)218. 23 мая 1941 (FO. 371. 29483. N2893/78/38. 31 мая 1941). О неопределенном характере выводов МИ см.: WO. 190/893. 2 июня 1941.

{1334} FO. 371. 29482. N2832/78/38. Мэллит — ФО, 14 июня 1941.

{1335} Известия. 1941. 14 июня.

{1336} 50 лет Великой Отечественной войны. С. 26. "Старшина" — НКГБ, 16 июня 1941.

{1337} АВП РФ. Ф. 082. Оп. 24. П. 105. Д. 3. Л. 177-182. Протокол встречи Вышинского с Шуленбургом, 14 июня 1941. См. также: Herwarth H. Against Two Evils. P. 194-195.

{1338} FO. 371. 29483. N2891/78/38. Иден — Майскому, 14 июня 1941.

{1339} Воспроизводится в "Вестнике МИД СССР" (1990. № 8 (66). С. 76).

{1340} Вишлев О.В. Почему же медлил Сталин в 1941 г. (из германских архивов) // Новая и новейшая история. 1992. № 2. С. 82.

{1341} Там же. С. 94 — 95.

{1342} Документы см.: Там же. С. 96.

{1343} Там же. С. 82 — 83.

{1344} Секреты Гитлера. С. 148 — 150. Кобулов — Сталину, Молотову и Берии, 9 июня 1941.

{1345} ЦА СВР РФ. Д. 23078. Т. 1. Л. 430-431. "Старшина" — НКГБ, 11 июня 1941.

{1346} Там же. Л. 432 — 433. Кобулов — Сталину, Молотову и Берии, 12 июня 1941.

{1347} Меркулов — Сталину, 16 июня 1941. Воспроизводится в "Известиях ЦК КПСС" (1990. № 4. С. 221). См. также: Sudoplatov P. Special Tasks. P. 120-121.

{1348} Куманев Г. 22-го на рассвете // Правда. 1989. 22 июня.

{1349} Sudoplatov P. Special Tasks. P. 122.

{1350} Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 324.

{1351} Там же. С. 362 — 363.

{1352} Органы Государственной Безопасности СССР. Т. I (2). С. 212. Перехваченная телеграмма Татекавы японскому послу в Софии, 9 июня 1941.

{1353} ЦА ФСБ РФ. Ф. "Зое". Оп. 8. Д. 58. Л. 1945 — 1948. Меркулов — Сталину, Молотову и Берии, 18 июня 1941. См. также: Krigsarkivet. Fqrsvarsstaben. Ser. E/II/15/l. Рапорт военного атташе № 58, 19 июня 1941; UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/1557/LVII. Ассарассон — МИД, 20 июня 1941.

{1354} Секреты Гитлера. С. 168 — 169. Кобулов — Сталину, Молотову и Берии, 19 июня 1941.

{1355} ЦА ФСБ РФ. Ф. "Зое". Оп. 8. Д. 58. Л. 1978 — 1980. Кобулов — Сталину, Молотову и Берии, 20 июня 1941.

{1356} 19 июня 1941. Воспроизводится в "Известиях ЦК КПСС" (1990. № 4. С. 217) и подтверждается сообщением резидента НКВД в Риме от 19 июня 1941 (Органы Государственной Безопасности СССР. Т. I (2). С. 269).

{1357} ГРУ ГШ РФ. Оп. 24127. Д. 2. Л. 454. Зорге — Голикову, 15 июня 1941.

{1358} Там же. Л. 463. Зорге — ГРУ, 20 июня 1941.

{1359} Органы Государственной Безопасности СССР. Т. I (2). С. 254 — 264. Специальный рапорт НКГБ, 19 июня 1941.

{1360} Я весьма обязан д-ру Льву Безыменскому за письменное свидетельство генерала Н.Лященко, которому рассказал об этом Тимошенко.

{1361} ЦА СВР РФ. Д. 21616. Т. 3. Л. 68 — 73. Специальный рапорт заместителя наркома государственной безопасности Украины, 16 апр. 1941.

{1362} Там же. Л. 569 — 572. Специальный рапорт заместителя наркома внутренних дел Украины, 27 февр. 1941; Органы Государственной Безопасности СССР. Т. I (2). С. 82 — 85. Рапорт Павла Межника, наркома госбезопасности Украины, 9 апр. 1941.

{1363} ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 8. П. 373. Л. 367 — 369. Межник, нарком госбезопасности Украины — Меркулову, 20 апр. 1941.

{1364} ЦА СВР РФ. Д. 21616. Т. 2. Л. 366. 29 мая 1941.

{1365} Органы Государственной Безопасности СССР. Т. I (2). С. 240 — 247. Рапорт 3-го отдела НКГБ, 16 июня 1941.

{1366} См. с. 247.

{1367} Органы Государственной Безопасности СССР. Т. I (2). С. 142 — 150. Приказы Меркулова Украинскому и Прибалтийскому НКГБ, 16 и 17 мая 1941.

{1368} Там же. С. 152-153, 154-156, 162-163, 165-166. Директива 3-го отдела НКГБ и отчеты Меркулова ЦК, а также рапорты начальников местных НКГБ, 22 мая 1941.

{1369} Там же. С. 172 — 187. Меморандум заместителя начальника 3-го отдела НКГБ, 31 мая 1941.

{1370} Там же. С. 218 — 219. Рапорт Борщева, заместителя начальника 2-го отдела НКГБ, И июня 1941; С. 247-248. Меркулов — ЦК ВКП(б), 17 июня 1941; Sudoplatov P. Special Tasks. P. 122.

{1371} FO. 954/24. Su/41/15. 9 июня 1941; CAB. 65/22. 58(41)2. 9 июня 1941.

{1372} FO. 371. 29482. N2744/78/38. Мэллит — ФО, 11 июня 1941.

{1373} Ibid. C6668/19/18. Протоколы, 9 — 11 июня, 11 июня 1941.

{1374} FO. 954/24. Su/41/16. Иден — Бэггли (Москва) о встрече с Майским, 10 июня 1941.

{1375} АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 352. Д. 2402. Л. 203 — 206; FO. 371. 29482, N2793/78/38. Отчеты о встрече Идена и Майского.

{1376} Ibid. 29483. N3047/78/38. Записка Кэдогана и Кэвендиш-Бентинка о разведывательной информации, переданной Майскому, 15 июня 1941.

{1377} Ibid. 29466. N3047/78/38. Записка Кэдогана; Cadogan Diaries. P. 388; Maisky. Memoirs of a Soviet Ambassador. P. 149, 156 — 161. Использование версии Майского как главного источника сведений о предупреждениях, передававшихся русским, привело большинство историков к ложному и обвинительному толкованию коммюнике ТАСС, сюда следует отнести и работу, в других отношениях безупречную: Whaley B. Codeword Barbarossa. P. 107 — 108, 114.

{1378} АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 352. Д. 2402. Л. 214-215. Майский — Молотову, 16 июня 1941.

{1379} FO. 371. 29483. N2898/78/38. Бэггли — ФО, 16 июня 1941.

{1380} Ibid.

{1381} Ibid. 29466. N3099/3/38. В равной степени ошибочную интерпретацию англичан см.: Ibid. 29482. N2842/78/38; 29483. N2891/78/38. Телеграмма Бэггли и записка Кэдогана, 14 и 15 июня 1941.

{1382} Ibid. 29482. N2680/78/38. Мэллит — ФО, 8 июня 1941; CAB. 65/22. 59(41)2. 12 июня 1941; Boheman. Рд. Vakt. P. 154-155.

{1383} Бумаги Идена. Дневник. 16 июня 1941.

{1384} FO. 371. 30126. R6170/1934/44. Записка Сарджента и Кэдогана, 16 июня 1941.

{1385} Бумаги Черчилля. 20/40. Черчилль — Смутсу, 18 июня 1941.

{1386} АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 352. Д. 2402. Л. 246-247. Майский — Молотову, 20 июня 1941.

{1387} Там же. Л. 235-236; Ф. 017а. Дневник Майского. Л. 153-157. 18 июня 1941..

{1388} FO. 371. 29466. N3099/3/38. Заметки Криппса, 19 июня 1941.

{1389} Архив "Тайме". Доусон — Галифаксу, 22 июня 1941. 24 июня Гэллахер, член парламента от коммунистов, рассказал, что перемена во взглядах произошла 19 июня (Pari. Deb. HC. Vol. 372. Col. 986).

{1390} UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/1557/LVIII. Шведский посол в Берлине, 21 июня 1941.

{1391} Хрущев Н.С. Воспоминания. С. 59, 71 — 73.

{1392} UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/1557/LVIII. Записка Боэмана, 21 июня 1941.

{1393} Ibid. Accapaccон — МИД, 21 июня 1941.

{1394} Gafencu G. Misiune la Moscova. Tel. 45698. P. 225. Гафенку — МИД, 16 июня 1941.

{1395} UD:s Arkiv 1920 ARS. HP/1557/LVII. Ассарассон — МИД, 16 июня 1941.

{1396} Quai d'Orsay Archives. 834/Z/312/1. P. 145-149. Неманов — МИД о встрече с Богомоловым, 5 июня 1941.

{1397} Ibid. 835/Z/312/2. P. 261 — 264. Неманов о встрече с генералом Суслопаровым, 18 июня 1941.

{1398} АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 352. Д. 2402. Л. 254-257. Майский — Молотову, 21 июня 1941; FO. 371. 29484. N3047/78/38. Отчет Криппса.

{1399} Дневник Димитрова. 21 июня 1941.

{1400} АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 1. Д. 5. Л. 6 — 7. Отчет Молотова о встрече с Актаем, 19 июня 1941.

{1401} Там же. Ф. 082. Оп. 24. П. 106. Д. 7. Л. 94-97. Отчет Деканозова о встрече с Вайцзеккером, 18 июня 1941.

{1402} Там же. Ф. 06. Оп. 3. П. 1. Д. 5. Л. 8-11; DGFP. XII. P. 1070-1071. Протоколы встречи Молотова с Шуленбургом, 21 июня 1941.

{1403} DGFP. XII. P. 1061 — 1062. Вайцзеккер о встрече с Деканозовым, 21 июня 1941.

{1404} АГШ РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 71. Л. 69. Тимошенко и Жуков, 22 июня 1941. См. также: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 387.

{1405} АЛ РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 125. Л. 75 — 76. Резолюции Политбюро, написанные от руки Маленковым, о создании Южного фронта, 21 июня 1941.

{1406} Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 386 — 389; АП РФ. Записная книжка Сталина. См. также подтверждение: Захаров М.В. Генеральный штаб. С. Ив — 211.

{1407} Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 48 — 49.

{1408} DGFP. XII. P. 1063 — 1065. Риббентроп — Шуленбургу, 21 июня 1941.

{1409} Бережков В. Годы дипломатической службы. М., 1972. С. 60 — 64; Son-tag R.J., Beddie J.S. Nazi-Soviet Relations 1939 — 1941: Documents from the Archives of the German Foreign Office. Washington, 1975. P. 353 — 356; Hilger G., Meyer A.G. Incompatible Allies. P. 336, 339; DGFP. XII. P. 1071-1075. Шуленбург — МИД и меморандум МИД, 21 июня 1941.

{1410} АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 1. Д. 5. Л. 12-15. Протокол встречи Молотова с Шуленбургом, 22 июня 1941. См. также: Hilger G., Meyer A.G. Incompatible Allies. P. 334 — 336; Gafencu G. Misiune la Moscova. P. 228 — 233. Отчет Гафенку Антонеску, 1 авг. 1941.

{1411} Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 7 — 9. Новый, полный вариант мемуаров очень важен для понимания этого эпизода, так как старый был сильно сокращен цензурой.

{1412} Тимошенко, Жуков и Маленков — Военным советам фронтов, 22 июня 1941 // 50 лет Великой Отечественной войны. С. 30.

{1413} FO. 371. 29466. N3232/3/38.

{1414} Дневник Димитрова. 22 июня 1941.

{1415} FO. 371. 29466. N3018/3/38; Maisky I. Memoirs of a Soviet Ambassador. P. 156-157.

{1416} Ibid. P. 156-160.

{1417} Бумаги Черчилля. 20/40. Черчилль — Рузвельту, 20 июня 1941.

{1418} Там же. 20/36. Записка Черчилля Айзмэю для Генерального штаба, 21 июня 1941.

{1419} FO. 371. 29484. N3212/78/38.

{1420} АВП РФ. Ф. 017-а. Дневник Майского, с. 160 — 166. 23 июня 1941.

{1421} Daily Express. 1941. 23 June.

{1422} FO. 371. 29466. N3180/3/38, N3489/3/38. Протоколы, 23 и 28 июня 1941.

{1423} Бумаги Криппса. Дневник. 9 июля 1941. О навязчивых страхах Молотова см. советские протоколы их первых встреч с Криппсом 27 июня 1941: Советско-английские отношения. Т. I. С. 47 — 50.

{1424} Бумаги Дэвиса. Box 11. См. также: Бумаги Галифакса. A.7.8.9. Дневник. 11 дек. 1941. Громыко рассказывает, как позднее в Нью-Йорке Молотов и Литвинов яростно спорили на заднем сиденье автомобиля, который он вел, причем Молотов утверждал, что Англия и Франция подтолкнули Гитлера к нападению на Советский Союз в 1941 г. См.: Громыко А. Памятное. Т. 2. М., 1990. С. 423. В переговорах с англичанами в начале войны Сталин не требовал открытия второго фронта, а целеустремленно добивался соглашения, которое обязывало бы обе стороны не вести переговоров о сепаратном мире.

{1425} Бумаги Криппса. Дневник. 9 марта 1941. Самый убедительный аргумент в пользу этого см.: Roberts G. Military Disaster as a Function of Rational Political Calculation: Stalin and 22 June 1941 // Diplomacy and Statecraft. 1993. Vol. 4. № 2. См. также: Suny R. Making Sense of Stalin — Some Recent and Not-So-Recent Biographies // Russian History — Histoire Russe. 1989. Vol. 16. № 2-4.

{1426} Kissinger H. Diplomacy. London, 1995. P. 103 — 104, 335. Нельзя не согласиться с метким суждением Киссинджера: "Сталин в самом деле был монстром; но в международных отношениях он был величайшим реалистом, трезвым и безжалостным Ришелье своего времени" (с. 333). И еще: "Общие геополитические интересы — это мощные узы, и они неумолимо влекли старых врагов, Гитлера и Сталина, друг к другу" (с. 332). Сходный вывод просматривается в классическом труде: Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. London, 1988.

{1427} См. с 345-346.

{1428} Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 31.

{*1} Спор историков (нем.).

{*2} Между прочим (лат.).

{*3} Способ существования (лат.).

{*4} По отношению (фр.).

{*5} Политика реальности (нем.).

{*6} Пер. А.Оношкович-Яцына.

{*7} Свершившемся факте (фр.).

{*8} Положение, сложившееся до войны (лат.).

{*9} Сама по себе (лат.).

{*10} Натиск на восток (нем.).

{*11} Навязчивая идея (фр.).

{*12} Германия, Германия превыше всего (нем.).

{*13} Жизненное пространство{нем.).

{*14} Желание — отец мысли (нем.).

{*15} Подавлен (англ.).

{*16} Полностью (лат.).

{*17} Министерство иностранных дел (нем.).

{*18} На Даунинг-стрит, 10.

{*19} Премьер-министр.

{*20} Вдвоем (фр.).

{*21} Старая любовь не ржавеет (фр.).

{*22} В крайних обстоятельствах (лат.).

{*23} Самим фактом своего существования (лат.).

{*24} Как морскую болезнь (лат.).